

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы тринадцатой региональной
музейной конференции*

Челябинск
2022

УДК 069.7:94(470.55)
ББК 79.1+26.89(235.55)
Г70

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Челябинской области

Редакционная коллегия:

*В. И. Богдановский (председатель), Д. Г. Графов, В. Г. Демаков,
И. Н. Козырева, А. Н. Лымарев, Н. П. Палецких, Е. М. Шумская*

Г70 **Гороховские чтения** : материалы тринадцатой регион. музейн. конф. / ред.-сост.
И. Н. Козырева. — Челябинск, 2022. — 472 с.

ISBN 978-5-905081-31-6

Сборник посвящен 100-летию Государственного исторического музея Южного Урала и отражает современное состояние научных знаний о музейном деле и краеведении региона. Издание освещает такие проблемы, как функции и роль музея в обществе, опыт применения современных технологий в музейной практике; представлены материалы, знакомящие с изучением фондовых коллекций, результатами краеведческих исследований, биографиями уральцев.

Адресован широкому кругу читателей: ученым, работникам музеев, краеведам, преподавателям и учащимся, а также всем интересующимся историей Южного Урала.

УДК 069.7:94(470.55)
ББК 79.1+26.89(235.55)

ISBN 978-5-905081-31-6

© Алексеев Н. А., Андреева И. В. и др.,
статьи, 2022
© ОГБУК «Государственный исторический
музей Южного Урала», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Музеи как феномен культуры: функции и роль в обществе	7
<i>С. В. Еремин.</i> Отражение деятельности комсомольско-молодежных бригад и студенческих строительных отрядов в Нижневартовске в экспозиции музея истории Нижневартовского государственного университета	8
<i>К. М. Креписов.</i> Анализ нормативной стороны традиционности в культуре	16
<i>Ю. В. Латышев.</i> Историческая среда музеев Челябинской области	19
<i>П. Г. Лопатин.</i> Военно-патриотическая выставка «Чтобы помнили»	27
<i>Д. В. Раковский.</i> Музейная репрезентация прошлого в настоящее	34
<i>М. Е. Чаплыгин.</i> Прикосновение к вечности, или Репрезентация идеи «каким музеем быть» на страницах специальных изданий начала XX века с позиции Н. А. Бердяева	37
<i>С. И. Чертоугонова.</i> 55 лет Музею истории медицины г. Челябинска	40
Секция 2. Навстречу 100-летию музея: история Государственного исторического музея Южного Урала (события, люди, коллекции)	45
<i>М. Н. Аникина.</i> Ранний период творчества уральского художника И. Л. Вандышева в контексте истории: рисунки из окопов Первой мировой войны	46
<i>В. С. Боже.</i> Челябинская ссылка. Еще раз об уральской ссылке С. Н. Дурылина	56
<i>З. А. Валиахметова.</i> Учет памятников археологии в 30-е годы XX века на примере деятельности Челябинского областного краеведческого музея	64
<i>Д. Е. Васильев.</i> «Высокая степень образованности». Аспекты биографий сотрудников Челябинского областного краеведческого музея	72
<i>А. А. Веретельников, А. Д. Шапиро, А. Ю. Щедрина.</i> Кольчуга из собрания Государственного исторического музея Южного Урала: реставрация и естественно-научные исследования	79
<i>А. А. Веретельников, А. Д. Шапиро.</i> Кольчуга из фондов Государственного исторического музея Южного Урала: атрибуция и датировка	95
<i>Н. Б. Виноградов.</i> Государственный исторический музей Южного Урала в отдельно взятой научной биографии	105
<i>С. В. Докучаева.</i> Недостающие звенья в изучении коллекций из раскопок Н. К. Минко	109
<i>А. В. Еремина.</i> Татаро-башкирская этнографическая секция при Челябинском музее местного края	114
<i>И. С. Ивлиева.</i> Украшенное подарочное оружие первых лет советской власти в фондах Государственного исторического музея Южного Урала: шашка и кортик Ивана Васильевича Бухвалова	122
<i>Э. И. Назирова.</i> Фондовая работа и поступления Челябинского областного краеведческого музея в первое послевоенное десятилетие (1945–1955)	126
<i>Е. В. Петрова.</i> Музей и коллекционеры. Коллекция академических знаков Ю. С. Ташенко из фондов Государственного исторического музея Южного Урала	130
<i>Е. М. Шумская.</i> Паломнические предметы в фондах Государственного исторического музея Южного Урала	138

Секция 3. «В ногу со временем»: современные технологии и опыт их применения в музейной практике	145
<i>И. В. Андреева.</i> Инсталляция воспоминаний, или Поэтика текста в экспозиции	146
<i>В. А. Жилина.</i> Основные риски цифровизации музейного дела	151
<i>А. Н. Машарова.</i> Опыт проведения интерактивного выставочного проекта (на примере выставок «Космическая одиссея» и «20 тысяч лье под водой»)	155
<i>Е. Г. Прилукова.</i> Тайны власти языка музея	160
<i>И. В. Сибиряков.</i> Роль Государственного исторического музея Южного Урала в формировании виртуального образа региона в современном интернет-пространстве	163
<i>Е. В. Шуляк.</i> Музейная педагогика — важнейшее направление деятельности современного музея	168
Секция 4. Краеведение Южного Урала: традиции и новации	171
<i>М. А. Базанов.</i> Челябинский областной Дом ученых: несколько штрихов к быту научного сообщества времени Великой Отечественной войны	172
<i>Е. П. Белова, А. В. Маштак.</i> Проблемы здравоохранения городов Южного Урала в первые годы советской власти	178
<i>А. В. Буданов.</i> Оборонное производство Челябинского совнархоза накануне Карибского кризиса: объемы и номенклатура	181
<i>Н. С. Гуськова.</i> Копейские горноспасатели на службе Отечеству: к 100-летию военизированной горноспасательной части	189
<i>Ю. В. Гушул.</i> Воссоздание региональной истории: единение усилий учреждений документно-коммуникационной сферы	196
<i>О. М. Давыдов.</i> Жалобы на «газетчиков-вредителей» на страницах «Челябинского рабочего» летом 1937 года	201
<i>Г. А. Каплан, М. А. Червонык.</i> Юбилей Челябинского добровольного пожарного общества	205
<i>А. И. Конюченко.</i> Причины переселения крестьян, оказавшихся по своей и Божьей воле в Челябинской крепости	216
<i>С. А. Кусков.</i> Пандемия азиатского гриппа в Челябинске	229
<i>А. Г. Любимов.</i> «Обрывки прошлой жизни»: особенности архивных фондов 1920-х годов	234
<i>В. П. Мотревич.</i> Сельское хозяйство Курганской области в 1944–1945 годах в материалах постановлений Правительства СССР	237
<i>И. А. Новиков.</i> Кафедра отечественной истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета: вклад в изучение Южного Урала и Челябинской области	242
<i>В. Д. Павленко, Г. К. Павленко.</i> От Сталинграда до Балтики: боевой путь 59-й гвардейской танковой бригады	260
<i>Н. П. Палецких.</i> Фармацевтическая служба на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны	268
<i>А. С. Панин.</i> Город «людей без нимба»: образ Челябинска в поэзии второй половины XX века	276
<i>А. А. Пасс.</i> Исполнение уголовного наказания в отношении лиц, совершивших экономические преступления в 1941–1945 годах	279
<i>Ю. В. Поздеева.</i> «Будет одним из лучших зданий в Челябинске...»: о нереализованном архитектурном проекте публичной библиотеки	284
<i>С. И. Пудовкин.</i> Рабочий класс и промышленность Урала 1920–1930-х годов в произведениях Александра Письменного	290
<i>М. В. Растопчин, А. В. Рычков.</i> Гражданская оборона России: 90 лет на страже безопасности	296
<i>Т. И. Редько.</i> Развитие территорий Южного Урала на рубеже XIX–XX веков. Уроки прошлого	304

<i>И. В. Рудометова.</i> Производственная активность трудящихся предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области в период Второй мировой войны (1939–1945)	307
<i>А. И. Сысов.</i> Основные направления деятельности районных органов управления горнозаводской зоны Южного Урала в середине 1920-х — середине 1930-х годов	312
<i>Р. К. Хайрятдинов.</i> Поиски метеоритов	318
<i>И. Е. Шафеева.</i> «От сарая до современных пожарных депо»: челябинские огнеборцы отмечают юбилей службы	320
Секция 5. «Это наша с тобой биография»:	
от истории предмета к истории человека и страны	325
<i>Н. А. Алексеев.</i> «Почтенный, искусный, человеколюбивый...» (врачи в воспоминаниях современников)	326
<i>А. В. Ганин.</i> Воспоминания и стихи А. О. Приданникова как источник по истории Гражданской войны	332
<i>А. В. Ганин.</i> «Я, брат атамана Дутова, был против борьбы с советской властью...»: неизвестное письмо брата легендарного белого атамана (1922)	339
<i>П. Е. Гончаренко, Н. Н. Ивлев.</i> Материалы из истории семей Танковых и Саловых. Вклад прадедов в победу в Великой Отечественной войне	342
<i>В. Г. Демаков, М. В. Растопчин.</i> Петр Александрович Свистунов — начальник Челябинской вольно-пожарной дружины: взгляд сквозь время...	348
<i>В. Г. Демаков.</i> Федор Катаев — мастер светописи из Челябинска	356
<i>Н. Н. Ивлев, А. А. Коркина.</i> История жизни Дмитрия Матвеевича Морозова и его вклад в Победу на нацистской Германией	365
<i>Н. Н. Ивлев, А. В. Рядова.</i> История семей Рядовых и Петровых в первой половине XX века	372
<i>Н. Н. Ивлев, Е. В. Прасолова.</i> Трудовой путь Михаила Алексеича Дубровина	378
<i>Б. И. Израилев.</i> Подарок друга, или История двух конвертов	385
<i>Г. Г. Канинский.</i> «Красночех» Ваничек	389
<i>А. О. Коптелов.</i> Деятельность А. И. Герцена в качестве редактора «Владимирских губернских ведомостей»	395
<i>Л. Н. Молчанов.</i> Две жизни архитектора Васильева	399
<i>К. А. Моргунов.</i> Карл Андреевич Фишер: штрихи к биографии фотографа	407
<i>Л. А. Новожилова.</i> «Бежавший из неприятельского плена»: казачьи судьбы	418
<i>Л. А. Новожилова.</i> Обзор документов из «Посемейного списка Челябинского мещанского старосты» (1904–1918)	424
<i>Ю. П. Окунцов.</i> История в музейном экспонате. Именной пояс Федора Ростягаева	430
<i>Ю. А. Прокопенко.</i> Иван Петрович Малютин: «жизнь, не похожая на другие». К 150-летию со дня рождения писателя	433
<i>М. В. Растопчин.</i> Спортсмены-огнеборцы России: 85 лет в стремлении к победе!	441
<i>М. В. Смирнова.</i> Забытые имена: Иван Георгиевич Егурнов	449
<i>И. В. Стоякин, В. Б. Феркель.</i> Возвращенные имена: Владимир Александрович Кондратьев — управляющий строительным ордена Ленина трестом № 42 Минтяжстроя СССР	453
<i>А. Н. Терехов.</i> Иван Матвеевич Катаев: жизненный и творческий путь в истории исторической науки	458
<i>А. Н. Титова.</i> Виктор Иванович Слезкин — фотохудожник и краевед, или Старые фотографии рассказали	461
Сведения об авторах	464
Список сокращений	468

Секция 1

Музеи как феномен культуры: функции и роль в обществе

С. В. Еремин

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ БРИГАД И СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ В НИЖНЕВАРТОВСКЕ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

50-летию г. Нижневартовска посвящается

Но то, что сегодня мы с вами построили, будет
веками стоять...

Слова из гимна студенческих отрядов

Освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-е гг. — явление уникальное, аналогов ему нет ни в отечественной, ни в мировой практике. За относительно короткий период была не только создана топливно-добывающая база СССР, обеспечивающая сегодня $\frac{2}{3}$ всей добычи нефти в стране и свыше 90 % газа, но и социально освоена огромная территория тайги, болот и водоемов. Важную роль в этих процессах играла советская молодежь.

В СССР молодые люди, объединенные во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи, активно привлекались для развития народного хозяйства с самых первых лет существования советского государства. Союз брал шефство над строительством важных народнохозяйственных объектов, первыми из которых были Волховская ГЭС, Сельмашстрой (Ростов-на-Дону), Уралмашстрой (Свердловск). Комсомольская стройка — это было не просто название, это был символ ответственного подхода к своевременному и качественному завершению строительных работ при наименьших затратах. Но уж если это был сверхважный строительный объект, то он получал звание всесоюзной ударной комсомольской стройки. Нельзя забывать, что большинство таких объектов находилось не просто в отдаленных регионах страны, а в труднодоступных и малообжитых районах.

Для того чтобы стройка стала комсомольской, принималось решение Бюро ЦК ВЛКСМ, оно согласовывалось с Госпланом СССР и ВЦСПС. На всесоюзную комсомольскую стройку ехали комсомольцы по призывам, проводимым ЦК ВЛКСМ. В 1965 г. было принято постановление ЦК ВЛКСМ, в котором освоение нефтяных и газовых месторождений Тюменской области объявлялось всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В материалах к отчетному докладу окружного комитета ВЛКСМ, подготовленных в 1979 г., отмечается, что «комсомольские штабы созданы на каждом крупном этапе стройки: на строительстве железных дорог Тавда — Сотник, Тюмень — Тобольск — Сургут, в Мегионе, Нижневартовске, Нефтеюганске, Урае, на трассах трубопроводов Усть-Балык — Омск, Игрим — Серов».

В Нижневартовске в 1975 г. статус комсомольской стройки получили шесть объектов: обустройство Самотлорского месторождения; строительство нефтепровода Нижневартовск — Альметьевск; строительство Нижневартовска; строительство газоперерабатывающих заводов; строительство железной дороги и автомобильных дорог; строительство Нижневартовской электрической станции¹.

Деятельности комсомольско-молодежных бригад и студенческих строительных отрядов, участвующих в освоении Самотлорского месторождения и строительстве

Нижевартовска, посвящена экспозиция, открывшаяся к юбилею города в музее истории Нижевартовского государственного университета (НВГУ).

Несколько слов о самом музее. Он был открыт в главном корпусе Нижевартовского государственного университета 14 ноября 2014 г. Авторами музейного проекта являлись доцент кафедры архитектуры, дизайна и декоративного искусства Р. Н. Шайхулов и доцент кафедры истории России и документоведения С. В. Еремин. Экспонаты музея отражают этапы развития вуза, достижения наших преподавателей, сотрудников, студентов и выпускников НВГУ, результаты работы по гражданско-патриотическому воспитанию студентов. Музей стал местом, где студенты могут проявить себя как активные участники исторического процесса, видят результаты работы своих предшественников, знакомятся с историей своего учебного заведения, судьбами преподавателей и выпускников разных лет².

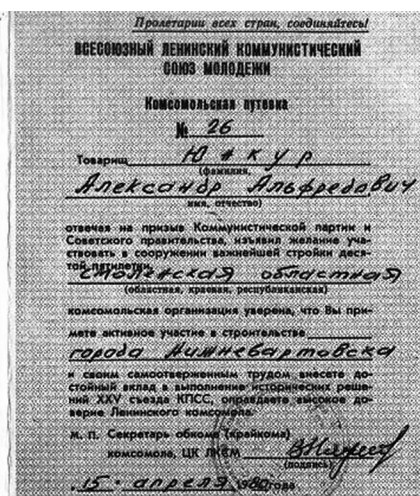
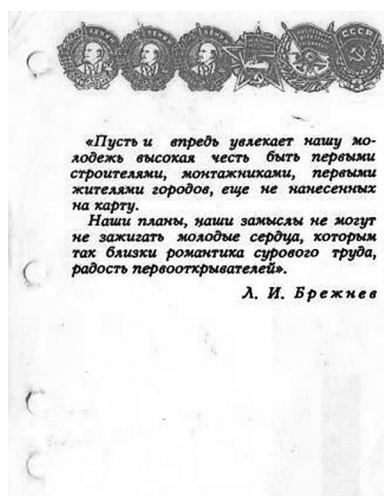
В экспозиции представлены экспонаты, отражающие деятельность комсомольско-молодежных бригад: письмо начальника штаба всесоюзной ударной комсомольской стройки по освоению Самотлорского месторождения К. Замалитдинова директору завода «Свердловмашприбор», комсомольская путевка А. А. Юнкуру на строительство Нижевартовска, комсомольский билет участника освоения Самотлорского месторождения Ф. А. Гареева. Они свидетельствуют о документообороте того времени. Вымпелы и значки, посвященные всесоюзным ударным комсомольским стройкам, шеврон на форму члена Всесоюзного ударного комсомольского отряда им. Олега Кошевого дают представление об атрибутике и символике членов комсомольско-молодежных бригад.

Музей истории НВГУ

Шеврон на «целинку» бойца комсомольского ударного строительного отряда им. Олега Кошевого

КОМСОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА

№

Талон № 1

Для учета в отделе кадров стройки

КОМСОЛЬСКАЯ ПУТЕВКА №

Талон № 2

Для направления в комсомольскую организацию, выдавшую путевку

Комсомольска путевка А. А Юнкуру на комсомольскую стройку в Нижевартовск. 15 апреля 1980 г. (копия)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

ШТАБ
**ВСЕСОЮЗНОЙ УДАРНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ СТРОЙКИ
ПО ОСВОЕНИЮ
САМОТЛОРСКОГО
МЕСТОРОЖДЕНИЯ НЕФТИ**

п. НИЖНЕВАРТОВСКИЙ

ТЕЛ. № 0-75

< 8 >

Февраля 197 г.

*Ваша продукция
на заводе (не из-за
с 66 года, контакты
сказать можное завод
не имеет в распоряжении
Пч. и т.д.)*

Директору завода "Свердловмашприбор"

Копия: Первому секретарю обкома ВЛКСМ.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Завод "Свердловмашприбор" вашей области выпускает очень важную и нужную продукцию - электрические плиты, необходимые для нужд сферы общественного питания, особенно для районов Севера.

Нижневартовск - один из таких районов севера Тюменской области, ощущающий недостаток в этой продукции. Большинство электрических плит, установленных в детских садах, вышли из строя и дети нефтяников, строителей, геологов ударной стройки лишены своевременного горячего питания. Для обеспечения детских садов просим помочь представителю Всесоюзной стройки в приобретении 10-12 шестикомфорочных плит - тип изделия ЭП-2М, мощностью 27,5 квт.

Просим выделить дополнительно 30-40 комфорок для замены вышедших из строя.

С комсомольским приветом,
Начальник штаба ударной стройки

К. Замалетдинов К. ЗАМАЛЕТДИНОВ.

Начальник НГДУ имени
В.И. Ленина

Р. Кузоваткин Р. КУЗОВАТКИН.

Комсомольский билет Ф. А. Гореева

Значки «Всесоюзная ударная»

Вымпел «Дни «Комсомольской правды» на ударных стройках Западной Сибири»

В музейной экспозиции представлено 11 значков из серии «Всесоюзная ударная комсомольская стройка», наградные и памятные значки ВЛКСМ и вымпел «Дни “Комсомольской правды” на ударных стройках».

В 2022 г. исполнилось 50 лет со дня присвоения Нижневартовску статуса города. Его история — это биография нескольких поколений тружеников, которые возводили город на болотах и осваивали Самотлорское нефтяное месторождение. Редко кто вспоминает, что Нижневартовск — это город с давними студотрядовскими традициями.

Через движение студенческих строительных отрядов (ССО) в Советском Союзе прошло не одно поколение советских граждан. Студенческое движение стало одной из

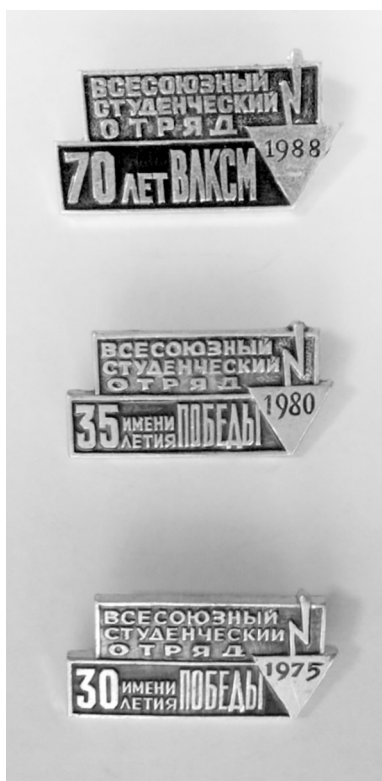
Куртка-целинка студотрядовца. 2000-е гг.

визитных карточек молодежного движения в СССР. За период своего существования и развития студенческие отряды внесли неоценимый вклад в достижения экономики СССР, особенно тогда, когда речь шла о реализации масштабных строительных проектов, которые чаще всего были связаны с развитием удаленных, труднодоступных территорий страны, где всегда требовались дополнительные трудовые резервы. В 1970–1980-е гг. широкое распространение получило участие в строительстве объектов всесоюзного значения студенческих строительных отрядов, которые формировались на базе вузов и ссузов во всех республиках Советского Союза.

Силами студотрядовцев в Нижневартовске были построены корпуса больничного комплекса, несколько школ, жилых домов, разбит городской парк Победы. Ежегодно в Нижневартовск из разных союзных республик прибывали ССО численностью до 3000 человек. Особенно активны были студотрядовцы

из Украинской ССР — как связанные с профессиональным обучением по строительным специальностям (отряды «Корчагинец» Полтавского инженерно-строительного института, «Ровесник» Киевского автомобильного института, «Ласточка» Винницкого политехнического института), так и не связанные. Например, на протяжении 1960–1970-х гг. в Нижневартовск приезжали студенческие отряды «Звездный» (Киевский медицинский институт), «Интер» (факультет международных отношений и международного права Киевского государственного университета), «Идеолог» (Киевский государственный институт культуры), «Славутич» (Киевский педагогический институт)³.

В экспозиции представлена форма студотрядовца. Отметим, что к традиционной форме («целинке», «бойцовке») в ССО было и остается сейчас особое отношение: ее ношение накладывало на бойца обязательство выполнять свой долг достойно. Кроме того, форма выполняла функцию идентификации, способствовала большему единению коллектива. На форму традиционно прикрепляли элементы отличительной атрибутики: нагрудные значки и нашивки, свидетельствующие о принадлежности к определенному студенческому отряду. По количеству данной атрибутики можно было отличить опытного бойца от студента, отправляющегося на свою первую «целину».

Значки «Всесоюзный студенческий отряд»

С 1962 г. для стройотрядов стали централизованно выпускать значки — сначала «Студенческая целинная стройка» (1962–1973), потом «Студенческие строительные отряды» (1968–1972) и, наконец, «Всесоюзный студенческий отряд» (1973–1992)⁴. Три значка «Всесоюзный студенческий отряд» представлены в экспозиции музея.

Из отзыва о деятельности студенческого строительного отряда «Ласточка» (г. Винница, УССР) мы узнаем о жизни коллектива на «целине». Отряд стремился не только эффективно работать, «добиваясь отличного качества работ, экономии строительных материалов», но и вести активную культурно-массовую работу. Его бойцы читали лекции городскому населению, устраивали концерты, оказывали консультационные услуги нижевартовским абитуриентам, помогали озеленять поселок. Кроме того, при отряде был организован пионерский лагерь «Спутник», в котором летом 1970 г. отдохнули 38 пионеров.

Агитационно-пропагандистской работе в отрядах неизменно придавалось большое значение. Это направление работы осуществлялось, как правило, совместно с местными райкомами комсомола. У каждого отряда был план политико-воспитательной работы, который принимался курирующей строительной организацией совместно с комитетом ВЛКСМ в период договорной кампании. По завершении трудового семестра каждый ССО получал отзыв о своей работе от местных районных комитетов КПСС и ВЛКСМ.

У жителей Нижневартовска, прошедших трудовую школу ССО, этот опыт неизменно вызывает положительные эмоции. Один из нижевартовцев, В. Е. Селезнев, отметил: «Время 1970–1980-х гг. запомнилось тем, что мы находились в гуще событий, каждый день не был похож на другой. Все охвачены общей идеей — участвуем в строительстве дела нового»⁵. Другой участник комсомольской стройки, А. Пашенко, замечает: «Сравнивая то время и нынешнее, вижу, что жили мы тогда сплоченной. Если у кого какие проблемы — решали их сообща. Успевали и трудиться достойно, и на танцы ходить, и свадьбы играть»⁶. Многие участники ССО помнят и песни, которые когда-то пели в свободное от работы время. В одной из них, написанной бойцами ССО «Ласточка-70», есть такие строки: «А Нижневартовск — это не преграда, здесь пол-Сибири ты исколесил, и в дело, совершенное отрядом, немалую ты часть вложил».

Российские студенческие отряды (РСО) в 2000-е гг. приняли эстафету ССО. Неслучайно часть музейной экспозиции посвящена деятельности нынешних студентов — членов студенческих отрядов, созданных на базе НВГУ. Ряд экспонатов связаны с деятельностью студенческого поискового отряда «Следопыт», принимавшего участие в археологических экспедициях на территории Ханты-Мансийского, Сургутского, Нефтеюганского и Нижневартовского районов ХМАО — Югры, педагогического отряда «Феникс», члены которого не один год работали вожатыми в детском оздоровительном лагере им. Ю. А. Гагарина в Тюменской области, студенческого отряда проводников «Снегирь», члены которого несколько лет подряд участвовали в перевозке пассажиров в Анапу, Сухуми, Адлер, Чебоксары и Санкт-Петербург⁷.

Участие в движении комсомольско-молодежных бригад и в студотрядовском движении открывает перед молодыми людьми широкие возможности по освоению на практике профессиональных навыков и умений, дополнительных специальностей, формированию таких личностных качеств, как ответственность за результат своей деятельности и уважение к созидательному труду.

О Т З Ы В

о агитационно-пропагандистской работе, проводимой
Винницким ССО "ЛАСТОЧКА-70" в п. Нижневартовском.

Студенческий строительный отряд "ЛАСТОЧКА-70" в количестве 196 студентов медицинского, политехнического, педагогического, торгово-экономического институтов города Винницы работал в Нижневартовске с 1 июля по 24 августа 1970 года.

Производственную деятельность отряд совмещал с агитационно-пропагандистской работой, которая проводилась совместно с райкомом комсомола.

Чувствуется, что в подготовительный период была проведена большая работа: сформирована лекторская группа, концертная бригада, подобраны пионервожатые, подготовлена методическая литература для работы с пионерами, пионерская атрибутика, спортивный инвентарь, собрана библиотека. Большинство лекций было проведено членами лекторской группы, которой руководил Остафийчук О. Особым успехом пользовались вечера, проводимые концертной бригадой совместно с молодёжью поселка.

В пионерском лагере "Спутник", созданном при отряде, за две смены отдохнуло 38 пионеров. Во вторую смену отдыхали дети коренной национальности. В пионерском лагере проводилась разнообразная содержательная работа. Запомнились детям литературные вечера, экскурсии по Оби, концерты художественной самодеятельности. Всю работу в пионерском лагере вели студенты пединститута.

Ребята оказали большую помощь СУ-13 в оформлении наглядной агитации. В конце трудового семестра бойцы отряда передали местному населению библиотеку из 300 книг и набор пионерской атрибутики.

Мы считаем, что политсектор ССО "ЛАСТОЧКА-70" успешно справился со своими обязанностями.

Секретарь РК КПСС

Великий

-ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ С.Д.

Секретарь РК ВЛКСМ

Тимофеев

ТИМОФЕЕВ В.К.

Примечания

¹ Черепанова И. Каждый наш день был ярким // Местное время. Нижневартовск, 2015. № 34.

² Музей истории НВГУ // Нижневартовский государственный университет : сайт. URL: <http://nvsu.ru/ru/museumnvsu/> (дата обращения: 30.06.2022).

³ См., например: Щенников С. Выступает интернационал // Ленинское знамя. Нижневартовск, 1978 ; Ровесник-78 // Там же ; Билоченко П. Утверждаем себя трудом // Там же. 1977 и др.

⁴ Российские студенческие отряды // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Российские_студенческие_отряды (дата обращения: 01.07.2022).

⁵ Черепанова И. Указ. соч. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Студенческие отряды НВГУ. URL: https://vk.com/patriot_nvsu (дата обращения: 01.07.2022).

АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ СТОРОНЫ ТРАДИЦИОННОСТИ В КУЛЬТУРЕ

Современные социальные взаимосвязи убедительно свидетельствуют о затянувшемся кризисе развития культуры человечества в целом. Международное культурное поле весьма противоречиво: с одной стороны, оно весьма неоднородно в аспекте паритета множества этнических культур, а с другой, в нем явно типичное вытесняет уникальное. Такое состояние культуры неизбежно сказывается на состоянии общественных отношений: лишенный привычного устойчивого фундамента в виде родной культуры, социальный субъект начинает терять целостность. Как следствие, в обществе нарастает деструкция. Все эти тенденции детерминируют множество векторов развития культуры в обратной связи.

В частности, на первый взгляд парадоксально, в условиях цифровизации в социуме нарастает интерес к такому, казалось бы, анахроничному явлению, как музейное сохранение традиции культуры. Об этом свидетельствует статистика обращения к музеям как в их традиционной, так и в инновационной форме. Безусловно, данная тенденция отражает стремление обрести устойчивость в собственном жизненном мире, который является преломлением общего состояния культуры¹. Но в этом процессе есть совершенно новый аспект самой культурной традиции — акцентирование на нормативном элементе. Между тем само понимание нормы, к сожалению, стереотипно и привычно затрагивает области права, морали и т. д. В измененных социальных условиях такие стереотипы чреваты множеством рисков деструктивного развития социального, так как рождают иллюзию возможности управления культурой или коррекции каких-либо социальных процессов исключительно волюнтивным внедрением неких «удобных» норм. В результате страдает сознательный фактор социальной детерминации, в плане того что даже правовая и моральная регуляция посредством нормы становится неэффективной. Вместе с тем рассмотрение музейной деятельности в качестве самостоятельного социального феномена убеждает в том, что норма как форма социальной закономерности гораздо шире привычно ассоциированных ореолов ее раскрытия, да и всю культуру можно рассматривать в аспекте становления нормативного компонента социального.

Сложность выделения нормативного компонента традиции обнаруживается уже в том факте, что определить норму в чистом виде фактически невозможно. Наиболее агрессивна семантика морали: норма в культурной традиции так или иначе связывается с некими нравами. Однако уже здесь становится очевидным и иной факт: норма в социальных отношениях не просто закрепляется традицией, она претендует на статус абсолютности. Прежде всего абсолютность нормативности наглядна именно через пропагандируемый источник, из которого она якобы и вытекает. Этот источник никоим образом не может быть подвержен каким-либо изменениям. Безусловно, от качества содержания данного источника будет зависеть и характер абсолютности нормы. Например, если норма «впаяна» в право, то ее абсолютность незыблема как сакрально правовое основание государства. Если она растворена в морали, то ее статус определен абсолютностью Добра. Еще более строго позиционируется норма в религии вследствие Абсолюта. Помимо источника абсолютность нормы вытекает из ее автономности: норма тогда будет действительна, если в своем существовании она зависит

исключительно от самой себя. Оба эти фактора уже позволяют заключить, что сохранение традиций культуры в музеях — это так или иначе опредмеченная в артефактах нормативность определенной эпохи.

Но подлинная природа нормативной стороны любой традиции онтологична и вытекает из особенностей самого социального бытия. Возникая в раскрытии противоречия должного и сущего, данный тип бытия базируется на идее Блага. Отсюда сама культура, ее возникновение не могут быть сведены к какому-либо функционалу: кормить, защищать и т. д. Культура фиксирует собой то, что нужно человеку. Это объясняет ее активно-деятельный характер и, согласно Н. А. Бердяеву, делает этику (прежде всего именно в ее нормативном элементе) ядром самой философии². Именно норма рождает истинный характер рационального закрепления традиции: традиция фиксируется не через описание, а через делание того процесса, который лежит в ее основании. Именно поэтому культуре недостаточно, например, просто искусства для сохранения преемственности и устойчивости социального опыта. В ее недрах рождается музей как ядро сохранения традиции.

Норма является априорным компонентом Блага, вокруг которого так или иначе выстраивается целостность социального бытия. Само благо в социальной онтологии можно рассматривать в разных статусах одного атрибутивного качества человека — его свободы. Свобода безосновна. Следовательно, норма безосновна. Косвенно философия жизни это доказывает, раскрывая деструктивный характер разделения Добра и Зла, что способно привести даже к смерти Бога³. Бог не требует такого разделения, так как он не имеет оснований. Но в этом случае становится понятной постоянная соотношенность нормы с каким-либо содержанием. Норма, будучи безосновной, всегда диалогична в силу диалогичности экзистенции человека: человек всегда соотношен с кем-либо или с чем-либо — с миром, природой, себе подобным, собственной культурой, Богом и т. д. Недаром Бердяев восстает против пребывания человека в культуре. Человек не может быть статичной единицей, он всегда входит в культуру. И в этом вхождении обнаруживает себя норма. Первый ее онтологический срез обнаружит специфика каждого исторического момента. Вхождение в поле культуры детерминировано той спецификой, которую эпоха формирует внутри себя. А специфика данной эпохи фиксируется универсальным инструментарием культуры — языком.

Следовательно, нормативность изначально вплетается в «живое» поле языка. Понимание этого принципиально меняет отношение к традиции. Например, рассмотрение системы табу в ранних формах социального общежития — это не отражение формируемых в качестве внешних рычагов воздействия на поведение человека неких запретов. Это объективация изначального атрибутивного свойства нормативности в конструктах языка. Сказка о Иване-царевиче и сером волке не просто освещает родственную связь. Волк, съев коня, начинает служить Ивану «верой и правдой». Язык передает сразу два уровня нормативности: сущее (вера) и должное (правда). И в обоих случаях норма безосновна. В этой логике меняется и представление о традиции: это не мертвые артефакты. Это определенная смысловая реальность, которая обладает повторяемостью, что и обеспечивает ее устойчивость в культуре. Соответственно можно заключить, что суть музейной деятельности состоит в сохранении и передаче прошлых проявлений нормативности в настоящем в качестве элементов творчества человека.

В этом аспекте несколько иначе воспринимается идея Бердяева о сути самоидентификации, которую он ценил как подлинную цель всякой философии⁴. Если воспринимать музейную деятельность как коллекционирование и хранение неких материальных свидетельств эпохи, то, действительно, общество предстает как простая лестница смены разных состояний человеческой истории. Бердяев определяет такой подход к социуму как абсолютизацию общества. То есть общество становится безличным феноменом, в котором происходит переход к оседлому образу жизни, или к научно-техническим революциям, или к обществам потребления и т. д. И чем более автономно такое понимание общества, тем дальше в этом обществе обнаруживается не только традиция, но и сам человек. Необходима «разобъективация» общества. Косвенно следует отметить, что грех марксизма состоит не столько в привычно констатируемом экономическом детерминизме. Марксистские построения — это все те

же последствия жесткого разделения на субъекта и объекта, где субъект, в данном случае коллективный, — любой класс, а объект — то самое объективированное общество⁵. А подлинное существование человека полностью элиминировано. Причинами, делающими возможным такое удаление человека из его собственной истории, являются все возможные конструкты некоторых универсальных норм вне самого человека. Неслучайно в марксизме многие исследователи видят параллели с религиозной картиной мира, в частности с христианством, где коллективным мессией выступает пролетариат. Такие теоретические свидетельства, с одной стороны, показывают риски отождествления нормы с внешним принуждением, а с другой — позволяют заключить, что нормативность составляет ядро традиционности культуры. Другими словами, музейные экспозиции — это не статичная картинка прошлого культуры, а живое вхождение человека настоящего в прошлое себе подобных через снятие определенных норм в артефактах культуры.

Следует отметить, что стереотипное понимание нормы как некоего внешнего по отношению к поведению человека регулятора корнями уходит в специфику эпохи Просвещения, когда предельная форма рациональности опустошает главные срезы социальной статики — свободу, равенство, братство, превращая их в некие «субстанциональные» начала общества в самых крайних традициях метафизического толкования субстанции. По сути, данную ситуацию можно рассматривать как некую точку фокусирования форм отчуждения, процессы которого после эпохи Разума начинают разрастаться с большой скоростью. Самый большой риск до сих пор культура фиксирует в социологизаторском объяснении самой сути человека: общество делает человека. Однако социальная практика свидетельствует об ином: человек не предзадан ни природой, ни обществом, ни какими-либо жесткими детерминационными связями. Человек в экзистенции раскрывает собственную свободу. Тогда не социальные нормы формируют линии поведения, а, напротив, в реальной деятельности человек определяет почву появления нормативности, которая созвучна духу эпохи⁶. Музейная деятельность, сохраняя традиции прошлого, фиксирует эту нормативность. В посещении музея современным человеком статика нормативности прошлого способна стать динамикой нормативности настоящего.

Примечания

¹ Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Teplykh M. S., Zhilina E. A., Prilukova E. G., Bashirova T. A. The Issues of the Dialogue of a Modern Subject with the Society // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Grozny, 2019. Vol. 76. P. 3454–3461.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 2009. 320 с.

³ Там же.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы; смысл творчества. М., 1989. 608 с.

⁵ Жилина В. А., Кузнецова Н. В., Жилина Е. А. Особенности определения носителя социальных отношений в философском и управленческом анализе: инкультурация vs воспроизводство социума // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). С. 41–48.

⁶ Креписов К. М. Объективность нормы в субъективных срезах социальных отношений // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тез. 80-й Междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск, 2022. С. 227.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СРЕДА МУЗЕЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В Челябинской области из десятков региональных и муниципальных музеев только пятнадцать расположены в зданиях, являющихся объектами культурного наследия. Симбиоз исторических экспонатов и исторической среды в этих музеях создает уникальную атмосферу, позволяющую более полноценно воспринимать культурные ценности прошлых веков.

Златоустовский краеведческий музей — один из старейших в России, основан в 1825 г. как музей Златоустовского горного округа. Первыми его коллекциями были собрания минералов, горных пород и холодного форменного и украшенного оружия. С 1833 г. музей размещался в залах верхнего этажа вновь построенного Арсенала. Второе рождение Златоустовского музея относится к 1920-м гг. С 24 февраля 1924 г. Михаил Федорович Шестопалов приступил к организации окружного музея, 1 октября 1925 г. он был зачислен в штат заведующим музеем и пробыл в этой должности до 1 октября 1930 г. Златоустовский окружной музей размещался в небольшой комнате Златоустовского механико-металлургического техникума. В мае 1925 г. музей был открыт для посещения. Президиум Уральского областного Совета народного хозяйства от 14 марта 1927 г. постановил передать музейное имущество Южно-Уральского треста (бывшего имущества музея в Арсенале) Златоустовскому окружному музею. В 1929 г. Златоустовский окружной музей перевели в здание Свято-Троицкого собора, где он размещался до 1933 г.¹

После сноса собора музей по настоящее время располагается в бывшем *доме горного начальника*². В Челябинском областном архиве среди документов Златоустовского горного округа сохранилось подробное описание этого здания, сделанное в 1801 г.:

Каменной дом, построенной в 1785 году, состоящей по течению реки Ая на левой стороне у конца горы Уренги. Спереди оно дома от восточной стороны и вокруг сделана каменная ограда с поставленными между столбов чугунными решедчитыми балюстрадами длиною с площади 62-х сажень 1-го аршина. Посредине оной складены на 3-х саженьях каменные ворота из 4-х каменных столбов составляющие, вокруг оных столбов снизу для прочности укреплены нарочито отлитыя балюструнным видом чугунные рамы. Над воротами сделаны полукруглые своды, и сверх оных положены квадратные плоские доски, подбиты карнизамы и выкрашены зеленою краскою...

Противо упомянутых ворот в параллель ограды посредине двора выстроен на каменном фундаменте из кирпича двухэтажный корпус длиною 18½, шириною 9, вышиною до крыши 4 сажени во оном. Расположение покоев в нижнем этаже с лицевую стороны от ворот с площади сделано с подъездом на

Златоустовский краеведческий музей. Дом горного начальника. 1958 г. ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 213

обе стороны крыльцо, наслонено чугунными досками с кирпичною стенкою с выкладенными на ней тремя столбами, на которых утверждён от второго этажа балкон с перилами и выстновленными балюстрадами от переднего крыльца...³

В годы Великой Отечественной войны музей был закрыт, здание занимал Харьковский архив. Открыли музей вновь в 1944 г. В 1969 г. его закрыли на реконструкцию, которая продлилась до 1974 г. Старинный дом разобрали и на новом фундаменте по старым чертежам и фотографиям воссоздали здание из шлакоблоков, но без пристройки⁴. Новая экспозиция открылась в 1976 г.

Кыштымский историко-революционный музей. Неизвестно точно, когда был организован первый музей в Кыштыме. Ориентировочно — в 1895 г. Инициатором его создания выступил Павел Михайлович Карпинский, который в 1887–1903 гг. был управителем Кыштымского горного округа⁵. Музей разместился в *Белом доме*⁶. Эта усадьба была основана Никитой Демидовым. Строительство каменного дома в 1759–1761 гг., по всей видимости, выполнено по проекту Матвея Казакова, который много строил для Демидовых. В 1809 г. завод и усадьбу в Кыштыме приобрел купец Л. И. Расторгуев. Для реконструкции здания был приглашен архитектор М. П. Малахов. Он переделал обращенный во внутренний двор фасад главного здания.

В 1897 г. для участников VII Международного геологического конгресса была организована экскурсия из Москвы на Урал. Это путешествие описывал корреспондент екатеринбургской газеты «Урал» В. Я. Кричевский, упомянув помимо прочего «заводской музей минеральных пород и каслинского фигурного литья, столь прославленного на рынке сбыта». 15 июля 1899 г. музей посетил Дмитрий Иванович Менделеев, который по поручению министра финансов Сергея Юльевича Витте изучал состояние дел в уральской горнозаводской промышленности.

После революции судьба музея и дома складывалась сложно. В 1921 г. большая часть экспонатов погибла в пожаре, а коллекция художественного литья была передана в Свердловский краеведческий музей. В 1979 г. Кыштымский историко-революционный музей вновь въехал в усадьбу Демидовых. В 2008 г. началась ее реставрация, а вместе с этим закрылся и музей. В 2017 г. было принято решение о передаче музею здания бывшей *женской прогимназии*⁷, однако и в этом здании до сих пор не произведен ремонт. Появление в 1907 г. женской прогимназии в Кыштыме, который тогда даже не считался городом, вызывало удивление. По некоторым сведениям, в Пермской губернии это была единственная женская прогимназия — четырехклассное учебное заведение, соответствовавшее младшим классам гимназии во всем Кыштымском горном округе.

Миасский краеведческий музей. Первые упоминания о «Музеуме», существовавшем в Миасском заводе, как тогда называли город Миасс, относятся к первой половине XIX в. Собрание миасского «Музеума» состояло из большой коллекции минералов и горных пород, добывавшихся в окрестностях Миасского завода, а также палеонтологических находок, найденных местными жителями во время работ на золотых приисках. Немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, посетивший Миасский завод в 1830 г., оставил запись в книге посетителей «Музеума». Организаторами его были горные инженеры П. П. Аносов, отец и сын Редикорцевы. Во второй половине XIX в. большая часть коллекции «Музеума» была перевезена в Златоуст⁸.

Весной 1920 г. по инициативе общественности группа миасских краеведов во главе с заведующим городским отделом народного образования С. В. Стрежковским вновь задумала организовать музей. И 24 ноября 1920 г. было принято решение об открытии музея местного края. Музей занял дом, принадлежавший ранее купцу Популовскому. Затем за свою историю Миасский музей многократно менял свое местонахождение, что отрицательно сказывалось как на его работе, так и на фондовых коллекциях. В 1923–1925 гг. Миасский краеведческий музей размещался временно в пяти комнатах бывшего *особняка Симонова*, а с 1995 г. уже окончательно полностью разместился в этом здании. Золотопромышленник Е. М. Симонов приобрел данную усадьбу в 1878 г. у вдовы титулярного советника П. В. Чащихиной⁹. От первоначальной усадьбы сохранился дом с мезонином, остальные сооружения, в том числе здание, в котором ныне находится музей, были построены новым владельцем ориентировочно в 1880-е гг.

Вопрос о создании **Троицкого краеведческого музея** впервые был рассмотрен на заседании Троицкой окружной плановой комиссии в августе 1920 г., а 13 августа 1925 г. был подписан первый документ «О создании в г. Троицке общества изучения местного края и организации краеведческого музея»¹⁰. Но открытие музея затянулось на долгие годы, и первая экспозиция открылась лишь в 1934 г. в одном из кабинетов школы второй ступени по ул. Просвещения, 13. Затем музей размещался в здании бывшей *зимней оранжереи усадьбы купца Яушева* и в здании по ул. Малышева, 33. Усадьба Яушевых в Татарском переулке (ныне ул. 30-летия ВЛКСМ, 12) была построена в 1880 г. Это целый комплекс каменных зданий в стиле модерн, но с элементами ордерной архитектуры¹¹. В 2011 г. дом был вновь передан музею, но необходимая реставрация до сих пор не осуществлена. В 1985 г. на ул. 30-летия ВЛКСМ была открыта *квартира-музей писателя А. М. Климova*, а спустя пять лет — выставочный зал. Этот дом был построен ориентировочно на рубеже XIX–XX вв.¹² Решением Троицкого исполнительного комитета от 13 сентября 1990 г. музей был переведен в здание бывшего *отделения Сибирского банка*¹³. Построил его в 1903 г. купец Осипов, после чего продал банку.

Челябинский государственный музей изобразительных искусств — единственный на Южном Урале художественный музей классического типа¹⁴. Датой его рождения считается 6 июня 1940 г., когда в здании Александро-Невской церкви на Алом поле открылась Челябинская городская картинная галерея. Всю работу по выполнению проекта художественного музея, его созданию и открытию возглавил первый директор и основатель галереи Л. П. Клевенский, с сентября 1940 г. продолжавший работу в качестве научного сотрудника. На основании приказа Наркомпроса о свертывании экспозиций и консервации музейных фондов в связи с сокращением финансирования, разосланного в июле 1941 г., картинная галерея была временно закрыта, а ее работники с 15 августа уволены. 24 января 1947 г. исполком городского Совета принял решение о восстановлении картинной галереи. Во главе этой работы был поставлен Г. Н. Лапин в качестве инспектора изоискусства (с августа 1951 г. — директор Челябинской городской картинной галереи, затем ее главный хранитель). 2 февраля 1952 г. состоялось открытие картинной галереи в историческом здании — бывшем *пассаже братьев Яушевых*¹⁵. Интересы Яушевых в Челябинске с 1886 г. представлял Закир Галеевич Галеев, который 17 апреля 1912 г. по доверенности торгового дома «Братья Яушевы» обратился в городскую думу, «желая произвести постройку двухэтажного каменного корпуса-магазина на собственном месте, находящемся по Сибирской улице, дом № ... по проектированному плану инженера Федорова...» 10 октября 1913 г. состоялось открытие пассажа. В то время это был самый большой и самый современный магазин в Челябинске.

Верхнеуральский краеведческий музей. 13 августа 1948 г. директором краеведческого музея Магнитогорска Д. А. Петковым был назначен сотрудник, который в самом начале занимался созданием верхнеуральского филиала, — М. Р. Уфимцев. Филиалом Магнитогорского Верхнеуральский музей был более десяти лет. В январе 1959 г. Верхнеуральский краеведческий музей стал самостоятельным учреждением культуры. Первым директором, согласно выписке из приказа от 16 сентября 1948 г., был назначен Иван Лукьянович Токарев, бывший учитель начальных классов¹⁶. Первое здание, где был размещен краеведческий музей, находилось по адресу: ул. Ленина, 33а. В 1967 г. музей переехал на ул. Луначарского, 31 (бывший *Народный дом*). В свое время в Верхнеуральске было солидное по численности общество мещан. По одной из версий, Народный дом был построен в 1905 г. именно на их взносы¹⁷. В 2001 г. музею также передали *бывший магазин купца Устинова*. О Григории Алексеевиче Устинове известно немного. Родился он ориентировочно в 1855 г. Грамоте не обучался, стал купцом второй гильдии, занимался торговлей бакалеей и колониальными товарами, был попечителем Верхнеуральской второклассной учительской школы, с 1894 по 1911 г. неоднократно избирался гласным городской думы. Здание своего магазина Устинов построил на ул. Благовещенской (ныне ул. Карла Либкнехта) ориентировочно в конце XIX — начале XX в. 17 апреля 2002 г. здесь состоялось открытие выставочных залов¹⁸.

7 ноября 1957 г. в **Сатке открылся краеведческий музей**¹⁹. Инициаторами его создания стали секретарь Саткинского горкома КПСС Л. А. Козлов и директор Саткинского металлургического завода П. И. Минеев. Музей разместился в здании быв-

Саткинский краеведческий музей. Открытие экспозиции в здании бывшего Свято-Троицкого храма. 1994 г. Фото с сайта Саткинского краеведческого музея

строенной ориентировочно в середине XIX в.²² Открытие музея состоялось в 1963 г. В 1977 г. музей был преобразован в Каслинский музей художественного литья. В 1989 г. он стал обладателем творческого наследия члена Союза художников СССР А. В. Чиркина, положившего начало мемориальной коллекции дома-музея, открывшегося в 1995 г.²³ Самобытен **дом Чиркина** неповторимым старообрядческим миром, окружавшим каслинского скульптора. Усадьба построена во второй половине XIX в. местным священником, куплена А. В. Чиркиным в 1973 г. Кроме того, еще в 2007 г. музею передано здание **бывшего госпиталя**, где до сих пор не проведены реставрационные работы. Строительство госпиталей в первой половине XIX в. было общим явлением для городов-заводов Российской империи и Урала в частности. Первым этапом строительства каслинского госпиталя можно предполагать середину 1820-х гг., когда с приходом Г. Ф. Зотова в заводе началось активное строительство и, вероятно, был заказан проект госпитального здания²⁴. Учитывая данные архивных документов, можно утверждать, что постройка госпиталя завершилась к 1830 г.

Историко-краеведческий музей Усть-Катава был создан на базе общественного народного музея и открылся в мае 1965 г.²⁵ Он располагался в помещениях Дворца культуры вагоностроителей. Историко-краеведческий музей начал организовываться как государственный с 1 января 1995 г. Во второй половине 1990-х гг. под него было выделено двухэтажное каменное здание, принадлежавшее до Октябрьской революции 1917 г. **усть-катавскому купцу Ф. В. Патрину**²⁶. Дом построен не ранее 1910 г. После завершения капитального ремонта здесь 11 февраля 2005 г. торжественно открылся историко-краеведческий музей.

Открытие Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея в бывшем здании магазина Мясникова. 18 июля 1986 г. Фото предоставлено В. Черных

шей Никольской единоверческой церкви. В 1990 г. оно было передано верующим, а экспонаты музея перевезены в бывшую **церковь во имя Живоначальной Троицы**²⁰, освященную, предположительно, в 1785 г. К 1948 г. третий ярус здания церкви вместе с колокольней был полностью отсечен.

В 1962 г. постановлением бюро Каслинского райкома КПСС по инициативе педагогов К. А. Плотинновой и З. И. Головановой основан **Каслинский историко-художественный музей**²¹. В октябре 1962 г. он был размещен в здании **мясной лавки купца Лежнева**, по-

строенной ориентировочно в середине XIX в.²² Открытие музея состоялось в 1963 г. В 1977 г. музей был преобразован в Каслинский музей художественного литья. В 1989 г. он стал обладателем творческого наследия члена Союза художников СССР А. В. Чиркина, положившего начало мемориальной коллекции дома-музея, открывшегося в 1995 г.²³ Самобытен **дом Чиркина** неповторимым старообрядческим миром, окружавшим каслинского скульптора. Усадьба построена во второй половине XIX в. местным священником, куплена А. В. Чиркиным в 1973 г. Кроме того, еще в 2007 г. музею передано здание **бывшего госпиталя**, где до сих пор не проведены реставрационные работы. Строительство госпиталей в первой половине XIX в. было общим явлением для городов-заводов Российской империи и Урала в частности. Первым этапом строительства каслинского госпиталя можно предполагать середину 1820-х гг., когда с приходом Г. Ф. Зотова в заводе началось активное строительство и, вероятно, был заказан проект госпитального здания²⁴. Учитывая данные архивных документов, можно утверждать, что постройка госпиталя завершилась к 1830 г.

Историко-краеведческий музей Верхнего Уфалея был создан согласно рекомендации Челябинского обкома КПСС и решению бюро горкома партии Верхнего Уфалея. В апреле 1967 г. председателем комиссии утверждена секретарь горкома Е. С. Платонова, ее заместителем и первым директором музея — заведующая отделом пропаганды Е. В. Сиунова. Свои двери для посетителей музей распахнул 3 ноября 1967 г. В 1986 г. после долгих просьб, переговоров и реставрации часть здания **бывшего магазина Мясникова** занял историко-краеведческий музей Верхнего Уфалея. В 1924 г., во времена нэпа,

торговец Мясников построил большое каменное здание под жилой дом и рядом с ним магазин промышленных и продовольственных товаров с большими холодильниками (подвалами) внизу²⁷.

Впервые о музее в Катав-Ивановске заговорили в 1945 г.²⁸ В течение пяти лет инициативная группа, которую возглавлял краевед В. В. Прохоров, собирала экспонаты, материалы, характеризующие горные и лесные богатства края. Однако ввиду отсутствия постоянного помещения и бесконечных мытарств музея они по-настоящему так и не были показаны. В 1954 г. музей был ликвидирован, а все экспонаты переданы Златоустовскому и Уфимскому государственным музеям. И только в 1975 г. по инициативе ветеранов войны был создан музей на общественных началах, большинство его материалов посвящены героям Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1990 г. музей переехал в *особняк князей Белосельских-Белозерских*, владельцев Катав-Ивановского завода в XIX столетии, где с 1996 г. открылась новая экспозиция. Усадьба Белозерских-Белосельских была построена в Катав-Ивановске в 1820 г.²⁹

Пластовский историко-краеведческий музей. В 1975 г. в Пласте по инициативе городского Совета ветеранов заработал музей на общественных началах, в 1976 г. организована первая выставка о городе. В 1998 г. уже как районному историко-краеведческому музею ему был передан бывший *особняк Баласа*³⁰. В 1910 г. француз Балас вступил в должность генерального директора «Анонимного общества Кочкарских золотых приисков рабочих и служащих». Вскоре после приезда на Южный Урал Балас принял решение выстроить просторный дом для своей семьи, и 18 мая 1911 г. строительство особняка было завершено.

В 1977 г. в Нязепетровском районе было принято решение создать **историко-географический музей** и расположить его на первом этаже здания бывшего *волостного правления* постройки 1827 г.³¹ Первых посетителей музей принял 28 января 1978 г. Первоначально это был общественный музей, а в 1980 г. стал народным. В 1988 г. музей перевели в разряд государственных. В 1996 г. учреждение получило статус музейно-выставочного центра.

Дом творчества Нагайбакского района. На основании Постановления Совета министров РСФСР 1986 г., решения исполкома Челябинского областного Совета народных депутатов 1987 г. и Нагайбакского районного Совета народных депутатов началось создание сельского филиала Магнитогорской картинной галереи. 7 мая 1991 г. состоялось его официальное открытие. Организатором и первым заведующим являлся краевед А. М. Маметьев. Картинная галерея (Дом творчества) Нагайбакского района находится в деревянном доме, ранее принадлежавшем *Никите Петровичу Маметьеву*³². Здание было построено в 1913 г.

Озерский городской музей основан 26 марта 2007 г. Долгое время учреждение не имело своего помещения, переданное ему здание находилось в аварийном состоянии³³. В 2018 г. Озерский городской музей переехал в помещения бывшей аптеки в *жилом доме по адресу: пр. Победы, 2*³⁴.

Музеи Челябинской области

Название музея, дата основания	Памятник истории и культуры, дата строительства, адрес, статус объекта культурного наследия (ОКН)	Дата размещения музея в историческом здании
Златоустовский краеведческий музей, 1825 г.	Дом горного начальника, 1785 г.; г. Златоуст, пл. III Интернационала, 1; ОКН федерального значения	1933 г.
Кыштымский историко-революционный музей, 1890-е гг.	Белый дом, 1759–1761 гг.; г. Кыштым, пл. Карла Маркса, 2; ОКН федерального значения	1890-е — 1921 г., 1979–2008 гг.
	Прогимназия, 1907 г.; г. Кыштым, ул. Республики, 10; ОКН регионального значения	2017 г. (решение о передаче музею)

Продолжение таблицы

Название музея, дата основания	Памятник истории и культуры, дата строительства, адрес, статус объекта культурного наследия (ОКН)	Дата размещения музея в историческом здании
Миасский краеведческий музей, 1920 г.	Особняк Симонова, 1880-е гг.; г. Миасс, ул. Пушкина, 8; ОКН регионального значения	1995 г.
Троицкий краеведческий музей, 1934 г.	Дом первой жены Муллагали Яушева, 1880 г.; г. Троицк, ул. 30-летия ВЛКСМ, 12; ОКН регионального значения	1930-е гг., 2011 г. (решение о передаче музею)
	Дом писателя Климова, начало XX в.; г. Троицк, ул. 30-летия ВЛКСМ, 15; ОКН регионального значения	1985 г.
	Здание отделения Сибирского банка, 1903 г.; г. Троицк, ул. им. В. И. Ленина, 70; Выявленный ОКН	1990 г.
Челябинский государственный музей изобразительных искусств, 1940 г.	Здание пассажа Яушевых, 1913 г.; г. Челябинск, ул. Труда, 92а; ОКН федерального значения	1952 г.
Верхнеуральский краеведческий музей, 1948 г.	Народный дом, 1905 г.; г. Верхнеуральск, ул. Луначарского, 31; ОКН регионального значения	1967 г.
	Магазин Устинова, конец XIX — начало XX в.; г. Верхнеуральск, ул. К. Либкнехта, 56а; ОКН регионального значения	2002 г.
Саткинский краеведческий музей, 1957 г.	Свято-Троицкий храм, 1782–1785 гг.; г. Сатка, ул. 1 Мая, 16; ОКН регионального значения	1990 г.
Каслинский историко-художественный музей, 1962 г.	Мясная лавка купца Лежнева, середина XIX в.; г. Касли, ул. Советская, 38; Выявленный ОКН	1962 г.
	Усадьба А. В. Чиркина, вторая половина XIX в.; г. Касли, ул. Памяти 1905 г., 86; ОКН регионального значения	1995 г.
	Здание госпиталя, 1830 г.; г. Касли, ул. Коммуны, 59; ОКН федерального значения	2007 г. (решение о передаче музею)
Историко-краеведческий музей г. Усть-Катава, 1965 г.	Дом купцов Патриных, 1910 г.; г. Усть-Катав, ул. Братьев Мохначевых, 5; ОКН регионального значения	2005 г.
Верхнеуфалейский историко-краеведческий музей, 1967 г.	Магазин Мясникова, 1924 г.; г. Верхний Уфалей, ул. Ленина, 159; ОКН регионального значения	1986 г.
Краеведческий музей г. Катав-Ивановска, 1975 г.	Дом князей Белосельских-Белозерских, 1820-е гг.; г. Катав-Ивановск, ул. К. Маркса, 4; ОКН регионального значения	1990 г.
Пластовский историко-краеведческий музей, 1975 г.	Особняк А. П. Баласа, 1911 г.; г. Пласт, ул. Октябрьская, 56; ОКН регионального значения	1998 г.

Окончание таблицы

Название музея, дата основания	Памятник истории и культуры, дата строительства, адрес, статус объекта культурного наследия (ОКН)	Дата размещения музея в историческом здании
Музейно-выставочный центр г. Нязепетровска, 1977 г.	Здание бывшего волостного правления, 1827 г.; г. Нязепетровск, ул. Свердлова, 21; ОКН регионального значения	1978 г.
Дом творчества Нагайбакского района, 1991 г.	Дом Маметьева, 1913 г.; Нагайбакский район, с. Фершампенуаз, ул. Бикимова, 39; ОКН регионального значения	1985 г.
Озерский городской музей, 2007 г.	Дом жилой на проспекте Победы, 1952 г.; г. Озерск, пр. Победы, 2; ОКН регионального значения	2018 г.

Примечания

¹ История музея // Златоустовский городской краеведческий музей : сайт. URL: <https://zlatmuseum.ru/visitors/history> (дата обращения: 23.05.2022).

² Дом, в котором жил Аносов Павел Петрович в 1831–1847 гг. // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-v-kotorom-zhil-anosov-pavel-petrovich-v-1831-1847-gg-dom-gornogo-nachalstva-v-zlatouste-v-kotory/> (дата обращения: 23.05.2022).

³ ОГАЧО. Ф. И-170. Оп. 1. Д. 73. Л. 10, 11.

⁴ Рафиенко Л. С., Ковина Е. П. Дом начальника горного округа, где жили и бывали выдающиеся деятели культуры // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Челябинская область / сост., науч. ред. Л. С. Рафиенко. М., 1986. С. 71–73.

⁵ Антитин Н. А. Музейный гид. Кыштымскими коллекциями восторгался Менделеев // Южноуральская панорама. 2017. 17 июля. URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/95906/> (дата обращения: 23.05.2022) ; История // Кыштымский историко-революционный музей : сайт. URL: <http://museumkk.ru/index.php/muzej/istoriya> (дата обращения: 23.05.2022).

⁶ Белый дом // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-zhiloy-belyy-dom-g-kyshtym-pl-karla-marкса-2/> (дата обращения: 23.05.2022).

⁷ Прогимназия // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/progimnaziya-1907-g-g-kyshtym-ul-respubliki-10/> (дата обращения: 23.05.2022).

⁸ История // Миасский краеведческий музей : сайт. URL: <http://miassmuzeu.ru/истори/> (дата обращения: 23.05.2022).

⁹ Бывший особняк Симонова // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/byvshiy-osobnyak-simonova-g-miass-ul-pushkina-8/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁰ История музея // Троицкий краеведческий музей : сайт. URL: <http://trmuseum.ru/htmlpages/Show/overview/Istoriyamuzeya> (дата обращения: 23.05.2022).

¹¹ Детско-юношеский центр (бывший дом первой жены Муллагали Яушева) // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/detsko-yunosheskiy-tsentr-byvshiy-dom-pervoy-zheny-mullagali-yausheva-upravlenie-obrazovaniya-troits/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹² Дом, в котором в 1911–1930 и 1938–1945 гг. жил и работал А. М. Климов // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-istorii/dom-v-kotorom-v-1911-1930-i-1938-1945-gg-zhil-i-rabotal-a-m-klimov-g-troitsk-ul-30-let-vlksm-15-/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹³ Здание банка // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/zdanie-banka-chelyabinskaya-oblast-g-troitsk-ul-im-v-i-lenina-70/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁴ История музея // Челябинский государственный музей изобразительных искусств : сайт. URL: <https://chelmusart.ru/node/18075> (дата обращения: 23.05.2022) ; Трифонова Г. С. Картинная галерея // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 364–368.

¹⁵ Здание пассажи Яушевых // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/zdanie-passazha-yaushevyykh-g-chelyabinsk-ul-truda-92a/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁶ Колупайченко Д. История создания Верхнеуральского краеведческого музея // Наш Урал : сайт. URL: <https://nashural.ru/dostoprimechatelnosti-urala/chelyabinskaya-oblast/istoriya-sozdaniya-verhneuralskogo-kraevedcheskogo-muzeya/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁷ Народный дом // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/narodnyy-dom-zdanie-gde-s-noyabrya-1917-g-po-yanvar-1918-g-razmeshchalsya-sovet-rabochikh-krestyansk/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁸ Магазин Устинова // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/magazin-ustinova-g-verkhneuralsk-ul-karla-libknekhtha-56a/> (дата обращения: 23.05.2022).

¹⁹ История музея // Саткинский краеведческий музей : сайт. URL: <http://museysatka.ru/htmlpages/Show/overview/onAuthority> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁰ Здание Саткинского краеведческого музея (Свято-Троицкий храм) // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-istorii/zdanie-satkinskogo-kraevedcheskogo-muzeya-svyato-troitskiy-khram-g-satka-ul-1-maya-1b/> (дата обращения: 23.05.2022).

²¹ История музея // Каслинский историко-художественный музей : сайт. URL: <https://kasli-museum.chel.muzkult.ru/histori> (дата обращения: 23.05.2022).

²² Мясная лавка купца Лежнева // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/myasnaya-lavka-kuptsa-lezhneva-odnoetazhnaya-kamennaya-g-kasli-sovetskaya-ul-38-ranee-38a/> (дата обращения: 23.05.2022).

²³ Усадьба, в которой жил и работал скульптор А. В. Чиркин // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/usadba-v-kotoroy-zhil-i-rabotal-skulptor-a-v-chirkin-chelyabinskaya-oblast-g-kasli-ul-pamyati-1905-g/> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁴ Здание госпиталя // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/zdanie-gospitalya-nach-xix-v-g-kasli-ul-kommu-59-/> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁵ История создания музея // Краеведение города Усть-Катава : сайт. URL: <http://укго.рф/node/3> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁶ Дом купцов Патриных // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-kuptsov-patrinykh-g-ust-katav-ul-bratev-mokhnachevykh-5/> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁷ Магазин Мясникова // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/magazin-myasnikova-g-verkhniy-ufaley-ul-lenina-159/> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁸ Главная // МУК «Краеведческий музей Катав-Ивановского муниципального района» : сайт. URL: <http://katav-iv.muzei.eps74.ru/htmlpages/Show/overview> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁹ Дом князей Белосельских-Белозерских // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-knyazey-beloselskikh-belozerskikh-zdanie-v-kotorom-razmeshchalsya-1-y-sovet-rabochikh-krestyansk/> (дата обращения: 23.05.2022).

³⁰ Особняк А. П. Баласа // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/osobnyak-a-p-balasa-g-plast-oktyabrskaya-ul-56/> (дата обращения: 23.05.2022).

³¹ Здание бывшего волостного правления, где в апреле 1914 г. размещался забастовочный центр рабочих Нязепетровского завода // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/zdanie-byvshego-volostnogo-pravleniya-gde-v-aprele-1914-g-razmeshchalsya-zabastovochnyy-tsentr-raboch/> (дата обращения: 23.05.2022).

³² Дом Маметьева // Там же. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-mameteva-nagaubakskiy-rayon-s-fershampenuaz-ul-bikimova-39/> (дата обращения: 23.05.2022).

³³ Городской музей // Муниципальное казенное учреждение Озерского городского округа «Городской музей». URL: <https://museum-ozersk.chel.muzkult.ru/information> (дата обращения: 23.05.2022).

³⁴ Дом жилой на проспекте Победы // Памятники истории и культуры Челябинской области. URL: <https://pik174.ru/catalog/pamyatniki-arkhitektury/dom-zhiloy-na-prospekte-pobedy-g-ozersk-pr-pobedy-2-/> (дата обращения: 23.05.2022).

П. Г. Лопатин

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА «ЧТОБЫ ПОМНИЛИ»

Брестская крепость... Для любого советского человека любой национальности и любого вероисповедания можно не продолжать эту фразу. Каждый школьник знал, что эти двухметровые кирпичные стены, построенные еще в середине XIX в. и не способные защитить от современного оружия, стали символом мужества, стойкости, самопожертвования, выдержки, ненависти к врагу и любви к Родине. Они впитали в себя кровь и пот бессмертного гарнизона, копоть от огнеметных систем, частицы расплавленного металла и миллионы вражеских осколков и пуль. Брестская крепость стала одним из главных символов беспримерного подвига советского народа в борьбе за независимость нашей Родины. Она еще раз доказала смысл слова «крепость» — не толщина стен укрепления, а крепость духа ее защитников. Конечно, мечта посетить это святое место, прикоснуться к кирпичной кладке, изуродованной немецкими снарядами и пулями, преследовала меня с юного возраста.

Осуществилась она в 2012 г., когда моему сыну Егору исполнилось шесть лет. Атмосфера в мемориальном комплексе и история обороны крепости так впечатлили шестилетнего ребенка, что он высказал мне свое желание сделать доклад в детском саду. А меня, в свою очередь, поразило слово «доклад», которое в нашей семье не использовалось. Экспонатов еще никаких не было, поэтому были напечатаны фотографии, и шестилетний мальчишка с успехом прочитал доклад в подготовительной группе «Дошколенок» детского сада и даже провел целый урок в школе № 129 для учеников, которые заканчивали 2-й класс.

*Выступление шестилетнего Егора Лопатина перед учениками 2-го класса средней школы № 129 Челябинска с докладом «Брестская крепость-герой». 8 мая 2013 г.
Архив П. Г. Лопатина*

Удивительно, что, можно сказать, взрослые ребята с уважением слушали ребенка из детсада, ведь он пытался донести до них героическую историю нашей страны и подвиг наших предков, которые умирали, стоя в полный рост, с высоко поднятой головой, чтобы мы не жили на коленях. Первое зерно было брошено — тема изучения и защиты нашего героического наследия была актуальна и востребована. Следующим этапом был сбор оригинальной формы и снаряжения времен Великой Отечественной войны: изучение литературы, справочников, фотографий, обсуждений на форумах, торги на аукционах. Важно было все: разновидности, материалы, годы производства, фабрики и артели, отличительные особенности. Вместе с формой стала образовываться коллекция интересных артефактов — не просто свидетелей, а непосредственно участников тех суровых испытаний, которые прошел наш народ, изгоняя фашистскую нечисть с нашей территории и освобождая страны Европы. И каждый предмет — от крошечного карандаша, любовно

*Вопрос Егора Лопатина на «Прямой линии с президентом»
в утреннем выпуске новостей на Первом канале.
13 апреля 2016 г. Архив П. Г. Лопатина*

Стрелки на циферблате навсегда замерли на подходе к четырем часам, точно поставив грань между мирным временем и войной. Вообще часы — это уникальный прибор: каждый миллиметр, пройденный маленькой стрелкой, нарезает время на прошлое и будущее. Так, ранним утром 22 июня 1941 г. солдаты вермахта (сухопутных сил фашистской Германии) смотрели и мысленно подгоняли стрелки, покрытые светомассой, на миллионах часов, любезно предоставленных хваленой нейтральной Швейцарией, спеша к новым «подвигам» во имя Великой Германии, к захвату восточных территорий, до сих пор никем не покоренных, порабощению и уничтожению их населяющих народов. На стрелки часов смотрели и летчики Люфтваффе, прежде чем открыть створки бомболюков и высыпать первые бомбы на мирно спящие города Советского Союза.

Между тем тучи над нашей страной начинали опять сгущаться. Кто-то не только на Западе, но и в нашей стране пытается не только аннулировать нашу Победу, но и вымарать грязью имя нашего солдата-победителя. Все чаще стали звучать высказывания, что не нужно было сражаться в блокадном Ленинграде, что если бы мы сразу сдались германской военной машине, сейчас ездили бы все на «мерседесах» и пили пиво с «баварскими колбасками». Пытаясь хоть как-то исправить ситуацию, мы с сыном записали видео-вопрос на прямую линию с президентом. В утреннем выпуске новостей по Первому каналу его показали с формулировкой: «Смотрите, какие недетские вопросы задают дети».

А вопрос звучал так: «Почему мы закрываем глаза, когда в Европе, в частности в Польше, сносят памятники нашим воинам?» Но уже в дневном выпуске новостей все сюжеты остались, кроме нашего. Кому-то в редакции стал опасен наш вопрос. Это

был 2016 г. Сейчас сносят даже могилы наших воинов, и уже зашла речь о памятнике «Алеше» в Болгарии, а сколько раз покушались снести монумент Воину-освободителю с немецкой девочкой на руках в Трептов-парке, пытаюсь доказать, что не было такого события. Не зря маршал Жуков сказал: «Мы их освободили, и они нам этого никогда не простят...» А какой мы испытали шок, когда, готовясь к экскурсии в самое страшное место на Земле — концлагерь Бухенвальд, из русскоязычного Интернета в Германии узнали, что это, оказывается, филиал советского ГУЛАГа. А «доказательства»

Барак, построенный в период с 1948 по 1950 гг.

С сентября 1945 г. по конец февраля 1950 г. часть территории бывшего концлагеря Бухенвальд использовалась советскими оккупационными властями в качестве лагеря для интернированных, который официально обозначался как «спецлагерь № 2». Через него прошло в общей сложности 28.500 мужчин, женщин и подростков. Руководство лагеря использовало данный барак в качестве административной постройки. В ГДР история советского спецлагеря замалчивалась.

Во времена ГДР руководство Национального мемориального комплекса Бухенвальд либо по незнанию, либо сознательно обозначало барак как строение, в котором располагалось «политическое отделение» тайной государственной полиции (гестапо) нацистского концлагеря. В действительности «политическое отделение» размещалось в деревянном бараке, который находился на территории позади данной постройки и был разрушен в августе 1944 г. во время воздушного налета на военные заводы вблизи концлагеря.

*Табличка в 100 м от центральных ворот
с кованой надписью «Каждому свое» в концлагере Бухенвальд.
Веймар (Тюрингия, ФРГ), 9 августа 2019 г.
Архив П. Г. Лопатина*

долго искать не пришлось. За сто метров до центральных ворот с кованой надписью на воротах «Каждому свое» стоит табличка с текстом, который поясняет вновь прибывшим экскурсантам, что советские оккупационные войска прогнали через концлагерь Бухенвальд 28 500 мужчин, женщин и подростков.

Западному обывателю, не измученному правдивыми уроками истории, дальше можно уже ничего не объяснять и смело показывать печи крематория. Так за 100 евро (стоимость изготовления таблички) списываются самые страшные грехи с нации, и можно смело в 2022 г. поставлять немецкие «Леопарды» в Украину, чтобы отомстить обидчикам, которые в 1945-м вероломно «оккупировали» их страну.

Вызовы времени штурмовали, а накопленные артефакты уже «кричали» на полках, желая рассказать и напомнить об ужасах давно прошедшей войны и подвиге советского народа, победившего на тот момент коричневую чуму, современным гражданам России. Ведь не зря говорят, что, когда забывается прошлая война, начинается новая. Наши родные, принимая смертный бой, не просили многого от нас, потомков, получивших право жить под мирным небом. Только «чтобы помнили...»

Но чем дальше от нас суровые годы, тем короче становится память. Чтобы убажить наших западных партнеров, мы сознательно коверкаем свою историю, пытаюсь скрыть или хотя бы замолчать героические страницы истории нашей Родины. И вот уже практически все школьники скажут вам, что никогда не слышали про Александра Матросова и Марата Казея, Курскую и Сталинградскую битву и главную нашу реликвию — Знамя Победы. В угоду западным ценностям мы предаем нашу память. А ведь наша долгожданная Победа стала грандиозной скрепой, которая объединяет людей всех возрастов и национальностей. Одна на всех... Нам нечего стесняться, нам выпала честь быть наследниками Победителей, и наша задача хранить и оберегать от посягательств светлую память о том поколении, на долю которого выпали грозные испытания и которое их с честью преодолело. Не зря говорят: «Кто стреляет в прошлое — убивает будущее».

Ситуация в мире и стране подталкивала к действиям. Понятно, что при наших возможностях — это капля в море, но сидеть сложа руки мы уже не могли. Шел 2020 г. — расцвет пандемии... И родительское собрание в образовательном центре № 4 «Ньютон», где училась наша дочь, перед новым учебным годом представляло жалкое зрелище. Чтобы хоть как-то скрасить ситуацию, я после собрания предложил директору школы Светлане Сергеевне Сергеевой к 1 сентября открыть военно-патриотическую выставку о Великой Отечественной войне. Предложение было с воодушевлением принято. Чтобы достойно представить экспонаты и форму, на семейном совете было решено купить большую стеклянную витрину и три манекена. К Дню знаний все приготовления были закончены.

Образовательный центр выделил нам большой читальный зал в библиотеке, и выставка впервые обрела свой облик и название — «Чтобы помнили». Первого сентября 2020 г. в восемь часов утра состоялся дебют. Лучший «Урок мужества» тяжело представить. Ведь ребята в стенах родной современной школы окунались в события 80-летней давности с непосредственным контактом с предметами — не просто свидетелями тех страшных времен в истории нашей Родины, а непосредственно их участниками. С каким рвением современные потомки победителей старались прижать к груди в белоснежной рубашке изъеденный коррозией, как шрамами от оспы, легендарный ППШ. И остановить этот порыв было невозможно, да простят меня уважаемые родители.

Дебют военно-патриотической выставки «Чтобы помнили» в образовательном центре № 4 «Ньютон». Челябинск, 1 сентября 2020 г. Архив П. Г. Лопатина

*Экспонаты из частной коллекции П. Г. Лопатина на выставке «22 июня, ровно в 4 часа» в Государственном историческом музее Южного Урала. 27 апреля 2021 г.
Архив П. Г. Лопатина*

У меня до сих пор стоит перед глазами девчонка, класса третьего, с огромными белыми бантами, которая с нежностью гладила приклад винтовки Мосина, возможно, точно так же, как ее прабабушка-снайпер перед выдвиганием на огневую позицию на передний край в поисках врага. В этом заключается главная цель музейной работы — создать связь исторических предметов, которые несут энергетику событий давно прошедших лет, с современным зрителем. Цель была достигнута, значит, наши усилия не напрасны. Школьное расписание подстраивалось под нашу выставку. За один урок успевало проходить два класса. На работе нам с женой пришлось все переложить на коллег, ведь с восьми утра до шести часов вечера мы несли подрастающему поколению правду о тяжелых испытаниях, выпавших на долю нашей страны. Усталости не чувствовали, каждый экспонат «желал рас-

сказать» свою историю, а детская любознательность заряжала энергией. В таком ритме прошел месяц.

Затем были два филиала лица № 148, выставка в штабе Росгвардии... Особенно запомнилось наше выступление с дочерью в школе-интернате № 4 для детей с ограниченными возможностями. Там у детей самое важное помещение — это читальный зал библиотеки. И выставки прошли в форме диалога. Теоретически ребята очень подкованные, а тут еще можно было потрогать все собственными руками, да обсудить, да поспорить. Очень важно, что практически все вещи можно подержать в руках, ощутить вес, габариты, потрогать пальцами пулевые и осколочные пробоины, память кожаное снаряжение выпуска 1930–1940-х гг., которое прошло суровые испытания в войну и сохранило свои заданные свойства. В этом ценность таких выездных выставок: к зрительным ощущениям, как в музее, добавляются тактильные. Благо военные вещи делались с огромным запасом прочности. И многие из них, даже пролежав 80 лет в земле, сохранили весьма неплохое внешнее состояние, обретая после реставрации эффектный вид, а раковины, пробоины и разрывы придают только шарм историческим экспонатам, вызывая уважение к этим безголосым свидетелям. Они могут весьма образно рассказать понимающему зрителю свою непростую, а часто очень трагичную историю. Ведь живых свидетелей тех страшных событий, которые нельзя забывать и информацию о которых нужно передавать из поколения в поколение, с каждым годом становится все меньше, и вся надежда на книги, кинофильмы, музеи и выставки.

К сожалению, земля с каждым годом все больше забирает свои военные трофеи, они превращаются в ржавый пепел. Ценные экспонаты выбрасываются непонимающими людьми на свалку и погибают в развалинах заброшенных домов. На помощь музейным работникам приходят такие коллекционеры, как я, которые под большим слоем ржавчины на бесформенном предмете могут рассмотреть уникальный артефакт, достойный музейной выставки. Именно такими предметами пополнялась и моя коллекция, и в 2021 г. я рискнул предложить свою помощь Государственному историческому музею Южного Урала. На тот момент как раз формировалась временная экспозиция «22 июня, ровно в 4 часа». И судьба свела меня с заместителем директора музея Александром Николаевичем Лымаревым. Я мог надеяться, что всего несколько предметов из моей любительской коллекции заинтересуют музей, обладающий весьма весомым музейным фондом, внушительным хранилищем и активной поддержкой уважаемых военно-исторических обществ Челябинска. К моему удивлению, Александр Николаевич отобрал для выставки большую часть моей коллекции. Это была самая высокая оценка многолетнему труду и показатель важности усилий. Мои артефакты были профессионально представлены квалифицированными сотрудниками музея и заиграли совсем другими красками. Временная экспозиция выявила большой интерес

жителей Челябинской области к событиям Великой Отечественной войны, и был даже продлен срок ее работы.

В феврале 2022 г. мне поступило предложение провести выездную выставку на проходной завода «Конар» — преемника легендарного завода «Станкомаш», который во время войны выпускал снаряды, мины, отливал башни и бронекорпуса для танков. Это было очень ответственное и волнительное задание. Посетителями выставки стали рабочие и инженеры действующего военного предприятия. Их интересовало абсолютно все, вплоть до марок стали. Люди получали информацию перед рабочим днем или в перерывах, штудировали Интернет и справочники, и к вечеру разгорались жаркие обсуждения.

Моя выставка впечатлила не только персонал завода, но и его руководство, и мне было предложено разместить свою коллекцию в помещении заводского музея. Для этого был выделен зал временных экспозиций, и для меня это был реальный выход из сложившейся ситуации. Ведь даже упаковка, транспортировка и перемещение экспонатов требовали весомых усилий и времени, большие сложности стало создавать и хранение коллекции. Так выставка «Чтобы помнили» обрела постоянную прописку. Экспонаты заняли свои места в витринах, получили индивидуальные номера и описание в каталоге.

Экскурсионные группы приезжают в музей завода постоянно, и теперь у них появилась возможность посетить зал, посвященный Великой Отечественной войне, и прикоснуться к истории. Конечно, никто не отказывается от такого шанса. Если есть возможность, я стараюсь проводить экскурсии, ведь каждый предмет здесь мне родной и рассказывать о нем можно до бесконечности. Конечно, очень хочется добавить интерактива: звуковые, световые и видеоэффекты, построить фрагментарно объекты фронтовых сооружений. Но это остается пока в мечтах — есть, к чему стремиться... Тем более что сейчас появилась новая тема исследования. Совсем недавно мне попало объявление о продаже крышки люка механика-водителя танка Т-34 в Орловской области. Но обязательным условием был самостоятельный вывоз его из леса, а предмет этот весит 170 кг. Перспектива ехать 2000 км и застрять

Выездная выставка «Чтобы помнили» на проходной завода «Конар». Челябинск, 22 февраля 2022 г.

Архив П. Г. Лопатина

Выставка «Чтобы помнили» с постоянной экспозицией в стенах музея легендарного завода «Станкомаш». Челябинск,

10 марта 2022 г. Архив П. Г. Лопатина

Братская могила воинов 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса, отремонтированная фермером Анатолием Михайловичем Молчановым. Борилово, 5 августа 2022 г.

Архив П. Г. Лопатина

Табличка на братской могиле уральских добровольцев. Борилово, 5 августа 2022 г. Архив П. Г. Лопатина

в лесу на раскисшей дороге, где даже танки не могли пройти, была сомнительной. Но вопрос решился, когда я стал изучать карты. Выяснилось, что на хутор надо ехать из древнего русского г. Болхова по ул. Добровольцев Урала. Оказалось, что именно на болховской земле принял боевое крещение 30-й Уральский добровольческий танковый корпус, именно здесь родилось название «дивизия черных ножей», которое навевало ужас на фашистских оккупантов. Все сомнения и опасения улетучились. Решение было принято единогласно — мы едем.

Описание поездки и анализ собранной информации заслуживает отдельной статьи. Можно только сказать, что нам с супругой удалось под проливным дождем с помощью добрых людей выбраться с тяжелым ценным экспонатом на асфальтированную дорогу, познакомиться с главой крестьянского хозяйства Анатолием Михайловичем Молчановым, который взял шефство над братскими могилами наших уральских до-

бровольцев. Он бросил уборочную страду и провез нас на своем УАЗике по местам захоронений. Мы познакомились также и пообщались с хранителем музея в с. Борилово Антониной Пьяновой. Именно здесь развернулось одно из крупнейших танковых сражений в истории — Бориловское, в котором весомую роль сыграли наши уральские добровольцы. Вчерашние уральские рабочие, которые не имели никакого военного опыта, выполняя знаменитый народный «Наказ», штурмовали хорошо подготовленные позиции врага, в том числе танковой дивизии СС «Великая Германия».

Уральцы самоотверженно выполняли приказ. Если приказ невозможно было выполнить, они героически погибали. Для примера можно привести подвиг экипажа танка «Челябинский пионер», построенного на средства, собранные челябинскими пионерами. Принимая боевую машину, экипаж танка заверил ребят, что он выполнит их наказ и в боях с врагом не уронит чести пионерского знамени. Из наградного листа:

Лейтенант Бучковский 31 июля 1943 г. в бою в районе Борилово показал себя смелым командиром взвода. Он со своим взводом прорвался вглубь обороны противника. Своим огнем он уничтожил 1 пулемет противника и более 100 солдат и офицеров противника. Танк засел в овраге. Он не покинул танк, продолжал разить врага огнем. 31 июля 43 г. героически погиб вместе со своим экипажем на поле боя смертью храбрых¹.

Когда советские танки, разгромив фашистов, прорвались к «Пионеру», он был уже мертв: гусеницы порваны, ствол пулемета погнут, броня в нескольких местах пробита, исцарапана пулями и осколками снарядов. Вокруг танка валялись трупы немцев, четыре разбитых пушки, две минометных батареи, исковерканные пулеметы. На почтительном расстоянии, опустив хоботы пушек к земле, стояли два сожженных танка. Это была работа «Пионера». В стволе пистолета лейтенанта Бучковского лежала записка. Танкисты писали:

Дорогие товарищи по оружию! Нам очень тяжело расставаться с жизнью. Но война есть война, и мы умираем с полным сознанием выполненного долга перед Родиной. Просим вас передать нашим друзьям, подарившим нам боевую машину, что их наказ и свою клятву уральцам мы выполнили. Жаль, что воевали мало. Уничтожайте врага, гоните его на запад без усталости, пока мир не будет спасен от фашизма. Мстите врагу. Бучковский, Агапов, Русанов, Фролов².

Жители Борилово свято чтят память о наших уральских добровольцах, освободивших их землю от «коричневой чумы». И очень хочется, чтобы могучий Урал подержал их порыв.

Подвиги уральцев на Орловской земле хорошо описывает в своих книгах доктор исторических наук, общественный деятель, писатель Егор Егорович Щекотихин.

Ну а крышка люка благополучно доставлена в Челябинск. Сейчас идет очистка ее от ржавчины и изготовление подставки. И совсем скоро новый экспонат займет свое место в экспозиции авторской выставки «Чтобы помнили». Поднимутся освобожденные от ржавчины откидные броневые крышки, так называемые «реснички», защищавшие смотровые приборы-призмы от пуль и осколков снарядов, и экипаж погибшего в бою за свободу нашей Родины танка будет смотреть в лица своих благодарных потомков...

Крышка люка механика-водителя танка Т-34, погибшего в Борилловском танковом сражении в июле 1943 г. Челябинск, 9 августа 2022 г. Архив П. Г. Лопатина

Примечания

¹ Бучковский Павел Иванович // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rodvig-chelovek_nagrazhdenie21384411/ (дата обращения: 11.05.2022).

² Петров М. Подвиг уральского «Пионера» // Магнитогорский металл. 2003. 21 июня.

МУЗЕЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

Сомнений нет, что музей представляет собой нечто уникальное в культуре как особой сфере пребывания человека в мире¹. Попробовав продолжить фразу «музей есть...», мы получим множество различных вариантов ответов — от привычного «места хранения знаний о прошлом»² до «музея как кладбища»³. Несмотря на такие различия в понимании основного содержания музея, все их объединяет, по нашему мнению, нечто общее — социальная реальность, зафиксированная в знаках и символах. Иными словами, музей предстает перед нами как «жизнь человечества вообще»⁴ или актуальная реальность социума в ее репрезентации не только музейными экспонатами, но и деятельностью его коллектива и посетителями. Таким образом, музей становится своеобразным текстом как «знаково-символической информационной системой разнообразного происхождения и предназначения»⁵, предполагающей прочтение и понимание определенного семиотического пространства, в котором происходит взаимодействие мира музея с миром публики. В результате чего и порождаются многочисленные интерпретации и переинтерпретации развития социальной реальности, в основе которых лежит музейная интерпретация, порождаемая самой различной музейной деятельностью (научно-фондовой, экспозиционно-выставочной, культурно-образовательной и др.). Наиболее отчетливо это манифестируется в экспозиционно-выставочной деятельности музея, поскольку именно в ее рамках осуществляется самая активная фаза коммуникации между посетителем, сотрудниками музея и предметами, хранящимися в музейных фондах. Попытаемся проследить путь музейной интерпретации как шаг на пути осмысления музея.

Посетитель музея, входя в его стены, начинает «читать» экспозиции, и на первый взгляд складывается впечатление, что происходит обращение к неизменному прошлому: событие имело место, оно зафиксировано и изменить его нельзя. Однако осуществляет это «проникновение в прошлое» читатель, пребывающий в дне настоящем — он присутствует здесь и сейчас. Более того, у него сформировалась своя картина мира под воздействием множества факторов (образование, жизненный опыт, социальный статус и т. п.). Следовательно, образ прошлого невольно изначально обрамлен рамками настоящего, и прошлое начинает им «прирастать». Происходит образование нового прошлого на основе его видения. В процессе такого приращения прошлое «вплетается» в ткань настоящего, отчасти приобретая его (настоящего) смыслы. Причем на первый план выходят те его стороны, которые так или иначе более актуальны для посетителя сегодня. Особенно отчетливо это проявляется в эпоху резких социальных перемен. Социальный транзит трансформирует прошлое, когда «из бесконечного ряда событий “выбирается” только актуально значимое, то, что служит опорой идентичности»⁶.

Начавшаяся как обращение к прошлому, музейная интерпретация осовременивает прошлое: оно становится подвижным и пластичным. Появляется соблазн переписать прошлое как минимум в сознании уже одного воспринимающего субъекта на данный момент. Типичный посетитель отнюдь не профессиональный историк, который «ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени»⁷. Именно в этот момент история, запечатленная в музее, превращается в мощное оружие управления сознанием, или так модной сегодня «мягкой силой» (soft power). О ней много говорят и

трудов написаны десятки сотен, но потенциал ее семиозиса изучен пока поверхностно⁸. Вместе с тем важно обратить внимание, что экспозиция сконструирована сотрудниками музея, и в ее оформлении неявно (а иногда и слишком явно) «присутствует» прочтение истории ими. Совершенно не случайно у каждой экспозиции есть автор (куратор, исполнитель, монтажер и т. п.), обладающий своим — особым — видом знания. Таким образом, прошлое в экспозиции формируется в разных символических универсумах, к которым присоединяется символический мир читателя. Происходит конструирование прошлого.

Важно помнить, что знание о прошлом начинает конструировать само прошлое и настоящее, как и любое знание о реальности конструирует ее саму. Фактически происходит интерпретация интерпретации, на почве которых формируются исторические дискурсы. Следует подчеркнуть, что исторические дискурсы не есть реконструкция прошлого, хотя активно стремятся в ней присутствовать.

В условиях современного мира интерпретационный характер нарастает за счет использования высоких технологий, усиливающих возможности музейных фондов и работающих с ними многократно. По этому поводу возник и приобрел широкое распространение даже особый термин «музеальность» («музеалия» — музейный предмет), описывающий специфику и силу взаимодействия посетителя и музея⁹. Для привлечения внимания посетителя, учитывая его увлеченность всевозможными гаджетами, музейные предметы прошлого начинают присутствовать в настоящем, и наоборот. Если первое у нас уже не вызывает сомнений и вопросов, то второе еще приводит к легкому недоумению. Так, благодаря применению технологий коммуникации наряду со временем происходит и изменение пространства, когда неопределенность имманентна миру. Образы пространства и времени не просто динамичны, они пластичны, что является благодатной почвой для фальсификации исторического факта и порождения новых мифов (особенно при формировании идеологий националистически настроенных государств в поисках обоснований своего места в мировом сообществе). В результате чего происходят «войны памяти», вносящие серьезные трансформации в сознание. Именно сознание человека становится полем битвы на современном театре военных действий¹⁰. «Мягкая сила» привлекательна тем, что обещает должное превратить в сущее, она предлагает желаемые переживания не путем принуждения, а путем «обольщения».

Музей обладает великолепным потенциалом «мягкой силы», поскольку он — общественная площадка диалога, место социального взаимодействия, личного общения, но не место промывания мозгов. «Мягкая сила» во многом определяется привлекательностью, обладать которой стремится современный музей. Сама атмосфера музея позволяет преодолевать разрыв памяти, устанавливая диалог с ней. Вопросы и мнения в процессе понимания — путь доверия к прошлому в настоящем и поиски вариантов развития будущего.

Вместе с тем не следует забывать, что у «мягкой силы» есть как положительные, так и отрицательные эффекты действия. Самый яркий пример — образ США, куда стремится большое число людей, особенно молодых, в том числе российских, надеясь на всестороннюю поддержку в реализации своих проектов. Противостоять этому довольно сложно, но вполне возможно. Мы слишком мало знаем о себе. Музей может стать актуальным местом для организации показов достижений края, лекций, уроков языка и др. Ведь у нас живут и работают замечательные люди, каждый из которых неповторим и достоин того, чтобы о нем и его времени знали, и это было бы интересно Другому, поскольку без него — Другого — диалог невозможен даже с самим собой. Только через проявление своего участия можно сохранить свое прошлое. Музей приглашает всех в культурный фонд человечества.

Примечания

¹ Степин В. С., Ионин А. Г. Культура // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6859> (дата обращения: 20.07.2022).

² Значение слова музей // Толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/muzej.html> (дата обращения: 14.01.2022).

³ Энциклопедия афоризмов. XIX век. Минск, 1999. С. 219.

⁴ Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. М., 1995. Т. 2. С. 370–422.

⁵ Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. № 10. С. 44.

⁶ Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое — The New Past. 2016. № 1. С. 85.

⁷ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории : сб. переводов. М., 1977. С. 134.

⁸ Прилукова Е. Г. Власть образов: знаково-символическое бытие власти. Челябинск, 2011. 204 с.

⁹ Камерон Д. Ф. Музей: храм или форум? // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Вып. 6. М., 1990. С. 38–49.

¹⁰ Керсновский А. А. Философия войны. М., 2019. 256 с. ; Сунь-Цзы. Искусство войны. М., 2018. 304 с. и др.

М. Е. Чаплыгин

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ, ИЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕИ «КАКИМ МУЗЕЮ БЫТЬ» НА СТРАНИЦАХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА С ПОЗИЦИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Русский коммунизм трудно понять вследствие двойного его характера. С одной стороны он есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны — явление русское и национальное. Особенно важно для западных людей понять национальные корни русского коммунизма, его детерминированность русской историей. Знание марксизма этому не поможет.

Н. А. Бердяев¹

На первый взгляд может показаться, что в этом высказывании Николай Александрович ведет речь о русском коммунизме и западном человеке, однако речь далеко не только об этом. Фактически речь идет о специфике их духа, потому что духом пронизана вся деятельность человека. Сегодня прежде всего нам самим необходимо понимание так называемого «русского духа», который, несомненно, проявился в музейном строительстве и проявляется в музейной деятельности.

В настоящее время довольно часто отмечается обращение к проявлениям политической воли прошлого, что вполне оправданно: поиски путей развития непредсказуемого настоящего и прогнозирования не менее непредсказуемого будущего возможны только при осмыслении происходящего, выросшего из прошлого. При этом важно обращаться к различным профилям этого прошлого, ибо сама «жизнь показала, что то, что часто не понимается и даже презирается сегодня, становится завтра предметом художественного наслаждения и даже поклонения»². При обсуждении прошлого фактически происходит осмысление настоящего и, возможно, выстраиваются контуры будущего. Музей с привычно воспринимаемыми, собираемыми и хранимыми предметами предъясняет нам дух народа и страны. Первые советские музеи, как и любые другие, возникали на почве духа народа, сформировавшегося на протяжении веков. Обращение к их опыту организации работы интересно как в познавательном, так и в практическом плане.

В силу своей природы музей не только дает представление о прошлом, но и конструирует его в заданном направлении, давая возможность помыслить о настоящем и будущем. Это хорошо понимали и понимают властвующие субъекты (даже не обладая высокой философской культурой), поскольку музей несет и формирует дух народа. Партия большевиков прекрасно понимала и данное обстоятельство, и специфику духа русского народа (термин «русский» здесь и далее применяется для обозначения народов, проживающих на территории государства, а не национальности). Продолжая традиции русской революционной интеллигенции второй половины XIX — начала XX в., советское правительство хотело прежде всего сформировать новое орудие борьбы с прошлым в лице нового — советского — человека, «иначе потом на руинах идеологических фронтов возникают критические проблемы с восстановлением коммуникации и смыслов»³. Поэтому не следует выносить однозначных оценок в отношении

деятельности советского государства, поскольку линейная дихотомия «плохо — хорошо / правильно — неправильно / истина — ложь» ошибочна. Кроме того, именно эта дихотомия, реализуемая практикой самого «русского коммунизма», сыграла для него роковую роль: взяв ее на вооружение, он, заявляя об освобождении личности, сделал ее своим рабом, опустошая ее противоречивый и сложный духовный мир. Картина мира упрощалась и превращалась в четкие схемы-указания «верной дороги в светлый путь», а «исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания»⁴. Ничему подобному, даже камню с надписями, вырастающему перед героем русских народных сказок на перекрестке дорог, места не было. Социальный заказ однозначно господствовал над сознанием и подавлял всякую мысль о нем. Музей к этой роли, как и многие другие учреждения, не допускался. Дух революционности был тотален, и оказалась «велика власть идеи над человеческой жизнью, если она тотальна и соответствует инстинктам масс»⁵.

Музеи в молодой Советской республике стали появляться в начале 1920-х гг., что вполне объяснялось требованием становления новой государственности. Главной своей задачей они видели просвещение народа с целью приобщения его к новым идеям, что нашло отражение в нормативных документах и дискуссиях представителей профессионального сообщества музейных работников. Справедливости ради следует сказать, что дискуссий как таковых не было, были совещания с отчетами и рекомендациями-указаниями руководящих лиц музеям по направлениям их работы.

Новое время потребовало нового просвещения, опять же продиктованного субъектом власти. Просвещение должно вестись в правильно понятом направлении: «...хранить произведения человеческого духа, значит, не только ограждать их от внешних разрушений, но и создать благоприятные условия, которые помогут всем понять и оценить внутреннюю сущность и значение каждого предмета, представляющего плод духовного творчества. Взять и положить под стул ценности духа значило бы уподобиться рабу, зарывшему сокровища, доверенные Господином, в землю. Только содействуя правильной оценке творческих созданий духа, только открывая всем возможность тонко и глубоко понимать их и всесторонне наслаждаться ими, мы выполним задачу их хранения в смысл высшего духовного обогащения всех людей, которых привлекает красота этих предметов, скрытая в них сила выражения и глубина их внутреннего содержания»⁶ (здесь и далее в цитатах подчеркнуто мной).

Государство сделало акцент и на «просветительских целях» в качестве основного требования к организации научно-исследовательской работы музея в новом формате времени. Обусловлено это тем, что музей всегда связан со временем (как его хранитель и конструктор) и любое «школьное образование, не только начальное, но и высшее, немислимо без музея»⁷. Система образования общества включает в себя просвещение и представляет собой пространство дисциплинарной власти⁸, поскольку она изначально ангажирована властью этого общества.

Для реализации цели «с пользой служить широким задачам просвещения музей должен обладать мощным научным аппаратом»⁹ и своим языком. Сразу же наряду со сбором материалов, их хранением и сбережением отчетливо обозначаются направления деятельности музея, тесно взаимосвязанные друг с другом, — просветительское и научно-исследовательское, при доминировании первого. Просветительству уделяется пристальное внимание.

Реализуя свою политику, государство высказывало мысль о необходимости даже создания либо специализированных (гуманитарных) музеев, либо таких отделов в местных музеях (называемых советскими авторами «краеведческими»). Ведь именно гуманитарная сфера наиболее тесно взаимодействует с идеями: она их производит и потребляет. Да и требование создания «нового человека» опять-таки принуждало музеи заниматься просветительством в духе версии русского марксизма, лишавшего человека экономических оснований (экономический детерминизм был в прошлом — в капитализме, по их мнению). Новый человек должен победить власть экономики над своей жизнью, что становилось новым объектом веры и поклонения. Естественно-научные музеи «прирастали» гуманитарной тематикой нового человека. В. И. Семенов-Тянь-Шанский писал, что «открытый 10 июня 1923 г. Центральный географический музей является пока единственным этого рода научным учреждением в России.

Его положение можно признать промежуточным между музеем естественно-историческим и гуманитарным» и он тоже показывает «правильную районизацию экономического положения и экономических возможностей отдельных местностей»¹⁰.

Подводя первые итоги «музейного строительства» и определяя его перспективы, специалисты неоднократно отмечали, что «музеи за годы революции приобрели совершенно исключительное значение. Музеи становятся могучими факторами как в деле культурной и вообще просветительской работы, так и в работе, способствующей экономическому развитию СССР»¹¹.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что хотя создание первых музеев и выбор их профилей носили спонтанный характер (особенно за пределами столичных центров — Москвы и Петрограда), формировалась «целая новая музейная сеть»¹². Работа музея выстраивалась по четырем ключевым направлениям: собирание, хранение, научно-просветительские выставки и использование «научно проработанного и выставленного материала для просветительских целей»¹³.

Одновременно внимание уделялось изучению посетителя музея, в работе с которым предлагалось использовать различные методы (конференции, опросы, формирование общественного актива, подготовка кадров и т. п.)¹⁴. Посетитель определялся важным звеном в цепочке «музей — экспозиция — работник музея» и занимал в ней свое особое место — музей работал на него. Для него музей искал новые формы просветительской работы, направленные на создание атмосферы эмоционального восприятия, которая должна была соединять в себе традиции русской революционной мысли и русской власти. Музей помогал большевикам организовать массы людей не силой оружия, а путем формирования нового мировоззрения, с помощью создания новых скрепляющих символов. Музейные экспонаты становились таковыми, являя собой орудие революционной борьбы, неся мысль «социальной справедливости и равенства», проникая в сознание.

Сегодня, когда мир стал пластичен, вновь важным становится обращение к духовному наследию прошлого, дающее возможность человеку мыслить и тем самым делающее его «причастным не только времени, но и вечности»¹⁵. Фактически происходит реабилитация идеологии, отношение к которой хотя и неоднозначно сложное, но мы все пребываем в ее пространстве. Музей ее бережно хранит и дает нам возможность осмысливать.

Примечания

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 7.

² Ольденбург С. Ф. Научная работа музеев // Музей. 1923. № 1. С. 15.

³ Рубцов А. В. Психоидеология войн // Независимая газета : сайт. URL: https://www.ng.ru/наука/2022-04-26/11_8427_psychoidology.html (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 96.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Романов Н. И. Местные музеи и как их устраивать. М., 1919. С. 8.

⁷ Руденко С. Музей истории человечества // Музей. 1924. № 2. С. 35.

⁸ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. ; М., 1997. 576 с.

⁹ Троицкий С. Н. Основы строительства гуманитарных музеев // Музей. 1923. № 1. С. 20.

¹⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. И. Центральный географический музей // Музей. 1924. № 2. С. 46.

¹¹ Ятманов Г. Задачи «Музея» // Музей. 1923. № 1. С. 1.

¹² Там же.

¹³ Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Черемухина Н. М. Что нужно знать о советском музее. М. ; Л., 1931. С. 13.

¹⁵ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 148.

55 ЛЕТ МУЗЕЮ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ Г. ЧЕЛЯБИНСКА

2022 год — юбилейный для старейшего ведомственного музея нашей области, Музея истории медицины города Челябинска. В этом году ему исполняется 55 лет. Путь, проделанный учреждением, немаленький. С чего же начиналась его история?

Инициатором его создания является Юлия Александровна Каменева, в то время главный врач городской клинической больницы № 1. Это была неординарная личность. До войны она окончила Харьковский институт народного хозяйства, работала журналистом в газетах, во время войны эвакуировалась в Челябинск, где поступила в Киевский медицинский институт (тоже эвакуированный). По его окончании работала заместителем заведующего, затем заведующей горздравотделом, в 1953–1976 гг. возглавляла городскую больницу № 1. Именно Юлия Александровна в 1967 г. организовала музей учреждения. Первыми его экспонатами стали личные вещи выдающегося хирурга, педагога, общественного деятеля, заслуженного врача РСФСР Петра Михайловича Тарасова.

В новый музей стали поступать и другие интересные экспонаты: первый медный больничный микроскоп и старинные разновесы 1878 г. Нюрнбергской фабрики весов и разновесов А. И. Штейнмана (дар фармацевта Г. Л. Мешалкина); набор хирургических инструментов для трепанации черепа, изготовленный на предприятии Э. Швабе, «поставщика Его Императорского Величества»; сигнатуры начала XX в. Гинеколог Э. П. Рыжова передала набор врача того же периода, принадлежавший ее бабушке. Кыштымская больница подарила медицинскую литературу конца XIX — начала XX в. Музейный фонд постепенно пополнялся.

Музей располагался в одном из больничных корпусов и занимал две небольшие комнаты. Возглавила его медсестра Людмила Львовна Окорокова. В год музей посещало около 2000 человек, в основном студенты медицинского института, школьники, ветераны-медики. На смену Л. Л. Окороковой пришла акушер-гинеколог Тамара Константиновна Новикова, а в 1987 г. ее сменил на должности заведующего музеем бывший главный врач Челябинской городской клинической больницы (ЧГКБ) № 1, кандидат медицинских наук, заслуженный врач России, организатор здравоохранения Израиль Моисеевич Матовский. Он руководил музеем до 2011 г., до последних дней своей жизни.

Сначала все материалы располагались в двух экспозициях, посвященных прошлому и настоящему городской больницы. Постепенно они пополнялись новыми экспонатами: хирургическими инструментами, медицинским оборудованием, документами, фотографиями, личными фондами выдающихся медицинских работников. Стало ясно, что музей вырастает из первоначального формата, его рамки значительно расширяются.

13 сентября 1999 г., в день рождения города, в соответствии с постановлением главы города и приказом по городскому управлению здравоохранения открылся Музей истории медицины г. Челябинска. Церемония открытия состоялась в присутствии значительного количества гостей. В ней участвовали также глава города Вячеслав Михайлович Тарасов, начальник городского управления здравоохранения Юрий Аркадьевич Тюков, главный врач ЧГКБ № 1 Николай Александрович Алексеев и заведующий музеем Израиль Моисеевич Матовский. Новый музей разместился в просторном

помещении на первом этаже жилого дома по адресу: ул. К. Либкнехта, 20 (ранее здесь располагалось эндокринологическое отделение больницы). А в 2003 г. на территории ЧГКБ № 1 был построен новый корпус — специально для музея. Туда он и переехал.

С 2011 г. музей возглавляет доктор медицинских наук, заслуженный врач России, бывший главный врач ЧГКБ № 1 Николай Александрович Алексеев. В штате музея четыре сотрудника: заведующий, два методиста и смотритель. Музей занимает площадь около 400 кв. м. Его экспозиция выстроена по тематико-хронологическому принципу: конец XVIII в. — наши дни. Методологической основой работы музея является прежде всего сохранение памяти о первых лекарях города, врачах периода революции и Гражданской войны, организаторах советской медицины, работниках эвакогоспиталей в период Великой Отечественной войны, медиках послевоенного периода вплоть до наших дней. Представлены начальный период медицинской службы Челябинска (дореволюционный), здравоохранение 1920–1930-х гг., когда одновременно с гигантским промышленным строительством в нашем городе возводились больницы, поликлиники, открылось первое медицинское учебное заведение — фельдшерско-акушерская школа (1934), появились квалифицированные медицинские кадры. Период Великой Отечественной войны представлен информацией о медиках, спасавших жизни солдат на фронтах, о работе тыловых госпиталей и больниц того времени, о вкладе ученых Киевского медицинского института, эвакуированного в 1942 г. в Челябинск, оказывавших медицинскую помощь раненым и жителям города, о Челябинском химфармзаводе, снабжавшем своей продукцией фронт и тыл.

Перед взором экскурсантов — домашние кабинеты выдающихся медицинских работников П. М. Тарасова и Р. И. Лифшица. Есть зал, посвященный первой городской больнице, аптечному делу. На стенах — планшеты, рассказывающие о работе медицинских учреждений города. Представлены ведущие специалисты, участники Великой Отечественной войны. Экспонируется мемориальная доска, посвященная медикам, ушедшим из Челябинска на фронт и погибшим, награжденным государственными наградами. Имеются материалы о работе медиков по оказанию помощи пострадавшим в крупнейшей железнодорожной аварии — Ашинской катастрофе. Широко показано аптечное дело. Заканчивается экскурсия в картинной галерее, где выставлены работы художников города и врачей-художников, а также литературные произведения медицинских работников.

В центре внимания всей работы музея — медицинские работники, их судьбы, деятельность во имя жизни и здоровья людей. В музее собрано 169 личных фондов организаторов здравоохранения, ученых, врачей, медсестер, им посвящены экспозиции, отмечаются памятные даты.

Музей входит в реестр медицинских музеев Российской Федерации, участвует в работе Ассоциации общественных музеев области и Общества краеведов Челябинска. Работники музея сотрудничают с учеными, краеведами, изучающими историю медицины Челябинска и Челябинской области.

Сотрудники музея ведут большую работу в Объединенном государственном архиве Челябинской области по выявлению материалов, связанных со здравоохранением. Собраны сведения к биографиям врачей и среднего медперсонала 1920–1930-х гг., взяты на учет имена медицинских работников, эвакуированных в нашу область в годы Великой Отечественной войны. Изучаются материалы, хранящиеся в государственных архивах соседних регионов: Республики Башкортостан, Оренбургской области. Заведующим музеем Н. А. Алексеевым на основе архивных материалов по истории здравоохранения города и ЧГКБ № 1 были изданы четыре книги: «Возвращение из небытия» (2014), посвященная жизням и судьбам врачей города дореволюционного периода; «От земской управы до горздравотдела (1917–1927)» (2016); «Богоугодное заведение» (2018) об истории ЧГКБ № 1; «По долгу служения» (2020) об организаторе первой больницы города штаб-лекаре В. Г. Жуковском.

Коллектив музея подготовил множество статей для энциклопедий «Челябинск» и «Челябинская область». Сотрудники музея публикуют свои материалы в газетах «Музейный вестник» и «Голос музейщика». Устанавливают контакты с музеями, краеведами и историками медицины в других городах, потомками врачей прошлых лет. Заве-

дующий музеем участвует с докладами, сообщениями в проводимых Объединенным государственным архивом Челябинской области и Государственным историческим музеем Южного Урала краеведческих чтениях, конференциях, публикует материалы по истории здравоохранения нашего города в средствах массовой информации. В музее кроме экскурсий проводятся беседы со студентами, даются консультации учреждениям и частным лицам. С 2021 г. учреждение принимало участие в краеведческой викторине для школьников «Я поведу тебя в музей...»

Продолжается сбор публикаций в средствах массовой информации о здравоохранении города, медицинских и аптечных работниках, участниках Великой Отечественной войны, о музеях города, работе ЧГКБ № 1 в условиях пандемии. Ведется летопись учреждений здравоохранения и музея, оформляется альбом медицинских династий.

В 2021 г. Н. А. Алексеев участвовал в открытии зала Общественного собрания Челябинска (Дом Покровского) и презентации книги врача Владислава Загорского «Мои воспоминания: мемуары польского врача о жизни в Челябинске (1885–1892 гг.)». Он подготовил и опубликовал справочный материал о медиках, чьи имена встречаются на страницах воспоминаний дочери врача А. Н. Неаполитановой «Челябинск начала XX века». Музейные материалы используются журналистами в теле- и радиопередачах, газетных публикациях.

Музей посещают медицинские работники, студенты не только ЮУГМУ, но и других вузов и колледжей, школьники, больные, проходящие лечение в ЧГКБ № 1, жители города, гости из других стран и городов. За год музей в среднем посещает около 5000 человек.

Коллектив музея стал лауреатом премии городской думы и Администрации города Челябинска «Признание» (2007), а его руководитель И. М. Матовский награжден премией в области культуры «Золотая лира» (2007). Музей отмечался дипломами и благодарностями областного Совета ветеранов войны и труда (2007), издательства «Каменный пояс» и редакции энциклопедии «Челябинская область». К 100-летию Объединенного государственного архива Челябинской области заведующий музеем Н. А. Алексеев за участие в работе областного архива отмечен благодарностью председателя Государственного комитета по делам архивов Челябинской области С. М. Иванова.

В Челябинске при некоторых лечебных учреждениях (областная больница, больница № 8) существуют небольшие музеи, посвященные их истории. И это очень правильно, так как сконцентрировать всю историю медицины города более чем за 200 лет в одном музее практически невозможно. Вызывает сожаление то, что некоторые больничные музеи были ликвидированы или не развивались. Ведь хранящаяся в них информация востребована обществом. Об этом убедительно свидетельствуют записи посетителей музея, оставленные в книге отзывов.

Я, Баязитов Р. Ж., житель Аргаяшского района, случайно увидел Музей истории медицины и был очень тронут. Все оформлено со вкусом и со знанием дела, чертовски приятно. Чувствуешь себя возвышенным. Здесь хранят память о тех людях, которые отдали все (знания, ум, здоровье) во имя спасения других людей. Я обязательно приведу несколько десятков людей, чтобы увидели то прекрасное, сокровенное из жизни медиков области.

Администрация и члены исторического кружка школы №12 г. Челябинска благодарят работников Музея истории медицины за оказание действенной помощи в подготовке учащихся к участию в 4-й городской краеведческой игре «Челябинск 1941–1945 гг. глазами детей». Консультации сотрудников музея, богатый фактический материал о работе медперсонала в годы войны в госпиталях и больницах, о полевом подвижном госпитале № 455 помогли нашей команде успешно выступить на игре. С безоглядной сердечностью встречают в музее и взрослых и детей всех возрастов, просвещают, помогают выбрать правильный путь в жизни, на примере замечательных медиков: Андреевского С. С., Жуковского В. Г., Тарасова П. М., Лифшица Р. И. и других. Низкий вам поклон за ваш труд, за высокую эрудицию, за человечность. С уважением, В. И. Базаева.

С огромным удовольствием ознакомился с музейными экспонатами. Это замечательно, что есть такие люди, как Израиль Моисеевич Матовский, которые отдают много сил и частичку души благо-

роднейшему делу. Мы должны знать историю медицины нашего города, мы обязаны помнить наших учителей. Это поможет приумножению успехов медицины, основоположниками и продолжателями которых были наши предшественники. Профессор Экгардт В. Г.

Спасибо вам за вашу экскурсию! Сейчас я точно поступлю в медучилище. Когда я стану перво-классным врачом, я обязательно пополню вашу коллекцию новыми экспонатами. Яна А. С., 9 класс, 147 школа.

Хотела стать провизором. Увидев все вещи музея, услышав рассказы о жизни наших великих врачей, хочу тоже быть врачом. Ведь это так здорово! Большое спасибо за такой клевый музей! (подпись неразборчива).

Уважаемые работники этого замечательного музея! Экскурсия, что вы нам провели, была просто потрясающая. Я очень рада, что мы смогли попасть к вам и взглянуть на историю медицины. Я учусь в 9-м классе, но уже жду не дождусь, когда смогу поступить в медицинский университет. Посмотрев на экспонаты, я почувствовала, что учиться на врача стану еще охотнее. Я сейчас в таком восторге, что даже путаю слова. Огромное спасибо!! Желаю процветания и т. д. Надеюсь, еще увидимся. Бурятия, г. Улан-Удэ. Шкроба.

В итоге хочется еще раз подчеркнуть, что своей деятельностью Музей истории медицины города Челябинска пробуждает интерес граждан, особенно молодежи, к истории города, чувство гордости за деятельность наших земляков, выдающихся и рядовых медицинских работников, борющихся за жизнь и здоровье людей, прививает интерес к этому нелегкому труду.

Секция 2

**Навстречу 100-летию музея:
история Государственного
исторического музея Южного Урала
(события, люди, коллекции)**

РАННИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА УРАЛЬСКОГО ХУДОЖНИКА И. Л. ВАНДЫШЕВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: РИСУНКИ ИЗ ОКОПОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск) находится архив одного из старейших художников региона — Игнатия Лукича Вандышева (1891–1964). Это человек интереснейшей судьбы, один из создателей местной организации Союза художников. В регионе он известен в основном живописными полотнами, на которых воссоздан старый, дореволюционный Челябинск. Однако творческое наследие художника очень обширно и разнообразно по темам. С исторической точки зрения наименее изученной и чрезвычайно интересной представляется часть этого наследия: наброски периода Первой мировой войны, созданные начинающим художником непосредственно на фронте. Эти произведения были впервые показаны в 1991 г. на выставке к 100-летию со дня рождения художника в Челябинской картинной галерее, а в следующий раз в большом объеме — в 2021 г. в Государственном историческом музее Южного Урала в первом разделе экспозиции на выставке «И. Л. Вандышев. Художник умный и правдивый». Целью настоящей работы является обозначение исторической ценности данных произведений, попытка их классификации и описание особенностей.

Для понимания специфики этих рисунков необходимо обратиться к биографии художника. Главным и, по сути, единственным исследователем жизни и творчества И. Л. Вандышева является искусствовед Г. С. Трифонова, к работам которой мы и обращаемся. Важнейшим источником для понимания задач художника является его дневник, опубликованный в 2002 г. Сведения о биографии и творческом пути И. Л. Вандышева есть также в энциклопедиях, каталогах и периодической печати.

Игнатий Вандышев родился в казачьей семье на хуторе Вандышево Уйской станицы Оренбургского казачьего войска. Рано осиротевший, он получил только начальное школьное образование, рисованием же занимался самостоятельно, вопреки воле родителей, вызывая насмешки односельчан. Его «учителями» в то время были постоянная работа с натуры, копирование иллюстраций из журналов и кратковременная переписка с художником-академиком Н. С. Самокишем. Только невероятная целеустремленность, упорство и одаренность позволили Вандышеву достичь довольно серьезных успехов уже в юном возрасте. Произведения этого периода (начала 1910-х гг.) еще отличаются некоторой неуверенностью, в них можно найти технические ошибки и попытки подражания журнальным образцам. Однако уже в них проявились и главные достоинства этого художника: точность, наблюдательность, внимание к деталям. В это же время Игнатий Вандышев формулирует для себя основные задачи художника, позже изложенные в дневниках: «Правдиво-реально отражать замечательную окружающую жизнь, которую нужно наблюдать ежедневно, ежечасно, ежеминутно»¹. Являясь, таким образом, принципиальным и последовательным приверженцем реалистического метода, художник часто обращается к жанру репортажных зарисовок, пытается осмыслить действительность через типичные явления.

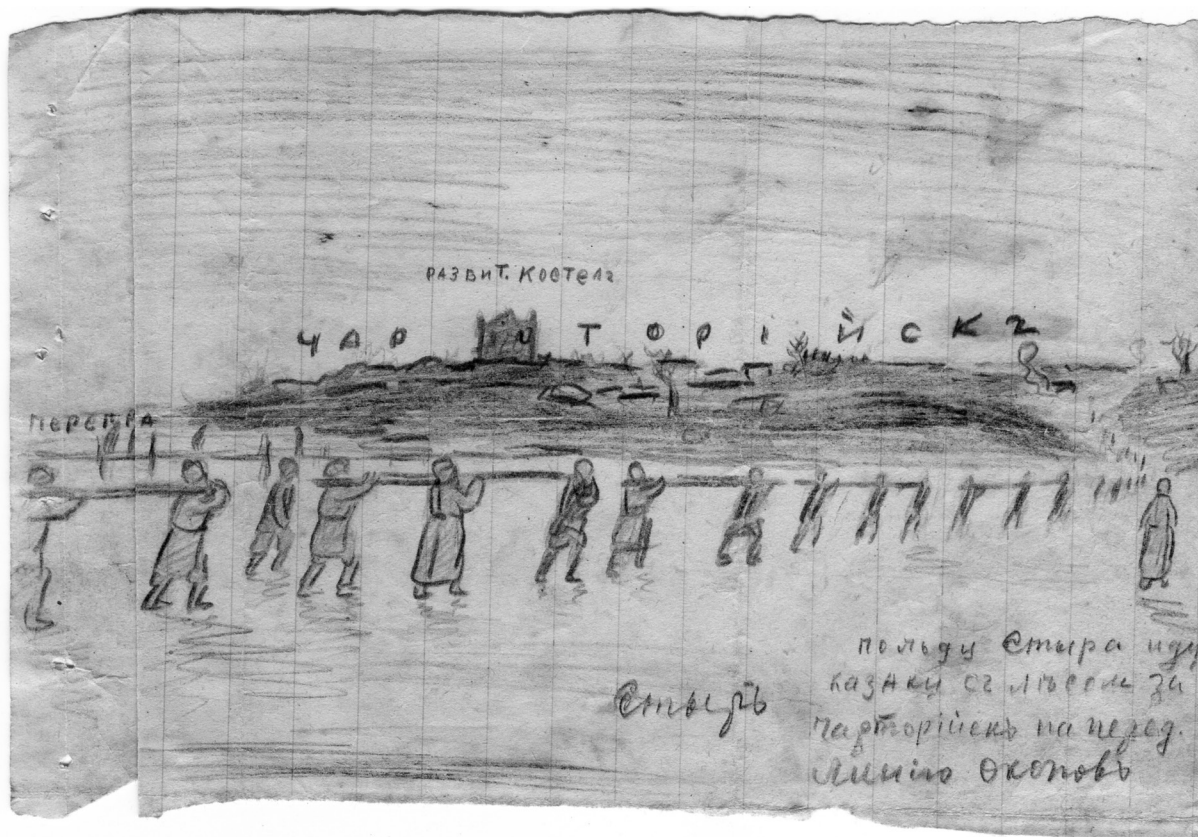
Именно на этом этапе развития находилось творчество молодого художника, когда он в 1915 г. был отправлен на фронт Первой мировой войны в составе 10-го казачьего полка, на границу Волынской губернии с Молдовой и Румынией. И предметом данной

работы являются многочисленные (около 70) произведения, созданные им в 1915–1917 гг. непосредственно в действующей армии².

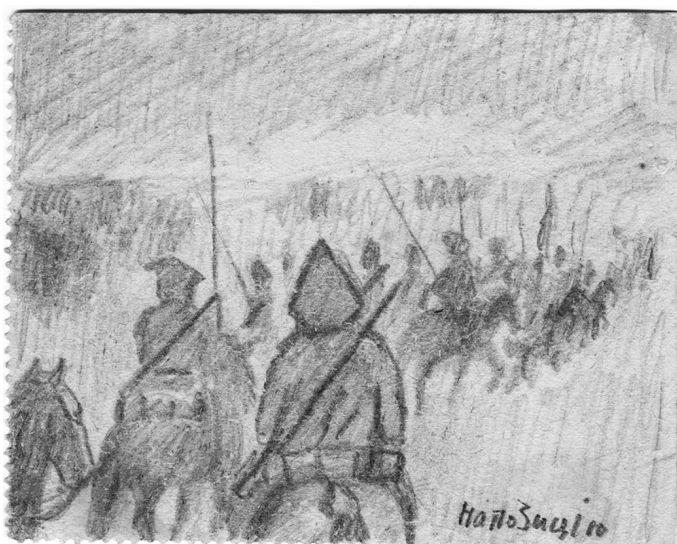
Для этого периода творчества И. Л. Вандышева характерны разнообразие жанров, широкий круг сюжетов. Для молодого казака, никогда не бывавшего за пределами Южного Урала, новым было все: ландшафты, климат, люди, события. Он пытался осмыслить огромный поток впечатлений. Разнообразие материалов и техник объясняется условиями, в которых пришлось работать художнику. Не всегда можно было найти даже обычный карандаш, а большинство рисунков сделаны на обороте почтовых карточек и писем. Все эти произведения дошли до нас только потому, что Вандышев отсылал их вместе с письмами домой, а его родные на Урале сохранили эти драгоценные листочки. Потомки художника передали их в музей вместе с остальными произведениями. Исследователю этого периода творчества И. Л. Вандышева нужно быть готовым к тому, что боль-

Казак И. Л. Вандышев. 1915–1917 гг.

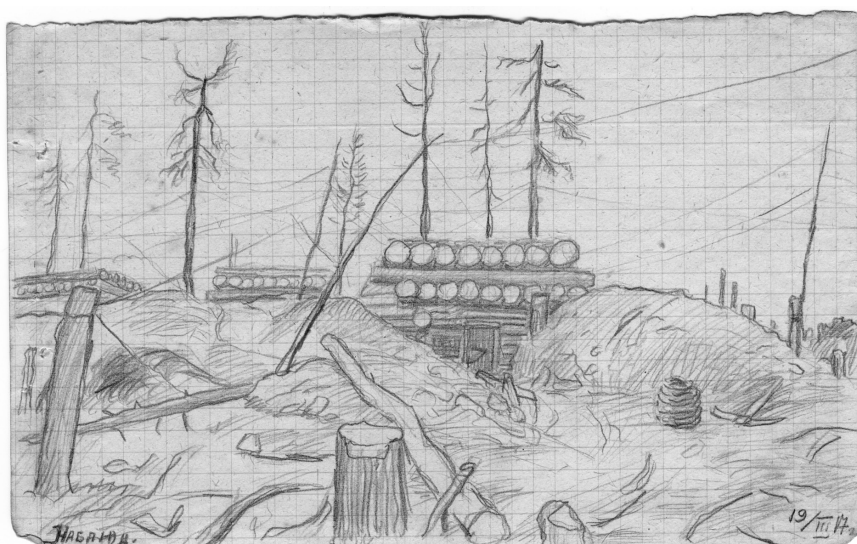
И. Л. Вандышев. По льду Стыра идут казаки...

И. Л. Вандышев. На позицию

И. Л. Вандышев. В окопах

И. Л. Вандышев. Наблюдательный пункт

шинство произведений — маленькие по формату кусочки картона и плохой бумаги, рисунки чаще всего сделаны химическим карандашом, иногда изображения помещаются непосредственно в тексте писем.

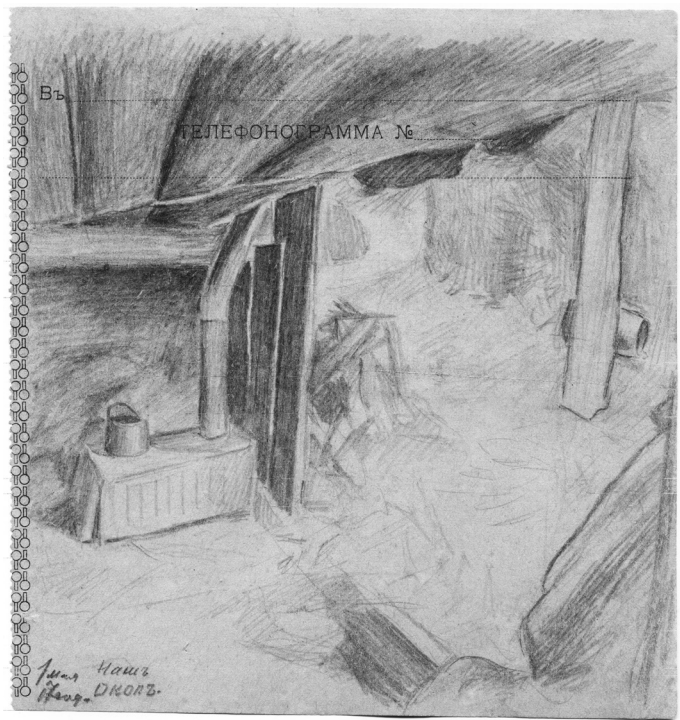
Первая группа рисунков Игнатия Вандышева с фронта Первой мировой — наброски и зарисовки, сделанные непосредственно во время событий. Их отличают эскизность, репортажная точность. Художник стремится сохранить все детали, часто подписывает элементы рисунка, что подчеркивает их документальную ценность.

В качестве примера можно рассмотреть набросок «По льду Стыра идут казаки...». На обрывке тетрадного листа химическим карандашом явно с натуры набросаны фигурки людей, цепочкой пересекающих пространство замерзшей реки, попарно несущие жерди. Художник, сокращая слова, торопится подписать: «По льду Стыра идут казаки с лесом за Чарторыйск на перед. линию окопов», «переправа», «разбит. костел». Похожи по характеру рисунки «На позицию» (крохотный листочек 6×8 см с верховыми, уходящими в туманный пейзаж), «Наблюдательный пункт», «В окопах». При всей их фрагментарности и несовершенстве быстрого рисунка они ценны как живое свидетельство очевидца и участника событий.

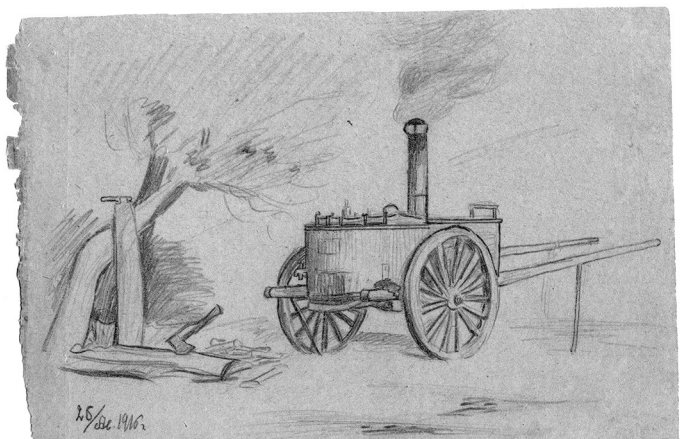
Тем же документальным характером обладают зарисовки фронтового быта. Это тоже небольшие, но уже завершённые рисунки: «Наш окоп», «Кухня», «Горчично. Ночевка в школе» и др. Солдатские будни сохранились в набросках «На дежурстве у телефона», «Солдат за шитьём». Основной их характеристикой остается детализированность, точность. Этими рисунками можно иллюстрировать фронтовую хронику начала XX в.

Отдельная важная часть творчества Вандышева периода Первой мировой войны — портреты однополчан. По воспоминаниям, казак-художник поначалу вызывал насмешки сослуживцев, но впоследствии каждый захотел получить портрет. Сохранилась, очевидно, малая их часть, так как остальные забирала себе изображенные бойцы. Те же, что художник отсылал в письмах домой, самым автором объединены в серию «Типы 10-го полка». Портреты эти создавались явно в минуты отдыха, без спешки, художник пытался изыскать более приличные материалы для работы. Здесь чувствуется влияние журнальных иллюстраций и пока еще не вполне грамотный рисунок. Во всяком случае здесь ошибки и несовершенства больше заметны, чем в пейзажах и бытовых зарисовках. Возможно, причина в том, что в портретах художник чувствовал себя более скованным мнением заказчика, старался сделать «красиво», доверяя виденным где-то образцам, а не собственному художественному чутью, которое в зарисовках с натуры редко его подводило. Более удачны «Командир полка Колесников» и «Писарь Крылов», изображенные за работой. Вандышев умеет передать индивидуальные черты характера, настроение модели — «Ординарец Баландин», «Портрет казака Черн.».

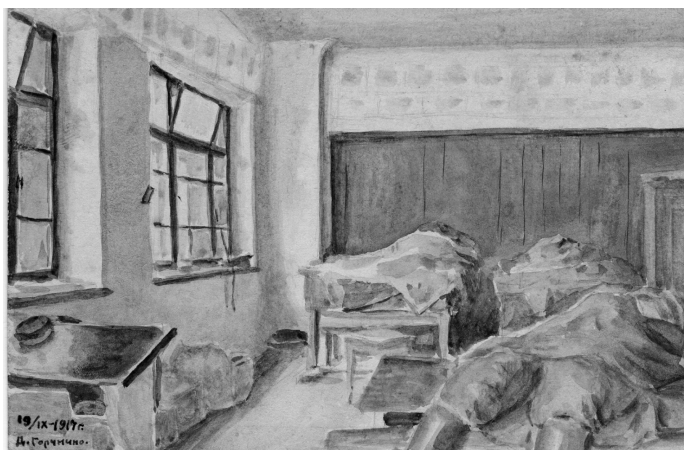
Пожалуй, наиболее ценная с исторической точки зрения группа набросков — быт и жители Волынской губернии. Художнику — уральскому казаку — интересно,

И. Л. Вандышев. Наш окоп

И. Л. Вандышев. Кухня

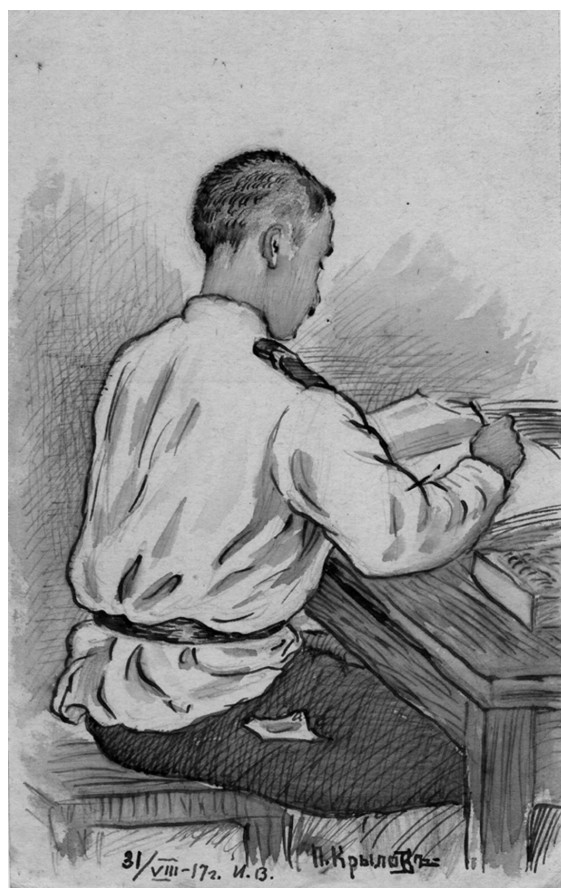
И. Л. Вандышев. Деревня Горчично. Ночевка в школе

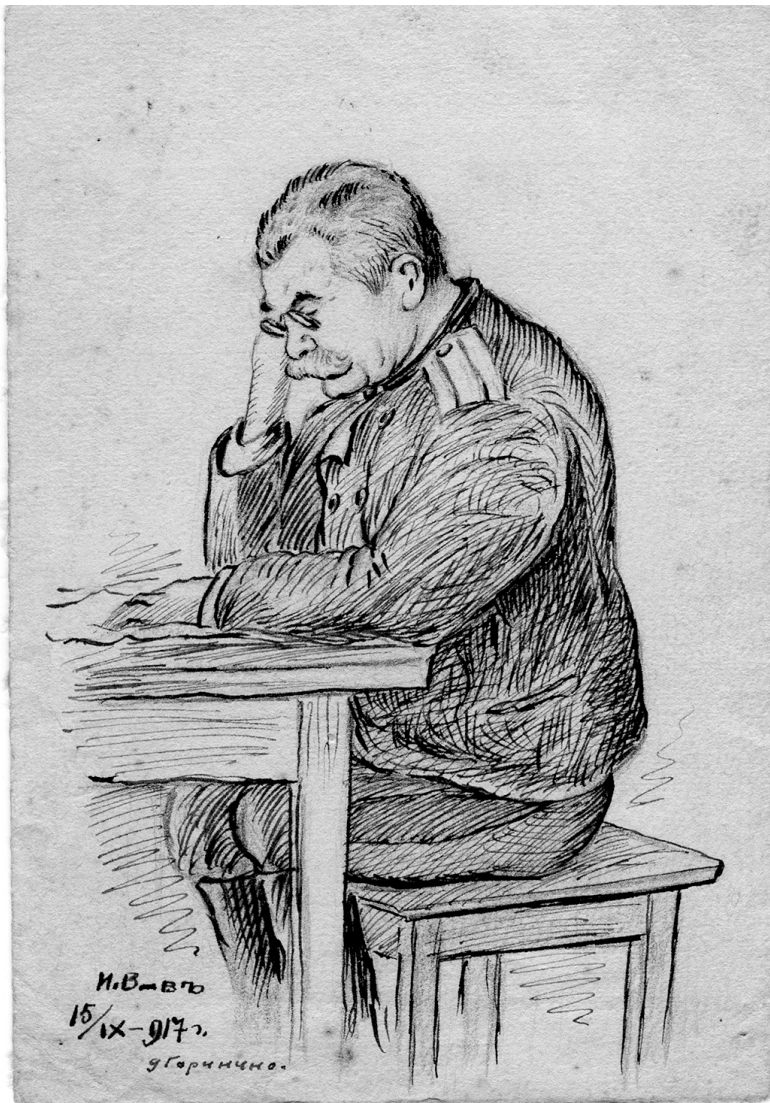
И. А. Вандышев. На дежурстве у телефона

И. А. Вандышев. Солдат за шитьем

И. А. Вандышев. Писарь П. Крылов.
Серия «Типы 10 полка»

И. Л. Вандышев. Командир полка Колесников.
Серия «Типы 10 полка»

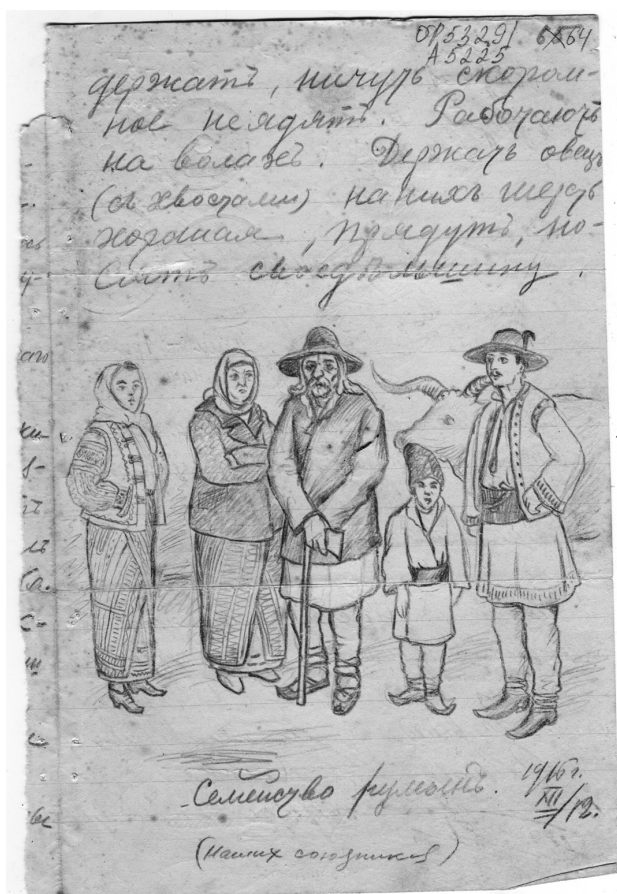
И. Л. Вандышев. Ординарец Баландин. Серия «Типы 10 полка»

И. Л. Вандышев. Портрет казака С. Черн. Серия «Типы 10 полка»

как и чем живут здесь люди. Он подробно записывает, что сеют, какой держат скот, чем топят печи, зарисовывает интерьеры хат. Например, над рисунком «Семейство румын» он обстоятельно подписывает: «...работают на волах. Овец держат (с хвостами), на них шерсть хорошая, прядут, носят своедельщину». Вола он зарисовывает здесь же, как незнакомое для себя животное. Много бытовых подробностей в рисунках: в «Интерьере хаты с фигурой женщины» Вандышев замечает большую охапку соломы — непривычный ему вид топлива; удивляют его и крытые соломой крыши хат. Эти записи вместе с бытовыми зарисовками в большом количестве он отправляет домой. Расспрашивая людей, рассматривая и зарисовывая предметы быта, он, возможно, не вполне осознает, что занимается этнографической работой. Им движут искреннее любопытство, открытость миру, стремление сохранить новые знания. Благодаря этим качествам появляются уникальные документальные свидетельства.

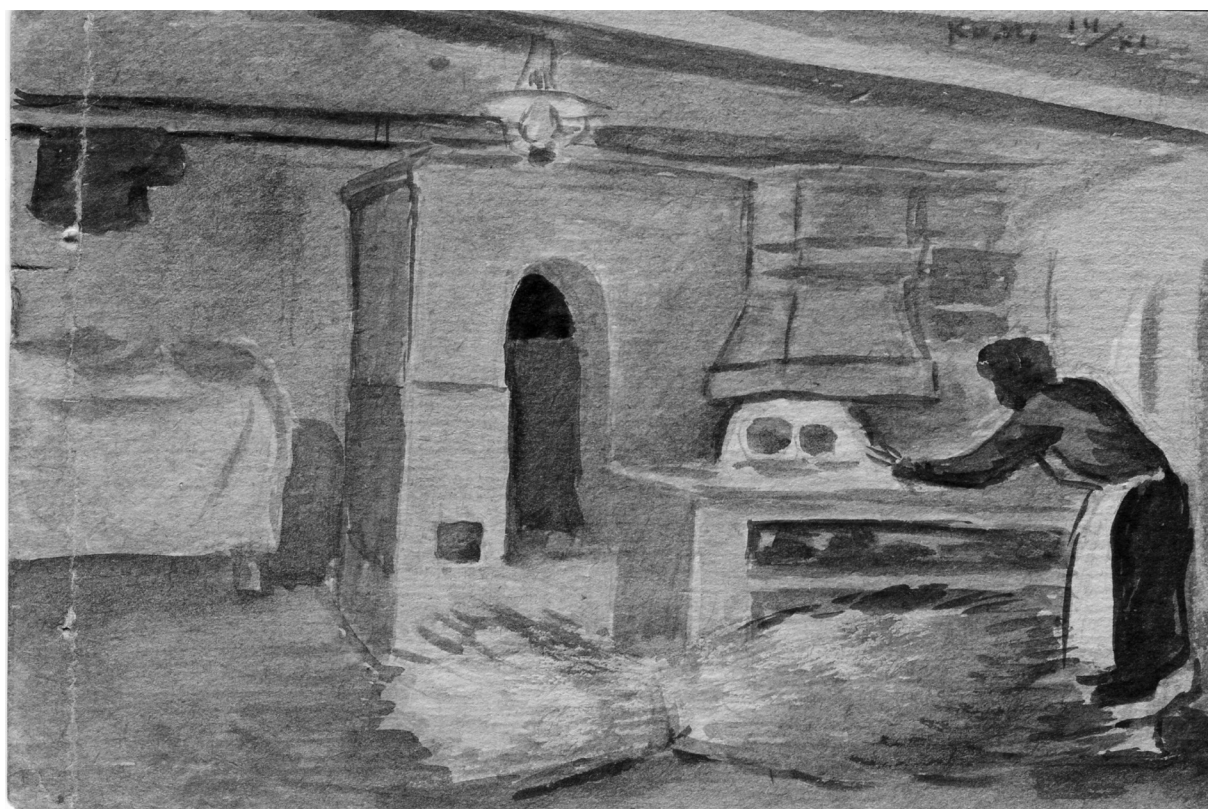
Особенно важны сохранившиеся портреты крестьян — жителей Волынской губернии. Во время длительных стоянок полка художник успевал познакомиться с населением хуторов и деревень. Возможно, эти люди относились к любопытному казаку-художнику с тем же недоумением, что и родные Вандышеву уральские односельчане. Однако они рассказывали ему о своей жизни и позволяли делать зарисовки. Интересная деталь: среди портретов местных жителей (в основном, женщин) нет специально позирующих людей. Деревенская жизнь и военное время не располага-

И. Л. Вандышев. Семейство румын

И. Л. Вандышев. Женщина с шитьем в руках.
Серия «Типы Волынской губернии»

И. Л. Вандышев. Интерьер кухни с фигурой женщины

И. Л. Вандышев. Савастия

И. Л. Вандышев. Зоська. Серия «Типы Волынской губернии»

ли к праздности. Женщины заняты повседневными хлопотами — шьют, прядут, готовят («Румынка прядет», «Интерьер кухни с фигурой женщины», «Женщина с шитьем в руках»). Иногда появляется имя модели — «Савастия» (возможно, хозяйка того дома, где жил художник). Явно позирует только девочка-подросток («Зоська»).

В этих портретах художник тщательно прорисовывает детали национальной одежды, с теплом и симпатией пишет лица. Групповые портреты («Семейство румын», «Типы Волынской губернии») вряд ли сделаны с натуры. Скорее всего, Вандышев объединяет ранее созданные наброски. Композиция и характер этих групповых портретов напоминают иллюстрации к историческим и географическим статьям, которые художник мог видеть в журнале «Нива» и других изданиях. Собственно, о научной составляющей своего творчества Вандышев догадывается, снабжая рисунки подробными подписями и объединяя в серию «Типы Волынской губернии». К сожалению, зарисовки эти тоже сделаны на случайных листах, иногда на обороте

И. Л. Вандышев. Типы Волынской губернии

И. А. Вандышев. Дорога к позиции (вверху).
Типы Волынской губернии

бернии художник игнорирует военные действия, приметы непростого времени. Это мирные ландшафты, мирные люди, будничные домашние хлопоты. Возможно, этого края еще не коснулись разрушения и бедствия. Но мы, зрители XXI в., уже знаем, что по этим местам в прошлом столетии прокатились две страшные мировые войны, что население этой части Европы целенаправленно уничтожалось фашистами. Получается, что художник Вандышев успел запечатлеть этот мирный быт буквально на пороге грядущих бедствий. Запечатлеть с наивной добросовестностью и искренней симпатией, еще не ведая, что оставляет бесценное свидетельство об утраченном мире.

Чудом эти листочки с фронтовой почтой добрались до Урала, чудом не были утеряны или пущены на растопку в последующие тяжелые годы. После революции художник не афишировал этот период своего творчества, к тому же стеснялся технического несовершенства ранних работ. Возможно, только сейчас постепенно становится ясной их историческая ценность. Действительно, наследие Первой мировой войны, память о ее событиях и участниках не так ярко представлены на постсоветском пространстве в искусстве и массовом сознании по сравнению с другими событиями XX в. Путь и подвиги казаков Оренбургского войска, чьи лица сохранили портреты Вандышева, неизвестны даже большинству их земляков. А этнографические зарисовки Волынской губернии тех лет могут быть интересны не только искусствоведам.

Собственно творческое наследие И. А. Вандышева уже имеет опыт нового осмысления в качестве документа: большинство краеведческих изданий, посвященных истории г. Челябинска, проиллюстрированы репродукциями произведений этого художника, в которых историческая достоверность сочетается с живой эмоциональностью.

Таким образом, ранний период творчества выдающего уральского художника И. А. Вандышева стоит внимательно исследовать не только с художественной точки зрения, но и как бесценное документальное наследие сложной эпохи. Произошло уникальное стечение обстоятельств — художник-реалист, достаточно хорошо владеющий техникой, сознательно поставивший себе задачу «правдиво-реально отражать окру-

писем, например фрагментарные наброски «Семейство румын. Румынка прядет. Румынский дом. Румынские деньги». Возможно, художник планировал в дальнейшем использовать их как материал для создания уже завершенных произведений. Так или иначе, важно, что эти эскизы и записи сохранились. Особенно интересен лист, заполненный рисунками с двух сторон: «Дорога к позиции. Типы Волынской губернии». На четверти тетрадного листа Вандышев изображает композицию: мужчины, женщины, дети. Они стоят двумя группами, и художник подписывает их, обозначая основное население той местности: «Хохлы» и «Евреи». Тщательно прорисованы национальная одежда, типы лиц, возрастные особенности, намечено взаимодействие персонажей.

Эти этнографические зарисовки, созданные внимательным и добросовестным художником, по прошествии лет неожиданно приобретают и другое значение. Обратим внимание на то, что в пейзажах и «типах» Волынской губернии

жающую жизнь», оказался участником исторических событий. Также по счастливой случайности созданные им произведения сохранились до наших дней. Эти рисунки могут и должны стать предметом отдельных исследований, с ними нужно знакомить широкую зрительскую аудиторию. Значение произведений И. Л. Вандышева периода 1915–1917 гг. выходит за рамки местной, региональной истории искусств, являясь частью исторической памяти разных поколений и народов, связанных общей судьбой.

Примечания

¹ Дневник И. Л. Вандышева / публ. О. В. Субботиной, Е. Л. Степановой // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 566.

² Все рисунки хранятся в фондах Государственного исторического музея Южного Урала.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ССЫЛКА. ЕЩЕ РАЗ ОБ УРАЛЬСКОЙ ССЫЛКЕ С. Н. ДУРЫЛИНА

«9 января 1923 года, 4 утра. Вокзал. Только что прошла пора страшного голода, еще грабят. Ходим по улице, из вокзала гонят. Мороз 28°¹, — так вспоминала в своем письме о первых часах нахождения в Челябинске И. А. Комиссарова (1899–1976), прибывшая в этот город с С. Н. Дурылиным. Судьба Сергея Николаевича заинтересовала меня на рубеже 1980–1990-х гг., когда я работал над справочником «Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.)»². Собирая материалы о музее и Челябинском обществе изучения местного края (1922–1930), я не мог не обратить внимание на этого человека, поскольку он сыграл значительную роль в деятельности и того и другого. Изначальной информации о Дурылине было немного, поэтому я попробовал максимально собрать все то, что говорило бы о его жизни и деятельности на Урале.

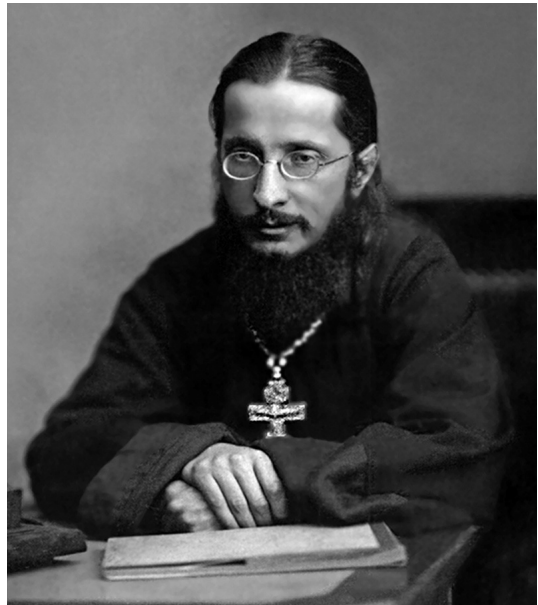
Первое, что я обнаружил в разделе персоналий областного музея, в котором я в то время работал научным сотрудником, было письмо И. А. Комиссаровой-Дурылиной, строчки из которого я процитировал выше, фотография С. Н. Дурылина и А. А. Яблочкиной, а также книга Сергея Николаевича, посвященная художнику М. В. Нестерову. Написал письмо в Музей С. Н. Дурылина в Болшеве и получил ответ, написанный А. А. Комиссаровой (1907–1994). Начал тотально изучать материалы начала 1920-х гг., хранившиеся в Государственном архиве Челябинской области (ныне ОГАЧО), в библиотеках города, в научном архиве краеведческого музея. В последнем, на мое счастье, сохранились личные дела первых сотрудников музея, в том числе С. Н. Дурылина. Они не были сданы в архив и находились в ведении ученого секретаря музея. Когда я впервые открыл папку, на которой было написано «Дурылин Сергей Николаевич», я понял, что мне необычайно повезло — я нашел то, что искал. В моих руках оказались документы, рассказывавшие о челябинской ссылке С. Н. Дурылина, к тому времени никем не опубликованные. Слава богу, на дворе был уже 1990 г., поэтому я без проблем смог обнародовать их через областную молодежную газету³. В 1997 г. этот материал вошел в сборник «Летописцы земли уральской»⁴.

В последовавшие за этим времена количество публикаций о С. Н. Дурылине как философе, искусствоведе и религиозном деятеле резко возросло⁵. Появилось много новой информации, в той или иной мере освещался вопрос и о челябинской ссылке Сергея Николаевича. В частности, были уточнены причины того, как он оказался на Урале. В публикации В. Г. Макарова, научного сотрудника Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ (Москва), наконец-то были опубликованы фрагменты реальных следственных дел, возбужденных в отношении Дурылина, в том числе в 1922 г. Нельзя сказать, что до этого в литературе факт и дата ареста были абсолютно неизвестны. Но, как правильно отмечал В. Г. Макаров, дата и обстоятельства этого ареста описывались, как правило, «очень кратко и не совсем точно»⁶. В действительности же арест Сергея Николаевича Дурылина произошел 12 июля 1922 г., после чего он некоторое время содержался при комендатуре ГПУ. Как раз в это время в ГПУ было направлено два письма в его защиту — от Политического Красного Креста и от члена коллегии Наркомпроса В. Н. Яковлевой. 8 августа того же года Дурылина перевели во Владимирскую тюрьму, где он находился почти четыре месяца. 26 сентября 1922 г. в ГПУ с просьбой облегчить участь арестованного обратился его брат Георгий

Николаевич. Решение судьбы Дурылина затягивалось. 30 октября коллегия ГПУ передала дело Дурылина на рассмотрение комиссии НКВД по административным высылкам, та приняла решение выслать Дурылина на два года в Хиву. С просьбой пересмотреть такое решение в комиссию обращались различные люди. Именно в это время (12 декабря 1922) было написано письмо (его копия хранится в научном архиве Государственного исторического музея Южного Урала), подписанное Л. Б. Красиным, П. С. Коганом и А. В. Павловым и поддержанное в тот же день А. В. Луначарским, Л. Б. Каменевым, В. Н. Яковлевой. В 2008 г. аналогичное письмо с подлинника, хранящегося в архиве ФСБ, было опубликовано в «Вестнике Петербургского Свято-Тихоновского гуманитарного университета»⁷.

Решением комиссии НКВД по административным высылкам от 15 декабря 1922 г. Дурылин вместо Хивы был сослан в Челябинск. Политуправление долго упорствовало, не желая идти просителям навстречу, но в конце концов вынуждено было уступить, поскольку в числе ходатайствующих были крупные государственные деятели (А. В. Луначарский, М. И. Калинин, Д. И. Курский и др.). Публикаторы фрагментов следственного дела особо останавливаются на вопросе о священстве Сергея Николаевича, связывая это со смягчением условий ссылки. Как известно, С. Н. Дурылин после смерти матери в 1914 г. высказывал мысли об уходе в монашество. В 1920 г. под влиянием ныне канонизированного о. Алексея Мечева (1859–1923) Сергей Николаевич принял решение стать священником. В соответствии с церковной традицией, епископ Феодор (Поздеевский) 8 марта 1920 г. рукоположил его в диаконы, а 15 марта того же года — в иереи (священники) с обетом безбрачия (целибат)⁸. Дурылин служил в Москве в храме Николая Чудотворца в Кленниках под руководством настоятеля о. Алексея Мечева. В 1921 г. был перемещен настоятелем в Боголюбскую часовню у Варварских ворот Китайгородской стены (ликвидирована в 1923 г., снесена в 1928 г.). Именно в это время Дурылин проявил себя как православный деятель, уважаемый и прихожанами, и духовенством. Власти в начале 1920-х гг. активно внедряли в РПЦ обновленчество, поэтому не могли не обратить внимание на противостоявшего им «одаренного» священника Сергея Дурылина⁹. В одном из документов ГПУ, датированном 24 октября 1922 г., говорилось: «ДУРЫЛИН является одним из самых видных антисоветских деятелей. При изъятии церковных ценностей он, вместе с попом Давыденко Петром (ныне скрывающимся от суда и следствия), нападал на монахов-прислужников указанной часовни за то, что они занесли в опись все имеющиеся ценности, и хотел их выгнать вон, т. к. они “вместе с властями ограбляют храмы”... Вместе с другими попами он часто выступал с проповедями, в которых указывал, что вера Христа попрана, что храмы ограбляются и верующие насилуются властью...»¹⁰

Очевидно, у властей была информация и о том, что в 1917 г. С. Н. Дурылин написал две брошюры к Первому собору РПЦ¹¹. Поэтому и предполагали нейтрализовать Дурылина, отправив его в Хиву, район далеко не православный. Информация о том, что условием смягчения ссылки был будто бы ответ А. В. Луначарского на обращение ходатайствовавшего за Сергея Николаевича А. В. Щусева («Судьбу его изменить не могу. Но могу, если он снимет рясу, помочь с работой»), в литературе цитируется довольно часто. По всей видимости, этот ответ существовал всегда в устной форме, поэтому никому из исследователей опубликовать документ с резолюцией до сего дня не удалось. Что же до сути вопроса, то историки, его исследовавшие, разделились на две антагонистические группы, одна из которых считает, что Дурылин не снимал сана¹², а другая — что от сана ему пришлось отказаться¹³.

*С. Н. Дурылин в бытность священником.
Начало 1920-х гг. Из архива автора*

Может быть, мы бы и не стали особо поддерживать ту или иную группу, если бы в аргументах в пользу одной из этих точек зрения не появился «челябинский» след, который и заставляет нас вступить в дискуссию. В официальном издании Московской патриархии — «Православной энциклопедии» — в статье «Дурылин Сергей Николаевич»¹⁴, опубликованной под авторством Г. Е. Померанцевой, во фрагменте, относящемся к челябинской ссылке С. Н. Дурылина, читаем: «Сохранились свидетельства о его тайном священнослужении (в частности, о том, что в Челябинске он тайно отпевал расстрелянных, тела которых монахи вылавливали из реки)». Источником этих сведений является Е. Крашенинникова, чьи воспоминания о Дурылине были опубликованы в 1999 г. в периодическом издании «Альфа и Омега»¹⁵.

Как указывает сама Крашенинникова, познакомилась она с С. Н. Дурылиным в 1943 г., а приводимые сведения сообщила ей Ирина Алексеевна Комиссарова, бывшая с Сергеем Николаевичем в ссылке. Текст этого рассказа в записи Крашенинниковой звучит так: «Когда Сергея Николаевича после тюрьмы отправили в ссылку в Челябинск, отец Алексей (Мечев. — В. Б.) благословил меня сопровождать Сергея Николаевича в ссылку, сказав, что Сергею Николаевичу нужна мать, без этого он погибнет. Я дала согласие, и мы поехали». В Челябинске Сергей Николаевич даже организовал археологический кабинет, но жизнь Ирины Алексеевны и Сергея Николаевича была наполнена иным содержанием. Монахи вылавливали из реки плывущие трупы и делали гробы. Это были времена массовых расстрелов. Ирина Алексеевна шила им саваны, а Сергей Николаевич их отпевал».

Возьмем на себя смелость и скажем, что эти яркие, будоражащие фантазию утверждения не имеют никакого отношения к реальности. Так уж получилось, что мне довелось исследовать церковно-религиозную жизнь Челябинска 1908–1937 гг., написать об этом две книги¹⁶, десятки статей. Через мои руки прошли сотни архивных дел, включая те, что хранились в архиве КГБ–ФСБ. Я еще застал в живых тех, кто помнил 1920-е гг. и ситуацию в Церкви, поэтому вот что могу сказать в отношении приведенных фактов.

Сергей Николаевич и Ирина Алексеевна находились в Челябинске в 1923–1924 гг. Это было сложное время. В 1921–1922 гг. город испытал на себе жесточайший голод (доходило даже до людоедства и трупоедства). В церковной среде вспыхнул раскол. К моменту прибытия Дурылина при поддержке властей активизировались обновленцы, захватив центральные храмы Челябинска. Значительной популярностью в Челябинском округе (существовал в 1923–1930 гг.) пользовались приверженцы епископа Екатеринбургского Григория Яцковского («григорьевцы»). Арест патриарха Тихона и его «раскаяние», равно как и «майское соглашение» с одним из лидеров обновленцев В. Д. Красницким активно использовались властными и партийными органами для антирелигиозной пропаганды. К 1917 г. в Челябинске существовал один женский Одигитриевский монастырь и не было мужского. Поэтому в Челябинске не было монахов, если не считать викарных и епархиальных епископов. Соответственно некому было ловить трупы в мелководной и несудоходной р. Миасс, на которой стоит Челябинск. Единственные расстрелы, которые были произведены среди людей, близких к церкви в 1920-е гг., прошли в 1921 г. в связи с протестом против закрытия женского монастыря, то есть ранее прибытия Дурылина в город. Расстрелы мирян и сплав трупов по реке в 1923–1924 гг. также вызывают много вопросов. С этим плохо согласовывается городская топография и активная работа ГПУ, которое бдительно следило через своих информаторов за городским сообществом, выявляя все действия священнослужителей. Ко всему прочему неясно, что дает основание не верить самому С. Н. Дурылину, который 16 июня 1927 г. в показаниях по своему делу 1927 г. написал: «Уже в 1923 г., находясь в ссылке в г. Челябинске, перестал быть священником и, с разрешения Челябинского отд[ела] ГПУ, в течение 2 лет заведовал отделом местн[ого] музея. В 1924 г. я переехал в Москву и нахожусь в стороне от церковных дел и занятий, занимаясь исключительно научной работой...»¹⁷

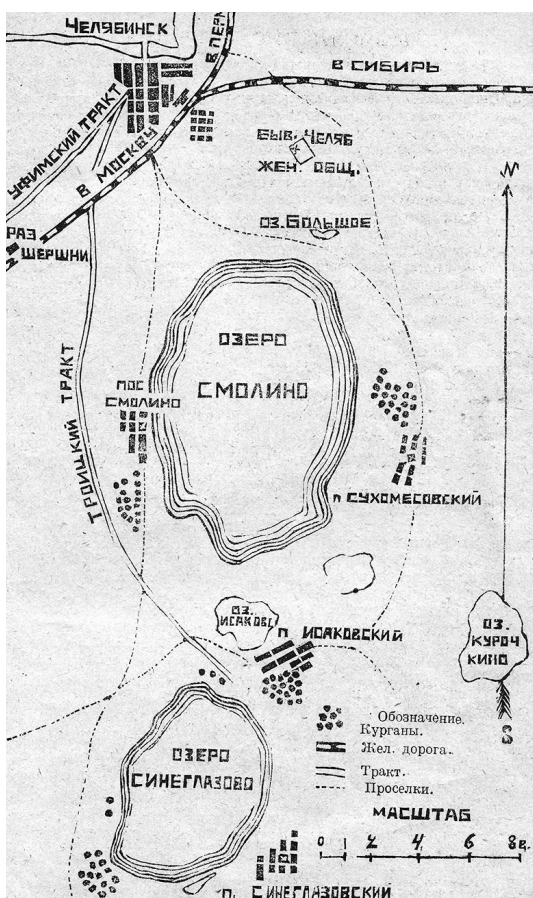
Указания современных исследователей на то, что он делал это, маскируя свою подпольную, «катакомбную» деятельность, вряд ли верны. Фактически Сергей Николаевич говорит в своих показаниях, что с 1923 г. он находится вне православного клира, а это эквивалентно отказу от сана, и такая маскировка для священнослужителя лишь

усугубляет ситуацию. Не нужно его обвинять в том, чего он не совершал, — жи во имя своего физического спасения. Для нас это утверждение С. Н. Дурылина снимает вопрос о его священстве.

В Челябинске Сергей Николаевич Дурылин жил насыщенной жизнью. Не будем повторять здесь всего того, что нами было написано в предыдущих публикациях¹⁸. Остановимся лишь на не рассмотренном нами вопросе о том, почему, собственно, С. Н. Дурылин в Челябинске занялся археологической деятельностью? Ответ кажется очевидным — он же окончил Археологический институт, то есть был профессиональным археологом. Но не все так просто. В своем заявлении о приеме на работу в Челябинский музей местного края Сергей Николаевич писал: «Я по окончании Московского археологического института занимался в течение многих лет научной работой по археологии и этнографии, был членом обществ: Московского — по изучению древностей, Архангельского — “изучения русского севера”, Петрозаводского — по изучению Олонецкого края... В подтверждение всего вышеизложенного ссылаюсь на выданное мне Отделом музеев при Наркомпросе удостоверение за № 8017 от 22.12.1922 г., в котором удостоверяется, что я, Дурылин, являюсь специалистом по вопросам археологии и изучению музеев местного края и могу быть использован как значительная научная сила для работ музеев местного и краевого типа...»¹⁹ Проблема состояла в том, что Сергей Николаевич не имел опыта самостоятельных археологических раскопок.

Московский археологический институт был учрежден в 1907 г., в положении о нем обучающиеся в институте лица разделялись на две категории: «действительные слушатели института» и «вольнотрушатели». Первые должны были иметь высшее образование и по защите диссертации получали звание ученого археолога или архивиста; не защитившие диссертации получали звание окончившего курс института с зачислением в его члены-сотрудники. У С. Н. Дурылина на момент поступления в институт высшего образования не было, поэтому он мог быть только вольнотрушателем. В четвертом параграфе положения о Московском археологическом институте об этой категории учащихся говорилось: «Вольнотрушатели, прошедшие полный курс, хорошо выдержавшие устные испытания и защитившие диссертацию, получают звание окончившего курс института с зачислением в его члены-сотрудники или только звание окончившего курс института, если не защитят диссертации»²⁰. Практической деятельности в археологических институтах (кроме Московского существовал еще Петербургский) уделялось мало внимания, в связи с чем профессионально занимавшиеся археологическими раскопками не были довольны тем уровнем подготовки, который они давали. Тот же археолог-практик В. А. Городцов (1860–1940), преподаватель Московского археологического института, в связи с закрытием в 1922 г. археологических институтов и передачей их функций университетам, заявил, что пришел «конец деятельности вредного археологического дилетантизма, господствовавшего в дореволюционное время»²¹.

Если учесть, что Сергей Николаевич слушал лекции на археографическом отделении, а не на археологическом²², нетрудно понять, что ему пришлось столкнуться с определенными трудностями. Необходимо было проработать методику археологических раскопок, ознакомиться с результатами раскопок предшественников, изучить местность, изыскать средства, получить документы, разрешающие раскопки. Первоочередной задачей для С. Н. Дурылина в первой половине 1923 г. было разобрать коллекцию Н. К. Минко²³ и подготовить археологический раздел экспозиции, которая была открыта 1 июля. При обработке археологической и нумизматической коллекций Сергей Николаевич познакомился с передавшей их музею Марией Александровной Минко (1878–1963), женой археолога. Это была образованная женщина, дворянка, происходившая из русской ветви греческого рода Кази. Ее отец Александр Ильич Кази (1841–1918) был контр-адмиралом, сопровождал цесаревича Николая Александровича во время его путешествия в Японию. Мария Александровна вышла замуж за Н. К. Минко, вместе с ним прибыла в Челябинск, где в 1911 г. родила сына Игоря (1911–1986). Преподавала иностранные языки, музыку в учебных заведениях Челябинска. Передала создающемуся челябинскому музею археологическую и нумизматическую коллекции мужа. Сообщила С. Н. Дурылину сведения о Николае Кирилловиче, представила все имеющиеся у нее документы. Результатом этого сотрудничества

Район раскопок С. Н. Дурылина у оз. Смолино.
1924 г. Из архива автора

стал небольшой биографический очерк о Н. К. Минко, написанный Сергеем Николаевичем²⁴. Судя по всему, его основой послужил доклад о Минко, прочитанный С. Н. Дурылиным 26 октября 1924 г. перед членами Челябинского общества изучения местного края²⁵. Долгие годы эта небольшая статья была чуть ли не единственным источником биографических сведений об одном из первых исследователей археологического прошлого нашего края. И лишь в наши дни группой челябинских археологов и историков под руководством доктора исторических наук Н. Б. Виноградова была предпринята попытка вновь проанализировать археологическое наследие Н. К. Минко и дополнить и уточнить биографические сведения о нем. Интересно, что именно С. Н. Дурылин предложил избрать Марию Александровну Минко первым почетным членом Челябинского общества изучения местного края²⁶. В этом качестве она торжественно и открыла Челябинский музей местного края.

В публикациях о С. Н. Дурылине в связи с его археологической деятельностью нередко упоминают А. В. Луначарского, считая, что именно он посодействовал Сергею Николаевичу в ее успешной реализации. Но это не совсем так. Музеи подчинялись в то время Музейному отделу Главнауки при Наркомпросе.

Участники раскопок под руководством С. Н. Дурылина. Из архива автора

Его в то время возглавляла жена небезызвестного Л. Д. Троцкого — Наталья Ивановна Седова-Троцкая (1882–1962). Именно с ней и представителем Главнауки С. Г. Григоровым С. Н. Дурылин от лица музея вел переписку по поводу раскопок. В частности, 23 апреля 1923 г. на имя С. Н. Дурылина ею было направлено следующее письмо (исх. № 1744/2986): «Отделом музеев в ближайшее время будет выслано специальное разрешение на Ваше имя на производство археологических раскопок в районе Челябинска, ввиду того, что археологические изыскания в данной области представляют крупный научный интерес, и отдел музеев заинтересован в производстве этих раскопок»²⁷. Что же до А. В. Луначарского, то он, лично посетив 9 января 1924 г. челябинский музей, дал труду С. Н. Дурылина высокую оценку.

Между тем провести археологические раскопки в 1923 г. Дурылину не удалось. О причинах этого состоялась переписка между С. Г. Григоровым (Главнаука), с одной стороны, и С. Н. Дурылиным и директором музея И. Г. Гороховым — с другой. В ходе нее челябинцы заверили Главнауку, что раскопки будут осуществлены в 1924 г.²⁸ Раскопки прошли летом 1924 г. Предваряя их, С. Н. Дурылин 28 мая 1924 г. создал при Челябинском обществе изучения местного края археологическую секцию. Ее председателем была избрана М. А. Минко. К лету в секции состояло около 20 человек. В 1924 г. было проведено два заседания, на которых С. Н. Дурылин выступил с сообщениями: «О предстоящих раскопках в причелябинских курганах», «О раскопках Н. К. Минко», «О месторасположении курганов, их форме и величине в Челябинском крае», «Раскопки кургана близ поселка Сухомосово»²⁹. По инициативе С. Н. Дурылина в обществе были созданы две этнографические секции — мусульманская (3 февраля 1924 г., председатель — ахун г. Челябинска С. Ф. Урманов) и русская (17 февраля 1924 г., председатель А. П. Чубаров). Несмотря на то что основная задача членов этих секций состояла в сборе этнографических сведений и памятников материальной культуры, многие из них приняли участие в раскопках. Подводя итоги сделанному в результате первых раскопок музея, С. Н. Дурылин писал: «В 1924 г. было раскопано всего 9 курганов... вокруг озера Смолино. Осенью 1924 г. в музее была организована выставка найденных предметов и прочитан мною руководящий доклад о произведенных раскопках»³⁰. В январе 1925 г. я сделал подробный доклад о Челябинских курганах в специальном заседании Исследовательского института археологии и искусствоведения в Москве, под председательством проф. В. А. Городцова»³¹. Возможность сделать этот доклад возникла в результате имевшей место ранее переписки между Дурылиным и Городцовым³².

Археологические раскопки захватили С. Н. Дурылина. Он строил планы на их продолжение, когда пришло сообщение о том, что ссылка его досрочно завершается³³. Тем не менее в 1925 г., уже став свободным, Сергей Николаевич вновь прибыл в Челябинск. Позднее он писал: «Летом 1925 г. раскопки под Челябинском были продолжены в районе Смолина (оз. Смолино. — В. Б.). Они были осуществлены под моим руководством, на средства, специально отпущенные Челябинским окрисполкомом, силами членов археологической секции и комсомольцев, также без пользования наемным трудом. Всего было раскопано 15 курганов»³⁴. Отчет и документация по раскопкам были переданы в археологический подотдел Главнауки. Что же до всех интересующихся археологическим прошлым Челябинского края, то для них С. Н. Дурылин сделал и соответствующую научную статью. Дополнив свой доклад, прочитанный в начале 1925 г. в Институте археологии и искусствоведения в Москве, некоторыми результатами раскопок 1925 г., Сергей Николаевич опубликовал его в сороковом томе «Записок Уральского общества любителей естествознания»³⁵.

Как мы указывали в своих предыдущих публикациях о челябинской ссылке С. Н. Дурылина, время это для него было насыщенным и интересным. Именно Сергей Николаевич обратил внимание местных краеведов на значимость устного этнографического материала и фольклора. Среди присланных ему в то время писем мы можем найти много полезного и интересного. Так, известный в Челябинске городской деятель В. А. Протасов (1856–1929) писал Сергею Николаевичу о развитии хоровой и театральной культуры края в XIX в., о местных знаменитостях. И в этих его рассказах было немало любопытного: например, упоминание о церковном хоре в с. Белоярском, состоявшем из цыган³⁶. Сотрудница музея А. Ф. Сурьянинова записала для Сергея Ни-

колаевича десятки детских считалочек, некоторые из них уходили корнями в XIX в. С. Н. Дурылин предполагал сделать цикл из восьми лекций, посвященных челябинской культуре. Вполне возможно, что и этот его интерес материализовался бы в какую-нибудь интересную книгу или публикацию, но время его пребывания в Челябинске истекло.

30 ноября 1924 г. в музее состоялось чествование С. Н. Дурылина. Выступали И. Г. Горохов, М. А. Минко, А. П. Чубаров, Н. М. Чернавский, Г. П. Подкорытов. После многих добрых слов, сказанных в адрес Сергея Николаевича, Н. М. Чернавский (1872–1940), основатель челябинского архива, известный уральский историк, автор капитального двухтомного труда «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем», предложил собравшимся членам Челябинского общества изучения местного края избрать С. Н. Дурылина почетным членом общества и преподнести ему благодарственный адрес. Под дружные аплодисменты его предложение было единогласно принято. На этом вечере М. А. Минко произнесла слова, которые выразили мнение многочисленных челябинцев, в чью жизнь вошел интересный и глубокий человек Сергей Николаевич Дурылин: «Сергей Николаевич возвращается в Москву, и мы, откидывая эгоистические чувства, не можем не радоваться за него, потому что его ученая работа по своему масштабу нуждается в том окружении и в тех материалах, дать которые Челябинск, конечно, ему не может»³⁷.

Примечания

¹ Савина Н. Е. Пионеры краеведения // Рифей : урал. краевед. сб. Челябинск, 1990. С. 129. В публикации ошибочно вместо 1923 г. назван 1922 г.

² Увидел свет в 1995 г.

³ См.: Боже В. С. Место ссылки — Челябинск. С. Н. Дурылин на Южном Урале // Комсомолец. Челябинск, 1990. 22 июня.

⁴ Летописцы земли уральской: материалы к истории челябинского краеведения / сост. В. С. Боже. Челябинск, 1997. С. 50–62.

⁵ См.: Библиография работ о жизни и творчестве С. Н. Дурылина, 1923–2018 / сост. В. Н. Торопова. М., 2019. 80 с.

⁶ В этой связи можем указать на версию М. Е. Губонина, который писал, что арест С. Н. Дурылина произошел 10 сентября 1922 г. одновременно с рядом духовных лиц. См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : сборник / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. Ч. 2. С. 844.

⁷ «Дурылин согласен дать подписку, что он никогда не будет приходским священником»: из материалов архивно-следственного дела по обвинению С. Н. Дурылина / публ. В. А. Гончаров, В. В. Нехотин // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2008. Вып. 3 (28). С. 133, 134. Источник сведений указан следующий: ЦА ФСБ РФ. Д. 46583. Л. 68. Подлинник.

⁸ Об этом см.: Торопова В. Н. Сергей Дурылин. Самостояние. М., 2014. С. 151.

⁹ Определение митрополита Кирилла (Смирнова).

¹⁰ Макаров В. Г. «Элемент политически безусловно вредный для советской власти» (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурылина 1922 и 1927 гг.) // С. Н. Дурылин и его время / сост. и ред. А. И. Резниченко. М., 2010. Кн. 1. С. 40, 41.

¹¹ «Приход: его задачи и организация» и «Церковный собор и Русская церковь».

¹² «Дурылин согласен дать подписку, что он никогда не будет приходским священником» ... С. 128.

¹³ См., например: Яковлев А. И. Тяжелая дума // Встреча : ежекварт. студен. православл. журн. Моск. духов. акад. и семинарии и Междунар. фонда единства православ. 2000. № 13. С. 38.

¹⁴ Померанцева Г. Е. Дурылин Сергей Николаевич // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/180605.html> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁵ См.: Крашенинникова Е. Храмы и пастыри // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/hramy-i-pastyiri/> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁶ «Епископы Челябинские, викарии Оренбургской епархии (1908–1918)» (2003), «Разгром: церковно-религиозная жизнь Челябинска 1917–1937 гг.» (2018).

¹⁷ Макаров В. Г. Указ. соч. С. 68. Прил. 3. Из следственного дела С. Н. Дурылина.

¹⁸ См.: Боже В. С. С. Н. Дурылин: челябинская ссылка (1923–1924) // С. Н. Дурылин и его время ... С. 77–83.

¹⁹ Место ссылки — Челябинск. Документы к истории челябинской ссылки С. Н. Дурылина // Летописцы земли уральской ... С. 57.

²⁰ ПСЗ. Т. XXVII. СПб., 1910. № 28844. 31.01.1907. С. 52.

²¹ Николаев А. Л. Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологических институтах // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4 (64). С. 186–193.

²² См.: Письма С. Н. Дурылина к В. А. Городцову / публ. В. Ф. Тейдер // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост. В. С. Боже. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 480.

²³ С. Н. Дурылин, оказавшийся в Челябинске в начале 1923 г., в письме к археологу В. А. Городцову писал: «С водворением меня (подневольным) в Челябинск я занялся разбором нескольких сундуков с “черепками”, сваленных в кладовой местного... Губмузея». См.: Письма С. Н. Дурылина к В. А. Городцову ... С. 481.

²⁴ Дурылин С. Н. Н. К. Минко (краткая биография) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1. С. 53–55.

²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

²⁶ Там же. Л. 26.

²⁷ Там же. Л. 23.

²⁸ Место ссылки — Челябинск ... С. 59, 60.

²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 11. Л. 7 об.

³⁰ Очевидно, имеется в виду доклад «О последних раскопках курганов в окрестностях г. Челябинска и их результатах», прочитанный 1 июля 1924 г. на заседании Челябинского общества изучения местного края.

³¹ Дурылин С. Н. Челябинские курганы // Сборник материалов по изучению Челябинского округа ... С. 58.

³² См.: Письма С. Н. Дурылина к В. А. Городцову ... С. 479–492.

³³ Решение об этом приняло Особое совещание при коллегии ОГПУ 26 сентября 1924 г.

³⁴ Дурылин С. Н. Челябинские курганы ... С. 58.

³⁵ Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 40. Вып. 2. Свердловск, 1927. С. 105–122.

³⁶ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 107. Л. 38, 39.

³⁷ Там же. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

УЧЕТ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Во второй половине 1930-х гг. при Челябинском областном краеведческом музее происходит подъем археологических исследований. Это связано с тем, что советское государство законодательно закрепило учет и охрану памятников революции, истории, искусства, архитектуры и археологии¹.

10 августа 1933 г. вышло постановление Всероссийского исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР об охране исторических памятников, согласно которому запрещались разрушение, переделка и использование исторических памятников государственного значения, а также ликвидация музейных предметов, имеющих историко-художественную ценность и находящихся в зданиях, подлежащих государственной охране, без разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК, а в отношении памятников, имеющих местное значение, — без разрешения наркоматов просвещения АССР или краевых, областных отделов народного образования².

Комитету по охране памятников при Президиуме ВЦИК поручалось составить и представить на утверждение список памятников, подлежащих государственной охране, а также утвердить список памятников местного значения. Использование исторических зданий должно было производиться на основе договоров аренды, предусматривающих принятие арендаторами на себя расходов по охране и ремонту используемых памятников³.

В инструкции Народного комиссариата просвещения «Об охране исторических памятников и порядке управления ими» за музейным отделом Наркомпроса РСФСР были закреплены функции: наблюдение за состоянием и порядком использования всех памятников, находящихся под госохраной; заключение договоров на использование исторических памятников с разрешения Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК; наблюдение за использованием обязательств; ходатайство о снятии памятников с охраны в связи с их разрушением⁴.

Дополнение к постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 1933 г. «Об охране археологических памятников» было утверждено 10 февраля 1934 г. Согласно ему запрещались уничтожение, повреждение и использование археологических памятников, а также имеющих археологическое значение вещественных находок и кладов без разрешения на то Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК. В случае если комитет давал разрешение на уничтожение или использование археологического памятника, учреждение Наркомпроса устанавливало необходимый объем работ по изучению и фиксации памятника, причем расходы несли учреждения, использовавшие эти памятники⁵.

В письме начальника музейно-краеведческого отдела НКП Радус-Зенковича директору ЧОКМ И. Г. Горохову поручалось организовать учет и охрану памятников революции, истории, архитектуры и археологии на территории Челябинской области, возложив общее руководство этим делом на одного из инспекторов или заведующего сектором облоно, а практическое осуществление работы по учету и охране памятников — на областной и местные музеи⁶. Сам И. Г. Горохов входил в состав комиссии при Челябинском областном совете трудящихся⁷. Таким образом, согласно новым по-

становлениям, челябинский музей начал деятельность по учету памятников истории, архитектуры и археологии.

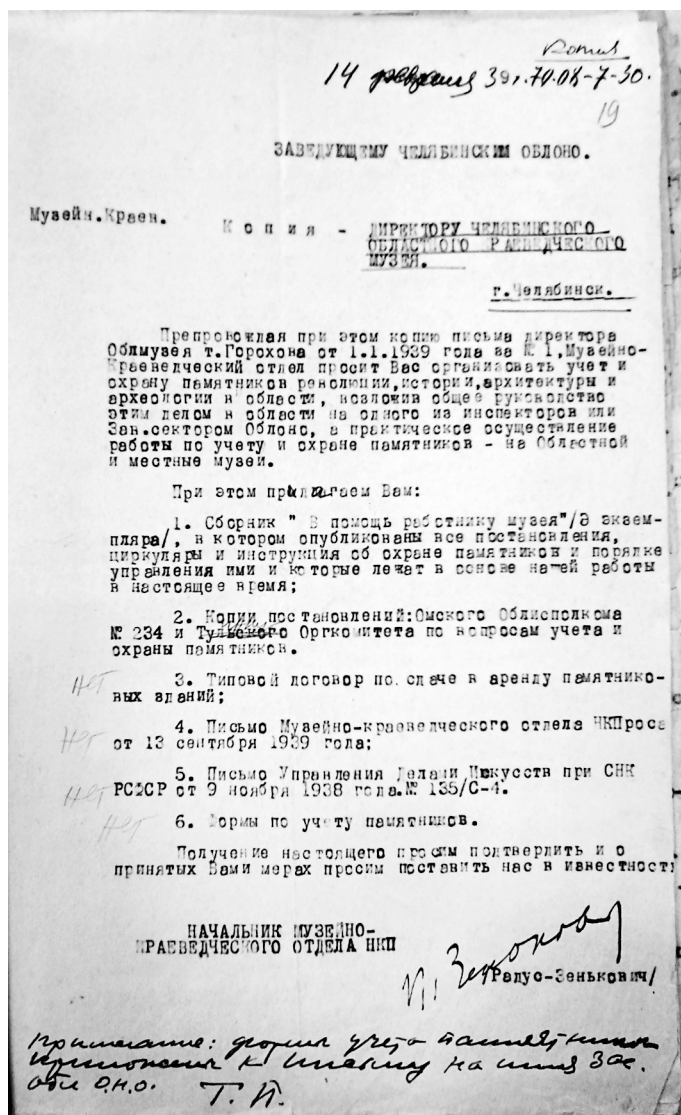
Археологическая секция при музее занялась составлением археологической карты Челябинского края, изданием анкет и воззваний, касающихся археологии, а также составлением библиографического списка изданий по археологии⁸. Руководитель секции Н. А. Михеев издал «Материалы к археологической карте (курганы)» в 1936 г. В них вошли опубликованные сведения и архивные материалы музея о местонахождении курганов на территории Челябинской области (по состоянию на 1934 г.)⁹. Таким образом, начался процесс сбора данных о южноуральских памятниках археологии.

С 1936 г. археологическими экспедициями челябинского музея руководил К. В. Сальников. Совместно с директором музея И. Г. Гороховым он вел работу с населением области с целью выявления новых памятников археологии. В фондах ГИМЮУ хранится дело под названием «Сообщения о памятниках и находках на территории Челябинской области. Материалы к учету памятников 1937–1940 гг.», в котором собраны сведения от местных жителей об обнаруженных ими археологических памятниках и предметах. Сальников и Горохов отвечали на все полученные письма¹⁰.

В пример можно привести письмо А. И. Бординского (жителя с. Троицкого Катайского района) И. Г. Горохову от 28 августа 1938 г. В письме сообщается о давних раскопках «возвышенностей» (курганов), произведенных П. Ф. Первушиным, и об обнаружении еще нескольких «возвышенностей» близ с. Катайского. Из номера газеты «Челябинский рабочий» за 24 августа он узнал, что археолог Московского исторического музея Дмитриев¹¹ производит раскопки, и хотел бы ему сообщить о находках¹². К. В. Сальников в ответном письме благодарил Бординского за сведения о находке курганов у с. Катайского и просил произвести замеры курганов для их регистрации (высота насыпи, диаметр, наличие рва и точное местонахождение)¹³.

Вот ответ жителю с. Каракуль Соколову (№ 92 от 10 мая 1939 г.): «Вашу посылку со старинными монетами Челябинский обл. музей получил, благодарит за нее и посылает книжку «Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения»¹⁴ как интересующемуся стариной. Если будут какие вопросы, пишите, мы разъясним. Об известных Вам курганах и других памятниках древности сообщайте. Директор музея И. Горохов. Археолог К. Сальников»¹⁵.

Вызывает интерес сотрудничество К. В. Сальникова с жителем Копейска электриком С. Х. Хайруллиным. Ниже приводится фрагмент их переписки (авторская орфография сохранена)¹⁶.

Копия письма начальника музейно-краеведческого отдела Наркомата просвещения Радус-Зенковича директору ЧОКМ от 14 февраля 1939 г.

Хайруллин Сергей Харитонович,
электрослесарь, г. Копейск, ул. Шестой шурф,
шурф № 12, кв. 5

1. На С. от шахты 7/8 в 0,5 км. возле
шурфа на К редкому слою и белого ила
на поверхности в 1936 году летом найден
древний наконечник копья или скорее
конеч шестовидно-изогнутой формы со
втулкой.

2. Тщательно обследуя на С. от нее
метров в 300 много ям между селом
и березовой рощей. Ямы шурф до 0,5 м., шир.
до 1,5 м. удлиненной формы. На поверхности
среди ям г. Хайруллиным найден маленький
наконечник копья, кончик саблевидный,
конеч остроконечный, длина см 35., со втулкой в 3 см.
На грани втулки и рожа утолщение шишечкой.
Рожею в виде ^{в виде} стержня шир. 1,2 см., толщ. 0,4 см.

18/1-39.

Оба наконечника бережлив г. Хайруллин —
шил в Челяб. обл. Музей

Лист учета находок С. Х. Хайруллина, записан
К. В. Сальниковым. 18 января 1939 г.

шенной местности. Как раз на самой высокой точке окружающей местности. Бугорок резко выделяется своей формой. Он имеет в диаметре 30 шагов, высота относительно линии окружности см. 45. От центра к окружности по радиусам имеются извилистые трещины шириной до 20 мм. Площадь где находится этот бугорок сильно утаптывается поэтому преобладающей растительностью является придорожник (спорыш) — (*Polygonum aviculare*), бугорок почти лишен растительности так как через него люди идут на базар. До 1918 г. вокруг площади имелись березовые рощи, березы имели в поперечнике сечения до 50 и более см. Ниже привожу (приблизительно) топографию местности за период до 1918 г. с сечением рельефа через 10 см.

товарищ Сальников!¹⁹

Я осмотрел тот бугорок, о котором я уже говорил. Есть все основания полагать, что этот бугорок есть древний курган.

Бугорок этот почти полностью обнажился и доступен рассмотрению. Если можете приезжайте 8-го числа в Копейск я буду дома.

2/III-39. С. Хайруллин

Т. Хайруллину Сергею Харитоновичу²⁰
Г. Копейск, ул. Шестой шурф № 12, кв. 5

Челябинский обл. музей высылает Вам, как активисту-краеведу, интересующемуся памятниками древности книжку «Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения». Эта книжка поможет Вам разыскивать и опознавать археологические памятники. Об обнаруженных памятниках просьба извещать Музей.

Хайруллин Сергей Харитонович, электрослесарь, г. Копейск, ул. Шестой шурф, № 12, кв. 5

На С[евер] от шахты 7/8 в 0,5 км. возле шурфа к древнему слою первого пласта на поверхности в 1936 году летом найден бронзовый наконечник копья или скорее нож листовидно-изогнутой формы со втулкой.

Близ станции Тугайкуль¹⁷ на С[евер] от нее метров в 300 много ям между селом и березовой рощей. Ямы глуб[иной] до 0,5 м., шир[иной] до 1,5 м. удлиненной формы. На поверхности среди ям т. Хайруллиным найден железный наконечник копья, хорошей сохранности, конец отломан, длина см 35., со втулкой д[иаметром] 3,5 см. На грани втулки и рожа утолщение шишечкой. Рожно в виде 4-х гранного стержня шир[иной] 1,2 см., толщ[иной] 0,4 см.

18/1-39 г.

К. Сальников

Оба наконечника переданы т. Хайруллиным в Челяб[инский] обл[астной] музей

К. Сальников

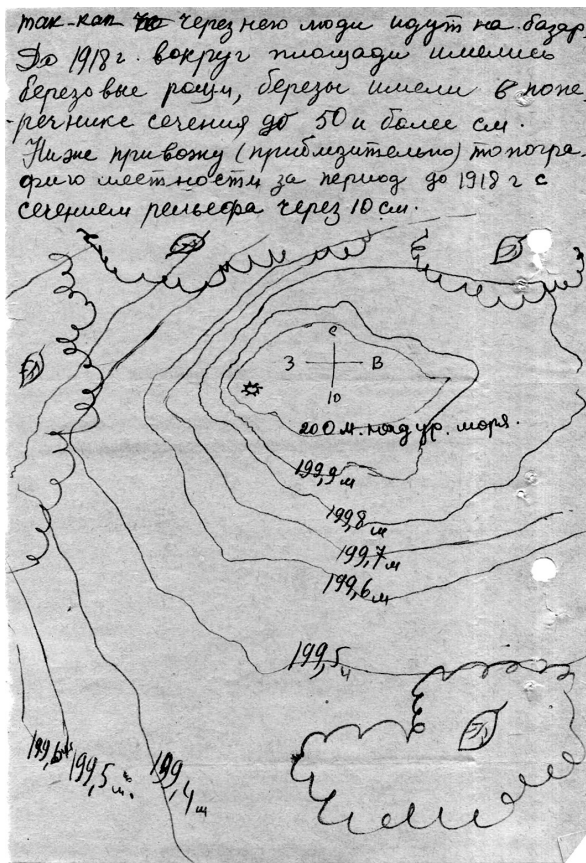
Товарищ Сальников!¹⁸

2/III-39 Я заходил к вам, но вы были заняты. Дождаться не было времени.

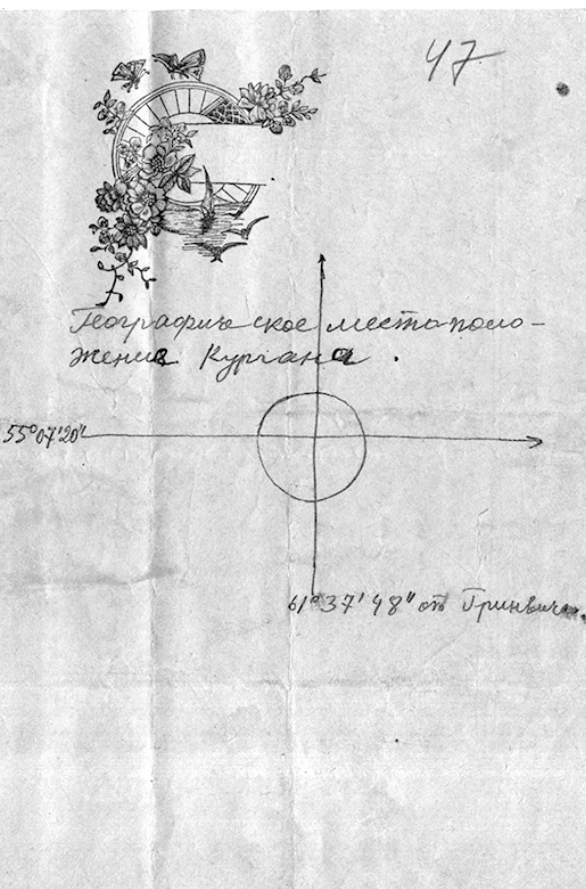
Я оставил вам записку относительно того бугорка о котором я уже говорил, и дал некоторые пояснения с чертежами. Этот бугорок находится на широкой площади на возвышенной местности.

Директор
Научный сотрудник — археолог К. Сальников
10/V-39 г.
№ 91.

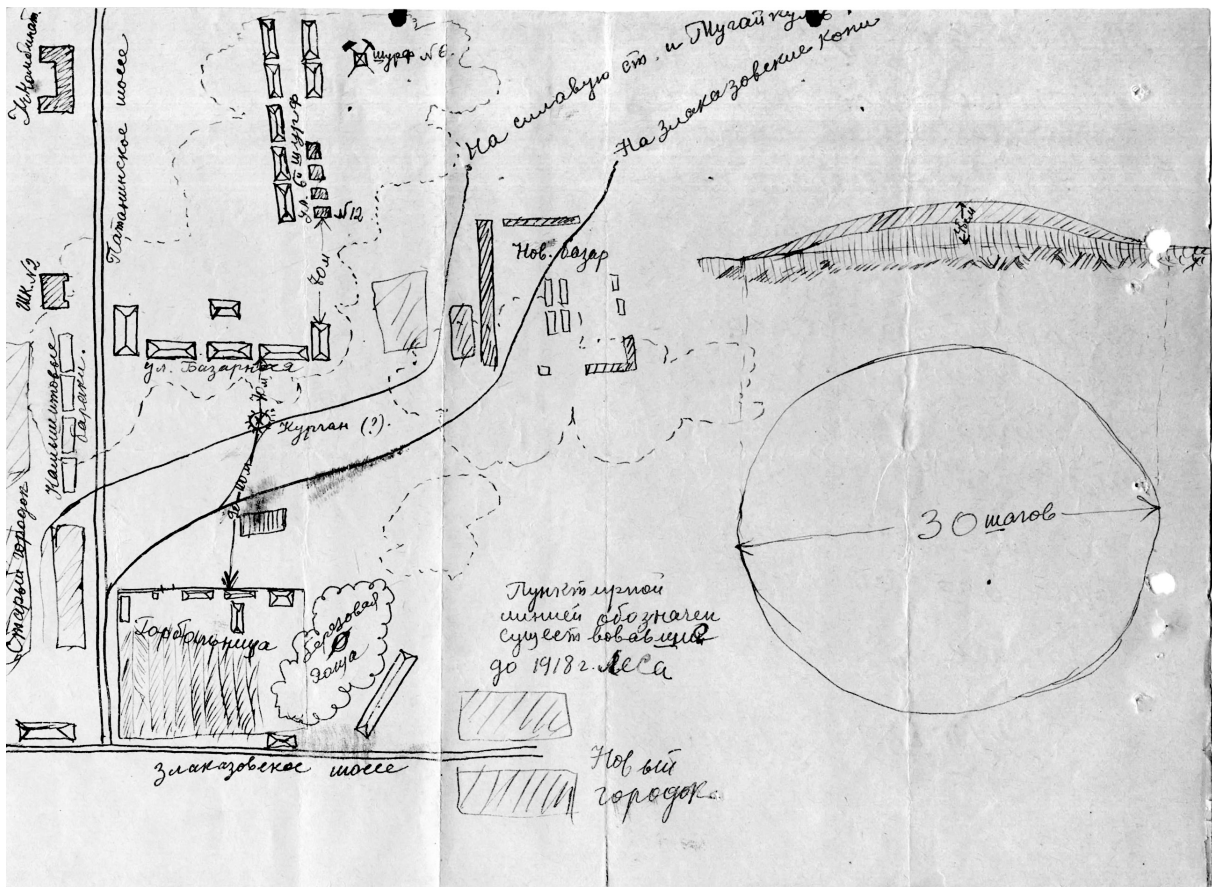
Пов. Сальников!
 2/III-39 я заходил к вам, но все
 было закрыто. Возвращаться не
 было времени.
 Я оставил вам записку отно-
 сительно ~~этого~~ того бугорка о
 котором я уже говорил, и дал
 не который позволения с герте-
 жами. Этот бугорок находится
 в широкой местности на воз-
 вышенной местности. Как раз на
 самой высшей точке окружаю-
 щей местности. Бугорок резко
 выделяется своей формой. Он имеет
 в диаметре 20 шагов, высота
 относительно ~~этой~~ линии окруж-
 ности см. 45. От центра к окру-
 жности по радиусам имеются
 выемистые трещины шириной
 до 20 см, Площадь где нахо-
 дится этот бугорок сильно утяже-
 левается по этому преобладают
 растительностью является
 придорожник (спорный) - (Ровудопит
 orbiculare), бугорок почти и ~~имеет~~
 растительность

П. Сальников!
 Я осматриваю этот бугорок,
 о котором я уже говорил.
 Есть все основания полагать
 - ~~что~~ что этот бугорок
 есть древний курган.
 Бугорок этот почти
 полностью обкаменен
 и доступен рассмотреть
 только.
 Если можете приехать
 - то 8го числа в
 Конейск я буду дома
 2/III-39 С. Хайруллин

Письмо С. Х. Хайруллина К. В. Сальникову от 2 марта 1939 г.

Письмо С. Х. Хайруллина К. В. Сальникову от 2 марта 1939 г.

Впоследствии С. Х. Хайруллин в музей были сданы коллекции предметов андроновской культурно-исторической общности, обнаруженные им в 1940 г. у пос. Фотеевка Сосновского района Челябинской области. В 1950 г. сданы коллекции предметов, найденных близ пос. Стариково и на оз. Сыкандык Красноармейского района²¹.

В это же время у музея завязалась переписка с учителями троицкой школы № 12 П. Фоминым и М. Касаткиным, которые обнаружили остатки древнего поселения близ Бобровского сельсовета Троицкого района. Ниже приводится содержание писем (орфография сохранена).

Краеведческий музей²².

В одну из поездок на охоту по реке нами обнаружена в размытом паводке береге различные кости, лежащие на глубине 2-х местами 3-х метров почвым протяжением около 300 метров, тут же найдены черепки посуды²³, все это отправляем Вам и просим сообщите представляет ли все это археологическую ценность или нет.

Посылаем образец грунта в котором находится масса костей и очевидно посуды. Все это нами выкопано что легко поддавалось или было вымыто водой.

Предположить что это было современное кладбище нельзя, так как находится от русла реки 2-3-х метрах, можно предположить, что это была стоянка.

Учителя П. Фомин
Касаткин
Адрес: г. Троицк
Октябрьская, 49, кв. 5
Фомину П. У.
19/VIII-1939 года.

P.S. О получении посылки сообщите.

2/IX-39 № 174²⁴.

т[оварищу] Фомину П. У.

Челябинский областной

Музей, подтверждая получение

от Вас посылки с археологическими

находками, выражает Вам глубокую благодарность.

Посылка Ваша со стороны научной является несомненно ценной.

Судя по присланным Вами предметам на месте находки было древнее поселение — селище бронзовой эпохи (Андроновской культуры), давность которого определяется в 3000 лет или могильник того же времени.

Научная ценность Вашей находки сильно снижается тем, что в препроводительном письме не указано точное местонахождение найденных Вами предметов. Поэтому крайне необходимы дополнительные сведения следующего характера:

Название реки, на берегу которой найдены предметы.

На каком берегу: правом или левом, если встать лицом по течению реки.

Вблизи какого современного населенного пункта находится это место (деревня, с/совет, район)

расстояние места находки от этого населенного пункта

вверх или вниз по течению реки, если ориентироваться на этот населенный пункт.

Все эти сведения необходимы для того, чтобы по ним можно было точно определить географическое местоположение пункта находок и включить этот памятник в археологическую карту области.

Для решения же вопроса было ли здесь селище или могильник и для более полного представления о характере памятника просьба ответить на следующие вопросы:

заливается ли берег, где расположен памятник во время весеннего половодья.

Нет ли бугорков или наоборот ям на поверхности.

Равномерно ли по берегу расположены находки, которые встречаются по Вашему указанию на протяжении 300 метров, или черепки и кости встречаются грудями с интервалами между ними.

Нет ли поверх чернозема слоя наносного песка.

Действительно ли находки были на глубине 2–3 метров от поверхности. Если затрудняетесь ответить на эти вопросы сразу, может быть ответите на часть их, а на остальные после вторичного посещения места находок.

Посылаем Вам брошюру, которая поможет Вам распознавать археологические памятники и надемся, что и в дальнейшем будете сообщать о памятниках, о которых Вам будет известно.

Зам директора (Голубев)

Научный сотрудник — Археолог К. Сальников

Челябинскому Обл[астному] музею²⁵

На Ваше письмо 2/IX-39 г. за № 174 сообщаем необходимые дополнительные сведения о древнем поселении.

Древнее поселение находится на левом берегу реки Уй.

Вблизи Бобровского аула (В расстоянии 3-х км вниз по течению). Бобровского сельсовета Троицкого района.

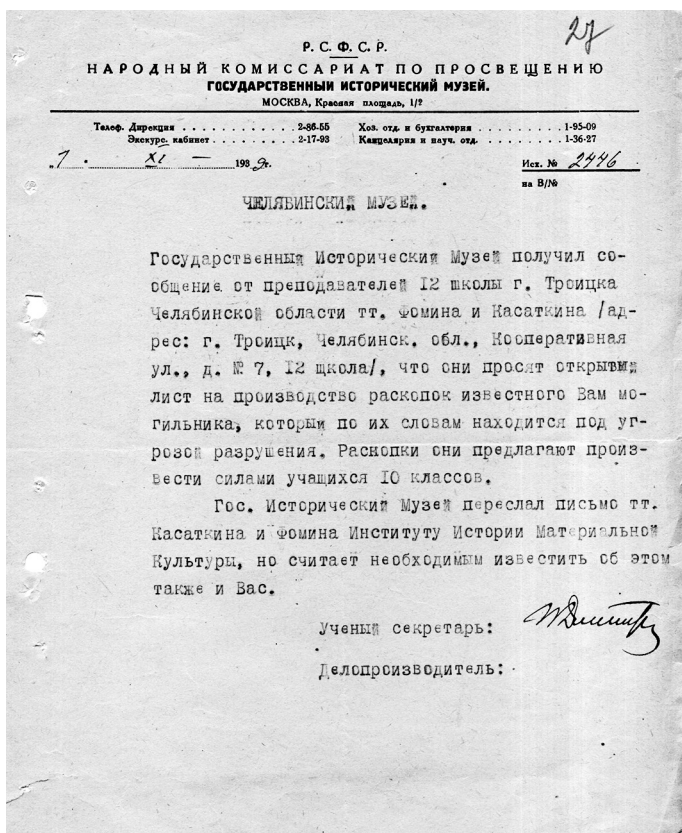
На все остальные вопросы пришлем дополнительные сведения и фотоснимки. Так как 11/IX-39 г. к месту находки выезжаем с представителями местного музея.

Учителя: П. Фомин

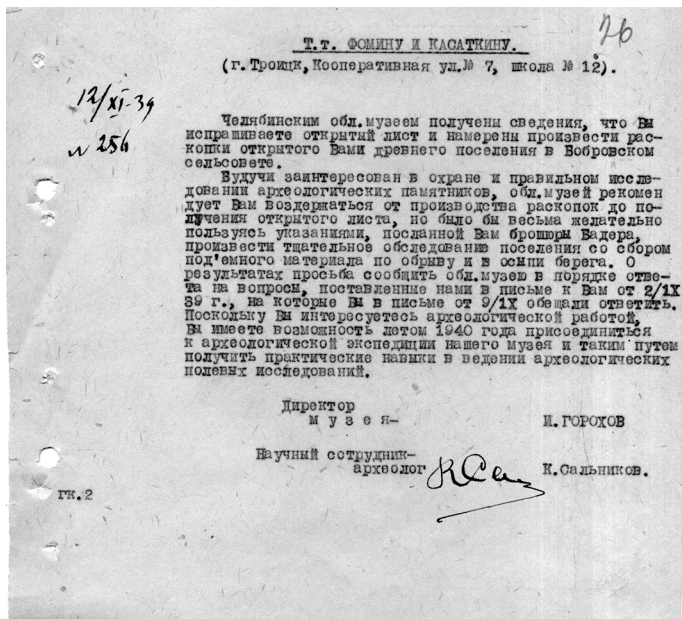
М. Касаткин

9/IX-39 г. г. Троицк, шк. № 12.

Учителя П. Фомин и М. Касаткин отправили в Государственный исторический музей письмо с просьбой о получении открытого листа на производство раскопок. Исторический музей это письмо переслал в Институт истории материальной культуры и уведомил челябинский музей об этом запросе²⁶.

Письмо из Государственного Исторического музея (Москва) в челябинский музей от 1 ноября 1939 г.

Письмо из челябинского музея учителям г. Троицка П. Фомину и М. Касаткину от 12 ноября 1939 г.

12/XI-39 № 256²⁷

Т[оварищам] Фомину и Касаткину
(г. Троицк, Кооперативная ул. 7, школа
№ 12).

Челябинским обл[астным] музеем получены сведения, что Вы запрашиваете открытый лист и намерены произвести раскопки открытого Вами поселения в Бобровском сельсовете.

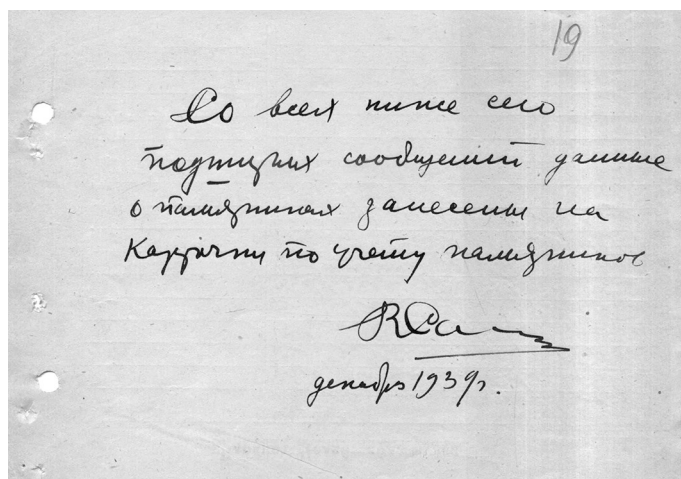
Будучи заинтересован в охране и правильном исследовании археологических памятников, обл[астной] музей рекомендует Вам воздержаться от производства раскопок до получения открытого листа, но было бы весьма желательно пользоваться указаниями, посланной Вам брошюры Бадера, произвести тщательное обследование поселения со сбором подъемного материала по обрыву и в осыпи берега. О результатах просьба сообщить обл[астному] музею в порядке ответа на вопросы, поставленные нами в письме к Вам от 2/IX 39 г., на которые вы в письме от 9/IX обещали ответить. Поскольку Вы интересуетесь археологической работой, Вы имеете возможность летом 1940 года присоединиться к археологической экспедиции нашего музея и таким путем получить практические навыки в ведении археологических полевых исследований.

Директор музея — И. Горохов
Научный сотрудник — археолог
К. Сальников

Таким образом, К. В. Сальников и И. Г. Горохов вели сбор сведений о местонахождении археологических памятников и о находках археологических предметов. В докладной записке К. В. Сальникова о результатах его месячной командировки в Ленинград и Москву говорится о работе в архиве Института истории материальной культуры АН СССР с материалами раскопок Н. К. Минко, В. Я. Толмачева, Ю. П. Аргентовского, Н. Н. Бортвина, А. В. Шмидта в границах Челябинской области на 1939 г.²⁸ Кроме того, сотрудники челябинского музея активно консультировали местных жителей относительно найденных археологических

объектов и предметов, высылали краеведам методические рекомендации, в частности брошюру О. Н. Бадера «Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения». Все сообщения регистрировались К. В. Сальниковым, в деле сохранилась его подпись: «Со всех ниже сего подшитых сообщений данные о памятниках занесены на карточки по учету памятников. К. Сальников. Декабрь 1939 г.»²⁹

Начиная с 1938 г. первоочередной задачей стало составление археологической карты СССР³⁰. Кроме археологических памятников челябинским музеем были обследованы и поставлены на учет Далматовский монастырь, «башня Тамерлана», а также значимые памятники истории и архитектуры Челябинска³¹.

Лист с подписью К. В. Сальникова. Декабрь 1939 г.

Примечания

- ¹ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 326. Л. 28, 19.
- ² Там же. Л. 28.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. Л. 27.
- ⁵ Там же. Л. 25.
- ⁶ Там же. Л. 19.
- ⁷ Там же. Л. 14.
- ⁸ Там же. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ⁹ Там же. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 10.
- ¹⁰ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129.
- ¹¹ Павел Алексеевич Дмитриев, советский археолог, кандидат исторических наук, в 1938 г. производил раскопки на Иртышском городище (Островки).
- ¹² ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129. Л. 80.
- ¹³ Там же. Л. 79.
- ¹⁴ Бадер О. Н. Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М. : Наркомпрос РСФСР, 1938. 64 с.
- ¹⁵ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129. Л. 43.
- ¹⁶ Там же. Л. 56.
- ¹⁷ Поселок Тугайкульский, историческая часть Копейска. Основан на восточном берегу оз. Тугайкуль челябинскими городскими казаками. Первоначальное название — Фотеевка.
- ¹⁸ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129. Л. 46.
- ¹⁹ Там же. Л. 47.
- ²⁰ Там же. Л. 42.
- ²¹ Шапиро А. Д. История формирования археологического собрания Государственного исторического музея Южного Урала в эпоху И. Г. Горохова // Гороховские чтения : материалы десятой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2019. С. 304.
- ²² ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129. Л. 31.
- ²³ Коллекция хранится в музее ГИМЮУ. ОФ-59.
- ²⁴ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 129. Л. 29–30.
- ²⁵ Там же. Л. 28.
- ²⁶ Там же. Л. 27.
- ²⁷ Там же. Л. 26.
- ²⁸ Там же. Д. 132. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Д. 129. Л. 19.
- ³⁰ Валиахметова З. А. Особенности организации археологических исследований Челябинского областного краеведческого музея в 1920-е — начале 1940-х годов // Гороховские чтения : материалы десятой регион. музейн. конф. ... С. 224.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 326.

Д. Е. Васильев

«ВЫСОКАЯ СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАННОСТИ». АСПЕКТЫ БИОГРАФИЙ СОТРУДНИКОВ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

«Высшая школа есть орудие в мировой борьбе за существование более сильное, чем дредноуты»¹. Эти слова, написанные в 1914 г. академиком В. И. Вернадским, свидетельствуют об отношении человека к образованию в начале XX в. Именно тогда в нем стали видеть не только возможность карьерного роста, но и мощное орудие общественного прогресса.

Высшее образование последние 50 лет играет роль главного сигнала социального статуса человека в СССР и России. Оно является мощным драйвером социального поведения, социальных изменений. Два раза за советское время (в 1920–1930-е и 1960–1970-е гг.) и один раз после распада СССР (в 1990-е и начале 2000-х гг.) расширенный доступ к высшему образованию кардинально менял установки, ценности, трудовую и культурную ориентацию миллионов людей².

Музей, как и большинство организаций, нуждается в кадрах, имеющих высокий уровень образования. В течение XX в. музей рассматривался обществом как научно-просветительное учреждение, а около десяти крупнейших музеев страны (Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, Музей революции и др.) имели статус научно-исследовательских учреждений. Это обстоятельство является важнейшим фактором, определяющим содержание и уровень профессиональной подготовки музейных кадров³.

Согласно данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры РФ за 2020 г., численность работников с высшим образованием в музеях страны составила 30 570 человек⁴ при общей численности сотрудников 40 914 чело-

век⁵. Следует сделать вывод, что приблизительно 75,2% работников музеев имели высшее образование. Возникает вопрос: всегда ли так было? Какое количество человек с высоким уровнем образования трудилось в стенах Челябинского областного краеведческого музея до начала 1970-х гг.?

На протяжении практически вековой истории⁶ Государственный исторический музей Южного Урала постоянно менялся, появлялись новые экспозиции, совершались научные экспедиции, расширялись фонды и пр. За результатами этой работы стояла деятельность коллектива, который включал сотрудников разных специальностей, которые часто могли не иметь

Сотрудники ЧОКМ Анатолий Александрович Козырев (фотограф), Куличкова (заведующая фондами), Надежда Алексеевна Кокина, Нина Сергеевна Алексеевских. 1971 г.

Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

образования. В нашей работе мы на основе личных карточек⁷ и личных дел сотрудников музея периода 1917–1973 гг., а также основываясь на опубликованных материалах, выявим приблизительное количество работников с высоким (относительно того времени, когда происходило обучение) уровнем образования и подробно ознакомимся с биографиями некоторых из них, в частности тех, кто начал трудиться в музее в конце 1950-х — 1960-е гг.

Подробным исследованием истории музея, его кадрового состава занимался В. С. Боже. Его справочник «Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.)» знакомит с биографиями сотрудников. Кроме того, в книге Н. А. Антипина «Челябинский краеведческий музей. 1913–1957 гг.» представлены сведения о работах, трудившихся в начальный период истории учреждения.

Выясним, какова была доля работников музея с высоким уровнем образования, на основе личных карточек работников музея с момента формирования музея до начала 1970-х гг. Собранные нами материалы были сведены в таблицу. Отметим, что руководителями музея в обозначенный период являлись: И. Г. Горохов (1922–1957)⁸, П. В. Мещеряков (1957–1960)⁹, Д. И. Ткалич (1960–1961)¹⁰, Я. В. Трофимов (1961–1964)¹¹, Н. П. Казанцева (1964–1977)¹².

Сведения о сотрудниках музея с высоким уровнем образования из личных карточек и личных листков документального фонда Государственного исторического музея Южного Урала за 1917–1973 годы

Ф. И. О.	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания учебного заведения или выдачи диплома	Специальность по образованию
Акиндинова Татьяна Ивановна	1906	Московский государственный университет	1930	Педагог-историк
Блинова Зинаида Сереевна	1932	Московский педагогический институт им. В. И. Ленина	1954	Учитель истории средней школы
Будникова Лариса Ивановна	1948	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	1971	Русский язык и литература
Вискова Валентина Павловна	1929	Челябинский государственный педагогический институт	1954	Учитель истории
Возилова Маргарита Ивановна	1938	Челябинский государственный педагогический институт	1961	Учитель истории
Воробьев Игорь Васильевич	1925	Челябинский государственный педагогический институт	1953	Преподаватель русского языка и литературы
Гаревских Мария Дмитриевна	1907	Челябинский государственный педагогический институт	1944	Преподаватель русского языка и литературы
Глазунова Виктория Сергеевна	1937	Челябинский государственный педагогический институт	1965	Учитель истории

Продолжение таблицы

Ф. И. О.	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания учебного заведения или выдачи диплома	Специальность по образованию
Горохов Иван Гаврилович	1884	Императорский Санкт-Петербургский университет	1913	Геолог
Дурылин Сергей Николаевич	1886	Московский археологический институт	1914	Археолог
Дятлов Вячеслав Николаевич	1931	Челябинский государственный педагогический институт	1955	Преподаватель истории
Елисеева Валентина Михайловна	1940	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	1964	Учитель русского языка и литературы
Зими́на Людмила Ароновна	1937	Уральский государственный университет им. А. М. Горького	1959	Историк
Зубкова Лидия Григорьевна	1932	Челябинский государственный педагогический институт	1954	Учитель географии
Кипарисова Нина Павловна	1900	Ленинградский государственный университет	1924	Археолог
Кокина Надежда Александровна	1945	Челябинский государственный педагогический институт	1967	Учитель истории
Корабельников Александр Иванович	1896	Высшие художественно-технические мастерские	1918	Художник
Крашенинников Ипполит Михайлович	1884	Императорский Московский университет	1914	Геология
Крашенинникова Вера Михайловна	1887	Высшие женские курсы в Москве	—	—
Кропочева Нина Ефимовна	1909	Пермский педагогический институт	1930	Преподаватель истории
Кряжевских Валентина Андреевна	1924	Челябинский государственный педагогический институт	1944	Историк
Малышко Евгения Сергеевна	1918	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	1945	Историк-археолог
Мачерет Ли́лия Васильевна	1937	Челябинский государственный педагогический институт	1960	Географ, преподаватель географии, биологии

Продолжение таблицы

Ф. И. О.	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания учебного заведения или выдачи диплома	Специальность по образованию
Орлова Галина Федоровна	1924	Челябинский государственный педагогический институт	1948	Историк
Панова Алла Андреевна	1938	Челябинский государственный педагогический институт	1960	Учитель истории, русского языка
Платонов Георгий Михайлович	1921	Челябинский государственный педагогический институт	1952	Учитель истории
Плотникова Любовь Владимировна	1945	Челябинский государственный педагогический институт	1966	Преподаватель русского языка и литературы
Поскребышев Виктор Семенович	1941	Челябинский государственный педагогический институт	1965	Учитель истории, русского языка и литературы
Протасов Михаил Александрович	1861	Императорский Казанский университет	1886	Биолог
Савцова Надежда Ивановна	1938	Уральский государственный университет им. А. М. Горького	1964	Историк
Сальников Константин Владимирович	1900	1-й Московский государственный университет	1930	Археолог
Соболь Петр Иванович	1940	Башкирский государственный университет	1970	Историк
Столос Владимир Савельевич	1930	Уральский государственный университет им. А. М. Горького	1953	Историк
Терентьева Нинель Михайловна	1928	Уральский государственный университет им. А. М. Горького	1950	Историк
Трофимов Яков Владимирович	1907	Краснознаменная военно-политическая академия им. В. И. Ленина	1952	Военно-политический работник
Турсанов Николай Гаврилович	1882	Императорский Казанский университет	—	—
Чернавский Николай Михайлович	1872	Казанская духовная академия	1896	Кандидат богословия
Шибасева Юлия Артемьевна	1908	1-й Московский государственный университет	1930	—

Окончание таблицы

Ф. И. О.	Год рождения	Учебное заведение	Год окончания учебного заведения или выдачи диплома	Специальность по образованию
Шувалов Николай Иванович	1912	Челябинский государственный педагогический институт	—	Географ
Щадинская Надежда Антоновна	1919	Коммунистический политико-просветительский институт им. Н. К. Крупской	1941	Историк-музеевед

В 1917–1973 гг. в музее работали, по приблизительным подсчетам, 180 человек, из них законченное образование высокого уровня имели 40 человек (см. таблицу), а именно: 23 историка (педагоги-историки, учителя истории, археологи, преподаватели истории, историк-археолог, историк-музеевед; сотрудники, имеющие специальность по образованию: история, русский язык и литература), пять филологов (преподаватели русского языка и литературы, учитель русского языка и литературы; сотрудник, имеющий специальность по образованию: русский язык и литература), три географа (географ, учитель географии; сотрудник, имеющий специальность по образованию: преподаватель географии и биологии), биолог, два геолога, художник, кандидат богословия и военно-политический работник.

Из 40 сотрудников музея 16 человек окончили Челябинский государственный педагогический институт, восемь — Московский государственный университет, четверо — Уральский государственный университет им. А. М. Горького, двое — Императорский Казанский университет. По одному работнику окончили следующие учебные заведения: Коммунистический политико-просветительский институт им. Н. К. Крупской, Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, Ленинградский государственный университет, Пермский педагогический институт, Казанскую духовную академию, Императорский Санкт-Петербургский университет, Московский археологический институт, Высшие художественно-технические мастерские, Высшие женские курсы в Москве, Башкирский государственный университет.

Ознакомимся с биографиями сотрудников музея (составленных на основе личных дел работников с высшим образованием), устроившихся на работу в конце 1950-х — 1960-е гг.

Директором музея в 1961 г. стал **Яков Владимирович Трофимов**. Он родился 19 октября 1907 г. в с. Щучинские Пески Щучинского района Воронежской области в крестьянской семье. С 1930 по 1933 гг. был рядовым курсантом пехотного полка, командиром отделения, помощником комиссара взвода 56-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской дивизии в Тамбове.

В 1936 г. окончил Ленинградское военно-политическое училище. С 1936 по 1938 гг. начальник библиотеки, затем клуба полка, политрук роты 94-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. В 1938–1941 гг. политрук роты курсантов, ответственный секретарь партбюро Краснодарского пехотного училища. В 1941–1943 гг. старший инструктор политического отдела, комиссар полка и заместитель комиссара полка по политической части 16-й запасной стрелковой бригады. В 1943 г. был слушателем Высших курсов усовершенствования политсостава Красной армии, состоял в резерве Главного политического управления Красной армии. В 1943–1945 гг. инструктор политотдела 10-го стрелкового корпуса, заместитель командира полка по политчасти 417-й стрелковой дивизии 51-й армии ополчения 4-го Украинского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов. В 1945–1951 гг. занимал должности командира полка по политчасти, заместителя начальника политотдела стрелковой бригады в Чебаркуле.

В 1952 г. окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. В 1951–1953 гг. был заместителем начальника политотдела стрелкового корпуса. В 1953 г. вышел на пенсию. В 1958–1959 гг. являлся заместителем директора Челябинской филармонии. До 1961 г. был старшим цензором обллита¹³.

Награжден орденами Красной Звезды (1943, 1945), Отечественной войны I степени (1945), Красного Знамени (1950), медалями «За боевые заслуги» (1944), «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1948), «30 лет Советской армии и флоту» (1948)¹⁴.

Научный сотрудник музея **Зинаида Сергеевна Блинова** родилась 8 апреля 1932 г. в г. Люберцы Московской области в семье рабочих. По окончании исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина с 1954 г. преподавала историю в ниже-туринской средней школе № 2. В 1962 г. работала учителем истории в челябинской средней школе № 29. В 1962–1963 гг. старший научный сотрудник Государственного архива Челябинской области. В 1963 г. начальник городского пионерского лагеря при домоуправлении № 1. Научный сотрудник архивного отдела Челябинского облисполкома (1963–1965). Трудовую деятельность в Челябинском областном краеведческом музее начала 2 сентября 1966 г. в должности научного сотрудника¹⁵.

Заведующая фондами **Валентна Павловна Вискова** родилась 14 февраля 1929 г. в Москве в семье служащих. Получила высшее образование в Челябинском государственном педагогическом институте по специальности «учитель истории». В 1954–1956 гг. учитель истории в средней школе № 1 Верхнего Уфалея, в 1956 г. воспитатель группы продленного дня в средней школе № 84 Челябинска. С 1957 г. в облоно: инспектор по кадрам, затем статистик, в 1959–1963 гг. инспектор детских домов, в 1963 г. школьный инспектор. В 1963–1964 гг. учителя истории в школе рабочей молодежи № 2 Челябинска. Затем вновь на различных должностях в облоно (с 1965 г. инспектор по детским домам, с 1965 г. школьный инспектор). С июня 1965 г. выполняла обязанности заведующей фондами в Челябинском областном краеведческом музее¹⁶.

Научный сотрудник музея **Виктория Сергеевна Глазунова** родилась 20 апреля 1937 г. в Каменске-Уральском. С 1955 г. училась в школе ФЗУ в Челябинске. В 1956–1958 гг. статистик в Железнодорожном (Советском) райкоме КПСС. С 1958 по 1959 гг. заведующая сектором учета Железнодорожного райкома ВЛКСМ. В 1959 г. таксировщик в финансовом секторе Управления дороги, в 1959–1962 гг. статистик сектора учета в Советском райкоме КПСС, затем преподаватель основ политических знаний в ГПТУ № 10, в 1962–1966 гг. преподаватель основ политических знаний и обществоведения в ГПТУ № 71. В 1965 г. окончила заочное отделение исторического факультета Челябинского государственного педагогического института. С 1 сентября 1966 г. являлась научным сотрудником Челябинского областного краеведческого музея¹⁷.

Научный сотрудник **Людмила Ароновна Зимина** родилась в 1937 г. в Оренбурге. В 1959 г. окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. С 14 мая 1959 г. являлась научным сотрудником отдела советского периода Челябинского областного краеведческого музея¹⁸.

Надежда Алексеевна Кокина в генеральской форме, сданной в музей. 19 февраля 1971 г.

Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

На основании проведенной работы следует сделать вывод, что из 40 выявленных работников с высоким уровнем образования, большая часть являлась историками и выпускниками Челябинского государственного педагогического института. Несмотря на это, в музее наблюдался дефицит высококвалифицированных кадров. Однако этот факт не имел значительного влияния на развитие учреждения, которое в настоящее время носит название «Государственный исторический музей Южного Урала».

Примечания

¹ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М. : Мысль, 1981. С. 5.

² *Кузьминов Я. И., Юдкевич М. М.* Университеты в России: как это работает. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2021. С. 15.

³ *Сундиева А. А.* Музейная профессия сегодня // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-professiya-segodnya-1> (дата обращения: 29.08.2022).

⁴ Музеи и зоопарки Российской Федерации в цифрах // Центр ГИВЦ Минкультуры России. 2020. С. 65. URL: <https://stat.mkrf.ru/upload/iblock/536/536bcd7cab50c387d487331a29da8ffc.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ Там же.

⁶ Челябинская область : энциклопедия. Т. 7. Челябинск : Каменный пояс, 2006. С. 229.

⁷ Документальный фонд Государственного исторического музея Южного Урала. Оп. 1л. Д. 83. Л. 1–236.

⁸ Челябинская область : энциклопедия ... Т. 1. С. 904.

⁹ Там же. Т. 4. С. 252.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 506.

¹¹ Государственный исторический музей Южного Урала. URL: <http://www.chelmuseum.ru/o-muzee/information/index.php/825/> (дата обращения: 01.07.2022).

¹² Там же.

¹³ Документальный фонд Государственного исторического музея Южного Урала. Оп. 1л. Д. 164. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 88. Л. 1.

¹⁶ Там же. Оп. 1л. Д. 97. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 100. Л. 1.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

А. А. Ветельников, А. Д. Шатино, А. Ю. Щедрина

КОЛЬЧУГА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА: РЕСТАВРАЦИЯ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2020 г. в ходе осмотра фонда «Оружие» Государственного исторического музея Южного Урала было установлено, что кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 нуждается в реставрации. Важным аргументом в пользу необходимости ее реставрации было то, что это редкий для Южного Урала древний воинский доспех. В процессе реставрации возникла возможность всестороннего изучения предмета. В конце 2020 г. была начата реставрация доспеха и одновременно его научное исследование.

Целью данной статьи являются: 1) описание методики реставрации кольчуги; 2) уточнение вопросов, связанных с материалом, из которого изготовлены ее кольца, и технологическими аспектами их изготовления¹.

Описание кольчуги

Кольчуга² представляет собой прямоугольную рубаху с короткими прямыми рукавами, сплетенную из железных колец. Ворот кольчуги квадратный, разрезной, без воротника. Разрез ворота расположен по центру и имеет глубину 14 см. Габаритные размеры доспеха: длина от плеча до края подола 68 см. Длина от края горловины до подола 57 см. Ширина с рукавами 109 см. Ширина по подола 65,8 см. Вес 5,6 кг.

Кольца соединены по схеме «четыре в одном». Они сделаны из железа, часть — из слабо науглероженной стали. Кольчуга состоит из колец двух основных типов — клепаных³ и цельных. Технология производства цельных колец неоднократно вызывала дискуссии как в научных исследованиях⁴, так и у реконструкторов. Одни специалисты считают, что они производились из проволоки и их концы соединялись кузнечной сваркой. Другие — что кольца высекали из листа железа. Этот вопрос «всплыл» и в процессе реставрации. Поэтому было принято решение провести естественно-научные исследования образцов колец разного типа. Как показал металлографический анализ, цельные кольца были высечены из листа железа или слабо науглероженной стали⁵. Вероятно, далее при помощи штампов их сечение было приближено к круглому, после чего острые кромки были устранены шлифовкой⁶.

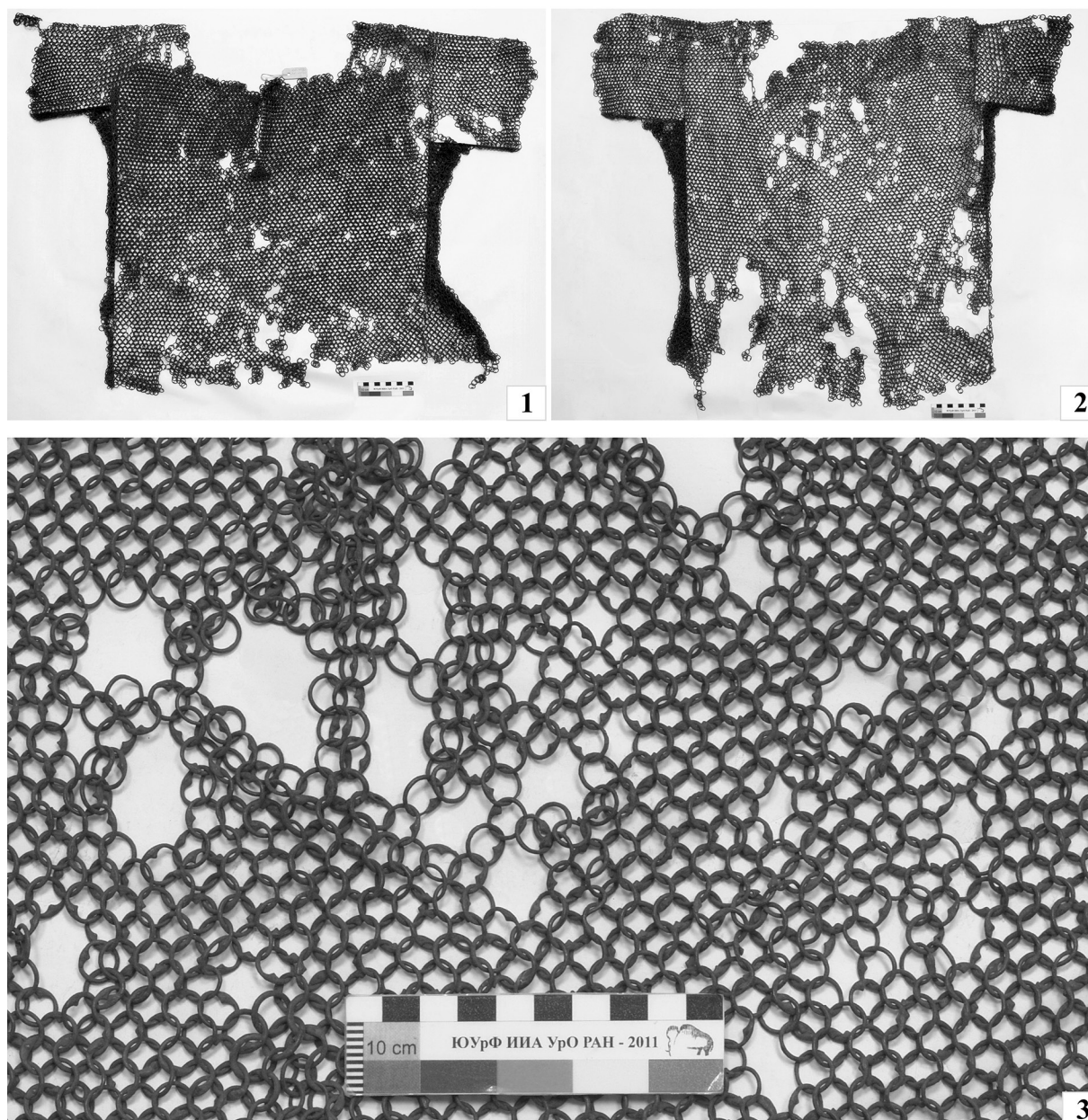
В свою очередь клепаные кольца представлены тремя видами, характерным признаком которых является форма заклепки и площадки («лопатки»):

1) кольца с четырехугольной, уплощенной заклепкой, с выраженным зубцом на лопатке (сосковидной формы, по выражению Н. В. Гордеева⁷). Они сделаны из более тонкой проволоки, чем кольца другого типа. При этом заклепаны на тупой клин, и это придает внешней стороне заклепки форму прямоугольника;

2) кольца с круглой заклепкой. Они имеют менее выраженный зубец в площадке и фальш-заклепки по краям лопатки⁸. Их около 30 % от общего числа клепаных;

3) кольца с круглой заклепкой, без фальш-заклепок, с зубцом на лопатке (их около 15 %).

Кроме того, есть единичные кольца с индивидуальными особенностями (без зубца, плоские, сделанные из более толстой проволоки и т. п.). Вероятно, их использовали для ремонта кольчуги (таких примерно 5 %).

Кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 до реставрации: 1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона; 3 — фрагмент полотна. Фото О. Г. Ивановой

Большинство колец кольчатого доспеха по своей геометрической форме более близки не к кругу, а к эллипсу. Их размер («диаметр») больше на груди и меньше на подоле и рукавах. Кроме того, кольца на груди изготовлены из более толстой проволоки. В отдельных местах (например, внизу груди и в области живота) полотно состоит из чередования заклепанных и цельных колец. При этом цельные кольца часто соединены кольчужными клепаными кольцами с формой лопатки, отличной от описанных предыдущих типов. Все они без характерного зубца.

На лицевой стороне кольчуги кольца разного типа распределились следующим образом: на рукавах — преимущественно с четырехугольной (уплощенной) заклепкой с зубцом на лопатке; меньше — с круглой заклепкой и цельных колец. На груди преобладают кольца с круглой заклепкой, в нижней части груди и вверху живота — с фальш-заклепками и просто с круглой заклепкой, меньше высеченных колец. На подоле больше колец с четырехугольной заклепкой. На спине преобладают кольца с четырехугольной заклепкой, но немало и с круглой. Вероятно, такое распределение колец связано с тем, что кольца с круглой заклепкой сделаны из чуть более толстой проволоки, и их старались расположить на

груди. Также, по статическим наблюдениям, четырехугольная клинообразная заклепка (шип) реже выпадает из отверстия, чем круглая. Может быть, поэтому кольца с четырехугольной заклепкой расположили на рукавах и подоле, то есть на более подвижных частях доспеха. Кроме того, правый рукав был, вероятно, залатан кольцами с круглой заклепкой (без фальш-заклепок) с менее выраженным зубцом и цельными кольцами.

Количество колец: на лицевой стороне — 5919, на «спине» — 5879, на правом рукаве — 805, на левом рукаве — 812. Размеры колец (в среднем): диаметр внешний — 10,87 мм, внутренний — 8,18 мм. Толщина проволоки кольца — 1,02×1,06 мм.

Сохранность кольчуги до реставрации

В полотне кольчуги множество дыр, вызванных утратами колец. На лицевой стороне рубахи около тридцати разрывов полотна, на оборотной — около двадцати. На левом рукаве также несколько отверстий. Подол деформирован из-за утраты колец. Из более десятка кольчужных колец вылетели заклепки. Некоторые из колец разошлись. Все кольца полностью покрыты плотной, прочной, сплошной оксидной коркой темно-коричневого цвета. Поверх нее и в кавернах — рыхлые ярко-рыжие продукты коррозии железа, что является вероятным признаком активной коррозии.

Кольчуга, судя по сведениям об обстоятельствах ее нахождения, изложенным в музейных документах (в «Книге поступлений основного фонда»), найдена не в результате археологических раскопок, не была извлечена из земли, а хранилась у владельца — казака Александра Лукича Турковского. Исходя из этого, можно предположить, что, вероятнее всего, кольчуга не переживала почвенную коррозию. Ее состояние до реставрации обусловлено плохими условиями хранения и ухода. Тип коррозии кольчуги — атмосферный. Состояние доспеха и наличие почти неповрежденного металлического ядра позволяют провести глубокую химическую очистку и механическую расчистку. В целом можно сказать, что кольца доспеха находятся на второй стадии окисления железа, по классификации С. Г. Буршневой⁹.

Таким образом, кольчуга нуждается в механической очистке и расчистке, стабилизации, ингибировании и консервации для предотвращения дальнейшего разрушения.

Реставрация кольчуги

Исходя из сохранности кольчуги, была разработана программа ее реставрации.

Первый этап реставрации:

1. Механическая очистка и расчистка.
2. Электрохимическая очистка и стабилизация.
3. Промывка.
4. Ингибирование¹⁰.
5. Удаление танина.
6. Чистовая очистка и расчистка колец.
7. Скрепление разошедшихся колец.
8. Консервация¹¹.

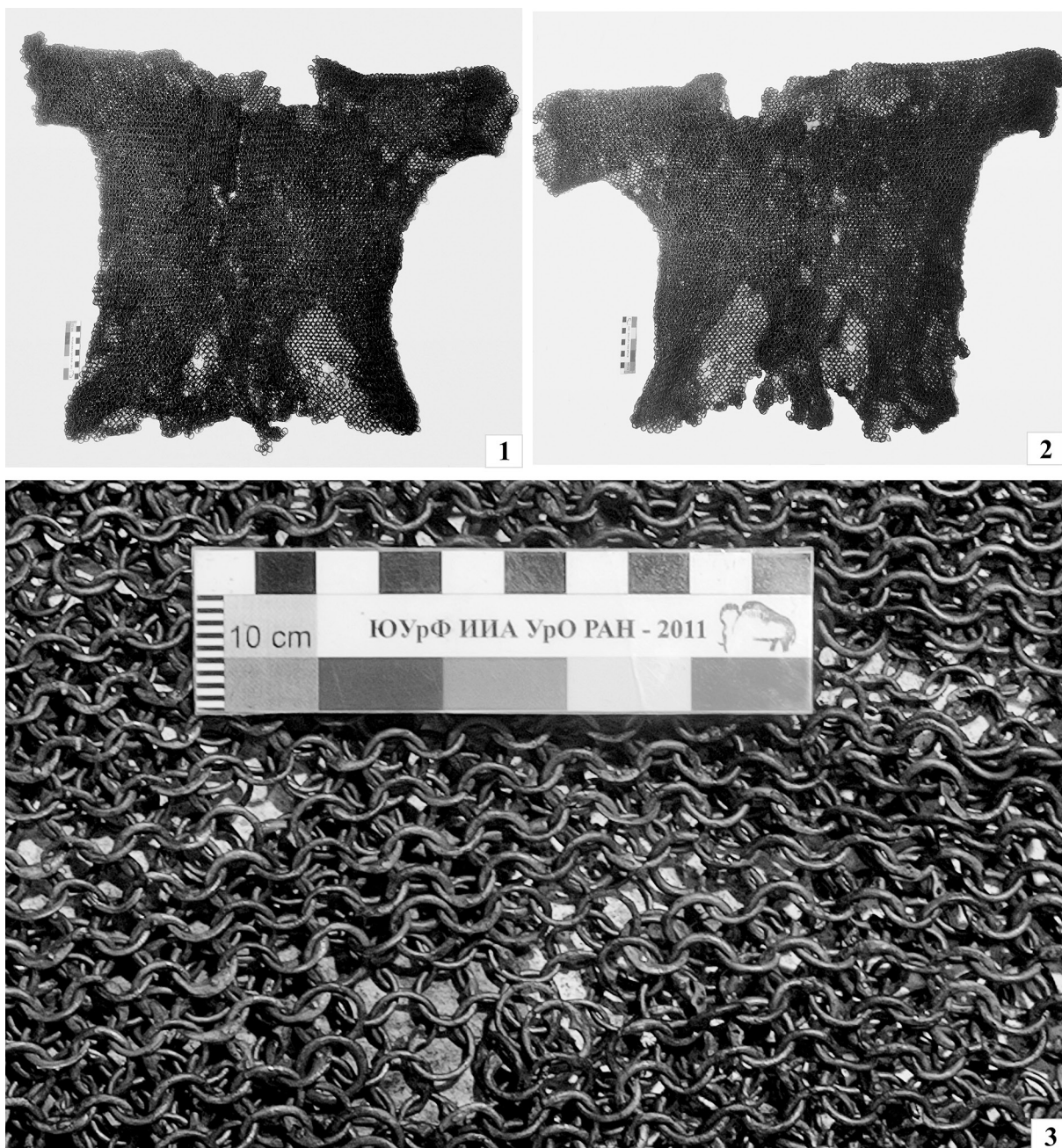
После принятия и одобрения реставрационным советом результатов реставрационных мероприятий первого этапа, на втором этапе запланировано частичное восстановление утраченных фрагментов полотна кольчуги путем вплетения в него новодельных колец (типа «с перехлестом»). Такие кольца, с одной стороны, органично вписываются в полотно доспеха, с другой, их видно и можно в любой момент снять. Этот вариант реконструкции согласуется с принципами научной реставрации: «обратимость» и намеренное выделение реконструируемых участков.

Ход реставрационных мероприятий

Первый этап реставрации. Пробная расчистка колец показала большую плотность оксидной корки, а также то, что оригинальная поверхность колец покрыта мелкими кавернами и имеет стальной («серебристый») цвет.

Физическое состояние минеральной корки, наличие хорошего «металлического ядра» определило выбор методики очистки предмета. Для очистки (стабилизации) доспеха он был обернут алюминиевой фольгой и погружен в пластмассовое корыто с 5 %-м раствором гидроксида натрия в дистиллированной воде. В результате электрохимической реакции кольца были очищены от продуктов коррозии. Также в результате такой очистки удалены реагенты, вызывающие активную коррозию.

Когда фольга растворилась почти полностью, предмет был извлечен из раствора. После этого он попеременно промывался под струей горячей и холодной воды в течение двух часов. Затем обрабатывался щетками с хозяйственным мылом и вновь промывался проточной водой контрастным методом. Затем остатки щелочи были нейтрализованы: доспех помещен на 15 минут в 5 %-й раствор лимонной кислоты, после опять промыт последовательно проточной горячей и холодной водой. Затем погружен в емкость с дистиллированной водой на 60 минут.

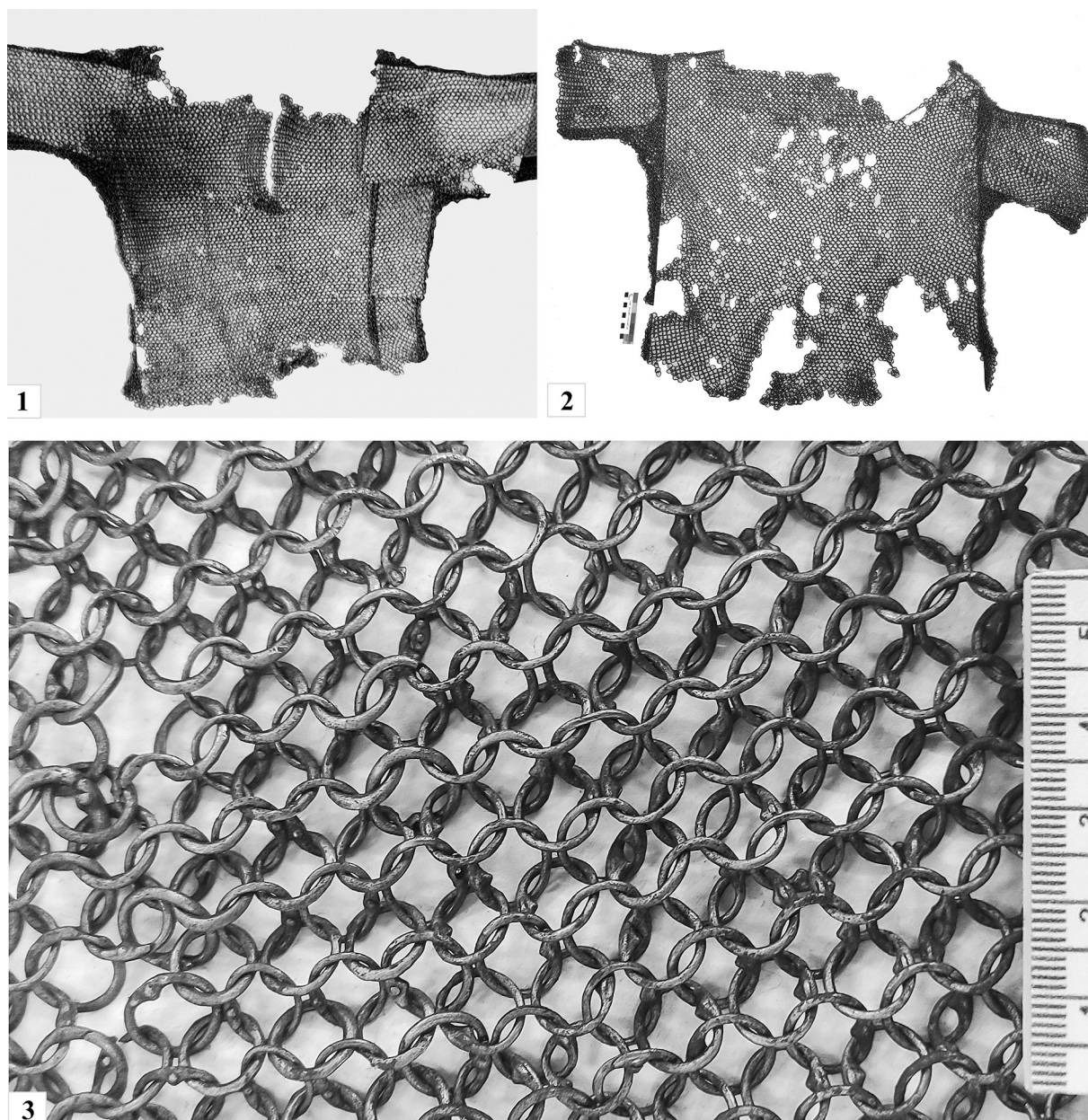

Кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 после ингибирования танином: 1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона; 3 — фрагмент полотна. Фото А. Д. Шапиро

Сушка предмета после промывки осуществлялась химическим способом: на кольчугу из пульверизатора разбрызган этиловый спирт, а ее поверхность смочена ацетоном. Для защиты от рецидивной коррозии на поверхность кольчуги нанесено специальное оружейное масло. Затем кольчуга была обернута фильтровальной бумагой, а сверху — полиэтиленовой пленкой.

Далее было необходимо для защиты предмета от развития коррозионных процессов провести ингибирование. Кольчатая броня была прогрета в течение 40 минут в термостате до 50 °С и на нее кисточками и щетками нанесен 7 %-й водно-спиртовой раствор танина¹² (является слабым ингибитором), затем предмет был вновь прогрет в сушильном шкафу. Кольчуга приобрела черно-коричневый цвет с глянцевым блеском, что сделало ее внешний вид неестественным.

Состояние металлического ядра предмета позволило провести глубокую механическую расчистку. Кроме того, судя по нарративным источникам, доспехи начищали до блеска. Исходя из этого, было принято решение удалить танин и придать поверхности кольчужных колец естественный металлический серо-серебристый цвет.

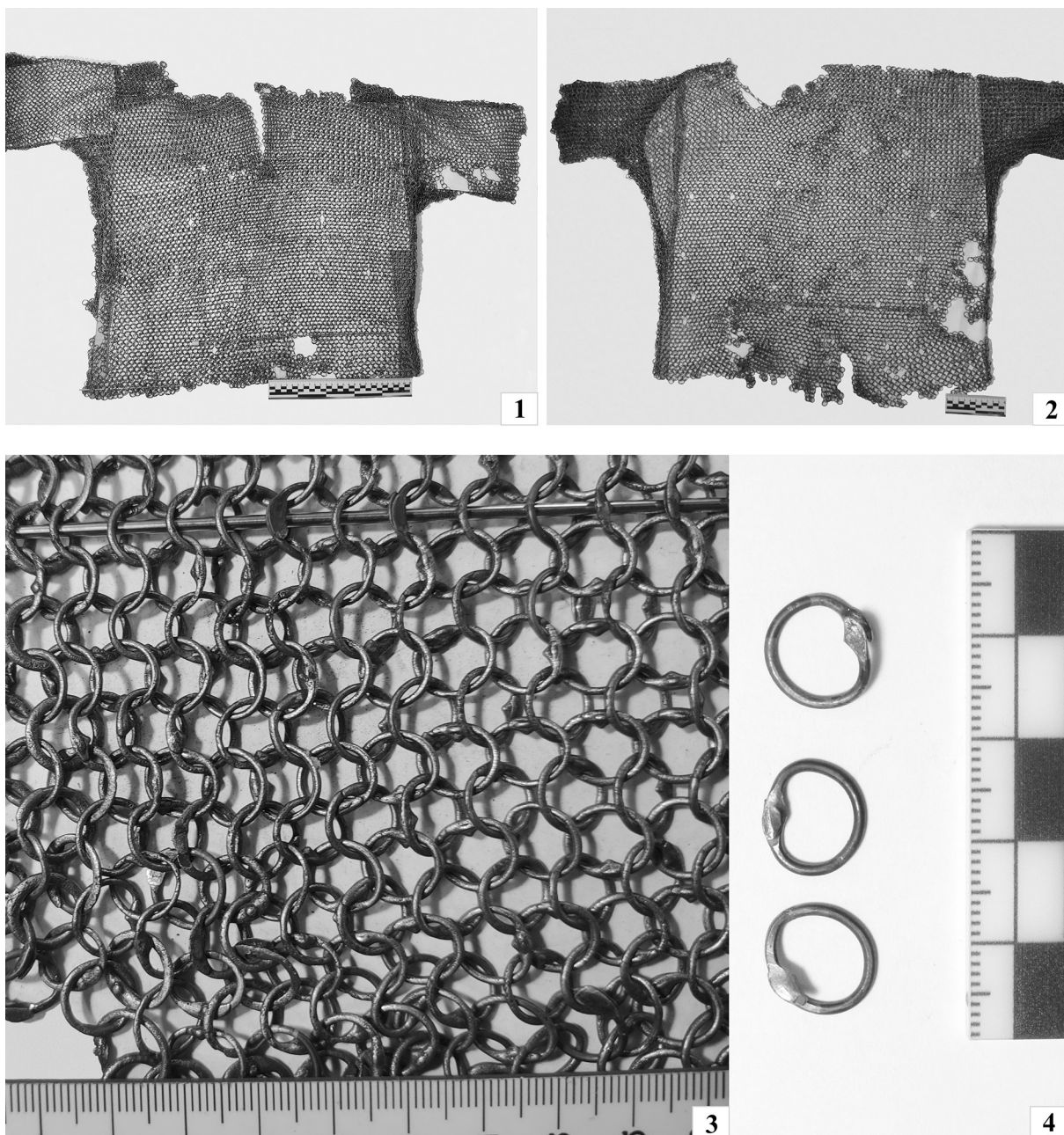

Кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 после удаления танина и очистки: 1 — лицевая сторона; 2 — обратная сторона; 3 — фрагмент полотна. Фото А. Д. Шапиро

К тому же очищенная таким образом броня будет хорошо смотреться в экспозиции. Танин удалялся тампонами, смоченными в растворителях, шлифовальными губками и стальными щетками, бормашиной со стальными крацовками.

Эта операция заняла много времени. В результате вместе с танином практически полностью были удалены остатки коррозионных продуктов и загрязнения. Периодически на кольчугу наносилось оружейное масло для защиты от новых коррозионных образований. Параллельно проводилось скрепление разошедшихся колец: они или вновь заклепывались, или запаивались.

Консервация. Для подготовки к консервации доспеха оружейное масло было удалено тампонами, смоченными в растворителях. После обезжиривания поверхности этиловым спиртом предмет был прогрет до 50 °С, затем на теплую поверхность был нанесен 2 %-й раствор микрокристаллического воска («Космолоид») в бензине, и предмет был вновь прогрет.

Кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 после расчистки, консервации и локального монтажа новодельных колец: 1 — общий вид лицевой стороны; 2 — общий вид оборотной стороны; 3 — фрагмент полотна; 4 — образцы новодельных колец. Фото А. Д. Шапиро

Второй этап реставрации. Московским реконструктором А. А. Веретельниковым были изготовлены кольца «с перехлестом», близкие по своей форме и размерам к оригинальным кольцам с «зубцом». После консервации оригинального полотна кольчуги ими были частично заделаны утраты полотна на плечах, груди, на верху спины и на подоле. Частичная реконструкция утраченных участков повысила механическую прочность кольчуги. Часть утрат не восстанавливалась для сохранения «историчности» и «экспрессивности» реставрируемого доспеха. После завершения локального восстановления полотна кольчуги она была вновь подвергнута консервации по указанной выше технологии.

Таким образом, в результате проведенных реставрационных мероприятий кольчуга защищена от коррозионных разрушений, повышена ее «физическая» прочность. После очистки и расчистки колец от оксидной корки удалось выявить их конструктивные особенности и на этой основе разделить их на типы, а также установить, как кольца разных типов распределяются в полотне кольчуги. Кроме того, отработана методика реставрации подобных доспехов.

Естественно-научные исследования образцов колец кольчуги

Одновременно с реставрацией были проведены естественно-научные исследования образцов колец кольчуги. Целью исследований было: 1) определить состав металла колец и его физические свойства; 2) уточнить технологические аспекты изготовления колец, в частности выяснить технологию изготовления цельных колец.

Металлографические исследования выполнены А. Ю. Щедриной в научно-исследовательской лаборатории «Гибридные наноструктурные материалы» Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». Было исследовано шесть кольчужных колец, относящихся к трем различным типам: кольца с прямоугольной заклепкой (№ 1, 2); кольца с круглой заклепкой (№ 3, 6); цельные кольца (№ 4, 5).

Методика исследования

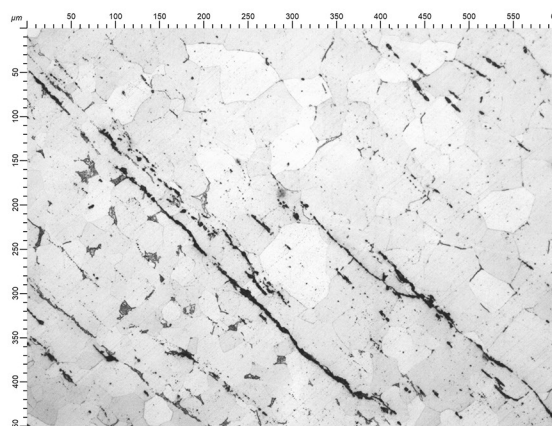
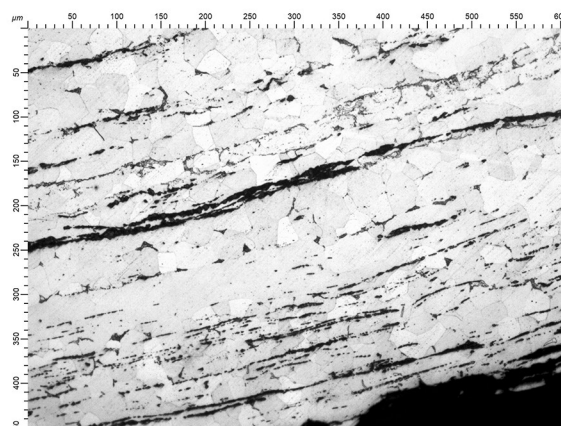
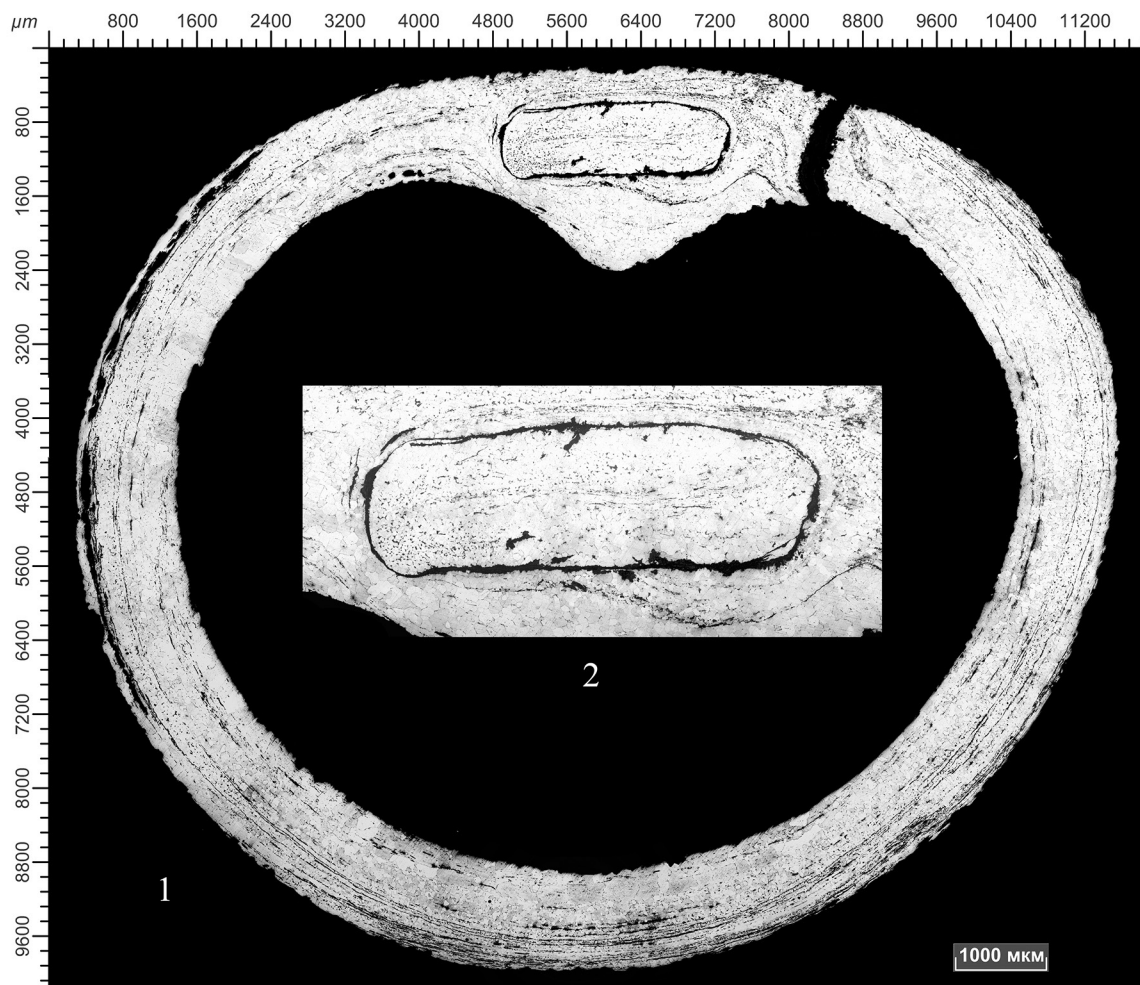
Кольчужные кольца исследовались целиком, шлиф выполнялся в плоскости кольца (кольца № 2, 3, 6 разошлись в месте заклепки и / или были погнуты, вследствие чего незначительная часть длины их окружности на шлиф не попала). Кольца фиксировались методом горячей запрессовки в полимерном материале, затем полученный образец шлифовался, полировался алмазной пастой и протравливался 3 %-м спиртовым раствором азотной кислоты.

Металлографические анализы проводились на оптическом микроскопе Axio Observer D1m Carl Zeiss с программным обеспечением Tixomet при увеличениях от 50- до 500-кратного. Микротвердость измерялась на микротвердомере Tukon 1102 по методу Виккерса с нагрузкой 200 г (для каждого материала выполнялось не менее пяти измерений).

Результаты исследования

Кольца с прямоугольной заклепкой

Кольцо № 1 изготовлено из неоднородного кричного железа с очень большим количеством шлаковых включений. Структура преимущественно ферритная, на отдельных участках наблюдаются незначительные включения перлита (содержание углерода не более 0,15 %). Размер зерна различный: на одних участках не превышает 20 мкм, на других составляет около 50 мкм, что может говорить о разном содержании фосфора в этих зонах. Микротвердость варьируется от 91 до 118 НВ, средняя — 103 НВ. Шлаковые включения очень многочисленны, распределены неравномерно, имеют разный размер, вплоть до очень крупного. Все они вытянуты вдоль окружности кольца. Прямоугольная заклепка (шип) изготовлена из такого же неоднородного материала,

3

4

Кольцо № 1: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$ (феррит и крупные шлаковые включения); 4 — микроструктура, $\times 200$ (феррит, незначительные включения перлита и шлаковые включения). Фото А. Ю. Щедриной

варьирующегося от железа до малоуглеродистой стали. При этом микротвердость ее выше — до 172 HV, очевидно, вследствие холодного наклепа.

Кольцо № 2 изготовлено из такого же некачественного кричного железа с большим количеством крупных и мелких шлаковых включений, вытянутых вдоль окружности. В данном случае науглероженные участки отсутствуют, структура полностью ферритная. Неоднородность по фосфору выражена ярче: размер зерна феррита составляет от 20 до более 200 мкм. Микротвердость мелкозернистых участков — 90–112 HV, крупнозернистых — 155–168 HV. Прямоугольная заклепка также изготовлена из железа, его твердость из-за наклепа составляет около 240 HV. Интересно, что отверстие по размеру не соответствовало заклепке — оно было пробито инструментом овальной формы и лишнее пространство в процессе расклепывания заполнил, по всей видимости, материал самого кольца.

Кольца с круглой заклепкой

Кольцо № 3 изготовлено из железа низкого качества с большим количеством шлаковых включений, вытянутых вдоль окружности. Структура — мелкозернистый феррит (размер зерна около 20 мкм). Микротвердость материала составляет 130–143 HV. Из этого же материала — железа со шлаком — изготовлена круглая заклепка, ее микротвердость варьируется в пределах 160–181 HV.

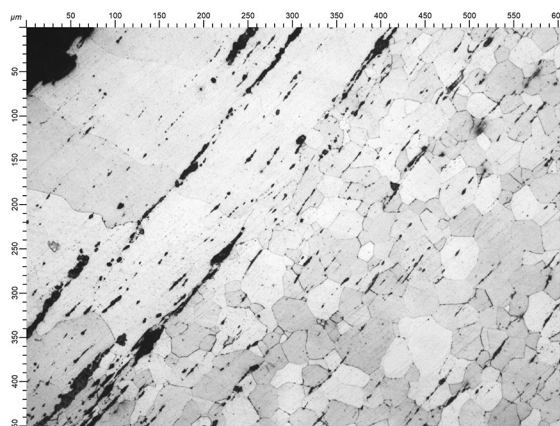
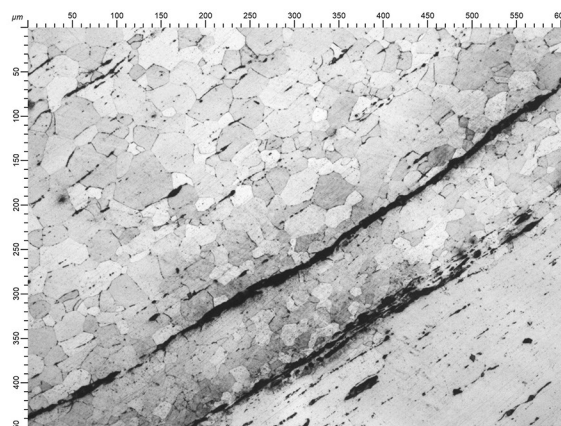
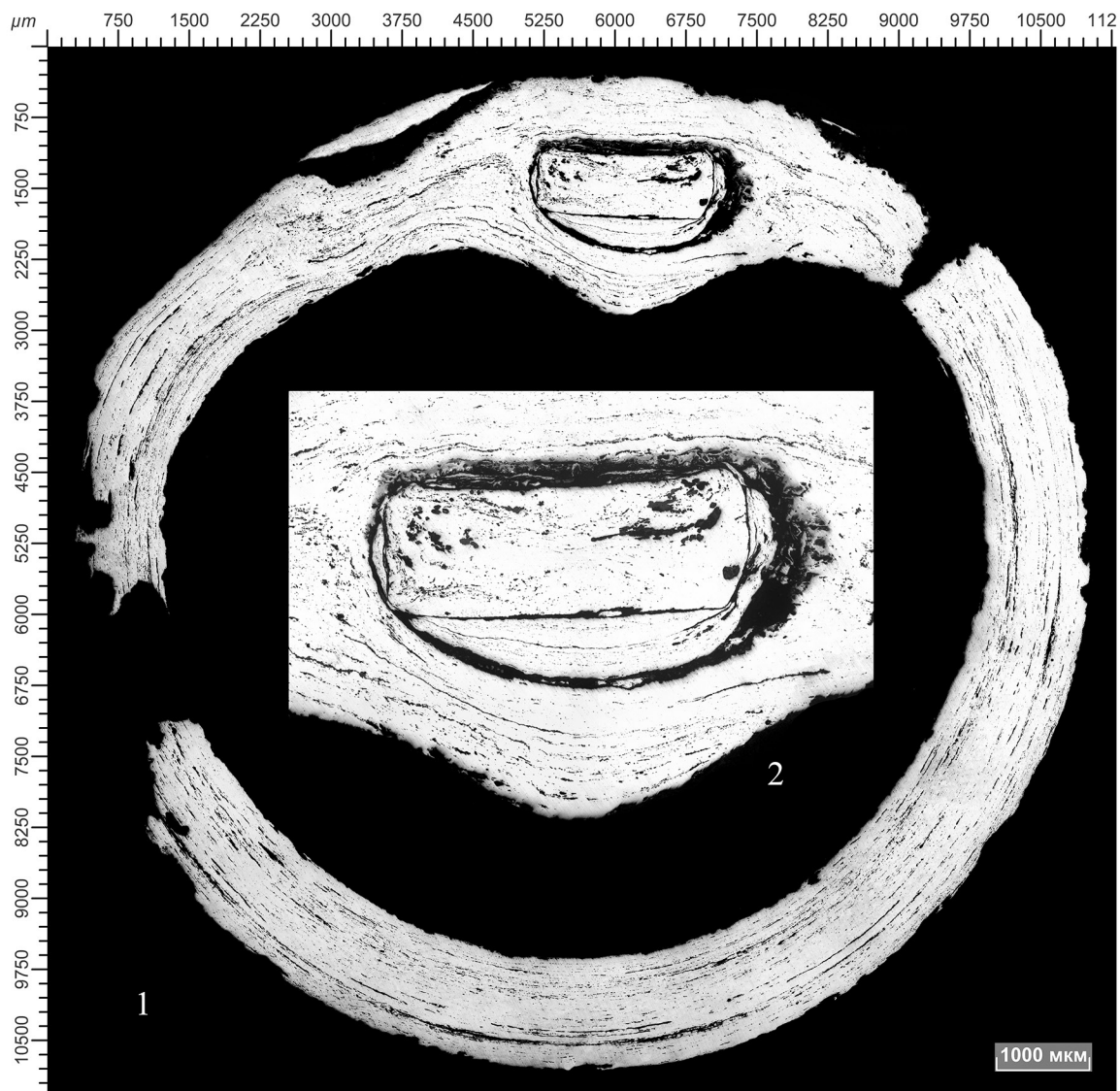
Кольцо № 6 изготовлено из более чистого железа: шлаковых включений в металле значительно меньше, чем у колец № 1–3. Они имеют меньший размер, распределены более равномерно и также вытянуты вдоль окружности кольца. Микроструктура — феррит с размером зерна 50–100 мкм. Микротвердость материала составляет 138–145 HV. Небольшой участок, тянущийся вдоль внутренней стороны кольца, науглерожен приблизительно до 0,2 % С. Также частично науглерожен (примерно до 0,3 % С) материал круглой заклепки, ее микротвердость — 212–256 HV.

Цельные кольца

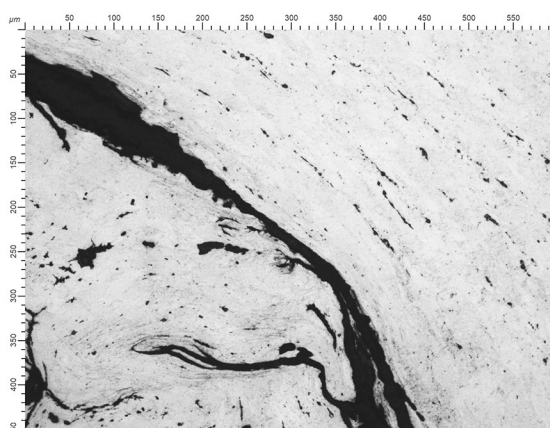
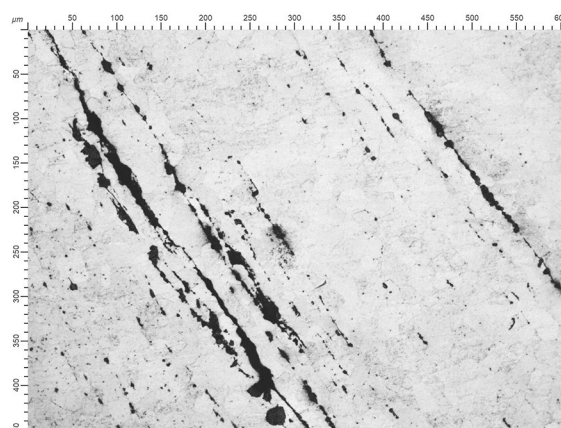
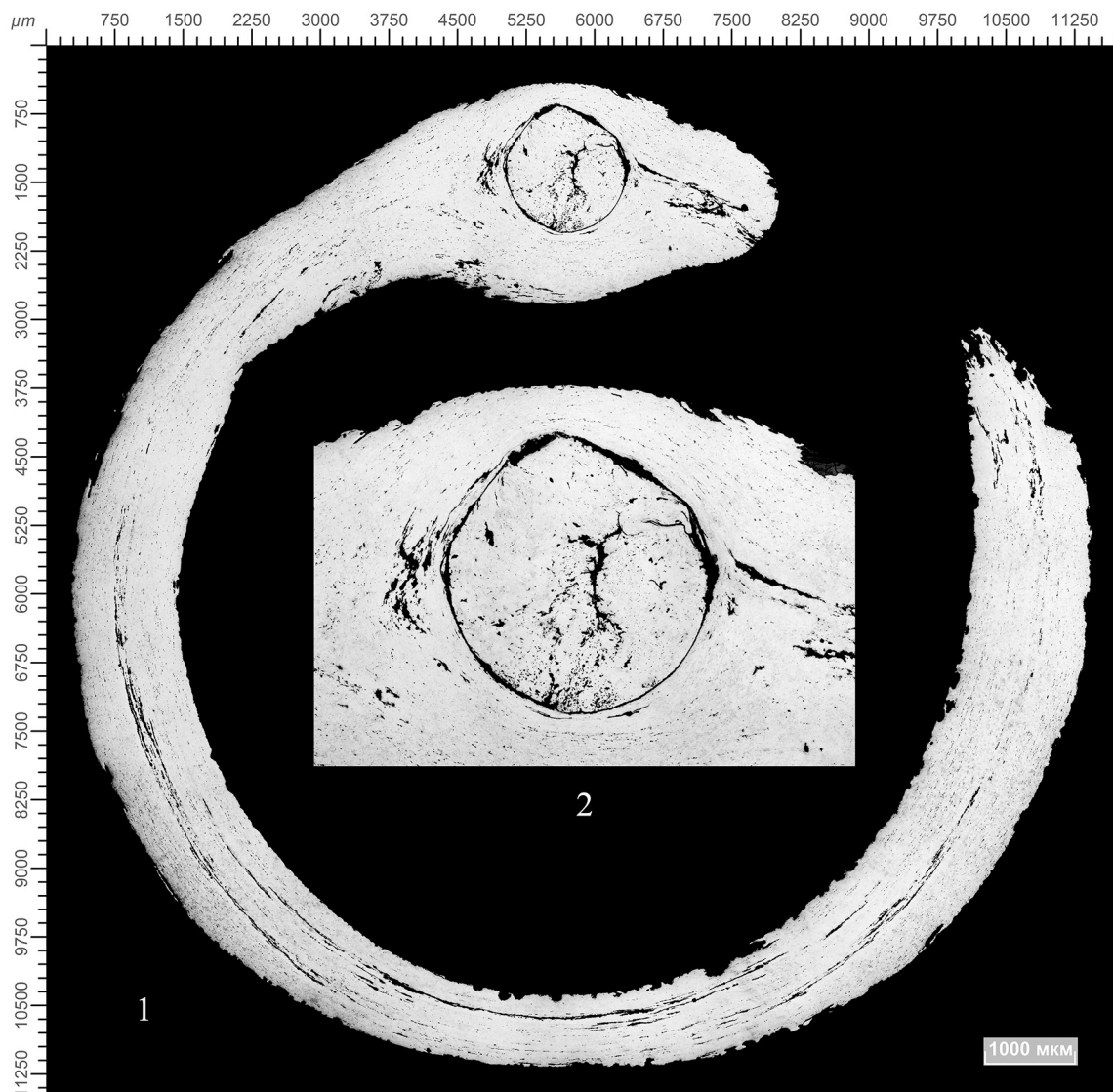
Кольцо № 4, очевидно, изготовлено из листа металла путем высеечения. Материал неоднороден и варьируется от низкоуглеродистой стали (около 0,15 % С) до среднеуглеродистой (0,5 % С). Микроструктура — феррит и перлит. По границам зон с разным содержанием углерода видны сварные швы. Судя по их расположению, куски металла сваривались кузнечной сваркой до их проковки в тонкий лист и в конечном счете оказались расположены хаотично, пересекая диаметр кольца в разных местах и направлениях. Микротвердость варьируется от 135–145 HV в слабо науглероженных областях до 200–224 HV в сильно науглероженных. Металл значительно более чистый по шлаку, чем у колец с заклепкой. Шлаковые включения так же, как и сварные швы, пересекают контур кольца.

Хотя это кольцо высечено из листа, сам этот лист был сделан из сваренных вместе кусочков железа и стали. Это характерно для эпохи Средневековья. Железо экономии и все отходы производства пускали в дело повторно, сваривая их в один кусок.

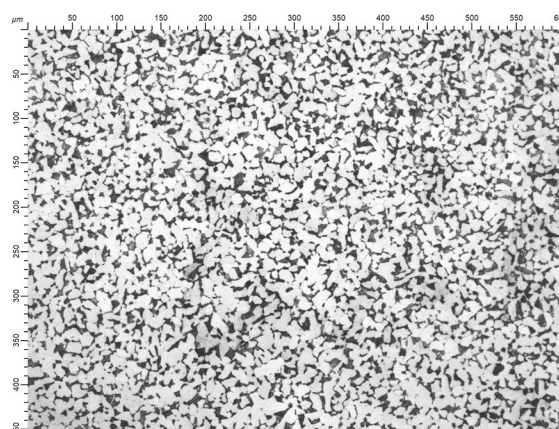
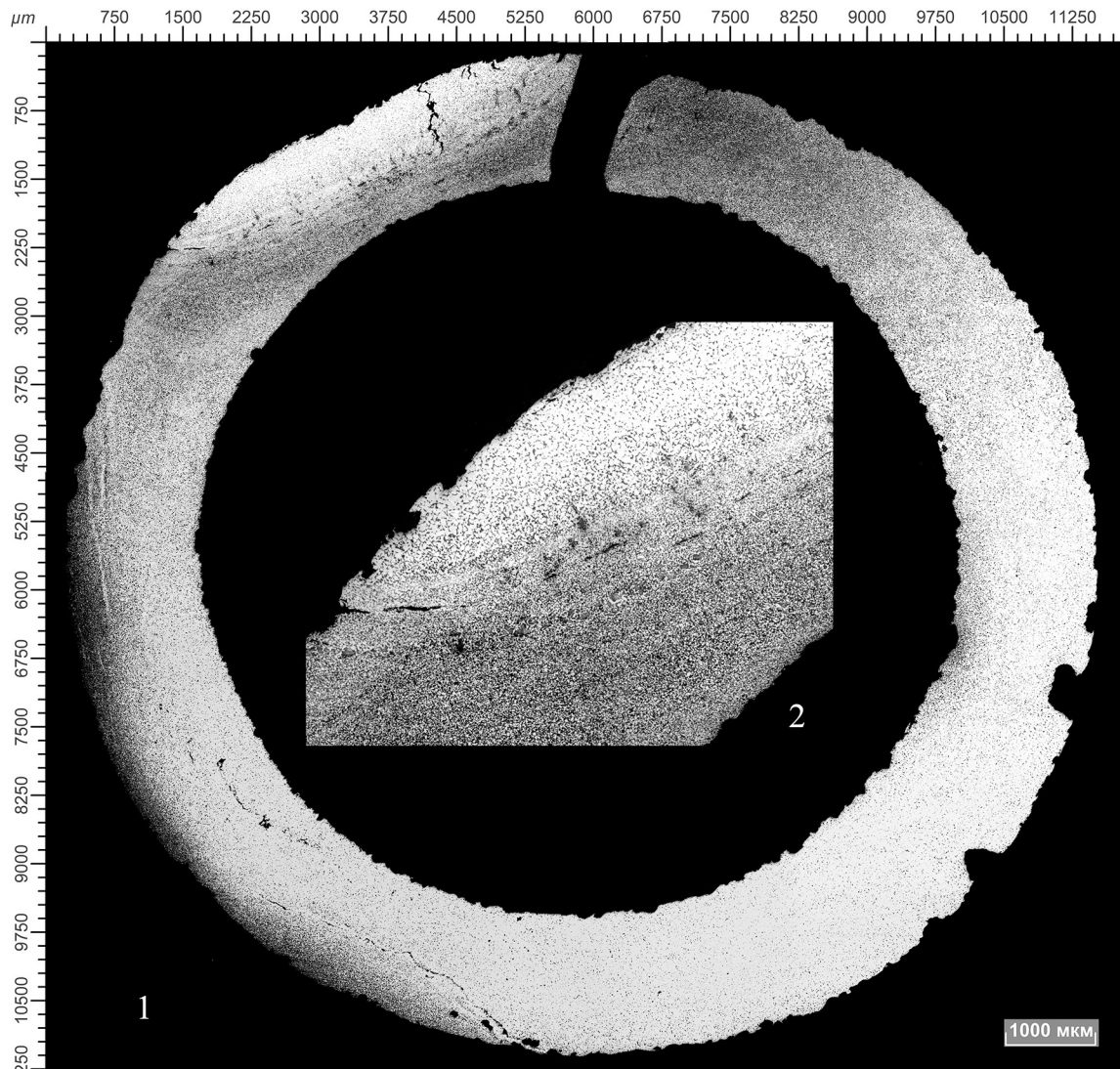
Кольцо № 5 также, по всей видимости, высечено из листа металла. Материал — железо с ферритной структурой и размером зерна 50–100 мкм. На отдельных незначительных участках присутствуют включения перлита. Микротвердость составляет 155–168 HV. Сварных швов не наблюдается, шлаковые включения немногочисленны и расположены хаотично, в некоторых местах пересекают контур кольца.

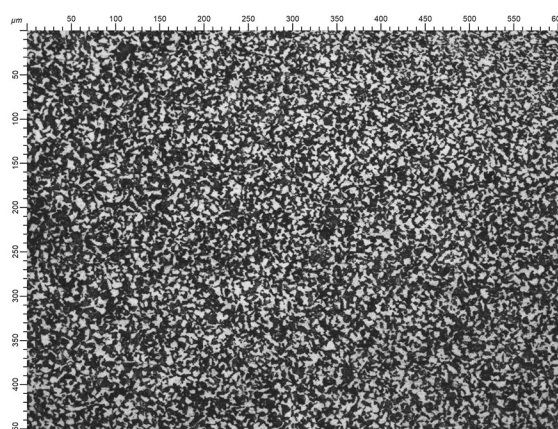
Кольцо № 2: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$ (феррит и шлаковые включения); 4 — микроструктура, $\times 200$ (граница участков мелкозернистого и крупнозернистого феррита и шлаковые включения). Фото А. Ю. Щедриной

Кольцо № 3: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$ (феррит и шлаковые включения); 4 — микроструктура, $\times 200$ (феррит, шлаковые включения, край заклепки). Фото А. Ю. Щедриной

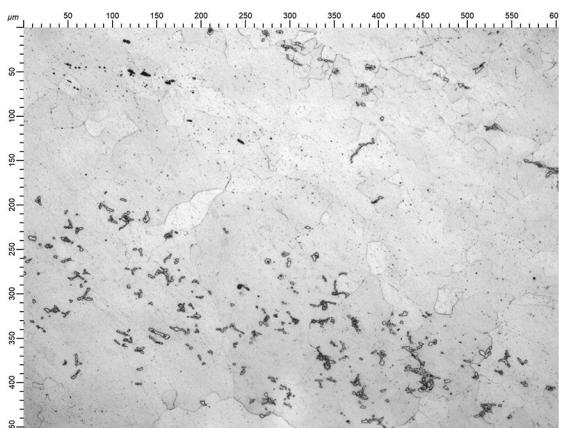
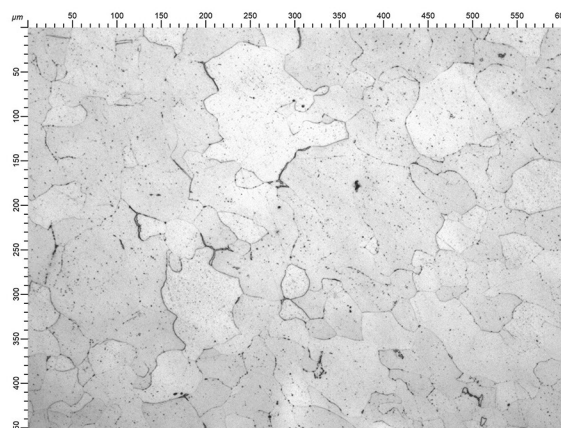
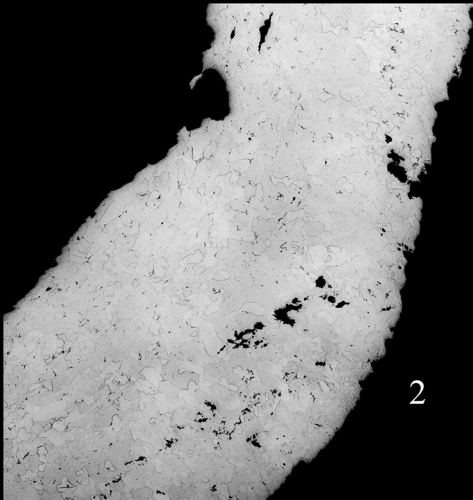

3

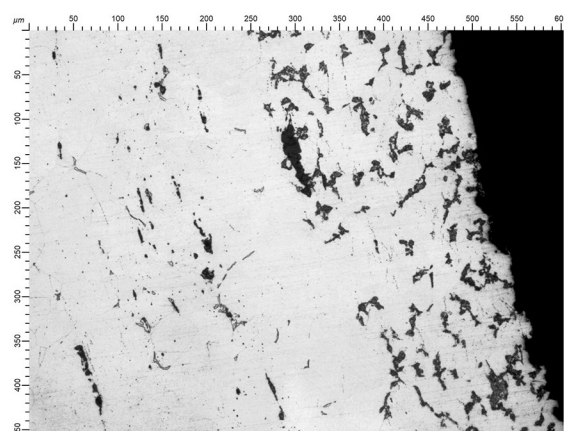
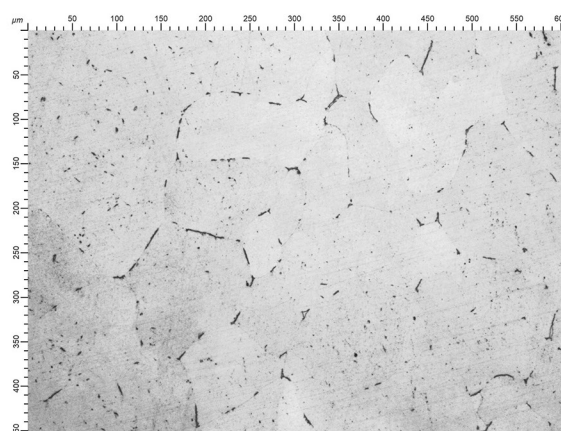
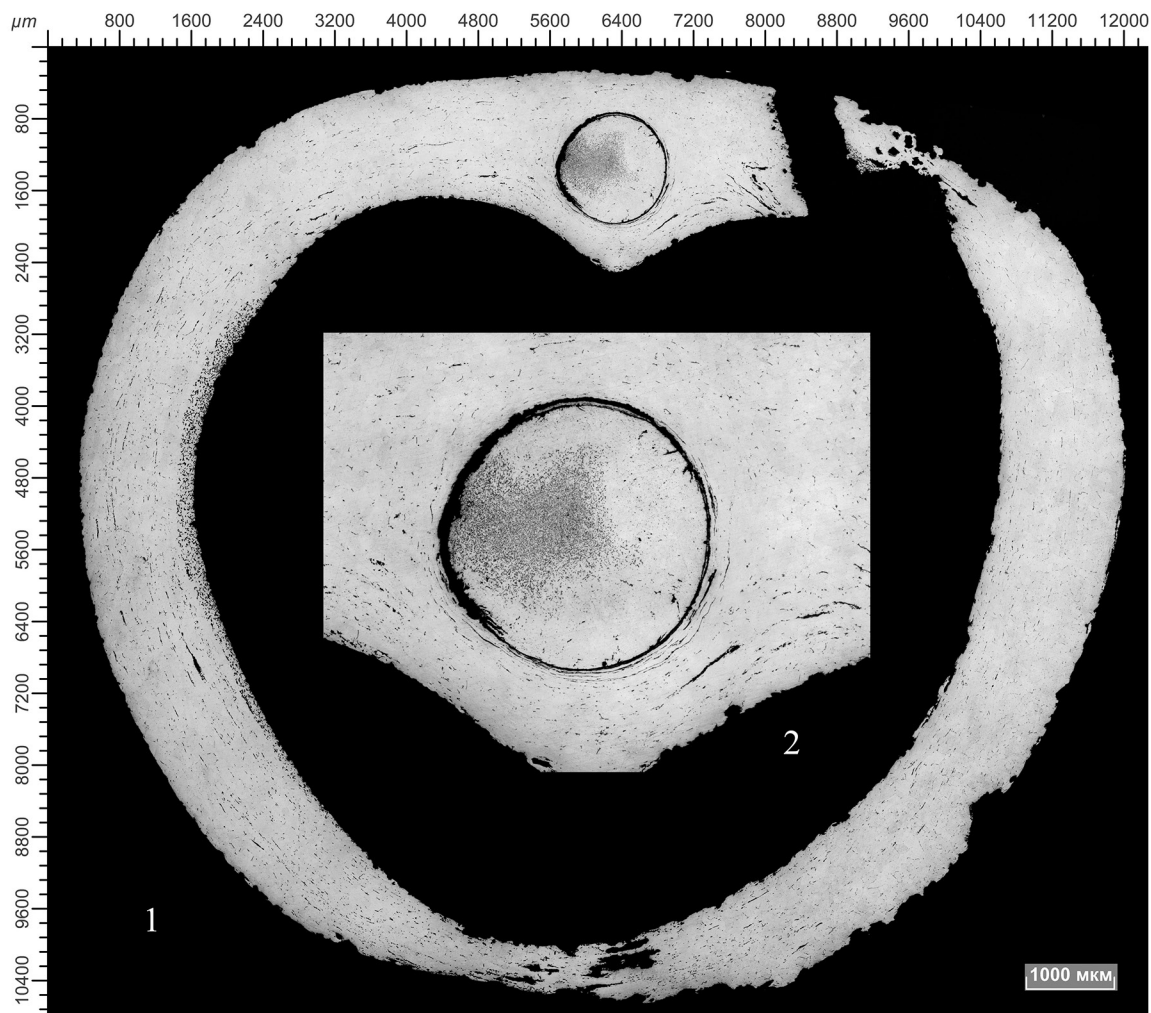

4

Кольцо № 4: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$ (феррит и перлит — средне науглероженный участок); 4 — микроструктура, $\times 200$ (феррит и перлит — сильно науглероженный участок). Фото А. Ю. Щедриной

Кольцо № 5: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$; 4 — микроструктура, $\times 200$ (феррит, включения перлита). Фото А. Ю. Щедриной

Кольцо № 6: 1 — общий вид шлифа, $\times 50$; 2 — заклепка, $\times 100$; 3 — микроструктура, $\times 200$ (феррит, тонкие включения перлита по границам зерен); 4 — микроструктура, $\times 200$ (феррит, перлит, шлаковые включения).
Фото А. Ю. Щедриной

Выводы

Все исследованные кольчужные кольца изготовлены из материала довольно низкого качества — ненауглероженного или неоднородно науглероженного кричного железа со шлаками. Кольца с заклепками разной формы не показали принципиальных различий в материале и технологии изготовления. Большинство из них изготовлены из железа с большим количеством шлаковых включений. Цельные кольца изготовлены из листа металла методом высечения. Их материал — железо и неоднородная сталь — значительно чище, чем у колец с заклепками. Вероятно, это является следствием того, что изготовление тонкого листа металла требовало большого числа проковок, при которых шлаки вытеснялись и металл становился чище.

В целом можно сказать, что технология изготовления колец и металл, из которого они были изготовлены, свидетельствуют о традиционной, архаической технике производства данной кольчуги, характерной для доиндустриальной эпохи.

Визуальные исследования кольчуги (выделение типов и видов колец, их распределение в полотне и покроей кольчуги в целом) и естественно-научные исследования колец дали основание для атрибуции доспеха и уточнения его датировки¹³.

Авторы благодарят научного сотрудника сектора археологии и естественно-научных коллекций ГИМЮУ С. В. Докучаеву за редактирование и подготовку к публикации иллюстраций.

Примечания

¹ Вопросы, связанные с атрибуцией и датировкой, рассматриваются в статье А. А. Веретельникова и А. Д. Шапиро «Кольчуга из фондов Государственного исторического музея Южного Урала: атрибуция и датировка» в настоящем сборнике.

² Кольчуга — доспех из сплетенных металлических колец из округлой или уплощенной в сечении проволоки. В справочной литературе преобладает гипотеза о древневосточном происхождении кольчуги. В Европе кольчуги появились у кельтов в III в. до н. э., затем их переняли римляне. В эпоху Великого переселения народов кольчатая броня распространилась по всей Евразии. На Руси кольчуга появилась примерно в IX в. Термин «кольчуга» поздний — XV–XVI вв. До этого времени на Руси использовалось слово «броня».

³ Клепаные кольца изготавливались следующим образом: проволока сгибалась на оправке, ее концы расплющивались, образуя две площадки, которые накладывались одна на другую и соединялись при помощи заклепки; место соединения именуется «лопаткой».

⁴ Каинов С. Ю., Щедрина А. Ю. Кольчужный доспех и кольчужные кольца из раскопок Гнездова // Гнездовский археологический комплекс: материалы и исследования. Вып. 2 // Труды Государственного Исторического музея. М., 2021. Вып. 215. С. 165–168.

⁵ См. раздел «Естественно-научные исследования», написанный А. Ю. Щедриной.

⁶ Каинов С. Ю., Щедрина А. Ю. Указ. соч. С. 165–167.

⁷ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 65.

⁸ Фальш-заклепки представляют собой полусферические бугорки по краям лопатки, которые возникают вследствие клепки колец этого типа специальными щипцами, а между этими бугорками (фальш-заклепками) находится заклепка.

⁹ Буршнев С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа : учеб.-метод. пособие. Казань, 2019. С. 20–21.

¹⁰ Про ингибирование в работе М. С. Шемаханской сказано следующее: «Защита металлов от коррозии ингибиторами (замедлителями) основана на свойстве некоторых химических соединений при введении их в незначительных концентрациях в коррозионную среду уменьшать скорость коррозионного процесса или полностью его подавлять. ...Механизм защиты ингибиторами в общем случае заключается в том, что они, попадая на поверхность металла, адсорбируются ею и тормозят скорость ионизации металла или кислорода, или одновременно того и другого» (Шемаханская М. С. Реставрация металла : метод. рек. М., 1989. С. 37).

¹¹ Консервация — мероприятия, обеспечивающие временную защиту от коррозии металлических изделий, машин и механизмов. Методы консервации основаны на изоляции изделий от внешней среды (герметизация, нанесение защитных пленок или покрытий) и торможении процессов коррозии с помощью инертных газов и веществ, снижающих скорость химических реакций (Словарь военных терминов. М., 1988. С. 136).

¹² Танины, или таннины (от фр. tanins) — группа фенольных соединений растительного происхождения. ...Танины обладают дубильными свойствами и характерным вяжущим вкусом. Дубящее действие танинов основано на их способности образовывать прочные связи с белками, полисахаридами и другими биополимерами (*Зефилов Н. С.* Танины // Химическая энциклопедия. М., 1995. Т. 4. С. 493–494).

¹³ *Веретельников А. А., Шапиро А. Д.* Указ. соч.

А. А. Веретельников, А. Д. Шапиро

КОЛЬЧУГА ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА: АТРИБУЦИЯ И ДАТИРОВКА

До нашего времени дошло довольно большое количество предметов защитного вооружения периода Средневековья и Нового времени. Многие из них требуют реставрации и детального изучения, что не только позволит увеличить знание о самом предмете, но и в значительной степени поможет ответить на многие вопросы в контексте изучения того или иного исторического периода, социально-экономических связей и этнографии.

К числу таких малоизученных экспонатов, находящихся в фондах ГИМЮУ (Челябинск), относится кольчужный доспех под инвентаризационным номером ЧОКМ ОФ-448/2. В 2020 г. была начата его реставрация. В процессе работы появилась объективная возможность дать ответы на вопросы о типологии доспеха, истории его происхождения, культурной и региональной принадлежности, а также уточнить датировку.

Описание кольчуги

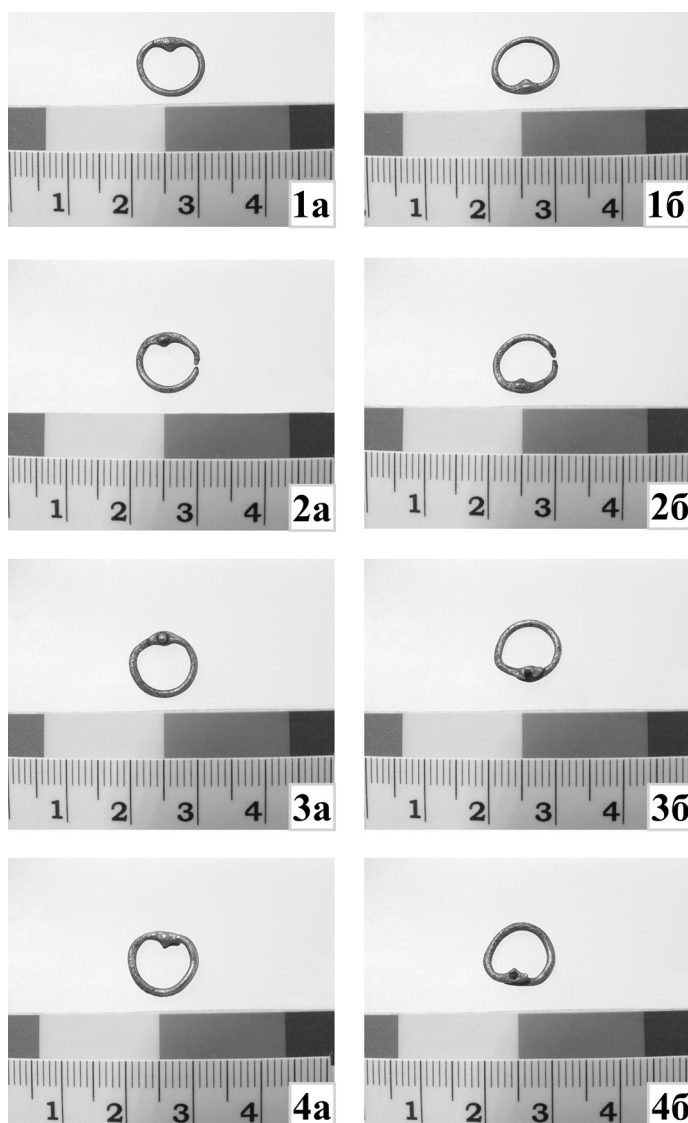
Описание кольчуги см. в статье А. А. Веретельникова, А. Д. Шапиро, А. Ю. Щедриной «Кольчуга из собрания Государственного исторического музея Южного Урала: реставрация и естественно-научные исследования» в настоящем сборнике.

Кольца кольчуги делятся на два типа — клепаные и цельные. При этом клепаные кольца делятся на три вида: с прямоугольной заклепкой, с фальш-заклепками и с круглой заклепкой. Отдельно отметим панцирные кольца, соединенные «на шип». Также есть единичные кольца, имеющие индивидуальные особенности (плоские, без зубца, из более толстой проволоки и т. п.).

В полотне кольчуги клепаные кольца соединены с цельными по схеме «4 в 1», однако этот принцип выдерживался нечетко, то есть в одно клепаное кольцо в отдельных местах соединены пять колец. Как правило, это места расширения или сужения кольчужного полотна. Размер колец варьируется в зависимости от расположения: на грудной части использованы кольца большего размера и толщины, на рукавах и подоле кольца меньше диаметром и тоньше в сечении.

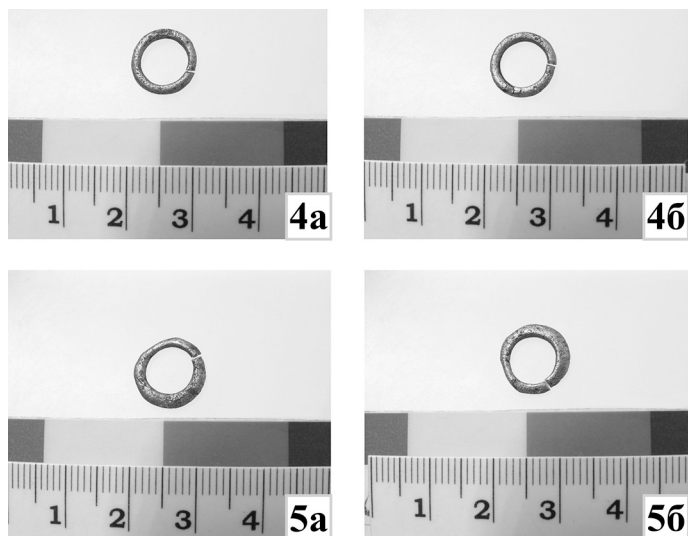
Большинство колец доспеха по своей геометрической форме более близки не к кругу, а к эллипсу. Отметим, что эта система колец является изначальной. До нашего времени дошло значительное количество кольчатых доспехов, собранных из колец именно эллипсовидной формы. Это объясняется тем, что при подобной форме колец доспех мог быть более приталенным. Кольца подобной формы меньше прокручивались, тем самым не царапали и не раздирали материал поддоспешника. Также при ударе на место соединения на кольца приходилось меньше напряжения, что позволяло доспеху не сыпаться от ударов оружия и сохранять целостность полотна.

Отталкиваясь от методологии изучения кольчатых доспехов Н. В. Гордеева¹, можно отметить, что в вышеозначенном доспехе наряду с кольчужными кольцами, в которых кольцо скрепляется заклепкой, выходящей головками на обе его стороны («на гвоздь»), встречается незначительное количество колец панцирного типа, когда шляпка заклепки видна только на верхней лопатке кольца, а нижняя лопатка получа-

Образцы клепаных колец кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2: 1–2 — с прямоугольной заклепкой; 3–4 — с круглой заклепкой.

Фото А. Д. Шатиро

Образцы цельных колец кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2.

Фото А. Д. Шатиро

лась гладкой². Допустимо сделать предположение, что панцирные кольца могли появиться в полотне доспеха в ходе рабочей починки (то есть утерянные кольца заменялись новыми, в том числе панцирного типа). Общее количество панцирных колец около 300.

Исходя из типа колец, мы можем утверждать, что данный доспех является именно кольчугой, а не панцирем³. При этом следует отметить, что подобное деление кольчатых доспехов можно отнести к терминологии Московского царства, обозначенной в описях Оружейной палаты XVII в.

Атрибуция

Одновременно с реставрацией осуществлялась предварительная атрибуция кольчуги. В учетных документах Государственного исторического музея Южного Урала датировка кольчуги определяется концом XVIII — началом XIX в. Согласно музейным сведениям, кольчуга была приобретена за четыре рубля в 1926 г. у казака Александра Лукича Турковско-го⁴. Он проживал в пос. Кишмень Коельского района⁵. Как кольчуга попала к Турковскому, остается неизвестным. Теоретически можно сделать предположение, что она могла быть предметом из какого-нибудь дворянского арсенала и в перипетии Гражданской войны могла оказаться у казака Турковского. Возможно, она могла быть семейной казачьей реликвией. Имеется и третья версия.

Если сделаем краткий экскурс в историю Южного Урала, то увидим, что его не обошли стороной опустошительные нашествия Средневековья, и это в немалой степени повлияло на неравномерность его социально-экономического и культурного развития⁶. Южный Урал издревле служил коридором, по которому в далеком прошлом осуществлялось Великое переселение народов. Это обусловило этническую неоднородность состава населения южноуральско-

го края. Исторически сложилось так, что на этой обширной территории формировались, соседствовали и развивались три мощные этнические группы — славянская, тюркоязычная и угро-финская⁷.

К середине XVI в. Южный Урал был разделен между тремя постордынскими государствами: Казанским ханством на западе, Ногайской Ордой на юге и Сибирским (Тюменским) ханством на востоке⁸. Именно в это время в истории края все активнее начинает участвовать Московское государство. Идет активное освоение земель Верхнего Прикамья, происходит разгром Казанского и Сибирского ханств, в результате чего осуществляется колонизация русскими людьми обширных территорий на восточном склоне Урала⁹. Важное значение в этом процессе имели присоединение в 1557 г. к России Башкирии, Сибирские походы Ермака 1581–1582 гг., образование в 1591 г. Яицкого казачьего войска¹⁰. Окончательным стал 1734 г., когда с началом деятельности Оренбургской экспедиции стартовал процесс полного включения территории Южного Урала в систему управления и безопасности границ Российского государства¹¹.

Данные события были неизбежно сопряжены с боевыми столкновениями. Боевое снаряжение воинов всех противоборствующих сторон на протяжении XVI–XVII вв. составляло кольчужное или кольчужно-пластинчатое вооружение. Отметим, что оно было вполне однотипно для обширной географии того периода. Так, в духовных и делопроизводственных документах Московского государства XVI–XVII вв. главным образом упоминаются кольчатые и кольчато-пластинчатые доспехи разного типа¹². В арсеналах русской родовой знати могло храниться и использоваться в деле оружие и вооружение, принадлежавшее нескольким поколениям. Знаменитый деятель своей эпохи князь Андрей Курбский, вспоминая о ранении под Казанью в 1552 г., писал: «Аз же видех себя обнажена лежаща, многими ранами учащенна, а живот цел, понеже на мне збройка была праотеческая, зело крепка...»¹³ Нередко вооружение из арсеналов знати поступало в государеву казну — в качестве подношений или после конфискации в случае казни или опалы владельца. Подобное казенное вооружение могло использоваться столетиями¹⁴.

Среднеазиатская знать XVI в. широко использовала оружие и доспехи импортного производства, изготовленные в Иране, Московской Руси, Ойратии. При этом в комплексе вооружения воинов отчетливо прослеживаются гератские и иранские черты¹⁵. В комплексе вооружения, бытовавшем в среде народов Южного Урала того времени, также прослеживается западно-восточное влияние¹⁶.

После XVII в. из всех этносов, населявших Южный Урал, кольчужное вооружение в исключительной степени использовали только башкирские тарханы, которые неоднократно принимали участие в войнах русского государства еще со времен Ивана IV. Во время Великой Смуты башкирские конники входили в состав войска нижегородского воеводы А. С. Алябьева и участвовали в сражениях против войск Лжедмитрия II. Петр I использовал башкир в Северной войне¹⁷.

В 1798 г. на территории современного Башкортостана была введена кантонная система управления, и башкирское население перешло в разряд военно-казачьего сословия. Оно составляло Башкирское иррегулярное войско, способное в случае войны скомплектовать более двадцати башкирских конных полков¹⁸. Так, башкирская конница принимала активное участие в арьергарде русской армии в боях 1812 г. и последующих заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Иррегулярные башкирские полки участвовали в штурме Данцига, в сражениях под Берлином, Гамбургом, Эрфуртом, Лейпцигом, известном впоследствии как «Битва народов», победоносно вступили в Париж¹⁹.

Сохранилось воспоминание одного из участников этих сражений, в котором упоминается кольчужное вооружение: «Не помню, при каком месте нас, человек с пятьдесят, поставили на сторожевой пикет. Не знаю, как проглазели, только на заре наткнулись на нас человек с 20 французов, вот тех, что носят стальные доски на груди (вероятно, французские кирасиры); мы вскочили на коней, пики приперли к седлам и с гиком бросились на злодеев. Лошадь подо мной была бойкая, я навывлет проколол одного и вынимал уже пику, как другой, собака, сильно хватил меня палашом, кольчуга не устояла, и я с разрубленным плечом повалился с лошади и обеспамятел.

*Башкира провожают в поход
(Народы России. Т. 1. Париж, 1812).*

Когда я очнулся, то увидел, что половина товарищей была перебита, а остальная связана, жены около меня не было, и я подумал, что ее уже нет на свете. Посадив на лошадей, нас повели в плен...»²⁰

При создании башкирского войска царское правительство ориентировалось на сложившиеся порядки в Донском казачьем войске. Впоследствии это отразилось на формировании «казачьей одежды» у башкир. В то же время в указе императора Александра I от 8 августа 1812 г. о формировании башкирских полков на войну с французами, говорилось: «...2. Вооружение составит употребляемое ими и именно: ружья, пистолеты, сабли, пики, и луки, кто чем может и навык употреблять, не требуя единообразия. 3. Равномерно не требовать единообразия и в одежде, а дозволить им иметь оную по своему обычаю»²¹.

Именно поэтому башкиры продолжали использовать стальные шлемы, мисюрки, кольчуги, железные и кожаные панцири, наручи²². Сохранились художественные полотна эпохи наполеоновских войн, на которых башкиры изображены в кольчугах.

Однако, по свидетельству Джантюри, уже вскоре после завершения Отечественной войны 1812 г. башкиры стали отказываться от кольчужного вооружения²³. А уже в 1830 г. в башкирском казачьем войске вводится новое единообразное обмундирование по образцу экипировки донских казаков²⁴. Это обстоятельство, вероятно, окончательно сводит на нет использование башкирскими воинами кольчужных доспехов. Но не исключается, что они могли храниться и передаваться по наследству как память о доблести предков²⁵.

Учитывая вышеизложенные факты, мы можем предположить, что, несмотря на возможное более раннее происхождение, данная кольчуга впоследствии могла являться доспехом башкирского тархана или башкирского казака²⁶. Именно башкирские казаки, в отличие от русских казаков, использовали кольчуги, как было отмечено выше, вплоть до 1830 г., что и дало основание датировать кольчугу периодом после XVIII в. Возможно, в этом сыграло роль и то, что сам Челябинск был основан только в 1736 г. как Челябинская крепость. Впоследствии эта кольчуга каким-то образом попала к русскому казаку, который и продал ее музею в 1926 г. Но общая канва истории Южного Урала позволяет предположить, что данная кольчуга имеет более древнюю нижнюю границу датировки, и по крайней мере значительная ее часть вполне может соотноситься с периодом Московского царства XVI–XVII вв., который был временем интенсивной колонизации русскими людьми земель Южного Урала. Для подкрепления данной гипотезы мы должны обратиться к изучению типологии колец кольчуги и сравнительному анализу с теми образцами, которые дошли до нашего времени.

Аналоги

Прежде чем приступать к сравнительному анализу и работе с имеющимися аналогами защитного кольчужного снаряжения, нам необходимо отметить, что в целом на данный момент отсутствует какая-либо научная работа, которая содержала бы полновесное описание, типологию, технические и сравнительные характеристики кольчужных колец. Именно поэтому в ходе исследования была проделана работа по рассмотрению и анализу многочисленных образцов защитного кольчужного доспеха, дошедшего до нашего времени. Для атрибуции и датировки привлекались как опубликованные в различных изданиях и каталогах материалы по образцам защитного снаряжения, так и доспехи, экспонирующиеся в музеях. Ввиду совокупности причин найденные аналоги стало возможным сравнивать только по визуальным признакам. Тем не менее мы не можем пренебрегать данным анализом, поскольку он делает вполне возможным определить размер и геометрию (форму) кольца кольчуги, тип лопатки и способ крепления кольца.

Как мы отметили ранее, кольца кольчуги делятся на два типа — клепаные и цельные. При этом клепаные кольца делятся на три вида:

1) из более тонкой проволоки с ярко выраженным зубцом на лопатке и прямоугольной заклепкой;

2) из немного более толстой проволоки с менее выраженным зубцом, круглой заклепкой в центре лопатки и двумя фальш-заклепками по краям лопатки;

3) без зубца, с заклепкой круглой формы, клепаные «на гвоздь».

Панцирные кольца, а также единичные кольца, имеющие индивидуальные особенности, мы не стали выделять в отдельный вид, поскольку они не преобладают в полотне кольчуги и, очевидно, являются следствием более позднего ремонта доспеха.

Первый тип колец, с прямоугольной заклепкой, преобладает в полотне кольчуги. Отметим, что использование подобного типа колец мы можем встретить в кольчугах восточного происхождения. По дошедшим до нашего времени образцам мы можем отметить, что география распространения кольчуг с кольцами подобного типа весьма обширна.

Похожую по типу колец кольчугу мы можем найти в собрании ГИМ под № 45151. Доспех датируется XVI–XVII вв., регион — Московское царство. Визуально коль-

Кольчуга из ГИМ № 45151: 1 — общий план; 2 — фрагмент полотна крупным планом. Фото из Госкаталога

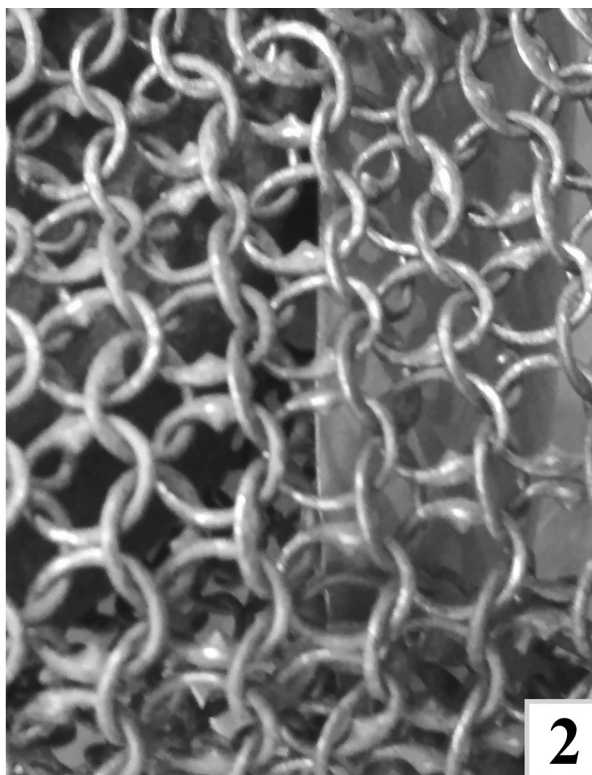
Кольчуга № 96467 из ГИМ. Общий план. Фото из Госкаталога

ца этого типа полностью сходны с кольцами с ярко выраженным зубцом на лопатке и прямоугольной заклепкой кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2.

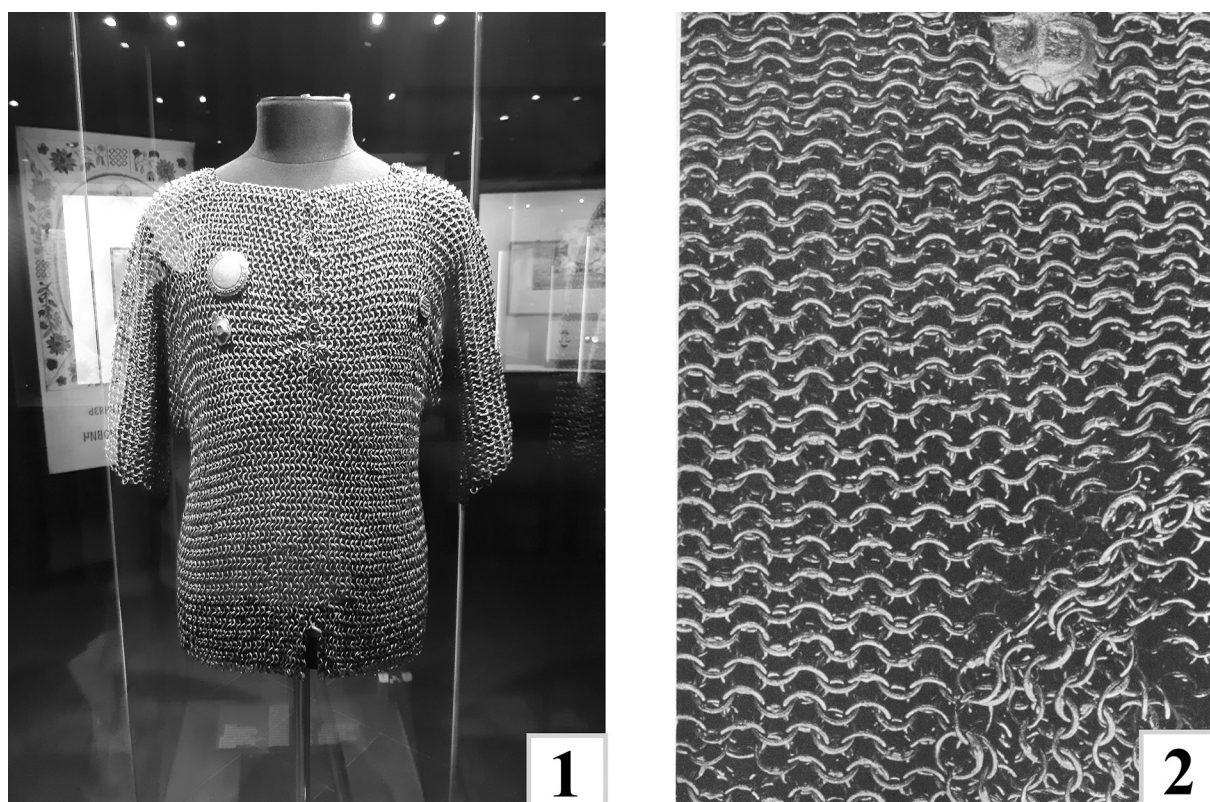
Стоит также обратить внимание на кольчугу № 96467 из собрания ГИМ. На ней мы можем увидеть похожие прямоугольные заклепки, толщина проволоки и геометрия кольца в большей степени сходны с кольчугой ЧОКМ ОФ-448/2. Музейная датировка данной кольчуги — XVII–XVIII вв., регион — Кавказ.

У кольчуги из Пермского краеведческого музея (ОР-150) толщина проволоки, геометрия кольца, тип клепки, форма лопатки и зубца практически идентичны таковым у колец первого типа. Датировка пермской кольчуги — XVI–XVII вв., регион — Московское царство.

К аналогам исследуемого доспеха мы можем также отнести кольчужное полотно с фрагмента бахтерца, который поступил в Ливрусткаммарен из Государственного исторического музея Швеции. Несмотря на то что этот экспонат обозначен как персидский или турецкий, исходя из технических характеристик этого фрагмента можно заключить, что он является фрагментом русского бахтерца XVI–XVII вв. Клепаные кольца по форме площадки и заклепки сходны с теми, что встречаются на наибольшей части полотна кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2.

Кольчуга № ОР-150 из ПКМ: 1 — общий план; 2 — фрагмент полотна. Фото из Госкаталога

Кольчуга № 4477 из ОПМК: 1 — общий план; 2 — фрагмент полотна. Фото из Госкаталога

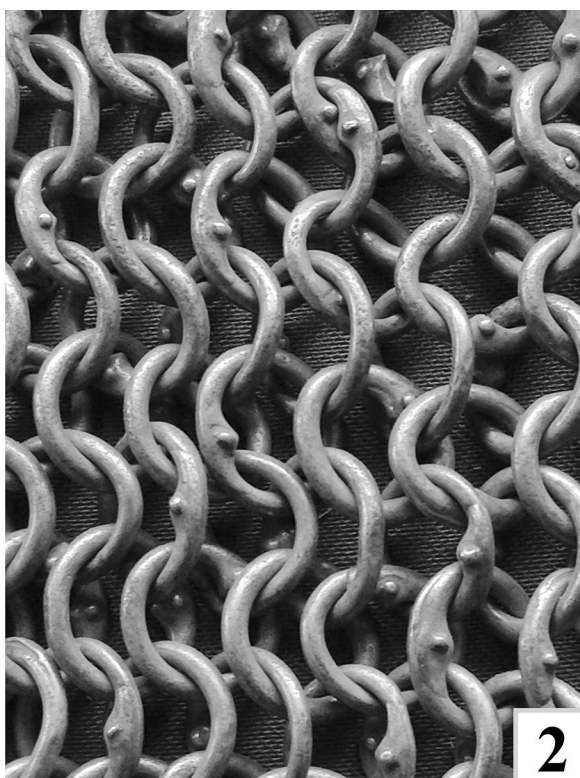
Довольно часто мы можем встретить похожие по форме кольчужные кольца, но только заклепанные на круглую заклепку. В первую очередь следует упомянуть кольчугу князя П. И. Шуйского из Оружейной палаты Московского Кремля. Кольчуга датируется XVI в., региональная привязка — Московское государство²⁷.

Сделана из колец сходной формы и турецкая кольчуга из собрания Оружейной палаты ОР-299, датирующаяся 1495 г.²⁸ Также аналогичные кольца имеет кольчужное полотно бахтерца из собрания Рязанского музея и кольчуга XVII в. из Музея истории г. Йошкар-Олы. Отметим, что приведенные примеры не являются исчерпывающими.

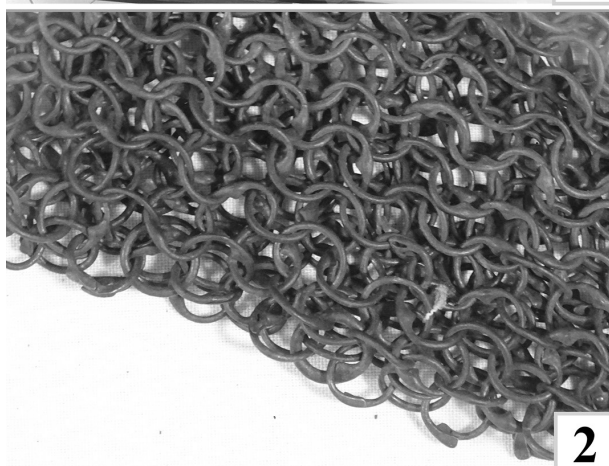
В отношении второго типа колец отметим, что кольчужные, панцирные и байданные кольца с тремя настоящими заклепками или с фальш-заклепками встречаются довольно часто²⁹. Однако эти доспехи имеют отличную от исследуемой кольчуги геометрию колец. При этом следует отметить, что если не учитывать наличие фальш-заклепок, то по форме кольца во всем сходны с кольчужными кольцами, встречающимися в XVII в. на территории Московского царства, Османской империи, у мамлюков.

Примеры колец, полностью аналогичных кольцам кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2, мы можем найти в собрании частной коллекции. По словам владельца, доспех относится к XVII–XVIII вв. В качестве региональной привязки выступает Османская империя, при этом стоит отметить, что впоследствии данный доспех оказался в Судане, где после некоторой доработки поучаствовал в восстании махдистов 1881–1885 гг. Кольца с фальш-заклепками данного доспеха по форме полностью совпадают с кольцами челябинской кольчуги второго вида.

В качестве второго примера колец с фальш-заклепками мы можем привести кольца бахтерца из собрания Национального музея Дании № 21526. Бахтерец составлен из клепано-сеченого кольчужного полотна. Сеченые кольца довольно массивны и имеют значительную толщину. Кольца с заклепкой в целом имеют характерную для периода Московского царства и Оттоманской Порты форму, однако по бокам от центральной заклепки, по самому краю площадки кольца, откованы две так называемые фальш-заклепки. Именно этот фактор и роднит данный артефакт с кольчугой ЧОКМ ОФ-448/2, значительная часть полотна которой собрана именно из колец с подобным маркером.

Турецкая кольчуга ОР-299 из собрания Оружейной палаты: 1 — общий план; 2 — фрагмент полотна.
Фото А. Д. Шапиро

Кольчуга из Музея истории г. Йошкар-Олы:
1 — общий план; 2 — фрагмент полотна.
Фото А. Веретельникова

Кольца третьего вида с одной круглой заклепкой, сходны с многочисленными образцами, характерными для изделий Московского государства, Османской империи и Малой Азии.

Отдельно скажем, что крой кольчуги ЧОКМ ОФ-448/2 — разрез горловины, выполненный «с запахом» — не уникален для Московской Руси XVI–XVII вв., но весьма характерен для этого региона и периода.

В контексте истории Южного Урала, а также в ходе исследования разных типов колец, составляющих данный доспех, мы можем сделать вывод, что кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 гораздо древнее официальной музейной датировки. Наличие колец различного типа указывает на неоднократный ремонт кольчуги. Большую часть ее полотна, состоящую из колец с ярко выраженным зубцом на лопатке и прямоугольной заклепкой, можно смело отнести к периоду существования Московского царства (XVI–XVII вв.). В равной степени она могла принадлежать как русскому колонисту, так и воину того или иного постордынского ханства. Вторая часть полотна в равной степени собрана из колец вто-

1

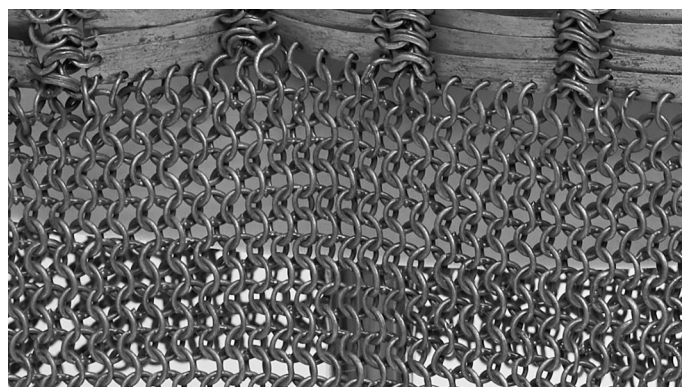

2

Кольчуга из частной коллекции: 1 — общий план; 2 — фрагмент полотна. Фото Э. Манна

рого и третьего видов. Встречаются отдельные кольца панцирного типа. Все они являются следствием ремонта в более позднее время. Ввиду того, что после XVIII в. защитное кольчужное снаряжение использовалось исключительно башкирскими воинами, с большой долей вероятности можно говорить о том, что эта кольчуга могла использоваться каким-нибудь башкирским казаком вплоть до 1830 г., когда в башкирском казачьем войске было введено новое единообразное обмундирование. Кольчуга при соответствующем отношении могла использоваться не только несколькими поколениями, но и столетиями. Данный тип доспеха имел зачастую весьма богатый жизненный путь, и, как мы видим в данном случае, кольчуга ЧОКМ ОФ-448/2 из собрания Государственного исторического музея Южного Урала является реальным подтверждением этого положения.

Авторы благодарят научного сотрудника сектора археологии и естественно-научных коллекций ГИМЮУ С. В. Докучаеву за редактирование и подготовку к публикации иллюстраций.

Полотно бахтереца № 21526 из Национального музея Дании. Спина. Фото Э. Манна

Примечания

¹ Гордеев Н. В. Русский оборонительный доспех // Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 65–66.

² Там же. С. 65.

³ Термин «панцирь» (или, в традиционном для документов Московской Руси написании, «пансырь») в современном русском языке используется для обозначения пластинчатых доспе-

хов. Однако в Московском царстве в XV–XVII вв. он обозначал один из видов кольчатого доспеха. Панцирь состоял из колец, изготовленных из проволоки преимущественно уплощенного или плоского сечения и заклепанных на шип, шляпка заклепки видна только с одной, наружной стороны. Слово «пансырь» немецкого происхождения. В значении кольчатого доспеха «пансырь» фигурировал в Польше, Литве и России (XVI–XVII вв.).

⁴ Книга поступлений № 1 Челябинского областного краеведческого музея.

⁵ В начале XX в. — станция Коельская Троицкого уезда Оренбургской губернии. В настоящее время относится к Еткульскому району Челябинской области.

⁶ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 512.

⁷ Галигузов И. Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000. С. 69.

⁸ Самигулов Г. Х., Маслоуженко Д. Н., Моисеев М. В. Южное Зауралье (первая треть XV — конец XIX века) // История Южного Урала. Челябинск, 2019. Т. 6. С. 15.

⁹ Головчанский Г. П. и др. История и культура Урала до конца XIX века : учеб. пособие. Пермь, 2016. С. 20.

¹⁰ Алеврас Н. Н., Пундани В. В. Колонизация Южного Урала в XVI — начале XX в. // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 303.

¹¹ Самигулов Г. Х., Маслоуженко Д. Н., Моисеев М. В. Указ. соч. С. 15.

¹² Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV — начало XVII в. М., 2019. С. 218–221.

¹³ Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. С. 202.

¹⁴ Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 13–14.

¹⁵ Бобров Л. А. Железные ястребы Маверанахра (комплекс защитного вооружения воинов Средней Азии и сопредельных территорий конца XV — XVII в. // *ParaBellum*. 2003. № 1. С. 71–97.

¹⁶ Самигулов Г. Х., Маслоуженко Д. Н., Моисеев М. В. Указ. соч. С. 22, 25.

¹⁷ Хабибуллин И. З. История формирования башкирского казачьего войска // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 15.

¹⁸ Густерин П. Башкирское войско Российской империи // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/58172-bashkirskoe-voysko-gossiyskoj-imperii.html> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁹ Файзуллина С. С. Участие народов Башкирии в Отечественной войне 1812 г. // Проблемы науки. 2017. № 1 (14). С. 45–46.

²⁰ Зефилов В. Рассказы о Башкирии // Бельские просторы. URL: http://www.hrono.ru/text/2007/zef03_07.html (дата обращения: 15.08.2021).

²¹ Калинин С. Е. Башкиро-мещерякское войско в эпоху наполеоновских войн 1806–1814 гг. // Интернет-проект «1812 год». URL: <http://museum.ru/1812/Army/Kalinin2/index.html> (дата обращения: 15.10.2021).

²² Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 19–20.

²³ Зефилов В. Указ. соч.

²⁴ Хабибуллин И. З. Указ. соч. С. 16.

²⁵ Гималтдинова И. И. Вооружение, снаряжение и военное искусство башкир в эпоху наполеоновских войн 1807–1815 гг. // Молодой ученый. 2015. № 16 (96). С. 351–354.

²⁶ В Российском государстве тарханами называли служилых татар (например касимовских татар), чувашей, марийцев, калмыков, мордву, мещеряков, башкир — вольных людей, которые не платили ясака и не получали жалование, но в случае надобности были обязаны нести военную службу. Тарханы имели своих крестьян. По своему социальному статусу тарханы приравнивались к детям боярским. Звание тархана передавалось по наследству. Первым пунктом Указа Павла I от 10 апреля 1798 г. была введена кантонная система управления башкирами и мещеряками. Таким образом, состоялся перевод башкирского и мишарского населения из гражданского в военно-казачье сословие. Кантонная система просуществовала до 1865 г. (Хабибуллин И. З. Указ. соч. С. 15).

²⁷ Закат династии. Последние Рюриковичи. Лжедмитрий : кат. выст. М., 2021. С. 9. Кат. № 61.

²⁸ Сокровища Востока в собрании Музеев Московского Кремля : кат. выст. Челябинск, 2020. С. 49. Ил. 17.

²⁹ Например, кольчуга из собрания Клинского краеведческого музея. URL: https://vk.com/wall32813512_4935 (дата обращения: 28.07.2022).

Н. Б. Виноградов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ЮЖНОГО УРАЛА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Впервые с Челябинским областным краеведческим музеем и его деятельностью я тесно соприкоснулся еще на излете моих студенческих лет, в начале 1970-х гг. Музей тогда размещался в здании храма на территории Зеленого базара в Заречье. Коллектив музея был озабочен разработкой новой экспозиции. Так случилось, что в штате музея в это напряженное время не оказалось профессионально подготовленного археолога. По стечению обстоятельств не было археологов и в Челябинске в целом. Администрация музея после некоторых раздумий и консультаций с коллегами из Челябинского государственного педагогического института решила поручить работу над новой версией археологической части экспозиции Челябинского областного краеведческого музея... мне. Для меня, студента выпускного курса историко-педагогического факультета, это поручение стало приглашением прежде всего к освоению весьма значительного объема знаний по всем периодам древней истории Южного Урала. В рамках подготовки новой экспозиции я также получил доступ к археологическим фондам музея и впервые с волнением держал в руках артефакты, до того знакомые мне лишь по иллюстрациям в научных статьях и монографиях. Не буду утомлять читателей рабочими подробностями. Скажу лишь, что тематико-экспозиционный план археологической части новой экспозиции был мной успешно выполнен. И ряд лет моя версия археологического прошлого края радовала посетителей музея.

Следующий эпизод моего взаимодействия с областным краеведческим музеем связан... с золотом. Точнее, с замечательным комплектом бронзовых подвесок в полтора оборота, обтянутых тонкой золотой фольгой. На них сейчас можно полюбоваться в основной экспозиции музея. Эта вещь, принадлежавшая неведомой красавице из бронзового века, была обнаружена в могильной яме 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI (Варненский район Челябинской области) в 1980 г. Подвески были частью невиданного даже по сей день в погребениях бронзового века собрания из нескольких десятков женских украшений, первоначально помещенных в некую емкость. Это была первая в моей научной карьере встреча с предметами из «презренного металла» из раскопанных мной археологических памятников. В нашей археологической лаборатории не было решительно никаких условий для хранения подобных находок. Поэтому после обработки коллекции и фиксации ее для научного отчета (рисунки, фотографии, описание) я немедленно начал переговоры с областным краеведческим музеем о передаче подвесок. Случилась забавная ситуация: между

*Могильник Кулевчи 6, курган 3, яма 2.
Остатки на полу погребальной камеры*

Обложка коллективной монографии «Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье». Авторы Н. Б. Виноградов, Н. А. Берсенева, И. П. Алаева и др.

пускницы нашей лаборатории Ирина Юрьевна Банникова, Венера Хажеевна Маштак, Ирина Викторовна Мазова (Кочи), имеющие большой опыт работы с детьми, хорошо знакомые с методической стороной деятельности нашей лаборатории¹.

Еще один аспект моего взаимодействия с областным краеведческим музеем в этот же период — передача так необходимых для создания новой экспозиции, удивительных по разнообразию и научной значимости археологических коллекций из памятников,

передачей в музей комплекта подвесок и остальной коллекции предметов из могильника Кулевчи VI в 1979–1983 гг. прошло несколько долгих десятилетий.

Следующий период активизации моих отношений с областным краеведческим музеем приходится на 2005–2007 гг. Это был звездный час музея, поскольку тогдашний губернатор П. И. Сумин сделал все возможное для того, чтобы на набережной Миасса поднялись башни нового здания этого учреждения. И тут выяснилось, что в его структуре не предусмотрено создание отдельного детского музея, рассчитанного именно на детскую аудиторию. А у меня был 16-летний опыт эксплуатации именно такого экспериментального музея, созданного мной и командой моих учеников на базе лаборатории еще в начале 1990-х гг. И я решился на нестандартный шаг: пригласил организатора, строителя и вдохновителя нового областного музея Владимира Ивановича Богдановского и научного консультанта Владимира Стейгоновича Боже на экскурсию в наш школьный археологический музей. В итоге детский музей в составе областного все-таки появился. Наша лаборатория активно участвовала в его создании и насыщении необходимыми археологическими материалами. В детский музей пришли работать вы-

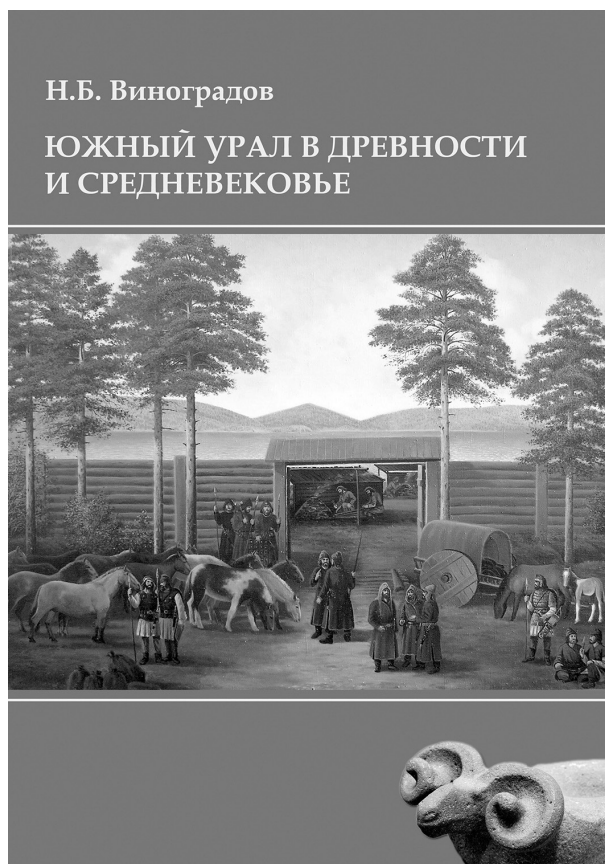
Псалий. Могильник Кривое Озеро, курган 2, яма 1

раскопанных экспедицией ЧГПИ в 1975–2005 гг. В первую очередь это материалы раскопок в 1975 г. всемирно известного эпонимного Синташтинского могильника (курган Синташта II) в Брединском районе Челябинской области². Думаю, посетители по достоинству оценили предложенное им экспозиционное синташтинское благолепие. Была передана также обширная и крайне разнообразная коллекция предметов из четырех курганов могильника бронзового века Кривое Озеро в Троицком районе Челябинской области (раскопки 1984–1986 гг.) с его сериями синташтинских и петровских погребений, остатками колесницы уникальной сохранности в яме I кургана 9, одиннадцатью разнообразными роговыми псалиями, большой коллекцией индивидуальных по облику предметов³. Была также передана объемная коллекция предметов из могильника бронзового века Кулевчи VI в Варненском районе Челябинской области⁴.

Не могу не упомянуть и о коллекции предметов, обнаруженных археологом В. С. Стоколосом во время раскопок могильников бронзового века у дер. Черняки в окрестностях Челябинска в первой половине 1960-х гг.⁵ Керамическую часть этой коллекции археолог передал на хранение в кабинет истории историко-филологического факультета ЧГПИ. Мной много позднее было принято решение передать и ее на постоянное хранение в областной краеведческий музей.

Приведенные примеры не исчерпывают всей истории моего сотрудничества с музеем. Мной зимой — весной 2021 г. был прочитан цикл публичных лекций для сотрудников музея. Весомо смотрятся в этом контексте и две научно-популярные книги: «Горизонты далекого прошлого» (2020) и «Южный Урал в древности и Средневековье» (2022)⁶, вышедшие под эгидой Государственного исторического музея Южного Урала и, безусловно, работающие на его имидж.

И вместе с тем я мечтаю... Мечтаю о времени, когда смогу передать в фонды музея аннотированные подборки сотен цветных диапозитивов, структурированных по исследованным экспедицией нашей лаборатории памятникам археологии. Это поселение бронзового века Кулевчи III, могильник Кулевчи VI, могильник Кривое Озеро и укрепленное поселение бронзового века Устье I. В моем представлении фотодокументы являются полноценными источниками знаний о древней и средневековой истории нашего региона. Надо успеть сделать это в авторской интерпретации и в этой жизни.

Обложка научно-популярного очерка
Н. Б. Виноградова «Южный Урал в древности
и Средневековье»

Примечания

¹ Виноградов Н. Б. Детский учебный археологический музей: опыт и перспективы // Проблемы истории, культуры и развития языков : материалы науч.-практ. конф. Казань, 2002. С. 151–152.

² Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск, 1992. 407 с.

³ *Виноградов Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 370 с. ; *Виноградов Н. Б., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Медведева П. С.* Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2017. 402 с.

⁴ *Виноградов Н. Б.* Кулевчи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. № 3. С. 136–153 ; *Он же.* Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. М. ; Магнитогорск, 1999. С. 24–53 ; *Виноградов Н. Б., Берсенева Н. А., Алаева И. П. и др.* Кулевчи VI — могильник позднего бронзового века в Южном Зауралье : монография. Челябинск, 2020. 556 с.

⁵ *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. 168 с.

⁶ *Виноградов Н. Б.* Горизонты далекого прошлого. 13 путешествий по Южному Зауралью. Челябинск, 2020. 280 с. ; *Он же.* Южный Урал в древности и Средневековье : науч.-популяр. очерк. Челябинск, 2022. 449 с.

НЕДОСТАЮЩИЕ ЗВЕНЬЯ В ИЗУЧЕНИИ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ РАСКОПОК Н. К. МИНКО

Археологические коллекции Н. К. Минко поступили в фонд Челябинского музея местного края (ныне Государственный исторический музей Южного Урала) в 1923 г. в числе первых предметов. Их передала в 1918 г. «заведующему будущим музеем»¹ И. Г. Горохову жена Н. К. Минко Мария Александровна. Этот факт подтверждает дата, проставленная в инвентарных картах². Также в фонде ГИМЮУ хранятся фотонегативы и археологические отчеты о раскопках Н. К. Минко.

В процессе исследования коллекций и архивных источников возникли вопросы, связанные с полевыми археологическими исследованиями, камеральной обработкой и музейным учетом, которые производились несколько иначе, чем в настоящее время.

Полевые археологические исследования. Открытый лист

Из опубликованных А. А. Евгеньевым материалов мы знаем, что первое разрешение на раскопки (открытый лист № 325) Н. К. Минко получил от Императорской археологической комиссии (ИАК) в 1905 г.³

Изначально открытые листы выдавались сотрудникам ИАК или их доверенным лицам, направленным с официальной миссией⁴. Затем, при условии обязательного предоставления отчета, уже известным, зарекомендовавшим себя исследователям, а также учителям, врачам и чиновникам. Но от впервые обратившихся за открытым листом заявителей ИАК требовала рекомендаций от уже известных исследователей⁵. Требования к держателям открытых листов были следующими: обязательное ведение дневника раскопок, фиксация находок, представление подробных чертежей, рисунков, размеров исследуемых памятников, представление подробного отчета о раскопках в ИАК. Однако многие пренебрегали такой формой отчетности, исследуя памятники с многочисленными нарушениями⁶.

Следовательно, Н. К. Минко даже в должности заместителя заведующего Челябинским узлом переселенческого пункта⁷, обратившись в ИАК впервые, должен был заручиться поддержкой зарекомендовавшего себя исследователя. Как сказано выше, первый открытый лист в 1905 г. он все-таки получил, еще два листа были выданы ему на 1907 и 1908 гг.⁸

В процессе поиска информации мы обнаружили «Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год»⁹, в котором было опубликовано «Высочайшее повеление 11-го марта сего года» об установлении порядка археологических раскопок. В этом документе было прописано: «Общества по мере надобности обращаются в Археологическую комиссию за потребным для каждого из них числом открытых листов с указанием, где предполагается и кому поручаются раскопки. Открытые листы выдаются прямо обществу на его имя комиссией, без задержки, в требуемом количестве»¹⁰.

В «Записках Уральского общества любителей естествознания» за 1913 г. сказано, что Н. К. Минко стал постоянным членом данного общества в 1904 г.¹¹ Это позволяет нам допустить мысль о том, что Николай Кириллович до 1909 г. получал открытые листы через УОЛЕ.

Отчеты о раскопках

В то же время, изучая отчеты, мы увидели отсутствие в них чертежей, рисунков. По всей видимости, изначально фотографий в отчетах тоже не было, но ссылки на них Н. К. Минко были проставлены. Все имеющиеся в настоящее время фотографии в отчетах подобрал и подписал К. В. Сальников, пользуясь поступившими в фонд от Марии Александровны фотонегативами.

Понимая, что такой добросовестный исследователь, как Николай Кириллович, не мог не включить в них чертежи, рисунки и фотографии, мы попытались разобраться в причинах их отсутствия. Тем более С. Н. Дурылин в 1927 г. писал, что «Археологическая комиссия в 1909 г. дала уже от себя поручение Н. К. Минко производить дальнейшие раскопки»¹². Такое доверие, оказанное ИАК в 1909 г. Николаю Кирилловичу, говорит о том, что отчеты были представлены в срок и в должном виде.

В связи с этим мы хотели установить автора рисунка к статье Н. К. Минко в «Записках УОЛЕ», опубликованной в 1907 г. Первоначально мы думали, что автор — сам Николай Кириллович, и это дало бы нам возможность полагать, что рисунки и чертежи в его исполнении попали в какие-нибудь фонды или архивы отдельно от отчетов. Но, к своему удивлению, обнаружили в полной развертке рисунка с предметами к статье в «Записках УОЛЕ» за 1907 г. приписку снизу: «По фотографиям Н. К. Минко нарисовал В. Я. Т.»¹³. По инициалам в опубликованных списках членов УОЛЕ¹⁴ подходит только Владимир Яковлевич Толмачев. Там же указано место проживания В. Я. Толмачева (Санкт-Петербург) и 1907 г. как «год поступления в члены». В статье Б. Б. Овчинниковой и В. В. Сумина написано, что он зарисовывал «найденные им и Ф. Ю. Гебауэром вещи для УОЛЕ»¹⁵, а значит, он вполне мог нарисовать предметы из раскопок Н. К. Минко по фотографиям, находясь в Санкт-Петербурге. В итоге у нас так и не появилась информация о существовании рисунков и чертежей Н. К. Минко.

Однако в том же Положении от 11 марта имеется любопытная информация, которая многое объясняет: «Общества представляют Комиссии, для архива ее, краткий фактический отчет о раскопках и опись найденным вещам»; «Планы раскопок, равно как и рисунки и фотографии найденных древностей, изготавливаются Комиссией, если сами общества не признали бы возможности изготовить их для Комиссии на свой счет»¹⁶.

Мы видим, что отчеты Н. К. Минко имеют одну логику построения, в их структуре четко отображены требования ИАК к оформлению отчетной документации к обществам: краткий фактический отчет о раскопках, опись вещей. А обязательства с членов УОЛЕ по предоставлению чертежей, рисунков и фотографий ИАК «как бы» снимала.

Вероятней всего, отчеты и фотографии в ИАК поступали также через УОЛЕ. А весь иллюстративный материал, в том числе фотонегативы, мог изготавливаться сотрудником ИАК. Тем более Г. В. Длужневская отмечала в своей статье, что в фотоотделе научного архива Института истории материальной культуры РАН отложились снимки находок и полевых работ Н. К. Минко¹⁷.

Методика раскопок

При чтении отчетов о раскопках Н. К. Минко и изучении фотографий, приложенных к ним, возникает некоторое недоумение по поводу методики раскопок того времени. Чтобы понять всю их суть, необходимо проследить цепь событий.

В 1895 г. из-под пера археолога А. А. Спицына вышла инструкция «Производство археологических раскопок». Уже в 1896 г. ее упоминал О. Е. Клер в своем письме секретарю ИАК В. Г. Дружинину¹⁸. Нам же известно, что Н. К. Минко вел переписку с О. Е. Клером¹⁹, а значит, о существовании инструкции А. А. Спицына он, вероятнее всего, знал.

В данной инструкции говорится: «Для раскопки кургана небольших размеров (до 3–4 арш[ин] высоты) боковой траншеей на перевал выбирается сторона его <...> с таким расчетом, чтобы подойти к костяку сбоку, а не с конечностей»; «...траншея пробивается такой ширины, чтобы в ней могли свободно работать двое таких рабо-

чих»; «...как только на одном из уступов траншеи обнаружился предмет или погребение, кругом находки очищают более или менее значительную площадку <...> иногда даже до всей ширины насыпи в данном месте»; «...все время раскопки траншеи ведется в уровень основания кургана, т. е. по горизонту почвы»²⁰.

Если обратиться к отчетам Н. К. Минко за 1906–1909 гг. и к его фотографиям с раскопок, увидим, что он ни в чем не отступал от общепринятых на тот момент правил.

Копал траншеями в уровень основания кургана, срезая углы до круга или четырехугольника (если пласт пепла или могильная яма уходили в стороны от траншей). Таким образом, нет никаких нарушений в процессе раскопок, они просто производились по несовершенной методике конца XIX — начала XX в.

Раскопки Н. К. Минко кургана 7. 1907 г. ГИМЮУ ОФ-1249/54

Маркировка предметов

При изучении коллекций Н. К. Минко, мы также столкнулись с непониманием сложной маркировки, что в свою очередь потребовало поиска дополнительной информации. Каким образом маркировались С. Н. Дурылиным коллекции Н. К. Минко? Была ли на предметах полевая маркировка? Были ли какие-то правила маркировки, учета в 1920-е гг. или сотрудники музеев изобретали их сами? Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратились к послереволюционным инструкциям по учету и хранению археологических предметов, а также к опыту наших коллег из других музеев, описанному в научных публикациях.

Как осуществлялась маркировка предметов в полевых условиях, нам не известно. На сегодняшний день на предметах из раскопок Н. К. Минко отметок самого Николая Кирилловича не осталось. Есть небольшое упоминание С. Н. Дурылина в опубликованных его письмах к В. А. Городцову: «Минко делал пометки (№ кургана и год) и никогда почти (за 1 десятком исключений) не обозначил местности»²¹.

В «Инструкции Наркомпроса и Наркомюста по учету, хранению и передаче религиозного имущества, имеющего историческое, художественное или археологическое значение» говорится только о составлении подробных описей имущества археологического значения²². Больше инструкций этого периода нами обнаружено не было.

Нам известно, что при подготовке к открытию Челябинского музея местного края И. Г. Горохов вел инвентарную книгу. Аналогичная «шнуровая книга инвентаря», систематизированная по отделам, была заведена в 1900 г. в музее УОЛЕ. Также там существовала и «квитанционная книга» для записи сведений обо всех поступающих предметах. Подобная форма учета, как пишет Л. И. Зорина, была сделана по примеру Смитсоновского института (г. Вашингтон, США) и музея Фильда (Чикаго)²³.

По всей видимости, И. Г. Горохов записывал все поступающие предметы в «шнуровую кни-

Маркировка на сосуде. ГИМ ЮУ ОФ-8/4

Систематический картонный каталог научного имущества Челябинского музея Местного Края.	
Инвентарный № 191	Отдел 581 Восточный Археол. № 70
Наименование предмета <i>Сорник</i>	
Состав или материал <i>глина</i>	
Размер выс. 10,3 см. толщ. 0,4-0,5 см	
Вес	
Дата <i>1947 г. И. Иваново К. 115</i>	
Место сбора <i>под Челябинском</i>	
Рассмотрен <i>Н. К. Минко</i>	
Способ поступл. <i>Зар</i>	
От кого поступл. <i>М. А. Минко</i>	
Время поступл. <i>1918</i>	
Первичн. поступл.	
Цена или оценка	
№ негатива	Где помещается: <i>з в з. Феликс Край</i> шкаф высота <i>21</i>

Описание предмета <i>Сорник из серой глины с примесью известняка. По краям и толщине образует красивый орнамент, переизменяющийся с величиной местной.</i>
Литература о предмете
Примечания <i>Фотосессия XIX-XI в. ур. в урне Н. К. Минко за 1947 г.</i>

Инвентарная карточка из фонда «Археология» ГИМЮУ

Вероятно, такой вариант учета был неудобен, и перепутать сквозную нумерацию всех отделов (а она у каждого своя в одной общей книге) было несложно. Но если обратить внимание на таблицу, приведенную Д. В. Ивановым в своей монографии²⁴, то мы поймем, что в 1920-е гг. не было разработано единой системы учета. По всей видимости, каждый искал варианты систематизации сам, привлекая опыт музеев из соседних регионов, которые, в свою очередь, прибегали к опыту зарубежных организаций.

Так, одним из вариантов систематизированного учета археологических коллекций Н. К. Минко в Челябинском музее местного края стали инвентарные карты, которые велись в отделе доисторической археологии с января по март 1924 г. сотрудниками музея И. Г. Гороховым, С. Н. Дурылиным и Г. П. Подкорытовым²⁵. На типографские бланки карт были перенесены все пометки, обнаруженные на предметах, определен материал, вписаны размеры, а также сложная маркировка. С помощью данных карт мы смогли восстановить утраченную маркировку, нанесенную С. Н. Дурылиным.

В период работы в музее археолога и архивного сотрудника К. В. Сальникова (22 ноября 1937 — 28 сентября 1940) появились предпосылки смены формы учета по типу Музея антропологии и этнографии РАН²⁶. Константин Владимирович сделал первую опись коллекции предметов из раскопок могильника у с. Федоровка 1936 г. При работе с археологическими коллекциями Н. К. Минко он также составил описи, нашел в ИИМК РАН отчеты и дневники раскопок Н. К. Минко, дополнил первые инвентарные карты недостающей информацией. К. В. Сальниковым были составлены описи и других археологических коллекций. Именно номера в этих описях сейчас соответствуют номерам в главной инвентарной книге Государственного исторического музея Южного Урала и маркировке предметов, хранящихся в музее. Данные инвентарные номера были вписаны К. В. Сальниковым в инвентарные карты 1924 г., и благодаря этой систематизации на данный момент сохранилась возможность сверить и атрибутировать предметы из коллекций Н. К. Минко под ныне действующими номерами.

Выводы

Исходя из всего сказанного, можно резюмировать следующее.

Н. К. Минко до 1909 г. получал открытые листы от ИАК через УОЛЕ как действительный член данного общества. В связи с этим его отчеты имеют краткое содержание и список предметов.

Фотографирование полевых работ и находок Н. К. Минко, вероятно, производилось сотрудником ИАК, и снимки в более полном объеме могут храниться в фотоотделе научного архива ИИМК РАН.

Раскопки Н. К. Минко производил в соответствии с инструкцией «Производство археологических раскопок» А. А. Спицына 1895 г.

Тип сложной маркировки для предметов из коллекций Н. К. Минко, использованный С. Н. Дурьлиным, вероятней всего, был заимствован из опыта музея при УОЛЕ.

Кроме того, мы узнали о существовании тесной связи челябинских археологов с УОЛЕ и Челябинского музея местного края с музеем при УОЛЕ в конце XIX — начале XX в.

Примечания

¹ Иван Горохов и его музей: материалы к биографии основателя Челябинского краеведческого музея / сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2010. С. 47.

² Докучаева С. В. Инвентарные карточки — ровесники музея. URL: http://chelmuseum.ru/specialists/scientific_publications/1374/#content (дата обращения: 14.07.2022).

³ Евгеньев А. А. История оренбургской археологии : монография. Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2018. Т. 1: XVIII век — начало XX века. С. 133.

⁴ Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы : монография. СПб. : ИИМК РАН, 2019. Т. 1. С. 124.

⁵ Тихонов И. Л. Императорская археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. 2009. № 4. С. 9.

⁶ Императорская археологическая комиссия (1859–1917) ... Т. 1. С. 129.

⁷ Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности : репр. воспр. изд. 1909 г. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 131.

⁸ Евгеньев А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 133, 134.

⁹ Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 год. URL: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=263§ion_code=3 (дата обращения: 1.07.2022).

¹⁰ Там же. С. 3.

¹¹ Записки Уральского общества любителей естествознания. 1913. Т. 32. С. 8.

¹² Дурьлин С. Н. Н. К. Минко (краткая биография) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1. С. 54.

¹³ Записки Уральского общества любителей естествознания. 1907. Т. 26. Рис. 1–5.

¹⁴ Там же. 1913. Т. 32. С. 9.

¹⁵ Овчинникова Б. Б., Сумин В. В. Владимир Яковлевич Толмачев: судьба археолога // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб., 2021. С. 168.

¹⁶ Там же. С. 4.

¹⁷ Длужневская Г. В. Уральский регион в исследованиях Императорской археологической комиссии // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 13, № 49. С. 272.

¹⁸ Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1996. Т. 1. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1895. С. 14.

²¹ Тейдер В. Ф. Письма С. Н. Дурьлина к В. А. Городцову // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 489.

²² Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. С. 588–591.

²³ Зорина Л. И. Указ. соч. Т. 1. С. 93.

²⁴ Иванов Д. В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб. : МАЭ РАН, 2018. С. 101.

²⁵ Докучаева С. В. Инвентарные карточки — ровесники музея ...

²⁶ Иванов Д. В. Указ. соч. С. 98.

ТАТАРО-БАШКИРСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ ПРИ ЧЕЛЯБИНСКОМ МУЗЕЕ МЕСТНОГО КРАЯ

Как известно, 1 июля 2023 г. Государственный исторический музей Южного Урала отметит свой 100-летний юбилей. Его история началась 1 июля 1923 г., когда он был открыт как музей местного края. Ранее, в 1918 г., состоялось организационное собрание 19 членов Приуральского общества изучения местного края, среди которых был Иван Гаврилович Горохов.

*Лист 33. И. Г. Горохов.
Из фотоальбома «Mea vita»
(И. Г. Горохов).
Из фондов Государственного
исторического музея Южного
Урала*

Иван Гаврилович Горохов — музейный работник, педагог, геолог. В 1900 г. окончил духовное училище, в 1906 г. — семинарию в Тобольске, в 1913 г. — естественное отделение Санкт-Петербургского университета. В 1914 г. преподавал естествоведение в реальном училище Нижнего Тагила, с 1915 г. — естествоведение и географию в Челябинском реальном училище. С 1918 г. занимался музейной деятельностью, возглавлял музей уездного земства, музей местного края при Челябинском ревкоме и при отделе народного образования. В 1918 г. вместе с Д. В. Мошковым создал Приуральское общество изучения местного края. Возглавлял Челябинское общество изучения местного края в 1922–1930 гг. С 1918 по 1957 г. — директор Челябинского областного краеведческого музея.

На заседании общества в 1923 г., посвященном открытию музея, директор музея И. Г. Горохов призвал: «Пусть все, кому дорого дело восстановления хозяйства жизни страны, и в частности нашего края, примут посильное участие в деле изучения того края, где они живут, и со своей стороны положат камень в основание познания Великой России»¹. В первые годы работы музея к комплектованию музейных фондов старались привлечь как можно больше людей. Так, в газете «Советская правда» от 15 мая 1924 г. была опубликована статья под названием «Мусульмане, несите в музей памятники быта», в которой мусульманское население Челябинского края призывалось пожертвовать музею предметы татаро-башкирского быта: одежду, утварь, украшения, оружие, игрушки, музыкальные инструменты, фотографии и т. д.

В архивных документах обнаружены сведения о том, что при музее были организованы две этнографические секции — русская и татаро-башкирская (3 февраля 1924), или мусульманская, куда входили 19 человек. Позже их стало 45. Возглавлял секцию С. Ф. Урманов².

Салих Фатахович Урманов — ахун, мулла соборной мечети Челябинска, в 1920-е гг. основатель мусульманской этнографической секции при Челябинском обществе изучения местного края, уполномоченный краеведческого музея по сбору предметов мусульманского быта, один из организаторов Челябинской губернской мусульманской комиссии помощи голодающим, созданной 9 декабря 1921 г. Пы-

тался предпринять шаги, способствующие взаимодействию мусульманской общины и советской власти, однако летом 1924 г. был привлечен по делу товарищества «Иттихад». В ОГАЧО хранится дело под названием «Протокол заседаний татаро-башкирской этнографической секции, список желающих быть членами этнографической секции» на 22 листах. Начато 3 февраля 1924 г., окончено 16 марта 1924 г.

В протоколах заседаний имеются следующие сведения. 3 февраля 1924 г. состоялось первое заседание секции татаро-башкир при музее местного края в Челябинске по изучению татаро-башкирского быта, старины. Собрание открыл заведующий музеем И. Г. Горохов. Присутствовали 19 человек. Были озвучены вопросы: об избрании председателя, секретаря и членов секции; о поручении членам секции представить сведения о костюмах татаро-башкирского населения местного края; об образовании кружков. В постановлении указано, что были избраны председатель секции (ахун, мулла С. Ф. Урманов), секретарь и пять членов.

Секция разработала план своей работы и приступила к собиранию материалов для татаро-башкирского этнографического отдела музея. В протоколе заседаний содержится и программа сбора предметов, написанная от руки на старотатарском языке. С помощью коллег из Музея им. Г. Р. Державина Лаишевского края Республики Татарстан удалось перевести этот текст на русский язык.

Ниже приведен текст программы секции по сбору предметов на обоих языках:

(150459) (бөкләнгән урынды) музаканәсенә жыйнарга кирәк нәрсәләр:

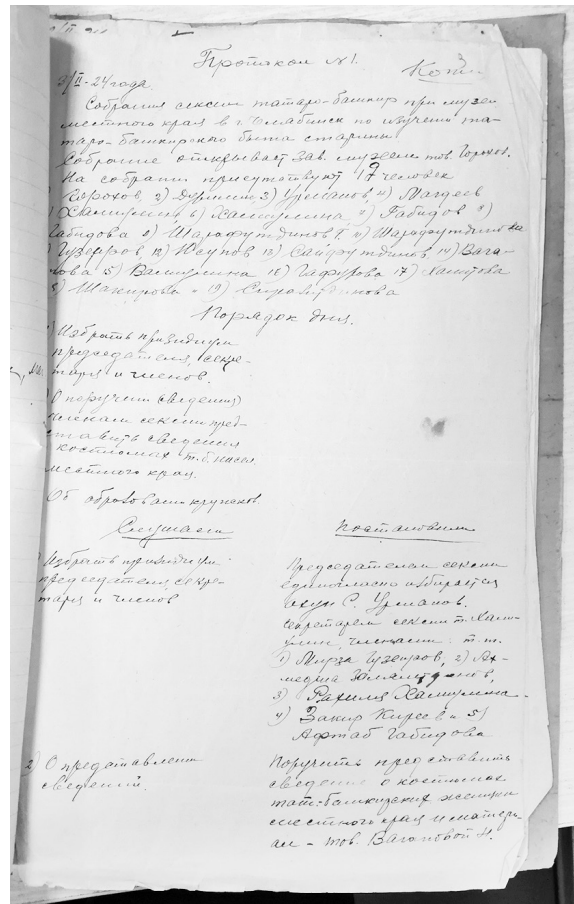
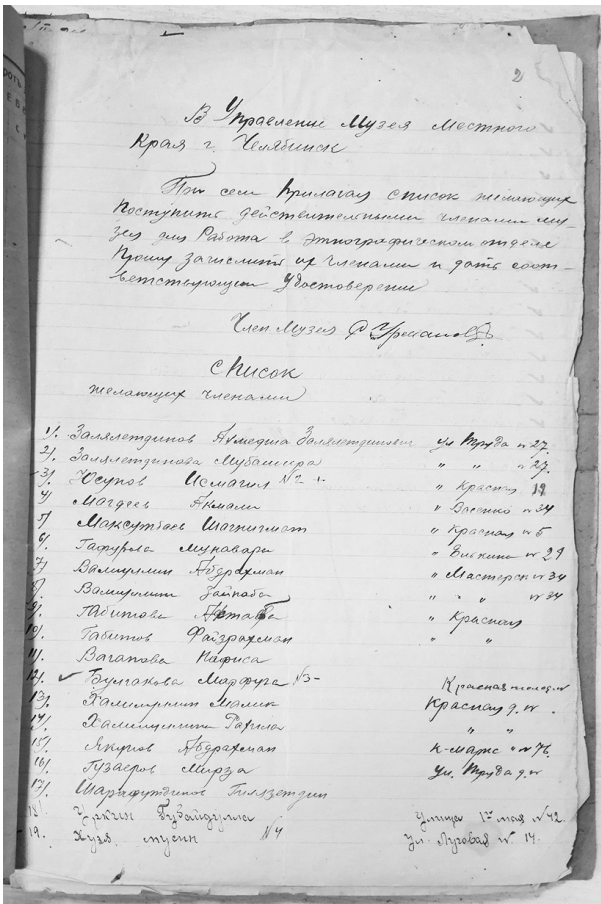
Чиләбе әтрафында (губернасында) нәшер ителгән: китап, газета, плакат һәм листовкалар, шулай ук башка әтрафта матбуг (басылган) нәрсәләр, әгәр дә аларда Чиләбе әтрафы хакында бер-бер хәбәр булса. Чиләбе әтрафының харита планы, фотография вә гайре рәсемнәре.

Урындагы рәсемнәрнең картиналары. Урындагы берәр вакыйганы күрсәткән яки тәүсыйф иткән (сыйфатлаган) акт, иске документ, архивка гайд (бәйле) нәрсәләр һәм вакыйганы күргән-белгән кешеләр тарафыннан язылган распискалар, көндәлек язмалар вә шуларга гайд рәсемнәр. Урында эшләнә торган нәрсәләрнең үрнәкләре (тугылган, бәйләнгән нәрсәләр һәм балчыктан, таштан, чыбыктан вә гайреләр). Урындагы төрле күрәзәлек итүче кешеләрнең шул авыруларга дарулары, төрле авыруларны дөвалауда истигмаль итү (файдалану) рәвешләре.

Тукулган-сугылган нәрсәләрне буяр өчен йирле халык нинди үсемлекләр һәм башка нәрсә истигъмаль итә, аларның үрнәкләрен истигъмаль итү юллары.

Статья «Мусульмане, несите в музей памятники быта» в газете «Советская правда» (1924. № 108)

Протокол заседания татаро-башкирской секции музея. 1924 г.

(150459) Предметы, необходимые для комплектования фондов музея:

Издания, которые выпускались в Челябинской области (губернии): книги, газеты, плакаты и листовки, а также другие печатные труды, если в них содержалось какое-либо сообщение об окрестностях Челябинска. Картографический план, фотографии и рисунки окрестностей Челябинска.

Картины местных живописцев. Акты, подтверждающие о каком-либо местном событии, старинные документы, записи, относящиеся к архиву, воспоминания очевидцев событий, дневники, записки и рисунки к ним. Образцы изделий ремесленников (ткачество, вязание, керамика, резьба на камне, плетение). Сведения про целителей и знахарей, список лекарственных средств, которые они используют при лечении от различных заболеваний, формы их применения.

Тканые изделия, образцы. Краски, используемые при ткачестве, методы окрашивания тканей, виды растений, способы применения и их приготовления.

(150438) 1921–22 нче һәм башка ачлык елларда халык истигъмал иткән үсемлекләр, аларны тәүсыйф һәм үрнәкләр;

9) бакча, бакча, урманнарға зарар китерүче төрле хәлләр хакында мәгълүмат һәм аларның үрнәкләре;

10) Төрле ташлар, бакчалар, рудалар хакында (охра, балчык, ком, тимерле балчык, бакырлы күмер, төрле төсле ташлар) кайда чыгалар, эшләнеләр, электә һәм хәзер йирле (жирле) халык алардан бер-бер нәрсә эшлиме? Кай урында булганнарын мөмкин кадәр ачык күрсәтәләр.

11) максатлар хакында өөрлә мәгълүмат: алара кибә барлармы, балыкчы бармы (электә һәм хәзәрдә), ниндидер балыкларым бар, күзләр жаным йирле халык берәр Фәйдә күрмәме? жәтмәдә берлә балыкк аулау, тозак, турле авырулардан суы яки саз даваланау.

12) Чишмәчеләр хакында алар мәгълүматмы: дарулана торганнарымы, аларның суларын төп әсәре, жылы чишмәләр юкмы?

13) тау тишкарэләре, мәгарэләрдәдә мәһълүмат, аларнын исемнарында, зырлы-кларында. Аlara хакындада халык жыры арасындаөйләне әкият һөжүмнәре һөжүм хорафатлар. Аларнып хезлере ташлар, суклер юкмы?

14) шаһәр урыннары, мәңгелек (каберлек) әсәрләре курганнара һакындалар, йирөөргәндәш Бәшәрләр, балчык, чүлгәрләр, таш, бакыр, тимердән Әзһәр кисәкләр һәм кәшә вә башка хайвань сукларе очрамымы?

(150438) Образцы и описание растений, которые употребляло население в 1921–22 гг. и в другие голодные годы;

9) Сведения и образцы различных вредителей — насекомых, наносящих вред огородам, садам, лесам;

10) О различных камнях, садах, рудах (охра, глина, песок, глина с примесью железа, уголь с медью, разноцветные камни), место добычи и разработки (раньше и сейчас); изготавливают ли местные жители из них что-нибудь? Имеется ли открытый показ населению.

11) Подробная информация об озерах: пересыхают ли они, имеется ли рыба (раньше и сейчас), в наличии какие виды рыб имеются, ощущают ли жители, живущие у озер, какую-либо пользу от них? Информация о ловле рыбы сетью, использование озерной воды и целебной грязи при различных болезнях.

12) Информация о родниках: имеются ли целебные, их химический состав, цвет воды и вкус. Есть ли в наличии теплые родники?

13) Сведения о пещерах, их названия, размеры. Эпос, народные сказания, легенды и приметы. Внутри пещеры не обнаружены ли надгробные камни, кости?

14) Сведения о городских местах, о гробницах и курганах. Не встречаются ли при раскопках черепа, фрагменты керамики, куски глины, камня, меди, железа, человеческие кости и других животных?

(150433) 15) Күл, елга һәм чоқыр яннарында табылган нәрсәләр хакында электә булып беткән хайваннарның сөякләре (носорог, мамонт, боланнар, аларның мөгез-тешләре, баш сөякләре вә гайреләр).

16) Күктән төшкән ташлар (метеор) кайда-кайчан төшкәннәр һәм хәзер кайда сакланалар. Шул йирдәге төрле урын һәм авылларның исемнәре электән һәм кайдан ул исем берлә аталганнар. Башкорт һәм кыргыз телләрендәге исемнәрен, мәгънәләрен күрсәтеп рус теленә тәржемә ителә, мәсәлән, наган ай — таганак (?) — ай асты.

(150433) 15) Наличие костей древних животных (носорогов, мамонтов, оленей, их рога, черепа и т. д.), обнаруженные вблизи озер, рек и оврагов.

16) Где и когда падали с неба камни (метеоры) и место хранения. Топонимика различных местностей и сел, история возникновения населенных пунктов. Не нарушается ли смысл при переводе на русский язык названия башкирского и киргизского языка, с указанием значения, например, наган ай — таганак — под луной.

(150546) (укылмады) музаханәсе хозурындагы татар-башкорт секциясенә бүләк ителгән нәрсәләр:

1. Изү: 18, 19 нчы гасырларда татар карчыклары күлмәк өстеннән зиннәт өчен күкрәкләренә бәйли торган нәрсә, бер тарафы ярты түгәрәк. Чите ал лента. Икенче каты яссы ука, сары, икенче каты ак тар ука, өченче каты сары ука. Асты бәз. 1924 нче елның 27 нче февралендә бирелгән.

3. Шәмаил. 18,19 нчы гасырда татар-башкортлар өйләрен зиннәтләү, тәбәрлекләну өчен стенага татар-башкортлар тарафыннан асылына иде. Шәмаилдә кәгъбә рәсми һәм пәйгамбәрнең комганы, башмаклары, күлмәк, намазлык, тарак, кайчы рәсемнәре төшерелгән аять һәм хәдис язылган. Казанда Мөхәммәдҗан Кәримовлар хөражәте илә 1899 елда басылган.

4. Шәмаил — Мәдинәи-Мөнәвәрә зиннәт өчен һәм тәбәрлекләну өчен. 18,19 гасырларда.

Татар-башкортлар тарафыннан стеналарда асылына иде. Шәмаилдә хәзрәте Госман хәлифә, кабере һәм хәзрәте Хәмзә кәгъбәсе. Өхед, Гарәфәт, Нур, таулармы төшерелгән шәмаил — сигез оҗмах ишеге исемдә шәмаилнең уртасында Мөхәммәд г. с.

нең кабере читендә төрле пәйгамбәр исемнәре һәм аяте-хәдисләр язылган. Казаннан Шәмсетдин Хәсәеновлар.

(150546) Предметы, подаренные в башкиро-татарскую секцию музея:

1. Изю: в XVIII и XIX веках татарские женщины старшего возраста надевали поверх платья, полукруглой формы, состоит из трех слоев. Первый слой — позументная лента, по краям лента розового оттенка. Вторая часть — узкая позументная лента желтого и белого цветов. Третья часть — позументная лента; хлопчатобумажная ткань; желтого цвета. Основу представляет хлопчатобумажная ткань — бязь, домашнее изготовление. Сдан 27 февраля 1924 года.

3. Шамаил. Настенное украшение для дома и моления в XVIII–XIX вв. у татар, башкир. При шамаиле были написаны аяты и хадисы с изображениями башмаков, рубахи, молитвенника, гребня, ножниц пророка Мухаммеда. Напечатана в 1899 году в типографии Мухамедзяна Каримова в Казани.

4. Шамаил — Мединаи-Мунавара настенное украшение для роскоши и для моления в XVIII–XIX вв. На шамаиле написаны аяты и хадисы с изображениями Корана, двери рая; в центре изображена могила пророка Мухаммеда, а по краям имена других пророков. В шамаиле находится могила халифа (высший мусульманский титул) Гусмана и могила хазрата Хамзы. В центре восьмигранной двери шамаила, на которой изображены Ухуд, Гарафат, Нур, гора, написаны имена различных пророков и аяты — хадисы. Передал Шамсутдин Хусаинов из Казани.

(150531) 5. Календарь: 1316 һижрия, миладия 1899 еллар өчен. Мөхәммәдфатих Халитов тарафыннан төзелгән Казан дарелфөнүн табыгханәсендә 1898 елда басылган, ахырына мөгтәбәр китаплардан күчерелеп, Болгар тарихы өстәлгән, 129 биттән гыйбарәт, Галимжан Сәйфетдинов тарафыннан бирелгән. 1924 елның 27 февралендә бирелгән.

(150531) 5. Календарь: 1316 г. по Хиджре — Милади 1899 г. Издан в 1898 году в Казанской типографии Мухамедфатиха Халитова, состоит из 129 страниц, дополнена историей Болгар. Передан Галимзяном Сайфутдиновым 27 февраля 1924 года.

(150614) Чиләбе шәһәрендә булган жирле музаханә (музей) янындагы татар-башкорт бүлекчәсе өчен татар-башкортларның горөф-гадәтләре һәм аларның тормышлары хакында эшләнәчәк эшнең планы:

1. Горөф-гадәтләре һәм бөтен тормышта күрсәтә торган Чиләбе губернасында харита (карта) ясар өчен булган бөтен мөселманнарның (татар, башкортлар, типтәрләр, мишәрләр, нугайбәкләр) дәрәс хисабын алу.

2. Бу эшләрнең иң беренчәсе кулда булган Чиләбе өяз земствосының 1916 нчы елгы нәшереннән карап һәм этрафлы рәвештә тикшереп, татар-башкортларның дәрәс хисабын алу һәм төзәтү.

3. Өязләрдә музаханә өчен нәрсәләр табып бирердәй һәм ул музаханәгә куярлык нәрсәләр хакында хәбәрләр биреп торырлык мөхбирләр кую, алар илә хәбәрләшеп тору.

4. Түбәндә күрсәтелгән юллар буенча Чиләбе губернасында булган татар-башкортларның тормышлары, аларның эшләре, кәсепләре хакында мәгълүмат жыю.

5. Татар-башкортларның әдәбиятын тикшереп карау, аларны жыеп, опросный лист ясап, аларны урыннарга тарату.

6. Эшләнгән план буенча татар-башкортларның музаханә өчен коллекциясен жыю һәм алар хакында тулы мәгълүмат биру.

Тиешле буладыр Чиләбе губернасында булган татар хатын-кызларының киёмнәрен дәрәс итеп язу — описать итеп, бөтен килешләре-торулары илә, балалар киеме, туй киеме, кияүгә чыккан хатыннар киеме, тол хатын, карчыклар киеме һәм башкалар.

Югарыда әйтелгән киёмнәр хакында булган мәгълүматны жыйганның соңында музаханә өчен киёмнәрен жыярга.

Комиссиядә член булган ханым-туташларга тиеш Чиләбе губернасында булган татар-башкорт хатыннарының кул эшләре үрнәкләрен жыю һәм туку эшләрен жыю, чиккән-тукылган нәрсәләр, кружева, бәйләгән нәрсәләр, үргән һәм...

(150614) План предстоящей работы татаро-башкирского отделения музея в г. Челябинск по сбору материалов о традициях и жизни татар и башкир:

1. Правильный учет всех мусульман (татар, башкир, типтяр, мишар, ногайцев) в Челябинской губернии, которые соблюдают в своей жизнедеятельности обычаи и быт.

2. Учет татар, башкир согласно ведомости Челябинского уездного земства от 1916 года. Сверка и исправление данных.

3. Назначить в уездах корреспондентов, которые будут сообщать о наличии интересных предметов музейного значения для дальнейшего показа их в музее.

4. Сбор сведений о жизни татар и башкир, проживающих в Челябинской губернии, их работах, промыслах согласно нижеследующим.

5. Сбор и проверка литературы татар, башкир; составление опросного листа (анкеты) и распространение на местах.

6. Согласно разработанному плану комплектования сбор коллекции татар и башкир для музея и предоставление полной информации про них.

Правильно описывать одежду татарских женщин, обитавших в Челябинской губернии, со всеми ее особенностями: детская одежда, свадебная одежда, одежда замужних женщин, одежда вдов, старшего возраста и т. д.

Собирая информацию о вышеназванных предметах одежды, непременно комплектовать (собирать) для музея.

Женщинам, девушкам, являющимся членами комиссии, нужно собрать образцы женских рукоделий татар, башкир, набирать тканые, вышитые, вязаные изделия, а также кружевоплетение...

(150558) Татар-башкортларның җырларын, хикәяләрен, әкият, табышмак һәм төрле ышанулар, төрле нәрсәләрдән курку, шатлану, ышану. Су анасы, өй хужасы, җен күрүләр, дивана, ишан-мөрид вә башка йөзләрчә саналган халык өендә булган нәрсә вә бүтән хорафатларын җыю.

Татар-башкортларның милли музыка коралларын җыю, мишәрләрнең дә, типтәрләрнең дә.

Иске акчалар, мәгъдән (металл, руда) ташлары, кораллар, кулъязма, катып таш булган нәрсәләр, халык арасында булган дәвалар, һәртөрле жирле буяулар һәм башкаларны җыю.

Гарәп телен белүчеләр өчен башка шәрык халыкларының телләрен белүчеләргә — гарәп акчаларын һәм татар акчаларын тикшерү.

(150558) Формирование коллекции татаро-башкирских песен, рассказов, сказок, загадок, сбор сведений про поверья, страхи, радости, верования. Сбор информации про мифологических духов: водяного, домового — покровителя дома, джинна, юродивого, ишана Мурида.

Комплектование народных инструментов татар, башкир, а также мишар и типтяр.

Формирование коллекции старинных денег, магических (металлических, рудных) камней, оружия, рукописей, окаменевших предметов, всевозможных местных красок, сведения про народных целителей и их лекарства и т. д.

Для владеющих арабским языком и знающих языки других народов Востока — проверка арабских и татарских денег.

(150515) 5. Вәсика — гомрә хаж кылучы тарафыннан кылдыручыга бирер өчен удостоверение, гомрә хаж кылучы Хөсәен Габделлатыйф, кылдыручы — Гыйззәтбану Хөсәен кызы.

6. изү — 18–19 нчы гасырларда татар карчыклары күлмәк өстеннән зиннәт өчен күкрәкләренә бәйли торган нәрсә. Тарафы — ярты түгәрәк, чите ал лента, аннан соң яссы ука, өченче кат чакма, 4–5–6 нчы катламы ука. Өстендә бербөтен тәңкә, өч кечкенә тәңкә. Асты киндер.

7. изү — муза әгъзасы Моркина тарафыннан бүләк. Беренче каты ситса, 2,3, 4 катлары ука. 18–19 гасырларда татар карчыклары зиннәт өчен киелә булган.

8. сапмалы тәңкә — чәч үрү өчен 4 данә саплы тәңкәне йипкә (җепкә) таккан. Гадәттә хатын кызлар 19–20 гасырларда истигъмал итә (файдалана).

9. аш тастымалы. Салфетка. башы кырык 40 сантиметр — илле итеп сугылган. Үрнәге кызыл, ак бизәкле. Бирүче үз кулы берлә эшләгән. Хәтичә Якуповадан бүләк (65 яшь).

№	№ инв.	№ кат.	Наименование	Дата	Примечание
272	737.1	104-1092	Све селенные ленточки	1914-1915	Из коллекции
273	737.2	32	Крест бакинского ордена, Грозный, Франция, добыта 1914-1915		
274	739	12	Литва из бумаги портрет, Вероятно: Смирнов, изр. Казань		
275	572	11-12	Ситовая фотограф. с узор. ленте Корана Девана и Шейх-Девана 25л. с картинками передали Корана светом. Ситово.		
276	572	13	Лентки. Узоры из мушкетерских. Вухавенство, шелковые		
277	572	14	Мушкетерские лентки XV в. Фигурки. (Турция)		
278	572	15	Узор Нисома 1.0 вайеветич Аджатава в ст. ленте Башкиро: тюркес. биска.		
279	572	16	Серебряные предметы. Башкирское ленте		
280	572	24	Серебряные ожерелья, узоры, вышиванка, украшения		
281		41	про-Башкирск. вышиванка Чувств. край.		
281		42	Предметы мушкетерского кювета, из Башкиро.		
282		55	татарские рубашки Чувствено край,		
282		56	Портреты, карманы, рисунки, вышиванка		
282		68	серебряные украшения, архивы, вышиванка татар-башк.		
283	572.2	1871-80	Коллекция Ям. ленточки шири 80 см, 102 см		
284	549	1871-80	Коллекция вышиванки (М. Татария) (Эльман, Эрванке)		
285	572	69-70	Два восточных кувшина, медь, пок. бел. метал,		
286	572	71	Китла, про-Чувств. край		
2			Восточные предметы 0.2. В. Ф. 7/1914. к. н. 532 (10.10) в Рязань		
4					
1			Дар А. П. Угарова. Кн. пост. № 631. 3/11 1924.		
2			Дар С. Урманова. Кн. н. № 2 и 3. 23/4 1923.		
1			" " " " " " № 230.		
1			" " " " " " № 231.		
1			Дар Халима Урманова из деревни Аджатава. Кн. н. 2/1 № 233. 1924.		
8			Коллекция С. Урманова, Х. Урманова, А. Урманова, Башкирия, Салеевск. Кн. пост. № 234, 235, 236, 266, 267, 268, 580, 581, 582.		
18			Коллекция Я. Урманова, Башкирия, Салеевск. Кн. пост. № 234, 235, 236, 266, 267, 268, 580, 581, 582.		
14			Коллекция Я. Урманова, Башкирия, Салеевск. Кн. пост. № 234, 235, 236, 266, 267, 268, 580, 581, 582.		
13			Коллекция Я. Урманова, Башкирия, Салеевск. Кн. пост. № 234, 235, 236, 266, 267, 268, 580, 581, 582.		
102			Коллекция Я. Урманова, Башкирия, Салеевск. Кн. пост. № 234, 235, 236, 266, 267, 268, 580, 581, 582.		
2			От проф. Коллесского при Сибирском Ун-те. Коллекция № 26 от 10/11 1928г.		
1			Приобретено за 1р. 3. у Милова. Кн. н. 365. 1924.		

Главная инвентарная книга музея. 1922 г.

(150515) 5. Васика — удостоверение, выдаваемое паломникам на совершение гомры. Совершивший паломничество Хусаен Габделлатыф, поручила — Гиззатбану дочь Хусаина (Человек, который не сможет хадж, поручает другому).

6. Изю — женщины старшего возраста в XVIII—XIX вв. повязывали поверх платья на грудь как украшение. Полукруглой формы, по краям лента розового оттенка, затем позументная лента, третий слой — тесьма в 3-х рядах, 4—5—6-й слой — позументная лента. Сверху пришиты одна большая и три маленьких монеты. Основу изю составляет конопляный холст.

7. Изю передана работником музея Моркиной. Основу составляет ситец, четыре слоя состоят из позументной ленты. В XVIII—XIX вв. татарские женщины носили как роскошь.

8. Накосник — чулпы для плетения волос, нанизаны на нить четыре монеты. Обычно женщины в XIX—XX вв. носили как украшение.

9. Столешница. Салфетка. Ширина составляет 40—50 см. Соткана на красном фоне с узорами белого цвета Хатичей Якуповой, которая сама же передала в музей³.

Таким образом, изучив документы ОГАЧО, можно сделать вывод, что в течение года секцией было устроено три заседания. Собрано много вещественных этнографических материалов, которые ныне находятся в музее. Летом под руководством археолога С. Н. Дурылина секция провела раскопки двух курганов за пос. Смолино. В фондах музея хранятся фотографии членов этнографической секции. В 1925 г. этнографические и археологические секции были объединены. В 1930 г. Общество изучения местного края распалось.

Анализируя сведения о работе татаро-башкирской этнографической секции, можно сказать, что ее члены сделали порядочный вклад в фонды, пополнив их предметами быта и быта татар и создав таким образом специальное отделение музея. На сегодняшний день в фондах ГИМЮУ значимая доля предметов имеют отношение к татаро-башкирскому быту, большинство из них поступили от членов татаро-башкирской секции и хранятся уже около ста лет. Предметы эти имеют огромную историческую ценность и вызывают огромный интерес у посетителей музея.

Участники этнографического вечера, организованного этнографической секцией Челябинского общества изучения местного края, среди которых — члены татаро-башкирской секции. 21 марта 1925 г. Фото И. Г. Горохова. Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

Примечания

¹ Антипин Н. А. Челябинский краеведческий музей, 1913–1957 гг. Челябинск, 2011. С. 43.

² ОГАЧО. Ф. Р-634. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³ Там же. Л. 11–18.

И. С. Ивлиева

УКРАШЕННОЕ ПОДАРОЧНОЕ ОРУЖИЕ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА: ШАШКА И КОРТИК ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА БУХВАЛОВА

Традиция награждения военнослужащих за их подвиги и заслуги холодным или огнестрельным оружием сохранялась в Рабоче-крестьянской Красной армии в первые годы ее существования. Молодая советская власть проявляла уважение к чувствам красноармейцев и высоко ценила их храбрость, верность, вклад в общее дело борьбы за мир в только что созданной молодой Советской республике. Важной частью новой советской наградной системы стало вручение доблестным красноармейцам боевого революционного оружия, отмеченного новой символикой, дарственными надписями, подчеркивающими вклад награжденного в борьбу за новую власть. С первых лет советской власти кроме почетного революционного оружия, предназначенного только для лиц высшего командного состава, существовало и наградное оружие, которое вручали командирам за храбрость и воинское мастерство революционные военные советы армий и фронтов. Внешний вид образцов такого оружия не регламентировался, был произвольным до принятия на вооружение кавалерийской шашки образца 1927 г¹.

*Иван Васильевич Бухвалов с именным оружием.
4 января 1969 г. Из фондов Государственного исторического
музея Южного Урала*

В собрании Государственного исторического музея Южного Урала хранится несколько образцов холодного украшенного оружия, которое было вручено доблестным красноармейцам за их воинский подвиг. Особую историческую, художественную, мемориальную значимость представляют два экземпляра такого оружия, врученных нашему земляку Ивану Васильевичу Бухвалову (1883–1971).

Иван Васильевич Бухвалов родился в Юрюзанском заводе Златоустовского уезда Уфимской губернии. Окончив два класса, в 1895 г. стал рабочим прокатного цеха Юрюзанского завода. С 1908 г. член РСДРП. После закрытия завода был вальцовщиком на Алапаевском (Пермская губерния) и рабочим сортопрокатного цеха на Кулебакском (Нижегородская губерния) заводах. После провозглашения советской власти в Кулебаках занял должность началь-

ника штаба отряда красной гвардии. Участвовал в разгроме муромского восстания белогвардейцев, мятежа в с. Дубровка Ардатовского уезда, белогвардейского восстания в Ярославле, на станции Бутылицы Владимирской губернии, в г. Касимове Рязанской губернии. В 1919 г. И. В. Бухвалова назначили начальником Кулебакской рабоче-крестьянской милиции. Он первым в районе был награжден орденом Красного Знамени. После Гражданской войны окончил Высшие юридические курсы. В 1921–1927 гг. занимал должность председателя окружного суда в Златоусте, затем в Кургане, Тобольске. С 1934 г. председатель линейного суда ЮУЖД в Челябинске. Осенью 1937 г. был арестован, 14 месяцев находился под следствием, затем оправдан Верховным Судом и назначен председателем линейного суда Казахской железной дороги. В Алма-Ате прожил тридцать лет, затем возвратился в Челябинск².

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала хранится именное наградное оружие Ивана Васильевича Бухвалова, врученное ему за участие в Гражданской войне, — шашка офицерская кавказского типа образца 1913–1917 гг. в ножнах и кортик офицерский образца 1914 г. в ножнах.

Клинок шашки стальной, слабой кривизны, однолезвийный, с двумя узкими долами у обуха на обеих голоментах. На правой голомента, ближе к пяте, в сиянии, изображение пятиконечной звезды, обрамленной с двух сторон колосьями пшеницы. В центре звезды — серп и молот. Под изображением звезды на ленте надпись: «Пролетарии всех стран соедин[яйтесь]». Вверху над звездой надпись: «С.С.С.Р.». Черен деревянный, черного цвета, с раздвоенной слегка загнутой головкой. На правой голомента в центре в две строки гравировка: «От Златоустовского Горсовета в 7-ю годовщину Р.К.К.А.»³. На левой голомента ближе к пяте в две строки гравировка: «Бойцу Р.К.К.А. тов[арищу] Бухвалову И. В. За участие в непрерывных боях Гражданской войны». На обухе гравировка: «Злат[оустовская] Ор[ужейная] Фабр[ика]».

Шашка офицерская кавказского типа образца 1913–1917 гг. Изготовлена в 1917–1919 гг. Украшена в 1925 г.
Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

*Кортик офицерский образца
1914 г. 1923 г.*

*Из фондов Государственного
исторического музея Южного
Урала*

Ножны деревянные, обтянуты кожей черного цвета. Наконечник, две обоймицы, устье — медные, украшены орнаментальным растительным рисунком. Обоймицы с кольцами для портупей на выпуклой стороне.

Кортик состоит из клинка и черена. Черен четырехгранный, из дерева светло-коричневого цвета, с желтой металлической головкой. На головке пуговка на ножке. Клинок прямой, сужающийся к острию, заточен на $\frac{1}{3}$ обоюдоостро. На каждой голомении имеется грань. На левой и правой голомении — гравировка (надписи): на левой — «Герою ордена Красного Знамени тов[арищу] Бухвалову Ивану Васильевичу» в обрамлении растительного орнамента; на пяте — «Златоуст[овская] оружейная фабрика»; на правой — «от Златоустовского гарнизона в день 5-й годовщины РККА 23 февраля 1923» в обрамлении растительного орнамента. Рукоять отделена от лезвия крестовиной с овальной кожаной прокладкой.

Ножны деревянные, выкрашенные черным цветом, с латунными устьем, обоймицей, наконечником. На устье и обоймице по металлическому кольцу.

Шашка офицерская кавказского типа образца 1913–1917 гг. в ножнах и кортик офицерский образца 1914 г. в ножнах, подаренные И. В. Бухвалову, относятся к холодному оружию, изготовленному еще в досоветские годы на Златоустовской оружейной фабрике.

Представленный тип шашки был утвержден приказом по военному ведомству № 359. Предназначалась она для ношения офицерами и генералами кавказских казачьих войск. Образец 1917 г. отличается отсутствием вензелей Николая II на клинке и на головке эфеса, а также гербом Российской Республики вместо герба Российской империи на клинке.

На кортике офицерском образца 1914 г. в ножнах вензель императора Николая II также отсутствовал изначально. В качестве материала для рукояти использовано дерево, а не кость или рог, как в уставных образцах 1803 г.

Таким образом, шашка офицерская кавказского типа образца 1913–1917 гг. в ножнах и кортик офицерский образца 1914 г. в ножнах изготовлены на Златоустовской оружейной фабрике предположительно в 1917–1919 гг. Украшены же они новой советской символикой и дарственными надписями позже — в 1925 г., и вручены за боевые заслуги «в непрерывных боях Гражданской войны» красному командиру. С художественной точки зрения эти предметы представляют большую ценность, так как являются редкими образцами холодного оружия, украшенного в стиле златоустовской гравюры на металле в первые годы советской власти.

Примечания

¹ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие XVIII–XX вв. СПб. : Атлант, 2001. Т. 2. С. 6, 7, 54, 55, 61.

² URL: <http://chel-portal.ru/enc/Buhvalovy> (дата обращения: 20.08.2022) ; <https://www.kulebaki.ru/novosti/go-g-kulebaki/7536-pervyj-nachalnik-rabochej-militsii-v-kulebakakh> (дата обращения: 20.08.2022) ; <https://www.litmir.me/br/?b=224319&p=10> (дата обращения: 20.08.2022) ; <https://zemlyanka-v.ru/shop/russia/sabli-palashi/shashka-kazachja-ofiterskaja-kavkazskogo-tipa-obr-1913-goda/> (дата обращения: 20.08.2022).

³ Рабоче-крестьянская Красная армия — формирование вооруженных сил, сухопутные войска Вооруженных сил РСФСР в 1918–1922 гг. и сухопутная составляющая Вооруженных сил СССР в 1922–1946 гг.

ФОНДОВАЯ РАБОТА И ПОСТУПЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1945–1955)

В послевоенное время большинство музеев нашей страны находилось в сложном положении¹: повсюду отмечались отсутствие или плохое состояние помещений, недостаточное финансирование, нехватка сотрудников, связанные с данными проблемами риски утраты сохранившихся фондовых коллекций. Не обошли стороной перечисленные сложности и Челябинский областной краеведческий музей. Усилиями первого директора И. Г. Горохова на момент выхода музея из законсервированного состояния вернулись из мечети эвакуированные предметы, в 1945 г. начался ремонт здания, что было немаловажно для сохранности имевшихся коллекций². Кроме того, велась работа по усовершенствованию учетно-хранительской деятельности, необходимость которой была закреплена на государственном уровне. Благодаря обновленной системе учета и отчетности мы сегодня можем отследить приоритетные направления собирательской работы музея. В данной статье приведен небольшой очерк о том, как производился учет музейных коллекций, какими предметами и способами пополнялись фонды и как выстраивалась работа с ними в Челябинском музее в 1945–1955 гг.

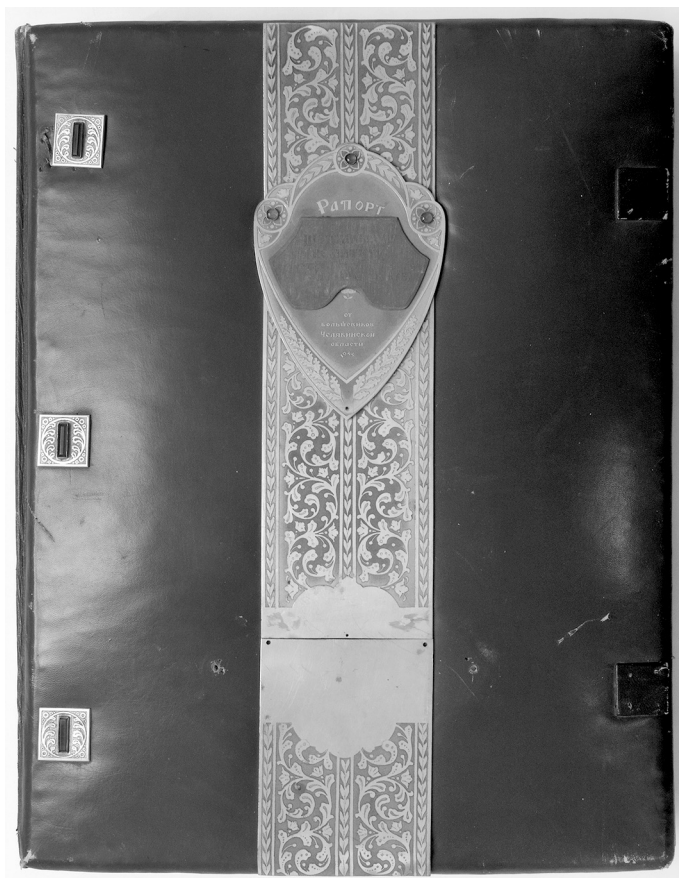
1 декабря 1945 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете народных комиссаров РСФСР разослал всем директорам краеведческих музеев рекомендации по составлению отчета и плана работы, которые содержали приоритетные направления работы музеев. Одним из важных вопросов, которым следовало уделить особое внимание, была работа фондов. Научное описание, проверка наличия предметов, инвентаризация, улучшение условий хранения, установление сплошного инвентарного номера, оборудование фондохранилищ, возвращение всех музейных предметов, выданных из музея, — всем этим, помимо всего прочего, предстояло озадачиться немногочисленным музейщикам. На момент сдачи ежегодного отчета, 15 января 1946 г., научные фонды областного музея продолжали храниться в шкафах и витринах, находящихся в здании, и не разбирались из-за длительного ремонта. Зоологическая коллекция вместе с витриной для нее хранилась в биологическом кабинете средней школы № 1, куда была передана на хранение в ноябре 1941 г., чучела все это время бережно хранились и ежегодно обрабатывались. Научный архив музея временно находился в Челябинском областном архиве.

В 1945 г. перед организацией стояло несоизмеримо много задач, в связи с этим налаживание учета также требовало вложения ресурсов: работа по инвентаризации музейных предметов не производилась из-за отсутствия мест для разборки фондов и нехватки научных работников³. Поэтому в планы на 1946 г. ставилась сверка инвентарных описей с наличием предметов в научных фондах. К 1946 г. была закончена проверка библиотечных фондов и вернувшейся зоологической коллекции. Для полноценной инвентаризации сотрудники музея составили коллекционные описи предметов археологии, ботаники, зоологии, палеонтологии, минералогии и наглядных пособий, которые по сей день используются в качестве учетных документов. Что касается послевоенных новых поступлений, частично сохранившихся до настоящего времени, то, согласно книге поступлений № 1, в 1946 г. в фонды были приняты экспонаты выставки «Художественные ремесла Челябинской области» — художественное чугунное

литье Каслинского и Кусинского заводов. Также были приняты на хранение: бедренная кость очень крупного мамонта, найденная и переданная жителем пос. Бреды, ряд картин видов дореволюционного Челябинска, выполненных по заказу И. Вандышевым, фотоальбом «Рапорт товарищу Сталину от большевиков Челябинской области», переданный отделом пропаганды и агитации Челябинского обкома ВКП(б)⁴.

В планы музея на 1947–1948 гг. ставились продолжение инвентаризации фондов, приведение в порядок материалов экспедиционных сборов. По истечении периода были составлены описи зоологической коллекции (кроме беспозвоночных), художественного чугунного литья Каслинского и Кусинского заводов, художественных изделий Златоустовского завода, монет. В 1947 г. музей получил новые инвентарные книги единого образца (шесть единиц), присланные Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР. Заполнением новых книг музей занялся позже, так как ожидалась новая инструкция по инвентаризации. Из новых поступлений 1947 г. отмечались боевое знамя, коллекция граненых самоцветов из Ильменских гор, дополнение к собранию полотен с видами дореволюционного Челябинска, зуб носорога, рог бизона, каменный молоток, ряд картин с изображением местных животных, коллекция чугунного художественного литья Каслинского и Кусинского заводов, авторские линогравюры с видами нового Челябинска⁵.

Несмотря на увеличение количества фондовых предметов, в 1948 г. Челябинский областной краеведческий музей все еще не имел специального фондохранилища. Предметы находились во всех помещениях музея: в читальном зале (в шкафах), в экспозиционном помещении (в нижней части шкафов). Вместе с тем некоторые предметы помимо специализированного места хранения нуждались в консервации и реставрации. Для сохранения зоологических экспонатов в экспозиции ежегодно проводилась чистка чучел и пересыпание их нафталином. Многочисленные гербарные материалы просушивались, металлические предметы зачищались от

Фотоальбом «Рапорт товарищу Сталину от большевиков Челябинской области». 1944 г. Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

К. Д. Тарасов. Ступка с пестом. Из серии «Детская посуда». 1930-е гг. Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

ржавчины. Из поступлений 1948 г. примечательны: обломки древней керамики, кости животных из с. Стариково, зуб мамонта из с. Куртамыш, чугунное литье, резные вещи из слоновой кости и др. Помимо этих предметов, приобретенных или купленных у посетителей музея, производились сборы минералов и растений для пополнения обменного и запасного фондов⁶. Разносторонняя работа музея не оценивалась властями в полной мере. Так, Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР подверг критике учреждение за то, что оно «свое основное внимание в экспозиционной и собирательской работе направляет в прошлое области, увлекаясь археологическими исследованиями»⁷. По мнению комитета, в сборах предметов и работе над экспозицией музей уделял мало внимания теме социалистического строительства и агитации сельского населения по вопросам пятилетнего плана и сельского хозяйства, в связи с этим было рекомендовано устранить эти недостатки.

В 1949–1950 гг. ЧОКМ провел инвентаризацию драгоценных металлов и для их хранения приобрел несгораемый шкаф. Продолжалась сверка фондов, все предметы также хранились в закрытых шкафах экспозиции, были заведены пошкафные описи, места хранения наиболее ценных экспонатов стали пломбировать⁸. Было произведено разделение учетных фондов на основной и вспомогательный. Велась работа по выявлению обменного фонда и атрибуции минералов и горных пород из сборов прежних лет. За два указанных года фонды пополнились материалами из раскопок археологических экспедиций 1948 г. и их отчетами, картинами и рисунками, палеонтологическими и археологическими случайными находками, минералами и растениями, собранными участниками туристических походов⁹.

В 1951–1952 гг. часть каслинского чугунного литья экспонировалась на московской выставке к Международному экономическому совещанию¹⁰. В фонды музея начало поступать все больше материалов из экспедиций: археологические материалы из раскопок К. В. Сальникова, образцы из ботанических экспедиций А. В. Ежова, записи песен, сказок, преданий из комплексной фольклорно-диалектической и этнографической экспедиции. В планах комплектования на 1953 г. в связи с намеченной реорганизацией отдела сельского хозяйства и открытием отдела промышленности музей собирался приобрести тематические картины, карты, макеты, модели машин и натуральные образцы. Для этих целей еще в 1952 г. были приобретены образцы семян зерновых и огородных культур¹¹.

В 1953–1954 гг. работа по целевому пополнению фондов еще активнее наращивала обороты. Были получены материалы с областной сельскохозяйственной выставки, фотоподборки из редакции «Фотохроника ТАСС» по годовой подписке. Заказаны иллюстрации к краеведческим и историческим лекциям, в том числе тематические фотоподборки у местных фотокорреспондентов газеты «Челябинский рабочий», ко-

торые после использования также дополнили фонды¹². По заказу музея старожилом пос. Маслово В. Д. Вандышевым найдены и переданы музею дореволюционные сельхозорудия, часть из них были изготовлены на заказ в натуральную величину. Продолжили пополняться фонды посредством археологических раскопок, географических экспедиций. Поступили предметы из закрытых каслинского и кыштымского музеев¹³.

С 1955 г. расширяется перечень учетных документов, учет ведется посредством составления актов, заполнения инвентарных книг основного фонда и научно-вспомогательных материалов, книг временных поступлений, ин-

*Сетевое металлическое (лукошко для посева). Начало XX в.
Из фондов Государственного исторического музея Южного
Урала*

вентарных книг вспомогательного инвентаря, карточек научных паспортов, коллекционных описей разделов основного фонда и научно-вспомогательных материалов. Этот год был очень богат на поступления. Согласно отчету за 1955 г., в музейные коллекции был включен 8141 предмет. В это количество входили как новые, так и неучтенные старые поступления. Характер материалов все так же соответствовал краеведческой тематике и планируемыми выставкам¹⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что, как и в другие периоды, фонды комплектовались материалами из экспедиций, предметами, собранными у жителей Челябинска и Челябинской области. По мере поступления финансирования комплектование происходило посредством закупок у организаций и частных лиц. Челябинский музей вплоть до конца 1940-х гг. вел учет посредством составления коллекционных описей и книг поступлений, ныне называемых «гороховскими книгами». Некоторые коллекции, такие как «Фотонегативы» и «Драгоценные металлы», проходили вторичный учет и записывались самим директором музея в инвентарные книги. В соответствии с новой инструкцией были заведены новые книги поступлений, в которые вошли как собранные, но не учтенные до войны предметы, так и сохранившиеся учтенные музейные собрания. Начиная с 1951 г. поступающие музейные предметы подвергались уже более системному учету: фиксировались в актах приемки-сдачи, где прописывались данные сдатчика и принимающего сотрудника.

В послевоенное время в музейном деле остро стоял вопрос восстановления музейных собраний и их переинвентаризации. Упорядочить работу по решению этого вопроса помогло расширение нормативно-методической базы. Так, в 1947 г. были разработаны новая «Инструкция по учету музейных фондов» и «Положение о составе основного фонда». В результате произошло выделение основного фонда и фонда научно-вспомогательных материалов с последующим обеспечением музеев инвентарными книгами и другими учетными документами единого образца¹⁵. Благодаря сохранившимся документам мы смогли отследить основные характеристики и содержание сформированных фондовых коллекций и работы с ними в указанный период. Каждый год из описываемого десятилетия может быть исследован более глубоко. В данной статье представлен лишь краткий очерк, который может послужить для этого основой.

Примечания

¹ Златоустова В. И., Каспаринская С. А., Кузина Г. А. Музейное дело в России // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 403–404.

² Антипин Н. А. Челябинский краеведческий музей, 1913–1957 гг. Челябинск, 2011. С. 34.

³ ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 397. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 398. Л. 10–11.

⁵ Там же. Д. 401. Л. 13–14.

⁶ Там же. Д. 405. Л. 23–25.

⁷ Там же. Д. 408. Л. 20–21.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 414. Л. 20–22.

¹⁰ Там же. Д. 420. Л. 30–32.

¹¹ Там же. Д. 433. Л. 34–36.

¹² Там же. Д. 437. Л. 45–47.

¹³ Там же. Д. 441. Л. 24–25.

¹⁴ Там же. Д. 446. Л. 44–50.

¹⁵ Рябчикова Ф. Д. Государственный музейный фонд: возникновение и осмысление понятия (1918–1991 гг.) // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9, № 1. С. 39–54.

МУЗЕЙ И КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ. КОЛЛЕКЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЗНАКОВ Ю. С. ТАЩЕНКО ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Фонды Государственного исторического музея Южного Урала хранят как единичные предметы, обладающие историко-культурной ценностью, так и комплексы предметов. Обычно появление в запасах музея больших и маленьких собраний нумизматики, фалеристики, этнографии и пр. неразрывно связано с коллекционерами. Известно, конечно, что многие крупные музеи мира обязаны своим появлением частным коллекциям, которые составили основу музейного фонда. Но и опыт взаимодействия музея и коллекционера в вопросе пополнения и комплектования уже существующего фонда известен музейному учреждению любого уровня.

Коллекция Государственного исторического музея Южного Урала складывалась постепенно, в течение долгого времени, в ее основе — коллекции, составленные по результатам геологических, археологических и этнографических экспедиций, которые дополнялись в прошлом и пополняются сейчас предметами, переданными в музей простыми гражданами, а также собрания коллекционеров.

Бывает, что связь музея и коллекционера не разрывается, а выстраивается в тесное сотрудничество, совместные проекты, консультации, перерастает в теплые дружественные отношения с большим значением и пользой для музея. Одним из таких плодотворных взаимодействий является многолетняя дружба Исторического музея Южного Урала с челябинским коллекционером, краеведом, полковником внутренней службы, заслуженным работником МВД Абрамом Львовичем Капланом.

В 1964 г. Абрам Львович обратился в фонды тогда еще Челябинского краеведческого музея с просьбой отыскать фотоматериал. В пожарной части на ул. Пушкина готовилась экспозиция, и для оформления зала требовались фотографии пожарной охраны. В качестве образцов (с которых были сделаны копии) использовали оригинальные фотографии, хранящиеся в музее.

В дальнейшем были совместные с Абрамом Львовичем выставочные проекты и общая научно-фондовая работа: коллекционер не раз являлся консультантом и экспертом для музея, помогая в атрибуции музейных предметов и приобретении новых. Несколько раз «с легкой руки» и при содействии А. Л. Каплана в музей попадали ценные, уникальные предметы. Каждый случай по-своему интересен и богат легендой происхождения. Возможно, в дальнейшем каждая из них будет опубликована в рамках научно-исследовательских работ о музейном фонде.

В этой публикации мы обращаемся к истории приобретения в 1988 г. частной коллекции нагрудных знаков учебных заведений СССР, используя ее как основу для небольшого текста по характеристике данного музейного собрания.

В Советском Союзе с середины 1950-х гг. и до момента его распада мощнейшим источником пополнения частных коллекций был обмен. Обменивались предметами не только в городских клубах, но и по переписке — по всей стране и за ее пределами. По переписке узнавали ближе и коллекции, и друг друга: могли в дальнейшем встретиться лично, приехать в гости.

В 1980-е гг. Абрам Львович Каплан посетил знакомого по переписке коллекционера Юрия Семеновича Тащенко, проживавшего в Волгограде. У Юрия Семеновича

имелась хорошая коллекция нагрудных знаков различных учебных заведений, знаков отличия, ведомственных знаков СССР и некоторых академических знаков других стран. Среди предметов коллекции была планшетка примерно в 30 знаков, посвященных пожарной охране. Заинтересовавшись планшеткой, Абрам Львович предложил свою помощь в дальнейшем комплектовании коллекции знаков учебных заведений в обмен на планшетку с «пожарными» знаками. Договорившись, А. Л. Каплан разрезывал и высылал в Волгоград нужные Юрию Семеновичу экземпляры. Однако через непродолжительное время пришло скорбное известие о смерти Ю. С. Ташенко. Абрам Львович оповестил семью об имевшихся договоренностях и попросил дать знать, если коллекцию решат продать.

Со временем семья Юрия Ташенко переехала в г. Чимкент (Казахская ССР), откуда и пришло Абраму Львовичу неожиданное письмо с предложением выкупить коллекцию Юрия Семеновича. Поскольку А. Л. Каплана интересовала не вся коллекция, а только часть со знаками пожарной тематики, он сообщил в челябинский музей о возможности закупа частного собрания и предложил свои услуги в его приобретении и перевозке.

В 1988 г., заручившись доверенностью музея на приобретение коллекции, Абрам Львович приехал в Чимкент к матери погибшего коллекционера. Коллекция была в полном порядке, но, к большому разочарованию Абрама Львовича, заветной планшетки в ней не оказалось — ее продали раньше одному гражданину из Москвы. Несмотря на своего рода личную неудачу, коллекция Ю. С. Ташенко была оформлена Абрамом Львовичем на закуп с соблюдением всех необходимых законодательных правил и тонкостей. В коллекции не было знаков, относящихся к Казахской ССР (Юрий Семенович не жил в Казахстане), и для Казахстана ценности данная коллекция не представляла. Однако для получения соответствующего разрешения Министерства культуры Казахской ССР пришлось ехать в Алма-Ату и объяснять, доказывать, затем снова возвращаться в Чимкент для передачи разрешительного документа в местный отдел культуры. И, наконец, снова отправиться в Алма-Ату, для того чтобы прямым авиарейсом вылететь в Челябинск и прямо из аэропорта доставить новые экспонаты в краеведческий музей.

Коллекция Ю. С. Ташенко состоит из 409 знаков, которые при оформлении на музейное хранение были условно поделены на пять тематических разделов, или групп. Каждая группа знаков имеет индивидуальный музейный номер с дробным значением для каждого предмета. Таким образом, коллекция включает в себя пять музейных номеров: ЧГКМ ОФ-5737, ЧГКМ ОФ-5738, ЧГКМ ОФ-5739, ЧГКМ ОФ-5740, ЧГКМ ОФ-5741.

Первый из рассматриваемых номеров, а именно ЧГКМ ОФ-5737, представлен группой из 80 знаков, относящихся к гражданским учебным заведениям.

Рассмотрев нормативно-правовую историю появления и утверждения знаков об окончании учебных заведений, мы можем оперировать следующими фактами: 1) советский академический знак (гражданских учебных заведений) утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1946 г. «Об учреждении нагрудного знака для лиц, окончивших государственные университеты»; 2) за основу советского знака взят образец знака императорских российских университетов конца XIX в. — вытянутый, слегка выпуклый ромб (46×26 мм), покрытый синей эмалью, с белыми эмалевыми полосками по краям, окаймленными позолоченными бортиками. Только теперь вместо навершия в виде гербового орла в центре знака располагалось накладное позолоченное изображение герба Советского Союза¹.

Позднее положение о нагрудном знаке было дополнено Приказом Министерства высшего и среднего профессионального образования СССР от 8 апреля 1961 г. № 123, по которому была введена единая форма академических нагрудных знаков, утвержден тип эмблемы учебного заведения (она располагалась в нижней части знака), установлен различный цвет эмали в центральной части знака для разных типов высших учебных заведений². До 1961 г. академические знаки изготавливались из серебра, но позднее, согласно Приказу № 123, материал был заменен на недорогой.

Из рассматриваемых 80 знаков только два изготовлены из серебра и только один относится к периоду 1946–1956 гг. Это знак об окончании государственного универси-

Слева направо: знак «За окончание Ленинградского института точной механики и оптики». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/1. ФАЛ-2189; знак «За окончание Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ленина». СССР. 1970–1980-е гг. Тип 2. ЧОКМ ОФ-5737/3. ФАЛ-2191; знак «За окончание медицинского вуза». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/21. ФАЛ-2209; знак «За окончание Института международных отношений». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/52. ФАЛ-2240

(разных лет), знаки об окончании технических, юридических, финансово-экономических, медицинских, сельскохозяйственных, физкультурных, педагогических и других высших учебных заведений.

Оставшиеся ромбовидные знаки иллюстрируют популярность обращения средних специальных и возможно даже средних учебных заведений к «университетской» форме нагрудного знака (форме ромба) при изготовлении собственного образца, а также вероятное отсутствие строгого регламента в отношении изготовления и ношения подобных знаков отличия. Насколько «официальными» были ромбовидные зна-

Слева направо: знак «За окончание автомобильного техникума». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/63. ФАЛ-2251; знак «За окончание Куйбышевского индустриального техникума». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/61. ФАЛ-2249

кета СССР образца 1946 г. (16 лент на гербе). Остальные знаки, за редким исключением, представляют временной пласт 1960–1980-х гг. Практически все знаки рассматриваемого номера ОФ-5737 (а точнее, 71 единица) имеют форму ромба, утвержденную для знаков высших учебных заведений Советского Союза. При этом к высшим учебным заведениям СССР относятся только 52 из них.

Знаки высших учебных заведений СССР представлены довольно интересной и информативной подборкой образцов. Это знаки хорошей сохранности и высокого качества исполнения, соединяющие единую, общеутвержденную форму академического знака с индивидуальными элементами учебного заведения. Присутствуют знаки выпускника государственного вуза

ки училищ и техникумов для своих учебных заведений, тоже вопрос открытый, поскольку подобная форма знака вполне могла быть утверждена отдельными приказами на местном административном уровне.

Нельзя не отметить в рассматриваемой группе восемь знаков, выдававшихся за окончание техникумов. Данные знаки имеют «правильную» шестиугольную, то есть «официальную» форму, официально закрепленный Приказом Министерства образования СССР 1966 г. цвет эмали и эмблему, определяющую тип учебного заведения.

Выполненные, как правило, на монетном дворе «официальные» знаки и средних специальных, и высших учебных заведений, выигрывают в качестве исполнения. И как объекты для изучения фалеристики в системе образования, и как предметы коллекционирования представляют обычно более высокий интерес нежели «неофициальные» варианты.

Следующий номер — ЧГКМ ОФ-5738 — принадлежит группе из 46 нагрудных знаков за окончание военных академий, институтов и училищ СССР.

Знаки за окончание высших военных учебных заведений тоже имели форму вытянутого ромба размером 46×26 мм, но и некоторые отличия по внешнему виду. Знак был покрыт белой (для выпускников академий) или светло-синей (институты, высшие училища и пр.) эмалью с окантовкой по краям металлическим пояском. В центре знака располагалась пятиконечная звезда, покрытая красной эмалью, с позолоченным гербом Советского Союза поверх нее. Знак изготавливался из серебра (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1950 г., Приказ министра обороны СССР от 29 января 1951 г. № 12)³. Первоначально под звездой на знаке располагался серебряный щиток с выгравированным сокращенным наименованием академии, но Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1957 г. данный элемент был отменен. Следующие изменения произошли в 1960 г., когда, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1960 г., знаки для лиц, окончивших военные академии, стали изготавливаться не из серебра, а из нейзильбера (герб СССР — из томпака)⁴.

Эта часть коллекции самая малочисленная и при этом самая спорная. Несмотря на существование Указов Президиума Верховного Совета СССР разных лет, в действительности кажется, что строгого отслеживания выдачи и ношения академических военных знаков также не происходило. При взгляде на данный раздел имеющейся коллекции возникает множество вопросов. Из 46 предметов 35 — «белые ромбы». Знак в форме ромба, покрытый эмалью белого цвета, выдавался только выпускникам военных академий. Из 35 изучаемых знаков военными академиями представлены только тринадцать. Остальные знаки, согласно имеющемуся на них именному щитку, принадлежат высшим военным училищам и институтам, для которых официальный цвет знака должен быть светло-синим. Остается предположить, что данная часть коллекции Ю. С. Тащенко является иллюстрацией масштабной самостоятельности выпускников военных учебных заведений советских лет и престижа «белого ромба» в их рядах.

Кроме того, все 46 знаков изготовлены из недрагоценного металла, а значит, выполнены после 1960 г. Имеющиеся на подавляющем большинстве изучаемых знаков щитки с названием учреждения, отмененные в 1957 г., также

Слева направо: знак «За окончание педагогического техникума». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/13. ФАЛ-2201; знак «За окончание музыкального техникума». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/38. ФАЛ-2226; знак «За окончание речного техникума». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5737/40. ФАЛ-2228

Слева направо: знак «За окончание Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского». СССР. 1960–1980-е гг. ЧОКМ ОФ-5738/8. ФАЛ-2276; знак «За окончание Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5738/26. ФАЛ-2294; знак «За окончание Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища». СССР. 1960–1980-е гг. ЧОКМ ОФ-5738/13. ФАЛ-2281

Слева направо: знак «За окончание Куйбышевского авиационного института». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/53.

ФАЛ-2689; знак «За окончание Красноярского летного училища гражданской авиации». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/55. ФАЛ-2691; знак «За окончание Славянского авиационно-технического училища гражданской авиации». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/56. ФАЛ-2692

на знаками об окончании летных училищ и нескольких высших учебных заведений ВВС СССР. Соответственно не все из этих знаков выполнены в классической форме ромба: три из них имеют форму шестиугольника, форма восьми знаков соединяет в себе верх ромба и низ шестиугольника, один ромб имеет усеченный нижний край.

Слева направо: знак «10 лет службы в Государственной лесной охране СССР». СССР. 1940–1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/64. ФАЛ-2700; знак «20 лет службы в Государственной лесной охране СССР». СССР. 1940–1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/65. ФАЛ-2701; знак «30 лет службы в Государственной лесной охране СССР». СССР. 1940–1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/66. ФАЛ-2702

свидетельствуют скорее о «вольном» изготовлении знаков по частному заказу. В военных академиях, как известно, могли выдавать уже не серебряные знаки, но еще со щитками (с шильдиками) и много лет после 1960 г. Тем не менее недргоценный знак об окончании военной академии, повторяющий внешне серебряный знак образца 1951 г., нельзя с полной уверенностью причислить к официальному выпуску.

Продолжают тему учебных заведений военного и армейского профиля группы знаков под музейными номерами ЧГКМ ОФ-5740 и ЧГКМ ОФ-5741.

Комплекс под номером ЧГКМ ОФ-5741 можно отнести к одному из самых разнообразных. Он состоит из 76 знаков в основном 1960–1970-х гг., из которых большая часть (29 единиц) представлена Официальный знак выпускников средних военных учебных заведений СССР имел овальную форму и в целом другое исполнение⁵. В изучаемой «подгруппе» таких знаков нет, но вновь есть «неофициальные» ромбики, которые в индивидуальном порядке могли заказать себе целые подразделения и носить вместо «официального» знака. Здесь можно заметить, что «неофициальные» знаки разных летных и летно-технических учебных заведений СССР (как и военно-морских) довольно схожи и даже однотипны в связи с использованием в оформлении традиционной авиационной символики.

Небольшая часть знаков под номером ЧГКМ ОФ-5741 относится к учебным заведениям МВД периода 1960–1980-х гг. — девять ромбов и два шестиугольника Таллинской средней специальной школы милиции. Знаки МВД условно можно поделить на более ранние (1960–1970-х гг.) и поздние (1970–1980-х гг.). Различие по времени изготовления заметно по ма-

териалу, технике и качеству художественного оформления. Более ранние знаки, выполненные из тяжелых металлов в технике горячей эмали, отличаются более высоким художественным уровнем дизайна и исполнения.

Высокое качество исполнения отличается также три советских знака из группы под этим музейным номером, не относящихся к академическим, но выполненным в форме ромба. Это знаки за 10, 20 и 30 лет службы в Государственной лесной охране СССР (тяжелый металл, горячая эмаль, винт).

Кроме вышеперечисленных рассматриваемая группа представлена также некоторыми знаками об окончании военных учебных заведений социалистических стран: Венгрии, Монголии, Кубы, Польши. Эти знаки, как правило, изготавливались на заказ на монетных дворах и других предприятиях СССР по образцу советского академического знака — в форме ромба. Для иностранных учебных заведений также изготавливали знаки и в форме шестиугольника.

В этой же группе оказались знаки выпускников Университета марксизма-ленинизма, у которых существовало несколько вариантов исполнения. В изучаемом комплексе данный знак представлен в девяти вариантах, основное различие которых связано с цветом эмали и отсутствием / наличием герба СССР в верхней части знака.

Завершим характеристику группы под номером ЧГКМ ОФ-5741 описанием знаков об окончании Суворовского училища (их 10 единиц). Суворовские и нахимовские училища с 1958 г. имели «официальные» знаки выпускника в виде венка с наложенной на него звездой. В нижней части венка на красной эмалевой ленте указывалось название училища⁶. В группе под данным номером имеются «официальные» знаки 1950–1960-х гг. выпускников Киевского, Свердловского, Калининского, Минского, Казанского, Уссурийского, Ленинградского, Московского суворовских училищ и училищ без определения, а также знак выпускника Нахимовского военно-морского училища.

Возможно, одним из самых интересных разделов коллекции, с точки зрения исполнения и тематики, являются знаки, оформленные под музейным номером ЧГКМ ОФ-5740. Группа состоит из 83 знаков. Большая часть из 64 единиц — это знаки выпускников военно-морских учебных заведений СССР в основном 1960–1970-х гг. Все 64 знака выполнены в форме ромба. При этом к высшим учебным заведениям можно отнести только 11 из них. Знаки представляют мореходные училища Риги, Таллина, Баку, Калининграда, Мурманска и других городов (некоторые имеют несколько вариантов исполнения), есть знаки училищ водного транспорта и др. Можно сказать, что рассматриваемые «неофициальные» знаки этой группы отличаются хорошим качеством изготовления. Почти все они выполнены на профессиональном уровне с использованием традиционной символики ВМФ СССР в виде накладных элементов и покрыты горячей эмалью разных цветов.

Слева направо: знак «За окончание Свердловского Суворовского военного училища». СССР. 1950–1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/68. ФАЛ-2704; знак «За окончание Казанского Суворовского военного училища». СССР. 1950–1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5741/71. ФАЛ-2707

Слева направо: знак «За окончание Одесского института инженеров морского флота». СССР. 1965–1967 гг. ЧОКМ ОФ-5740/34. ФАЛ-2499; знак «За окончание Дальневосточного мореходного училища». СССР. 1960–1970-е гг. ЧОКМ ОФ-5740/54. ФАЛ-2519; знак «За окончание Амурского училища водного транспорта». СССР. 1960-е гг. ЧОКМ ОФ-5740/8. ФАЛ-2473

Слева направо: знак «Отличный повар». СССР. 1943–1957 гг. ЧОКМ ОФ-5740/68. ФАЛ-2533; знак «Отличный торпедист». СССР. 1942–1957 гг. ЧОКМ ОФ-5740/65. ФАЛ-2530; знак «Отличник желдорской». СССР. 1943–1957 гг. ЧОКМ ОФ-5740/73. ФАЛ-2538

это уже поздний алюминиевый знак 1970–1980-х гг. Из всех «отличников» только эту специальность не отменили в 1957 г. Остальные же были заменены тремя обобщенными вариантами: «Отличник Советской армии», «Отличник Военно-Воздушных Сил» и «Отличник Военно-Морского флота»⁷.

Знаки, которые фигурируют под уже упомянутым музейным номером ЧГКМ ОФ-5739, составляют самую многочисленную и, пожалуй, самую «пеструю» группу, объединенную военно-армейской тематикой. В комплекс из 124 единиц входят знаки выпускников военных училищ, знаки специалистов и знаки классности различных родов войск, знаки парашютистов и др.

Овальные знаки выпускников военных училищ, учрежденные Приказом военного министра СССР от 21 декабря 1950 г. № 231, несколько меняли свой облик в 1954 и 1958 гг. Один из знаков выпускников военных училищ, с аббревиатурой «ВУ» и гербом Советского Союза в центре лицевой стороны, относится к более поздним годам выпуска (после 1958). Остальные «училищные» знаки являются образцами более ранних вариантов с изображением эмблемы рода войск. Две трети таких знаков относятся к 1950–1954 гг. и представляют более высокий коллекционный интерес и, соответственно, имеют более высокую стоимость.

Знаки парашютистов имеют несколько вариантов наименований: «Парашютист Вооруженных Сил СССР», «Инструктор-парашютист Вооруженных Сил СССР» и «Парашютист-отличник Вооруженных Сил СССР» 1950-х, 1960-х и 1980-х гг.

Кроме знаков классности Вооруженных Сил СССР почти всех существовавших в 1950–1960-е гг. разновидностей представлены знаки специальностей и квалификации ВВС; знаки летчиков гражданской авиации; все три знака «сверхсрочников» 1950–1960-х гг.; знак «Командир подводной лодки» и более редкий знак 1938–1941 гг.

Слева направо: знак «За окончание автомобильного училища. Выпуск 1949 г.». СССР. 1950–1954 гг. ЧОКМ ОФ-5739/23. ФАЛ-2337; знак «За окончание артиллерийского училища. Выпуск 1953 г.». СССР. 1953 г. ЧОКМ ОФ-5739/3. ФАЛ-2317; знак «За окончание мотострелкового училища». СССР. 1954–1958 гг. ЧОКМ ОФ-5739/22. ФАЛ-2336

Вторая, малая часть изучаемой группы представлена знаками отличия армейских специальностей. Из 27 существующих разновидностей знаков, действовавших с 1942 по 1957 г., в коллекции представлены 18. Многие из них можно отнести к знакам более раннего типа, в том числе более редкий относительно других знак «Отличный повар».

Знак одной из отсутствующих здесь разновидностей — «Отличный пожарник» — имеется в группе под номером ЧГКМ ОФ-5739, но

«Авиационный техник военных авиационно-технических училищ ВВС РККА»; а также знаки классности Вооруженных сил Чехословакии, Румынии, Болгарии, ГДР и польские знаки «Отличный солдат», собранные, как и остальные, по степеням.

В целом коллекция представлена качественными и информативными предметами, прекрасно демонстрирующими достаточно популярные, масштабные и разнообразные направления советской фалеристики.

В связи с существованием некоторых «свобод» в дизайне при изготовлении академических знаков

и отсутствием аналогов остаются единичные образцы, аббревиатуры или другие элементы которых пока не удалось расшифровать. Эти знаки нуждаются в дальнейшей исследовательской работе и дополнительной атрибуции на предмет причастности к конкретному учебному заведению. Заметная популярность неофициальных академических знаков СССР также говорит о необходимости изучать, систематизировать, каталогизировать это явление культуры.

Знаки каждой из представленных здесь групп под пятью музейными номерами — отдельное направление фалеристики, дополняющее историко-культурный аспект ее развития, и подход к их изучению требуется более детальный и обстоятельный.

Общая информация об истории возникновения и развития академических нагрудных знаков имеется в свободном доступе и в различных вариантах в сети Интернет (форумы, электронные каталоги с минимальными данными, небольшие статьи). Однако литература, посвященная исследованиям академических нагрудных знаков (в том числе каталоги) малочисленна, представлена единичными работами («Аверс № 8» В. Д. Кривцова, каталог В. Сидорова «Знаки вузов СССР», каталог П. А. Кузнецова «Знаки высших учебных заведений СССР», статьи А. Г. Стацеры). Из работ, посвященных «неофициальным» академическим знакам, пока встретилась только одна — каталог В. И. Тамакова.

Сегодня, как и раньше, при отсутствии каталогов и справочников на помощь приходит обмен знаниями на самых различных офлайн- и онлайн-площадках. Возможно, в вопросе изучения рассмотренного собрания наиболее продуктивно будет вновь обратиться к коллекционерам как к знатокам, увлеченно собирающим любую информацию о предмете.

Отметим, что в качестве источника изучения культурного наследия важна любая коллекция. Но в большей степени та, которая доступна для ознакомления и работы. Поэтому, завершая текст, хочется напомнить о большой роли тех, кто способствует передаче коллекций в музей. Деятельность сотрудников, сдатчиков (в том числе коллекционеров), участвующих в формировании фондов, является «отправной точкой» любого музейного исследования.

Знак «Авиационный техник военных авиационно-технических училищ ВВС РККА». СССР. 1938–1941 гг. ЧОКМ ОФ-5739/64. ФАЛ-2378

Примечания

¹ Стацера А. Г. Фалеристика в системе образования: академические нагрудные знаки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 1 (3). С. 70.

² Приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 8 апреля 1961 г. № 123 «О введении нагрудных академических знаков для окончивших советские высшие учебные заведения» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик : сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5674.htm (дата обращения: 30.05.2022).

³ Нагрудный знак для лиц, окончивших высшие военно-учебные заведения СССР // Ордена, медали и нагрудные знаки Российской империи, СССР и Российской Федерации : сайт. URL: http://cris9.auers.ru/ussr_va.htm (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ Там же.

⁵ Кривцов В. Д. Аверс № 8 : кат.-определитель совет. знаков и жетонов 1917–1980 гг. М., 2008. С. 483.

⁶ Там же. С. 486–487.

⁷ Там же. С. 427.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Паломничество — это путешествие верующих с целью поклонения особо почитаемым святыням. В христианском мире паломничества стали осуществляться с IV в. В это время появлялись путеводители по Палестине и описания подобных путешествий. С XI в. на Руси формируются несколько паломнических маршрутов: в Палестину, Константинополь и на Афон. В XIX в. был отмечен рост русского паломничества в Палестину. Если «в конце XVIII века ежегодное число русских паломников в Иерусалим редко превосходило несколько десятков, то в 1820 году оно уже доходило до 200, в 1840-х годах — до 400, в 1859 году — до 950, в 1869 году — до 2035, в 1889 году — 3817, в 1896 году — 4852 человек»¹. В исламе паломничество в Мекку и Медину (хадж) «на поклонение священной Каабе, главному святилищу мусульман, составляет непрременную обязанность мусульманина. Каждый мусульманин обязан хотя бы один раз в жизни совершить хадж»². На рубеже XIX–XX вв. из Российской империи в хадж выезжали примерно от 5 до 10 тыс. российских мусульман³.

Паломничество по святым местам, по словам исследовательницы духовной жизни Оренбургской губернии Е. Д. Королевой, — один из важных показателей состояния народной веры, так как «духовные путешествия являются проявлением стремления верующего человека приобщиться известным святыням и желанием сугубого подвига странничества, поста и молитвы»⁴. Православные жители Оренбургской губернии путешествовали в местные монастыри, а также на соленые источники к Табынской иконе, к мощам праведного Симеона в Верхотурский Свято-Николаевский монастырь, в Ново-Тихвинский женский монастырь в Екатеринбурге, в Саровскую обитель Нижегородской губернии, в Киево-Печерскую лавру и, конечно, в Иерусалим, а мужчины еще и на Афон. «Паломники из Оренбургской, Уфимской, Пермской и Тобольской губерний, идущие в Верхотурье, считали священным долгом зайти в Успенский монастырь в Шадринском уезде поклониться могиле преподобного Далмата. Хотя святой канонизирован только в 1994 г., его народное почитание было довольно распространено»⁵. Группы мусульман Оренбургской губернии ежегодно совершали хадж.

Паломничество как духовно-историческое явление создало особую культуру и предметно-художественное наследие. История и культура православного паломничества представлены разнообразными предметами, такими как почитаемые иконы Иисуса Христа, Богородицы и святых; изображения святых мест христианского мира на открытках и фотографиях; описания паломничеств в рукописных и печатных книгах. В фондах Государственного исторического музея Южного Урала имеются паломнические предметы, которые можно отнести к раритетам в коллекции культовых предметов музея. Предметы православного искусства привезены из Палестины, с Афона, из Верхотурья в конце XIX — начале XX в. Их появление на Южном Урале связано с интересными историями и яркими личностями.

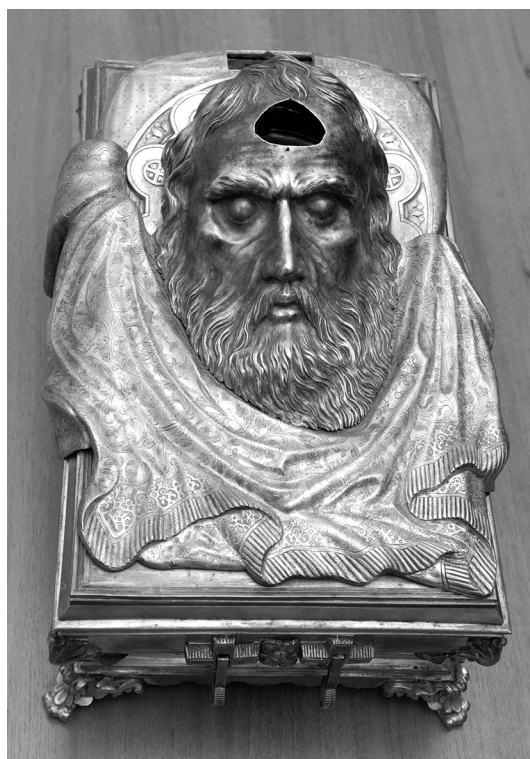
В 1884 г. настоятель Свято-Троицкой церкви Челябинска протоиерей Иоанн Днепровский привез в город частички мощей апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеймона. Святыни были пожертвованы иноками Андреевского скита Святой горы Афон Свято-Троицкому храму в вечное владение⁶. Паломничество отца Иоанна Днепровского имеет интересную предысторию.

Несколько слов о самом священнике, оказавшем влияние на духовную жизнь Челябинска. Иоанн Петрович Днепровский был сыном диакона. Образование получил в Уфимской духовной семинарии. По окончании курса в 1850 г. епископом Оренбургским и Уфимским Иосифом рукоположен в священники Свято-Троицкой церкви с. Сухоборского Челябинского уезда. В апреле 1856 г. переведен на старшее священническое место в Кусинский завод Златоустовского уезда; 17 ноября 1860 г. — на священническое место в Челябинский Одигитриевский женский монастырь; 28 марта 1863 г. — священником в Свято-Троицкую церковь Челябинска, где и служил до кончины. Отец Иоанн бесплатно преподавал Закон Божий и русский язык в женском училище при Челябинском Одигитриевском женском монастыре; в продолжение 23 лет (с 1875) состоял духовником Челябинского священства; в 1887 г. был избран противораскольническим миссионером по Челябинскому благочинию. За период службы о. Иоанн Днепровский был награжден скуфьей, камилавкой, набедренником, наперсным крестом в память Крымской войны, золотым наперсным крестом от Святейшего синода. 11 июля 1895 г. он был возведен в сан протоиерея⁷.

После смерти супруги о. Иоанн хотел стать монахом, но не мог осуществить свое желание: не на кого было оставить двух дочерей, одна из которых была тяжело больна. Тогда священник решил вести жизнь, приближенную к иноческой. Остались воспоминания священника Феодора Альбокринова об удивительном даре нестяжательства и проповеди у иерея Иоанна: «В наше время может показаться невероятным, но это факт: отец Иоанн никогда не считал денег, не имел их на руках и не расходовал их... При требоисполнении не назначал платы, если плата вручалась ему лично, то он тут же, не рассматривая полученного, передавал кому-либо из членов причта. За такое бескорыстие прихожане называли его бессребреником. И он действительно был бессребреник, человек не от мира сего». К тому же, по словам священника Феодора Альбокринова, о. Иоанн был великолепным проповедником. Его проповеди и беседы «производили на слушателей сильное впечатление». Говорил всегда устно, без тетради, притом языком простым и доступным для понимания. Его проповеди были изданы в 1889 г. Свято-Андреевским скитом на Афоне под заглавием «Поучения Оренбургской епархии Челябинского Троицкого прихода настоятеля, священника Иоанна Днепровского»⁸.

Особенно о. Иоанн любил монашеский Афон. В 1880 г. во время пребывания афонских святых в Челябинске произошло чудо — исцеление от болезни дочери о. Иоанна Днепровского Марии, о чем было написано Свято-Андреевским скитом на Афоне: «О благодатном исцелении, совершившемся в городе Челябине пред Афонскою чудотворною иконою Божией Матери — Утешение в скорбех и печалех». С этого времени его дом всегда был открыт для афонских иноков, посещавших Челябинск во время привоза в Россию афонских святых. Сам же Иоанн Днепровский в 1884 г. совершил паломничество в Иерусалим и на Афон. Афонские иноки оказали ему сердечный прием и одарили его копией чудотворной иконы Божией Матери «Иверская» с частицами мощей и другими священными предметами, среди которых были частицы мощей апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеймона Целителя⁹.

Для мощей был специально изготовлен ковчег, который находился (до 1929) в алтаре

Ковчег для частиц мощей святых апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеймона Целителя. Вид сверху. Конец XIX в. Находился в Свято-Троицком храме Челябинска. С 1929 г. в Государственном историческом музее Южного Урала

челябинской Свято-Троицкой церкви. Клеймо на ковчеге позволяет датировать его последней четвертью XIX в. и определить место изготовления — Санкт-Петербург. В Объединенном государственном архиве Челябинской области сохранилась опись имущества Свято-Троицкой церкви за 1891 г. В ней зафиксировано, что в алтаре храма «находится медный позлащенный киот с серебряно-чеканной работы главою Апостола Андрея Первозванного. В этом киоте находятся части Святых Мощей: в челе серебряной главы вложены части черепа Святого Апостола Андрея Первозванного, а позади серебряной главы, в особом небольшом медно-позлащенном ковчезце, вкладывающемся в киот, находится часть Святых мощей Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона. Святыня пожертвована местной церкви в вечное владение в 1884 году Свято-Андреевским скитом, находящемся на Святой горе Афонской. На сию святыню имеется свидетельство от Андреевского скита, которое хранится в Оренбургской духовной консистории»¹⁰. Ковчег для мощей относится к произведениям русского искусства конца XIX в.

Как повествуется в некрологе, скончался о. Иоанн на 73-м году жизни, проболев четыре месяца (в терминологии XIX в. его диагноз звучал как «сужение пищевого канала»). Скончался о. Иоанн на Светлой седмице, причастившись всего за три часа до смерти. Умиравший, находясь в полном сознании, испросил у всех себе прощение и сам всех простил, сказав: «Я всех прощаю и благословляю». «Со словами: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и защити меня!” — отец Иоанн повернулся лицом к переднему углу, взглянул на Святые Иконы и — испустил дух...» Был похоронен на территории Челябинского Одигитриевского женского монастыря с правой стороны алтаря Вознесенской церкви. По словам священника Феодора Альбокринова, в проходах усопшего протоиерея принял участие почти весь город. Даже старообрядцы, с которыми проводил беседы о. Иоанн как миссионер, пришли попрощаться с ним. Прихожане Свято-Троицкой церкви говорили: «Закатилось наше солнце красное... Лишились мы отца родного... Нескоро наживем такого пастыря...»¹¹

История ковчега со святыми мощами, привезенными отцом Иоанном Днепровским с Афона, имела драматическое продолжение в XX в. В 1929 г. Свято-Троицкий храм был закрыт и церковное имущество конфисковано. В книге поступлений в фонды музея зафиксировано (запись от 13 ноября 1929), что ковчег передан в дар музею окружкомом ВКП(б) через старосту окружных антирелигиозных курсов П. Я. Шахова, жителя Челябинска. В 1929 г. в здании музея состоялась выставка, на которой экспонировался ковчег в разобранном виде¹². С 1930-х гг. ковчег находился в фондах музея. Мощи считались утраченными. В 2008 г. стало известно, что частицы святых мощей апостола Андрея Первозванного были вывезены из Челябинска и хранились в монастыре, в Свято-Троицкой Сергиевой лавре (Москва). Патриархом Московским и всея Руси Алексием II было дано разрешение на их возвращение в Челябинск. Из лавры ковчег с мощами отправился в наш город 3 сентября 2008 г. По пути следования мощи выставлялись на поклонение верующих в храмах Владимира, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Казани, Набережных Челнов, Уфы. Торжественная встреча в Челябинске состоялась 24 сентября 2008 г.¹³ Так спустя 79 лет в Свято-Троицкий храм возвратилась его чтимая святыня, а ковчег с серебряной главой апостола Андрея Первозванного занял свое место в экспозиционном пространстве музея — в разделе «История православия на Южном Урале».

В России особенно ценились иконы, написанные в монастырях Афона. Афон — одно из наиболее почитаемых мест православного мира, полуостров на территории современной Греции. Первые монашеские скиты появились здесь в VIII в.¹⁴

В Государственном историческом музее Южного Урала хранятся три иконы, написанные в Русском монастыре святого великомученика и святителя Пантелеймона на Афоне. Первая из них — икона Божией Матери «Иверская». Об этом свидетельствует надпись на оборотной стороне иконы: «Икона Сія писана и освящена на св. горе Афонской въ русском св. Великомученика и Целителя Пантелеймона Монастыре, от коего и послана въ благословение Христолюбивым жителямъ въ благодатную помощь, покровъ и заступленіе всемъ съ верою и любовію прибегающимъ къ Всеблагой Владычице міра и умильно молящимся къ Ней предъ пречистымъ предъ Ея образомъ. 18__г».

Известно, что в Челябинске в конце XIX — начале XX в. находились две Иверские иконы с Афона. Одна — в Одигитриевском женском монастыре, другая — в ка-

бинете священника Свято-Троицкой церкви Иоанна Днепровского. Афонские монахи подарили ему икону во время его паломнической поездки на Афон в 1880-х гг. Эти образы очень почитались в Челябинске более чем сто лет тому назад. Значительный размер иконы (106×69,3 см), находящейся в фондах музея, свидетельствует о том, что перед нами храмовый образ. Обратимся к истории появления Иверской иконы Божией Матери в Челябинском Одигитриевском женском монастыре.

По словам делопроизводительницы монастыря Раисы Будриной, афонская икона Божией матери «Иверская» «бесценное приобретение монастыря, драгоценная святыня», которая «глубоко почитается не только обителем, но и гражданами». В 1881 г. по ходатайству игуменьи Рафаилы список чудотворной иконы Иверской Божией Матери принесен с Афона. Образ торжественно встречен обителем и городом. Помещена икона в Вознесенской церкви монастыря¹⁵.

Вскоре после установления в Челябинске советской власти газета «Советская правда» 23 марта 1921 г. опубликовала постановление о закрытии монастыря (Постановление Президиума Челябинского губисполкома № 351а). 4 апреля 1922 г. состоялась процедура изъятия церковных ценностей. Она проходила в присутствии игуменьи Анастасии и протоиерея Антония Альбокринова¹⁶. 13 октября 1926 г. было вынесено решение горсовета о закрытии Вознесенской церкви, а 19 октября того же года аналогичное решение принял Президиум горисполкома¹⁷. Вероятно, в ходе этих событий — в настоящее время точная дата поступления иконы неизвестна — афонский образ Божией Матери «Иверская» оказался в фондах музея, в коллекции «Иконопись». В самой ранней книге поступлений, за 1923–1924 гг., есть несколько сообщений о массовом поступлении икон из закрытых челябинских церквей в фонды музея по распоряжению Челябинского окрисполкома. В 2007 г. икона заняла свое место в экспозиционном пространстве — в разделе «История православия на Южном Урале».

Помимо Иверской иконы Божией Матери в фондах музея имеются еще два образа, написанных в Русском монастыре святого великомученика и святителя Пантелеимона на Афоне — это икона Божией Матери «Взыскание погибших» и образ святого преподобного иеродиакона Анастасия Печерского и Ангела-хранителя.

Икона Божией Матери «Взыскание погибших» относится к ранним поступлениям в

Икона Божией Матери «Иверская». Выполнена в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне (Греция). Вторая половина XIX в. Фонды Государственного исторического музея Южного Урала

Икона Божией Матери «Взыскание погибших». Выполнена в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне (Греция). 1904 г. Фонды Государственного исторического музея Южного Урала

Икона «Святой преподобный Анастасий Печерский и Ангел Хранитель». Выполнена в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на Афоне (Греция). Конец XIX — начало XX в. Фонды Государственного исторического музея Южного Урала

музей. Написана в Русском монастыре святого великомученика и святителя Пантелеимона на Афоне в 1904 г., о чем говорит надпись на оборотной стороне. Икона, скорее всего, храмовая, ее размер 71,5×52,5 см.

Третья афонская икона, на которой изображены святой преподобный иеродиакон Анастасий Печерский и Ангел-хранитель, заставляет задуматься о ее владельце. По персонажам, изображенным на иконе, можно сказать, что это домашний образ. Традиция изображать вместе небесных покровителей семьи известна в православии. Подобные иконы являются семейными реликвиями. Данная икона не относится к этому типу, а является персональной, созданной для конкретного человека, рядом с которым изображен его Ангел-хранитель, небесный покровитель. Икона довольно крупная (71×35,4 см), на оборотной стороне есть подпись с благословением Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря. Само имя Анастасий не характерно для мирян, оно относится к монашеским. Остается только догадываться, кто был этот человек, для которого на Афоне написали подобную икону. В своих воспоминаниях крестьянин дер. Чистой Челябинского уезда Александр Иванович Брюхов (1880-е — 1965; после 1929 г. проживал в Челябинске, был известен в церковных кругах)¹⁸ говорил о почитаемом в Челябинском уезде старце-монахе Анастасии. В 1904–1905 гг. этот старец организовал мужской монашеский скит в окрестностях Челябинска, который вскоре был закрыт епархиальной властью¹⁹. Старец Анастасий был частым гостем в доме Александра Брюхова, он благословил его в 1911 г. на путеше-

ствие по святым местам — на Афон и в Палестину. Об этой поездке Александр Брюхов оставил воспоминания, которые были опубликованы в 1998 и 2000 гг. в епархиальном журнале «Симеоновская горка»²⁰. Может ли афонская икона с изображением святого Анастасия и Ангела-хранителя принадлежать именно этому монаху — вопрос открытый и требует дальнейших исследований.

В фондах музея хранится предмет, связанный и с паломничеством в Палестину. Это панагия на резной цепи. Выполнена она из перламутра овальной формы, лицевая часть чуть выгнута. На лицевой стороне в центре в овале — рельефный рисунок Воскресения Христова. По периметру — прорезной растительный орнамент. Верхняя часть панагии подвижна, имеет форму короны. Цепь состоит из чередующихся овальных звеньев. В XIX в. центрами производства перламутровых христианских реликвий являлись Иерусалим и Вифлеем. Это преимущественно евлогии (в переводе с греческого — «благословение») — предметы, призванные напоминать христианину о посещении им святых мест. Они изготовлялись массово и рассчитывались на паломников самого разного благосостояния. Наиболее эффектными признавались иконы с резными изображениями на выпуклой стороне²¹, как мы видим в данном случае. Известна история иконы. 23 марта 1927 г. в музей поступил этот предмет в дар от Владимира Ивановича Шишечкина, лаборанта Челябинской хлебной станции. Ему этот образ подарил некий С. А. Слободкин, бывший в 1914 г. в Иерусалиме и привезший этот раритет.

Одними из самых распространенных паломнических предметов были открытки с изображением святых мест. В фондах музея хранятся несколько экземпляров таких открыток. Одна из них имеет драматическую историю. Это стереооткрытка начала XX в. с изображением церкви Св. Иакова в Иерусалиме. Она принадлежала Адаму Антоновичу Рейнеру, немцу по национальности. Он с семьей жил в Полесской (Гомельской) области. До революции Адам Антонович посетил Иерусалим. В 1938 г. семья переехала в Кобринский район Брестской области. Во время строительства укрепрайона Брестской области (1939) была раскулачена. Родители расстреляны, дети поселились в семье родственницы. После окончания Великой Отечественной войны в 1946 г. семья переехала в Челябинск. Адам Антонович и его супруга в 1960-е гг. были реабилитированы.

Помимо дальних паломнических поездок южноуральцы совершали путешествия и по святым местам Урала. В фондах музея сохранился характерный для таких поездок предмет — флакон (елейница) для освященного масла от лампы над мощами святого праведного Симеона Верхотурского. Масло раздавали паломникам, посещавшим Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь, где хранятся мощи святого праведного Симеона Верхотурского, почитавшегося православными покровителем Уральской земли. Это флакон (общая высота 7 см) из зеленоватого стекла с объемным узнаваемым изображением святого Симеона Верхотурского. Предмет найден в результате исследования культурного слоя г. Челябинска на территории современного здания по ул. Труда, 61. Относится к концу XIX — началу XX в.

Помимо раритетов православного паломничества в музее хранится интересный предмет, связанный с мусульманским хаджем, — сютра — четырехугольный черный плат с вытканной надписью на арабском языке. Черная ткань обшита вручную темно-коричневой, к верхнему краю пришита петля, для того чтобы повесить ее на стену. Датируется концом XIX — началом XX в. Сютра относится к ранним поступлениям в фонды музея. Информация о сдатчике не сохранилась. Известно, что этот предмет, привезенный из паломничества (хаджа), — часть покрывала с Каабы (Мекка). Кааба — мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам в Мекке. Это одно из основных мест, собирающее, согласно кораническим предписаниям, паломников во время хаджа. Кааба покрывается кисвой — черным покрывалом из натурального шелка с вышитыми на нем золотом в верхней части кораническими изречениями. Покрывало ежегодно меняют. Старую кисву разрезают на лоскутки и раздают паломникам. Сютра размещена в разделе экспозиции, посвященной истории ислама на Южном Урале.

Музейные предметы, связанные с паломничеством, знакомят нас с особенностями культуры Южного Урала и с персоналиями, оставившими след в духовной истории региона, а также являются раритетами коллекции культовых предметов в фондах Государственного исторического музея Южного Урала.

Панагия «Воскресение Христово». Палестина, начало XX в. Фонды Государственного исторического музея Южного Урала

Примечания

- ¹ Паломничество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 22а. С. 643–645.
- ² *Веселовский Н. И.* Хадж // Там же. СПб., 1902. Т. 36а. С. 951–952.
- ³ *Нуриманов И.* Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Издательский дом «Медина»: сайт. URL: http://idmedina.ru/books/history_culture/hadji/1/nurimanov.htm (дата обращения: 15.08.2022).
- ⁴ *Королева Е. Д.* Церковно-общественная жизнь православного населения Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. С. 105.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 12. Л. 103 об.
- ⁷ Там же. Ф. И-226. Оп. 3. Д. 231. Л. 38 об. — 39 об.
- ⁸ *Альбокринов Ф.* Протоиерей отец Иоанн Петрович Днепровский (некролог) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. № 16. С. 616–624.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 12. Л. 103 об.
- ¹¹ *Альбокринов Ф.* Указ. соч. С. 625–626.
- ¹² Развенчанные мощи // Челябинский рабочий. 1929. 5 окт.
- ¹³ От Афона до Челябинска: история ковчега со святыми мощами апостола Андрея Первозванного и великомученика Пантелеямона / сост. Е. М. Есикова. Челябинск, 2007. С. 34–42.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Будрина Р.* Челябинский Одигитриевский женский монастырь. М., 1904. С. 29.
- ¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 32.
- ¹⁸ Брюхов Александр Иванович // Челябинский Синодик. 1917–2012. Духовенство и церковные деятели / сост.: А. Г. Щегольков, А. В. Косарев. Челябинск, 2013. С. 303.
- ¹⁹ *Скоринов А. И.* К истории Челябинского мужского скита // Исторические чтения : материалы науч. конференций. Вып. 7–8 / сост.: Э. Б. Дружинина, И. А. Казанцев. Челябинск, 2004. С. 79–82.
- ²⁰ Паломничество во святой град Иерусалим // Симеоновская горка. 1998. № 1. С. 6–32 ; 2000. №2. С. 6–31.
- ²¹ Паломнические реликвии из перламутра XVIII–XIX вв. в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2011. С. 5–8 ; Перламутровое чудо // Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник : сайт. URL: <https://yarkremlin.ru/visitors/virtualnyy-vizit/perlamutrovoe-chudo/> (дата обращения: 04.07.2022).

Секция 3

**«В ногу со временем»:
современные технологии и опыт
их применения в музейной практике**

ИНСТАЛЛЯЦИЯ ВОСПОМИНАНИЙ, ИЛИ ПОЭТИКА ТЕКСТА В ЭКСПОЗИЦИИ

В 1974 г. швейцарский куратор Х. Зеeman в бывшей квартире своего деда, которая долгое время была и его собственным домом, открыл выставку «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы». Отказавшись от практики беспристрастного анализа биографии, он предпринял поиск такой формы, которая, как он сам признавался, «позволила бы моей интерпретации одной отдельно взятой личности стать выставкой»¹. Частью этой формы стало «дополнительное измерение — личная вовлеченность»².

Аналогичное намерение двигало нами при создании выставки «Повесть о настоящем человеКЕ»³, посвященной 100-летию юбилею учителя и ученого, одного из основателей Челябинского государственного института культуры — Давиду Абрамовичу Гольдштейну (1919–2019). «Мы были самыми обыкновенными», — часто говорил он о себе и своем поколении, но сам относился к категории тех необыкновенных людей, которых выбрало время и сотворило из них живые легенды. «Век Гольдштейна» вместил в себя не только вехи полной драматизма «большой» истории, но и опыт создания особой, автореферентной культуры, среды, отношений. Препарировать этот опыт невозможно, так же как невозможно в разработке концепции выставки идти привычным путем реконструкции «научно-педагогической биографии».

Множество выпускников и коллег хранят благодарную память о супружеской чете Д. А. Гольдштейна и Н. Ф. Новичковой, в 1969 г. приехавших в Челябинск дружной многодетной семьей, чтобы открыть в только что созданном в Челябинске институте культуры кафедру детской литературы и библиотечной работы с детьми, пятую в стране. Подготовка специалистов для детских библиотек были посвящены следующие двадцать лет их жизни. С того времени прошло более столетия, а имена Гольдштейна и Новичковой по-прежнему служат эталоном профессионализма. Традиции, заложенные ими, дают и сегодня зрелые и зримые плоды. А истоки их — во времени куда более давнем.

В 1937 г. Гольдштейн, выпускник одной из московских школ, стал студентом знаменитого Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (МИФЛИ, или ИФЛИ). Этот институт считался чем-то вроде филиала МГУ: он был создан в 1931 г. на базе его гуманитарных факультетов и в таком виде просуществовал десять лет, вернувшись затем в университетское лоно. «Прекрасен наш союз!» — «ифлийское» братство с полным правом могло бы присвоить себе девиз пушкинского лицея. Имена преподавателей ИФЛИ навсегда вписаны в историю отечественной философии, филологии, истории, а имена десятков студентов и выпускников — не только в историю искусства и науки, но и в Книгу памяти погибших в Великой Отечественной войне.

Ушел в 1941-м на фронт и Д. Гольдштейн. На дно вещмешка положил диплом ИФЛИ — его вручили на год раньше положенного срока, в день отправки в часть молодого бойца, совпавший с его 22-летием. Прошел всю войну от Москвы до Берлина. В 1942-м стал политруком, в 1943-м — корреспондентом и ответственным секретарем дивизионной газеты «За победу» («Меня вызвали в политотдел дивизии и вежливо приказали перейти на работу в редакцию газеты»). Демобилизовался в звании майора и на все времена сохранил дружбу с «пороховыми товарищами» — художником Ю. Цишевским и поэтом А. Лесиным.

Есть что-то символичное в том, что, пройдя дорогами войны, Давид Абрамович стал педагогом. Но сначала были аспирантура и защита диссертации. Затем — преподавание детской литературы в Московской комсомольской школе. Семья, рождение троих детей... И горькое осознание тупика в научном и социальном развитии: «дело врачей» запустило фильтры по «пятому пункту». Может, тогда впервые любимой поговоркой Гольдштейна стала фраза «Пусть нам это свет не застит». В дальнейшем она спасала много раз, когда в жизни случалась несправедливость, человеческая подлость. Незыблемым оставалось чувство нравственной определенности: ничто не могло вытеснить из жизни главное, ради чего стоило жить, учить студентов.

А на востоке страны всходило раннее солнце, на байкальских сопках зацвела багульник. В 1962 г. в столице Бурятии открылся третий в стране отраслевой вуз — Восточно-Сибирский библиотечный институт. За тысячи километров, оставив московскую квартиру и престижную работу в библиотеке им. В. И. Ленина, семья Гольдштейна — Новичковой отправляется в Улан-Удэ на эту культурную «стройку» века. А в 1969 г. переезжает в Челябинск, где годом раньше открылся институт культуры. Рассказывает Н. К. Сафонова, выпускница Д. А. Гольдштейна и Н. Ф. Новичковой, в 1980–2010-е гг. доцент ЧГИК:

Для нас, девчонок, отшлифованных советским образовательно-идеологическим конвейером, это был настоящий шок — таких людей мы еще не встречали! Каких «таких»? Содержательных. Выстраивающих отношения не бытово, а бытийно. Наше общение было настолько нагруженным, что это не всем и не сразу было под силу. В каждом движении, жесте, интонации они были из другого времени, из другого духовного материала. Всегдашняя внешняя и внутренняя подтянутость, безупречный вкус и мера во всем, остроумные и точные шутки, разговоры о прочитанных книгах завораживали нас. Они в полной мере обладали свойством пробуждать в человеке лучшее. Рядом с ними каждый начинал чувствовать себя умным, способным, интересным, и потом изо всех сил старался подтвердить это душой и делом.

Различные модусы воспоминаний, эпистолярной документики, а главное — лапидарная военная мемуаристика Д. А. Гольдштейна из архива семьи — стали источником базой выставки, которая создавалась путем воспроизведения небольшого количества фотографий и документов личного происхождения, вспомогательных материалов из общего доступа, мемориальных и типологических предметов. Малый формат выставки (она размещалась в небольшом рекреационном пространстве учебного корпуса) не стал препятствием. Разработка нескольких планшетов и витрин была направлена на создание взаимной эмпатии зрителя и героя посредством трансляции образов его «субъективной вселенной» и личного отношения куратора.

На четырех вертикальных планшетах стандартного формата инсталлировалась «История одного солдата». Понятие «инсталляция воспоминаний» в значительной мере условно. Выбором данного жанра мы стремились подчеркнуть уход от плоской, линейной иллюстративности и поиск адекватных выразительных средств для визуализации воспоминаний Д. А. Гольдштейна о войне. Опыт создания «тотальной инсталляции воспоминаний» как художественного произведения известен по «Дневнику матери» И. Кабакова. В нем пространственное решение образного лабиринта коммунальных коридоров стало определяющей «рамой» и «воздухом» времени, задающими темп и эмоциональное восприятие аутентичных дневниковых текстов и фото. Создание арт-объекта не входило в наш замысел, усилия экспозиционера и дизайнера были сосредоточены на создании креативного пространства стенда. Все его элементы были внешне приближены к книжному или дневниковому формату.

Каждый стенд был посвящен определенному этапу фронтовой биографии и имел собственный заголовок («История одного солдата», «Обычная жизнь переднего края», «Как я попал в газету», «Дошли до Берлина!»). Структурно каждый стенд включал ряд подтем, которые раскрываются через фрагменты воспоминаний и дополнительные комментарии (тексты-аннотации). Большое значение уделяется документально-иллюстративному материалу. В технике коллажа и «экспоната в фокусе» на стендах демонстрируются копии:

- фотографий и документов из личного архива Д. А. Гольдштейна 1941–1945 гг.;

- карт военных действий и боевого пути 146-й стрелковой дивизии;
- дополнительных фотографий и документов, плакатов Великой Отечественной войны из общедоступных баз данных;
- страниц рукописи воспоминаний Д. А. Гольдштейна;
- графики Ю. Цишевского — не только фронтовика, но и художника-однопольчанина Д. А. Гольдштейна.

В ряде случаев фотографии 1941–1945 гг. сочетались с более поздними и даже современными. Таким образом визуально решалась тема диалога времен. В совокупности аутентичный мемуарный текст и перечисленные виды вторичных источников образовывали «экспонатуру» планшетной выставки.

Студенткой-дизайнером Н. Баймышевой был разработан «военно-полевой» фирменный стиль графики стендов с использованием характерной колористики, штриховых решений, контрастов, формы свободного наброска. В качестве фирменных цветов были взяты зеленый и желтый — для основного решения, красный и черный — в качестве дополнительных (для шрифтов). В стилистике стендов предпочтение было отдано насыщенному фону, стилизованным под скоропись шрифтам, «рваным» кромкам, графическими элементами в виде стилизованных «мазков кистью». Подобные приемы разрушали стереотип официального решения темы, позволили сделать акцент на повседневности фронтового быта (он подчеркнут отбором фотографий и других иллюстраций), вызвать ассоциации с условиями работы фронтовой редакции.

На нескольких примерах рассмотрим основные этапы и нюансы проектирования стенда. Аутентичным источником всей инсталляции являются воспоминания Д. А. Гольдштейна о войне. Для них характерны выразительный литературно-художественный стиль, чуждый пафоса и патетики, яркая образность, искренность и самоирония. Текст наполнен эмоциональностью живой речи, емкими метафорами и сравнениями. Общим эпиграфом к инсталляции стали слова: «Это, конечно, не история войны. Это всего лишь история одного солдата, в судьбе которого отразилось все: и закономерности военной эпохи, и его личные особенности, и случайности жизни...»

Для воспроизведения на стенде мы вынуждены были прибегнуть к фрагментации текста, представлять его порционно, в форме мини-рассказов. Первоисточник подсказывал этот логический ход, так как сам текст воспоминаний делится на небольшие главы с выразительными названиями. При отборе текстов мы стремились сохранить все событийные эпизоды, заострить сюжетную коллизию, имена и истории людей войны, сохранить самобытность, образность, а часто и ироничную интонацию повествования. Кроме того, предстояло решить еще одну важную задачу — реконструировать контекст — реалии, которые для автора были самоочевидны, а для зрителя выставки требовали пояснения. Так, рядом с копией наградного листа к медали «За боевые заслуги», полученной в 1942 г. за участие в битве под Москвой, расположена цитата, во многом объясняющая известное обстоятельство: медалями, полученными в первые годы войны, фронтовики дорожили больше, чем орденами 1944–1945 гг.:

Я не за себя радовался. Я видел вокруг себя столько смертей и столько крови, что был твердо уверен: живым и невредимым мне отсюда не выбраться. Если так случится, пусть родители знают, что их сын воевал достойно. Долго ждать не пришлось. В одном из наступлений пуля ударила меня в грудь, прямо против сердца. Я упал, успел крикнуть командиру роты «Я убит» и стал ждать смерти. Но не дождался...

Общим принципом стало подкрепление ведущих текстов-цитат копиями всех доступных к воспроизведению архивных документов, фотографий, пояснениями к событиям и фактам. В ходе отбора текстового материала проявилась важная особенность воспоминаний: это история множества людей, оказавшихся рядом на дорогах войны. Яркий эссеистичный эпизод, посвященный комбату Т. Рымарю, повлек за собой дополнительное исследование и сбор документальных материалов о боях за г. Остров, позволив разместить снимки со встреч ветеранов 146-й стрелковой дивизии в 1980-е гг., получившей после освобождения Острова звание «Островской». Вспомогательными материалами на стендах выступали карта обороны Москвы как знак боевого крещения (первые бои, в которых участвовал Давид Абрамович, были именно за Москву),

схемы боевых операций и боевого пути 146-й стрелковой дивизии, которая «стала родным домом».

Каждый стенд был посвящен самостоятельной теме и имел определенный сюжет, а также содержал несколько локальных блоков-подтем. Так, «История одного солдата» включала три блока: «Война не минует меня», «Мой первый бой», «Самая дорогая награда». «Обычная жизнь переднего края» — два: «Замполит» и «Я иду в атаку». Стенд «Как я попал в газету» состоял из блоков «Меня вызвали в политотдел», «Наш редакционный фургон» и «За победу». Стенд «Дошли до Берлина» включал два блока: «По земле врага» и «Сражение за Берлин». Поэтике заголовков придавалось особое значение, они подбирались долго и тщательно. Размещение блоков на стендах заведомо не имело четкой симметрии.

Формально каждый блок обязательно включает текст заголовка, ведущий текст-цитату из воспоминаний, один или два «фокусных экспоната». Дополнительно в структуру блока могут быть введены иллюстративные материалы и тексты-аннотации. Так, мы сочли необходимым пояснить широко известное представление о пехоте как самом уязвимом роде войск переднего края, сопроводив фотографию из общего доступа развернутым компилятивным комментарием: «Стрелковые войска РККА применяли тактику массированной атаки. Пехотинцы, ведя огонь из стрелкового оружия, броском всех сил сближались с противником на минимальное расстояние, забрасывали окопы противника гранатами и переходили в рукопашную схватку. Главным в тактике наступления была быстрота и натиск. Во многом провал блицкрига был обусловлен храбростью и стойкостью пехотных подразделений, которые со стрелковым оружием и ручными гранатами противостояли новейшим немецким разработкам в области вооружений».

Известный прием проектирования вещевых комплексов, получивший название «взаимное документирование предметов», с успехом работает на медийный потенциал стенда. Источники разного типа объединяются в целостную композицию, центром которой становится ведущий экспонат-знак. Например, в блоке «Война не минует меня» таким знаковым образом стало изображение 22-летнего Давида в 1941 г. в простой гимнастерке, еще не имеющего военного опыта, а также известный агитационный плакат Д. Моора «Ты записался добровольцем?». Объединяющим началом композиции выступила цитата: «В военкомат я ходил ежедневно. Там говорили: “Ждите, вас вызовут. Не волнуйтесь, на вашу долю войны еще хватит”. В конце октября меня, наконец, зачислили в какую-то солдатскую команду и куда-то отправили».

Блок, посвященный его службе замполитом батальона, объединился вокруг фотопортрета комбата Т. Рымаря, островской операции, повседневной политической работы, иллюстративно подкрепленной воспроизведением агитационной открытки со сталинским призывом: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков!» («В мои обязанности входило формирование и поддержание патриотических чувств и духа среди солдат. Мое образование мне хорошо помогало, я рассказывал солдатам истории о Суворове, Александре Невском, других героях».) Его кульминацией стала запомнившаяся на всю жизнь атака у дер. Бурмаково и орден Красной Звезды, полученный из рук Рымаря.

В блоке «Наш редакционный фургон» сам текст «вел» за собой документ — графическую карандашную работу Ю. Цишевского 1944 г. Оформленная в раму и паспарту, она украшала стену комнаты Гольдштейна до конца его дней. Ей он посвятил развернутый комментарий:

Вернемся в наш редакционный фургон. На рисунке Юра Цишевский изобразил типичную картину нашей походной жизни. Фургон стоит на лесной дороге, видно, застрял в ухабе, рядом видны лопаты и земля под колесами вскопана. Тем временем повар хлопочет у костра, где над огнем висят котелки. Кто-то несет из леса охапку хвороста к костру. Мы тоже не бездельничаем, очевидно, готовим очередной номер газеты. Я сижу на пеньке, правлю рукописи. Редактор стоит позади, заглядывает в нее. Саша Лесин, стоя близ костра, вычитывает газетный лист. А у самого костра стоит замредактора. У дверей фургона трое. Видно, будут разгружаться, чтобы можно было работать у наборных касс и печатной машины.

Подписи к фотографиям, документам и вспомогательным материалам разрабатывались в соответствии с технологией, аналогичной этикетажу. Фотографии, изображающие конкретных людей, подкреплялись указанием имен героев и даты события, например: «Д. Гольдштейн. Фото 1941 г.». Событийные снимки сопровождалось кратким описанием типа: «Москвичи слушают сообщение о нападении гитлеровской Германии. Фото 1941 г.». Этикетки к изображениям медалей, орденов и наградных листов к ним включали расшифровки текста наградного листа о подвиге, например: «В бою за деревню Бурмаково ст. лейтенант Гольдштейн возглавил личный состав батальона и увлек его в атаку. Атака была проведена быстро, стремительно, обходом с тыла немцев. Затем батальон обратил в паническое бегство остатки роты гитлеровцев из д. Липовка».

Так из текста воспоминаний, изучения и интерпретации их эпизодов и сюжетов, реконструкции контекста, поиска и отбора документов, фотографий, иллюстраций и вспомогательных материалов, а главное, личного проживания материала, рождался новый, визуальный текст — «повесть о настоящем человеке» и главном событии его земного ВЕКА — Великой Отечественной войне.

Примечания

¹ Цит. по: *Рокетт-Тейшера М.* Выставка как средство самовыражения: Харальд Зеeman. «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» (1974). М., 2022. С. 154.

² Там же. С. 120.

³ Выставка была организована на базе факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры в 2020 г. Автор концепции И. Андреева, кураторы: И. Андреева, Е. Левина; дизайнер Н. Баймышева.

ОСНОВНЫЕ РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Цифровой XXI в. меняет все привычные формы культурных феноменов. Но наибольшие изменения происходят в области информационных потоков. Перестройка всегда сопровождается нарастанием процессов неопределенности, а в области передачи информации такая неустойчивость особо значима. Меняется субъект, его способы восприятия и работы со смыслом, нарастает объем самой информации — и это на фоне фактической смены языка закрепления информационного начала — на фоне господства цифры¹.

Более того, цифровизация во многих областях культуры начинает претендовать на статус универсальной структурной связи. Ситуация усложняется трансформациями аксиологической сферы, которые детерминированы общими изменениями в системе социальных координат. В переплетении этих процессов музейное дело оказывается в весьма непростой ситуации: специфика наступившей эпохи требует инновационных форм, субъект становится цифровым в плане восприятия культуры, что влечет за собой все большую цифровизацию музея как хранителя сокровищ культуры. Сегодня цифровизация музеев — это не только перевод текстуальных источников в область цифровых носителей, все больше возможности виртуализации используются в построении экспозиций, фактически аудиогиды вытесняют живых экскурсоводов и т. д. Между тем основная функция музеев остается константой: они являются хранителями смыслов прошлого в истории. Отсюда неизбежно складывается противоречие между неизменным содержанием феномена музея и нарастающими изменениями форм музейного дела. В развитии любого противоречия в социальной сфере всегда складывается определенная система рисков, связанная со сломом старого и рождением нового. Риски, в свою очередь, способствуют углублению неустойчивости состояния самого феномена. Поэтому представляется в анализе современного состояния музеев и музейного дела весьма значимым выделение той системы рисков, которая детерминирована развитием цифровых технологий в культуре.

Самая явная группа рисков проявляется себя в функционировании всей системы современных социальных отношений. Среди ведущих детерминант эпохи в человеческой истории всегда присутствует фактор, который, на первый взгляд, не имеет ведущего статуса, но на деле всегда значим в силу собственного воздействия на состояние общественного сознания. Это мода. Трудно спорить с тем, что сегодня «цифра» становится данью моде и само наличие «цифрового» якобы свидетельствует о соответствии современным тенденциям развития социума. То есть само наличие хоть какого-то цифрового элемента в деятельности музея должно сделать его инновационным, прорывным и т. д. А в теоретических исследованиях музейного дела отсылка к имеющимся или возможным цифровым технологиям становится пропуском в мир актуальности и особой значимости. Все риски от триумфального шествия моды традиционно привычны. Мода перекраивает аксиологическое основание социума, последнее «обрабатывает» желания носителя общественных отношений, который в своем жизненном мире начинает возводить многоуровневые социальные ярусы реальностей для их удовлетворения. Но как социальный фактор мода весьма специфична. Она не способна сама себе задавать онтологическую форму, ей нужна «чуждая» семантика. То есть мода — это некий социальный паразит. В отношении музейного дела таким

симбиотическим основанием раскрытия моды становится историческая память. На первый взгляд, цифровая мода, как и любой иной вид моды, позитивна для развития музея: мода всегда «захваченное» ею содержание толкает впереди себя в качестве идеала. Но и в силу специфики исторической памяти, и в силу специфики самой цифры в данном случае неизбежно разрастание иллюзорности в восприятии. Один из рисков такой тенденции уже воспринимается в ранге привычного — это риск бесконечного переписывания истории: в оцифрованных материалах такая процедура требует гораздо меньше усилий по сравнению с реальной работой с текстами или артефактами. Но современное социальное состояние общества становится плодородной почвой для возникновения иного рода риска — целой платформы симулякров. А так как музейная деятельность во многом ориентирована на особенности образного восприятия человеком информации, то музеи во многом подвергаются опасности быть поглощенными симулякрами исторической памяти.

Между тем, несмотря на достаточно редкое обращение к теме музеев, философия задолго до современной эпохи предупреждала не только об опасности такого рода рисков, но и о недопустимости их в культурном поле. Так, в отечественной философской мысли у Н. Ф. Федорова, например, музей выступает неотъемлемой частью его идеального государства. По его мнению, музей, безусловно, нельзя считать местом остатков прошлого². Но еще хуже — это превращение музея в место простого любопытства, куда и затягивают их симулякры. Симулякр по своей природе уничтожает знание, а музей — это центр прежде всего знания, где посетители должны быть познающими субъектами. В концепции Федорова музейная деятельность сакральна, так как «воскрешает» отцов. То есть музей остается музеем до тех пор, пока продолжает собой время прошлого в настоящем и аккумулирует в этом продолжении потенциальное будущее. Симулякр принципиально вне времени, так как совсем не связан с реальностью. Отсюда музеи вполне могут стать практическим воплощением теоретических конструктов постмодернизма: оцифрованная историческая память запечатывается в некие фрагменты, комбинировать которые возможно сколь угодно много раз и в зависимости от текущего собственного желания.

А между тем в сравнении университетов и музеев в качестве основных источников знания себя и своих корней Федоров, видимо, отдает предпочтение именно музеям, считая, что только они могут вооружить человека наглядной исторической памятью³. А это значит, что изменение языка и форм закрепления информации текста менее болезненно, чем изменение языка музейной деятельности. Оцифровка экспозиций музея заменяет общение между людьми общением человека с цифрой. А последняя не способствует возникновению образной памяти, а, напротив, способна лишь породить недовольство настоящим — либо через иллюзию прошедшего «золотого» века, либо через формируемый абсолютный разрыв с прошлым как ненужным и «потешным». И то и другое создает плодородную почву для нигилистически деструктивных стратегий поведения. Помимо нарастания феноменов отчуждения здесь формируются риски появления «внеисторического» субъекта. В данном случае музей начинает утрачивать свою одну из самых значимых социальных функций — отграничить человека от его собственных миров при сохранении погружения в реальность мира и реальность социума. Абстрактность цифры начинает формировать образ абстрактности самой реальности. Отсюда социальная пассивность, бегство от собственной свободы, от самого себя и все большее погружение в симулякры. Сами социальные проекты становятся бесплодными: нельзя через директивное введение Российского движения школьников возродить пионерское движение советской эпохи, так как последнее все более и более погружается в оболочку симулякра через утрату исторической памяти. И происходит парадоксальная вещь: чем больше музей оснащен современными цифровыми гаджетами, тем более он приближается к подобию некой древней гробницы.

Между тем и в современных условиях музеи не утрачивают собственной уникальности. Более того, нынешний век более всего созвучен античному толкованию феномена музея — это собрание людей, ученых, созвучное тем или иным музам. То есть музей — это не собор, а собрание. Не собрание артефактов, а собрание в плане общения — общения человека со своим историческим прошлым. В этом плане

иной смысл обретает федоровская мечта воскрешения всех и вся. Музей и есть универсальный инструмент воскрешения — через приобщение настоящими людьми исторической памяти к текущей эпохе. И эта миссия идет вразрез с цифрой. Если цифра стремится все алгоритмизировать, то в музее четкая классификация не может быть доминантой. Музейная деятельность — это деятельность восстановления. Весьма значимым сегодня представляется мысль Федорова о том, что музей должен не искать, а дать. Другими словами, все содержание музеев ценно не количеством, а качеством: наличием некоторой идеи, которая и собирает экспонаты в целое. Отсюда конечной целью музейного пространства становится онтология самосознания человека⁴.

И в этой нише музейной деятельности цифровизация рождает серьезные риски. Предпосылки их появления обнаруживает еще культура *rhône* начала предыдущего века, когда анонимность собеседника рождает общение вне носителей этого общения. В симулякрах, рожденных цифрой, идея исторической памяти начинает размываться. В образованные пустоты пытаются войти идеологические доктрины, но исторически они уже исчерпали себя. И тогда место консолидирующей идеи занимает конъюнктурная мифология. И средством обращения к субъекту эта мифология избирает игру. Музеям грозит перемещение исключительно в пространство развлечений. Риск весьма значим, так как игра родом именно из воображения, на сферу которого изначально и ориентированы музеи. В условиях цифровизации музейные «игры» особо не безопасны: цифра убирает субъектность⁵. Фактически под угрозой основная функция музея — демаркация жизненного мира человека. Музейные экспозиции подвержены вытеснению рядом ярких картинок, которые создают иллюзию динамики истории с намеренно узким содержанием. Вместо истории субъект просто расширяется собственными фантазиями по поводу возможных (как ему кажется) вариантов этой самой истории. Следует отметить еще один значимый факт. Если музейная деятельность всегда рождала смысл через сомнение, то теперь сомнение не может существовать вообще — в игре сомнение нелепо, в ней есть только правила игры. И ответственность за превращение внутреннего мира в простой калейдоскоп картинок отчасти лежит и на музеях в их измененных формах существования. Безусловно, последствия утраты исторической памяти весьма болезненны для социума⁶. В условиях коммуникативного общества это чревато разрастанием стереотипов и страхов. Сама культура попадает в область простой условности.

Безусловно, система рисков цифровизации музеев гораздо сложнее, и здесь обозначены те, которые наиболее близки самой экзистенции субъекта. Для минимизации их деструктивного влияния на общество необходимо понимание сути моды. Мода — это стандартизированное массовое поведение. В этом плане цифровизация просто отвечает потребностям именно моды, пытаясь алгоритмизировать любые формы деятельности человека. В этом аспекте цифра может оказывать деструктивное влияние на музейную деятельность. Но вместе с тем цифра и ее доминанта в культурном поле в настоящее время закономерны. Это процесс воссоединения количества и качества, в частности и в логике развития человеческой истории. В этом плане цифровизация деятельности музеев конечно же продуктивна. В частности, трудно спорить с успехом *digital*-технологий в сжатии семантического контента. Данные процессы позволяют сделать музеи более доступными, мобильными, улучшить работу с заказчиками и т. д. То есть сами музеи сегодня как никогда находятся в центре противоречия между традицией и инновацией сохранности культуры.

Примечания

¹ Гофман М. Виртуальный человек в технологическом обществе // Аналитика культурологии. 2009. № 3 (15). С. 192–197.

² Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. М., 1995. Т. 2. С. 370–422.

³ Там же.

⁴ *Zhilina V. A., Kuznetsova N. V., Akhmetzyanova M. P., Zhilina E. A.* Modern Characteristics and Mechanisms of Identification of Social Subject // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Turkeyev Hassan Vakhitovich. Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute. Grozny, 2020. Vol. XCII. P. 2742–2749.

⁵ *Жилина Е. А.* Буктрейлинг как механизм инкультурации молодежи // Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии: 2-й молодежный конвент : материалы междунар. студен. конф. Екатеринбург, 2018. С. 6–8.

⁶ *Жилина В. А., Кузнецова Н. В., Жилина Е. А.* Особенности определения носителя социальных отношений в философском и управленческом анализе: инкультурация vs воспроизводство социума // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 12 (434). С. 41–48 ; *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2015. 576 с.

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА (на примере выставок «Космическая одиссея» и «20 тысяч лье под водой»)

В музейном пространстве активно внедряются новые формы работы, направленные на то, чтобы сделать его интересным для посетителей, современным. Это касается и выставочной деятельности. В данной статье хотелось бы поделиться опытом создания выставочных проектов, которые ориентированы на активное взаимодействие с посетителем. Поэтому мы к ним применили название «интерактивные выставки».

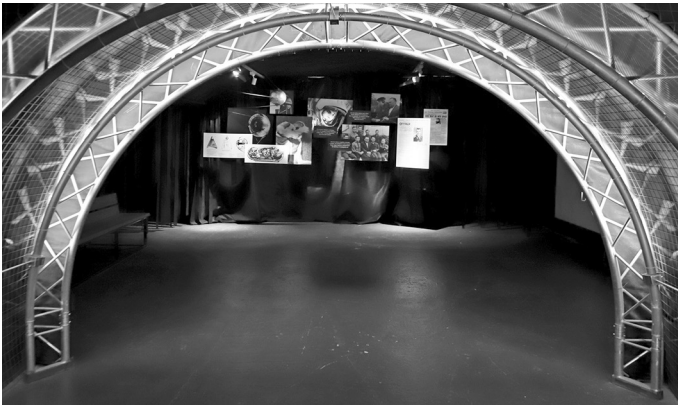
Что же такое интерактив? Словари его трактуют следующим образом. Интерактивность (от англ. *Interaction* — «взаимодействие»): 1) понятие, которое раскрывает характер и степень взаимодействия между объектами; 2) принцип организации системы, при которой цель достигается информационным обменом элементов этой системы; 3) поочередное взаимодействие сторон, где как стороны выступают учитель, ученик и используемый цифровой образовательный ресурс¹. Чаще всего в музейном пространстве интерактив используется для оживления занятий, для более активного взаимодействия экскурсовода и посетителя. В этом случае термин трактуется более узко — как взаимодействие, процесс коммуникации, предусматривающий двусторонний диалог между учителем и учащимся (преподавателем и студентами) и т. д.²

Музейное пространство позволяет реализовывать разноплановые проекты. В Государственном историческом музее Южного Урала кроме обычных экспозиционных залов есть особенное пространство — дебаркадер. Данная площадка не предназначена для классических выставок и используется для реализации экспериментальных, в том числе интерактивных выставочных проектов.

В 2021 г. отмечалось 60-летие первого полета человека в космос. На площадках ГИМЮУ было реализовано два выставочных проекта. Один из них задумывался как интерактивный и проводился в дебаркадере.

В современных реалиях необходимо создавать условия, чтобы музей не только «хранил и показывал», но и обеспечивал активную деятельность детей в приобщении к культуре³. Данный проект изначально задумывался не как классическая выставка, а как пространство, где дети в игровой форме смогли бы ознакомиться с основными вехами освоения космоса. Предусматривалось отсутствие витрин и открытые зоны, поэтому подлинных предметов было немного. У посетителей появилась возможность увидеть музей не как привычное хранилище ценных экспонатов, а пространство, где информацию можно получить и в необычной форме. Выставка должна была стать выставкой-игрой. Экспозиция была построена по хронологическому принципу. Помещение поделено на четыре неравные части, примерно соответствующие разделам выставки. «Космическая одиссея» начиналась в первом небольшом помещении, где на планшетах были распечатаны фрагменты работ К. Э. Циолковского. Экскурсионная часть рассказывала об идеях ученого, о зарождении космонавтики. Переход в следующую зону был выделен аркой.

Следующее помещение было поделено на зоны черным нетканым материалом. Второй раздел посвящался началу освоения космоса. Условно его можно было назвать «Время первых». Ключевые моменты: пуск первого спутника, полет Белки и Стрелки, первый полет человека в космос, Ю. А. Гагарин. Материал передавался через историче-

Фрагмент экспозиции выставки «Космическая одиссея»

кроме музыки, звучал сигнал первого спутника и воспроизводилась запись сообщения ТАСС о полете человека в космос.

Третий, четвертый и пятый разделы были изначально не видны посетителям, и только после прохождения всех предыдущих этапов можно было попасть в следующую часть экспозиции.

Далее посетители вместе с экскурсоводом «отправлялись» в космос. Для имитации полета было сделано звуковое сопровождение — трек «Старт ракеты на космодроме Байконур». Переход в другой раздел был оформлен полосами черной нетканой материи, свисающей с потолка. Единственным предметом, от которого шел свет, был подсвеченный глобус. Это должно было создавать представление о космосе как темном пространстве, где лишь космические тела отражают свет. Таким образом, группа попадала в третий раздел — «Лунная гонка». Здесь находилась имитация лунного грунта с уменьшенным макетом лунохода, на заднем плане — баннер с фотографией Земли с поверхности Луны. В этом же разделе были размещены карты звездного неба, глобус Марса, телескоп и т. п. На стене с помощью проектора демонстрировалась хроника высадки на Луну.

Важная веха в освоении космического пространства — появление орбитальных станций. Это тема следующего раздела — «Дом на орбите». Так как подлинных пред-

Спускаемый аппарат космического корабля

ские фотографии, распечатанные в большом формате на пластике. Был представлен специально изготовленный макет первого спутника. Также был установлен проектор, демонстрирующий на экране фрагменты документальной хроники.

Важное значение имело звуковое и музыкальное сопровождение. Каждый раздел и подраздел выделялись своей музыкальной темой, а переходы между разделами также отмечались специальным аудиорядом. В разделе «Время первых»,

предметов было не так много (фотографии космонавтов, форменные нашивки), основная информация демонстрировалась на сенсорной панели. Также на панели шла постоянная трансляция изображения с камеры МКС.

Следующий раздел продолжал тему путешествия в космос, и зрители оказывались в разделе «Солнечная система». Здесь появлялись Солнце и планеты. В темном помещении разным цветом были выделены изображения планет, напечатанные в реальном масштабном соотношении размеров на пластике. И завершало экспедицию знакомство с подлинным спускаемым аппаратом корабля «Союз», который был передан в музей «Центром по спасению космонавтов» на время работы выставки.

Знакомство с историей космонавтики проходило через экскурсию-игру. Витрины и предметы за стеклом отсутствовали. Все было максимально доступно.

Проект из-за специфического помещения и программы был рассчитан на групповое посещение, так как «путешествие» одиноч-

ных посетителей без экскурсовода напоминало бы хождение в декорациях. Выставка пользовалась большим успехом у посетителей музея. На каждом этапе ребята выполняли задания в группе, экскурсия проходила в форме диалога. Некоторые предметы можно было потрогать руками, то есть, оказавшись в «космической» среде, ребенок мог контактировать тактильно с объектом показа. Также постоянно присутствовал элемент театрализации. Встреча с «космонавтом» и изучение с ним карт звездного неба позволила разнообразить формы проведения занятия. Активно по мере возможности использовались мультимедийные технологии, изображение сигнала с МКС можно было прокрутить на сенсорном киоске.

В 2022 г. прошла также выставка-диптих, посвященная теме флота. Если в малом выставочном зале музея размещалась классическая экспозиция, посвященная истории Военно-морского флота РФ «Под Андреевским флагом», то в дебаркадере было решено организовать пространство, которое позволило бы ребятам узнать мировую историю мореплавания в активной, игровой форме. Таким образом, как и в выставочном проекте 2021 г., посвященном космосу, посетителю была дана возможность самому выбрать, в какой форме он хочет ознакомиться с темой.

В дебаркадере морская выставка 2022 г. получила название «20 тысяч лье под водой», чтобы сразу не создавать ощущение строгой академичности, а отсылать к некой игровой, литературной, приключенческой основе. Само занятие называлось «Морское путешествие». Выставка была разделена по хронологическому принципу и по темам. Само путешествие построено по принципу квеста — поиска сокровищ, где на пути к этим сокровищам нужно было проходить разные локации с отдельными темами, в разных местах экспозиции были спрятаны подсказки, которые и позволяли двигаться дальше.

Первой темой было выбрано кораблестроение. Художники и реставраторы музея воспроизвели скелет условного корабля: киль, шпангоуты, частично обшили корпус. По своим размерам объект практически соответствовал таким кораблям, как ладья. Здесь же находились изображения кораблей древности и раннего Средневековья. Посетители могли видеть объект, потрогать его руками, все это сопровождалось звуками верфи, а на экране проецировалось изображение моря.

Второй раздел — «Великие географические открытия». Здесь пришлось использовать витрины, так как авторские модели кораблей

Фрагмент экспозиции выставки «20 тысяч лье под водой»

Макеты кораблей

Остров сокровищ — фрагмент экспозиции выставки «20 тысяч лье под водой»

Подводный мир. Фрагмент экспозиции выставки «20 тысяч льв под водой»

ручной работы требовали все-таки особых условий сохранности, которые в открытом доступе невозможно было гарантировать. На большом экране демонстрировались отрывки из документальных фильмов о великих путешественниках. При проведении занятия использовались разные формы работы с посетителями. И в следующем разделе, который был условно назван «Остров сокровищ», проходила уже полностью интерактивная театрализованная экскурсия с пиратами и поиском сокровищ на острове. Для того чтобы увлечь ребят и погрузить их в среду, был воспроизведен фрагмент острова: высыпан песок, разложены камни, сооружены скалы из папье-маше, лодка, скелет, сундук, пиратский флаг. Фоном служил напечатанный пейзаж, из которого выступал трехмерный «ландшафт». Ребята погружались в поисках сокровищ на «морское дно», где в пространстве были закреплены рыбки, из зеленой ткани разных оттенков создана имитация водорослей. В итоге создавался эффект погружения в море. В этом разделе ребята попадали также в условную декорацию подводного аппарата (в иллюминаторах стояли аквариумы с живыми рыбками). В результате на морском дне ребята находили сундук с сокровищами — и «Морское путешествие» завершалось. В ходе этой выставки практически все предметы можно было трогать руками, то есть к визуальному восприятию добавлялось еще и тактильное. Движение от объекта к объекту сопровождалось аудиорядом: звуками моря, морского дна, стуком топоров, пиратскими песнями и т. п.

Цель подобных выставок — постараться в доступной форме донести до детей информацию об исторических событиях и фактах. Но при этом важно соблюсти грань, чтобы проект не был полностью развлекательным, а нес именно образовательную функцию. Нуж-

но, чтобы игра в «путешествие» была действительно лишь формой передачи информации, а не сутью мероприятия.

В интерактивных выставочных проектах очень большое значение имеют художественное решение и работа дизайнера — необходимо создать эффект погружения, оформить среду, без которой невозможно добиться необходимого результата. Интерактивность подразумевает контакт с посетителем. Таким образом, задача экспозиции состоит в том, чтобы вовлечь ребенка в среду, позволить взаимодействовать с объектами выставки. Для этого каждый раздел создается как определенный образ.

Подобные выставки по большей части рассчитаны на младших школьников, но хотелось бы, чтобы экспозицию и занятия могли посещать и ребята более старшего возраста. Интересно также продумать посещение выставки без экскурсовода, чтобы у человека была возможность взаимодействовать с предметами и пространством без посредничества сопровождающего лица, и это имело бы такой же эффект погружения в среду и познания. Для этого, вероятнее всего, подходят современные мультимедийные средства, получение информации при помощи считывания QR-кодов и т. п., а также аудиосопровождение при осмотре предметов. Хотелось бы также

большого использования мультимедийных технологий, но пока это не представляется возможным.

Данный формат выставок, судя по количеству посещений и запросов, очень востребован нашими посетителями, и мы, безусловно, продолжим работу над подобными проектами.

Примечания

¹ *Глуценко Л. И.* Интерактив на музейных площадках // Сообщения Муромского музея — 2011 : материалы отчет. конф. МИХМ / под ред. Е. И. Сазоновой, Ю. М. Смирнова. Владимир, 2012. С. 27.

² *Караманов А. В.* Организация интерактивной музейной среды: от методов к моделям // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 171.

³ *Макеева И. А.* Использование интерактивных методов музейной деятельности в гражданском воспитании детей-сирот (из опыта работы) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 123.

ТАЙНЫ ВЛАСТИ ЯЗЫКА МУЗЕЯ

Музей в отечественной традиции философской мысли не часто привлекает ее внимание к себе, чего нельзя сказать о зарубежной. Однако тема языка музея находилась в центре дискуссий отечественных исследователей еще в первой трети прошлого столетия¹. Скорее всего, это было продиктовано потребностями становления нового государства. Хотя нельзя исключить и влияния аналитической философии на рубеже XIX–XX вв., применяющей методы анализа языка при решении различных проблем. Отрицать ее значение в философской мысли нельзя, как и факт того, что музей, обладая особым статусом — между властью, учеными и публикой, — имеет свой особый язык. Его изучение предполагает применение семиотических методов анализа, позволяющих рассматривать его как знаково-символическую деятельность (или семиозис) с целью смыслообразования. Язык музея чрезвычайно богат и уникален, поскольку включает в себе знаки и символы, транслируемые в форме музейного образа, который порождается взаимодействием экспоната (предмета или вещи в ее традиционном понимании и / или идеи как символа времени), экспозиции и ведущего (экскурсовода, путеводителя, указателя и т. п.).

Начавшиеся на рубеже XX–XXI вв. постепенный отход от европоцентризма как одной из доминант развития мирового порядка и поиск новых идентичностей привели к тому, что музеем стали активно интересоваться не только государство, но и обычные граждане. Явное свидетельство тому — рост числа посетителей музеев в реальном и виртуальном пространствах. Не стал в этом плане исключением и Государственный исторический музей Южного Урала, делающий сегодня узнаваемым г. Челябинск и регион отнюдь не по первым строчкам экологических антирейтингов².

В условиях «музейного бума» актуализировалась проблема языка музея, обладающего властным потенциалом, так как язык воздействует на индивидуальное и общественное сознание, давая почву для убеждения / неубеждения и побуждая к действию / бездействию³. Фактически речь идет об одной из технологий «мягкой силы», направленной на овладение человеком всецело. Проявления власти языка музея отчетливо просматриваются в самом факте существования музея и по мере развертывания его языка.

Прежде всего музей «пленит» тело человека «как пространство наблюдения и регулирования» и формирует его «в соответствии с требованиями новых норм публичного поведения»⁴. Власть начинает проявляться зданием музея и пространством размещения его экспозиций. Здание музея расположено на берегу р. Миасс в центральной части города и напоминает своими очертаниями крепостные башни и стены основанной в начале XVIII в. Челябинской крепости⁵. Конфигурация здания позволяет разместить рабочие зоны музея, прилегающая территория «подчиняется» функциям музея и продолжает их, выходя за стены (яркий пример тому — Сад камней). Все это регулирует поведение посетителей по тому или иному культурно обусловленному образцу, допустимому на публике (поведение в помещении и поведение на улице несколько отличаются), что прописан в различных документах (правила, инструкции, указатели, памятки и т. п.). Личное (приватное) поведение рекомендуется «спрятать» даже в выражениях эмоций (например, «не издавать громких звуков»). Маршрут экспозиции продуман зачастую самой ее логикой (чаще всего преобладает хронологи-

ческое основание построения композиции — «форма организованной ходьбы через эволюционное время»⁶). Однако музейный образ предстает перед нами, как «нечто новое возникает из физического повторения маленьких технических операций, механических и повседневных, обыденных и стереотипических. Оно отлично не только по своей природе, но и по ритму и эффекту — это художественная инсталляция»⁷.

Так, создавая сценарий экспозиции и продумывая комфортные условия для ее восприятия посетителем, музей начинает изменять и себя, преодолевая привычную вещественность. Трансформируются строительные конструкции внутри здания (искусственные стены, дверцы и др.), часть предметов переводится в цифровую форму и многое другое. История как знания о прошлом оказывается в состоянии непрерывного транзита: прошлое способно стать настоящим и / или будущим, а настоящее — прошлым и / или будущим. Время оказывается обратимым в любом направлении (нет хронологии), пространство — многомерным (объемные инсталляции событий на стенах, полу и потолке). В музейном образе «пересекаются» и существуют, проникая друг в друга, различные времена и пространства. Хотя и доминирует зрительное восприятие, но оно не единственное. Сигналы о восприятии от органов чувств поступают в мозг человека.

Знаки и символы музейного образа обретают смысл только при наличии их воспринимающего, потому что только он определяет фокус их интерпретации и применения. Важно помнить, что воспринимающий их при этом должен обладать свободой, в противном случае он будет подавлен⁸. В музейном образе неизбежно присутствует социокультурный контекст его создания и восприятия, субъекта и объекта, что важно учитывать. Поэтому нельзя ограничиваться стремлением передать один-единственный и, скорее всего, «правильный» смысл зафиксированного в экспозиции времени (позиция субъекта). Задача музея — предъявить смысл самого времени, его порождающий, учитывая «давление» тенденций отказа от работы с восприятием слова, связанных с логикой и перехода к восприятию образов, непосредственно воздействующих на чувства (позиция субъекта, понимающего объект). Иными словами, музей должен воздействовать на умы посетителей и при этом опираться на их чувства. Поэтому музейный язык, язык музейных образов, разрабатывает стратегию и тактику «политики» репрезентации: как и куда идти, на что смотреть, к чему прикоснуться и т. п.

Безусловно, музей является субъектом производства, хранения, тиражирования и передачи знания⁹. В основе этого знания — исторический факт, понимание которого в науке претерпевает изменение (от рассмотрения найденного «атома» исторического прошлого, говорящего само за себя, до его конструирования мыслящим и ищущим историком; от истинного суждения о прошлом до консенсуса историков о критериях истины). Более того, в действительности повседневности высокотехнологичные медиа довольно часто предлагают историю и / или ее удобное для потребителя изложение. Хотя производство знания подчиняется определенным правилам, но не всегда музейные экспонаты можно рассматривать таковыми — созданными в строгом соответствии с ними. Экспонаты могут свободно «перемещать» предметы, представляющие научный интерес к предметам, наделенным совершенно иными смыслами со стороны воспринимающих его. Особенно отчетливо это проявляется в виртуальном музее (предмета как такового нет, есть лишь его образ) и инсталляциях (фрагмент метеорита как объект изучения и кусочек метеорита в ювелирном украшении), применяемых в музейных экспозициях.

Кроме того, рассмотрение одного и того же экспоната предполагает обмен знанием о нем, и следовательно, идет конструирование нового знания. Музей хранит знания, но их подача может не совпадать с замыслом создателя экспозиции, поскольку она (подача) начинает ориентироваться на особенности его потребителя. Музей тиражирует новое — «приращенное» потребителем — знание и делится им. Порождается символическое пространство толкования знания музейными образами, и музей перестает быть только местом его хранения, он теперь производит его вместе со своим посетителем. В этом процессе таится большая опасность — возможность симуляции знания. Наука обладает огромной силой авторитетом, и знаниевый симулякр, преподносимый под видом ее достижений, способен подорвать доверие к науке, ибо музейный образ науки вполне авторитетен. Поэтому включение новых экспонатов в музейный фонд требует всегда тщательной экспертизы.

Вместе с тем в зависимости от своих индивидуальных особенностей и личностных характеристик каждый воспринимающий участник музейного диалога «читает» содержание экспозиции по-своему (он неповторим), с одной стороны. С другой — он опирается на нечто, объединяющее его со всеми (социокультурный контекст). Этим объединяющим служат ценности и ориентиры мировоззренческих установок общества, хранимые и передаваемые в том числе языком музейного образа.

Таким образом, в языке музея — музейном образе и его всевозможных комбинациях — фиксируется, кодируется, предъясняется и интерпретируется актуальная и потенциальная социальная реальность в пространстве-времени. Социальные реальности создаются, разбираются и собираются, они реальны и мыслимы, нереальны и мыслимы, нереальны и немислимы. Иными словами, музейная репрезентация социальной реальности языком музейного образа пластична и текуча, как и сама реальность современного мира. Возникает желание создать реальность, удобную под и для себя. Классическая линия музейного семиозиса — смысл дан и задан — уходит в прошлое. Музейный образ приглашает к диалогу его создателя и воспринимающего в социокультурном контексте: меняются и субъект, и объект, дополняя друг друга. Хотя авторы (субъект) стремятся сохранить за собой право сознательного направления выбора смыслов посетителем, что легитимизировано самим фактом существования музея и его назначением — служить обществу.

Примечания

¹ Резник И. И. Диалог на языке музея // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2012. № 2 (106). С. 264–265.

² Научный взгляд на популярность музея // Государственный исторический музей Южного Урала. URL: <http://www.chelmuseum.ru/news/1048/> (дата обращения: 19.04.2022).

³ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 38.

⁴ Bennett T. *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*. London ; New York, 1995. P. 24.

⁵ Научный взгляд на популярность музея ...

⁶ Bennett T. *Op. cit.* P. 186.

⁷ Yaneva A. When a Bus Met a Museum: Following Artists, Curators and Workers in Art Installation // *Museum and Society*. 2003. No. 1 (3). P. 135.

⁸ Foucault M. *The Subject and Power* // *Critical Inquiry*. 1982. Vol. 1, iss. 4. P. 790.

⁹ Научный взгляд на популярность музея ...

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА В ФОРМИРОВАНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА РЕГИОНА В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ¹

Информационная революция рубежа XX–XXI вв. радикальным образом изменила многие стороны жизни современного общества. Виртуальный характер важнейших политических, экономических, социальных процессов уже перестал быть модной экзотикой и превратился в рутинную часть повседневной жизни миллионов людей в самых разных уголках планеты. Виртуальные образы не просто сосуществуют сегодня с материальными и традиционными идеальными культурными конструкциями, но стремительно вытесняют последние на периферию основных информационных потоков. Неслучайно проблемы, связанные с возникновением и с трансформацией виртуальных образов, вопросы воздействия этих образов на жизнь как отдельных регионов, так и целых государств в последние годы все чаще оказываются в центре внимания социологов, политологов, антропологов, историков².

Многие ученые признают, что виртуальный образ региона имеет огромное значение не только для развития его экономики (в первую очередь туризма), но и для интеграции региона в новое культурное пространство, которое формируется в условиях информационной революции³. Важнейшим элементом этого нового культурного пространства является интернет-пространство, где каждый регион пытается занять наиболее выгодное для себя положение. Южный Урал в этом плане не является исключением. Очевидно, что одним из ключевых факторов, определяющих положение региона в едином виртуальном культурном пространстве, является его история. Это придает особое значение тем учреждениям науки и культуры, которые сохраняют и изучают историю региона. Среди таких учреждений на Южном Урале особое место занимает Государственный исторический музей Южного Урала, который многие годы выступал и выступает в качестве центра сбора важных исторических документов и артефактов, позволяющих изучать самые разные аспекты истории Южного Урала, презентовать историческую информацию широким слоям населения, воспитывать новые поколения южноуральцев в духе уважения и любви к своей малой родине. Уже в конце XX в. и особенно в начале XXI в. многим сотрудникам музея и его руководителям стало очевидно, что традиционные методы сохранения и презентации памяти о прошлом региона становятся все менее эффективными.

В начале XXI в. темпы виртуализации исторического прошлого страны в целом и Южного Урала в частности заметно выросли. В этом процессе стали принимать участие самые разные государственные учреждения, общественные организации, средства массовой информации и даже отдельные граждане. Государственный исторический музей Южного Урала также активно участвовал и участвует в данном процессе. В последние годы внимание сотрудников музея, работающих в этой области, оказалось сосредоточено на трех главных направлениях деятельности.

Во-первых, это создание и функционирование полноценного многопрофильного сайта музея, который призван сыграть ключевую роль в представлении базовых коллекций музея и основных направлений его работы в современном интернет-пространстве.

Во-вторых, это организация и проведение мероприятий, посвященных истории страны и края, культурной жизни региона, юбилейным датам в жизни предприятий

и учреждений, наиболее известных южноуральцев и соответствующее «освещение» таких мероприятий в интернет-пространстве.

В-третьих, это организация диалога с посетителями музея, которые в самых разных формах и форматах смогли ознакомиться с его экспонатами, выставками, коллекциями и приняли участие в организованных музеем мероприятиях.

Знакомство с материалами, представленными на сайте музея, дает возможность пользователю Интернета, владеющему русским языком, сформировать или скорректировать образ Южного Урала, который сложился у него за годы учебы, в ходе туристических поездок, в результате знакомства со средствами массовой информации, различными произведениями искусства и культуры. Ключевые элементы этого образа, на наш взгляд, для многих пользователей Интернета могут быть связаны с историей Великой Отечественной войны (сюжетам военной истории посвящено сразу несколько подразделов раздела сайта «Проекты»), с искусством (особенно легко эти сюжеты можно обнаружить при просмотре каталога видеоэкскурсий и раздела «История в предметах»), с природой (сюжеты, связанные с природой Южного Урала, часто можно найти в разделах «Новости» и «Краеведческая колонка», а также в подразделе «Краеведение»).

Важно подчеркнуть, что многие элементы виртуального образа Южного Урала имеют не только (а порой даже не столько) вербальное, но и визуальное воплощение в виде соответствующих фотографий, видеосюжетов, картин и пр., что, безусловно, усиливает эмоциональное воздействие на пользователя.

Показательным в этом плане является раздел «Одна на всех Победа»⁴. Летом 2022 г. в этом разделе, по нашим подсчетам, в общей сложности было представлено более 140 фотографических изображений и 17 видеороликов — больше, чем в любом другом разделе сайта. Посетители данного раздела могли узнать важные подробности о создании Уральского добровольческого танкового корпуса, о хронике боевых действий, работе промышленных предприятий в тылу. Подразделы, посвященные Магнитогорскому металлургическому комбинату, Челябинскому Кировскому заводу, Челябинскому ферросплавному заводу и другим промышленным предприятиям, размещенные внутри основного раздела, включают очень небольшой объем информации, однако он достаточен для того, чтобы дать первые ориентиры для многих молодых посетителей сайта. Важно подчеркнуть, что кроме широко известных промышленных предприятий сайт рассказывает и о тех заводах, которые работали в годы Великой Отечественной войны за пределами легендарных Танкограда и Магнитки. Например, об инструментально-металлургическом заводе № 391 или Чебаркульском металлургическом заводе. Это позволяет пользователям сайта получить информацию о развитии самых разных уголков Южного Урала в годы войны, существенно расширяет представление об истории края как у его жителей, так и у гостей региона.

Очень важно, что в этом же разделе представлены короткие биографические справки, посвященные известным организаторам военного производства на Южном Урале, таким как И. М. Зальцман или Г. И. Носов. Фотографические портреты, которые доступны для пользователей сайта, дают возможность ощутить многие психологически важные оттенки военного времени, нюансы, которые трудно передать с помощью традиционных вербальных конструкций.

Еще более сильное воздействие в этом направлении оказывают фотографии, размещенные в подразделе «Детские игрушки войны». К сожалению, число таких фотографий очень невелико. Но они сопровождаются важной уточняющей информацией, которая усиливает эмоциональное воздействие изображений на пользователей данного сайта, создавая по-настоящему полноценные виртуальные конструкции. Для многих посетителей сайта наиболее значимым экспонатом, представленным на его страницах, может стать фотография одной из знаменитых «похоронок» эпохи Великой Отечественной войны, публикация которой сопровождается рассказом, подготовленным главным хранителем музейных предметов Красноармейского краеведческого музея им. В. К. Егорова — А. А. Чередниченко. Не менее сильное впечатление на вдумчивого пользователя сайта могут произвести и подлинники военных писем, размещенные на данном ресурсе.

Высокий статус музея как научного учреждения подтверждается на сайте наличием целого ряда видеолекций, посвященных различным страницам истории Вели-

кой Отечественной войны, подготовленных и прочитанных как сотрудниками музея, так и ведущими учеными Челябинска⁵. Обращает на себя внимание удачный формат таких лекций, который позволяет в течение небольшого промежутка времени сосредоточить внимание слушателей на одном-двух важных сюжетах, придавая лекциям динамичный и эмоциональный характер, что крайне важно в рамках новой, формирующейся в последние годы культуры работы с информацией.

Стремлением создателей сайта усилить интерактивность данного ресурса можно объяснить и появление в разделе «Одна на всех Победа» подраздела «Викторина (Знамя Победы)»⁶. Прохождение этой викторины позволяет лучше запомнить важную информацию, размещенную на сайте не только ГИМЮУ, но и на сайте Музея истории Екатеринбурга. Выход на ресурсы, связанные с этим музеем, через систему гиперссылок, дает возможность пользователю не только сравнить многие процессы, происходившие в Челябинской и Свердловской областях в годы войны, но и увидеть новые формы подачи материала, которые активно используют работники свердловских музеев (например, размещение на своих сайтах так называемых аудиокниг или подключение к «Банку памяти» — уникальному проекту, в реализации которого активно используются нейросети).

Таким образом, формируется первый и, на наш взгляд, один из самых важных элементов виртуального образа края, который представлен на сайте ГИМЮУ. Это образ края, что сыграл очень важную роль в истории Великой Отечественной войны, — края-труженика, края-воина, жители которого не только создавали экономический потенциал Победы, но и героически сражались на фронтах этой войны. Визуальным символом этого образа на страницах сайта является образ танка, который чаще других встречается на фотографиях, размещенных в данном разделе (десять изображений в различных подразделах).

Роль Южного Урала в экономической истории страны создатели сайта Государственного исторического музея Южного Урала решили выделить особо. Наибольшее число публикаций по этой теме размещено в разделе «История Челябинской области», где пользователь может увидеть фотографические изображения из истории Челябинского тракторного завода, Челябинского трубопрокатного завода, сельскохозяйственных предприятий Челябинской области. Несколько удивляет небольшое количество вербальной и статистической информации, посвященной экономическому развитию Южного Урала. Однако дефицит такой информации частично восполняется яркими фотографическими образами, которые могут остаться в памяти многих пользователей. Трактора и трубы, как визуальный символ экономики советского Южного Урала, доминируют в соответствующих подразделах, превращаясь в еще один элемент виртуального образа региона, который может сформироваться у пользователя Интернета, посетившего сайт ГИМЮУ. О дореволюционной экономической жизни Челябинска можно найти информацию в подразделе «Краеведение».

При этом создатели сайта уделили особое внимание сюжетам, которые позволяют лучше увидеть то, какую роль в развитии Южного Урала сыграли деятели искусства и учреждения культуры. Такие сюжеты наиболее полно представлены в разделах «История в предметах» и «Краеведческая колонка»⁷. Фотографии археологических находок, которые чаще всего атрибутируют «как предметы для игры», размещенные на сайте, могут создать у пользователя совершенно оправданное ощущение древности южноуральской истории, в которой с первых лет существования человека в данном регионе было место не только войне, но и культуре (в самом широком смысле этого слова). Разнообразные проявления этой культуры представлены сюжетами о парижском триумфе Каслинского чугунного павильона, фотопортретами писательниц А. Барто и Л. Татьяничевой, коротким рассказом о театре Н. Орлова и т. д. История самого музея, которая показана в разделе «Специалистам», подразделе «Музей», является очень ярким примером развития культуры музейного дела на Южном Урале.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения формирования виртуального образа Южного Урала в современном интернет-пространстве особое место занимают явления природы. Неслучайно на сайте музея можно найти сюжеты, посвященные землетрясению на Урале, наводнению в Челябинске и пр. Но особое место среди природных катаклизмов занимает падение метеорита в 2013 г. Его изображение присутствует на

главной странице сайта, а информацию о падении этого небесного тела можно встретить в самых разных подразделах.

Помимо базовых элементов виртуального образа Южного Урала, который может быть сформирован у посетителя сайта Государственного исторического музея Южного Урала, есть целый ряд отдельных элементов, которые не только «укрепляют» конструкцию основных образов, но часто используются и для создания других, локальных образов региона, которые также появляются в интернет-пространстве благодаря сайту ГИМЮУ. Например, в разделе «История в предметах» есть подраздел «Уральский look»⁸, при работе с которым возникает устойчивое ощущение, что на Южном Урале много лет существовали свои собственные течения моды.

Именно через сайт музея в последние годы идет основной поток информации, посвященной тем мероприятиям, что организуют и проводят сотрудники музея. Особое внимание среди этих мероприятий создатели сайта уделили Международному фестивалю современного искусства «Дебаркадер», «кремлевским выставкам», Международному фестивалю фотографии «Фотофест». Знакомство с соответствующими разделами сайта позволяет пользователю понять важную роль Государственного исторического музея Южного Урала в культурной жизни не только региона, но и страны в целом. На площадках музея уже много лет встречаются представители самых разных жанров современного искусства, создающие интересные и порой спорные произведения, ведущие очень важный диалог со своим зрителем. Кроме того, музей успешно представляет Южный Урал и за пределами России, многие годы поддерживая устойчивые связи с различными зарубежными учреждениями, деятелями культуры и искусства Европы и Азии. Особый «открытый» характер работы музея хорошо проявляется в разделе «Музей от первого лица», в котором собраны короткие интервью сотрудников музея, рассказывающих о своей повседневной работе.

Наиболее «ценная» для южноуральского пользователя информация размещается в разделе «Новости»⁹, где располагаются как анонсы предстоящих в музее мероприятий, так и краткие отчеты об уже состоявшихся выставках и презентациях. Практически каждое информационное сообщение подкрепляется соответствующей фотографией. Фотографическое сопровождение фактически всех разделов и подразделов сайта выполнено на очень высоком профессиональном уровне.

Следует еще раз особо подчеркнуть, что на сайте музея создан очень важный раздел, который получил название «Для специалистов». В нем размещаются материалы научных конференций, организаторами которых выступает музей, документы о работе ученого совета музея и т. д. Они могут существенно расширить представление посетителей сайта о работе самого музея и об истории Южного Урала. В этом же разделе создан подраздел «Персоналии», который, на наш взгляд, является одним из самых значимых подразделов, так как позволяет пользователям сайта взглянуть на историю региона с точки зрения его наиболее интересных, ярких, успешных жителей. Для специалистов будет представлять большой интерес подраздел, посвященный истории формирования фондов музея¹⁰.

Любой музей, презентуя свои фонды в интернет-пространстве, заинтересован в том, чтобы создать у пользователя особый интерес именно к своей деятельности. Для этого сотрудники музея, отвечающие за интернет-проекты, используют самые разные приемы. На сайте Государственного исторического музея Южного Урала есть несколько разделов, которые, на наш взгляд, носят эксклюзивный характер, привлекая любителей уникальной информации. Речь идет, в первую очередь, о разделах «Золотой запас музея» и «История в предметах».

Сайт музея обновляется практически ежедневно, что, с одной стороны, свидетельствует об активной работе сотрудников музея, а с другой, создает определенные проблемы с поиском информации для неопытных пользователей интернет-ресурсов. Многие из разделов сайта либо не предусматривают обратной связи с пользователями, либо эта связь носит формальный характер. На наш взгляд, сам сайт недостаточно «плотно» интегрирован с интернет-ресурсами других музеев Южного Урала, материалы которых могли бы существенно усилить виртуальный образ Южного Урала, формируемый в современном интернет-пространстве. Требуется постоянная кропотливая работа по обновлению контента сайта, особенно тех подразделов, которые играют

ключевую роль в формировании виртуального образа Южного Урала. Обращает на себя внимание небольшой объем информации, размещенной на сайте музея по так называемой «аркаимской» проблематике, спортивным и научным достижениям региона.

Тем не менее, подводя итог анализу материалов, размещенных на сайте Государственного исторического музея Южного Урала, следует подчеркнуть, что эти материалы позволяют пользователям данного сайта сформировать свой образ региона, который почти всегда будет иметь индивидуальные особенности. Однако, учитывая специфику размещенного на сайте контента, своеобразие технологии подачи материалов, определенную культурную традицию, что сформировалась в современном социуме, можно предположить, что достаточно часто в этом образе будут присутствовать черты края-воина, края-труженика, края своеобразной культуры и природных катаклизмов.

На наш взгляд, в условиях продолжающейся информационной революции, задача Государственного исторического музея Южного Урала состоит в том, чтобы, опираясь на уже созданную сотрудниками музея базу, совершенствовать работу не только самого сайта, но и музея в целом, постоянно увеличивая долю информации о фондах музея, его выставках и других мероприятиях в доступной для пользователей системе Интернет в России и за ее пределами; развивать систему обратной связи с посетителями музея, давая возможность последним принимать более активное участие в формировании коллекций музея и проведении выставочных мероприятий; интегрировать на своей базе усилия других региональных музеев и учреждений культуры по продвижению позитивного образа Южного Урала в современное информационное пространство.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021 «Изучение региона в контексте глобально-исторических связей с помощью методов цифровой гуманитаристики (на примере Челябинска и Челябинской области)».

² Дубовицкая Д. А. Значение процесса виртуализации в современном пространстве культуры // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 11 (45). С. 372–377 ; Соколова А. А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google earth и Panoramio) // Известия Русского географического общества. 2010. Т. 142, № 6. С. 31–40 ; Соловьева Д. Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54 и др.

³ Усанова Д. О. Виртуальная культура: концептуализация феномена и репрезентации в современном социокультурном пространстве : дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2014. 116 с.

⁴ Одна на всех Победа // Государственный исторический музей Южного Урала : сайт. URL: http://chelmuseum.ru/projects/museum_odna_na_vsekh_pobeda/ (дата обращения: 06.08.2022).

⁵ Видеолекции // Там же. URL: http://chelmuseum.ru/projects/museum_odna_na_vsekh_pobeda/videolekcii/ (дата обращения: 06.08.2022).

⁶ Знамя Победы родом с Урала // Музей истории Екатеринбурга : сайт. URL: <https://m-i-e.ru/project-pobeda/#rec308833449> (дата обращения: 06.08.2022).

⁷ Краеведческая колонка // Государственный исторический музей Южного Урала : сайт. URL: <http://chelmuseum.ru/news/kraevedcheskaya-kolonka/> (дата обращения: 06.08.2022).

⁸ «Уральский look» // Там же. URL: <http://chelmuseum.ru/news/1564/> (дата обращения: 06.08.2022).

⁹ Новости // Там же. URL: <http://chelmuseum.ru/news/> (дата обращения: 06.08.2022).

¹⁰ История коллекций фондов // Там же. URL: <http://chelmuseum.ru/o-muzee/information/index.php/826/> (дата обращения: 08.08.2022).

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЯ

Музеи занимали и занимают важное место в жизни общества. Они выполняют прежде всего охранительную и трансляционную функцию по отношению к историко-культурному наследию, занимаются научными проектами, просвещением и воспитанием, что реализуется в различных формах их экспозиционной и культурно-образовательной деятельности и находится в тесной взаимосвязи с функцией документирования. В воспитательной и учебной работе различных образовательных учреждений сегодня широко используются ресурсы краеведческих, художественных, этнографических, археологических, мемориальных, медицинских, педагогических и других музеев, в том числе виртуальных. Музейная педагогика является динамично развивающейся научной отраслью педагогики, объединяющей в себе музееведение, педагогику, психологию, художественную культуру и краеведение.

Одной из задач современной педагогики является усовершенствование процесса воспитания, просвещения и образования, в котором важную роль играет музейная педагогика. По мнению Е. Вансловой, она является прежде всего методикой и технологией работы в русле «диалога культур» с помощью различных интерактивных методов. Современные музеи располагают богатым арсеналом для расширения кругозора, воспитания духовно-нравственных качеств, формирования исторической памяти и социальной ответственности¹.

Музейная педагогика играет важную роль в образовании и воспитании подрастающего поколения, она может быть успешно организована лишь при взаимодействии с образовательными и культурно-развлекательными учреждениями. Ее важнейшими задачами являются стимуляция интереса к культуре различных этносов, воспитание бережного отношения к их историко-культурному наследию, чувства патриотизма и интернационализма².

Музейная педагогика является приоритетным направлением деятельности многих музеев России, в том числе Южного Урала и в частности Челябинска. Так, Государственный исторический музей Южного Урала активно занимается научно-практической деятельностью, образованием, просвещением и воспитанием подрастающего поколения. На 2021/2022 учебный год его сотрудниками была подготовлена программа тематических занятий для старшеклассников и студентов. Занятие «Челябинская область — субъект Российской Федерации» формирует представление о Челябинской области в целом, о ее вкладе в развитие России, знакомит с природными и демографическими особенностями, ведущими отраслями экономики, природными ресурсами и районами Челябинской области. Учащиеся узнают о местных достопримечательностях, промышленных и культурных объектах, экологических проблемах.

Экологическое занятие «По заповедным тропам» воспитывает экологическую культуру, формирует представление о содержании терминов «заповедник», «национальный парк», «памятник природы», «охрана окружающей среды» и знакомит школьников с основными охраняемыми природными объектами России и Южного Урала. При этом применяются интерактивные методы взаимодействия сотрудников музея с посетителями.

Экскурсия-квест «16 секретов» имеет своей целью знакомство с наиболее интересными экспонатами музея и природными богатствами, культурой и бытом народов

Южного Урала, историей XX в. Тематическая экскурсия «Культура и быт народов Южного Урала» посвящена культуре, быту и традициям народов этого региона — башкир, казахов, татар, русских, нагайбаков³. Кроме того, музей предлагает своим посетителям видеолекции, познавательно-развлекательные мероприятия и увлекательные занятия для детей. Большой популярностью пользуется Детский музей, целевой аудиторией которого являются прежде всего дети разного возраста. Два постоянных раздела его экспозиции — «Русская изба» и «Башкирская юрта» — знакомят юных посетителей с орудиями труда, хозяйственным инвентарем, предметами быта и домашним интерьером традиционной русской сельской избы, а также устройством башкирской юрты и бытом башкирской семьи в конце XIX — первой половине XX в. В музее успешно используются такие формы организации работы с детьми и сопровождающими их взрослыми, как экскурсии, музейные занятия, занятия в мастерских, участие в естественно-научных экспериментах и др.⁴

Большой интерес для посетителей представляют и другие музеи Челябинска. К примеру, музей «Народы и технологии Южного Урала» в главном корпусе Южно-Уральского государственного университета, экспозиция которого была собрана на территории региона преподавателями и студентами исторического факультета этого вуза. Своим открытием он также обязан архитектурному и торгово-экономическому факультетам университета. В музее собраны сохранившиеся предметы материальной и духовной культуры народов Южного Урала. Он является культурно-просветительским и научно-образовательным центром университета, в его залах можно познакомиться с Уралом древним и Уралом индустриальным. Кроме того, на его площадках экспонируются различные выставки. Посетителям музея предлагают не только экскурсии, но и интерактивные карты, исторические анимации, 3D-реконструкции, виртуальные путешествия. Музей «Народы и технологии Южного Урала» является надежной практической базой для профессиональной подготовки студентов различных направлений — историков, археологов, дизайнеров, IT-специалистов, журналистов, специалистов по рекламе и связям с общественностью. Здесь проводятся занятия в рамках спецкурсов, а также практические занятия по истории, этнографии, лингвистике, музееведению и антропологии, а в течение учебного года — для школьников и педагогов различных ступеней системы образования⁵.

Не менее интересен и геологический музей Южно-Уральского государственного университета, располагающийся на архитектурно-строительном факультете с 2010 г. Здесь представлены горные породы и минералы из недр Уральского региона (железная, медная, никелевая и другие руды, сырье для изготовления строительных материалов), поделочные, полудрагоценные и драгоценные камни. Всего в музее представлено около тысячи экспонатов. Здесь систематически проводятся экскурсии для студентов, обучающихся профессиям строителя, архитектора, эколога, металлурга и многих других, ведется подготовка школьников и студентов к олимпиадам по географии и геологии. С большим интересом регулярно посещают музей учителя географии, слушатели общества «Знание» и многие другие⁶.

В Музее леса представлено более 640 экспонатов, в том числе 47 чучел птиц и 44 чучела животных: кабана, волка, медведя и др. Этот музей не только демонстрирует богатство южноуральской природы, но и учит посетителей бережному отношению к ней⁷.

Музей национальных музыкальных инструментов и этнографии во Дворце культуры ЧТЗ экспонирует такие музыкальные инструменты, как жалейка, рейнстик, варган, корнай и др. Во время экскурсии посетители могут поближе рассмотреть все музыкальные инструменты и даже поиграть на них⁸.

Музей трудовой и боевой славы ЧТЗ ярко и широко отражает историю завода и его людей. Посетителями являются граждане не только России, но и зарубежных стран. Здесь проводятся уроки истории для школьников, учащихся профессиональных училищ и техникумов, лицеев, колледжей и высших образовательных учреждений. Здесь используются такие формы организации работы с посетителями, как обзорные и тематические экскурсии, встречи с ветеранами войны, ветеранами Танкограда, ведущими специалистами завода, известными тракторостроителями. Музей завода является культурно-просветительским учреждением, целенаправленно собирающим, хранящим,

экспонирующим подлинные документы и вещественные материалы, представляющие историческую, научную ценность⁹. Большим образовательно-воспитательным потенциалом располагают и такие музеи Челябинска, как Музей истории ЮУЖД, Музей книги на базе Челябинского государственного института культуры и др.

Музеи играют важную роль в жизни общества, выполняя, кроме других, воспитательно-образовательную функцию. Они располагают большими возможностями для презентации экспонатов и популяризации информации о них, являются площадками для работы с учащимися образовательных учреждений и профессиональной подготовки специалистов разных профилей. Музейная педагогика — один из приоритетных видов деятельности музеев, имеющий перспективу успешного развития.

Примечания

¹ Крайнова Л. В., Головкин М. Б. Музейная педагогика в образовательном пространстве высшей школы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 35. С. 282.

² Константинова В. В. Потенциал музейной педагогики в образовании и воспитании подрастающего поколения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 4–6. С. 50–51.

³ Занятия для старшеклассников и студентов. 2021/2022 учебный год // Государственный исторический музей Южного Урала : сайт. URL: <http://www.chelmuseum.ru/vash-vizit/obuchenie-v-muzee/688/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁴ Детский музей // Там же. URL: http://www.chelmuseum.ru/projects/museum_detskij_muzej/ (дата обращения: 15.07.2022).

⁵ О музее // Южно-Уральский государственный университет : сайт. URL: <https://natu.susu.ru/o-nas/> (дата обращения: 15.07.2022) ; Бесплатные музеи Челябинска // Лекции.орг : сайт. URL: <https://lektsii.org/10-8724.html> (дата обращения: 15.07.2022).

⁶ Геологический музей // Южно-Уральский государственный университет : сайт. URL: <https://www.susu.ru/ru/campus-life/culture/geologicheskiiy-muzeu> (дата обращения: 15.07.2022) ; Бесплатные музеи Челябинска ...

⁷ Бесплатные музеи Челябинска ... ; Лесная сказка. Челябинский Музей леса — кладезь богатств южноуральской природы // Челябинский обзор онлайн : сайт. URL: <https://obzor174.ru/muzeu-lesa> (дата обращения: 15.07.2022).

⁸ Бесплатные музеи Челябинска ...

⁹ Музей ЧТЗ // Челябинский тракторный завод : сайт. URL: <https://chtz-uraltrac.ru/articles/categories/94> (дата обращения: 15.07.2022).

Секция 4

Краеведение Южного Урала: традиции и новации

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ УЧЕНЫХ: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К БЫТУ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дома ученых — одно из белых пятен в истории отечественной науки. Специальные исследования, посвященные этому виду учреждений, фактически отсутствуют. Даже справочные издания весьма редко обращаются к этой теме. Так, например, посвященная домам ученых статья в третьем издании «Большой советской энциклопедии» имеет объем чуть более 1300 знаков (то есть менее одной машинописной страницы)¹, а «Большая российская энциклопедия» и вовсе не содержит аналогичной статьи.

Схожая ситуация сложилась и с историей Челябинского областного Дома ученых, которому кроме справочного материала² посвящено лишь несколько газетных статей³. Конечно, многое осложняется тем, что Дом ученых не оставил после себя отдельного архивного фонда и сведения о нем приходится искать среди материалов из фондов органов власти, партийных структур и профсоюзных организаций. Однако сколь бы ни была скудна источниковая база, ранний период существования этого учреждения представляет большой интерес.

С самого начала войны Челябинская область стала местом сосредоточения эвакуационных потоков из западной части страны. Среди направляемых сюда учреждений были и те, что непосредственно занимались научно-исследовательской деятельностью. Так, за все время войны в область было направлено полностью или частично 16 вузов⁴, особенно выделялись Киевский медицинский, Сталинградский механический и Ленинградский педагогический институты. Помимо вузов прибывали научно-исследовательские институты, заводские лаборатории... Интеллектуальный ландшафт Южного Урала стремительно менялся.

Руководство области было заинтересовано в том, чтобы иметь возможность консолидировать имеющиеся у него в распоряжении интеллектуальные ресурсы и направлять их энергию на развитие производства. Сами ученые, оказавшись вдалеке от интеллектуальных и культурных центров, в явно неблагоприятных для них бытовых условиях, вне привычных для них социальных связей, нуждались в дополнительной поддержке. Стремления сверху и снизу совпали.

Инициативу проявили власти Магнитогорска. Там уже в декабре 1941 г. был создан свой Комитет ученых помощи фронту⁵. Вполне логично было ожидать появления подобной организации и в Челябинске. 12 марта 1942 г. в газете «Челябинский рабочий» появилась заметка «Объединим силы ученых для помощи фронту», в которой впервые была публично озвучена идея создания в Челябинске Дома ученых, который позволил бы скоординировать усилия научных работников. Как уверяли авторы, «многие военные научно-исследовательские проблемы получили бы более эффективное решение при сотрудничестве ученых смежных дисциплин, при их активном участии в комплексной разработке этих проблем»⁶. В тот же день горком ВКП(б) принял решение о создании новой организации и утвердил состав оргкомитета. Во главе его встал преподаватель Киевского медицинского института акушер-гинеколог А. Ю. Лурье⁷. Стоит отметить, что на тот момент эта организация мыслилась в качестве формирования именно городского масштаба.

13 марта 1942 г. в Доме партийного просвещения Челябинска прошло собрание научных работников. Открылось оно докладом секретаря горкома Ф. А. Рудных,

который и объявил собравшимся об идее открытия в Челябинске городского Дома ученых⁸. Однако самыми любопытными на этом собрании стали выступления самих ученых. А. Ю. Лурье перечислил основные задачи, которые он видел стоящими перед своей организацией. Во-первых, он считал необходимым «создать такие ученые советы, которые бы четко разрешали целый ряд практических проблем, нужных на сегодня»⁹; во-вторых, следовало изменить в сторону максимального сокращения сроки между завершением научной работы и внедрением ее результатов в производство; в-третьих, необходимо было наладить диалог научной среды с партийным и советским руководством таким образом, чтобы последнее как можно чаще обращалось к ученым с разного рода запросами и нуждами. Профессор Нуд посчитал важным подчеркнуть иное: Дом ученых должен был обеспечить своего рода «сцепку», тесное взаимодействие ученых-теоретиков и ученых-практиков, что в конечном счете работало бы на выполнение второй из поставленных задач. Вайцвейн пошел дальше и обратил внимание на то, что ценность новой организации состоит в возможности создать творческое сотрудничество представителей разных научных дисциплин. Поэтому он выступил с довольно радикальной идеей, касавшейся структуры Дома ученых: отказаться от уже имеющегося опыта и не создавать внутри организации секций «по отдельным отраслям», а «построить работу так, чтобы найти стержневой вопрос, который бы объединил максимальное количество ученых»¹⁰.

Несмотря на последнее предложение, правление Дома ученых пошло по проторенному пути. Секции, созданные внутри него, были организованы именно по отраслевому принципу. Всего в марте 1942 — августе 1943 г. действовало 12 секций: энергетическая, металлургическая, химическая, машиностроительная, механизации сельского хозяйства, сельскохозяйственная, архитектурно-строительная, геолого-географическая, медицинская, социально-экономическая, педагогики и психологии, искусства и литературы¹¹. Последняя, отметим, была создана по просьбе коллектива Малого академического театра и состояла преимущественно из его работников¹².

8 апреля 1942 г. состоялось следующее общее собрание членов Дома ученых. На нем уже официально было принято положение о новом учреждении, избран состав его правления (всего 15 человек) и официально оформлен прием членов организации. Их на тот момент было 235 человек. Главой правления ожидаемо стал А. Ю. Лурье, его заместителями — Н. М. Деханов и М. П. Сергеев. Однако процесс эвакуации в Челябинск новых научных работников, инженеров и деятелей культуры не прекратился, а это вело к дальнейшему численному росту организации. К июню 1942 г. в ней состояли уже 360 человек¹³.

16 августа 1942 г. бюро Челябинского обкома ВКП(б) приняло решение о новом статусе Дома ученых: с этого момента он из городского учреждения был преобразован в областное, его филиалы открывались в Троицке, Кыштыме, Миассе, Кургане и Шадринске. Одновременно с этим был утвержден план работы до конца декабря 1942 г. Основное внимание его членов было решено сосредоточить на таких задачах, как поиск доступных заменителей стройматериалов и металлов, рационализация производства¹⁴.

Проект нового положения о Доме ученых на утверждение обкома ВКП(б) был представлен в июне 1942 г. Обком партии, однако, утвердил этот документ лишь в конце августа¹⁵. Значительно большее испытание ждало ученых в облисполкоме, который свое решение об утверждении положения вынес только 15 января 1943 г. Камнем преткновения, как можно догадаться, стали вопросы финансовые: ученые на этот раз подготовили для утверждения большой комплект документов, включавший в себя штатное расписание, сметы на содержание новой организации, прочие материалы, связанные с ее финансированием. Денег в областном бюджете на 1942 г. не оказалось, в итоге соответствующее решение облисполкома сильно задержалось, хотя сам Дом ученых все это время де-факто существовал и довольно активно вел свою работу¹⁶.

Главной, основной задачей функционирования организации провозглашалось «объединение научно-общественной деятельности ученых»¹⁷. Далее, под вторым и третьим пунктом, следовало содействие во внедрении научных разработок в производство и оказание консультационной помощи новаторам и стахановцам. Еще одним значимым направлением деятельности стала научно-техническая пропаганда среди

населения. Брал на себя Дом ученых и заботу о бытовых нуждах своих членов (к слову, уже упоминавшимся выше решением обкома партии к его ведению была отнесена столовая для научных сотрудников, обслуживавшая порядка 150 человек¹⁸). Наконец, часть задач была связана с пропагандистской работой уже среди самих ученых: изучение марксистско-ленинского учения и основ военного искусства, разного рода культурно-массовые мероприятия. Любопытно отметить, что собственно ведение научных разработок не было упомянуто в задачах организации, но, как это будет показано далее, оно все равно составляло значительную часть ее деятельности.

Во главе Дома ученых стоял избираемый правлением директор. Правление, в свою очередь, избиралось на общем собрании членов организации. Во главе областного Дома ученых стояло Челябинское отделение. В целом его филиалы дублировали внутреннюю структуру головного отделения. Членом Дома ученых фактически мог стать любой обладатель научной степени и ученого звания, старший научный сотрудник, доцент и профессор вуза, «а также лица, известные стране своими изобретениями, открытиями, конструкциями»¹⁹. Впрочем, членство было платным, вступительный взнос составлял 25 руб., такая же сумма вносилась и в начале каждого календарного года.

Значительная часть деятельности Дома ученых была посвящена организации и проведению многочисленных научных конференций. Заметим, что в большинстве случаев речь не шла о последующем издании материалов таких собраний, редчайшим исключением являются несколько стенограмм, сохранившихся до настоящего времени в ОГАЧО²⁰. В большинстве случаев мы узнаем о проводившихся конференциях из небольших заметок в газетах и по довольно коротким фразам из официальных отчетов. Так, уже в августе 1942 г. прошла организованная совместно с Институтом энергетики АН УССР конференция энергетиков²¹. В апреле 1943 г. при обкоме ВКП(б) Домом ученых было проведено совещание, посвященное вопросам использования заменителей дефицитных материалов в основных отраслях промышленности²². Кроме того, в отчетах упоминались конференции «по научному обоснованию движения тысячников, многосотников и стахановцев на предприятиях Челябинской области», «по переводу автомобилей и тракторов с жидкого топлива на газ», «по высокочастотной закалке»²³ и ряд более мелких совещаний при различных отделах обкома ВКП(б).

Но самым большим и значимым мероприятием стала первая областная конференция научных работников, состоявшаяся в марте 1944 г. Всего на нее было приглашено свыше 300 человек, помимо челябинцев в ней участвовали люди из Кыштымского, Миасского, Златоустовского и Троицкого филиалов Дома ученых, Магнитогорского и Саткинского комитетов помощи ученых фронту²⁴. Пленарное заседание открылось в большом зале здания обкома²⁵. Курировавший вопросы идеологии секретарь обкома ВКП(б) А. А. Шварев в своем выступлении пафосно заявил: «Надо поднять культуру наших городов до уровня Москвы и Ленинграда. Первостепенная роль в этом принадлежит работникам науки, искусства и нашим гуманитарным вузам»²⁶. Звучали выступления таких крупных специалистов, как физиолог М. М. Губергриц, литературовед В. А. Десницкий, историк В. Н. Бернадский, о достижениях лаборатории В. П. Вологодина докладывал ее научный сотрудник Фогель²⁷. Выступления на конференции стенографировались, однако издать текст не удалось, несмотря на все просьбы правления Дома ученых²⁸. Не сохранился он и в ОГАЧО.

Внутри секций также кипела научная работа. Каждый из членов Дома ученых официально, в рамках деятельности этого учреждения, разрабатывал определенную научную тему и регулярно отчитывался на заседании секции. Так, например, Д. Ю. Элькина написала монографию «Революционное движение в Челябинске (исторический очерк)» (оставшуюся, увы, неизданной)²⁹.

Кроме того, внутри секций были организованы бригады, регулярно появлявшиеся на предприятиях, где они изучали состояние производства, основные проблемы, с которыми сталкивались рабочие. Результатами этого стали как простые консультации³⁰, так и многочисленные рацпредложения. Согласно докладной записке, составленной по итогам первой областной конференции научных работников, «секциями Дома ученых дано более 100 научно-технических заключений по различным вопросам техники и производства»³¹. В частности, были разработаны новые способы получения соды из озерной воды, новая антикоррозийная смазка, даже инновационный

метод отбеливания исписанной чернилами бумаги (на тот момент превращавшейся в дефицитный товар)³². Увы, остается неясным главное — насколько успешно внедрялись все эти разработки в производство. Официальные отчеты Дома ученых об этом умалчивают.

Наконец, новая организация активно вела лекционную и пропагандистскую деятельность. Так, члены лишь одной только медицинской секции за июнь — август 1943 г. прочитали 50 лекций, при этом при помощи облздравотдела члены головного филиала совершили 20 выездов в районы³³. Артисты из секции литературы и искусства регулярно выступали с концертами, устраивали творческие вечера, в том числе в эвакуогоспиталях³⁴. В 1944 г. правление организации уже ставило вопрос о строительстве собственного оборудованного лектория³⁵.

Однако деятельность нового учреждения начала идти на спад уже в 1943 г. Тому было две основных причины. Сильный удар по Дому ученых нанесла реэвакуация. Наиболее квалифицированные ученые принадлежали к числу тех, кто прибыл на Южный Урал из западных районов Советского Союза. В апреле 1943 г. в Челябинском Доме ученых и всех его филиалах насчитывалось 412 членов, но к июню того же года их осталось 327, а процесс реэвакуации продолжался. Если посмотреть на то, какими структурными изменениями внутри учреждения он сопровождался, вырисовывается еще более плачевная картина. В полном составе уехала в Москву архитектурно-строительная секция, полностью реэвакуированы были члены Кыштымского и Миасского филиалов. Несмотря на то что к ноябрю численность членов Дома ученых выросла до 377 человек (скорее всего, за счет приема малоквалифицированных кадров с производства), начался процесс слияния секций³⁶.

Другой проблемой стал неопределенный статус организации. Как писали об этом сами ученые, «в дальнейшем с реорганизацией Дома ученых в областной, внимание к общественной деятельности ученых расплылось между обкомом ВКП(б), облисполкомом, г[ородским] к[омитетом] ВКП(б), горсоветом, и коллектив ученых почувствовал значительное ослабление помощи и внимания к [своей] работе»³⁷. Явственным признаком этого стали проблемы с помещением для головного отделения. Не менее четырех раз за время войны Дом ученых менял свое расположение, зачастую ютился в двух-четырёх комнатах, иногда на заседаниях секций люди стояли из-за отсутствия мебели, однажды энергетическая секция заседала вовсе в коридоре³⁸. Финансирование от городских и областных организаций прекратилось³⁹.

В 1944 г. правление приняло решение ходатайствовать о переходе Дома ученых в ведение профсоюза работников высшей школы и научных учреждений⁴⁰. Предложение было реализовано. Естественно, такой переход не лучшим образом отразился на положении организации. Характерно, что финансирование ее в итоге легло на плечи городского бюджета.

Челябинский обком профсоюза работников высшей школы и научных учреждений еще будет какое-то время предпринимать усилия для реанимации деятельности этой организации⁴¹. В 1948 г. Дом ученых смог даже провести вторую областную конференцию научных работников и издать ее материалы⁴², однако это уже мало что меняло. Последние из обнаруженных нами документальных упоминаний о Доме ученых относятся к 1949 г.⁴³ По-видимому, после этого организация попросту свернула свою деятельность.

В чем же состояли основные, фундаментальные причины неуспеха этого организационного проекта на Южном Урале? Во-первых, конечно же, это следствие малочисленности прослойки интеллектуалов в Челябинской области. Первые вузы здесь начали появляться только в начале 1930-х гг. и ориентировались они в основном не столько на собственные научные исследования, сколько на педагогический процесс. Уехавшие же в ходе реэвакуации высококвалифицированные специалисты просто не могли успеть вырастить за такой короткий срок себе смену. Во-вторых, Дом ученых очень плохо вписывался в уже существующую систему управления научными исследованиями с ее фрагментацией и «разнесенностью» по различным ведомственным направлениям. Руководству области было гораздо проще направлять исследователя и принимать его отчеты о деятельности, используя традиционные, уже давно функционирующие управленческие институты. В-третьих, негативно сказалась неоднознач-

ность самих функций Дома ученых. Подобные учреждения создавались в качестве культурно-просветительских и не были рассчитаны на дублирование работы научных академических или ведомственных институтов, однако Челябинский Дом ученых видится своим создателям именно в таком качестве. Все это вкупе с не слишком удачно складывавшимися обстоятельствами военного времени определило кратковременность и неудачу проекта.

Однако не стоит и недооценивать его результаты. Созданный главным образом ради эвакуированных ученых, он все же смог дать им некоторое подобие привычного для них габитуса, образа жизни, и в этом смысле его существование было не столь бессмысленным.

Примечания

¹ Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1972. Т. 8. С. 420.

² См., например: *Терехов А. Н., Чернобривец Т. Ф.* Дом ученых // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 148 ; Южный Урал. Хроника Великой Отечественной войны. 1941–1945 / авт.-сост. Н. Денисова. Челябинск, 2015. С. 131, 241.

³ *Чуносков А. А.* Прибежище мудрецов // Южноуральская панорама. Челябинск, 2012. 14 авг. ; *Базанов М. А.* На фронтах науки // Парламентская неделя. Челябинск, 2020. 20 мая.

⁴ *Калугина Т. А., Лымарь А. Н., Семочкина Е. И.* Высшее образование // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 774.

⁵ О нем см.: *Климова М. В.* «...Ученые, объединенные с партией, ускорят разгром гитлеровской банды!» (о работе Комитета ученых помощи фронту при Магнитогорском горкоме ВКП(б)) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 305–309.

⁶ *Лурье А. Ю., Сапожников М. С., Абашев Л. Б., Марков В. Н., Костин А. П., Сергеев М. П.* Объединим силы ученых для помощи фронту! // Челябинский рабочий. 1942. 12 марта.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 65. Л. 22–23.

⁸ Текст доклада см.: Там же. Д. 107. Л. 44–75.

⁹ Там же. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 19–20.

¹¹ Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 253. Л. 20.

¹² См.: Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 107. Л. 29–30 ; Ф. П-288. Оп. 6. Д. 229. Л. 91 об.

¹³ См.: Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 253. Л. 19 ; В Доме ученых // Челябинский рабочий. 1942. 10 апр.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59. Л. 59.

¹⁵ Там же. Д. 61. Л. 107–112.

¹⁶ См.: Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1540. Л. 90–90 об., 179–193.

¹⁷ Там же. Л. 179.

¹⁸ Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59. Л. 60.

¹⁹ Там же. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1540. Л. 180–180 об.

²⁰ См., например: Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 109 ; Ф. П-92. Оп. 5. Д. 240.

²¹ *Вайнер А.* Научно-техническая конференция энергетиков // Челябинский рабочий. 1942. 7 авг.

²² Стенограмму см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 109. Л. 1–74.

²³ См.: Там же. Д. 253. Л. 19 об. — 20.

²⁴ Там же. Оп. 8. Д. 12. Л. 18.

²⁵ Сегодня открывается 1-я конференция ученых Челябинской области // Челябинский рабочий. 1944. 3 марта.

²⁶ Первая конференция ученых Челябинской области // Там же. 7 марта.

²⁷ Там же.

²⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 8. Д. 266. Л. 6 об.

²⁹ См. нашу статью: *Базанов М. А.* Неизвестная работа по истории Южного Урала : рукопись Д. Ю. Элькиной «Революционное движение в Челябинске (исторический очерк)» // Гороховские чтения : материалы одиннадцатой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Н. Лымарев. Челябинск, 2020. С. 123–127.

³⁰ См., например: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 253. Л. 20–21.

- ³¹ Там же. Оп. 8. Д. 266. Л. 65.
- ³² Там же. Оп. 7. Д. 253. Л. 21–21 об.
- ³³ Там же. Л. 22 об.
- ³⁴ Там же. Л. 24 об. — 25.
- ³⁵ Там же. Оп. 6. Д. 266. Л. 65–65 об.
- ³⁶ Там же. Оп. 7. Д. 253. Л. 19 ; Ф. П-92. Оп. 5. Д. 238. Л. 8.
- ³⁷ Там же. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 253. Л. 25.
- ³⁸ См., например: Там же.
- ³⁹ Там же. Оп. 8. Д. 266. Л. 66.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. Ф. П-1300. Оп. 1. Д. 38. Л. 13, 17 ; Д. 43. Л. 10–11, 22 ; Д. 44. Л. 58–58 об. ; Д. 47. Л. 156 об., 172, 224, 274–275 ; Д. 64. Л. 1, 9 об. — 10 ; Д. 82. Л. 48.
- ⁴² II конференция научных работников Челябинской области : доклады. Челябинск, 1948.
- ⁴³ Помимо указанных выше см.: ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 12. Д. 24. Л. 50–53.

ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Первые годы существования молодого Советского государства складывались очень непросто. Приходилось преодолевать очень много трудностей, вызванных революционными событиями и усугубленных Гражданской войной. Нужно было заново отлаживать административно-хозяйственную, учебно-просветительскую и здравоохранительную системы. Восстановительные процессы начинались с городов.

Санитарно-гигиеническое состояние территории страны после Гражданской войны было катастрофическим: отсутствовали нормальное питание, качественная вода, иногда у людей не было условий для соблюдения элементарной гигиены. Не хватало врачей, бань, вакцин, лекарств, медицинских инструментов, гигиенических средств и белья. Все это провоцировало различные эпидемические заболевания: холеру, тиф, дизентерию. «Став руководящей силой первого в мире государства рабочих и крестьян, РКП(б) сразу же приступила к проведению крупных санитарно-оздоровительных мероприятий. Они осуществлялись во всех городах молодой Советской республики»¹. Анализ средств массовой информации и статистических данных показывает, что подобные мероприятия приходилось корректировать с учетом состояния той или иной городской территориальной единицы.

Города Южного Урала в 1920-е гг. являют собой пример того, как новые задачи отечественного здравоохранения — проведение широких санитарных мероприятий, борьба с социальными болезнями, обеспечение общедоступной и квалифицированной лечебной помощи — давали положительные результаты в улучшении медицинского обслуживания.

Наряду с выполнением поставленных государственных задач городское здравоохранение Челябинской губернии в 1921–1923 гг. вынуждено было неотложно преодолевать основные проблемы — административные и санитарно-эпидемические. С 1 сентября 1922 г. все учреждения здравоохранения были сняты с госснабжения и переведены на содержание за счет местных средств, получаемых от общегражданского налога и страхования служащих и рабочих. Теперь больницы лишались 600–700 пудов хлеба и 2–3 млрд руб., которые они получали ежемесячно на свое содержание, и их функционирование становилось зависимым от своевременных взносов в страховую кассу учреждениями и гражданами общегражданского налога.

Такое положение дел крайне негативно сказывалось на состоянии городского здравоохранения. Пришлось урезать основные виды расходов: был уменьшен штат обслуживающего персонала, который и так испытывал дефицит, сокращена сеть лечебных заведений.

Эпидемии (значительное превышение частоты какого-либо заболевания среди населения) — другая проблема наряду с административными трудностями. Войны, голод и общая разруха в стране усугубляли эпидемиологическую ситуацию в городах Челябинской губернии. Эпидемия тифа упоминается в мемуарах акцизного чиновника К. Н. Теплоухова. В тетради за 1919 г. он пишет: «Тиф — и в тяжелой форме — продолжал распространяться, — в редком доме не было больных... Смертность большая — в уезде некоторые деревенешки вымерли начисто. В городе открыли много лазаретов, — свободных, нежилых помещений сколько угодно»². Дочери Константина

Николаевича, Анна и Ольга, работали сиделками: «Около 10-го декабря всех педагогов и вообще всех причастных к учебному делу мобилизовали для борьбы с тифом и назначили сиделками в лазареты. Аня попала в лазарет на 2-ю версту Сибирской ж. д., Оля — в винном складе — сутки дежурили, сутки дома. Какое было лечение — понятно; у Оли каждую ночь умирали один, два, у Ани — меньше, туда помещали более легких»³.

Состояние системы здравоохранения на Южном Урале в период становления Советского государства можно представить, с одной стороны, по данным статистики: в библиотеке Объединенного государственного архива Челябинской области хранится «Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг.», подготовленный Челябинским губернским статистическим бюро. С другой стороны, местная пресса также уделяла внимание качеству оказываемых медицинских услуг.

Статистика показывает, что количество стационарных и амбулаторных учреждений на 1922 г. в Челябинске составляло 9 и 15 соответственно, в Кургане — 3 и 5, в Троицке — 5 и 6, в Златоусте — 6 и 10, в Верхнеуральске — 3 и 2. В 1923 г. их число составляло: в Челябинске — 7 стационаров и 7 амбулаторий, в Кургане — 3 и 3, в Троицке — 1 и 5, в Златоусте — 4 и 5, в Верхнеуральске — 2 и 1.

Сокращение лечебных заведений, конечно же, не могло положительно сказаться на качестве медицинского обслуживания. Такое положение дел особенно ухудшалось распространявшимися в городах Челябинской области эпидемическими заболеваниями.

В газете «Челябинский рабочий» корреспондент описал проблемы, с которыми сталкивалось здравоохранение Челябинска: недостаток специалистов с медицинским образованием (на весь город было только два врача для оказания помощи на дому), перегруженность медперсонала («...требований на врача так много, что они в день получения обычно выполнялись не все и частью переносились на следующий день»), отсутствие как таковой скорой помощи⁴.

Согласно статистике, самыми распространенными заболеваниями были возвратный тиф, сыпной тиф, холера, цинга и дизентерия. Первое место по количеству заболевших занимал возвратный тиф: в 1921 г. из общего числа жителей Челябинской губернии 159 478 человек им болели 6667, сыпным тифом — в четыре раза меньше, холерой — в 1,5 раза меньше, цингой — на 20 % меньше, дизентерией — в три раза меньше. В 1922 г. также лидировал возвратный тиф — им болели 10 542 человека из 152 353 городских жителей, сыпным тифом — в 3,5 раза меньше, холерой — в 60 раз меньше, цингой — в 35 раз меньше, дизентерией — в четыре раза меньше. В первом полугодии 1923 г. вновь лидировал возвратный тиф — им болели 854 человека из 144 231 городских жителей, сыпным тифом — в 3,5 раза меньше, цингой — в 20 раз меньше, дизентерией — в 14 раз меньше, брюшным тифом — в 18 раз меньше.

Борьба с инфекциями была всесторонней: от элементарной пропаганды чистоты, профилактических прививок до санитарных рейдов по рынкам, магазинам, лавкам и учреждениям общественного пользования. В местных газетах, подшивки которых хранятся в Челябинской областной научной библиотеке и в библиотеке Объединенного государственного архива Челябинской области, во время превышения эпидемического порога того или иного заболевания появлялись предупредительные объявления о том, что в уезде эпидемия. К примеру, в троицком «Набате» была опубликована следующая заметка: «Граждане! В нашем уезде эпидемия холеры. Берегите себя от заражения». Ниже помещалась пара простейших рекомендаций о том, как можно уберечься от заражения: «Перед едой тщательно мойте руки водой с мылом. Пейте только кипяченую воду»⁵. Такого рода инструкция, конечно же, едва ли могла полностью уберечь население от инфекционных заболеваний. Санитарное состояние городов первой половины XX в., которое было далеко от идеального, вносило свою лепту в распространение эпидемий. Здания общественного пользования, как правило, находились в полуразрушенном состоянии. Топлива для обогрева помещений было очень мало либо не было совсем, что приводило к переохлаждению организмов граждан, а следовательно, к заболеванию.

Торговцы на базарах и рынках, реализующие продуктовый товар, желая привлечь покупателя, выставляли продукцию на прилавок в открытом виде. В результате на хлеб, масло, муку и другие продукты, находящиеся в неупакованном состоянии, совершенно

свободно попадало разного рода загрязнение. Санитарная инспекция совместно с милицией проводила периодические рейды и в случае обнаружения антисанитарного состояния продуктов составляла протоколы. К сожалению, как показывают заметки в местной прессе, торговцы не спешили выполнять требования органов здравоохранения: «Видно вполне бессознательное отношение базарных купцов к требованиям санитарии. Требования чистоты и опрятности, по-видимому, ими принимаются просто как придирки...»⁶

В антисанитарном состоянии находились не только продукты на рынках, но и вообще вся городская территория. Улицы не убирались, порядок в помещениях не соблюдался, вывозившийся с территории города мусор загрязнял пригородные поселки, что вызывало возмущения местного населения.

Санитарный комитет реагировал на жалобы граждан и облагал штрафом губкомунотдел в размере 1000 руб., уточняя при этом, что очистка всего города является его обязанностью. В свою очередь губкомунотдел в «Советской правде» периодически размещал объявления об обязательной очистке домовладельцами, учреждениями и предприятиями дорог, тротуаров и канав от мусора, грязи, всяких отбросов. В случае невыполнения виновный привлекался к ответственности вплоть до наложения штрафа⁷.

Здравотдел со своей стороны, борясь за санитарное просвещение городского населения, устраивал лекции по медицине и санитарии, организовывал просмотр фильмов о последствиях тех или иных заболеваний, составлял инструкции о мерах предосторожности, проводил обязательные вакцинации тех, кто имел соприкосновение с массовой публикой. Каждый сделавший прививку получал удостоверение соответствующего образца. На граждан, уклоняющихся от вакцинации, накладывался штраф.

Налаженная работа трех комитетов — здравотдела, санитарного комитета и губкомунотдела — в конечном итоге дала положительные плоды. К концу 1922 г. в «Советской правде» констатировалось, что «ужасы эпидемий остались в прошлом» и в 1923 г. городское здравоохранение «вступило почти свободно от тех бедствий, которые вырвали сотни тысяч жертв из нашей жизни. <...> Словом, эпидемия, которая до последнего времени поглощала все силы органов здравоохранения, почти ликвидирована, и мы можем сказать, что у нас в этой области, как и в других областях нашей жизни, создается возможность вступить в мирный, созидательный период, период не только восстановления старого разрушения, но и создания новых пунктов и учреждений, имеющих своей целью сохранение народного здравоохранения»⁸.

Теперь более активно стала проводиться санитарная уборка городской территории. Была создана прочная основа для работы санитарного комитета, которым исследовались условия труда, уровень профессиональной заболеваемости и характер питания населения. Всесторонняя борьба с эпидемическими заболеваниями, продуктивные действия, связанные с улучшением санитарного состояния городов, позволили органам здравоохранения сосредоточить свое внимание на решении других, не менее важных вопросов.

Исследованный в ходе работы над статьей материал позволяет провести параллель между событиями столетней давности и сегодняшним днем. И сейчас актуальны проблемы санитарного состояния города и вывоза мусора, беспокойна эпидемиологическая обстановка, проводится массовая вакцинация.

Примечания

¹ Становление охраны здоровья народа на Южном Урале. Челябинск, 1970. С. 18.

² Теплоухов К. Н. Челябинские хроники, 1899–1924 / сост., науч. ред. В. С. Боже. Челябинск, 2001. С. 366.

³ Там же.

⁴ Челябинский рабочий. 1927. 6 июля.

⁵ Набат. Троицк, 1922. 29 июля.

⁶ Там же. № 93.

⁷ Советская правда. Челябинск, 1922. № 83.

⁸ Набат. Троицк, 1922. № 89.

ОБОРОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛЯБИНСКОГО СОВНАРХОЗА НАКАНУНЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА: ОБЪЕМЫ И НОМЕНКЛАТУРА

В 1957–1962 гг. в СССР была проведена реформа — децентрализация управления промышленностью и строительством путем ликвидации народнохозяйственных министерств с целью устранения ведомственных барьеров, параллелизма в работе строительных, снабженческих, ремонтных и транспортных организаций, а также мобилизации потенциала территориального управления народным хозяйством — через создание 105 региональных советов народного хозяйства (совнархозов). Из-за роста напряженности в холодной войне значительная часть высвобожденного в результате реформы экономического потенциала была направлена на прогресс в оборонно-промышленном комплексе. В своих мемуарах Н. С. Хрущев отмечал, что в век кибернетики, космических полетов и зарождения робототехники военные расходы оставались огромными, обостряя социальные проблемы¹.

Совнархоз Челябинского экономического административного района был создан 1 июня 1957 г. на основании Постановления Совета министров РСФСР от 1 июня 1957 г. № 487². В его подчинении было 300 промышленных предприятий (84 % промышленного производства области), где трудились 450 тыс. человек, и 60 строительных организаций (85 тыс. трудящихся)³.

Сложно было решить проблемы ведомственной подчиненности оборонных заводов. В начале 1958 г. партия и Правительство СССР решили серийные предприятия передать совнархозам, а передовые НИИ, конструкторские бюро, опытные заводы — государственным комитетам Совета министров СССР по оборонным отраслям промышленности. В результате в Челябинской области Госкомитет по оборонной технике сохранил контроль над СКБ-385, где разрабатывались ракеты для подводных лодок (ныне ГРЦ имени академика В. П. Макеева); Госкомитету по радиоэлектронике подчинили ОКБ № 321 (с 1959 г. — НИИ № 249), расположенное на территории Челябинского радиозавода № 321; Госкомитету по судостроению в Миассе — строящийся филиал № 2 НИИ-944 с опытным заводом. Атомные предприятия Челябинской области: плутониевый комбинат № 817 (ныне ПО «Маяк»), НИИ-1011 в Снежинске и приборостроительный завод № 933 в г. Трехгорном остались подведомственными сохраненному Министерству среднего машиностроения.

В руководстве совнархоза развитие оборонной промышленности курировал А. К. Рухадзе — первый заместитель председателя, назначенный на эту должность Постановлением Совета министров РСФСР от 3 июля 1957 г. № 788⁴. Челябинскому совнархозу были подчинены 15 базовых серийных оборонных предприятий области. Ими руководило Управление оборонной промышленности («седьмое» — по номеру в списке). Возглавлял его Н. С. Сеница, главным инженером был назначен Д. П. Медведев. На предприятиях управления трудились 105 840 человек, валовой объем производства в 1957 г. составил 3656,9 млн руб., в 1958 г. — 3942 млн руб. При этом предприятия управления производили также гражданскую продукцию — до 47 % — в 1957 г. и 55 % — в 1958 г. Оборонной продукции заводами управления выпускалось: в 1957 г. — на 1715 млн руб., в 1958 г. — на 1608,6 млн руб. Снижение объема производства было связано с передачей некоторых предприятий в другие структуры.

Например, указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1958 г. Златоустовский завод № 66 был передан Госкомитету по оборонной технике и присоединен к СКБ-385. В апреле 1959 г. Управление оборонной промышленности по соображениям секретности было переименовано в Управление станкостроения. Возглавлял его уже Д. П. Медведев, а главным инженером стал Е. В. Мещеряков.

Усложнение военно-промышленных технологий требовало специализации органов управления. 11 апреля 1961 г. Челябинский совнархоз Постановлением № 7 передал оборонные радио- и электротехнические предприятия из подчинения Управления станкостроения Управлению радиоэлектротехнической и приборостроительной промышленности, созданному на базе Управления приборостроения и инструментальной промышленности. Возглавил управление П. И. Савин, главным инженером стал Е. К. Сосунов⁵.

К 1962 г. номенклатура и объемы выпускаемых оборонных изделий заметно расширились. В целом с 1957 по 1962 г. объем производства валовой продукции по предприятиям и организациям Челябинского совнархоза вырос с 23 млрд 59,1 млн руб. до 49 млрд 61 млн руб., то есть более чем в два раза за 5,5 года (далее для удобства сравнения цены будут указаны в масштабе на 1 июля 1955 г. без учета деноминации в ходе денежной реформы 1961 г.).

К 1962 г. Управление станкостроения оставалось ведущим центром производства вооружений в совнархозе. Возглавлял его А. И. Крицын (бывший директор ЧТЗ), назначенный параллельно первым заместителем председателя Челябинского совнархоза по оборонной промышленности для помощи А. К. Рухадзе, который уже физически не мог одновременно контролировать все аспекты разросшегося оборонного производства, мобилизационной подготовки и гражданской обороны промышленности, а также замещать председателя совнархоза в период его отсутствия. Однако А. И. Крицыну тоже было тяжело исполнять обязанности на двух должностях, и с июня 1962 г. управление возглавил П. Н. Богданов. Объем валового производства по управлению в 1962 г. составлял около 5900 млн руб. При этом удельный вес именно военной продукции был 36 %, то есть около 2120 млн руб., следовательно, гражданской продукции выпускалось больше, чем в 1957 г. Однако оборонная продукция стала более сложной и технологичной, а 14 % заказов были новыми. Прежде всего увеличивалось производство ракетной техники — около 10 % в год (для сравнения: гражданской продукции — 6,6 %).

Наиболее крупным и известным предприятием Управления станкостроения являлся Челябинский ордена Красной Звезды, ордена Кутузова I степени тракторный завод (ЧТЗ), производивший стосильные трактора, дизель-электрический трактор ДЭТ-250, двигатели КДМ-100 и другую народнохозяйственную продукцию. Именно ЧТЗ дал Челябинску в годы войны имя — Танкоград. К 1962 г. профиль предприятия изменился, годовое производство танков сократилось до 100 тяжелых танков Т-10М, а также 1000 средних артиллерийских гусеничных тягачей (объект 712). При этом полгода выпускались танки, а затем производство перестраивалось на тягачи, что мешало ритмичной работе. Завод стремился отказаться от выпуска тягачей, но возникла угроза остановки и танкового производства из-за изменения военной доктрины, что и случилось вскоре на Ленинградском Кировском заводе. Значительный вклад ЧТЗ вносил в производство танковых двигателей — более 6400 шт. в год, в том числе другим танковым предприятиям (Нижне-Тагильскому заводу № 183 (Уралвагонзавод); заводу № 174 Омского совнархоза; заводу № 75 Харьковского совнархоза; Ленинградскому Кировскому заводу; Курганскому машзаводу и т. д.) — 5170 шт. Выпускались запчасти к танкам и двигателям. Шла разработка новых двигателей: газотурбинного, В-26 с турбонаддувом, В-55-М для работы на разных видах топлива, 1000-сильного В-12-7 с моноблоком и т. д. Проводились опытно-конструкторские работы по созданию танка весом до 37 т с ракетным управляемым вооружением, специальной боевой машины на воздушной подушке (ползолет), боевой машины пехоты и т. д. Челябинский тракторный завод выпускал также оборудование и для других видов оружия, например универсальные регуляторы скорости (УРСы), использовавшиеся для военного судостроения, для зенитной спаренной артиллерийской установки «Ангара» и других изделий. Еще со второй половины 1940-х гг. ЧТЗ был привлечен к атомному проекту. В 1962 г. особое конструкторское бюро № 700 ЧТЗ (начальник Г. Я. Белых) выпускало военные

изделия по заказам Министерства среднего машиностроения: корпуса атомных авиабомб, приборы для подрыва ядерного заряда с учетом высоты, различные комплектующие для ядерного оружия (анероидные блоки, задающие устройства и т. д.). Опытно-конструкторское бюро № 700 сотрудничало со Снежинским НИИ-1011, Пензенским п/я № 46 и другими организациями. Объем производства ОКБ-700 в 1962 г. составлял 2651,9 тыс. руб. В целом в 1962 г. ЧТЗ произвел вооружений и комплектующих на 257 680 тыс. руб. при валовом производстве 1970 млн руб.

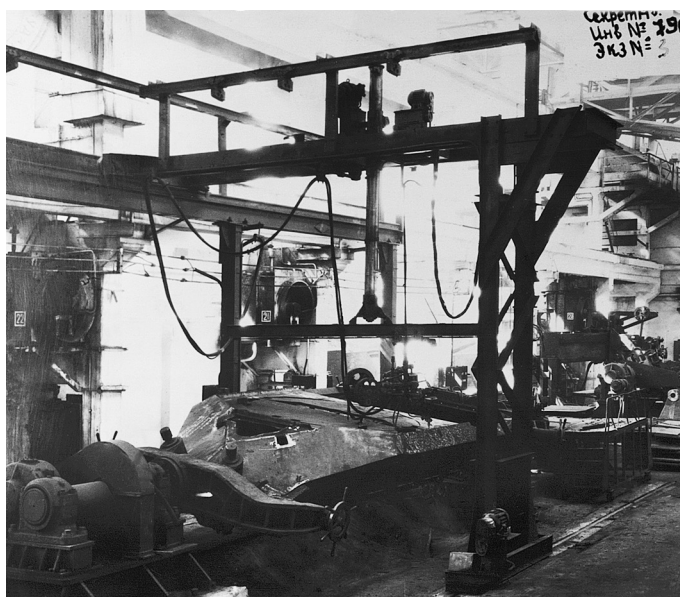
Важным многопрофильным предприятием был Челябинский станкостроительный завод им. С. Орджоникидзе № 78 (Станкомаш).

Здесь выпускалась разнообразная продукция: бронекорпуса с башнями и погонями для тяжелых танков Т-10 (185 шт. в год), башни для средних танков Т-55 (639 шт.) и истребителей танков (350 шт.); минные тралы; корпуса снарядов, головные и реактивные части авиабомб, в том числе глубинных. В конце 1950-х гг. завод был привлечен к выпуску ракетной техники: боевых частей, корпусов двигателей тактической неуправляемой баллистической ракеты «Луна» (в октябре 1962 г. эти ракетные комплексы поставлялись на Кубу); корпусов пороховых реактивных двигателей ПРД-58 и боевой части ракеты В-755 зенитно-ракетного комплекса С-75, а также корпусов ракет системы «Даль» для советских средств ПВО. Всего оборонной продукции в 1962 г. было выпущено на 376 млн 97 тыс. руб., в том числе ракетной техники — на 183 млн 88 тыс. руб. при объеме валовой продукции в 605 млн руб. Из гражданской продукции завод выпускал литье, станки и оборудование, запчасти к сельскохозяйственным машинам и тракторам, лемеха, прессы и т. д.

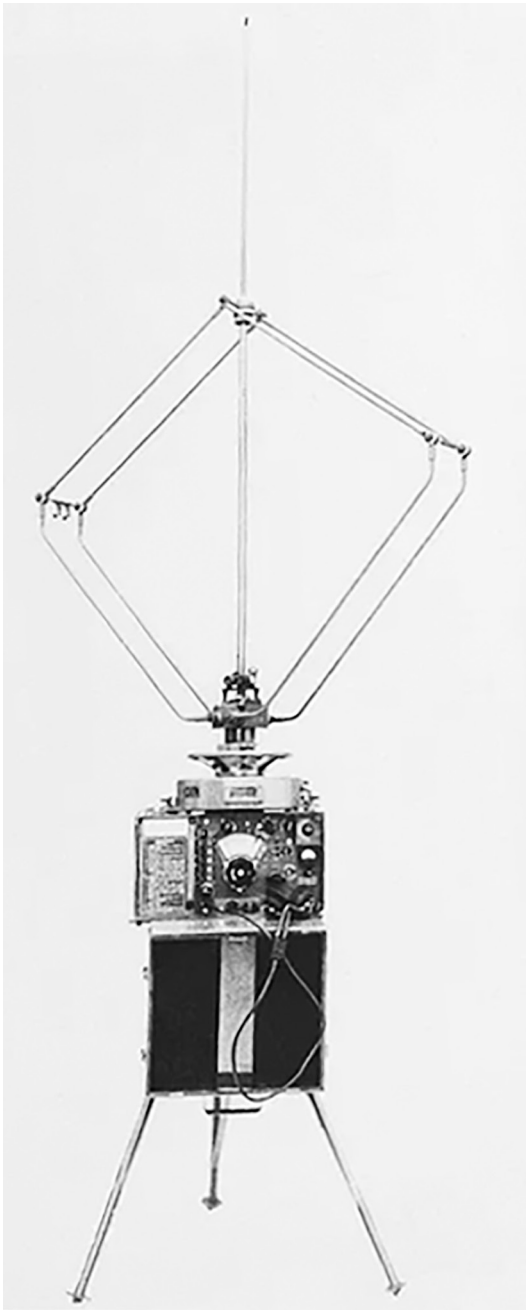
Для производства навесного оборудования для тягачей Управлению станкостроения был передан Челябинский ремонтно-механический завод.

Усть-Катавский вагоностроительный завод им. С. М. Кирова № 13, выпускавший трамвайные вагоны и артиллерийские повозки, также стал активным участником ракетного проекта: здесь наладили выпуск двигателей для ракет различных зенитно-ракетных комплексов системы 25 (С-25), 75 (С-75), «Круг» на 168 млн руб. (всего валовая продукция завода составила 314 млн руб.).

Управление станкостроения руководило также промышленностью по производству боеприпасов. Копейский завод пластмасс № 114 снаряжал (заполнял взрывчаткой) снаряды и мины, выпускал отдельные детали для атомной промышленности. Объем выпуска оборонной продукции завода № 114 составлял 272 млн руб. при валовом производстве 413 млн руб. Челябинский завод «Сельмаш» № 254 помимо снаряжения мин и гранат производил трассеры, сигнальные ракеты и патроны, зажигательные патроны, дымовые шашки, сигналы тревоги, взрывпакеты, средства имитации выстрелов для военных учений и т. д. на 260 млн руб. при валовом производстве в 312 млн руб. Юрюзанский механический завод им. С. М. Кирова № 38 выпускал 9-мм пистолетные пули и 7,62-мм револьверные патроны для нагана; выполнял заказы для атомной промышленности — выпускал никелевые наконечники для специальных стержней. Объем оборонного производства составлял 23 млн 560 тыс. руб. из 244 млн руб. валовой продукции (из гражданской продукции выпускались различные комбайновые цепи, электрические тали, домашние холодильники ДХ-175, штепсельные вилки и розетки). В цехах автоматного завода № 62 на специальных автоматах вытачивались корпуса 23, 25, 30 и 37-мм снарядов на 12 млн 640 тыс. руб. (валовая про-

Сварка корпуса танка Т-10 на заводе № 78 (Станкомаш)

Радиопеленгатор со штыревой антенной производства Каслинского радиозавода № 193

на» и радиодетали. Общий объем производства в 1962 г. составил около 210 млн руб. при плане 290 млн руб. К октябрю 1962 г. на заводе возникли сложности, так как он получил ответственное задание КПСС и Правительства СССР по производству с 1963 г. аппаратуры передачи данных «Акация» для систем противоракетной обороны А-35, которая потенциально увеличивала программу завода более чем на 20 % и требовала подготовки производства в 1962 г. В результате завод резко снизил выпуск гражданской продукции и освоение менее важных новых оборонных радиотехнических изделий, в итоге пришлось даже официально снизить план 1962 г. на 7,5 млн руб.

Новый Кыштымский радиозавод должен был выпускать аппаратуру для королёвских ракет Р-7, но задержка со строительством привела к изменению номенклатуры: в 1962 г. он выпускал радиолокационные головки самонаведения ПАРГ-10ВВ258А, блоки связи «Смерч», бортовую аппаратуру ПРН-5М для беспилотных самолетов-мишеней Ла-17, автоматических радиопеленгаторов АРП-6 и АРП-6У «Компас» и т. д.

дукция — 102 млн руб.). Каслинский машиностроительный завод № 613 также производил боеприпасы — корпуса мин и снарядов сталистого чугуна, корпуса гранат для противотанкового гранатомета ПГ-7 на 141 млн 600 тыс. руб. из 210 млн руб. валовой продукции. Государственный союзный Златоустовский машиностроительный завод им. Ленина № 259 при общем объеме валовой продукции в 337 млн руб. выпускал корпуса снарядов от 100 до 130 мм, в том числе для пушек «Молот», а также был привлечен к выпуску ракетной техники: гидродомкратов и литромеров для наземного оборудования (15 млн 668 тыс. руб.) и другую военную продукцию на 64 млн 580 тыс. руб.⁶

Уникальным предприятием авиационной отрасли в Управлении станкостроения был Симский механический завод № 132, специализировавшийся на производстве агрегатов для авиационной техники (гидравлические клапаны, датчики, электромагниты, выключатели, регуляторы оборотов винта, электромоторы, редукторы, фильтры и т. д.). Объем валовой продукции составлял в 1962 г. 20 млн руб., большая часть продукции была оборонной, часть нашла применение в ракетной технике.

Управление радиоэлектротехнической и приборостроительной промышленности Челябинского совнархоза создавало передовую для своего времени радиоэлектронную технику. Объем валового производства по управлению за 1962 г. составлял 1487 млн руб. Наиболее крупным предприятием Управления был Челябинский радиозавод № 321, производивший для военных аэродромов радиотехническую систему посадки самолетов «Радиян», радиолокатор «Экран-Д»; курсоглиссадные системы «Катет-С»; наземные радиотехнические системы ближней навигации «Свод»; маркерные радиомаяки и другую продукцию на сумму около 144 млн руб., а также гражданские радиоприемники «Роди-

Завод не смог освоить аппаратуру для морских баллистических ракет, а также начать выпуск гражданской продукции — телевизоров «Воронеж». Из гражданской продукции производил различные запчасти и нестандартное оборудование. Объем валовой продукции составлял 63 млн 280 тыс. руб., в том числе оборонной — 53 млн 280 тыс. руб. Каслинский радиозавод № 193 производил различные виды военных радиоприемников, радиопеленгаторов и слезочных приемников («Метеорит», «Лена», «Камелия», «Гамма», «Ильмень», «Гроза»). Из гражданской продукции — измерители помех ИП-26М. Объем оборонного производства составлял 42 млн 220 тыс. руб.

Радиопередвижка РПУ-1 Каслинского радиозавода № 193

Электротехническая продукция для танковой и тракторной техники (стартеры, генераторы, электромоторы, фильтры, электромагниты, реле, танковые электроприводы «Циклон» и «Ливень», танковый электропривод наведения «Восход», танковое противопожарное оборудование «Роса») выпускалась на заводе электромашин № 255 с внушительным объемом валовой продукции в 203 млн 400 тыс. руб., в том числе оборонной — 164 млн 330 тыс. руб. Электроаппаратуру преимущественно для ракетной техники (потенциометры, преобразователи) выпускал завод «Миассэлектроаппарат», для танков здесь производились вращательные контактные устройства для башен и т. д. Электротехника использовалась как для оснащения зенитных ракетных комплексов С-75, так и для баллистических ракет, в том числе изготавливаемых в ОКБ-1 под руководством лидера космического ракетостроения С. П. Королёва. Потенциометры использовались в системах управления ракет для их ориентации в пространстве. Например, П-27 преобразовывал величину линейного перемещения ракеты в электрический сигнал, а П-28 реагировал на величину угла поворота ракеты; преобразователь переменного тока в постоянный АТП-2У использовался в электрооборудовании пусковых установок и т. д. Объем оборонного производства был относительно небольшим — 41 млн 660 тыс. руб. (валовая продукция завода — 77 млн 440 тыс. руб.), но технологическая сложность производства приводила к постоянным сбоям. Керамические основания и трубки для сопротивлений, мостики реле для военной и гражданской электротехники выпускались Южноуральским заводом радиокерамики на 69 млн 400 тыс. руб. Электрические плафоны и светильники для светомаскировки ракетных стартовых позиций производились Ашинским заводом «Электролуч» на 9 млн руб. Магниево-цинковые и свинцовые источники питания для ракет, морских противолодочных буев и аварийной сигнализации выпускал Уфалейский завод «Уралэлемент» на 6 млн 660 тыс. руб. Катав-Ивановский приборостроительный завод № 128 специализировался на приборах морской навигации (компасы, механические лоты, пеленгаторы Коврайского, штурманские транспортиры и т. д.), в начале 1960-х гг. он был привлечен к производству запасных частей для испытательной аппаратуры гироскопических приборов, используемых на флоте и в ракетах для ориентации и стабилизации в пространстве. Объем оборонного производства завода № 128 составлял 13 млн 850 тыс. руб. Златоустовский часовой завод выпускал минные взрыватели, а также вместе с Челябинским часовым заводом — часовые механизмы для военной техники.

Таким образом, общий объем оборонного производства по Управлению радиоэлектротехнической и приборостроительной продукции составлял не менее 547 млн руб. (37 % валового выпуска).

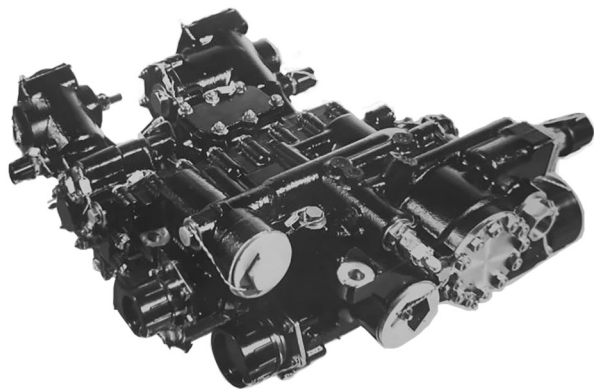
Производственные возможности профильных оборонных заводов к 1962 г. были исчерпаны, и Челябинский совнархоз привлекал для выпуска военной продукции

Грузовая автомашина Урал-375

ракетной техники. Уральский автозавод выпускал также передвижные ремонтные автомобильные мастерские для авиационной, артиллерийской, радиолокационной военной техники, ремонта электронно-оптических приборов, а с 1961 г. — бригадные и фронтальные мастерские для ремонта ракетной техники. В 1962 г. объем оборонного производства УралАЗа составлял 108 млн руб. Однако специальных автомобильных кузовов не хватало, и к производству привлекли Троицкий дизельный завод, который собирал их на автошасси грузовика МАЗ-200 на 15 млн руб. в год. Предназначались кузова для мобильных станций добычи кислорода и азота АКДС-30, 30А, 70 и АДС-50 для заправки ракет. Нязепетровский завод им. Калинина выпускал козелковые краны; Челябинский завод «Строммашина» — транспортировочные тележки-полуприцепы для зенитной и другой ракетной техники (например комплекса «Круг») на 35 млн 680 тыс. руб. Завод им. Колющенко выпускал реактивные системы залпового огня БМ-24. Челябинский кузнечно-прессовый завод производил для авиации сборно-разборные аэродромные металлические взлетно-посадочные полосы К-1-Д, а также штамповки для производства военной техники.

Гораздо труднее определить объемы и номенклатуру производства материалов, которые использовались в оборонной промышленности, например металлов. Челябинская область была одним из лидирующих регионов в сфере металлургии, здесь располагались предприятия, выплавлявшие качественные стали. Известно, что Челябинский электрометаллургический комбинат выпускал ферросплавы, необходимые для производства брони. Сортовую нержавеющую сталь для работы в агрессивных

Регулятор подачи топлива для ракет РПТ-1А производства Симского механического завода № 132 (регулирует расход топлива двигателя ракеты в зависимости от заданной траектории; производит корректировку подачи топлива по высоте полета, температуре воздуха и другим внешним факторам, влияющим на режим работы двигателя)

предприятия гражданских отраслей, прежде всего Управления машиностроения. Так, Уральский автомобильный завод с момента основания производил грузовики для армии. В этот период на заводе выпускался трехосный грузовой автомобиль «Урал-375» грузоподъемностью 5–7 т. На Челябинском заводе автоприцепов — прицепы грузоподъемностью до 60 т. Сведения были в открытой печати⁷, но нигде не говорилось, что эта техника предназначалась для транспортировки наземного оборудования

средств выплавляли на Челябинском и Златоустовском металлургических заводах. Она могла использоваться в ракетных двигателях и других военных изделиях⁸. Миныйский метизно-металлургический завод выплавлял прецизионные сплавы (около 1,5 тыс. т), необходимые для качественных подшипников гироскопов и другой военной техники. Магнитогорский метизно-металлургический завод выпускал биметаллическую проволоку для управляемых снарядов противотанкового комплекса «Шмель» и сетку для фильтров. Чебаркульский металлургический завод — поковки и штамповки для авиационной и ракетной техники. Однако можно найти примеры, когда предприятия металлургиче-

ской промышленности выпускали и непосредственно военные изделия. Например, в 1962 г. Магнитогорский металлургический комбинат произвел 200 тыс. шт. корпусов 57-мм осколочно-трассирующих снарядов к пушкам С-60 на 11 млн 800 тыс. руб. Челябинский трубопрокатный завод изготавливал специальные нержавеющие трубы (в том числе оцинкованные) для атомной и ракетной техники; баллонный цех предприятия выпускал емкости для ракетной техники и т. д.

Заводы Управления цветной металлургии и химической промышленности совнархоза также поставляли материалы для производства военных изделий. Прежде всего Челябинский электродный завод № 524 выпускал графитированные изделия, необходимые для строительства атомных реакторов, производства газоструйных рулей, графита для напыления в соплах двигателей ракет с целью защиты от сверхвысоких температур. С 1956 по 1961 г. объем валового производства завода вырос в три раза — до 36 млн руб. в ценах 1955 г.⁹ Челябинский завод оргстекла К-4 производил защитные стекла для кабин самолетов, а также плексиглас для емкостей, труб и вентиля для атомной отрасли, необходимых при работе с кислыми фторсодержащими радиоактивными растворами¹⁰. Уфалейский никелевый и Челябинский электролитный цинковый заводы выпускали металлы для сплавов и покрытий. Изучалась технология получения таких элементов, как ниобий (Вишневогорское рудоуправление), селен, теллур, кадмий, тантал, лантан, индий, галлий, таллий, скандий, стронций, германий и т. д., необходимых для атомной промышленности, радиоэлектроники (производство полупроводников и т. д.). Их можно было извлекать из пылей и шламов цинкового завода и Карабашского комбината. Кадмий с Челябинского цинкового завода использовался для производства специальных стержней ядерных реакторов¹¹.

В целом в оборонной промышленности приоритетом стало не количество, а качество и технологичность продукции. Это проявилось в снижении процента военных изделий в общем объеме валового производства оборонных отраслей с 53 % в 1957 г. и 45 % в 1958 г. до 36–37 % в 1962 г. при общем увеличении объема выпуска и затрат на военное производство. Относительно 1958 г. это объясняется тем, что в начале года опытные и передовые предприятия были переданы в подчинение госкомитетов по оборонным отраслям промышленности. Другая причина связана с изменением военной доктрины и, как следствие, структуры оборонно-промышленного комплекса. Традиционные вооружения — танки, самолеты, артиллерийские боеприпасы и т. п. — стали уступать место ракетной и реактивной технике, атомному оружию как более эффективным по военным и экономическим характеристикам. Например, расходы на закупку техники и содержание двух полков тяжелых бомбардировщиков Ту-95 обходились на 761 млн руб. дороже, чем трех полков ракет Р-12 (24 ракеты без атомного заряда) при том же военном эффекте¹². Другой пример — сокращение производства танков в Танкограде к 1962 г. до 100 шт. Третья причина — повышение эффективности производства и снижение себестоимости. Например, оптовая цена танка Т-10М снизилась с 1315 тыс. руб. в 1959 г. до 194 тыс. руб. в 1962 г. (без учета деноминации 1961 г.). Однако возникла новая проблема: сложное и технологичное производство перегружало в первую очередь современные производственные мощности, которых не хватало. Это требовало привлечения к оборонному производству все большего количества гражданских предприятий, где имелись современное технологичное оборудование и профессиональные кадры. Это приводило к сокращению выпуска некоторых видов традиционных военных и гражданских изделий.

Расходы на военную продукцию оставались высокими. Если учитывать только произведенную непосредственно военную технику и специальные комплектующие, то получается, при самых скромных подсчетах, не менее 3 млрд руб. или 6 % валовой продукции Челябинского совнархоза, без учета продукции металлургии (слитки, прокат, поковки, штамповки и т. п.) и других материалов, которые не отражались официальной статистикой как оборонные, но использовались в производстве в больших объемах. Эта цифра не включает в себя затраты на строительство новых оборонных мощностей, отчисления материалов и комплектующих в мобилизационный резерв на случай войны, затраты на гражданскую оборону и т. д.

В целом по данным Челябинского совнархоза не наблюдается особой подготовки к войне накануне Карибского кризиса. Таким образом, этот конфликт, скорее всего,

был военно-дипломатической попыткой советского руководства во главе с Н. С. Хрущевым добиться снижения темпов дорогой для СССР гонки вооружений путем провокации и переговоров.

Примечания

¹ Хрущев Н. С. Мемуары // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 84–86.

² Сборник постановлений Совета министров РСФСР за июнь 1957 г. М., 1957. С. 129.

³ Рухадзе А. К., Рудаков В. Ф. Индустрия Южного Урала. М., 1962. С. 58.

⁴ Буданов А. В. Оборонная промышленность Челябинской области на начальном этапе реформы органов управления промышленностью и строительством 1957 г. // Южный Урал в судьбе России: история и современность. Челябинск, 2008. С. 22–30.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 7. Д. 70. Л. 138.

⁶ Там же. Оп. 23. Д. 133. Л. 43–55.

⁷ Рухадзе А. К., Рудаков В. Ф. Указ. соч. С. 81–82.

⁸ Буданов А. В. Развитие производства спецсталей для авиационной и ракетной техники на Златоустовском металлургическом заводе в середине XX века // Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 189–190.

⁹ Толстиков В. С. Челябинский электродный завод: страницы истории. Челябинск, 2004. С. 51.

¹⁰ Рожденный войной: К-4, п/я 43, ЗОС, АООТ, ОАО ЧЗОС (история без продолжения) / ред.-сост.: Г. Л. Горенштейн, В. Т. Попов. Челябинск, 2020. С. 152.

¹¹ Новоселов В. Н., Рубинчик В. М. Цинк. Годы. Имена. Челябинский цинковый завод: страницы истории. Челябинск, 2010. С. 475.

¹² Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.) : сб. док. / сост.: В. И. Ивкин, Г. А. Сухина. М., 2010. С. 908–909.

КОПЕЙСКИЕ ГОРНОСПАСАТЕЛИ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: К 100-ЛЕТИЮ ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ

Старейшее издание императорской России «Горный журнал» в 1906 г. определил миссию горноспасателя: «Входящий в шахту с аппаратом для спасения своих товарищей выполняет не менее благородную задачу, чем солдат, выходящий с оружием в руках защищать Отечество»¹. Уголь был не только топливом, но и стратегическим ресурсом промышленности, энергетики на разных этапах индустриализации, обеспечивающих безопасность страны. Масштабная угледобыча достигалась трудовой доблестью горняков и эффективной работой горноспасательной службы по предупреждению аварий и спасению горняков. Первая горноспасательная служба в России была основана в 1907 г. в Донецком угольном бассейне, а на Урале — в 1911 г. на Кизеловских копиях. На Тугайкульских копиях такой службы не возникло, что обусловлено было частой сменой владельцев в 1907–1916 гг., революциями, Первой мировой и Гражданской войнами.

В 1918 г. угледобывающие шахты были национализированы, получили название «Народные челябинские копи». В период Гражданской войны добыча угля была временно прекращена и возобновилась только в сентябре 1919 г. с восстановлением шахт и оживлением деятельности уральских заводов, многие из которых (Кыштымский, Златоустовский и др.) имели подъездные пути к копиям. В 1921 г. на шахтах добыли 30 млн пудов угля, из них более 24 млн пудов было доставлено по Омской железной дороге². Дальнейший рост угледобычи сдерживался отсутствием необходимого оборудования и высокой аварийностью. С октября по декабрь 1921 г. на шахтах произошло пять пожаров, в 1922 г. — 31, погибли три горняка. Добыча угля в 1923 г. снизилась в 1,4 раза по сравнению с 1921 г.³

Для преодоления сложившейся ситуации в рамках нэпа были приняты государственные стратегические решения, но копи перешли в подчинение Челябингольтреста, который входил в состав Управления государственного объединения каменноугольной промышленности. Приказом ВСНХ РСФСР 27 августа 1923 г. они были переведены на хозрасчет⁴. Всероссийский исполнительный комитет и Совет народных комиссаров приняли 6 июля 1922 г. постановление «О горноспасательном деле в РСФСР», которое впервые в истории России заложило основы этой службы как государственной и профессиональной, построенной на принципах централизован-

Сергей Константинович Трапезников — один из первых организаторов горноспасательной службы на Урале (1921–1935)

ного управления. Все горноспасательные станции передавались в ведение Высшего совета народного хозяйства, на них возлагались задачи по борьбе со стихийными бедствиями во всех горнопромышленных предприятиях, включая борьбу с газами, обвалами, взрывами, пожарами и затоплениями⁵.

В начале 1920-х гг. на Урале было создано 17 горноспасательных станций при личном участии Сергея Константиновича Трапезникова — одного из ведущих специалистов, получившего подготовку горного инженера в бельгийском г. Льеже до революции 1917 г. Он же был организатором и руководителем копейской горноспасательной службы, обслуживавшей угольные шахты № 2, 3, 12, 16, 21, «Северный уклон», «Красная горнячка».

В 1931–1933 гг. станция была преобразована в Уральскую центральную горноспасательную станцию с подчинением 17 аналогичных на территории Урала. В основе такого взлета — высокий профессионализм команды квалифицированных кадров, в которую С. К. Трапезников набирал физически крепких и сильных духом сотрудников, решительных и смелых, способных рисковать ради спасения других и имеющих специальные знания и опыт. Копейск стал центром повышения квалификации оперативного состава по изучению и практическому освоению техники, новых специальных знаний. В одногодичной школе обучались инструкторы. Своевременная ликвидация пожаров горноспасателями стала гарантом роста угледобычи на копейских шахтах, которая в 1927 г. увеличилась в 34,6 раза по сравнению с 1913 г., а с 1927 по 1932 г. — в 2,7 раза. Интенсивное нарастание добычи угля с начала 1920-х гг. провоцировало новые пожары даже на поверхностях открытых разрезов № 1 и 2. В 1927–1932 гг. горноспасатели выезжали более 600 раз на ликвидацию подземных пожаров. В анализ причин возгораний и технологий борьбы с ними включились лаборатории при копейской горноспасательной службе: газоаналитическая, петрографическая, канатно-испытательная и психологическая⁶.

Одним из ведущих направлений работы лабораторий стало изучение и внедрение методов обнаружения самовозгорающихся углей и контроля за составом рудничного воздуха. В 1929 г. на копейской шахте № 21 был обнаружен газ метан. Дальнейшие исследования выявили шахты, которые необходимо было перевести на газовый режим. Горноспасательным лабораториям удалось найти технологию пожаротушения. До

Спасение пострадавшего. 1920-е гг.

Копейская горноспасательная станция. До 1932 г.

1929 г. в ликвидации пожаров использовалось интенсивное тушение водой, горевшие участки изолировались перемычками. В 1938 г. началось внедрение метода заиливания пожарных участков через пробуренные с поверхности скважины. Станция обладала фундаментальной библиотекой с зарубежной и отечественной литературой, журналами «Вестник Донугля», «Горный журнал», «За уголь Востока», «Глюкауф». Этой литературой пользовались горноспасатели, шахтеры и сотрудники лабораторий, изучавшие одну из ключевых проблем — загрязнение угля пустыми породами, самовозгоранием и самонагреванием угля как добытого, так и находящегося в недрах земли.

В условиях мирового экономического кризиса (1929–1933) лаборатории сотрудничали с немецкими специалистами угольной промышленности. 16 декабря 1931 г. Уральская горноспасательная и испытательная станции, расположенные в Копейске, представили в научно-технический совет каменноугольной промышленности СССР обстоятельный доклад по результатам изучения челябинских углей на основе двух экспериментов в июле и в октябре. Исследователи пришли к выводу, что «бурый уголь имеет довольно высокое качество». В эксперименте участвовали известные ученые (Стах, Леман, Винтер, Гофман, Боде), которые предложили изучать угольные пласты как химическим, так и петрографическим способом. Важность такого исследования была обусловлена «строительством громадных рабочих городов при таких крупных заводах, как Челябинский тракторный, ферросплавный, двух электростанций, цинкового завода и многих других». Это растущее производство и потребности самих рабочих предполагалось обеспечивать генераторным газом, который добывался бы из челябинского угля. Продолжая эксперимент по газовому производству, лаборатория приступила к строительству электрической печи для коксования угля по способу Бауэра⁷.

Можно предположить, что представленные результаты сыграли определенную роль в принятии решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1932 г. по организации в Уральской области нового угольного района — Копейского, с общей численностью населения 96 тыс. человек, из них 75 % (72 тыс.) занятых в угольной промышленности. 28 сентября 1932 г. газета «Челябинский рабочий» писала, что хозяйственно-политическое значение Копейского района заключается в том, чтобы стать одним из поставщиков высококачественного сырья. Инициативная группа Уральского областного совета народного хозяйства и ряд научно-исследовательских институтов работали над реше-

нием проблемы газификации челябинских углей путем получения полукокса (холодным коксованием), который использовался бы в качестве кокса для металлургической промышленности. Однако предвоенное десятилетие масштабного создания угольной базы на Урале, в Копейске, сопровождалось не только модернизацией действующих шахт, строительством новых, растущими плановыми заданиями, но и увеличением числа пожаров, самовозгоранием угля.

Опыт горноспасательных работ, накопленный с 1922 г., позволял выявить специфические особенности профессиональной подготовки спасателей, в основе которых обязательное исполнение приказов, оперативность действий. Эти внутренние факторы и нарастание фашизации в Европе после окончания мирового экономического кризиса сыграли ключевую роль в принятии Советом народных комиссаров СССР в январе 1934 г. постановления о переводе спасательных команд на военизированное положение по образцу охранных предприятий и о распространении на горноспасателей, членов их семей порядка государственного обеспечения и льгот, установленных для военизированной охраны. В результате была организована военизированная горноспасательная часть (ВГСЧ) Урала и Казахстана. На базе Копейской станции создан отряд из 11 взводов во главе с его первым командиром — опытным горноспасателем и инструктором Уральской центральной горноспасательной станции (УрЦГСС) Иваном Ивановичем Никитиным⁸.

«Конный» выезд горноспасателей был вытеснен автомобильным транспортом для доставки команды и оборудования к месту аварий, появились оперативные гаражи, в вагонном парке — специальный вагон и автодрезины.

В 1935 г. И. И. Никитин и начальник ВГСЧ Урала С. К. Трапезников участвовали в работе первого Всероссийского совещания командного состава ВГСЧ по борьбе с пожарами в угольных шахтах России, проходившем в Кузбассе. С. К. Трапезников, имеющий опыт руководства работами по ликвидации подземных пожаров в Кизеловских копиях, шахтах Челябинской области, на рудниках цветных металлов Урала, предложил технологию анализа аварийной обстановки и принятия решений. Описание внедряемой технологии было опубликовано в 1932 г. в сборнике «Руднические пожары и борьба с ними» В. Ф. Гриднера, руководившего научно-исследовательской работой в лабораториях горноспасательных станций Сибири и Дальнего Востока: «...мало кто из специалистов этого дела может сравниться с руководителем УрЦГСС С. К. Трапезниковым, который с момента прибытия на рудник может вполне ответственно заявить: теперь я здесь распоряжаюсь, а вы должны обеспечить меня тем, что будет требоваться. Дело в том, что Уральские станции закалены в боях и имеют отборные, много раз проверенные кадры и, в том числе, хорошо знающий командный состав, получивший превосходную школу под руководством мастера этого дела, горного инженера С. К. Трапезникова»⁹.

В 1935–1937 гг. в шахтах Копейска вспыхнуло 700 подземных пожаров. На шахте № 4-6 было 103 пожара, погибли три человека, 889 временно утратили трудоспособность, 11 человек получили тяжелейшие травмы. 11 октября 1935 г. на шахте № 204 произошло катастрофическое обрушение лавы. В завалах оказалась шахтерская бригада в 14 человек, из них горноспасателям удалось спасти пятерых. В 1935 г. угледобыча снизилась на 15,5 тыс. т. Основными причинами аварий были нарушение техники безопасности и освоение выделенных средств на ее содержание только на 79,9 %. В числе причин аварий можно выделить и гигантские плановые задания в условиях форсированной индустриализации, которые выполняли шахтеры, имевшие низкую квалификацию, но вдохновленные мечтой жить в справедливом бесклассовом обществе, которое возможно построить в короткий срок. В документе «Состояние и перспективы топливоснабжения на второе пятилетие» под грифом «Не подлежит оглашению» присутствует информация о том, что был запланирован «рост добычи угля за счет тяжелой промышленности, расхода электростанций» и что «черной металлургии на 1935–1937 гг. требовалось трехкратное увеличение угледобычи на копейских шахтах»¹⁰.

В таких условиях аварии на шахтах были закономерны. В 1937–1938 гг. все аварии были списаны на «вредителей, врагов», обвинявшихся в диверсионной работе. Среди них оказались управляющий трестом «Челябуголь» Кораллов, технический инженер

Казанцев, Филькенштейн — сотрудник Главугля в Москве, Волегов и Ессяк. Начальник горноспасательных частей Урала с 1921 г. Сергей Константинович Трапезников в 1935 г. был освобожден от работы как бывший офицер царской армии, а в 1940 г. в возрасте 54 лет приговорен к высшей мере наказания. Военной коллегией Верховного Суда СССР от 4 июля 1959 г. приговор был отменен за отсутствием состава преступления¹¹.

В Копейске летом 1941 г. работали десять шахт, строились два разреза и четыре шахты. Уголь требовался военно-стратегическим отраслям. Сводки об угледобыче с шахт передавались ежесуточно в обком ВКП(б). Спасатели вели напряженную борьбу с часто возникающими пожарами и авариями. На личный состав копейского отряда возлагалось оказание помощи шахтерам в выполнении планов угледобычи. Лучшими респираторщиками и командирами военного времени, умело ведущими оперативную работу и проявлявшими отвагу и самоотверженность, были В. С. Калмыков, Ф. В. Севостьянов, С. К. Гончаров, А. В. Харитонов, А. Н. Пашнин, С. П. Тельманов, Н. Ф. Горенбург, И. И. Никитин, П. И. Пономарев. За четыре года войны эффективная служба горноспасателей стала надежным резервом безопасности шахтеров, которые добыли около 16 млн т угля, а в 1942–1945 гг. совершили экономический прорыв в добыче важного стратегического сырья¹².

В первые месяцы войны механические мастерские ВГСЧ получили задание организовать выпуск военной продукции. Сотрудники, в числе которых преобладали женщины и подростки — члены семей горноспасателей, — круглосуточно выпускали противотанковые гранаты, мины, разнообразное военное снаряжение. Только после окончания войны механические мастерские перешли вновь на выпуск горноспасательной техники: респираторов, пенных установок, огнетушителей, контрольных приборов самоспасателей; началось поступление аппаратуры для выполнения искусственного дыхания, газоанализаторов. Бойцы отряда ВГСЧ пополнились профессионалами — выпускниками горных техникумов и институтов. Все они проходили специальную стажировку в подразделениях отряда, приобретая практический опыт по ликвидации аварий, перенимали опыт ветеранов: Б. А. Солодникова, М. И. Чигрина, М. М. Фалалеева, С. Е. Розенберга, П. Д. Берестюка. В это время горноспасателями руководили кандидат технических наук Ю. Н. Писарев и главный инженер В. М. Ульянов. С 1949 г. формировались и добровольные вспомогательные команды по оказанию помощи горноспасателям при ликвидации аварий. На вооружении ВГСЧ были трехосные специализированные машины. Летом такие автомобили были на колесах,

Техника горноспасателей накануне Великой Отечественной войны

а зимой на задние колеса надевались гусеницы, а на передние — лыжи. Был и пассажирский вагон с горноспасательным оборудованием на железной дороге.

Когда в 1952 г. на шахте № 4-6 разрабатывались многослойные (от двух до шести) угольные пласты, при малейшей ошибке возникали пожары от самовозгорания угля. Горноспасатели неделями жили на шахте, где для них были выделены помещения. В них же размещалась и газоаналитическая лаборатория. На таких крупных шахтах, как № 4-6, были созданы горноспасательные посты. Военизированные части оснащались современным оборудованием и аппаратурой. Для срочного выезда ВГСЧ имела автомашины ГАЗ-51 с крытыми кузовами, респираторы РКК-2 и РКК-1, дожимные компрессоры, оживляющие аппараты, мощные воздушно-пенные огнетушители, изолирующие самоспасатели¹³.

Успех работы горноспасателей зависел от боевой готовности, поэтому каждый день был расписан по часам. Как правило, тренировки включали пребывание в тепловой камере, практические занятия в учебной шахте, изучение планов ликвидации аварий и горных работ в обслуживаемых шахтах. Горноспасатели регулярно спускались в шахты с целью профилактики аварий, проверки дыхательной аппаратуры, медицинского обеспечения. Они профессионально оказывали и квалифицированную доврачебную помощь. В распоряжении взвода всегда была дежурная смена, следовательно, служба в полной боевой готовности велась круглые сутки. В 1973 г. была организована профилактическая служба отрядов под началом заместителя командира В. И. Голикова, которая отработывала технологии подачи воды на добычные и проходческие участки, обеспечивала их средствами пожаротушения. В 1970-е гг. для предотвращения эндогенных пожаров и качественной изоляции горящих очагов интенсивно внедрялась сеть заиловочных пульпопроводов. В традицию службы вошли семинары командиров отделений и обучение в составе учебного взвода ВГСЧ Урала, которые проходили в Копейске. С декабря 1977 по 1984 г. этой формой обучения было охвачено более 600 человек. Под руководством главного инженера ВГСЧ В. М. Ульянова осуществлено 34 выпуска квалифицированных специалистов.

Строгая система горноспасательной службы — надежный резерв в преодолении трудностей перестройки 1980–1990-х гг. в условиях развала СССР, когда шахты закрывались, горноспасательные службы сокращались численно. Однако горноспасатели Копейска, верные своему долгу, оказывались в эпицентре событий по спасению людей, попавших в экстремальную ситуацию. В 1988 г. 60 респираторщиков во главе с В. М. Ульяновым участвовали в ликвидации последствий катастрофического землетрясения в Армении. За мужество и высокий профессионализм 39 спасателей были представлены к ведомственным наградам. В мае 1995 г. бойцы ВГСЧ участвовали в ликвидации последствий землетрясения в Нефтегорске Сахалинской области. Указом Президента Российской Федерации за мужество, самоотверженность и профессионализм орденом «За личное мужество» был награжден командир отделения П. М. Омельченко, медалью «За спасение погибавших» — Г. М. Афимов, М. Ю. Мухамедьяров, Н. А. Трофимов¹⁴.

Но были и невосполнимые потери бойцов в составе копейского отряда ВГСЧ. В 1944–1984 гг. при исполнении профессионального долга погибли 11 человек: И. А. Со рокин, К. А. Севостьянов, В. В. Казаков, М. Д. Берлин, И. Г. Лежнев, И. С. Присыпкин, А. Г. Коновалов, А. Ф. Ярушин, Л. И. Кондрашов, П. А. Маняхин, В. Е. Асташенков. 7 октября 1993 г. взрыв метана в конвейерном штреке лавы № 84 и повторный взрыв 19 ноября на подземном горизонте шахты «Центральная» на глубине 450 м — самая крупная авария в Копейске, в которой трагически погибли 28 шахтеров и горноспасателей, в их числе были В. В. Ерофеев и В. Е. Сургутский, Указом Президента Российской Федерации посмертно награжденные орденами «За личное мужество». Этой награды были удостоены и горноспасатели Э. Т. Кахидзе, Н. Н. Кузнецов, Н. А. Мишунин — участники поисково-спасательной операции и выжившие после продолжительного лечения в ожоговом центре¹⁵.

В память о трагедии в городе был установлен обелиск со списком погибших: Н. Н. Аксенов, М. И. Анохин, В. А. Большаков, Н. С. Бухаров, С. Д. Вовк, В. К. Воробьев, В. И. Гришков, А. М. Дупликов, О. В. Ежов, С. Л. Изюмов, А. Н. Ключников, В. В. Куприянов, О. А. Русанов, В. В. Лен, А. В. Лихачев, С. А. Мединг, Ю. А. Петров,

В. А. Петрович, Н. М. Подшивалов, А. С. Протазанов, В. М. Радецкий, С. Е. Розенберг, С. В. Ружинский, Е. А. Софьин, А. М. Туманов, В. В. Щипунов, В. Е. Ерофеев, Е. В. Сургутский¹⁶.

Трагедия 1993 г. — рубеж, за которым последовал выбор каждого горноспасателя: уйти или остаться на службе в условиях реструктуризации ВГСЧ, последовательного закрытия копейских шахт в 2005 г. и сокращения личного состава. Самые стойкие, убежденные остались. Пример их личного мужества притягивал равнодушных и тех, кто принадлежал к династиям горноспасательной службы. В 1995 г. в процессе реструктуризации на базе ВГСЧ Урала был организован отдельный военизированный горноспасательный отряд Урала, куда вошел и Копейский отряд. Сегодня копейские спасатели входят в отдельный военизированный горноспасательный отряд Урала в составе Единой аварийно-спасательной части РФ. В составе отряда в настоящее время 322 бойца, шесть подразделений, которые обслуживают 255 производственных объектов различных классов опасности, расположенных в Челябинской, Оренбургской областях, Республиках Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия). Это рудники, разрезы, карьеры, обогатительные предприятия, подземные части¹⁷.

В течение ста лет копейские горноспасатели обеспечивали безопасность шахтеров города. Высокий профессионализм — основополагающий ресурс современного военизированного горноспасательного отряда как мобильного инженерного формирования с широким спектром деятельности, способного ликвидировать сложные аварии, катастрофы, последствия чрезвычайных ситуаций в составе подразделений МЧС России. Отряд по-прежнему сохраняет традиции основателя горноспасательной службы С. К. Трапезникова. В тексте «Марша горноспасателей» как клятва бойцов Отечеству звучат слова: «Горноспасатели, горноспасатели. / Вы на посту всегда, всегда...»¹⁸

Примечания

¹ Моисеев А. П. Трудная слава: к 100-летию Челябинского угольного бассейна. Челябинск, 2007. С. 146.

² РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 184. Л. 1 ; Ф. 8088. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

³ Там же. Ф. 4372. Оп. 5. Д. 8. Л. 44 ; Ф. 3139. Оп. 1. Д. 184. Л. 64 ; Сведения о добыче угля по предприятиям г. Копейска за период с 1907 по 2007 гг. // Моисеев А. П. Указ. соч. С. 90.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-962. Оп. 4. Д. 3. Л. 99–103.

⁵ Егоров Н. А., Морозов О. Ю., Филатов В. М. Части горноспасательные военизированные // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 129.

⁶ Моисеев А. П. Указ. соч. С. 90 ; Якоби В. Горноспасательная служба Урала: становление и развитие // Копейский рабочий. 1996. 2 нояб.

⁷ РГАЭ. Ф. 8365. Оп. 1. Д. 182. Л. 21–35.

⁸ Егоров Н. А., Морозов О. Ю., Филатов В. М. Указ. соч. С. 129.

⁹ Ульянов В. М. У истоков горноспасательной службы // Копейский рабочий. 1996. 15 нояб.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1762. Л. 47, 51, 54–55 ; Аварии на шахтах // Музейный вестник Копейского городского округа. 2018. № 11. С. 66–68.

¹¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 270. Л. 111–113 ; Д. 575. Л. 121–127, 136–137, 140, 143 ; Оп. 2. Д. 5. Л. 20 ; Якоби В. Указ. соч.

¹² Моисеев А. П. Указ. соч. С. 90.

¹³ Горлов Л. «Мы на посту всегда...» // Копейский рабочий. 1997. 5 июля.

¹⁴ Горноспасательной службе России — 75 лет. Страницы истории // Там же.

¹⁵ За героический поступок // Там же. 1994. 9 сент.

¹⁶ Вспомним всех поименно. Горноспасатели, погибшие при исполнении своего долга // Там же. 1997. 5 июля ; Чигинцев В. М. Памяти горняков, не вернувшихся из шахты // Там же. 1994. 6 апр.

¹⁷ Аксененко А. Спасатель — профессия героическая // Там же. 2022. 8 июля.

¹⁸ Марш горноспасателей // Там же. 1972. 9 июля.

ВОССОЗДАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ЕДИНЕНИЕ УСИЛИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОКУМЕНТНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Воссоздание истории учреждения — необходимое и благотворное дело. Особенно активизируются поиски к юбилейным датам, в нашем случае (среди специалистов документно-коммуникационной сферы) — к 100-летию Государственного исторического музея Южного Урала, форпоста визуализации и трансляции исторического знания, исторической памяти территории. В том же 2023 г. область ждет и другая значимая дата — 125-летие Челябинской областной универсальной научной библиотеки, центра осмысления и хранения информации и знания. В преддверии этих дат двух основополагающих для информационного, интеллектуального, культурного пространства региона учреждений исследователи вновь увлечены историческим поиском, позволяющим находить новые свидетельства происходивших событий, деятельности людей, пересечения судеб.

Понятно, что многие страницы становления учреждения, имеющего столетнюю и более долгую историю (в том числе своего изучения последующими поколениями), уже могут быть найдены, проанализированы, изучены с разных точек зрения, его архивы полно и всесторонне исследованы; историку с течением времени остается все меньше шансов найти в них что-либо новое или по-новому интерпретировать значимые документы. Тем не менее исследовательское поле неистощимо, особенно если погружаться в архивы любых других организаций и учреждений, входящих в региональное пространство, прямо или опосредованно (или даже, на первый взгляд, никак) связанных с объектом изучения. Каждое формирует пространство жизнедеятельности, оставляет в истории неизгладимый след, могущий внести уникальный штрих в историю другого. Длительный скрупулезный поиск сегодня все чаще венчается лишь единичными находками мельчайших фактов, но как раз таковые окончательно составляют мозаику региональной истории, подчас оживляя ее.

Формирование целостной картины истории учреждения и его людей (как объектов, так и субъектов деятельности) — нелегкая и крайне важная задача, решение которой позволит: 1) повысить авторитет учреждения в глазах любого пользователя (от потенциального до представителей органов государственной власти, определяющих культурную политику региона); 2) использовать уникальные аргументы, выстраивая отношения с сотрудниками (реальными и потенциальными) при формировании их лояльности; 3) создавать эмпирическую базу модернизации учреждения и формирования его нового образа в соответствии с законами и закономерностями его исторического становления и развития и вытекающими из него тенденциями современного служения обществу (согласно тезису С. Г. Матлиной «влияние истории библиотеки на ее модернизацию», прозвучавшему на научно-практической межрегиональной конференции «XXVII чтения по истории библиотек и библиотечного дела» (Москва, февраль 2022 г., библиотека-читальня им. И. С. Тургенева), который можно экстраполировать на любой объект: влияние истории учреждения (организации) на его развитие, или даже точнее: обусловленность развития учреждения его самобытной историей); 4) разрабатывать стратегию и осуществлять поиск точек роста с опорой на глубинные феномены исторической памяти. Так и с историей Челябинской областной универ-

сальной научной библиотеки, которой мы занимаемся и которой посвящены тома исследований. Однако возможность увидеть невиданное есть.

Имена В. Д. Хартуляри, В. И. Главизниной, В. П. Бирюкова, М. С. Левит и других — знаковые для библиотеки. Их (равно как и других сотрудников за более чем столетнюю историю библиотеки) судьбы, вклад в формирование и развитие учреждения и региона воссозданы и показаны в публикациях¹. Позволим себе напомнить лишь некоторые источники исторических обобщений и поиска, которые особенно полно раскрывают историю библиографической службы Челябинской областной универсальной научной библиотеки, прошлое, настоящее и потенциал которой мы исследуем с особым интересом, вниманием и трепетом. На поверхности — фонды Объединенного государственного архива Челябинской области. Серьезное воссоздание жизнедеятельности Всеволода Дмитриевича Хартуляри, Валентины Ивановны Главизниной и других краеведов, работавших в тогда еще Челябинской городской библиотеке и основавших в ее структуре краеведческий отдел, стало возможным благодаря фондам Р-629 «Хартуляри Всеволод Дмитриевич — краевед (1893–1938)», Р-633 «Краеведческий кружок при Челябинском краеведческом музее; г. Челябинск Челябинской области (1933–1937)», Р-634 «Общество изучения местного края при Челябинском краеведческом музее, г. Челябинск Челябинской области (1918–1919, 1922–1930)», П-10141 «Всеволод Дмитриевич Хартуляри» и др.

Здесь же, в архиве, сформирован фонд Р-627 «Краеведческий музей культурно-просветительного отдела Главного управления культуры исполнительного комитета Челябинского областного Совета народных депутатов, г. Челябинск Челябинской области (1919–...)». Именно в краеведческом музее сохранились ценные свидетельства уровня и направлений библиографической деятельности в прошлом. В частности, «Список литературы по истории г. Златоуста, Кургана и Челябинска» (Оп. 1. Д. 102) представляет собой «библиографическую справку о литературе, имеющейся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина», подготовленную для челябинских краеведов Р. Берлинской. А это имя — уже штрих в истории главной библиотеки страны — Российской национальной в Санкт-Петербурге; мы видим взаимодействие библиографов на уровне страны, возможный обмен опытом работы.

Безусловная ценность — это сохранившиеся библиографические пособия специалистов-краеведов, с которыми активно сотрудничали библиотекари: Д. Котельникова «Литература по истории г. Челябинска, имеющаяся при библиотеке музея (библиографическая справка)» (Оп. 1. Д. 103); В. Котельникова «О челябинских периодических изданиях (списки периодических изданий за разные годы и краткое содержание некоторых из них)» (Оп. 1. Д. 213); Н. В. Сверчкова «Список произведений Мамина-Сибиряка, действия которых развиваются в пределах Челябинской области» (Оп. 1. Д. 180); К. С. Шманцаря «Указатель статей из районных и областных газет к 20-летию комсомола» (Оп. 1. Д. 216). Особо отметим пособия В. П. Бирюкова, сами названия которых уже говорят об уровне библиографических изысканий и о высоком уровне запросов специалистов в 1930-е гг.: «Южный Урал и Зауралье в произведениях Мамина-Сибиряка (1852–1912 гг.)» (Оп. 1. Д. 181), «Ильменский заповедник (указатель литературы)» (Оп. 1. Д. 341), «XVIII съезд ВКП(б) и третий пятилетний план развития народного хозяйства Челябинской области» (Оп. 1. Д. 340). Они демонстрируют высокое качество библиографической работы в конце 1930-х гг. и свидетельствуют о том, что уральским библиографам были интересны темы научного характера: литературоведение, история культуры и промышленного освоения края, изучение творчества уральских писателей².

Уникальна для истории библиографии региона справка — свидетельство официальных обращений музейных работников в библиотеку с целью библиографических разысканий (Оп. 1. Д. 213. Л. 13). Особая уникальность в том, что в официальном ответе должность В. П. Бирюкова впервые указана как «старший библиограф», но не «библиотекарь», как было более привычно и распространено в профессиональном сообществе. Это тем более важно, поскольку считается, что библиографическая служба Челябинской городской библиотеки была организована позже. Однако этот факт в работе Челябинского краеведческого музея позволяет нам говорить (и настаивать на этом) о более раннем времени создания и не просто существования, но полноценной

работы библиографической службы и информированности о ней, о взаимодействии с нею специалистов города.

В фонде сосредоточены не менее интересные и значимые свидетельства совместной работы библиографов и музейных работников с целью удовлетворения читательских запросов, которые по мере усложнения производства становились все более междисциплинарными, требовали обращения к изданиям универсальной тематики, по смежным областям знания, находящимся в фондах разных организаций и учреждений (не только библиотек), приложения сил всех специалистов. В доказательство этого можно привести примеры подготавливаемых тематических краеведческих списков литературы на базе фонда Челябинского краеведческого музея, в том числе для журнала «Челябинский краевед»: М. Г. Котельниковой «Что читать по истории г. Челябинска (литература, имеющаяся в библиотеке музея)»³, М. Г. Котельниковой «Что читать о Государственном Ильменском минералогическом заповеднике (литература, имеющаяся в библиотеке музея)»⁴, А. П. Чубарова «Местный писатель Александр Гаврилович Туркин (материалы к его биобиблиографии)»⁵, список, подготовленный сотрудниками библиотеки музея «Что читать школьникам и пионерам к 17-й годовщине Октября»⁶. Приведенные примеры демонстрируют степень изученности фондов Объединенного государственного архива Челябинской области.

Доступные историкам книги приказов Челябинской областной универсальной научной библиотеки — это ценнейший источник информации о деятельности ее библиографической службы: от приказа, в котором уточнялось время дежурства по библиотеке заведующего библиографическим кабинетом библиографа Всеволода Дмитриевича Хартуляри и другого приказа о начале формирования краеведческого фонда библиотеки («отобрать краевую литературу» из всего фонда библиотеки, систематизировать и разместить ее на отдельных полках (1937)⁷, до «Проекта Положения о справочно-библиографическом отделе областной библиотеки», «Инструктивных указаний для работников, ведущих справочно-библиографическую работу с читателями в абонементе и читальном зале», «Положения “О справочно-библиографической работе в отделах областной библиотеки”» (1940)⁸. И далее до приказов о переводе обслуживающих читателей отделов библиотеки на «непрерывную работу» без выходных дней (июль 1941), назначении на должность заведующей справочно-библиографическим отделом В. И. Главизниной, библиотекарем — Н. М. Трахтман (прибывшей в Челябинск в эвакуацию), и последующем ее переводе на должность библиографа, о работе директора М. С. Левит (1943) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Книги приказов, сохранившиеся с 1940-х гг., некоторые планы и отчеты библиотеки позволяют воссоздать повседневность библиотечно-библиографической работы в прошлом веке, формируя не просто историческую память сотрудников настоящего, но и профессиональную самоидентичность, показывая образцы работы, донося главное — имена людей, самоотверженно вершивших историю. Например: «...библиотекаря читального зала Кузнецовой ознакомиться в течение 10 дней с постановкой справочно-библиографической работы в Московских библиотеках: научно-технической, им. А. С. Пушкина, имени Ленина»⁹, либо: «7 ноября 1942 г. работают абонемент и читальный зал. Абонемент, дежурит Е. Я. Фролова — с 8.00 до 16.00, читальный зал, дежурит Г. П. Яковлева — с 8.00 до 23.00», и «...к XXV годовщине Великого Октября отмечены: за чуткое и внимательное отношение к читателям и повседневную помощь в работе библиотеки — благодарность Н. М. Трахтман; за честное и добросовестное отношение к труду — З. А. Сазанова и Н. В. Карпова; объявлены ударницами по выполнению производственных планов Н. С. Трофимова и Г. П. Яковлева, в октябре ими выдано 13 714 книг вместо 12 000 по плану, из них оборонной тематики — 703 вместо 450 по плану»¹⁰.

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала также можно найти уникальные свидетельства региональной истории, становления музея, библиотеки, взаимодействия и взаимозаменяемости этих учреждений. Интересны документы: «Копия с копии выписки из протокола № 5 (17) общего собрания членов Челябинского общества “Изучения местного края” от 1 июля 1925 г.», «Письмо из НКП РСФСР с предложением в плане на оставшийся период времени предусмотреть большее количество выставок-передвижек и лекций. 17 апреля 1943 г.», «Решение № 291 исполнительного

комитета Челябинского областного Совета депутатов трудящихся от 16 марта 1944 г. «О составе оргбюро Челябинского областного отделения Всесоюзного географического общества Академии наук СССР» и др. Сведения из некоторых документов мы вводим в научный оборот впервые, приводя довольно обширные фрагменты текстов (тем самым данную статью можно принять как источник по проблеме), представляющие имена и фактографическую информацию. Предыдущий абзац заканчивался периодом Великой Отечественной войны, в последующем продолжим говорить о происходившем в Челябинске, в краеведческом музее в это время.

Резолюция четвертой областной конференции профессионального союза работников политико-просветительных учреждений СССР, Челябинск, 1944 г.:

...Большинство членов союза политпросветработников различных политпросветучреждений в дни Отечественной войны проявили себя замечательными агитаторами среди населения (Мухина — библиотека Сталинского района, Домнина и Халитова — Троицкие библиотеки, Даниленко — инструктор обкома ВКП(б), Боголепова — библиотека Красноармейского района, Кукушкина — Дуванкульская изба-читальня Н.-Увельского района, Власова — изба-читальня Сосновского района и много других). Проведена большая работа по организации членов союза на помощь фронту, выразившаяся в сборе подарков, теплых вещей и сборе средств на вооружение Красной армии. Так, за отчетный период отправлено 7635 посылок на сумму 885 250 руб., сдано 2684 теплых вещей, собрано средств в фонд обороны страны только на танковые колонны и боевые корабли 259 855 руб. Кроме того, на Государственные военные займы члены союза подписались на 4885 тыс. руб., и ряд других мероприятий. <...> Список членов пленума Челябинского обкома профсоюза политико-просветительных учреждений, избранных на IV-й областной конференции 19 марта 1944 года: <...> Мухина Н. М. — Челябинск, Сталинская библиотека; Шульга Н. П. — Челябинск, Сталинский РК ВКП(б); Даниленко Р. П. — обком ВКП(б); Бывакина Е. М. — Троицкий район; Батенева А. Я. — Челябинск, Дом Красной армии; <...> Левит М. С. — Челябинск, областная библиотека¹¹.

В 1942 г. НИИ краеведческой и музейной работы под эгидой Наркомпроса РСФСР и Музейно-краеведческого отдела рассылал программы-задания для краеведческих кружков на зимний период. В частности, программа-задание для литературного кружка включала следующие весьма интересные и актуальные пункты:

1) Составить список писателей: а) жизнь и деятельность которых связана с местным краем; 2) в произведениях которых отражен данный край. 3) Составить библиографическую картотеку художественных произведений, в которых отражен местный край. 4) Составить блокнот выдержек из произведений художественной литературы, отражающих описание местного края. 5) Составить специальную библиографическую картотеку писателей фронтовиков-земляков. 6) Собрать фольклор (песни, частушки, легенды, народные сказания и поговорки), в особенности, относящиеся к эпохе Великой Отечественной войны. <...> 7) Принять на себя работу по охране литературных мест и установке мемориальных досок на них...

Программа-задание для краеведческого кружка по изучению полезных ископаемых местного края содержала следующее:

1) Выяснить запросы местных планирующих, хозяйственных и научно-исследовательских учреждений и потребности производственных предприятий в полезных ископаемых на 1943 г. <...> 2) Составить картотеку описаний месторождений полезных ископаемых края на основе литературы, архивных материалов и музейных фондов. 3) Составить карту месторождений, распространения и глубины залегания полезных ископаемых края. 4) Составить библиографию литературы, документальных и рукописных материалов по полезным ископаемым края. <...> 6) Составить для опубликования в местной печати и через радио серию статей и очерков по вопросам о природных богатствах местного края...

В конце документа дан список литературы (13 названий), которым было рекомендовано руководствоваться в работе¹².

Дальнейшее изучение фондов, отражающих деятельность учреждений, видимыми и невидимыми узами связанных с Челябинским краеведческим музеем, — исследовательская перспектива. Мы солидаризируемся с мнением Е. Б. Рашковского, что

«в нынешний непростой период отечественной науки интегративное научное призвание библиотечно-архивно-музейного дела приобретает особое значение»¹³. Челябинские учреждения и их специалисты активно работают в этом направлении, объединяя усилия. Впереди дальнейшая интеграция по воссозданию истории каждого, демонстрации полиинституциональных связей, потенциальное развитие учреждений документно-коммуникационной сферы региона. Главный результат совместной деятельности — формирование целостной картины региональной истории.

Примечания

¹ Библиотека в изданиях и публикациях, 1901–1997 : библиогр. указ. / сост. И. Н. Пережогина. Челябинск, 1998. 420 с. ; Библиотека в изданиях и публикациях, 1998–2017 : библиогр. указ. / сост.: В. В. Ильина, М. В. Сутягина. Челябинск, 2018. 184 с. ; *Гушул Ю. В.* Библиографические службы библиотек Урала : монография. Челябинск, 2018. 320 с. ; Страницы истории : к 100-летию: 1898–1998 : в 3 кн. / авт.-сост.: А. Г. Заврина, Л. М. Маслова. Челябинск, 1998.

² Более подробно об этом см.: *Гушул Ю. В.* Указ. соч.

³ ОГАЧО. Ф. Р-633. Оп. 1. Д. 5а. Л. 241.

⁴ Там же. Л. 335.

⁵ Там же. Л. 81–82.

⁶ Там же. Л. 226–227.

⁷ Архив ЧОУНБ. Фонд делопроизводственной документации администрации библиотеки. 2 января 1937 — 31 декабря 1939 г. Приказы директора публичной библиотеки [Книга приказов по библиотеке]. Приказ № 44.

⁸ Там же. 1940 г. Приказы директора публичной библиотеки [Книга приказов по библиотеке].

⁹ Там же. 2 января 1937 — 31 декабря 1939 г. Приказы директора публичной библиотеки [Книга приказов по библиотеке]. Приказ № 48.

¹⁰ Там же. 1938–1942 гг. Приказы директора публичной библиотеки [Книга приказов по библиотеке]. Приказ № 57.

¹¹ Архив Государственного исторического музея Южного Урала. А-1794а. Пр-131/28.

¹² Там же. Личный фонд И. Г. Горохова.

¹³ *Рашковский Е. Б.* Библиотека, архив, музей: наукотворческое призвание в эпоху электронных коммуникаций // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки / авт.-сост. Е. А. Воронцова. М., 2015. С. 30.

ЖАЛОБЫ НА «ГАЗЕТЧИКОВ-ВРЕДИТЕЛЕЙ» НА СТРАНИЦАХ «ЧЕЛЯБИНСКОГО РАБОЧЕГО» ЛЕТОМ 1937 ГОДА

Цифра 1937 вряд ли кого оставляет равнодушным в сегодняшней России. Однако лето 1937 г., если судить по страницам периодической печати, может показаться, на первый взгляд, затишьем. Уже миновали первые два больших московских процесса — над «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским блоком» и «параллельным антисоветским троцкистским центром» (Пятакова и Радека). Готовился третий — над «антисоветским право-троцкистским блоком», жертвами которого станут А. И. Рыков и Н. И. Бухарин. По всей стране следователи НКВД ведут черную работу: выбивают из невинных людей признания в создании «правых», «бухаринских» организаций. Недаром это время названо «ежовщиной» — по фамилии зловещего наркома внутренних дел, который и сам вскоре окажется репрессирован.

Сегодня стала расхожей фраза: «Не Сталин же написал четыре миллиона доносов» (обычно эти слова приписывают Сергею Довлатову). Увы, первичных материалов для следователей хватало. Масса людей, травмированных и чекистскими расправами, и предшествовавшим хаосом революций и Гражданской войны, готова была сводить счёты с соседями и сослуживцами, даже если последним это стоило свободы и жизни.

Свидетельством этому — подшивка газеты «Челябинский рабочий» за июль — сентябрь 1937 г., хранящаяся ныне в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области. Вот пример того, как в предмете, тексте, отражается история эпохи. Дело челябинских писателей и журналистов хорошо освещено в исследовательской литературе. В первой половине 1937 г. редактором «Челябинского рабочего» был Леонид Наумович Сыркин, которого арестуют к началу августа. На смену ему придет ответственный секретарь Сергей Иванович Черепанов, который к зиме сам станет фигурантом уголовного дела — вместе с Н. И. Курыгиным (заведующий массовым отделом редакции), М. З. Радюком (заведующий отделом писем) и К. К. Стоммером (заведующий торговым отделом). Л. Н. Сыркина расстреляют вместе с супругой, а С. И. Черепанов перенесет лагеря, унижения и станет впоследствии видным южно-уральским прозаиком, автором сказов и соцреалистических романов.

Вчерашним успешным журналистам приходилось признаваться в том, что они, создав «правобухаринский» заговор, намеренно допускали в печати грамматические ошибки и отказывали в публикации разоблачителям врагов народа. Отвергнутые редакторами заметки составляли практически отдельный том уголовного дела¹.

Впрочем, на страницах местных газет в эти дни недостатка в разоблачительных статьях не было. Авторам, как ни странно, казалось, что, назвав имя врага в печати (естественно, без оснований, без суда), они тем самым решат волнующую их проблему на производстве или в быту. Если же проблема не решена, тем более если получен отказ в публикации или высказана просьба разобраться, — значит, в редакции газеты тоже засели вредители! Тогда надо обратиться в НКВД или в более крупную газету, каковой был «Челябинский рабочий» по отношению к многотиражным изданиям малых городов.

Редакторов авторы отнюдь не всегда ругали, иногда хвалили, ставили газету в пример. Такова заметка Якова Вохменцева «Оргбюро бездействующих безбожников»². При обкоме партии было создано «бюро воинствующих безбожников», куда

входили Любецкий, Суровцев и Сидоров. Поначалу они, особенно Сидоров, активно взялись за дело, создали отделения в 34 (!) районах области, но дальше — до ячеек и конференций на местах — дело мало где пошло. «В Аргаяшский район, — пишет Яков Вохменцев, — на адрес райкома партии были высланы посылкой билеты союза безбожников, вступительные и советские марки, инструкции, антирелигиозная литература. Секретарь Аргаяшского райкома товарищ Тухватуллин отказался выкупить эту посылку», сославшись на отсутствие средств. И областное бюро положило дело под сукно (посылка, очевидно, вернулась отправителям). Вредительство налицо!

Но главная вина: «...как действуют церковники... оргбюро не знает, за исключением тех фактов, что опубликованы в “Челябинском рабочем”. <...> А церковники не спят, они активно развивают антисоветскую деятельность, особенно сейчас, когда все население города и деревни готовится к выборам в Верховный Совет СССР... Даже здесь, в Челябинске, церковники до того обнаглели, что действуют открыто — агитируют население, чтобы оно крестило своих детей, ходят с подписным листом, и угрожают, чтобы трудящиеся подписывались под прошением об открытии церкви». Областная газета остается для безбожников последней надеждой.

Двадцатичетырехлетний Яков Терентьевич Вохменцев, в это время молодой рабочий, сотрудничает в редакциях газет «Наш трактор» и «Челябинский рабочий». Он не будет репрессирован, буквально из-под меча расправы его спасут призыв в РККА и служба на Дальнем Востоке. Он будет участвовать в боях на Халхин-Голе, потом в Советско-финляндской войне, параллельно учиться в Литературном институте. Потом его ждут Великая Отечественная война, ранения, работа в дивизионной газете. Старшие товарищи по редакции в своих показаниях не станут упоминать талантливого юношу.

Критика других изданий нередко публиковалась в «Челябинском рабочем» на второй или третьей полосе под рубрикой «Обзор печати», хотя в ней логично было бы ждать объективного пересказа работы коллег, а вовсе не фельетонного тона или стиля доноса. Иногда эта рубрика носит название «Вместо обзора печати», но содержание от этого не меняется.

В августе — сентябре 1937 г. на страницах «Челябинского рабочего» подробно публикуются отчеты о суде над правыми, «окопавшимися» в Курганской партийной организации, куда входили Реутов, Фоминых, Ханжин, Серков, Рязанов, Маньков, Никулин: «лютые враги крестьянского строя», «фашистское отребье», «предатели просчитались», «выкорчевать вражеское охвостье». Не могли бдительные граждане обойти вниманием и курганскую печать. Статья «Либералы из Курганской партийной райгазеты» опубликована анонимно³: «Газета “Красный Курган” долгое время прикрывала кучку троцкистско-бухаринских бандитов, орудовавших в Курганском районе. Редактор газеты Мочалов подхалимничал перед врагами, зажимал самокритику, не помещал в газете корреспонденций по острым вопросам»; «Мочалов держал связь с врагами народа. Участвовал в устраиваемых ими банкетах, пьянствовал, растранижил редакционные средства»; «Пленум Курганского райкома снял с работы Мочалова и вывел его из членов пленума и бюро райкома. Также на пленуме первичной организации было поручено обсудить вопрос о партийности Мочалова. Но партийная организация редакции не дала политической оценки поведению Мочалова. Вопрос о нем был смазан».

Статья «Письмо под сукном» вышла под рубрикой «Вместо обзора печати»⁴. В ней снова достается редактору «Красного Кургана» Мочалову (заметим, фамилия указывается без инициалов и без предваряющего «т.»: «В мае, в корреспонденции “Редакционные бюрократы” “Челябинский рабочий” уже сообщал о бездушном отношении “Красного Кургана” к письмам. Не без ведома райкома партии редактор Мочалов на страницах районной газеты выступил тогда с отпиской, обвиняя автора в том, что он-де незаслуженно бранит редакцию “Красного Кургана”, что с письмами у них не так уж и плохо. После этого редактор Мочалов не только не предпринял никаких мер к улучшению работы, но и не пытался этого сделать».

«Вина» Мочалова заключалась в ложном «объективизме», в желании подробно расследовать все поступающие в газету жалобы, провести, как бы сказали сейчас, фактчекинг. «Из 408 писем, направленных на расследование, 60 присланы еще в ян-

варе, 64 в феврале, но по ним нет никакой реакции». Автор заметки считает это преступным и добавляет, что письма были направлены также и в прокуратуру. И вновь практически слово в слово анонимный автор повторяет слова из другой анонимной статьи, не удосуживаясь их переписать: «Редактор газеты Мочалов подхалимничал перед врагами, зажимал самокритику, задерживал и не пропускал в газете корреспонденций по острым вопросам. Невольно напрашивается вопрос, не является ли газета ширмой, покрывающей гнусные дела кучки бандитов, долгое время орудовавших в Кургане?»

П. Рогов, студент областной газетной школы, публикует заметку «Безграмотная газета»: «Исключительно безграмотна газета “Колхозный фронт”. Редкий ее номер не изобилует множеством ошибок»⁵. К номеру за 1 августа 1937 г. П. Корзухин насчитал 50 замечаний. «В статье “Война”, перепечатанной из “Истории гражданской войны в СССР”, из-за небрежности редакции допущен ряд опечаток, грубо искажающих смысл... В подлиннике мы читаем: многие из царских сановников с ужасом пророчили, что революция, несомненно, пойдет дальше 1905 года. А “Колхозный фронт” пишет: дольше 1905 года... Невольно напрашивается вопрос: читает ли газету ее редактор тов. Соколов? Райком партии равнодушно смотрит на грубейшие ошибки в газете».

С. Иванов публикует заметку «Злопамятный редактор»⁶: «Пусть винит нас тов. Власов, редактор Куртамышской газеты “Путь колхоза” — за внезапное вмешательство в его служебные дела... В марте Власов получил письмо селькора Черемшанцева о вредительстве в Косулинской МТС и ...вовремя опубликовал его, сопроводив комментарием: “Надеемся, что райком партии положит конец варварскому отношению к людям”. ...Но беда в том, что Власов сам... черствый, нечуткий человек. Он уволил за прогул рассыльную редакцию Пелагею Катаеву, в то время как у нее имелась справка от врача. Это не просто несправедливость, но месть человека, не терпящего самокритики! Ведь за несколько месяцев до того Пелагея Катаева опубликовала заметку в “Челябинском рабочем” о том, что Власов не выплатил надлежащие ей сверхурочные». «Вот эта-то жалоба и разожгла в груди редактора пламя мести!» — восклицает С. Иванов и вновь задается вопросом: куда же смотрит райком? На фоне процесса над «вредителями» из Курганского райкома подозрение в сговоре звучит зловеще.

В рубрике «Обзор печати» выходит статья «Газета, оторванная от стахановцев» с подзаголовком «Пролетарская мысль, г. Златоуст»⁷. Редакции «Пролетарской мысли» было дано поручение Златоустовского райкома партии разобраться с отставанием в прокатном цехе металлургического завода. «Но иначе рассудил редактор тов. Голов»; «До 700 рабочих не выполняют нормы. Все это результат игнорирования директором завода тов. Ципиковым стахановского движения. Сказывается и отсутствие партийно-массовой работы в цехе»; «Но об этом молчит как секретарь заводского парткома, так и сама газета... Редакция настолько беспечна, что она никогда о причинах отставания прокатного цеха не говорила. Газета предпочла поверхностно скользить по фактам, не вскрывая действительных причин, мешающих развертыванию стахановского движения». Из этого можно сделать вывод, что «Пролетарская мысль» на своих страницах тему отставания прокатного цеха поднимала, но автору заметки этого недостаточно. Он заключает: «Златоуст — крупный промышленный центр Урала... Страницы городской газеты скучны, бледны, заполняются беззубыми статьями сотрудников редакции, а часть их отдается перепечаткам. Газета оторвана от стахановцев, от народных масс. Такая ли газета нужна Златоусту?» Подпись автора снова отсутствует.

Подшивка «Челябинского рабочего», хранящаяся в фондах ОГАЧО, прерывается с октября 1937 г. Членам редакции оставались до ареста считанные дни, недели, потом бессонные ночи (на протоколах допросов нередко значится: «начато в 0 часов»). В архивно-следственном деле содержатся «признания» журналистов: «23 января 1939 года арестованный Черепанов Сергей Иванович показал, что основной удар контрреволюционная организация правых в редакции старалась нанести по отделу писем трудящихся, являющихся связующим звеном редакции с массами. Подрывную работу на этом участке вели Курыгин и Радюк»; «Арестованный Пуриц Радион Яковлевич: “...Курыгин и Радюк замалчивали требования коммунистов... обсудить бездействие редакции по вопросам ликвидации последствий вредительства... Курыгин, козыряя своей политической грамотностью, восхвалял Томского, Рыкова и Бухарина»; «Аре-

стованный Курыгин Николай Иванович: Сыркин рассказал мне о существовании подпольной троцкистской организации в Челябинске, членом которой называл себя... На участие... я дал ему согласие и... умышленно задерживал ответы на письма... Чтобы письма утратили всякую ценность, я направлял их на расследования не по назначению... Я авторам не отвечал с тем, чтобы отбить у них интерес к писанию в газету, оторвать газету от масс селькоров и рабкоров»⁸.

Да, газета в советском обществе всегда считалась «пятой властью», «коллективным организатором», и, конечно, фельетоны помогали иногда (не всегда!) решать бытовые и производственные проблемы. Но, увы, от жанра фельетона до стилистики доноса один шаг. Был ли он сделан авторами этих публикаций? Далеко не безобидна риторика: «вредители», «искоренить вражеское охвостье», «фашистское отребье», «покрывать орудующую шайку бандитов-бухаринцев». Как за надуманные обвинения, так и за реальные, но не соразмерные провинности (задержка писем, инцидент с посылкой, невыплата сверхурочных) цена была одинаковой: тюрьма или смерть. Многие из обличителей и сами сгорели в огне репрессий, как члены тогдашней редакции «Челябинского рабочего».

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3616.

² *Вохменцев Я.* Союз бездействующих безбожников // Челябинский рабочий. 1937. 20 сент.

³ Либералы из Курганской партийной райгазеты // Там же. 15 сент.

⁴ Письмо под сукном // Там же. 17 авг.

⁵ *Рогов П.* Безграмотная газета // Там же. 28 авг.

⁶ *Иванов С.* Злопамятный редактор // Там же. 10 авг.

⁷ Газета, оторванная от стахановцев // Там же. 6 авг.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3620. Л. 39–42.

ЮБИЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ПОЖАРНОГО ОБЩЕСТВА

Челябинскому городскому пожарному обществу 12 июля 2022 г. исполнилось 125 лет. Именно эта дата (по старому стилю — 29 июня) — День святых Петра и Павла — была утверждена для ежегодного праздника на учредительном собрании Челябинского городского пожарного общества, состоявшемся 1 июня 1897 г.

В дошедших до нас летописях опустошительные пожары в России сравниваются со злом, не меньшим, чем истребительные войны. В издании ИРПО 1913 г. отмечается: «И теперь наши деревянно-соломенные селения периодически выгорают в среднем через каждые 10 лет, и крестьяне идут по миру, становятся нищими»¹. Несмотря на то что Россия была первой в мире страной, использовавшей для тушения пожаров воинские формирования (в XVI в. — стрельцов), создавшей штатные пожарные подразделения (в начале XIX в.), пожаров не становилось меньше, а ущерб, наносимый ими, неуклонно возрастал. Причиной тому был низкий социальный статус профессиональных пожарных, их недостаточное финансирование, тяжелое материальное и моральное положение. Так, созданная в Челябинске в 1859 г. профессиональная пожарная команда состояла всего из восьми человек: трех сторожей на каланче, четырех пожарных служителей при пожарном обозе и одного смотрителя пожарного обоза. По смете расходов на пожарную охрану в 1891 г. городской управой было предусмотрено 1538 руб.², причем большая часть средств уходила на содержание восьми лошадей при пожарном обозе (фураж, конская сбруя, ремонт, подковка, лекарства).

Повседневная жизнь пожарных была крайне тяжелой. Они находились на службе круглые сутки, без выходных, под бдительным надзором полиции. «Огромный пожарный двор был завален кучами навоза, выбрасываемого ежедневно из конюшен... Пожарные в двух этажах, низеньких и душных, были набиты, как сельди в бочке, и спали вповалку на нарах, а кругом на веревках сушилось промокшее на пожарах платье и белье»³.

Тяжелое положение пожарных служб, растущее число пожаров и ущерба от них создали предпосылки для возникновения добровольных пожарных обществ. Условием для их появления стали проводимые правительством в 1860–1870-е гг. земская и городская реформы, предполагавшие перераспределение властных полномочий между обществом и государством. Немаловажную роль в возникновении добровольчества многие исследователи находят в особенном чувстве нравственности и бескорыстии русского народа. Русский человек «ведет спустя рукава даже дело устройства своих внешних благ и средств, — не это для него важно! — бесконечно более думает о нравственном характере своих поступков <...> И в личную нравственность верит он всегда более, чем во всевозможные формальные гарантии...»⁴

Добровольческая деятельность приобретает наибольшую значимость в обществе, если она связана с риском для жизни. И одним из самых ярких тому примеров является деятельность добровольных (вольных) пожарных дружин. Первое добровольное пожарное формирование было организовано в 1814 г. в г. Верхнеудинске Иркутской губернии. Добровольческая пожарная команда в г. Осташкове Тверской губернии была создана в 1843 г. Горожане, вступившие в команду, не получали никакого материального вознаграждения, но продолжали тушить пожары. Министерство внутренних дел

России по достоинству оценило опыт Осташковской дружины, и подобная практика стала распространяться по всей стране. В 1861 г. в циркулярах, отправленных начальникам губерний, статс-секретарь МВД Валуев подчеркнул: «...считаю не излишним присовокупить, что общественные пожарные команды могут принести действительную пользу в том случае, когда граждане сами добровольно изъявляют готовность принять на себя эту повинность»⁵. И граждане ее охотно «принимали», не требуя материального вознаграждения. С целью содействия профессиональной пожарной команде в 1863 г. в Челябинске была создана общественная пожарная команда. Она имела избранного на общем собрании обывателей распорядителя на пожарах (общественного брандмейстера) и 207 рабочих из числа частных лиц.

К 1890 г. в России функционировало более 60 добровольных пожарных обществ, однако все действовали порознь, и каждый город боролся с пожарами по-своему, каждый тушил как умел и теми средствами, которые были под руками. Постепенно накапливался организационный и практический опыт. Необходимо было таким опытом обмениваться, обобщать его. Так возникла идея создания объединяющего всероссийского центра добровольных пожарных организаций. Этим вопросом занялись представители передовой русской интеллигенции, члены Русского технического и некоторых страховых обществ.

Русским техническим обществом была поддержана инициатива энтузиаста пожарного дела князя Александра Дмитриевича Львова об устройстве выставки пожарной техники. На втором заседании организационного комитета по созданию пожарной выставки видный общественный деятель граф Павел Юрьевич Сюзор предположил, что наряду с пожарной выставкой было бы крайне полезно организовать и «съезд для разрешения некоторых существенных вопросов о мерах борьбы с огнем». Усилиями организационного комитета 23 мая 1892 г. в Санкт-Петербурге в Михайловском манеже открылась Пожарная выставка. На ней широко были представлены материалы Санкт-Петербургской пожарной команды, техника, средства и способы пожаротушения. К открытию выставки князем А. Д. Львовым было приурочено издание книги Александра Чехова «Исторический очерк пожарного дела в России». Выставка пользовалась очень большой популярностью у населения. Ее одобрили своим посещением император Александр III и императрица Мария Федоровна.

Немного позже, 14 июня 1892 г., в здании Императорского Русского технического общества состоялось торжественное открытие первого высочайше утвержденного съезда «русских деятелей по пожарному делу». 15 июня 1892 г. съезд признал жизненно необходимым объединение пожарных организаций России. И уже меньше чем через год, 23 марта 1893 г., благодаря активной позиции графа Александра Дмитриевича Шереметьева устав Соединенного Российского пожарного общества был утвержден министром внутренних дел И. Н. Дурново. 10 мая 1893 г. состоялись выборы совета общества, где председателем был избран граф А. Д. Шереметьев. 17 мая 1893 г. состоялись торжества по случаю создания Соединенного Российского пожарного общества: «Торжество ознаменовалось радостным событием, доложенным графом собранию: о последовавшем милостивом согласии Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича на принятие на себя звания почетного председателя Соединенного Российского пожарного общества»⁶. Девиз Общества гласил: «Богу хвала, царю слава, ближнему защита». Деятельность общества осуществлялась посредством постоянно действующих главного совета (в Санкт-Петербурге) и окружных советов. В обязанности главного совета входили согласование действий окружных советов, совершенствование пожарного дела и содействие в создании новых пожарных обществ и команд. С этой же целью разрабатывается и 23 января 1896 г. утверждается МВД «Нормальный устав городских пожарных обществ», благодаря чему только за один год в России создается около сорока новых добровольных пожарных обществ, в том числе Челябинское.

Челябинская городская дума обратилась к оренбургскому губернатору (Челябинск входил в Оренбургскую губернию до 1919 г.) с просьбой учредить в городе добровольное городское пожарное общество. 15 марта 1896 г. оренбургский губернатор уведомил челябинского городского голову о возможности учредить пожарное общество на основании «Нормального устава городских пожарных обществ».

Согласно постановлению учредительного собрания Челябинского пожарного общества от 1 июня 1897 г., было решено, что «применение Нормального устава в местных условиях города Челябинска об учреждении городского пожарного общества вполне возможно без всякого отступления от него». Учредительное собрание приступило к избранию членов правления в числе пять человек и председателя, а также и кандидатов к ним. Оказался избранным в председатели правления городской голова П. Ф. Туркин (15 голосов). Но так как Туркин заявил, что он, к сожалению, не может принять на себя звание председателя по неимению времени нести эти обязанности, которые на первое время требуют особой заботливости, учредительное собрание избрало в председатели члена городской управы купца Н. А. Самохвалова (15 голосов), в кандидаты к нему — чиновника Е. Л. Курчеева (семь голосов)⁷.

Проведение годового праздника назначалось на 29 июня (по старому стилю) — в День святых апостолов Петра и Павла. Район действия вольно-пожарного общества был определен в черте городских владений: за рекой, ручьем, в пригородных слободах и казачьих землях, в пос. Никольском и Шугаевском Челябинской станицы. Недвижимое имущество общества состояло из участка земли, именуемого по городскому плану «остров на реке Миасс», по определению городской думы переданного обществу «в бесплатное пользование, доколе общество существует, с находящимися на нем постройками для театральных и увеселительных зрелищ». Источниками доходов общества являлись членские взносы, арендная плата за остров, поступления от челябинского общества «Новый клуб», от общественных гуляний, пожертвования от учреждений и разных лиц. Вольно-пожарное общество города пользовалось бесплатно пожарными депо для размещения пожарного обоза. При пожарах такая же льгота распространялась на пользование городским водопроводом и наемными силами для доставки воды к месту пожара. Весь личный состав вольно-пожарного общества, принимавший участие в тушении пожаров, был застрахован в обществе «Голубой крест» на случай увечья или смерти.

9 августа 1897 г. оренбургскому губернатору был выслан Устав вольно-пожарного общества и представлен список членов общества, где к этому времени состояли 98 человек⁸. 1 октября 1897 г. при городской управе состоялось организационное собрание членов общества, на котором были избраны правление общества, начальник пожарной команды, начальники отрядов и определена численность пожарной команды. Был установлен членский взнос в размере 5 руб. в год и единовременный взнос в размере 100 руб. для почетных членов общества. Было предложено правлению общества отпечатать Устав Челябинского вольно-пожарного общества. На собрании присутствовали 106 членов общества⁹.

3, 10 и 17 октября 1897 г. в городской управе прошли заседания правления вольно-пожарного общества с участием членов городской управы, на которых обсуждались вопросы, связанные с организацией общества и открытием его деятельности¹⁰. На 1 октября 1897 г. было внесено пожертвований от разных лиц и организаций на создание Челябинского вольно-пожарного общества 565 руб. Были внесены крупные суммы: половина сбора за представление в цирке 6 июля 1897 г. его содержательницей Беллой-Боровских — 113 руб., половина сбора с представления труппы Захаренко 31 августа 1897 г. — 201 руб., половина сбора со спектакля труппы Бабаш-Королева 28 сентября 1897 г. — 113 руб. 2 октября 1897 г. городской управой было передано в Госбанк на счет вольно-пожарного общества 192 руб. 70 коп., 31 октября 1897 г. — 104 руб. 40 коп.¹¹

23 ноября 1897 г. при городской управе состоялось собрание членов общества, на котором присутствовали 112 человек. На собрании было решено: «Ввиду отсутствия при пожарном обозе лошадей, с целью поощрения обывателей, обязанных доставлять к месту пожара машины и бочки с водой, установить плату: за доставку машины к месту пожара — 1 руб., за доставку первой бочки с водой — 1 руб., за последующие бочки — 20 коп.». Собрание приняло в почетные члены общества со взносом в 100 руб. Василия Михайловича Колбина. Собрание также поручило правлению общества купить пожарную машину, ход для нее и бочки для воды¹². 2 января 1899 г. вольно-пожарное общество приобрело пожарную машину новой конструкции «Гидрофор» на ходу и бочки для воды «на ходах»¹³.

При открытии Челябинского вольно-пожарного общества в его почетные члены со взносом по 100 руб. вступили: Михаил Васильевич Сурин, Иван Николаевич Шапошников, Иван Дмитриевич Баев, Шакир Ахметович Ахметов, Михаил Петрович Кучин, Закир Галеевич Галеев, Кузьма Федорович Шулепов, Василий Акинфович Евсеев. Первым коллективным членом вольно-пожарного общества стало Никольское поселковое правление¹⁴.

8 ноября 1899 г. оренбургский губернатор сообщил городскому главе: «...отсутствие в городе Челябинске правильно организованной пожарной команды является значительным пробелом в городском благоустройстве, ...существующее в городе вольно-пожарное общество, как учреждение частное и временное, далеко не обеспечивает город необходимыми противопожарными мерами, ...осуществление изложенных мер при помощи существующей ныне натуральной пожарной повинности является для столь развившегося уже и прогрессирующего города далеко нецелесообразным. Находя по сему вопрос с учреждением в городе правильно устроенной пожарной команды и обоза весьма существенным, предлагаю Вам такой внести на обсуждение городской думы, о последующем — донести»¹⁵. Это письмо подстегнуло всех: и городского голову, и вновь назначенного брандмейстера пожарной команды города Михаила Алексеевича Новикова, и правление вольно-пожарного общества.

22 января 1900 г. городская дума журнальным постановлением № 6 определила, что пожарная команда в городе имеется, пожарный обоз сосредоточен при городской управе, там же находится и квартира брандмейстера. Имеются в наличии 15 пожарных машин, из них три — новой конструкции, 23 бочки для воды, пять багровых ходов, 13 постоянных лошадей. Летом содержится 13 пожарных служителей, зимой — восемь¹⁶ (это те самые восемь единиц, которые были учреждены на 1850 г. — за 40 лет ни одной единицы не добавилось, а город вырос в десятки раз).

В городе имеется Вольно-пожарное общество, строится 2-я пожарная часть в Заречье, где также будет поставлен пожарный обоз. Натуральная пожарная повинность является подсобной и полезна, т. к. обыватели представляют к месту пожара свои пожарные машины, бочки с водой, лошадей. На каланче при городской управе постоянно находятся сторожа, летом два сторожа, зимой — один. Постоянно находятся в запряжке 4 пожарные лошади, а летом — в зависимости от погоды. Конные разъезды ночью в случае пожара представляют своих лошадей к месту пожара. <...> Вольно-пожарное общество организовало круглосуточное дежурство наемных служителей при обозе в 1-й пожарной части в заручейном районе города и оказало материальную помощь городу в завершении строительства 2-го пожарного депо в заречной части¹⁷.

Вступивший в 1901 г. в должность председателя Челябинского пожарного общества известный предприниматель Василий Михайлович Колбин энергично занялся укреплением пожарной охраны города. В 1901 г. в Заречье построено здание пожарной части с каланчей. Первоначально предполагалось построить деревянную каланчу, но впоследствии проект изменили и построили каменную с помещением для обоза на два выезда¹⁸. 21 апреля 1901 г. жители пригородного поселка около станции Челябинск вошли с ходатайством в городскую управу об организации в поселке пожарной охраны. Городская управа в просьбе отказала: «...поселок не относится к городу и не включен в черту города»¹⁹. Тогда городское пожарное общество в 1902 г. приобрело в пригородной слободе здание, приспособленное под пожарное депо, конюшню, навес и находящуюся при нем казенную винную лавку на три комнаты и застраховало эти здания в Челябинском обществе взаимного от огня страхования на 200 руб. Впоследствии эти здания перешли к организованной 4-й пожарной части, в 1907 г. там была построена каланча на столбах²⁰.

В 1902 г. в Сибирской слободе за городской скотобойней содержалась за счет городской управы одна пожарная машина на ходу, одна бочка для воды на ходу, при них постоянно находились две лошади и один пожарный служитель. По сигналу пожарного колокола и по тревожным гудкам паровозов на пожар прибегали добровольцы из Сибирской слободы, Порт-Артура и со скотобойни. Итого за первое десятилетие XX в. Челябинской городской управой при активной помощи вольно-пожарного общества были построены четыре депо для пожарных частей, в которых организована круглосуточная служба малочисленных дежурных караулов и добровольцев.

После создания пожарной команды города были организованы учебные занятия для пожарных служителей и добровольцев. Эти занятия проводились на площадке 3-й пожарной части у городской думы. По рассказам очевидцев — Сергея Васильевича Главатских и Вадима Петровича Туркина, — на занятия приглашались все члены вольно-пожарного общества, в том числе почетные и именные горожане. На каланчу по лестницам лазали и пожарные, и добровольцы во главе с городским головой П. Ф. Туркиным, членом правления вольно-пожарного общества К. Ф. Шулеповым, начальником дружины П. А. Свистуновым. От молодежи не было отбоя. Все учащиеся старших классов реального училища считали за счастье спуститься с вышки по брезентовому пологу, самые смелые прыгали с каланчи на спасательные полотна²¹.

10 сентября 1908 г. при Челябинском вольно-пожарном обществе был организован и начал функционировать санитарный отряд по оказанию первой медицинской помощи при несчастных случаях во время пожаров. Отряд состоял из пяти человек, возглавлял его член общества студент-медик Василий Александрович Бухарин. В эти же годы был организован оркестр вольно-пожарного общества, который с успехом выступал на всех городских мероприятиях и в собственном клубе на острове на р. Миасс. В 1909 г. Челябинское вольно-пожарное общество, в соответствии с Уставом, приобрело знамя за 136 руб., которое было освящено во время праздника общества — в День святых апостолов Петра и Павла 29 июня 1909 г.²²

В 1910 г. в вольно-пожарном обществе состояли 102 добровольца. Этот год стал временем серьезных испытаний для пожарной команды и добровольцев. 28 января 1910 г. ночью произошел крупный пожар в реальном училище, огнем был поврежден весь третий этаж здания, и ему причинен большой убыток. Здание имело сложную планировку, деревянные перекрытия и пустотелые перегородки, большую загруженность школьной мебелью и пособиями. Несмотря на развившийся пожар и морозную погоду, пожарные и добровольцы всю ночь боролись с огнем и не допустили уничтожения огнем всего здания. 2 декабря 1910 г. в два часа ночи произошел большой пожар в цирке на Южной площади около здания Народного дома. В результате полностью сгорело деревянное здание цирка. На тушении этих пожаров мужественно боролись с огнем добровольцы, многие из них получили ожоги и ушибы²³.

Но самые трудные времена для общества наступили позже. 13 апреля 1911 г. умер его председатель В. М. Колбин. 26 июня того же года общим собранием общества городской брандмейстер М. А. Новиков был избран начальником пожарной команды и смотрителем пожарного обоза вольно-пожарного общества, а 31 июля 1911 г. официальным письмом его пригласили на эту должность²⁴. Совмещение трех должностей в одном лице не могло не отразиться на уровне работы пожарной команды и вольно-пожарного общества. Ухудшилось содержание зданий и сооружений, принадлежащих пожарному обществу. 12 августа 1912 г. на острове, находящемся в ведении общества, произошел пожар в курзале. Деревянное здание сгорело на глазах обывателей. Причина пожара осталась невыясненной. И хотя страховое общество «Якорь» возместило вольно-пожарному обществу материальный ущерб от пожара в сумме 2943 руб., он был значительно больше. Авторитет общества начал снижаться. Количество его членов в 1910 г. составляло 102 чел., в 1911 г. — 100²⁵.

Первая мировая война, революция 1917 г., Гражданская война, голод и разруха тяжело отразились на судьбе общества: на 1 августа 1919 г. в нем остались лишь 20 человек²⁶. Но забота о пожарной безопасности города потребовала возрождения добровольчества. 15 марта 1920 г. пожарным отделом губкоммунотдела была разработана инструкция о внутреннем распорядке добровольных пожарных дружин, организуемых на предприятиях²⁷. 14 ноября 1920 г. правлением Челябинской добровольной пожарной дружины и пожарным отделом губкоммунотдела созвано общее собрание, на которое были приглашены представители от организаций и ведомств. На собрании было избрано губернское бюро при губкоммунотделе по организации добровольных пожарных дружин на предприятиях. В актив бюро избраны пять человек. Начался новый, советский период в истории добровольного пожарного общества Челябинска. В 1920 г. издан декрет об установлении в РСФСР трудовой пожарной повинности и утверждены общие положения о добровольных пожарных дружинах (ДПД). 22 сентября 1920 г. НКВД разослал циркулярное письмо об отсрочке от призыва в Красную

армию членов ДПД, о дополнительных ассигнованиях на содержание ДПД и городских пожарных команд. 14 ноября 1920 г. правлением Челябинской ДПД и пожарным отделом губкоммунотдела было созвано общее собрание с участием представителей от предприятий и ведомств. Были заслушаны доклады пожарного отдела и исполкома ДПД о состоянии пожарной охраны и добровольной пожарной дружины в Челябинске. Было также избрано губернское бюро при губкоммунотделе по организации ДПД на предприятиях. В состав бюро вошли пять человек. Таким образом, Челябинское (городское) пожарное общество и созданное губернское (областное) добровольное пожарное общество стали правопреемниками Челябинского вольно-пожарного общества, созданного 1 июня 1897 г. (по старому стилю).

24 ноября 1920 г. состоялось заседание губернского бюро при губкоммунотделе по организации пожарных дружин (протокол № 1); председателем бюро избран Фукс, ответственным секретарем — Алфеев. Были также решены организационные вопросы. 29 ноября 1920 г. состоялось заседание губернского бюро при губкоммунотделе (протокол № 2), на котором решался вопрос «О совместном сотрудничестве Челябинской добровольной пожарной дружины и городской пожарной команды». 30 декабря 1920 г. опубликован приказ № 1 Челябинского горuezдного исполкома по борьбе с пожарами:

В целях быстрой и организованной борьбы с пожарами как злейшим врагом народа, в случае возникновения пожара приказывается:

1. Всем советским учреждениям дружинников ЧДПД ни в коем случае не задерживать для выполнения текущей работы учреждения, а наоборот, принять все меры для быстрой доставки дружинников на пожар, т. е. если имеются у учреждения легковые подводы, то представлять их в распоряжение дружинников. Примечание: Всем дружинникам приказывается зарегистрироваться в своих учреждениях, дабы администрация учреждений точно знала число и список дружинников ЧДПД.

2. Всем легковым извозчикам при предъявлении дружинниками удостоверений личности или установленных пожарных знаков немедленно доставлять их на пожар.

3. Всем гражданам, проезжающим во время пожара на извозчиках, по первому требованию дружинников освобождать таковых, а последним доставлять их немедленно на пожар. Примечание: пассажиры обязаны за проезженное расстояние извозчика рассчитать.

4. Всем сотрудникам совучреждений, проезжающим во время пожара на подводах и извозчиках учреждения, также по первому требованию дружинников освобождать таковых, а кучерам немедленно доставлять дружинников на пожар. Виновные в неисполнении сего будут привлечены к суровой ответственности, как покрыватели врага народа — пожара²⁸.

21 июня 1921 г. председатель исполкома Челябинской добровольной пожарной дружины (ЧДПД) Алфеев представил доклад в страховой отдел губисполкома о состоянии дружины, в котором сообщил, что «дружина состоит из 5 отрядов (лазальщиков, трубников, водоснабжения, охраны и санитарного), имеет свой обоз и инвентарь, состоящий: пожарная труба “Густав Лист” на рессорном ходу — 1, трубобочечный ход — 1, пожарная труба старой конструкции на старом ходу — 1, пожарных бочек на ходу — 5, багровый ход с пожарными инструментами — 1, спасательных полотен (скользящие и для прыгания) — 2, противоголодная маска “Кенига” — 1. Весь пожарный обоз и инвентарь находились в ведении городской пожарной команды, и члены добровольного пожарного общества ими пользоваться не могут, а во время пожара дружинникам трудно получить какой-нибудь инвентарь для работы»²⁹. 21 июня 1921 г. председатель ЧДПД Алфеев издал приказ «О порядке несения дежурства членами дружины в театрах, клубах и других общественных местах» и разработал инструкцию для постовых. 7 октября 1921 г. Алфеев представил в пожарный отдел список добровольцев (40 человек), участвовавших в тушении Петровской мельницы 5 мая 1921 г. Одновременно были представлены списки добровольцев, участвовавших в тушении пожаров в сентябре 1921 г.: в тушении пожара 1 сентября участвовали 15 человек, 12 сентября — 30, 21 сентября — 9, 22 сентября — 30. В 1921 г. в Кургане были организованы пожарно-инструкторские курсы, на которые направлены 15 человек из Челябинска.

5 марта 1922 г. пожарным инспектором губкоммунотдела Алфеевым написан проект Устава Челябинского вольно-пожарного общества, в период с 22 по 26 июля того же года им составлен примерный устав вольно-пожарного общества. 27 августа 1922 г.

состоялось собрание членов Челябинского вольно-пожарного общества, на котором присутствовали 19 человек. Согласно протоколу № 7, в повестку дня входили: доклад правления общества, рассмотрение и утверждение устава общества, выборы, обсуждение текущих дел. Председателем исполкома общества избран Б. В. Алфеев, членами исполкома — Кучин и Ф. А. Новиков, начальником команды — Г. М. Берестов, членами ревизионной комиссии — Ковалев, Карабут, Елошин, Тряскин, Решетников. Установлен размер членского взноса — 10 млн руб. Ковалеву поручили зарегистрировать вольно-пожарное общество по адресу в Челябинске: ул. Советская, 7³⁰.

29 сентября 1922 г. проект Устава вольно-пожарного общества был представлен губернским пожарным отделом губкоммунотдела административному совещанию на утверждение. Утвержденный губисполкомом, в 1923 г. он был разослан в качестве примерного по всей губернии, затем принят за основу при составлении Устава Всероссийского добровольного пожарного общества. По отчетным материалам, на 7 марта 1924 г. в Челябинске на предприятиях имелось пять ДПД: на электростанции (35 человек), дрожжевом заводе (26), фармацевтическом заводе (30), кожевенном заводе (35), маслозаводе (26). Дружина кожевенного завода имела пожарный обоз, состоящий из трубобочечного рессорного хода и бочечного хода, принимала участие в тушении пожаров, происходящих в городе, во всех учениях городской пожарной команды.

15 мая 1925 г. окружным коммунальным отделом был вновь передан Челябинскому вольно-пожарному обществу Сад-остров на р. Миасс со всем находящимся на нем имуществом (приказ № 45), принял его представитель от общества Дегтярев. 3 ноября 1925 г. на заседании малого президиума Уралоблисполкома (протокол № 41) предложено добровольному пожарному обществу перейти на новый «Нормальный устав», утвержденный НКВД СССР 11 июля 1924 г. и введенный в действие 24 июля того же года циркуляром № 308. Однако благоприятный для работы пожарных обществ период оказался непродолжительным. Организованное в 1934 г. в составе НКВД СССР Главное управление пожарной охраны стало проводить политику ограничения и свертывания деятельности добровольных пожарных обществ, передачу их техники, зданий и иного имущества профессиональной пожарной охране.

В годы Великой Отечественной войны задачи пожарной охраны значительно усложнились. В первые же дни войны из пожарных частей области в армию ушло более 500 человек, города и поселки приняли эвакуированные из западных районов промышленные предприятия. Работа по предупреждению пожаров легла на плечи добровольцев. Они боролись с захламленностью цехов и территорий, сносили ветхие строения, расчищали пути эвакуации, устраивали противопожарные преграды и разрывы, создавали запасы воды.

14 июля 1960 г. Совет министров РСФСР издал постановление «Об организации Всероссийского добровольного пожарного общества» (ВДПО). К I съезду ВДПО, состоявшемуся 25–26 ноября 1964 г. в Ленинграде, оно организационно окрепло, значительно расширился объем противопожарной производственной деятельности. Отчисления от прибылей дали возможность создать штатную структуру организации, наладить работу городских и районных советов ВДПО, усилить пропаганду соблюдения правил пожарной безопасности среди населения, развивать юношеский пожарно-прикладной спорт. В те же годы созданы в Челябинске областной, городской и районные советы ВДПО. Их активная деятельность позволила к концу 1980-х гг. увеличить отряд добровольцев Челябинской области почти до 40 тыс. человек. Около 80 % возгораний в сельской местности ликвидировались добровольными пожарными дружинами.

Экономическая нестабильность в стране в начале 1990-х гг. привела к сокращению штатных сотрудников общества более чем в два раза. Тем не менее славная традиция добровольцев — помогать ближнему в беде — осталась, что и позволило обществу продолжить свою работу.

Правопреемником Челябинского вольно-пожарного общества стала Челябинская областная организация ВДПО, руководящим органом которой являлся президиум. Председателем президиума в 1999 г. был избран почетный член ВДПО Иван Вильгельмович Эйзенбраун.

24 ноября 2006 г. Челябинская областная организация ВДПО переименована в Челябинское областное отделение общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество» (сокращенно ЧООООО «ВДПО»). С 2013 г. по настоящее время председателем совета ЧООООО «ВДПО» является Сергей Юрьевич Шуляков. Это социально-ориентированная некоммерческая организация, которая не преследует извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, а направляет ее на реализацию уставных целей и задач.

В Челябинском отделении ВДПО на высоком уровне организована работа по формированию общественного сознания и гражданской позиции населения в области пожарной безопасности. Организационно-массовые мероприятия проводятся планомерно, в течение всего года. Одним из наиболее значимых является ежегодное участие в Общественно-политическом вернисаже, который традиционно начинает череду праздничных мероприятий, посвященных Дню города. В вернисаже принимают участие военно-патриотические объединения, благотворительные фонды и социальные организации, спортивные и спортивно-оздоровительные общества, некоммерческие партнерства, национально-культурные центры, молодежные и детские организации, политические партии, творческие мастерские. На аллеях ЦПКиО им. Ю. А. Гагарина более 300 организаций проводят презентации своей деятельности для привлечения социально активного населения. Творческие союзы и клубы по интересам представляют народные промыслы, картины, проводят мастер-классы.

По сложившейся традиции, ЧООООО «ВДПО» на вернисаже представляет экспозицию по различным видам своей деятельности. В выставочных материалах отражается работа общества в социально ориентированной сфере, в области пожарной охраны, производственной деятельности. Площадка ЧООООО «ВДПО» всегда выделяется яркой галереей рисунков, моделей, поделок участников различных конкурсов детско-юношеского творчества по пожарной безопасности. На нашей площадке благодаря 3-му пожарно-спасательному отряду ФПС ГПС ГУ МЧС России по Челябинской области всегда размещается современный пожарный автомобиль. Кроме того, дети могут почувствовать себя в роли пожарных, сбивая мячики с помощью струи воды из пожарных стволов и надевая боевую одежду. Всем гостям вернисажа вручаются памятки, буклеты, методические рекомендации, а участники игровой программы получают закладки с правилами поведения при пожаре, памятные подарки и сладкие призы. Выставка ЧООООО «ВДПО» всегда отмечается дипломом главы Администрации г. Челябинска.

Ежегодно силами ЧООООО «ВДПО» совместно с ГУ МЧС России по Челябинской области проводятся творческие мероприятия по пожарной безопасности с детьми и молодежью, муниципальные и областные конкурсы детского творчества на противопожарную тему. Результатами такой работы являются первые и призовые места участников в межрегиональных и всероссийских конкурсах, проводимых центральным советом ВДПО.

Особое внимание в ЧООООО «ВДПО» уделяется добровольческой деятельности. Оно организует работу добровольцев с 2010 г. Являясь учредителем общественного учреждения по пожарной безопасности «Добровольная пожарная команда» (ООУПБ «ДПК»), ЧООООО «ВДПО» совместно с ООУПБ «ДПК» и органами местного самоуправления осуществляют деятельность по организации работы пожарных постов в сельских поселениях, а также по привлечению добровольных пожарных для несения дежурства на пожарных постах.

Руководителем ООУПБ «ДПК» является Вадим Иванович Вириялов. Пожарные посты функционируют в основном в сельской местности, где большие расстояния от пожарно-спасательных частей МЧС России по Челябинской области до сельских населенных пунктов. На сегодняшний день организована работа в 14 муниципальных районах и одном городском округе на 57 добровольных пожарных постах. На постах организовано круглосуточное дежурство 219 добровольных пожарных. Под их защитой находятся 260 населенных пунктов, около 120 425 тыс. человек. Добровольные пожарные в сельских поселениях осуществляют профилактику пожаров путем подворных обходов, участия в сходах населения и проверки противопожарного водоснабжения, а также тушат возгорания и проводят другие общественно полезные мероприятия.

В 2019 г. Челябинское областное отделение ВДПО получило от Министерства общественной безопасности Челябинской области субсидию на установку пожарных извещателей в жилых помещениях частного жилищного фонда, в которых проживают граждане, состоящие на учете в учреждениях социального обслуживания: многодетные малоимущие семьи, многодетные семьи, находящиеся в социально опасном положении, одиноко проживающие пожилые граждане и инвалиды. С использованием собственных средств ООУПБ «ДПК» и ЧООООО «ВДПО» данная работа продолжается по сей день и планируется на следующие годы.

Особым направлением развития добровольной пожарной охраны и достижением Челябинского областного отделения ВДПО является организация в 2016 г. строительства пожарного поста в с. Русская Теча, на что было выделено более 2,5 млн руб. В продолжение развития пожарных постов в настоящее время идет строительство пожарных постов в пос. Слюдорудник и Красный Камень.

С каждым годом появляется больше возможностей для участия ЧООООО «ВДПО» в поддержании сил и средств добровольной пожарной охраны, готовности к выполнению мероприятий по предупреждению и ликвидации пожаров. Челябинское областное отделение ВДПО обеспечивает добровольных пожарных пожарно-технической продукцией, в том числе пожарной техникой и оборудованием, огнетушащими и огнезащитными средствами. Ремонт изношенной пожарной техники производится за счет собственных средств ЧООООО «ВДПО» по согласованию с органами местного самоуправления.

ЧООООО «ВДПО» осуществляет информационное обеспечение добровольной пожарной охраны в области пожарной безопасности, в том числе посредством создания и совместного использования специальных информационных систем и банков данных. Осуществляет сбор документов для включения в реестр добровольных пожарных, принимающих участие в тушении пожаров и профилактике пожаров на постах. Сотрудники ЧООООО «ВДПО» ежеквартально выезжают на пожарные посты с целью информирования добровольных пожарных об изменениях в законодательстве, касающихся их деятельности, подведения итогов, награждения по итогам работы.

В ЧООООО «ВДПО» работают специалисты, имеющие пожарное образование (в том числе высшее) и большой опыт работы в подразделениях ГПС МЧС России. Формирование и развитие системы подготовки и повышения квалификации личного состава добровольной пожарной охраны проводится в соответствии с действующими нормативными документами, сейчас появилась возможность обучаться дистанционно.

Челябинская организация ВДПО осуществляет обучение по программам профессиональной подготовки и дополнительного профессионального образования более 25 видов. В частности, с 2021 г. для обучения добровольных пожарных разработана программа профессиональной подготовки личного состава добровольной пожарной охраны. Теоретическое обучение происходит с применением дистанционных технологий. Практические занятия по отработке навыков добровольных пожарных организуются совместно с ГУ МЧС России по Челябинской области и осуществляются на базе подразделений ГПС. На май 2022 г. были обучены 566 добровольных пожарных.

Повышению социального статуса и общественной значимости добровольных пожарных способствует ежегодное проведение Челябинским областным отделением ВДПО совместно с ГУ МЧС России по Челябинской области смотров-конкурсов «Лучший добровольный пожарный» и «Лучшая добровольная пожарная команда». Победители и призеры награждаются памятными подарками, приобретенными за счет средств ЧООООО «ВДПО», медалями МЧС, ООО «ВДПО».

Большое внимание в деятельности ЧООООО «ВДПО» уделяется укреплению и развитию пожарно-спасательного спорта среди подрастающего поколения. Ежегодно для обеспечения необходимых условий и требований для участия в соревнованиях по пожарно-спасательному спорту ЧООООО «ВДПО» содействует укреплению материально-технической базы спортсменов команды Челябинской области, оказывая финансовую поддержку для приобретения спортивного инвентаря, беговых спортивных костюмов. Целевая группа, которой оказывается поддержка, — учащиеся общеобразовательных учреждений, школ-интернатов, детских домов, специализированных военных и кадетских классов. Среди детей Челябинской области, занимающихся пожарно-спасательным спортом, есть как чемпионы России, так и чемпионы мира.

В 2020 г. ЧОУУУУУ «ВДПО» получило поддержку губернатора Челябинской области в виде гранта на реализацию проекта «Юный спасатель Южного Урала», направленного на популяризацию и развитие пожарно-спасательного спорта посредством организации и проведения спортивных соревнований и учебно-тренировочных сборов по пожарно-спасательному спорту.

Челябинское отделение ВДПО находится в постоянном развитии. Значительные усилия направляются на совершенствование производственной деятельности. Освоены такие виды услуг, как проведение расчетов по оценке пожарного риска, выполнение проектных работ, проведение экспертизы по обеспечению пожарной безопасности, комплексное обслуживание систем пожарной безопасности. Широкое развитие получила система адресного мониторинга установок пожарной автоматики, организация трубо-печных работ, огнезащитная обработка материалов и конструкций. Организация активно сотрудничает с Правительством Челябинской области, в том числе в рамках соглашений по работе с добровольцами, по сбору информации о состоянии систем противопожарной защиты социально значимых объектов Челябинской области. Для удобства и упорядочения работы пожарных постов, оперативного получения информации организована круглосуточная диспетчерская служба. Вся информация, связанная с работоспособностью пожарных постов, передается в диспетчерскую службу, где ведется учет выездов на пожары, состояния пожарной техники и проведения сходов с населением.

С февраля 2018 г. и по настоящее время в ВДПО Челябинска — структурном подразделении ЧОУУУУУ «ВДПО» — организована такая круглосуточная диспетчерская служба, как центр технического мониторинга. Его основная цель — контроль наличия связи с дежурно-диспетчерской службой пожарной охраны и с центром технического мониторинга, проверка состояния работоспособности пожарной сигнализации на объекте защиты, а также контроль за правильностью технического обслуживания объектов систем (согласно регламентам). На сегодняшний день мониторингом охвачены детские дошкольные образовательные учреждения, специализированные дома престарелых и инвалидов, больницы, общеобразовательные учреждения и другие объекты на территории Челябинской и Курганской областей, Алтайского края.

В ЧОУУУУУ «ВДПО» работу осуществляют ответственные и преданные делу сотрудники, что обеспечивает Челябинскому областному отделению ВДПО возможность продолжать социально ориентированную деятельность в области пожарной безопасности.

Примечания

¹ Чехов А. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб., 1892.

² ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 5. Д. 26.

³ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 2017.

⁴ Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии) // Вопросы философии. 1996. № 12. С. 95.

⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 522.

⁶ Струков Д. П. Десятилетие Императорского Российского пожарного общества : ист. очерк. СПб., 1903. С. 15.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 310. Л. 59–61.

⁸ Там же. Д. 458.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 415.

¹² Там же. Д. 458.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 444.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Каплан А. Л. Челябинское вольно-пожарное общество: краткая историческая справка // Челябинск неизвестный : краевед. сб. / сост., науч. ред. В. С. Боже. Вып. 2. Челябинск, 1998. С. 75–76.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 534.

¹⁹ Там же. Д. 680.

²⁰ Там же. Д. 763, 934.

²¹ Каплан А. Л. Указ. соч. С. 78.

²² ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 458.

²³ Каплан А. Л. Хроника пожарной службы в городе Челябинске // Материалы научной краеведческой конференции «Челябинск в прошлом и настоящем» / сост. Н. А. Ваганова. Челябинск, 2001. С. 46, 47.

²⁴ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 4. Д. 9.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 458.

²⁶ Там же. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 7.

²⁷ Там же. Д. 5.

²⁸ Каплан А. Л. Челябинское вольно-пожарное общество: 110 лет со дня создания // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2007 / сост.: И. Н. Пережогина, Л. Н. Аверина, Л. А. Величкина. Челябинск, 2006. С. 184.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 185.

ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН, ОКАЗАВШИХСЯ ПО СВОЕЙ И БОЖЬЕЙ ВОЛЕ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ КРЕПОСТИ¹

В Челябинскую крепость, заложенную в 1736 г. Алексеем Тевкелевым и достраивавшуюся Яковом Павлуцким, были записаны крестьяне, ставшие казаками. В декабре 1739 — апреле 1740 г. проводилась перепись населения крепости. Ее результаты были опубликованы в 1996 г. И. В. Дегтяревым². Отдельные интерпретации материалов переписи предпринимались историками и краеведами³. Большая часть опубликованных материалов, представляющих неоспоримую важность для изучения начального периода русской колонизации современной Челябинской области, как видно, пришлась не на академические, а на краеведческие издания, что говорит о вкладе краеведов в региональную историю. Но специально на причинах ухода глав семейств с прежнего места жительства никто из исследователей не останавливался.

Топонимический анализ данных первой переписи показывает, что примерно половина глав семей родилась в европейской части России, вторая половина — в восточной части Урала и Западной Сибири. Самые дальние дороги, приведшие в Челябинскую крепость, начинались в северо-западном, северном, центральном макрорегионах, Среднем Поволжье и на западных склонах Урала⁴.

Производным, обуславливающим ряд причин переселения, был геополитический фактор. Несопоставимо высокая по сравнению с русскими землями плотность населения стран на западных границах России, разница в вероисповедании, менталитете, привычках делали невозможным активное продвижение русских в западном направлении. Иное дело — возможность продвижения на восток, где в XVI–XVII вв. доживали свой век предгосударственные, потестарные образования и государственные, не способные выдержать прямого соприкосновения в рамках противостояния с набирающей силу Россией. По сути, на восточных границах России горел зеленый свет для русской колонизации.

Геополитическое положение, обширность и аморфность границ русского государства подталкивали его жителей к удовлетворению присущей им любознательности. Русские крестьяне находились в поисках того, где на Руси (или рядом с нею) жить хорошо, а точнее, где можно жить спокойнее, легче, лучше; где находится «подрайская земля». Поэтому универсальной причиной можно назвать поиск лучшего места жительства, несмотря на то что у каждого об этом были свои представления, предъявляемые требования. Но практика давала ответ на вопрос «где хорошо?» — «там, где нас нет».

Это ставшее афоризмом выражение находит свои формулировки в народной интерпретации, в пословицах русского народа, собранных В. И. Далем. С одной стороны, «под лежащий камень вода не течет», «на одном месте и камень мхом обрастает», «жить в деревне — не видать веселья»⁵; но с другой — «жил-был молодец; в своей деревне не видал веселья, на чужбину вышел — заплакал», «своя сторона по шерстке гладит, чужая насупротив»⁶.

Причины переселения людей не могли не интересовать государство в лице его представителей, чиновников, задававших вопросы при переписях населения.

После выяснения производной и универсальной причины обратимся к факторам, движущим силам, подвигнувшим на уход с прежнего места жительства, к его изме-

нению, которые прямо или опосредованно / косвенно содержатся / указаны в ответах глав семей, оказавшихся в Челябинской крепости. Естественно, при этом следует учитывать, что не обо всем опрашиваемые могли сказать полномерно по разным причинам, главные из которых: незнание (по малолетству), непонимание (произошедшего в возрасте, когда решение принимали не они, а старшие члены семьи) и нежелание (говорить правду, что могло навлечь неприятности).

Изложим причины в нашей классификации, исходя из ответов респондентов, полученных при переписи населения крепости, указывая явные и скрытые факторы.

Голод, голодные годы. Часто повторяемое выражение «от хлебной скудости» является лейтмотивом ответов респондентов. Спасаясь от нее, уходили персонально («до возраста воспитан отцом своим, а оттоль сошел от хлебной скудости», «до возраста воспитан Христовым именем»⁷), с женами⁸, своими семьями или родственниками, среди которых фигурируют отец, мать, дядя, братья, сестра. Естественно, решение принимали главы семей или старшие родственники. Есть случай, когда «с прежнего жилища свез брат мой родной Уфимского полку солдат... в город Уфу назад тому десять лет и тут жил пять лет...» Так в Уфе оказался одиннадцатилетний мальчик, родившийся в Вятской провинции⁹.

Голод — вечный спутник человека. Священное писание сообщает о первых проблемах этого плана, которые возникли, когда первый человек, родившийся на земле, совершил первое в человеческой истории тяжкое преступление, в результате чего «сказал Господь: что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не стане более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»¹⁰. По данным ООН, в 2019 г. в мире голодало почти 690 млн человек. Это на 10 млн больше, чем в 2018 г., и почти на 60 млн больше, чем пять лет назад¹¹.

Что такое голод, на Руси было известно издревле. Лаврентьевская летопись сообщает, что княгиня Ольга говорит древлянам, засевающим в своей столице, будто все их города сдались, люди возделывают нивы, «а вы хотите измерети гладом»¹².

По подсчетам В. Т. Пашуто, основанным на русских летописях, в 1024–1332 гг. одно сообщение о голоде приходилось на каждые 7,5 года. Среди причин голода указывались потери урожая из-за засухи, бесснежной зимы и затяжных дождей, обильных половодий и сырых зим, ранних заморозков и сельскохозяйственных вредителей (поденок, саранчи, грызунов). Как следствия отмечались эпидемии и эпизоотии. В голодные годы люди питались мякиной, соломой, листьями, корой деревьев, мхом, собаками и кошками. Иногда — даже кониной, хотя лошадей крестьяне старались сберечь как ближайших незаменимых помощников. Во время продолжительных голоданий дело доходило до людоедства: «...иние резаху люди живых и ядаху, а иние мертвая мяса, и трупие обрезающе ядаху...»¹³ И как эпилог, подходящий к нашей истории, еще один фрагмент древнерусской летописи: «И разидеся град наш и волость наша...»¹⁴ Это вполне соответствовало пословице: «Голод в мир гонит». Правда, потом жизнь снова возрождалась, налаживалась и текла до новых лихолетий.

До XVII в. в России в среднем, по данным источников, неурожаи случались восемь раз за столетие и повторялись почти через каждые 13 лет. В XVII–XVIII вв. число недородов увеличивается до 17 неурожайных лет на век. Получается, что почти каждое пяти- или шестилетие следовал один недород¹⁵.

Иногда неурожаи усугублялись другими бедствиями. В 1612–1614 гг. в Верхотурском уезде отмечался неурожай: «и на Верхотурье де по три годы был хлебный недород, а в прошлом де во 122-м году который яровой хлеб сеян на Верхотурье, и тот весь хлеб вызяб; да у них же де гневом Божиим Верхотурский город молнией сожгло, и что у них де было всякого запаса, и тот у них хлеб весь погорел, остались де только душею и телом...»¹⁶

В 1687 г. в челобитной холмогорскому архиепископу Афанасию (выходцу из братии Успенского Далматовского монастыря) приходское духовенство сообщало, что в прошлом году «изволением Божиим, грех ради наших, во всей Верховажской четверти и в Устьянских волостях в приходех в наших церковных деревнях и в мирских всякой хлеб до основания вызяб, и от тое хлебные скудости мы сироты и все церковные

причетники и крестьяне все бредут врознь в иные города и уезды для прокормления, а дома свои мечут пусты. А которые ныне остальные (оставшиеся. — А. К.) мы богомольцы и крестьяне помираем голодною смертию, потому что хлеба никакова нет и иные всякие земные овощи не родились... А к церквям на службу приношения никакова не стало... никто не платит... им крестьяном и самим ясть нечего, и от того гладу крестьяне з женами и детми в домех и на дорогах помирают голодною смертию»¹⁷.

В царской грамоте 1699 г. сообщалось о голоде 1692 г.: «...с 200 году и после того, как учинилось в поморских и в иных Руских многих городех и уездех хлебу недород, и из тех городов и уездов многие крестьяня, оставив свои жеребьи и тягла, с женами и с детми сошли в Сибирские города...»¹⁸

При Петре I было четыре неурожайных года — с 1721 по 1724¹⁹. В 1723 г. вышел указ царя Сенату, начинавшийся признанием факта голода: «Понеже ведомо Нам учинилось, что от хлебного недороду во многих местах является в народе голод, от чего некоторые и помирают...» В местах фиксации этого явления организовывалась помощь²⁰.

Указом Сената 14 апреля 1724 г. из-за последствий неурожая предыдущего года удерживалось хлебное жалование у губернаторов, комендантов и других чинов, имеющих деревни²¹. Видимо, в надежде на то, что их прокормят свои крестьяне. В августе 1724 г. Сенат, исходя из того, что в столице «хлеба для продажи в народ обретається самое малое число», а из российских городов поступлений не предвидится из-за недорода, принимает решение о допущении в наступающую осень беспощинной торговли заморским импортным хлебом, «чтобы не учинить в народе конечной в хлебе нужды»²².

В переписи Челябинской крепости «хлебная скудость» фигурирует в качестве причины ухода с прежних мест жительства для выходцев из европейской части России, включая ее уральскую часть (Хлыновский уезд, Кунгурский уезд, Чердынский уезд, Оса)²³, но почти не указывается для жителей восточного склона Урала и Западной Сибири. Видимо, они ее не знали, не почувствовали, поскольку земли были плодородные, не выпаханые, не истощившиеся. За два года до основания Челябинской крепости Сенат рассматривает меры «для прекращения народной скудости, происшедшей от хлебного недороду»²⁴. Челябинскую губернию страшный голод накроет в 1921 г.

Урожайность в целом по Центральной России за XVIII в. была выше, чем во второй половине XVII в.²⁵ Неурожай, как правило, распространялись не на всю Россию сразу, а шли по кругу, захватывая то одну, то другую группу уездов. В 1760-е гг. неурожай в одном и том же уезде имел место в среднем раз в семь-восемь лет²⁶. Но цены на хлеб росли. С 1708 по 1801 г. хлебные цены по Европейской России в целом выросли в 5,55 раза. Можно выделить два периода скачка цен — 1708–1729 и 1760–1789 гг., а между ними было относительное затишье²⁷.

Служба в армии и выполнение государственных повинностей, связанных с отлучкой с постоянного места жительства — «государевы работы». В некоторых кратких биографиях переписной книги Челябинской крепости опущены части, фрагменты, отчего затемняется суть и приходится домысливать произошедшее, о котором нет точной информации. «Родом Серпуховского уезду Высотского монастыря, деревни Нижней монастырской крестьянин и в 733 году отпущен Сибирского пехотного полку с летней квартиры для прокормления работою своею...» То есть из сказанного фигурантом можно додумать, что крестьянин был взят в рекруты, проходил службу в Сибирском пехотном полку, а затем отпущен на «подножный корм». Видимо, потому что в данном полку не было возможности обеспечения военнослужащих продовольствием.

Читаем дальше без пропуска в тексте: «...оного ж 733 году декабря до 30 числа от хлебной скудости на что имею печатную покормленную и доживя до сроку на прежнее жилище не пошел, для того там и ныне великая скудость и после сроку жил на Невьянском дворянина Демидова заводе один год, да в Долматове монастыре два года»²⁸. Получается, что скитания продолжились опять же из-за «хлебной скудости».

И еще можно предположить следующее: 1) человек имел связь с местом прежнего проживания, откуда получил информацию, что «там и ныне великая скудость»; 2) условия проживания на демидовском заводе и в монастыре были лучше или продовольственная ситуация в этом зауральском районе в целом на тот момент была благоприятной.

Отнесем этот случай к числу исполнения принудительных обязанностей. Как и пример взятия на «государеву работу»: «В подушной оклад не положен за отлучкою в город Новую Ладогу на государеву работу»²⁹. Указ об основании Новой Ладоги был издан Петром в сентябре 1704 г. Здесь, в устье Волхова, началось строительство третьей по счету верфи в бассейне Ладожского озера. За первую четверть XVIII в. на Новоладожской верфи было построено около 160 судов разного типа³⁰.

Приведенные примеры / случаи служили первотолчком для ухода с прежнего места жительства и положившим начало передвижению по пространству страны. Это было связано не с личным выбором, а обусловлено волей государственной власти.

Уход с разоренных территорий зоны фронта, из погибших населенных пунктов. Россия в ходе русской колонизации в XVI–XVII вв. продолжала разбираться с осколками Золотой Орды (Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства, Ногайская Орда), решать вопросы с национальными элитами. По причине аморфности границ между этими государственно-политическими образованиями и разного видения своих перспектив отдельными акторами у России возникали проблемы на колонизируемой территории, актуализировавшиеся в периоды набегов и восстаний. Ни одно государство или предгосударственное, потестарное образование не горело желанием по своей воле лишиться независимости. Местные правящие круги соглашались поступиться лишь частью своих прерогатив, которые забирались русской царской властью, но в обмен на обещания, гарантии защиты и равноценные привилегии³¹.

Южный Урал был фронтиром, зоной соприкосновения различных участников / акторов процесса расширения территории русского государства, который после акции казаков Ермака, положившей начало русскому присутствию за Уралом, продолжался в Сибири длительное время во всех направлениях. В царском указе 1635 г. говорилось, что «приходили те сибирские царевичи с калмыцкими воинскими людьми в башкирские волости войною небольшими людьми, и пововав башкирские волости, и назад пошли...»³²

Самыми упорными в борьбе с русским присутствием на Среднем и Южном Урале были представители этноса, не относящегося к автохтонному населению, которые неоднократно поднимали восстания в течение XVII–XVIII вв. Были и лояльно относившиеся к российской власти, которых называли «верными башкирцами».

В 1709 г. крестьяне, занятые на Каменских заводах, сообщали царю, что в прошлом, 1708 г., «подъезжали в те наши слободы воровские люди башкирцы, и около слобод в деревнях людей били и дворы жгли, и скота отогнали многое число, и всячески нас разоряли, и ныне они, воровские люди башкирцы слободы наши разоряют же, людей по деревням и по дорогам, и на полях быют и в полон берут, и дворы жгут, и скот последней отганивают, и хлеб сеять и сен ставить нам не дают»³³.

Самым масштабным и кровопролитным было восстание 1735–1740 гг., начавшееся с деятельностью Оренбургской экспедиции. Когда происходили башкирские восстания, «дискомфорт» испытывали не только их русские соседи. В феврале 1736 г. к майору Енисейского пехотного полка Шкадеру обратилось около ста человек ясачных татар и около сотни служилых мещеряков: «...если уведомится о нападении на них, и им бы выступить в русские ближняя слободы с женами и з детьми и со скотом своим...»³⁴ Это говорит о том, что восстания не носили явно выраженного антирусского характера.

В 1736 г. командир драгунского полка И. С. Арсеньев распорядился собрать из малолюдных деревень Зауралья в ближайшие более крупные населенные пункты людей, которые должны были охранять разъездные караулы из крестьян. 18 апреля 1736 г. башкирские отряды, прокравшись незамеченными караулами, выжгли деревни Успенского Далматовского монастыря: Морозову (четыре двора), Карпушину (семь дворов), Ложечной Бор (три двора). В дер. Ключевская, Дубасова, Бугаева, Оншукова, Бисерова, Шипицина разграбили имущество жителей, запасы хлеба сожгли, рассыпали и частично вывезли в свои коши. Скот и лошадей отогнали на свои пастбища. От этого монастырь потерпел убыток на 1204 руб. 50 коп.³⁵

28 апреля крестьянин дер. Сугояк Песчанской слободы Василий Сырвачев, ехавший с женою и детьми в Теченскую слободу, был убит башкирами вместе с членами семьи. Одежда с убитых была снята, на телах их были обнаружены раны от копий. В дер. Шлеповой были убиты пятеро мужчин и одна женщина, ранено четверо муж-

чин и две женщины, ясачного мещеряка и двух мещерячек увезли в плен, были и пропавшие без вести³⁶.

В мае — июне 1736 г. нападением башкирских отрядов подверглись Крутихинский и Шадринский уезды Зауралья. Крестьянин Ф. Мокиных показал, что «напали де на Окуневский острог неприятели воры башкирцы человек с тысячу и больши и приступили к оному острогу накрепко. И была тут баталия день весь. И оного острогу окольные деревни Гушину, Опрельшеву, Лукшину, Скоробогатово, Барышеву, Семышину, Журавлеву, Долгую выжгли, и скот отогнали, и людей побили»³⁷. Под Крутихинской слободой десять человек было убито нападавшими³⁸.

В 1737 г. майор Яков Павлуцкий, принимавший участие в достраивании Челябинской крепости, выйдя во главе отряда из 500 человек из Миасской крепости, догнал башкирский отряд, разоривший деревни Окуневского острога и шедший «с российским полоном и со скотом», и «тот российский полон, скот и шкарп у них отбили и их воров немалое число побили и в полон взяли 2 да лошадей 80»³⁹.

Отсылки к этим событиям можно усмотреть в следующем сообщении первопоселенца Челябинска: «В Челябинскую крепость записался отец ево, а кем того сказать не знает, а отца убили башкирцы»⁴⁰. Получается, что отец был убит после основания Челябинской крепости. Это первое косвенное упоминание о гибели жителя Челябинска. Другой пример: крестьянин, бывший «родом Верхотурского города Уткинской слободы деревни Майорова поля... сошел от такой нужды, яко тое деревню разорили башкирцы...»⁴¹

Почему из этих разоренных территорий, населенных пунктов люди ушли в Челябинскую крепость, тоже находившуюся в зоне внешнего фронта, да еще на переднем крае, если иметь в виду направление движения обозов, доставлявших провиант к месту строящегося Оренбурга, на которые нападали восставшие? В 1737 г. к югу от Челябинской крепости были лишь Еткульская крепость в тридцати верстах, заложённая в 1737 г., Верхнеицкая пристань (Верхнеуральская крепость) в 197 верстах⁴², заложённая в 1734 г., и первоначально заложённый в 1735 г. Оренбург (на этом месте ныне Орск), от которого до Челябинска сегодня 584 км⁴³. К западу от Челябинской крепости, в 64 верстах от нее, была ее ровесница — Чебаркульская крепость⁴⁴.

Однозначно сказать сложно. Вряд ли рискованные люди, каковыми были селящиеся в беспокойной зоне фронта, хотели подвергнуть опасности жизни членов своих семей. Возможно, среди прочих причин переселения в Челябинскую крепость была надежда на защиту укреплений и воинского контингента регулярной армии. Но скорее государство было заинтересовано в поселении в новую крепость людей, имевших опыт общения с воинственными соседями, приносившими разорения и смерти.

Также следует заметить, что проживание в зоне фронта, видимо, не всеми крестьянами воспринималось как дамклов меч, потому что опасность не была перманентной, постоянно присутствующей. Периоды спокойной мирной жизни, затишья отучали от внутренней мобилизации — быть готовым к новым неожиданным нападениям. Доходило до того, что некоторых жителей приходилось заставлять возводить укрепления «под угрозой за недеятельность строгого наказания»⁴⁵. Привычка полагаться на «авось да небось» была одним из качеств противоречивого русского характера.

Религиозные причины. Никто из опрошенных не указал причин, которые можно было бы квалифицировать как религиозные. Но такое явление, ставшее раной на теле Русской православной церкви, как раскол, старообрядчество, уже получило широкое распространение. Из Москвы старообрядцы уходили к северу от Волги, в Пошехонье, где происходили самосожжения. С верхней Волги гари перекинулись в Новгородскую землю и Поморье. Это было радикальное движение. Умеренное старообрядчество формировалось в окрестностях Нижнего Новгорода, особенно на притоке Волги — р. Керженец, где возникали старообрядческие скиты и починки⁴⁶. Это было началом поповского согласия. В. Н. Татищев отмечал: «Керженская волость, дворцовая Балахонского уезда по реке Керженцу, наполненная лесами и болоты, где наиболее раскольники гнездятся...»⁴⁷ Кержаками назывались «раскольники и старообрядцы в Пермской губернии»⁴⁸.

По мнению С. А. Зеньковского, Поморье и Русский Север в целом стали особо подходящей почвой для распространения «старой веры», так как там приход был независимой церковно-административной единицей и выполнял все функции местного

самоуправления. Север отнесся враждебно к церковным реформам патриарха Никона, видя в них желание центра навязать свободлюбивым общинам новый порядок и стиль церковной жизни, и стал одним из самых стойких районов сопротивления новому обряду⁴⁹.

В XVII–XVIII вв. мощные старообрядческие центры сложились на Русском Севере: в Архангельском Поморье, Вычегде и Печоре. С конца XVII в. старообрядчество получило значительное распространение в Олонецкой губернии, в первой половине XVIII в. — в Вологодском уезде, Шекснинских землях и Великом Устюге⁵⁰. В этом регионе формируется организация беспоповцев — поморского согласия. Старообрядцы подвергаются преследованиям властей по всей стране, ужесточающимся при царевне Софье, подвергаются двойному обложению при Петре. Это становится еще одной из причин ухода населения из-под контроля власти на новые территории.

Уход от налогов, поскольку не все крестьяне могли их заплатить или принципиально не желали этого делать. Налоговые ставки и количество налогов постоянно менялись. В России в первой четверти XVIII в. количество повинностей и налогов колебалось от двух до четырех десятков⁵¹. Естественно, в рассматриваемый период, как и во все времена, государство прежде всего интересовало не колонизационные потоки населения, а то, как податные сословия исполняли свою главную обязанность — уплату подушной подати, которой облагалось все мужское население независимо от возраста и работоспособности. Поэтому опрашиваемые переселенцы отвечали на вопрос о подушном окладе.

Этот вопрос был сформулирован в переписных книгах крепостей Исетской провинции так: «Где в подушный оклад положен, или не положен, и давно ль с прежних жилищ сошли»⁵². В 1718 г. подать с души была определена в 80 коп., в 1724 г. снижена до 74 коп., в 1725 г. — до 70 коп. и оставалась в таком размере до 1742 г.⁵³ В отношении положения в подушный оклад населения Челябинской крепости в материалах первой переписи населения фигурируют в основном такие варианты записей: «положен» (с указанием количества душ), «положен на прежнем жилище», «не положен», «не написан», «нигде не написан», «нигде не положен», «на прежнем жилище и нигде не положен».

К этому иногда добавляются подробности и дополнительные обстоятельства, примеры которых указаны ниже. В отношении крестьянина 47 лет: «В подушной оклад нигде не положен», потому что во время переписи «в том селе не был, а ходил по разным местам и кормился работою...»⁵⁴ О других говорится: «платит за себя и за двух умерших за отца да за брата», «платит за себя да за умерших за отца да за брата», «не положен», «только платил деньги за умершего отца своего»⁵⁵.

О 18-летнем несемейном крестьянине сказано: «В подушной оклад нигде не положен, только во оной Беляковской слободе платил и поныне подушные деньги, семигривенные повсегодно без доимки за умершего отца своего»⁵⁶. Видимо, этот человек во время составления ревизских сказок отсутствовал на месте проживания и фиксации, составления списков, а потом вносил деньги за умершего отца.

Касательно выходца из населенного пункта Исетской провинции указывалось: «В подушной оклад положены с отцом и братьями, кроме малого брата Ермолая, во оной Буткинской слободе и подушные деньги платили по 739 год сполна без недоимки»⁵⁷. Поскольку в Челябинскую крепость фигурант был записан Тевкелевым в 1736 г., то, значит, продолжал платить, будучи записан. Это говорит о том, что сам факт записи в крепость поначалу не освобождал автоматически от уплаты подушной подати.

Приведем еще несколько ответов на важный для власти вопрос: «В подушной оклад положен во оном городе Устюге, только по отбытии отголь подушных денег не плачивали»⁵⁸; «В подушной оклад положен на прежнем жилище, только по отбытии оттуда не плачивал»⁵⁹; «В подушной оклад был положен во оной Арамилской слободе один и платил подушные деньги до отдачи ко оному Демидову, а как отдан, то из подушного оклада выключен и подушные деньги не плачивал»⁶⁰.

Некоторые фигуранты жили в разных местах достаточно продолжительное время и нигде не были положены в подушный оклад. Например, о 60-летнем главе семьи говорится, что он с места рождения «сошел от хлебной скудости назад тому двадцать семь лет и жил на Невьянском Демидова заводе двадцать лет, да в Долматове монастыре пять лет. В подушной оклад нигде не положен»⁶¹.

О 43-летнем уроженце Кунгурского уезда: «...оттоль сошел от хлебной скудости назад тому лет с сорок с отцом своим в малых летах, токмо отец его умер и жил на Невьянском дворянина Демидова заводе двадцать лет, да в Далматове монастыре десять лет, да на Пышме Верхотурского монастыря в Николаевской заимке восемь лет. В подушной оклад не положен»⁶².

О 73-летнем главе семьи, родившемся в Хохломской волости Нижегородской губернии: «...оттоль сошел от хлебной скудости назад тому двадцать пять лет и жил Шанчурова города по разным местам десять лет, да в Ярославском городе пять лет, да в Кунгурском городе пять лет, да в Шадринском дистрикте два года. В подушной оклад нигде не положен»⁶³.

На вопрос, каким образом некоторые умудрялись не попасть в списки платящих подати, есть ответ в отношении одного фигуранта: «...в подушной оклад нигде не положен для того что в перепись нигде не явился...»⁶⁴ То же самое можно экстраполировать и в отношении других людей, не положенных в подушную подать: они отсутствовали во время сбора данных для включения в списки податного населения.

В трех случаях по данному вопросу информация отсутствует⁶⁵. Скорее всего, это можно объяснить большим объемом нагрузки на переписчиков населения: чиновники не справлялись, забывали задать важнейший для государства вопрос. Об одном жителе сказано, что он не владел информацией: «В подушной оклад на прежнем жилище положен ли — про то сказать не знает же»⁶⁶. А может, переписчики не указывали ответ на этот вопрос по договоренности с опрашиваемым на каких-либо основаниях.

Подушная подать непосредственно была связана с рекрутской системой комплектования русской армии, поскольку по ней делались расчеты средств на содержание армии: нужно было примерно знать количество населения и, исходя из этого, определить расходы на содержание вооруженных сил. Самые тяжелые для населения наборы пришлось на период 1705–1711 гг., когда отмечалось самое большое бегство рекрутов⁶⁷. В этот период один рекрут полагался от 20 тягловых дворов⁶⁸. Срок службы был пожизненным⁶⁹. Один человек, осевший в Челябинске, был отставным солдатом 50 лет. В солдаты был взят в возрасте примерно 20 лет в 1707 г., служил до 1726 г., то есть отслужил 19 лет и был отпущен по болезни, на что имел документ⁷⁰.

В связи со сказанным еще раз обратимся к вопросу: можно ли говорить о том, что все крестьяне, записанные в Челябинскую крепость, были беглыми, как утверждалось в некоторых работах? Однозначно ответить на него невозможно, хотя ни об одном человеке не было сказано как о беглом крестьянине. Может, такие и имелись, но не обнаруживались желающих заявить о себе как о беглом, а значит, злостном неплательщике налогов.

Может, крестьяне ввали, говоря, что являются дворцовыми, чтобы их не вернули помещикам? Однако сложно предположить, что они, собранные в крепость из разных мест, поголовно стоворились и показали себя принадлежащими дворцовому ведомству. Это также говорит о том, что масштабы дворцового землевладения, видимо, нуждаются в уточнении, как и положение дворцовых крестьян, которых, по мнению специалистов, не отпускали на дальние расстояния и на продолжительное время⁷¹.

Для власти главным было вернуть беглых крестьян их владельцам. То, что такие вопросы — о принадлежности к определенной категории — задавались, говорит такой ответ: «...а государственный или помещичей про то не знает»⁷².

Можно сказать, что не все оказавшиеся за тридевять земель от родных мест убежали, уходили нелегально. Некоторые уходили легитимно, по договоренности с другими крестьянами-общинниками, с родственниками. Об этом говорят такие сообщения со слов опрашиваемых респондентов: «В подушный оклад положен на прежнем жилище в одной душе. Платил подушные деньги по отбытии оттоль»⁷³. Но здесь непонятно, каким образом человек, восемь лет назад ушедший из деревни под Хлыновым и живший после этого на Невьянском заводе Демидова пять лет, платил подушную подать.

В отношении уроженца «Колмогорского» (Холмогорского) уезда говорится: «В подушный оклад положен на прежнем жилище, подушные деньги платит и поныне оставшийся тамо дядя... понеже отпущен за ево порукою»⁷⁴. Выходец со Среднего Поволжья «в подушный оклад положен на прежнем жилище в деревне Топорковой (под Городцом. — А. К.), которые подушные деньги платят братья»⁷⁵. За выходца из Устюга Великого платил его брат⁷⁶.

Это говорит о том, что не все переселенцы из других мест не платили подушной подати, не все выпадали из налоговой системы. В связи с этим укажем расстояния между перечисленными местами выхода и Челябинской крепостью. Сегодня расстояние от Хлынова (Кирова) до Челябинска по автодороге составляет 1059 км, от Городца до Челябинска — 1418 км, от Холмогор до Челябинска — 2100 км. Если деньги передавались родным для внесения, то получается, что такие люди находились на местах нового проживания вполне легально, не уходили от платежей, не входили в конфликт с государством. Можно представить, но сложно объяснить, как могли передаваться деньги на такие расстояния. Хотя коммуникативные возможности путей сообщения того времени не следует недооценивать. И, видимо, существовали каналы передачи денежных средств.

Информация о том, что человек положен в подушный оклад «на прежнем жилище», без дополнительных оговорок, пояснений может говорить о том, что за него платили на прежнем месте проживания оставшиеся там родственники, поскольку первая ревизия состоялась в 1719 г., а вторая — в 1744 г. Или она может свидетельствовать о том, что респонденты избегали давать точную, правдивую информацию о своем нахождении в подушном окладе, а это может указывать на их нелегальное положение, отсутствие в ревизских сказках, бегство, уход без согласования с кем-либо. А в итоге — об общей ситуации с налогоплательщиками, зафиксированной первой переписью.

По формальному признаку «положен (-ы) — не положен (-ы) в подушный оклад», не принимая во внимание дополнительную информацию, которую сложно истолковать однозначно, получаем такую картину: положены в подушный оклад 60 % первопоселенцев, не положены — 38 %, отсутствует информация в 2 % случаев. В большинстве случаев «местные», зауральские, прибывшие в Челябинскую крепость с восточного склона Урала и из Западной Сибири были положены в подушный оклад. Пришедшие издалека — не положены.

Сказанное можно опровергнуть лишь в случае доказательств или предположения, что первопоселенцы крепости вралы, честно глядя в глаза переписчикам, или чиновники были настолько доверчивы и наивны, что их обводили вокруг пальца как несмышленных детей, и они фиксировали чудовищную ложь, которую спустя века будут транслировать историки.

Причина под названием «любовь». Такая причина, естественно, тоже нигде не фигурирует, не указана в ответах респондентов. Но было бы невероятным ее отсутствие среди факторов, сподвигнувших к смене места жительства.

Свойственное человеку чувство любви получает более возвышенное и глубокое понимание в мире, который становится христианским, в христианском определении Бога. Апостол Иоанн Богослов писал: «...любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь»⁷⁷.

Апостолы давали первым христианам понятия любви в своих посланиях. Из первого послания апостола Павла к коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»⁷⁸. Из послания апостола Павла к ефесянам: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее»⁷⁹. Из послания апостола Павла к колоссянам: «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства»⁸⁰.

Святые отцы развивали евангельские постулаты.

Молитвенные обращения к Богу и святым, нацарапанные на стенах Софии Киевской и Новгородской, свидетельствуют о надежде неопитов Древней Руси на любовь и заступничество свыше. Свои автографы жители разных городов Руси в разное время оставляли на стенах и самого главного православного собора в мире. Это самый большой заграничный памятник восточнославянской эпиграфики⁸¹. В древнерусских храмах эпиграфических надписей типа «Лена + Коля = любовь» не обнаружено. Но о любви между людьми в Древней Руси сохранили свидетельства самые стойкие к воздействию сторонних факторов, самые надежные свидетели выраженных чувств, самые верные хранители признаний — берестяные грамоты. Приведем пару примеров.

Берестяная грамота конца XIII в.: «От Микиты к Маланье. Пойди за меня, я тебя хочу, а ты — меня, а на то свидетель Игнат Моисеев»⁸². Аналогичные послания отправлялись и древнерусскими представителями слабого пола: «...я послала к тебе трижды... Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату. Неужели я тебя задела тем, что присылала к тебе? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под (людских) глаз и пришел. <...> Если бы даже я тебя по своему неразумию обидела, а ты начнешь насмехаться надо мною, пусть тебя судит Бог и моя худость»⁸³. Это послание XI в. Имя автора неизвестно.

Мы не знаем, в каких обстоятельствах возникали семейные пары первопоселенцев Челябинской крепости. Нужно учитывать несколько факторов. С одной стороны, в конце XVII — XVIII в. были стойкими христианские православные традиции, с другой — все явственнее ощущалась вестернизация русской культуры. Но она не затрагивала основную часть народной массы. Также нужно учитывать, что значительная часть первых челябинцев оказалась в крепости после дальних и долгих странствий. И нам неизвестны обстоятельства заключения этих браков.

Причина под названием «любовь», скорее всего, имела широкое распространение. Но в «кратких биографиях» материалов переписи напрямую об этом не говорилось, поскольку для государства это не имело первостепенной важности. Тем не менее обратим внимание на такой пример. Дворцовый крестьянин был «взят помещиком Демидовым, понеже жена моя была ево Демидова (очевидно, имелось в виду крепостная. — А. К.) и жил у него два года...» Как видно из дальнейшего, муж, видимо, копил деньги для расчета с хозяином / владельцем. С какого времени копил, неизвестно. Читаем дальше (без пропуска, с того места, где остановились): «...и заплатил ему Демидову за жену свою вывод шестьдесят рублей и отпущен по прежнему и об отпуске имеем у себя отпускное письмо. И по отпуске от него Демидова жил в Течинской слободе год»⁸⁴.

Что здесь можно додумать? Или муж был достаточно состоятельным крестьянином, или жена — умница и красавица, или хозяин завода жадный, или то, и другое, и третье, вместе взятое. На момент переписи супругам было 38 и 30 лет. Их шестерым детям — от 17 лет до полугода. Причем обеим старшим дочерям — по 17. Скорее всего, они были двойняшками. Если все дети были для матери семейства родными, то она вышла замуж в 12 лет, что соответствовало брачному возрасту невесты по Соборному уложению, которое повторило возрастные нормы вступления в брак, указанные в Стоглаве: 15 лет для юношей и 12 лет для девушек: «А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилом»⁸⁵. Петр I указом «О единонаследии» повысил брачный возраст до 17 и 20 лет соответственно. Но поскольку регистрацией брака ведала Церковь, то продолжали действовать правила, установленные Стоглавом. В 1774 г. Святейший синод повысил возраст для девушек до 13 лет⁸⁶.

Вряд ли мы можем получить достоверную информацию о вступлении в брак, если будем исходить из разницы в возрасте между родителями и старшим ребенком в семьях Челябинской крепости. Ведь о детской смертности можно сказать лишь то, что она была очень высока, особенно в отношении первых детей неопытных родителей. В нашем случае также следует учитывать «походную жизнь» значительной части переселенцев, бытовую необустроенность.

Что означали 60 руб., заплаченные дворцовым крестьянином помещику «за жену свою»? «Доменный работник» на Каменском заводе получал в 1733 г. 18 руб.⁸⁷ Годовой оклад служащих строящегося Тельминского завода в 1734 г. составлял 24 руб. у плотного мастера, по 30 руб. — у молотового и мехового, 40 руб. — у доменного, у управителя завода — 60 руб.⁸⁸ В 1736 г. для заводских работ потребовались четыре лошади и шесть быков. На их покупку было выдано 30 руб.⁸⁹ В Кузнецке до 1 февраля 1748 г. мука стоила 65,5 коп. за четверть⁹⁰. Четверть составляла 7 пудов 10 фунтов⁹¹. По свидетельству П.-С. Палласа, в 1772 г. в Красноярске корова стоила 1 руб., бык — 1,5 руб., рабочая лошадь — 2–3 руб., но можно было достать и за меньшую цену⁹².

В целом на государственных и частных заводах Урала годовая зарплата в 1730-е гг. составляла от 6 до 18 руб. у неквалифицированных работников, 20–37 руб. у подмастерьев в основных цехах и мастеров во вспомогательных, 30–72 руб. — у мастеров в основных цехах⁹³. В 1730-е гг. в Екатеринбургe пуд ржи стоил 4–5 коп., ячменя — 4,

овса — 3, пшеничной муки — 10, пуд свинины стоил 20–30 коп.⁹⁴ В 1748 г. в драгунские полки покупались лошади в Кургане, за которые отдавали от 6 до 10 руб.⁹⁵

Но любовь бесценна, потому что «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится», а в народной интерпретации — «нет ценности супротив любви»⁹⁶.

Примечания

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда № 22-28-20154.

² Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года // *Дегтярев И. В.* Челябинская старина: сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII — середина XIX века). Челябинск, 1996. С. 56–96.

³ *Устюгов Н. В.* Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 33–42; *Дегтярев И. В.* Из истории заселения местности по среднему течению реки Миасс (начальный период) // Краеведческие записки. Вып. 2. Челябинск, 1969. С. 13–25; *Он же.* Из истории возникновения Челябинска (обстоятельства построения Челябинской крепости) // Родной край и школа. Челябинск, 1973. С. 102–111; *Боже В. С.* Кто населял Челябинскую крепость // Челябинский рабочий. 1987. 18 авг.; *Фофанов М. С.* Первые граждане // Врата Рифея. М., 1996. С. 103–105; *Поздеев В. В.* Кто же вы, первопоселенцы? // Исторические чтения: материалы науч. конф. «История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии» (1996). Челябинск, 1997. С. 13–16.

⁴ Подробнее об этом говорится в статьях «Социальный состав и малая родина первопоселенцев Челябинской крепости (по материалам переписи 1739–1740 гг.)» и «Зауральские пути в Челябинскую крепость», находящихся на настоящий момент в редакциях изданий.

⁵ *Даль В. И.* Пословицы русского народа: сборник. М., 1984. Т. 1. С. 256.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 57, 83.

⁸ Соборное уложение определяло брачный возраст — 15 лет для юношей и 12 лет для девушек. В XVII — начале XVIII в. наиболее распространенными были браки между 13–14-летней невестой и 15–16-летним женихом (*Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 167).

⁹ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 95.

¹⁰ Бытие. 4:10–12.

¹¹ As more go hungry and malnutrition persists, achieving Zero Hunger by 2030 in doubt, UN report warns // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news/item/13-07-2020-as-more-go-hungry-and-malnutrition-persists-achieving-zero-hunger-by-2030-in-doubt-un-report-warns> (дата обращения: 13.03.2021).

¹² Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. С. 41.

¹³ *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 65, 66, 69, 72.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ *Леонтович Ф. И.* Голодовки в России до конца прошлого века // Северный вестник. 1892. № 3. С. 51.

¹⁶ 1614 г., ноября 30. Грамота на Верхотурье воеводе Белянице Зюзину о выдаче Верхотурским служилым людям хлебного жалования... // *Миллер Г. Х.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 229–230.

¹⁷ Челобитная холмогорскому архиепископу Афанасию десяцких священников, от всего приходского духовенства Верховажской чети и Устьянских волостей, о прощении по случаю голода, хотя в половину церковной дани. 1687. 7 декабря // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. СПб., 1890. Т. 12. Стб. 106–107.

¹⁸ Царская грамота верхотурскому воеводе Козме Козлову о народной переписи по Верхотурскому уезду // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5. № 286. 1699, 27 апр. С. 518.

- ¹⁹ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 48.
- ²⁰ ПСЗ. Т. VII. СПб., 1830. № 4168. 16.02.1723. С. 24, 25.
- ²¹ Там же. № 4193. 13.04.1724. С. 45.
- ²² Там же. № 4558. 28.08.1724. С. 345.
- ²³ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 59, 71, 74, 78, 75.
- ²⁴ ПСЗ. Т. IX. СПб., 1830. № 6569. 25.04.1734. С. 304.
- ²⁵ Индова Е. И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII — XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 151.
- ²⁶ Миронов Б. Н. Сельское хозяйство России в 60-х годах XVIII в. (по данным сенатской анкеты 1767 г.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. С. 224–225.
- ²⁷ Миронов Б. Движение цен ржи в России в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы ... С. 159–160.
- ²⁸ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 88.
- ²⁹ Там же. С. 94.
- ³⁰ Морозов С. А. Трехсотлетняя история Новой Ладogi // Региональный образовательный портал ХОР. URL: <http://portal.loigo.ru/index.php?module=articles&action=view&cid=0&id=13> (дата обращения: 27.05.2022).
- ³¹ Трепавлов В. В. Присоединение удмуртов к Московскому государству и закономерности образования многонациональной России // Россия и Удмуртия: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию добровол. вхождения Удмуртии в состав Рос. государства. Ижевск, 2008. С. 28.
- ³² Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года включительно, депутатом уфимского дворянства Н. А. Гурвичем. Уфа, 1903. С. 193.
- ³³ 1709, сентября 27. Две челобитные царю крестьян, работающих на Каменских железных заводах... // Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. 1. С. 400–401.
- ³⁴ 1736 г. О просьбе служилых мещеряков и ясачных татар разрешить им в случае опасности уйти к русским слободам // Сборник документов: к истории тюркского населения Южного Зауралья XVII–XIX вв. / сост. О. В. Новикова, А. А. Рыбалко, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2020. С. 102–107.
- ³⁵ Пермская летопись с 1263–1881 г. Пятый период. Ч. 3. 1702–1715 / сост. В. Шишонко. Пермь, 1889. С. 379–380.
- ³⁶ Там же. С. 383.
- ³⁷ Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Челябинск, 1966. Ч. 1. С. 107–108.
- ³⁸ Пермская летопись с 1263–1881 г. Пятый период. Ч. 3. 1702–1715 ... С. 381.
- ³⁹ Ведомость Сибирского гарнизонного драгунского полка о полковнике Якове Павлуцком, коя сочинена сего 748 года, декабря 25 дня // Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 2–3.
- ⁴⁰ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 60.
- ⁴¹ Там же. С. 87.
- ⁴² Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 260, 261.
- ⁴³ URL: <https://www.avtodispatcher.ru/distance/?from=Орск&to=Челябинск> (дата обращения: 19.07.2022).
- ⁴⁴ Рычков П. И. Указ. соч. С. 260.
- ⁴⁵ Пермская летопись с 1263–1881 г. Пятый период. Ч. 3. 1702–1715 ... С. 384.
- ⁴⁶ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 381, 384–387.
- ⁴⁷ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 3. С. 193.
- ⁴⁸ Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843. Т. 1. С. 276.
- ⁴⁹ Зеньковский С. А. Указ. соч. С. 392–393.
- ⁵⁰ Рыжонков Н. Ф. Старообрядчество Поморья и северо-востока России в конце XVII — начале ХХI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 15.

- ⁵¹ Муравьева Л. А. Налоги и налогообложение в России первой четверти XVIII века // Финансы и кредит. 2007. № 20. С. 90.
- ⁵² Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 57.
- ⁵³ Василенко Н. П. Подушная подать в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 24. С. 428.
- ⁵⁴ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 57.
- ⁵⁵ Там же. С. 85, 90, 95.
- ⁵⁶ Там же. С. 94.
- ⁵⁷ Там же. С. 57.
- ⁵⁸ Там же. С. 63.
- ⁵⁹ Там же. С. 74.
- ⁶⁰ Там же. С. 64.
- ⁶¹ Там же. С. 89.
- ⁶² Там же. С. 90.
- ⁶³ Там же. С. 91.
- ⁶⁴ Там же. С. 95.
- ⁶⁵ Там же. С. 66–67, 92, 94.
- ⁶⁶ Там же. С. 60.
- ⁶⁷ Тихонов В. А. Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 19.
- ⁶⁸ Там же. С. 23.
- ⁶⁹ Кузьмин-Каравеев В. Д. Рекрутская повинность // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1899. Т. 26а. С. 530.
- ⁷⁰ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 82.
- ⁷¹ Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 31.
- ⁷² Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 92.
- ⁷³ Там же. С. 59.
- ⁷⁴ Там же. С. 65.
- ⁷⁵ Там же. С. 72–73.
- ⁷⁶ Там же. С. 92.
- ⁷⁷ 1 Ин. 4:7–8.
- ⁷⁸ 1 Кор. 13:4–8.
- ⁷⁹ Еф. 5:25.
- ⁸⁰ Кол. 3:14.
- ⁸¹ Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А. Древнерусские надписи собора святой Софии в Константинополе (восточная часть южной галереи) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 115–137.
- ⁸² Грамота № 377 // Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/377/> (дата обращения: 31.10.2021).
- ⁸³ Грамота № 752 // Там же. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/752/> (дата обращения: 31.05.2022).
- ⁸⁴ Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года ... С. 64.
- ⁸⁵ Стоглав. О обручении и о венчании ответ. Гл. 18 // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 287.
- ⁸⁶ Стоглав. Комментарий // Там же. С. 437.
- ⁸⁷ Томсинский С. М. Бегство рабочих людей с заводов Урала в первые десятилетия XVIII века // Из истории заводов и фабрик Урала : сб. ст. Вып 2: Материалы к истории рабочего класса Урала. Свердловск, 1963. С. 9.
- ⁸⁸ 1734 г., марта 20. Из доношения Ангарской заводской конторы в Сибирский Обер-бергамт о передаче строящегося Тельминского завода в ведение Иркутской провинциальной канцелярии. Здесь же опись сдачи и ведомость взятых служителей и припасов к строительству завода под Якутском // Корепанов Н. С. Урал XVIII в.: заводы и люди. Фрагменты из книг. Альбомы. Сборники документов. Статьи. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110d3.htm> (дата обращения: 22.01.2021).
- ⁸⁹ 1736 г., ноября 13. Приказ временного управителя Тамгинского завода А. Ракитова о выделении денежной суммы для покупки рабочих лошадей // Там же. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110d4.htm> (дата обращения: 22.01.2021).

⁹⁰ Промемория Сибирской губернской канцелярии от 11 мая 1748 г. // *Потанин Г. Н. Указ. соч.* С. 129.

⁹¹ Четверть // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1903. Т. 38а. С. 736.

⁹² *Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям российского государства // Россия XVIII века глазами иностранцев.* Л., 1989. С. 461.

⁹³ *Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII веке.* М., 1985. С. 145, 150–151.

⁹⁴ Там же. С. 146.

⁹⁵ Рапорт майора Беклемишева от 30 октября 1748 г. // *Потанин Г. Н. Указ. соч.* С. 131.

⁹⁶ *Даль В. И. Указ. соч.* Т. 2. С. 200.

ПАНДЕМИЯ АЗИАТСКОГО ГРИППА В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Первая вспышка азиатского гриппа (в документах советских медицинских учреждений обычно встречается и другое название: «вирус А-2») имела место в провинции Гуйчжоу на юге Китая в конце 1956 г. Новый агрессивный патоген возник в результате рекомбинации обычного, «традиционного» гриппа с вирусом птичьего гриппа¹. Азиатский грипп быстро распространился по всему миру, в том числе в СССР. Только за период пандемии 1957–1958 гг., объявленной ВОЗ, она стоила человечеству не менее 250 тыс. жизней². Азиатский грипп нанес немалый ущерб народному хозяйству, распространение его и противоэпидемические мероприятия нарушали привычный уклад миллионов семей. За пять лет, с 1957 по 1962 г., в СССР были зафиксированы три эпидемические волны азиатского гриппа, а Челябинск в этот период оказался важным пунктом борьбы с распространением болезни³.

Участие властей, медицинских учреждений и общественных организаций в этой борьбе нашло отражение в документах Объединенного государственного архива Челябинской области и научных медицинских изданиях. Хотя за период пандемии COVID-19 общественный интерес к опыту борьбы с пандемиями XX в. возрос, тема истории эпидемий гриппа и их влияния на повседневную жизнь почти не изучена. В научных публикациях о пандемии азиатского гриппа говорится скупо, конспективно, в контексте других более тяжелых эпидемических вспышек⁴. При описании событий пандемии 1957–1958 гг. исследователи опираются преимущественно на англоязычные источники⁵, а не на массив документов советских медицинских и государственных учреждений или на научные труды, написанные по горячим следам.

Всем странам приходилось принимать карантинные меры против эпидемии в условиях недостатка информации. Китайская Народная Республика, на территории которой началось распространение болезни, в 1950-х гг. не являлась членом ООН и ВОЗ, не несла обязательств по информированию других государств об эпидемической обстановке на своей территории. Между тем вирус, подобно лесному пожару, распространялся по всей стране, особенно в сельской местности. В разгар эпидемии (1957) был организован Китайский национальный центр по борьбе с гриппом во главе с профессором Чжу Цзилин⁶. Считаю, что сформированная тогда общенациональная сеть эпидемического контроля немало способствовала успехам страны в борьбе с корона-вирусом.

Вскоре распространение азиатского гриппа приняло международный характер. Уже в феврале 1957 г. болезнь распространилась в Гонконге и Сингапуре, а оттуда проникла в США и Европу⁷. По сводкам Минздрава СССР, в июле эпидемия началась в странах Африки. Ужасными советские врачи сочли последствия праздничного митинга (более ста тысяч участников), организованного президентом Египта Абделем Насером в честь годовщины национализации Суэцкого канала. В те дни эпидемия уже полностью накрыла Индию: согласно докладу премьер-министра парламенту страны, в штате Бихар переболело четыре миллиона, а в г. Мадрасе — более трети жителей. Крайне тяжелое положение сложилось в здравоохранении небогатых стран Латинской Америки⁸.

Поначалу западные СМИ сообщали завышенные показатели смертности от азиатского гриппа. Например, «Нью-Йорк таймс» информировала читателей, что смертность

достигает 0,67 % от числа заболевших. По мере накопления статистических данных оценки этого показателя уменьшались. По оценкам ВОЗ, смертность не превышала 0,1 % от общего числа заболевших. Однако ввиду огромного количества заражений потери были внушительными. За 1957–1958 гг. в Великобритании от азиатского гриппа умерли 33 тыс. человек, в Западной Германии — 30 тыс., в США — от 70 до 116 тыс. На фоне начавшейся пандемии в капиталистических странах разразился самый крупный за послевоенное время экономический кризис, американский биржевой индекс упал на 15 %. В связи с болезнью работников сократилось производство на промышленных предприятиях. Для преодоления экономических последствий пандемии правительства США и Западной Европы привычно увеличили бюджетные расходы и понизили ставку банковских кредитов.

На протяжении 1957 г. в Минздраве СССР внимательно отслеживались возможные случаи проникновения в страну азиатского гриппа. Уже в апреле из разных российских городов поступили сообщения о вспышках заболеваний «неизвестной этиологии». У больных резко повышалась температура до 39–40 °С, державшаяся по три-пять дней. Болезнь сопровождалась кашлем, воспалением лимфатических узлов, изредка насморком, ломотой, рвотой и другими симптомами гриппа. Несезонные вспышки распространялись преимущественно в детских домах и студенческих общежитиях Москвы, Владивостока, Сталинградской области и Челябинска. Скрупулезное обследование этих случаев показало, что уже в марте появились штаммы, «не имевшие ранее широкого распространения на территории Российской Федерации». 11 мая в школе-интернате № 3 Металлургического района Челябинска был зафиксирован первый случай заболевания, а к 23 мая переболели уже 116 воспитанников и работников интерната. 18 мая похожая вспышка имела место в детском доме № 2 Ленинского района. Однако тревога оказалась ложной: лабораторные исследования показали набор редких штаммов гриппа, которыми молодежь просто не успела переболеть⁹.

В Советский Союз азиатский грипп проник уже в августе 1957 г. В первых числах сентября по всей стране начался быстрый рост числа заболевших. В Москве пик заболеваемости пришелся на 17 октября: за сутки в пятиmillionном городе выявили 80 тыс. заболевших. Синхронно с Москвой и другими городами пандемия азиатского гриппа развивалась и в Челябинске¹⁰. С сентября по октябрь в областном центре обратились за медицинской помощью 109 тыс. человек (17 % населения города)¹¹. Азиатским гриппом заражались все — от младенцев до глубоких стариков, процент госпитализации больных был относительно невелик. В стационар поступали больные с сопутствующими тяжелыми заболеваниями и с вирусной пневмонией. В подавляющем большинстве случаев «выход» из гриппа и «гриппозной пневмонии» совершался относительно благоприятно и без тяжелых последствий¹².

В эти дни здравоохранение города испытало значительные нагрузки. Из-за пандемии скорая помощь получила на 10 тыс. вызовов от горожан больше, чем в предыдущий год, что сказывалось на оперативности экстренной помощи¹³. В период пандемии практиковался запрет массовых мероприятий, перевод детских яслей и садов на круглосуточную работу, ограничение свиданий больных с родственниками, выделение в поликлиниках отдельных входов для больных с повышенной температурой. Был введен масочный режим, но только для медицинских работников. Маски состояли из многих слоев марли и после дезинфекции использовались повторно¹⁴.

В ноябре 1957 г. эпидемическая волна схлынула, но это не остановило борьбу врачей с новым вирусом. В короткие сроки была разработана вакцина от азиатского гриппа. Весной 1958 г. в Челябинске начали ставить прививки. В течение года привились сто тысяч жителей. Вакцинация имела обязательный характер для работников здравоохранения, городского транспорта, общепита, общественных бань, милиционеров, учителей, рабочих нескольких стратегических предприятий¹⁵. К сожалению, она не могла дать полной защиты из-за быстрых мутаций вируса.

В 1958 г. к началу осенне-зимнего эпидемического сезона горздравотделом было запасено восемь тысяч марлевых масок для медицинского персонала, отпечатано и распространено среди горожан 50 тыс. памяток по вопросам профилактики гриппа. Больницы города зарезервировали дополнительный коечный фонд. На время следущей эпидемической волны были разукрупнены медицинские участки, увеличено

число участковых врачей при поликлиниках. Для наращивания врачебных сил, задействованных для посещения больных на дому, горздравотдел провел «мобилизацию внутренних ресурсов и студентов медицинских вузов». При рабочих и студенческих общежитиях выделили изоляторы для больных с повышенной температурой и другими симптомами гриппа¹⁶. На предприятиях и в организациях была проведена кампания по утеплению помещений для исключения простудных заболеваний¹⁷.

На фоне общемировой статистики снижения числа новых заражений, отмечавшегося на протяжении 1958 г., ВОЗ объявила о завершении пандемии азиатского гриппа. Однако в следующем, 1959 г. началась вторая эпидемическая волна, Челябинск она накрыла в начале января. В течение января и февраля 1959 г. за медицинской помощью обратились 132 тыс. челябинцев (каждый пятый житель города), а в течение года — 196 тыс. Более высокий уровень заболеваемости в сравнении с первой волной объяснялся разнообразием вируса: помимо азиатского гриппа распространялись и другие штаммы, против которых вакцинация не велась¹⁸. Не менее напряженная обстановка сложилась и в других городах Челябинской области, где с января по март 1959 г. переболели гриппом 458 тыс. человек. Для сравнения: все население области составляло 2 млн 977 тыс. человек. В Магнитогорске за три месяца переболели 27,8 % жителей¹⁹.

Вновь был введен полный запрет посещения заболевшими поликлиник и здравпунктов. В амбулаториях развернули дополнительные регистратуры и многократно увеличили количество телефонных номеров, по которым ежедневно можно было вызвать терапевта на дом. Например, в поликлинике при больнице ЧТЗ было выделено пять телефонов, кроме того, вызовы принимали шесть здравпунктов на территории Тракторозаводского района. Участковые врачи и приданные им в помощь специалисты должны были в течение дня прийти по каждому из вызовов. Работу поликлиник официально продлили до десяти часов вечера, а по факту рабочий день врачей растягивался до глубокой ночи. В среднем в течение второй волны эпидемии в поликлинику Советского района ежедневно поступало по 260 вызовов от «температуриящих» больных. Им рекомендовалось не выходить из дома. Выписанные лекарства с расчетом, чтобы хватило на первые сутки, доктор выдавал немедленно, никакой платы за них не взималось. Лекарства для дальнейшего лечения покупались родственниками больного в аптеке. Изолированным в общежитиях студентам и молодым рабочим врачи ежедневно приносили лекарство и еду. Нередкими были случаи самовольного ухода из дома, посещения общественных мест больными, почувствовавшими себя лучше²⁰.

По наблюдениям врачей, 10 % заразившихся азиатским гриппом вскоре заболели повторно, а 1 % переболели им трижды²¹. Самым частым осложнением в ходе болезни оставались «гриппозные пневмонии». Воспалительные поражения легких в большинстве случаев не были слишком тяжелыми и не требовали реанимационных мероприятий²². Тяжелее всех болезнь переносили младенцы и пожилые люди. После заражения обострялись хронические болезни, таких больных госпитализировали²³. В условиях врачебного наблюдения и большого числа вакцинированных случаи летальности имели единичный характер²⁴.

В августе 1960 г. согласно приказу Минздрава СССР Челябинск был включен в число городов «по изучению эффективности живых противогриппозных препаратов». Общее научное руководство испытанием вакцины осуществлял директор Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи Оганес Вагаршакович Бароян. Для организации массовой вакцинации от азиатского гриппа в Челябинск прибыла сотрудница Минздрава РСФСР В. И. Васильева. Вакцины поступали в городскую санитарно-эпидемическую станцию, откуда распределялись на прививочные пункты при домоуправлениях и выдавались мобильным прививочным бригадам. Прививочные бригады делали поквартирные обходы жителей. Прививки были двухкомпонентными, включали в себя вакцины от азиатского гриппа А-2 и гриппа В. Вакцины вводили назально туалетными пульверизаторами, отрегулированными централизованно. С 26 ноября 1960 г. за два месяца двукратно были привиты 258 тыс. челябинцев. В итоге в январе 1961 г. уровень вакцинации достиг 34 %²⁵.

Для изучения побочных действий семь тысяч горожан вместо вакцины получили плацебо. Побочные действия были выявлены у 5,7 % привитых (на второй или третий день: головные боли и недомогание, реже — повышение температуры до 37 °С и выше).

Один привитый вскоре умер от обострения хронического заболевания, но взаимосвязь его с вакцинацией установить не удалось. Наблюдения показали, что привитые заболевали гриппом и другими респираторными заболеваниями в 2,4 раза реже²⁶.

Начало третьей волны азиатского гриппа в 1962 г. совпало с новогодними праздниками, что до некоторой степени облегчило карантинные меры. По всему городу были запрещены детские спектакли и ёлки, остановлена работа кинотеатров и цирка. Школьникам с первого по шестой классы продлили каникулы на неделю. Противоэпидемические меры затронули все семьи с маленькими детьми, так как ясли и младшие группы детских садов вновь перешли на «круглосуточное содержание». Весь город был разделен на 187 территориальных лечебных участков, параллельно с ними действовали здравпункты на предприятиях²⁷. Для посещения больных на дому горздравотделу было передано 100 автомашин. В помощь медикам на период эпидемии направили 540 студентов медицинского института и медицинской школы; 120 студентов медицинского училища работали в детских учреждениях²⁸. Больных с тяжелыми формами гриппа на лечение принимали терапевтические отделения крупнейших стационаров города²⁹.

За два первых месяца 1962 г. гриппом переболели 111 тыс. челябинцев (15 % населения города). О влиянии азиатского гриппа на здравоохранение Челябинска красноречиво говорит следующий факт: грипп и вирусные поражения дыхательных путей составили 45,2 % заболеваний в 1962 г.³⁰ Значимыми были и экономические потери от эпидемии. По данным Челябинского обкома профсоюзов, третья эпидемическая волна (январь — февраль 1962) — самая маленькая за период эпидемии, к тому же встреченная во всеоружии, — привела к многократному росту заболеваемости среди работников крупнейших предприятий. В годовом выражении расходы на оплату больничных листов возросли на 17,2 %, а число заболевших в Челябинской области работников — на 30 %³¹.

Окончательно победить азиатский грипп врачи и ученые-вирусологи не смогли, и он стал сезонным заболеванием. Снижалось количество заболевших, среди них возрастала доля традиционных штаммов гриппа, которые постепенно вытесняли «захватчика». Так продолжалось до июля 1968 г., когда новый штамм азиатского гриппа послужил причиной пандемии гонконгского гриппа.

Эпидемические вспышки 1957, 1959, 1962 гг. на краткое время заставляли перестраивать работу здравоохранения, карантинные меры влияли на повседневный быт челябинцев. Они столкнулись с такими явлениями, как самоизоляция, массовая вакцинация от гриппа, вызов терапевта на дом по телефону. В ходе борьбы с эпидемией азиатского гриппа показали свою эффективность и все шире применялись вакцинация и масочный режим.

Даже в самые тяжелые дни пандемии промышленность и транспорт продолжали работу, но оценка влияния пандемии на производственные результаты требует самостоятельного исследования. Скорое проникновение вируса на советскую территорию также ставит вопрос о мере закрытости страны, интенсивности межгосударственных контактов на рубеже 1950–1960-х гг.

Примечания

¹ Азиатский грипп (1957–1958) // Википедия — свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Азиатский_грипп_\(1957–1958\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Азиатский_грипп_(1957–1958)) (дата обращения: 25.05.2022).

² *Михель Д. В., Михель И. В.* «Опасная культура» и опасные инфекции: китайские эпидемии в западном медицинском восприятии // *Человек*. 2020. Т. 31, № 6. С. 136.

³ *Горбунова А. С.* Вирусологическая характеристика гриппа А2 в период постпандемических волн // *Материалы конференции по изучению эпидемии гриппа в г. Челябинске*. Вып. 2. Челябинск, 1963. С. 61–67.

⁴ *Широких К. Е., Мазурок О. И.* История эпидемий гриппа // *Медицинские технологии. Оценка и выбор*. 2015. № 3 (21). С. 73–77 ; *Honigsbaum M.* Revisiting the 1957 and 1968 influenza pandemics // *The Lancet*. 2020. 13 June. P. 1824–1826.

- ⁵ *Набойченко Е. С., Чупракова С. В., Устинов А. Л.* История мировых пандемий: периодизация и общая характеристика // Системная интеграция в здравоохранении. 2020. № 3 (49). С. 51–55.
- ⁶ *Qin Ying, Zhao Mengjiao, Tan Yayun, Li Xiaoqing, Zheng Jiandong, Peng Zhibin, Feng Luzhao.* History of influenza pandemics in China during the past century // Chinese Journal of Epidemiology. 2018. Vol. 39, no. 8. P. 1028–1031.
- ⁷ *Михель Д. В., Михель И. В.* Указ. соч. С. 134.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 873. Л. 59.
- ⁹ Там же. Л. 106–108.
- ¹⁰ *Горбунова А. С.* Указ. соч. С. 61.
- ¹¹ *Рабкина С. А., Белоусова Н. М.* Эпидемиологическая характеристика вспышки гриппа 1962 г. в г. Челябинске // Материалы конференции по изучению эпидемии гриппа в г. Челябинске ... С. 40–45.
- ¹² ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 4. Д. 308. Л. 205.
- ¹³ Там же. Д. 96. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 61. Л. 184–186.
- ¹⁵ Там же. Ф. П-282. Оп. 3. Д. 130. Л. 12.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-386. Оп. 3. Д. 61. Л. 188.
- ¹⁷ Там же. Ф. П-282. Оп. 3. Д. 130. Л. 17.
- ¹⁸ *Рабкина С. А., Белоусова Н. М.* Указ. соч. С. 40–45.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-282. Оп. 3. Д. 130. Л. 139.
- ²⁰ Там же. Л. 52–138.
- ²¹ Там же. Ф. Р-386. Оп. 4. Д. 308. Л. 204.
- ²² Там же. Д. 320. Л. 27.
- ²³ Там же. Л. 12.
- ²⁴ *Смусин Я. С., Дыжкина И. З., Карасик Р. М.* Судебно-медицинская экспертиза скоропостижной смерти от гриппа в период вспышки по г. Челябинску в 1961–1962 гг. // Материалы конференции по изучению эпидемии гриппа в г. Челябинске ... С. 145–150.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 4. Д. 228. Л. 1–12.
- ²⁶ *Гейнова Л. А., Матовский И. М., Рабкина С. А.* Организация и результаты по вакцинации населения г. Челябинска живой противогриппозной вакциной в 1960–1961 гг. // Материалы конференции по изучению эпидемии гриппа в г. Челябинске ... С. 29–33.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-386. Оп. 4. Д. 300. Л. 2а.
- ²⁸ Там же. Д. 348. Л. 3–4.
- ²⁹ Там же. Д. 320. Л. 27.
- ³⁰ Там же. Д. 297. Л. 11.
- ³¹ Там же. Ф. П-282. Оп. 3. Д. 126. Л. 105.

«ОБРЫВКИ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ»: ОСОБЕННОСТИ АРХИВНЫХ ФОНДОВ 1920-х ГОДОВ

Многие исследователи в своих статьях неоднократно обращали внимание на то, что документы первых послереволюционных лет органов новой власти нередко писались на листах прежних архивов самых различных учреждений. В этом плане фонды ОГАЧО не исключение. На оборотах листов с текстами, написанными представителями новой власти, нередко можно увидеть тексты (точнее, их обрывки), написанные до 1917 г. В условиях, когда значительная или основная часть дореволюционных архивов не сохранилась до нашего времени, данные обрывки текстов могут представлять интерес для исследователей, однако нюанс в том, что подобные бумаги нельзя выделить или как-то обозначить в описях или заголовках дел, поэтому в выявлении их присутствует большая доля случайности. В связи с этим, думается, было бы полезно представить краткий обзор некоторых из них, с иллюстрацией ряда примеров.

Листы из архивов прежних органов власти во множестве можно видеть, например, в фондах Р-393 «Челябинский губернский военкомат», Р-434 «Троицкий уездный исполком», а также во многих других фондах начала 1920-х гг. Обычно чем больше по объему фонд, тем больше «старых» листов в нем. Поиск по территориальному признаку легче вести в небольших фондах местных органов власти. Так, например, в делах фонда Р-412 «Челябинский волостной исполком» иногда можно встретить надписи представителей поселковых правлений 1910-х гг., в том числе автографы атаманов и казаков. Подобные старые листы есть также в фонде Р-766 «Медведевский станичный исполком». Например, в 1902 г. генерал-майор, атаман 3-го военного отдела обратил внимание на небрежную работу писаря Верхне-Увельского правления Борисенкова, сделав ему формальный выговор-предупреждение¹. На другом листе, со штампом пос. Шахматовского Травниковской станицы, видим справку о болезни казака П. Н. Булатова с датой 31 мая 1904 г. и подписями атамана поселка Кошигина и писаря Любимова².

Все же в небольших по объему фондах таковые бумаги единичны, а в учреждениях более высокого ранга подобных документов немало. Например, возьмем фонд Р-70 «Челябинский уездный военкомат». В деле № 125 видим лицевые листы дел 1900 и 1907 гг. о незаконной порубке леса в Иванковском лесничестве Челябинского уезда; в деле № 137 — резолюцию от 26 июня 1919 г. судьи 9-го участка Челябинского судебно-мирового округа на иск гражданки М. И. Гордиевской, а также рапорт атамана пос. Барановского в Чебаркульское станичное правление от ноября 1915 г., свидетельство о приписке к призывному участку — г. Верхнеуральск, 1905 г., и подобное же о призыве челябинского мещанина, с автографами членов городской управы. Есть в данном деле бумаги переселенческого пункта, выписки из метрических книг и даже несколько паспортных книжек³.

В других делах фонда тоже есть подобные старые документы. Так, в деле № 141 видим несколько удостоверений личности, в том числе с описью имущества. Например, выясняется, что крестьянин с Новотроицкого Н. Г. Бадьин имеет два дома, три лошади, четыре коровы, одного быка, семь овец, шесть голов мелкого скота, хлеб в запасах на 140 руб., 35 десятин собственной земли стоимостью 3 тыс. руб. Опись была сделана, вероятно, из-за неуплаты долга — 50 руб. казенных денег. Этот и некоторые

другие листы были когда-то в архиве Челябинского казначейства, в данном случае с именами и фамилиями плательщиков. Понятно, что подобные документы теперь трудно найти путем целенаправленного поиска, хотя они представляют несомненный личностный интерес.

Небольшой обзор фонда Р-600 «Троицкий уездный военкомат». Вот один пример весьма «богатого» такими листами архивного дела. Обрывок от 21 апреля 1910 г. говорит нам о решении об учреждении опеки над имуществом и детьми умершего «обывателя села Тургояка» Н. А. Крутолапова. Приводится перечисление семейного имущества: «Деревянный дом, крытый тесом, амбар, стайки, крытые тесом, мерин гнедой, корова бурая, бычок бурый...» Отмечена и цена данного имущества. Интересно, что опеку учредило само Тургоякское сельское общество⁴. Еще бумага: станичный атаман направляет предписание атаману Чесменского поселка о срочной доставке сведений, вовремя не представленных ранее, причем в наказание нерадивого исполнителя сообщает: «...командирую в счет виновного за прогоны за означенными сведениями»⁵. Документ написан в январе 1904 г. В этом же деле: «Резолюция. По Указу Временного Всероссийского правительства», от 16 ноября 1918 г., где мировой судья г. Троицка оправдал некоего гражданина И. А. Андреева⁶. А вот «Удостоверение», данное вахмистру Александру Соколову, важно тем, что это, пожалуй, один из последних документов старой власти. Датирован он ноябрем 1919 г., написан был где-то далеко в Сибири. На листе штамп: «Командир 3-го Уфимско-Самарского полка Оренбургского казачьего войска» с рукописной пометкой: «дейст. армия». Означенный вахмистр был командирован при отступлении «для розыска транспорта по ж[елезной] д[ороге]». Удостоверение подписал войсковой старшина Карташев⁷. Интересно, что следующий лист архивного дела — «Удостоверение», данное тоже Александру Соколову, гражданину пос. Суналинского, который «действительно явился из армии Колчака 20-го марта с. г.»⁸ (1920). Совпадение имен или нет — вопрос.

В деле № 12 (опись 2) этого же фонда также видим немало интересных обрывков. На одном из них обсуждается вопрос увязки школьного обучения в Великий пост и после празднования Пасхи. Документ подписали в Управлении военного отдела ОКВ исполняющий должность атамана 3-го отдела войсковой старшина Водопьянов и наблюдающий за школами, коллежский регистратор Кадкевич. Буквально следующий лист дела — эпизод коммерческой переписки с «Главной конторой П. Н. Солодникова в Троицке», представленной во многих городах губернии. Еще чуть далее читаем лист, датируемый октябрём 1887 г. Это часть переписки Верхнеуральского казначейства и Наследницкой станицы. Подписи на листе: атамана станицы урядника Коновалова, писаря Литвинова, казначея Пильнова, бухгалтера Портнягина. Еще далее — лист 1906 г. со штампом Управления акцизных сборов 3-го округа Оренбургской губернии и Тургайской области, где обсуждается дело, касающееся Березовской станицы. Лист далее: «Список жителям пос. Кабанского Кособродской станицы, давшим семена для общественной запашки» 1913 г. Есть также предписание атаману Кособродской станицы от 13 мая 1903 г. Есть лист о назначении торгов в этой же станице от 1895 г. Есть лист со штампом пристава 3-го стана Челябинского уезда, датированный маем 1911 г., касающийся розыска имущества Я. С. Бутакова. Далее — лист весны 1919 г., где обсуждается выбор поселкового атамана Кочкарской станицы; лист, касающийся служащего казака Коельской станицы М. Плешкова, 1908 г. и т. д.

При обзоре вышеозначенных архивных дел видно, что бумага для делопроизводства Троицкого уездного военкомата бралась из архивов различных ведомств и учреждений самого г. Троицка, а также некоторых волостей и станиц Троицкого уезда. Соответственно Челябинский уездный военкомат пользовался подобными бумагами в основном Челябинского уезда, Миасский военкомат использовал частично архивы окрестных селений и так далее соответственно территории. Еще один небольшой пример: в фонде Медведского волостного правления сохранились листы свидетельств о явке к исполнению воинской повинности 1910-х гг. Кому-то может быть интересен сам бланк старого документа, кому-то более важно найти в нем упоминание предка или родственника, в данном случае это призывники И. С. Дернов и К. П. Курбатов. Но чуть далее в деле есть лист 1903 г. с упоминанием десятков местных жителей с росписью их места жительства по деревням волости⁹. И в общей сложности таких листов —

остатков прежних дел по различным фондам можно выявить немало. При этом даже такие обрывки текстов дают представление о некоторых конкретных делах, событиях, иногда личностную (для кого-то особо важную) информацию о людях, в том числе исполнявших воинские или административные должности, о многих нюансах прошлой жизни, о которых теперь не осталось других документальных упоминаний.

Если мы посмотрим дела различных карательных органов, которых в новом государстве появилось множество, то увидим, что они использовали старые архивы, но в меньшей степени, чем органы управления. Связано это, вероятно, с тем, что в силу реальной власти ЧК, трибуналы, суды и прочие подобные структуры имели возможности получать нормальную, чистовую бумагу от производителя или сохранившуюся на складах. Но в общей сложности можно привести немало примеров старых документов из дел данных фондов (Р-1, Р-10, Р-91, Р-249, Р-271, Р-401, Р-564 и др.), однако объем статьи не позволяет перечислить их все. Целью данной статьи является лишь показ самого явления использования «старых» бумаг, которое было весьма кратковременным, и в условиях оцифровки архивных фондов для выявления таковых будет постепенно решено в положительном плане.

Итак, низовые звенья управления — станичные и волостные исполкомы — тоже пользовались старыми, как правило, своими же архивами, но так как объем делопроизводства на этом уровне был все же меньше, можно предположить, что значительная часть бумаги здесь исчезала, используемая на сугубо хозяйственные и личные нужды. Таким образом, всего за несколько лет были уничтожены бумаги (документы), копившиеся и сохранявшиеся в течение сотни лет, а иногда и более. Данные утраты, к сожалению, не могут быть восполнены за счет сохранившихся тематических документов из центральных архивов.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. Р-766. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.

² Там же. Л. 59.

³ Там же. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 137. Многие листы в деле, в том числе паспортные книжки, не пронумерованы.

⁴ Там же. Ф. Р-600. Оп. 2. Д. 2. Л. 580.

⁵ Там же. Л. 180.

⁶ Там же. Л. 560.

⁷ Там же. Л. 362.

⁸ Там же. Л. 363.

⁹ Там же. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 1.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944–1945 ГОДАХ В МАТЕРИАЛАХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

Сельское хозяйство Курганской области военных лет получило достаточно полное освещение в региональной историографии, прежде всего в монографических работах Р. С. Бахтиярова, Г. Е. Корнилова, В. П. Мотревича, А. В. Федоровой, Р. Р. Хисамудиновой, а также курганских исследователей — А. Я. Кодинцева, В. В. Подливалова, М. Н. Федченко¹. Однако авторы крайне редко использовали материалы постановлений Советского правительства, касающихся сельского хозяйства, поскольку основная часть их была недоступна для исследователей. В полной мере это относится и к сельскому хозяйству Курганской области. Ситуация изменилась несколько лет назад, когда на сайте «Документы советской эпохи» портала «Архивы России» был размещен оцифрованный комплекс постановлений Советского правительства. Всего в хронологическом порядке за период с 24 июня 1941 по 9 мая 1945 г. было выставлено 4317 электронных копий Постановлений СНК СССР².

Анализ доступных для исследователей материалов показывает, что за годы войны аграрной проблематике была посвящена примерно четверть постановлений Совнаркома СССР. По нашим подсчетам, начиная с 24 июня и до конца 1941 г. по вопросам функционирования сельского хозяйства Правительством было принято 59, а в 1942 г. — еще 212 постановлений. В 1943 г. внимание СНК СССР к отрасли несколько ослабло, хотя положение в сельском хозяйстве страны было наиболее тяжелым. На заключительном этапе войны началось постепенное восстановление аграрного сектора экономики, что отразилось в усилении внимания к нему со стороны государства. В результате если в 1943 г. по относящимся к сельскому хозяйству вопросам было принято приблизительно 180 постановлений, то в 1944 г. — 347, а за четыре месяца и восемь дней мая 1945 г. — еще 366 постановлений СНК СССР.

Среди них имеются и решения, посвященные сельскому хозяйству Курганской области, образованной в феврале 1943 г. из районов Омской и Челябинской областей. Нами выявлено семь постановлений СНК СССР, касающихся Курганской области, четыре из них приняты в 1944 г., остальные — за военные месяцы 1945 г. Наиболее крупным по широте поднимаемых проблем было Постановление от 31 января 1944 г. № 98, посвященное укреплению материально-технической базы сельского хозяйства области³. Такая направленность постановления была вполне правомерной, поскольку машинно-тракторный парк МТС, совхозов и колхозов области находился в кризисе и не мог обеспечить выполнение предстоящих весенне-полевых работ. Так, к весеннему севу 1943 г. 1618 тракторов и 1781 комбайн в области были разукомплектованы или не отремонтированы, во время сева в Юргамышском районе из 233 тракторов работало всего 50. Зимой 1943/1944 гг. в Лопатинской МТС каждый принятый из ремонта трактор имел от 10 до 20 существенных дефектов⁴. Из-за изношенности машинно-тракторного парка, нехватки горюче-смазочных материалов и запасных частей объем тракторных работ МТС Курганской области в 1943 г. уменьшился по сравнению с 1940 г. с 3733 до 1588 тыс. га «мягкой пахоты», то есть в 2,4 раза. Уборка комбайнами МТС зерновых культур в колхозах сократилась за эти годы с 1192 до 445 тыс. га, то есть в 2,7 раза⁵.

Указанным постановлением СНК СССР обязал Курганский облисполком (председатель С. И. Моликов) обеспечить к 20 апреля 1944 г. ремонт 5170 тракторов МТС. В целях повышения ответственности трактористов за выполнение тракторных работ облисполкому предлагалось проследить за тем, чтобы внутри тракторных бригад тракторы были закреплены за трактористами на срок не менее одного года, каждый тракторист обязательно принимал участие в ремонте закрепленного за ним трактора, тракторные бригады должны были получать задания по определенным колхозам, которые они должны были обслуживать в течение года. Также предлагалось установить тщательный контроль за качеством ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин, особенно в МТС Альшеевского, Галкинского, Кировского, Мишкинского, Шумихинского, Сафакулевского, Юргамышского, Глядянского, Лопатинского, Варгашинского, Лебяжьевого, Макушинского, Бердюжского, Исетского, Ольховского и Упоровского районов, в которых техническое состояние тракторного парка было сильно запущено.

Правительство также утвердило представленный Курганским облисполкомом и обкомом ВКП(б) план изготовления запасных частей к тракторам на предприятиях Курганской области в первом полугодии 1944 г. на сумму 991 тыс. руб. Оно также обязало Наркомат минометного вооружения СССР изготовить в 1944 г. на своих расположенных в области предприятиях запасные части к тракторам на сумму 2 млн руб. Кроме того, Правительство предложило данному наркомату в первом полугодии отгрузить для сельского хозяйства области на сумму 300 тыс. руб. запчастей, изготовленных на его предприятиях сверх государственного плана. Персональная ответственность за выполнение постановления Совнаркома возлагалась на директора Катайского насосно-компрессорного завода и директоров заводов № 707, 709, 761 и 815. К производству запасных частей для тракторов и сельскохозяйственной техники в Курганской области привлекли ремзаводы областного земельного отдела (облзо), Куртамышский механический завод, завод № 603 Наркомата боеприпасов СССР, Шадринский автоагрегатный завод им. Сталина, Шумихинский шарикоподшипниковый завод Наркомата среднего машиностроения СССР, а также мастерские танкового училища, маслопрома, артели электропром, Союззаготтранса, депо станции Курган и табачной фабрики. Для укрепления ремонтной базы сельского хозяйства в постановлении предлагалось отгрузить в Курганскую область значительное количество оборудования, запасных частей, ремонтных и строительных материалов. Для руководства и координации ремонтных работ при Курганском облзо был организован трест ремонтных заводов.

Правительство также обязало Наркомзем СССР и Курганский облисполком до 1 ноября 1944 г. закончить строительство и оборудование 14 ремонтных мастерских МТС. В Макушинском и Яланском зерносовхозах и свиновхозе «Заря» предлагалось создать межсовхозные мастерские по ремонту моторов, реставрации и изготовлению запасных частей. Кроме того, поскольку к этому времени на сельхозпредприятиях скопилось много негодной и не подлежащей восстановлению техники, СНК СССР обязал Наркомзем рассмотреть акты на списание в области 92 гусеничных и 57 колесных тракторов, а также 350 комбайнов.

Большое значение в постановлении придавалось сельским кадрам. Данная проблема остро стояла в Южном Зауралье, поскольку его сельское население подвергалось непрерывным мобилизациям не только для потребностей Курганской области, но и для работы на заводах и шахтах соседней Челябинской. Для обеспечения Курганской области и других восточных областей специалистами было решено на базе эвакуированного Полтавского сельхозинститута организовать Курганский сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами. Для помощи в ремонте имеющихся на сельхозпредприятиях тракторов с заводов области направлялось 40 токарей, 50 слесарей, 30 кузнецов. Кроме того, из школ ФЗО и ремесленных училищ Курганской и Челябинской областей командировались 175 квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, кузнецов и электросварщиков.

В 1944 г. в целях укрепления материально-технической базы сельского хозяйства Курганской области Правительство приняло еще два постановления. Одним из них предлагалось до 1 апреля 1944 г. передать Народному комиссариату земледелия СССР Шумихинский завод противопожарного оборудования Наркомата минометного воору-

жения СССР для организации на его базе производства запасных частей к тракторам и ремонта моторов. При этом на Шумихинском заводе сохранялись прежние ставки зарплат и нормы снабжения рабочих, ИТР и служащих, а Наркомату минометного вооружения разрешалось реэвакуировать работников, эвакуированных в начале войны на этот завод⁶. Другим постановлением СНК СССР с этой же целью Наркомату земледелия СССР передавался Курганский завод артели «Металлообъединение» Управления промкооперации при СНК РСФСР. Для организации производства заводу передавалось необходимое оборудование с других предприятий. Кроме того, Правительство разрешило организовать при Курганском облзо машино-технический отдел со штатом 15 человек⁷. Одновременно для колхозов несколько облегчили финансовое бремя уплаты многочисленных налогов. В июле 1944 г. было принято решение о списании с колхозов Курганской области денежной задолженности за работы МТС в сумме 40 млн руб. Уплата оставшейся задолженности в размере 27 млн руб. была отсрочена до 1 октября 1945 г.⁸

Однако в 1944 г. при существовавшей в Курганской области запущенности отрасли принимаемые меры не принесли ожидаемого результата. Производимая в области валовая продукция сельского хозяйства продолжала сокращаться: если в 1942 г. по всем категориям хозяйств в ценах 1926/1927 гг. по «видовой» урожайности она составляла 148,9 млн руб., то в 1943 г. — 120,7 млн, а в 1944 г. — всего 107,8 млн⁹. В этой ситуации в феврале 1945 г. СНК СССР принял специальное постановление о помощи сельскому хозяйству Курганской области¹⁰. Определенные в нем меры были достаточно разнообразны. В частности, Правительство обязало Наркомсредмаш СССР не позднее 15 марта 1945 г. отгрузить для Курганской области запчасти к тракторам и автомашинам по фондам первого квартала, а Наркомчермет СССР — определенный по фондам металл и уголь. Наркомату вооружения СССР разрешалось передавать для колхозов и совхозов Курганской области все веялки-сортировки и конные молотилки, выпускаемые Курганским заводом № 707 сверх установленного квартального плана. Главнефтеснабу при СНК СССР поручалось до 1 апреля 1945 г. обеспечить завоз необходимых для проведения весеннего сева горюче-смазочных материалов.

Много внимания в постановлении уделялось подготовке сельских кадров. Было решено реорганизовать Лебяжьевскую школу ФЗО в сельскохозяйственное ремесленное училище с двухгодичным сроком обучения по подготовке токарей, слесарей, кузнецов и электромонтеров для МТС и МТМ с контингентом учащихся 200 человек. Из числа окончивших ремесленные училища и школы ФЗО за счет перераспределения выпускников предлагалось направить на постоянную работу в МТС и ремзаводы 60 слесарей и 60 токарей, по 25 кузнецов и электросварщиков. Курганскому облисполкому разрешалось в 1945 г. организовать две школы по подготовке полеводов с годичным сроком обучения — Канашинскую с контингентом учащихся 120 человек и Птичанскую с контингентом 130 человек.

Ряд озвученных в постановлении вопросов касался непосредственно ведения сельскохозяйственного производства. В частности, планировалось восстановить в Курганской области посевные площади скороспелых сортов пшеницы. Для этого в область должны были завезти и отпустить колхозам в порядке обмена семена пшеницы Лютеценс 062 в количестве одной тысячи тонн для посева на семенных участках. Наркомзагу СССР разрешалось произвести с колхозами области обмен некондиционного по всхожести зерна из урожая 1944 г. на зерно, годное для семенных целей в количестве 14 тыс. т. В целях расширения посевов яровой пшеницы колхозам области разрешалось выделять семенные участки яровой пшеницы в размере 20 % от фактической посевной площади этой культуры. Курганскому облисполкому в 1945 г. предлагалось организовать дополнительно семь райсеххозов.

Важной отраслью сельского хозяйства являлось птицеводство, специализировавшееся на производстве мяса птицы и пищевых яиц. В конце войны ему стали уделять больше внимания. Совнарком СССР обязал Курганский облисполком организовать в 1945–1946 гг. в каждом колхозе птицеферму. Для укомплектования птицеферм Наркоммясомолпрому СССР разрешалось передать колхозам области из заготовок в порядке обмена по установленному эквиваленту пригодную для племенных целей птицу. Необходимо отметить, что выполнение данного постановления в области прошло

достаточно успешно. В 1945 г. там было организовано 135 новых птицеводческих ферм. В результате к концу года в 1767 колхозах области насчитывалось 1726 птицеферм, в том числе 1325 куриных, 393 гусиных, 10 утиных и две индюшечьих¹¹. Кроме того, с колхозов списывалась оставшаяся с прошлого года задолженность по натуроплате за работы МТС в размере 27 млн руб., для ведения колхозной документации за счет фондов Наркомзема СССР в первом полугодии 1945 г. выделялось 10 т бумаги. В целях усиления контроля за соблюдением Устава арттели и оказания помощи колхозам было решено увеличить штат оргколхозного отдела облзо на семь человек.

Постановление предусматривало и меры материального стимулирования работников отрасли. Центросоюзу поручалось продать в первом полугодии 1945 г. специалистам сельского хозяйства промтоваров на 500 руб. каждому. Для ремонта сбруй в колхозах, а также для пошива обуви трактористам, комбайнерам и специалистам сельского хозяйства отпускалось 3 тыс. кож крупного рогатого скота, 5 тыс. — мелкого рогатого скота и 2 тыс. свиных кож. Вопросу материальной помощи нуждающимся колхозникам Курганской области было посвящено апрельское 1945 г. постановление Правительства¹². В нем Наркомзагу СССР предлагалось с 1 апреля по 1 июля 1945 г. ежемесячно выделять Курганской области сверх рыночных фондов по 100 т зерна для продажи нуждающимся колхозникам, в первую очередь семьям военнослужащих и инвалидов Отечественной войны, проживающим в сельской местности и не обеспеченным хлебом от колхозов.

После начала войны снижение урожайности и ужесточение требований по заготовкам сельхозпродукции привели к тому, что колхозы не полностью засыпали семенные фонды. К тому же часть семян была некондиционной. Проведенная в марте 1943 г. проверка семенного материала в колхозах области показала, что к началу посевной 81 % семян оказались некондиционными¹³. Семян часто не хватало и по причине их хищения и расходования на продовольственные нужды. В конце войны в стране больше внимания стали уделять семеноводству, однако, несмотря на принимаемые меры, семян для посева постоянно не хватало. Но теперь у государства появилось больше возможностей оказывать помощь сельхозпредприятиям в виде выдачи семенных ссуд. Так, только за четыре месяца 1945 г. СНК СССР принял свыше 150 постановлений о выдаче семенных ссуд сельхозпредприятиям различных республик, краев и областей страны. В апреле 1945 г. семенная ссуда яровых культур была отпущена и колхозам Курганской области¹⁴. Для проведения весеннего сева из государственных ресурсов им было ссужено 25 тыс. т зерна яровых культур, в том числе 15 тыс. т яровой пшеницы. Отпуск был произведен на условиях возврата из урожая 1945 г. с начислением 10 ц на 100 ц выданной ссуды.

Таким образом, впервые вводимые в научный оборот материалы постановлений СНК СССР по сельскому хозяйству Курганской области показывают, что на заключительном этапе Великой Отечественной войны в стране стали предпринимать меры по восстановлению отрасли и выводу ее из кризисного состояния. Результат этих мер проявился в конце войны, когда валовая продукция сельского хозяйства Курганской области в стоимостном выражении по сравнению с 1943–1944 гг. стала постепенно возрастать, составив в 1945 г. в ценах 1926/1927 гг. 115,6 млн руб.¹⁵

Примечания

¹ Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Животноводство на Южном Урале в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оренбург, 2019. 207 с. ; Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. 224 с. ; Козинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941–1953). Курган, 2004. 160 с. ; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. 195 с. ; Он же. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.). Екатеринбург, 1993. 307 с. ; Хисамутдинова Р. Р. Сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны: малоизвестные страницы. Оренбург, 2002. 300 с.

² Документы советской эпохи // Архивы России. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/docs/> (дата обращения: 14.06.2022).

³ Постановление СНК СССР от 31 января 1944 г. № 98 «О производстве запасных частей и неотложных мерах по подготовке тракторов к весенним полевым работам 1944 г. в МТС Курганской области» // Там же (дата обращения: 14.06.2022).

⁴ *Кодинцев А. Я., Подливалов В. В., Федченко М. Н.* Указ. соч. С. 56, 58.

⁵ РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 329. Д. 1490. Л. 27, 105, 110.

⁶ Постановление СНК СССР от 11 февраля 1944 г. № 148 «О передаче Наркомзему СССР Шумихинского завода Наркомата минометного вооружения» // Документы советской эпохи ... (дата обращения: 14.06.2022).

⁷ Постановление СНК СССР от 15 июля 1944 г. № 871 «Об укреплении ремонтной базы МТС Курганской области» // Там же (дата обращения: 14.06.2022).

⁸ Постановление СНК СССР от 15 июля 1944 г. № 869 «О финансовой помощи колхозам Курганской области» // Там же (дата обращения: 14.06.2022).

⁹ *Мотревич В. П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2021. С. 438.

¹⁰ Постановление СНК СССР от 21 февраля 1945 г. № 318 «О мерах помощи сельскому хозяйству Курганской области» // Документы советской эпохи ... (дата обращения: 14.06.2022).

¹¹ РГАЭ. Ф. Р-9477. Оп. 1. Д. 1163. Л. 12.

¹² Постановление СНК СССР от 29 апреля 1945 г. № 911 «Об отпуске зерна Курганской области для продажи нуждающимся колхозникам» // Документы советской эпохи ... (дата обращения: 14.06.2022).

¹³ *Подливалов В. В.* Южное Зауралье в годы Великой Отечественной войны. Курган, 2009. С. 63.

¹⁴ Постановление СНК СССР от 27 марта 1945 г. № 572 «Об отпуске колхозам Курганской области семенной ссуды яровых зерновых культур для весеннего сева 1945 года» // Документы советской эпохи ... (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵ РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 324. Д. 1492. Л. 26–28.

**КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА
И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

В феврале 2023 г. кафедра отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета отметит свое 85-летие. За годы своей деятельности кафедра несколько раз меняла свое название — от «Истории СССР» до «Отечественной истории», — но неизменным оставалось содержание ее деятельности, в том числе изучение истории родного края — Южного Урала, Челябинской области, ее городов и районов.

С 12 по 20 декабря 1921 г. в Москве проходила Первая всероссийская краеведческая конференции, итогом которой стало организационное оформление в единое целое существовавших многочисленных краеведческих обществ Советской России и создание руководящего органа — Центрального бюро краеведения (ЦБК), ставшего ядром и инициатором краеведческого движения в РСФСР в 1920-е гг.¹ За прошедшее столетие своей деятельности в Челябинской области краеведение превратилось в важную составляющую научно-культурной и общественной жизни региона. Краеведческие общества и отдельные краеведы трудятся в университетах (институтах), музеях, архивах, библиотеках, некоторые — уже будучи на пенсии.

Челябинск — родина современного российского краеведческого движения. Связано это с тем, что с 25 по 28 апреля 1990 г. на Южном Урале прошла учредительная конференция краеведов России и 27 апреля 1990 г. С. О. Шмидт (1922–2013) открытым голосованием был избран первым председателем Союза краеведов России². За год до этого, в мае 1989 г., в Челябинской области было создано Челябинское областное общество краеведов, первым председателем совета общества 18 мая 1989 г. был избран писатель и журналист А. П. Моисеев (1938–2013). В общество вошли краеведы городов и районов области. В настоящее время в Челябинской области можно выделить несколько краеведческих центров и краеведческих сообществ. В Южно-Уральском государственном гуманитарно-педагогическом университете (в 1934–1995 гг. — Челябинский государственный педагогический институт, в 1995–2016 гг. — Челябинский государственный педагогический университет) преподаватели активно вовлечены в краеведческую деятельность, занимаясь научными исследованиями по истории, географии, литературе, фольклору Южного Урала и Челябинской области и по другим направлениям. Центром изучения истории региона является кафедра отечественной истории и права. Преподаватели кафедры используют самые разнообразные модели изучения исторического краеведения региона³.

В работах по истории кафедры в той или иной степени отражен ее вклад в изучение истории родного края. В 2008 г. ветеранами и преподавателями: Л. Г. Майзель, Л. К. Матюхиной, Г. К. Павленко, Г. С. Шкробнем и Н. П. Шмаковой опубликована работа по истории кафедры⁴. Также отметим отдельные статьи Л. К. Матюхиной⁵ и Н. П. Шмаковой⁶, но они подготовлены на основе личных воспоминаний, без привлечения архивных документов. Статьи в энциклопедиях «Челябинск», «Челябинская

*Бородулина Л. В. Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории. 2003 г.
Архив фотолаборатории ЮУрГГПУ*

область», «Челябинский государственный педагогический университет» дают общие представления об истории кафедры и ее преподавателях. Кроме того, информация о деятельности кафедры представлена в соответствующих разделах работ, посвященных истории университета⁷ и в частности его исторического факультета⁸. Об отдельных сотрудниках кафедры опубликованы брошюры в сериях «Ведущие ученые ЧГПУ» (С. А. Сидоренко)⁹, «Известные выпускники ЧГПУ» (Л. Г. Майзель, Н. П. Шмакова)¹⁰, «Имя в истории ЮУрГГПУ» (Г. С. Шкрень)¹¹, «История и историки» (В. П. Латюшина, Л. К. Матюхина, В. Е. Четин)¹², в биобиблиографических изданиях преподавателей: Г. К. Павленко и А. Л. Худобородова¹³.

Жизнь кафедры и научная деятельность ее преподавателей, в том числе краеведческий компонент, в последнее время все больше стали привлекать внимание

*Бородулина Л. В. Кафедра отечественной истории и методики преподавания истории. 8 мая 2008 г.
Архив фотолаборатории ЮУрГГПУ*

*Бородулина Л. В. Кафедра отечественной истории и права. 12 декабря 2015 г.
Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ*

исследователей. Так, период становления кафедры и института в 1930-е гг. интересует М. А. Базанова, И. А. Новикова, О. П. Попову, А. Л. Худобородова¹⁴. Научный вклад В. Е. Четина в изучение истории Урала изучали Н. Н. Алеврас, К. В. Алферова, С. Д. Батищев и М. А. Исаков¹⁵. Об исследованиях Н. П. Шмаковой, посвященных подвигу Танкограда, написала К. В. Алферова¹⁶. Методическая и научно-публикаторская работа кафедры отражена в материалах К. В. Алферовой, И. А. Новикова, А. Н. Терехова и П. Е. Фурен¹⁷. Однако современная деятельность кафедры отечественной истории (отечественной истории и методики преподавания истории, отечественной истории и права), в том числе изучение и популяризация истории Южного Урала и Челябинской области, еще не получила освещения в работах исследователей.

В 1930-е гг. для создаваемой советской промышленности нужны были новые образованные кадры, которых катастрофически не хватало. «Старые» же по многим причинам не устраивали советское руководство. Огромная потребность возникла и в советских учителях, поэтому в 1934 г. было принято решение об открытии педагогического института в Челябинске. Несмотря на его трудное становление, организационные неразберихи, нехватку кадров, «1937 год», он сумел пережить невзгоды 1930-х гг. и сохранить свой статус. Через год после создания, в 1935 г. был объявлен набор первых студентов на исторический факультет. Приказом от 3 июля 1939 г. из первого выпуска учителей-историков 21 человек (в том числе шестеро «краснодипломников») был направлен в среднюю школу¹⁸, 33 человека (четверо — с красными дипломами) 29 июня 1939 г. — в неполную среднюю школу¹⁹.

12 марта 1937 г. образована единая для института кафедра исторических дисциплин, из которой в феврале 1938 г. выделилась кафедра истории СССР²⁰. Ее заведующим по совместительству стал П. Б. Жибарев, который был направлен на работу в Челябинский педагогический институт по окончании аспирантуры при Ленинградском университете и уже являлся директором ЧГПИ после снятия предыдущего — И. К. Зеленского. Практически сразу же с момента создания кафедры определилось главное направление ее исследовательской работы — история Южного Урала.

В довоенный период, когда происходило формирование состава и становление кафедры, остро стояла проблема кадров. В 1938–1941 гг. сменилось несколько заведующих: Д. А. Елисеев, М. Н. Мельников, Н. Ф. Кирьянов²¹. Среди первых преподавателей, читавших курс по истории СССР, был Сергей Михайлович Петров (по окончании Московского института красной профессуры был направлен в Челябинск), инструктор отдела науки и школ обкома ВКП(б) в 1936–1937 гг., заведующий отделом «Челябин-

ского рабочего» в 1937–1938 гг. В конце 1936 г. он по совместительству работал в ЧГПИ, где читал курс по истории СССР XIX–XX вв., вел спецкурс по истории Гражданской войны, так как сферой его научных интересов была история Гражданской войны на Южном Урале. Он первым из преподавателей кафедры опубликовал свои научные исследования — «Борьба с дутовщиной» и «Разгром дутовщины»²². Поэтому С. М. Петрова можно считать зачинателем изучения родного края в ЧГПИ — ЧГПУ — ЮУрГГПУ. Он одним из первых стал активно привлекать студентов к научным исследованиям, учил работать с архивными материалами, организовал студенческий кружок по истории Гражданской войны. В 1940 г. его перевели в Москву на должность заведующего сектором в Институте Маркса — Энгельса — Ленина²³.

1950–1970-е гг. — период становления кафедры истории СССР, связанный с деятельностью заведующих В. Н. Елисеевой (1956–1961), В. Е. Четина (1961–1972) и Б. В. Григорьева (1972–1982). В 1980–2000-е гг. во главе кафедры стояли: Н. П. Шмакова (1982–1997, 2000–2009), В. И. Усанов (1997–1999) и В. Я. Рушанин (1999–2000). Сформировалась общекафедральная тема научных исследований — «Рабочий класс Южного Урала и Сибири в борьбе за пролетарскую революцию и построение социализма», над разрешением которой работали сотрудники кафедры.

Начавшаяся перестройка привела к кардинальным изменениям в жизни кафедры. Вопросы преподавания общественных наук и их улучшения неоднократно поднимались на заседаниях ученого совета института, факультета, кафедры, и принятые решения не всегда носили адекватный характер, что затрудняло процесс преподавания и научную деятельность²⁴. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг. характеризовались не только ломкой устоявшихся исторических концепций, но и активизацией научно-исследовательской работы преподавателей кафедры. Исследователи получили возможность работать с ранее недоступными архивными материалами, в том числе с рассекреченными, и вводить их в научный оборот, использовать при подготовке новых публикаций. Расширилась тематика научных работ: «История социально-экономического и культурного развития Урала XVIII–XX вв.», «Историография истории Урала», «Археология Южного Зауралья в эпоху бронзы» и др. На заседаниях кафедры рассматривались и анализировались новые подходы к изучению и преподаванию читаемых курсов, новые историографические оценки дискуссионных вопросов²⁵.

Социально-политические потрясения начала 1990-х гг. затронули и факультет, и кафедру, которые сменили свои названия. 31 октября 1991 г. решением ученого совета историко-педагогический факультет был реорганизован в исторический²⁶. 30 мая 1991 г. кафедра истории СССР переименована в кафедру отечественной истории²⁷, а 5 июля 2000 г. — в кафедру отечественной истории и методики преподавания истории²⁸. Защитили диссертации и стали докторами исторических наук: в 1991 г. — В. И. Усанов («Историография истории горнозаводского Урала 30–90-х гг. XIX в.»), в 1994 г. — В. Я. Рушанин («Революционно-демократическое движение уральской молодежи (1861–1917 гг.)»). Это позволило в 1991 г. открыть аспирантуру по специальности «Отечественная история» (решение ученого совета ЧГПИ от 29 ноября 1990 г.)²⁹, а с 1994 г. — по специальности «Историография, источниковедение и

Бородулина А. В. Участник Великой Отечественной войны, ветеран кафедры истории СССР, отечественной истории В. Е. Четин.

17 января 2005 г.

Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ

Бородулина Л. В. Заведующая кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Н. П. Шамакова. 19 февраля 2008 г. Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ

Бородулина Л. В. Доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории кандидат исторических наук Г. С. Шкробень, инициатор многих краеведческих проектов в ЧГИИ — ЧГПУ — ЮУрГГПУ, г. Челябинске и Челябинской области. 2005 г. Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ

методология истории» (научные руководители В. И. Усанов, В. Я. Рушанин, Н. П. Шамакова). В 1990-е гг. состоялись первые выпуски аспирантов и защиты ими кандидатских исследований: в 1995 г. — Л. М. Конева (диссертация «Становление и развитие женской средней общеобразовательной школы на Урале. 1861 — февраль 1917 гг.», научный руководитель В. Я. Рушанин) и И. В. Лаптевской («Социально-экономическое развитие горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861–1917 гг.)»; в 1996 г. — Ф. Ф. Дудырева («Научная и общественно-педагогическая деятельность Н. К. Чупина», научный руководитель В. И. Усанов); в 1999 г. — М. С. Нагорной («Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 — февраль 1917 гг.)», научный руководитель Н. П. Шамакова)³⁰.

Проблемы истории Южного Урала постоянно оставались в сфере научных интересов профессора Н. П. Шамаковой (советская индустриализация и история Танкограда)³¹, доцентов И. В. Лаптевской и И. А. Новикова (горнозаводская промышленность XVIII–XIX вв.)³², О. Н. Шамакова (кооперативное движение в Пермской губернии)³³, В. Я. Рушанина (развитие образования и молодежное движение второй половины XIX — начала XX в.)³⁴, А. Р. Татаркиной (повседневность, культура и быт городов Южного Урала)³⁵, С. А. Василенко (организация и деятельность пролетарской милиции и боевых отрядов народного вооружения)³⁶, Г. С. Шкробня (роль Советов в восстановлении промышленности в годы нэпа, история краеведческого движения и музейной деятельности)³⁷, О. Д. Бугаса (социализация молодежи)³⁸, В. П. Латюшиной, Л. К. Матюхиной, Е. В. Перебейноса (промышленность и рабочий класс в советский период)³⁹, Г. К. Павленко (Южный Урал в годы Великой Отечественной войны)⁴⁰.

Историографические аспекты истории региона разрабатывались в исследованиях профессора В. И. Усанова (историография истории горнозаводского Урала 1830–1890-х гг.)⁴¹ и Ф. Ф. Дудырева (научная и общественно-педагогическая деятельность Н. К. Чупина)⁴². Сложилась своя научная школа археологов во главе с Н. Б. Виноградовым, который в 1975 г. создал лабораторию археологических исследований, в 1980-е гг. — краеведческий лагерь «Юный археолог» и областной клуб юных археологов «Муравей», в 1990-е гг. — Уральский научно-методический центр по проблемам школьной археологии и первый в России

учебный археологический музей. Была также разработана программа для пятого класса школы «История Южноуральского края», подготовлено несколько учебных пособий⁴³. Н. Б. Виноградов — основатель школьного археологического краеведения в Челябинской области. Благодаря его деятельности педагогический институт (университет) занял достойное место среди научных археологических центров Урала. В 2007 г. Н. Б. Виноградов защитил докторскую диссертацию по теме «Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов)»⁴⁴.

Преподаватели кафедры принимали активное участие в создании книг по истории образования, вуза, факультета, кафедры: «Челябинский государственный педагогический университет» (А. Л. Худобородов, Г. С. Шкробень и Н. П. Шмакова)⁴⁵; «Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета» (Н. В. Коршунова, А. Л. Худобородов)⁴⁶; «История и историки: нам 70! Исторический факультет: прошлое, настоящее, будущее» (Л. Г. Майзель, Л. К. Матюхина, Г. К. Павленко, Е. В. Перебейнос, А. Л. Худобородов, Г. С. Шкробень, О. Н. Шмаков, Н. П. Шмакова)⁴⁷; «Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет» (Л. К. Матюхина, Г. К. Павленко, Г. С. Шкробень, Н. П. Шмакова, использовались и материалы трагически ушедшей из жизни Л. Г. Майзель)⁴⁸; «ЛГПИ в годы войны: Кыштымский период» (И. А. Новиков, Н. П. Шмакова)⁴⁹.

Профессорско-преподавательский состав кафедры активно участвовал в подготовке материалов для энциклопедий: «Челябинск»⁵⁰ и «Челябинская область»⁵¹ (С. А. Василенко, Л. К. Матюхина, И. А. Новиков, Г. К. Павленко, Н. С. Сидоренко, А. Л. Худобородов, Г. С. Шкробень, О. Н. Шмаков, Н. П. Шмакова); «Челябинский государственный педагогический университет»⁵² (все члены кафедры, но огромная роль застрельщика ее создания принадлежит Г. С. Шкробню); «Заслуженные учителя школы РСФСР (1949–1991 гг.). Заслуженные учителя школы РФ (1992–1995 гг.). Заслуженные учителя РФ (1996–2010 гг.)»⁵³ (без Г. С. Шкробеня ее выход также был бы невозможен); для «Уральской исторической энциклопедии» (Л. К. Матюхина, В. И. Усанов, Н. П. Шмакова).

Продолжилось сотрудничество кафедры с Объединенным государственным архивом Челябинской области в деле публи-

Бородулина Л. В. Доктор исторических наук Н. Б. Виноградов, основатель школьного археологического краеведения Челябинской области. 2009 г. Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ

Бородулина Л. В. Доктор исторических наук В. И. Усанов, научный руководитель аспирантов, защитивших работы по истории Урала. 1999 г. Архив фотолaborатории ЮУрГГПУ

Пешкова К. А. Участники краеведческой конференции «Наш край: прошлое, настоящее, будущее»: Е. В. Зязева, М. С. Салмина, В. М. Кузнецов, Г. Н. Кибиткина с ректором ЮУрГГПУ доктором исторических наук Т. А. Чумаченко. 7 ноября 2019 г. Личный архив автора

кации сборников документов и материалов по истории Южного Урала: «Челябинская область 1917–1945 гг.» (Н. П. Шмакова)⁵⁴, «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область» (А. Л. Худобородов)⁵⁵, «Летопись Челябинской области» (И. А. Новиков, Н. С. Сидоренко)⁵⁶.

Особое внимание преподаватели и сотрудники кафедры уделяют программно-методическому обеспечению изучения учениками школ, гимназий и лицеев и студентами колледжей истории родного края (Урала, Южного Урала, Челябинской области, городов и районов области). В связи с введением регионального компонента в школьные программы в 1995/1996 учебном

году кафедра приступила к эксперименту по внедрению регионального компонента в преподавании истории в школах и гимназиях. Были разработаны концепция историко-краеведческого образования (В. П. Латюшина и Л. Д. Ибрагимова) и учебная программа по истории Южного Урала (Н. Б. Виноградов, В. И. Усанов и Г. С. Шкробень), началась их апробация на базе челябинской гимназии № 82⁵⁷. Выступая на заседании кафедры 14 марта 1996 г., В. И. Усанов сказал, что «сложилась стройная система реализации регионального компонента. Краеведческие курсы ведут опытные преподаватели. Используются разнообразные формы ведения занятий со студентами. Существует также система подготовки учителей через ЧИППКРО, а они затем несут этот материал в школу»⁵⁸. Подтверждая сказанное, Н. П. Шмакова уточнила: «Работа с гимназией № 82 ведется очень серьезно, но сейчас она поднимается на новый уровень»⁵⁹. Нарботки сотрудников кафедры были использованы в дальнейшем при реализации концепции «Краеведение. Челябинская область», при подготовке учебных пособий.

В 1991 г. издано переработанное учебное пособие «Очерки истории Челябинской области»⁶⁰ — к сожалению, только первая часть, подготовленная В. Е. Четиным. Вторая часть (советский период) так и осталась в черновиках Б. В. Григорьева и Г. С. Шкробня, отвечавших за ее подготовку. С середины 1990-х гг. преподаватели кафедры принимают участие в подготовке школьных учебников и учебных пособий «Исчезнувший мир: атлас древней истории Южного Зауралья» и «Страницы древней истории Южного Урала» (Н. Б. Виноградов)⁶¹; «Челябинск. История моего города» (Г. С. Шкробень, Н. Б. Виноградов, Л. К. Матюхина, Е. В. Перебейнос, В. П. Латюшина, О. Н. Шмаков, Н. П. Шмакова)⁶²; «История Урала с древнейших времен до конца XVIII в.» (Н. Б. Виноградов)⁶³; «История Урала XIX–XX вв.» (Г. С. Шкробень)⁶⁴; «Краеведение. Челябинская область» (Н. Б. Виноградов, И. А. Новиков, Г. С. Шкробень)⁶⁵, а также публикаций в журнале «Преподавание истории в школе» (И. А. Новиков)⁶⁶.

Кафедра подготовила и провела научные конференции «Индустриализация в СССР: уроки истории», посвященную 70-летию ЧТЗ (2003), «Тыл — фронту!» (2005), «Великая Отечественная и Вторая мировая войны — в контексте истории XX–XXI вв.» (2010), форум краеведов «Уральские Бирюковские чтения» (2010–2017). Ежегодно проводится конференция «Наш край: прошлое, настоящее, будущее» (с 2007). Кафедра принимала участие в приеме представительного краеведческого форума Союза краеведов России — IV Всероссийские краеведческие чтения (май 2010), что свидетельствует о большом вкладе кафедры в краеведческое движение России в 1990–2000-е гг. За плодотворные научные исследования по истории Урала были удостоены краеведческой премии им. В. П. Бирюкова преподаватели кафедры: Г. К. Павленко (2004), А. Л. Худобородов (2004), И. А. Новиков (2005), Н. Б. Виноградов (2006), Г. С. Шкробень (2006), Н. П. Шмакова (2008)⁶⁷.

В 2010-е гг. кафедру возглавляли доктор исторических наук Н. С. Сидоренко (2009–2013) и Н. В. Коршунова (2013–2020), с 2020 г. — П. Б. Уваров. Проблемы истории Урала остаются в сфере научных интересов профессора Н. С. Сидоренко (деятельность политических партий в 1900–1917 гг.)⁶⁸ и А. Л. Худобородова (казачество в эмиграции)⁶⁹, доцентов И. А. Новикова (горнозаводская промышленность, гражданско-патриотическое воспитание и подвиги южноуральцев)⁷⁰ и А. В. Самохиной (аспекты региональной политической элиты Челябинской области конца XX — начала XXI в.)⁷¹.

За последнее десятилетие благодаря продолжающемуся тесному сотрудничеству кафедры с Объединенным государственным архивом Челябинской области, на базе которого студенты проходят архивную практику под руководством профессора Н. С. Сидоренко⁷², преподаватели приняли участие в подготовке сборников документов: «1917 год. Южный Урал»⁷³, «Император Александр II и Южный Урал»⁷⁴, «Южный Урал в годы Первой мировой войны»⁷⁵. Совместно с Челябинской областной универсальной научной библиотекой подготовлен библиографический указатель «Южный Урал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг.» (И. А. Новиков)⁷⁶.

Продолжаются методические контакты с Челябинским институтом переподготовки и повышения квалификации работников образования (кафедра общественных и художественно-эстетических дисциплин), подготовлены для учителей области методические пособия: «История. Челябинская область» для 5–7 (8) и 8 (9) классов⁷⁷, «Великая российская революция и Южный Урал»⁷⁸, «Методические рекомендации и дидактические материалы по изучению Второй мировой и Великой Отечественной войн»⁷⁹; сборники документов и хрестоматии-практикумы: «История. Челябинская область»⁸⁰, «Южный Урал в XIX веке»⁸¹, «Металлургия Южного Урала: история и современность»⁸², «Международное сотрудничество России и Южный Урал: история и современность»⁸³. В 2017 г. издан атлас «Челябинская область: история родного края»⁸⁴.

Члены и ветераны кафедры и факультета (И. А. Новиков, В. Д. Павленко, Г. К. Павленко) принимали участие в подготовке к изданию подарочных книг-альбомов по истории Челябинской области: «Южный Урал: от колесниц до мирного атома» (2017), «Край, заслуживший свои победы» (2019), «Южный Урал. От Аркаима до Магнитки» (2020)⁸⁵. В. Д. Павленко и Г. К. Павленко, кроме того, выпустили обновленные издания «Южный Урал. Великая Отечественная война» (2015) и «Через горнило войны к победе: 1941–1945 гг.»⁸⁶.

Изыскания и наработки преподавателей неоднократно публиковались на страницах журналов России: «Исторический вестник» (Н. С. Сидоренко), историко-методического «Преподавание истории в школе» (И. А. Новиков, П. Е. Фурен, Н. П. Шмакова)⁸⁷. Доцент кафедры, кандидат исторических наук А. Р. Татаркина является председателем регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по истории. Подготовленные старшим преподавателем П. Е. Фурен конкурсанты ежегодно становятся победителями и призерами вузовского конкурса «Педагогический дебют» и др. Опыт выпускников факультета — автора учебного пособия «История Южного Урала» М. С. Салминой⁸⁸ (Челябинск, школа № 59) и С. А. Сергеева⁸⁹ (Златоуст, техникум

Павленко В. Д. Участники краеведческой конференции им. Н. А. Косикова «Золотые россыпи былого» в Златоустовском краеведческом музее — студенты исторического факультета ЮУрГГПУ и Южно-Уральского многопрофильного колледжа (слева направо) Е. А. Курчаева, С. С. Дмитренко, И. А. Новиков, Н. С. Кривошеев, Е. О. Васючков, М. В. Брауде на экскурсии в музее Златоустовской оружейной фабрики. 30 ноября 2018 г. Личный архив автора

Лауреат областной премии
имени В.П. Бирюкова

**ШМАКОВА
НИНА ПАВЛОВНА**

за многолетнюю плодотворную педагогическую и научно-исследовательскую деятельность по изучению и популяризации Южного Урала

удостоена премии имени В.П. Бирюкова
решением регионального
Совета Уральских Бирюковских чтений и
Челябинского отделения Всероссийского общества охраны
памятников истории и культуры
от 25 июня 2008 года.

Председатель
Совета

Уральских Бирюковских
чтений, профессор
Загребин С.С.

Зам. председателя
Традициума областного
Совета Челябинских
отделения ВООПИК
Поскребышев В.С.

Шмакова Н. П. Диплом лауреата премии
им. В. П. Бирюкова 2008 г. Архив
музейно-выставочного комплекса ЮУрГГПУ

Государственное учреждение культуры
Творческое объединение «Каменный пояс»
Редакция энциклопедии «Челябинская область»

Благодарственное письмо

Уважаемый

Шкробенъ Георгий Сергеевич!

В течение многих лет нас с Вами связывает совместная плодотворная работа над изданием семитомной энциклопедии «Челябинская область».

Редакция и исполнительная дирекция проекта выражают Вам глубокую признательность за большой и кропотливый труд, заинтересованность и профессионализм.

Можно с уверенностью утверждать, что без Вашего вклада в общее дело было бы невозможным получение такого масштабного и знаменитого для всей области издания.

Желаем Вам здоровья, благополучия и творческих успехов.

Исполнительный директор

проекта издания

энциклопедии

«Челябинская область»

В. И. Боднарский

Челябинск
2007

Шкробенъ Г. С. Благодарственное письмо
редакции энциклопедии «Челябинская область».
2007 г. Архив музейно-выставочного комплекса
ЮУрГГПУ

технологий и экономики) — по организации научно-исследовательской работы на базе школьного и студенческого научного общества высоко оценен на федеральном уровне. Они стали победителями конкурсов краеведов, работающих с молодежью, организованного Российским историческим обществом в 2019 и 2020 гг.

Уже тридцать лет на кафедре существует аспирантура по специальностям «Отечественная история» и «Историография, источниковедение и методология истории», на кафедре трудятся ее выпускники: И. А. Новиков, А. В. Самохина, А. Р. Татаркина. В настоящее время под руководством докторов исторических наук Н. В. Коршуновой, Н. С. Сидоренко, П. Б. Уварова и А. Л. Худобородова новые поколения аспирантов (А. Н. Мищенко, С. В. Морозков, А. О. Нагимова, В. В. Ситдиков, Н. В. Шувалов и др.) выполняют свои исследования краеведческой направленности, выступают на конференциях, публикуют статьи в ведущих научных журналах региона и страны⁹⁰.

Назовем также выпускников исторического факультета, которые после его окончания продолжили свои научные исследования и защитили кандидатские диссертации по истории Южного Урала в других учебных заведениях: В. В. Гейль (тема диссертации «Деятельность эвакуированной творческой интеллигенции на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны»), Н. Н. Ивлев («Деятельность финансовых органов Челябинской области в годы Великой Отечественной войны»), Н. С. Королев («К. В. Рындин как типичный представитель партийного руководства 20–30-х гг. XX в.»), С. А. Кусков («Эвакуогоспитали в Челябинской области накануне и в период Великой Отечественной войны (1939–1945)»), А. Н. Лымарев («Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны 1939–1945 гг.»), И. В. Рудометова («Легкая и пищевая промышленность Челябинской области в период Второй мировой войны»), И. В. Рязанский («Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны (Южный Урал в июле 1914 — феврале 1917 г.)»), А. Н. Терехов («Становление и развитие высшего исторического образования на Южном Урале (1934–1993 гг.)» и др.

Студенты факультета, специализирующиеся на кафедре отечественной истории и права, благодаря стараниям своих научных руководителей Н. В. Коршуновой, И. А. Новикова, А. В. Самохиной, Н. С. Сидоренко,

А. Р. Татаркиной, П. Б. Уварова постоянно участвуют в различных научных конференциях. Особенно необходимо отметить К. В. Алферову (изучение истории Южного Урала преподавателями кафедры истории СССР ЧГПИ в 1950–1980-е гг.)⁹¹, С. В. Бодрову (история формирования воинских частей на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны и история современного поискового движения в Челябинской области)⁹², В. А. Боровских (вклад трудармейцев Копейска в Победу и другие краеведческие темы)⁹³, М. Н. Горбачеву (юные герои Танкограда)⁹⁴, Ю. А. Иржигутову (история поискового движения в Челябинской области)⁹⁵, М. А. Исакова (источники личного происхождения)⁹⁶, М. В. Кадочникову и Л. И. Белову (театральное искусство Челябинской области)⁹⁷, Ю. Е. Кисмерешкину (гражданско-патриотическое воспитание и локальные аспекты Великой российской революции)⁹⁸, И. А. Корлыханову (физкультурно-спортивное краеведение и гражданско-патриотическое воспитание)⁹⁹, Е. А. Курчаеву (локальные аспекты формирования воинской частей)¹⁰⁰, Д. П. Лизунова (история рок-движения на Южном Урале в 1960–1980-е гг.)¹⁰¹, В. В. Мамонтова (повседневная жизнь работников среднего и высшего образования Челябинской области)¹⁰², К. В. Пешкову (история г. Озерска)¹⁰³, С. А. Сергеева (церковное краеведение)¹⁰⁴, В. В. Ситдикова (Александр Невский в истории Южного Урала)¹⁰⁵ и др. Некоторые из выпускников факультета, работающие школьными учителями и педагогами дополнительного образования в Челябинске, продолжили свои исследования, посвященные музейной педагогике и краеведению: например, А. В. Горчакова (школа № 39)¹⁰⁶, И. А. Корлыханова и С. Н. Лычагов (школа № 137)¹⁰⁷.

Таким образом, накануне своего 85-летия кафедра отечественной истории и права сохраняет и продолжает краеведческие традиции, заложенные предыдущими поколениями преподавателей, успешно реализует свой научный потенциал по изучению Южного Урала, Челябинской области, ее городов и районов, тесно сотрудничает с образовательными учреждениями, архивами, музеями и другими просветительскими организациями. У нее интересные творческие связи с многочисленными выпускниками, реализующими на практике краеведческие начинания, заложенные в годы обучения в университете.

Примечания

¹ Козлов В. Ф. Первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // Пятые всероссийские краеведческие чтения / сост. А. Г. Смирнова. М., 2012. С. 10.

² ОГАЧО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 147. Л. 10.

³ Кузнецов В. М. Модели историко-краеведческого образования в школе (на материале Челябинской области) // Преподавание истории в школе. 2016. № 7. С. 16.

⁴ Кафедра истории отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / гл. ред. Г. С. Шкрень. Челябинск, 2008. 216 с.

⁵ Матюхина Л. К. Краеведческая проблематика исследований кафедры истории СССР в 1960-х — первой половине 1970-х гг. // История и историки (к 70-летию факультета) : сб. науч. тр. выпускников и преподавателей фак. Челябинск, 2006. С. 21–26.

⁶ Шмакова Н. П. Вклад кафедры отечественной истории ЧГПУ в изучение истории Южного Урала // Вестник Челябинского областного общества краеведов. Вып. 17. Спецвып. «Музейного вестника ЧГПУ». Школа профессионального мастерства учителей истории и краеведения : материалы обл. ист.-краевед. пед. чтений, посвящ. 75-летию ист. фак. ЧГПУ / сост.: И. А. Новиков, Д. А. Алпатиков. Челябинск, 2011. С. 22–25 ; *Она же*. Кафедра отечественной истории ЧГПУ // Музейный вестник. Вып. 4 (9). Челябинск, 2001. 132 с. ; *Она же*. Кафедра отечественной истории: научная жизнь в лицах // Музейный вестник / сост. Н. А. Вахрушева. Вып. 40. Челябинск, 2017. С. 24–29 ; *Она же*. Преподаватели кафедры отечественной истории Челябинского государственного педагогического института — участники Великой Отечественной войны (на материале музейного комплекса ЧГПУ) // Великая Отечественная война в исторической памяти южноуральцев : материалы обл. ист.-краевед. пед. чтений, посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечеств. войне 1941–1945 гг. Челябинск, 2010. С. 86–89.

⁷ Профессора Челябинского государственного педагогического университета: биографии / под ред.: В. В. Латышова, В. Г. Швеммера, Л. М. Бочковой. Челябинск, 2004. 244 с.; Челябинский государственный педагогический университет. 2-е изд. Челябинск, 2004. 272 с.

⁸ История и историки: нам 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее). Челябинск, 2006. 275 с.; *Худобородов А. Л., Самохина А. В.* Выдержали испытания временем... (студенты и преподаватели исторического факультета Челябинского педагогического института в 1941–1945 гг.) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 303–305; *Шкробень Г. С., Новиков И. А.* Исторический факультет ЧГПУ — путь в 75 лет // Вестник Челябинского областного общества краеведов ... С. 6–22.

⁹ Семен Анисимович Сидоренко — первый профессор отечественной истории Южного Урала / сост.: Н. С. Сидоренко, В. С. Ткачева. Челябинск, 2000. 72 с.

¹⁰ Лия Григорьевна Майзель / сост.: Н. А. Вахрушева, А. А. Готина, Г. С. Шкробень. Челябинск, 2002. 104 с.; Нина Павловна Шмакова. Челябинск, 2004. 108 с.

¹¹ Шкробень Георгий Сергеевич / авт.-сост. М. С. Фонов. Челябинск, 2019. 304 с.

¹² Валентина Петровна Латышова / сост.: Н. А. Вахрушева, Н. П. Шмакова. Челябинск, 2007. 188 с.; Матюхина Людмила Константиновна / сост. Г. К. Павленко. Челябинск, 2007. 98 с.; Четин Василий Егорович / сост.: Л. К. Матюхина, Г. К. Павленко. Челябинск, 2008. 96 с.

¹³ Павленко Владимир Денисович : библиография. Челябинск, 2011. 98 с.; Александр Леонидович Худобородов : биобиблиогр. указ. Челябинск, 2020. 64 с.

¹⁴ *Базанов М. А.* Большой террор в провинциальном вузе: случай директора Челябинского педагогического института И. К. Зеленского // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 66–79; *Он же.* Научно-исследовательская деятельность Челябинского педагогического института во второй половине 1930-х гг. // Гороховские чтения : материалы шестой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2015. С. 593–597; *Он же.* Повседневность провинциального педагогического института в отражении его протокольной документации: случай ЧГПИ (1936–1937) // Там же. С. 598–600; *Новиков И. А.* «Колыбель величайших социалистических гигантов»: Челябинская область в исследованиях преподавателей Челябинского государственного педагогического института в конце 1930 — начале 1960-х гг. // Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 197–201; *Он же.* «У него кандидатскую карточку похитил классовый враг». Герой Советского Союза А. И. Невзгод: новые документы архивов Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 110–118; *Попова О. П.* Первые преподаватели исторического факультета Челябинского педагогического института : биограф. зарисовки // Вестник Челябинского университета. 2012. № 25 (279). С. 142–149; *Худобородов А. Л.* История Челябинского педагогического института в 1930-е гг. в судьбах его руководителей: В. С. Старцев и И. К. Зеленский // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 169–172.

¹⁵ *Алеврас Н. Н., Батищев С. Д.* Челябинский историк В. Е. Четин: опыт изучения истории горнозаводского Урала в контексте советской историографии 50–70-х гг. XX в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 3. С. 75–89; *Алферова К. В.* Вклад преподавателя Челябинского государственного педагогического института В. Е. Четина в изучение истории Златоустовского завода второй половины XIX — начала XX в. // Золотые россыпи былого : сб. материалов XII краевед. конф. им. Н. А. Косикова / сост. А. Н. Малахова. Челябинск, 2019. С. 148–151; *Батищев С. Д.* Кандидатская диссертация В. Е. Четина «Рабочее движение в Пермской губернии 1861–1870 гг.» в отзывах научного сообщества // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2020. Т. 2. С. 100–108; *Он же.* Уральское отделение Археографической комиссии Академии наук СССР: публикация источников из фонда историка В. Е. Четина // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2020. № 1. С. 133–152; *Он же.* «Необходимость переиздания вызывается самой жизнью», или Как челябинская общественность призывала Южно-Уральское книжное издательство перевыпустить «Краткий очерк истории Челябинской области»: публикация писем из личного фонда историка В. Е. Четина // Генеалогия и архивы : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2022. С. 361–365; *Исаков М. А.* Челябинский историк В. Е. Четин о задачах краеведения и его использовании на уроках истории // Там же. С. 405–410.

¹⁶ Алферова К. В. История Танкограда в исследованиях профессора Н. П. Шмаковой // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XIII Всерос. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2020. С. 80–84.

¹⁷ Алферова К. В. «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 298–300 ; *Она же*. История промышленности и рабочего класса Южного Урала XVIII–XX вв. в исследованиях преподавателей кафедр Истории СССР Челябинского государственного педагогического института (1950–1990-е гг.) // Проблемы культурного образования : сб. науч. и учеб.-метод. тр. (ежегодник). Вып. 15. Челябинск, 2018. С. 58–77 ; *Она же*. Революция 1917 г. в России в исследованиях преподавателей кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета // Скиф. 2020. № 8 (48). С. 199–202 ; *Она же*. Сборник «Из истории Южного Урала и Зауралья» — новое направление в научной жизни кафедры истории СССР ЧГПИ в 1966–1975 гг. // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XII регион. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2019. С. 51–57 ; Новиков И. А. «Колыбель величайших социалистических гигантов»: Челябинская область в исследованиях преподавателей Челябинского государственного педагогического института в конце 1930 — начале 1960-х гг. // Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 197–201 ; Терехов А. Н. Личность в истории Южного Урала. Учитель и методист Лия Григорьевна Майзель // Архивы и история Южного Урала : материалы Пятых ист.-арх. чтений памяти Н. М. Чернавского, посвящ. 95-летию арх. службы России / авт.-сост.: Г. Н. Кибиткина, Е. Б. Рохацевич. Челябинск, 2013. С. 156–160 ; Фурен П. Е. Татьяна Федоровна Аносова: воспоминания студентки // Вестник Челябинского областного общества краеведов ... С. 65–70 ; *Она же*. Конкурс «Педагогический дебют» как составная часть педагогической практики студентов исторического факультета Челябинского государственного педагогического университета // Преподавание истории в школе. 2013. № 7. С. 3–5.

¹⁸ Архив ЮУрГГПУ. Книга приказов по студентам. Д. 76. Л. 155.

¹⁹ Там же. Л. 157 об. — 159 об.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.

²¹ Там же Ф. Р-288. Оп. 131. Д. 243. Л. 2 об. ; Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

²² Петров С. М. Борьба с дутовщиной. Челябинск, 1937. 134 с. ; *Он же*. Разгром дутовщины. Челябинск, 1940. 207 с.

²³ Калинин Е. А. Историк Сергей Михайлович Петров: штрихи к биографии // Музейный вестник ЧГПУ. 2008. № 30. С. 50–53.

²⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2374. Л. 22.

²⁵ Там же. Д. 2578. Л. 27.

²⁶ Там же. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 2607. Л. 40.

²⁷ Там же. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2529. Л. 162.

²⁸ Там же. Д. 3365. Л. 13.

²⁹ Там же. Д. 2607. Л. 49.

³⁰ Конев Л. М. Становление и развитие женской средней общеобразовательной школы на Урале 1861 — февраль 1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995. 21 с. ; Лаптевская И. В. Социально-экономическое развитие горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995. 16 с. ; Дудырев Ф. Ф. Научная и общественно-педагогическая деятельность Н. К. Чупина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. 22 с. ; Нагорная М. С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 — февраль 1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. 18 с.

³¹ Шмакова Н. П. Все для Победы! Челябинский драматический театр в годы войны // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2005. № 3. С. 111–119 ; *Она же*. Машиностроительная промышленность Южного Урала в 30-е гг. XX в. // Промышленность Урала в XIX–XX вв. : сб. науч. тр. М., 2002. С. 208–226 ; *Она же*. Челябинск в 30-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. 2000. Т. 1, № 1 (11). С. 54–63 и др.

³² Лаптевская И. В. Социально-экономическое развитие горнозаводской промышленности Южного Урала периода капитализма (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995. 16 с.

ган, 1995. 16 с. ; *Новиков И. А.* Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII — первой половине XIX в.: становление и развитие : монография. Челябинск, 2004. 263 с.

³³ *Шмаков О. Н.* Кооперативные организации Среднего Урала во второй половине XIX — начале XX в. // Уржумка. 2000. № 1. С. 49–56 ; *Он же.* Потребительская и кредитная кооперация Урала в годы Первой мировой войны (по материалам Пермской губернии) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2005. № 3. С. 80–87.

³⁴ *Рушанин В. Я., Конев Л. М., Чуприн В. В.* Из истории среднего образования на Урале (1861–1917 гг.). Магнитогорск, 1994. 46 с. ; *Рушанин В. Я.* Молодежное движение в России: региональный аспект (1861–1904 гг.). Челябинск, 1998. 185 с.

³⁵ *Татаркина А. Р.* Проблема организации досуга в южно-уральском городе на рубеже XIX–XX вв. // Социум и власть. 2009. № 1. С. 99–103 ; *Она же.* Уровень грамотности городского населения Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. // Уральские Бирюковские чтения. Культура и образование в регионах: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Латышина. Челябинск, 2010. С. 87–93.

³⁶ *Василенко С. А.* Возрождение и деятельность боевых организаций народного вооружения (БОНВ) на Южном Урале в апреле — сентябре 1917 г. // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. и науч.-популяр. ст. / науч. ред. С. С. Загребин. Вып. 5. Историко-культурное наследие российских регионов. Челябинск, 2008. Ч. 2. С. 23–26.

³⁷ *Шкробень Г. С.* Состав городских Советов Урала в 1921–1925 гг. // Восьмые Бирюковские чтения : тез. докл. Челябинск, 1988. С. 71–73 ; *Он же.* 20-летие Челябинского областного общества краеведов // Вторые всероссийские краеведческие чтения. Четвертые всероссийские краеведческие чтения / сост. А. Г. Смирнова. М., 2011. С. 322–328.

³⁸ *Бугас О. Д.* Молодежная политика в 1930–1950-е гг.: частичная реабилитация традиции // Уржумка. 2002. № 1. С. 76–80.

³⁹ *Латышина В. П.* Рожденный для победы (ЧТПЗ. Начало истории) // Тыл — фронту : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы. Челябинск, 2005. С. 22–23 ; *Матюхина Л. К.* Развитие технического творчества рабочего класса СССР в годы восстановления и начала социалистической реконструкции народного хозяйства. Челябинск, 1987. 79 с. ; *Перебейнос Е. В.* Деятельность партийных организаций Урала по совершенствованию экономического образования трудящихся на предприятиях черной металлургии в 1971–1975 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1983. 22 с.

⁴⁰ *Павленко В. Д., Павленко Г. К.* Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941–1945 гг. Челябинск, 2005. 312 с. ; *Павленко Г. К.* Юные гвардейцы тыла. Трудовые резервы Урала — фронту. 1941–1945 гг. Челябинск, 2004. 168 с. и др.

⁴¹ *Усанов В. И.* История горнозаводской промышленности и рабочего класса Урала второй половины XIX в. в советской историографии : учеб. пособие. Челябинск, 1989. 83 с. ; *Усанов В. И., Свечников П. Г.* Летописцы старого Урала : монография. Челябинск, 1995. 165 с.

⁴² *Дудырев Ф. Ф. Н. К. Чупин.* Фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998. 172 с.

⁴³ Кафедра истории отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / гл. ред. Г. С. Шкробень. Челябинск, 2008. С. 205–207.

⁴⁴ Там же. С. 208.

⁴⁵ Челябинский государственный педагогический университет. 2-е изд. Челябинск, 2004. 272 с.

⁴⁶ Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета / под ред.: В. В. Латышина, В. Г. Швеммера. Челябинск, 2004. 171 с.

⁴⁷ История и историки: нам 70 лет! (Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее). Челябинск, 2006. 275 с.

⁴⁸ Кафедра истории отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / гл. ред. Г. С. Шкробень. Челябинск, 2008. 216 с.

⁴⁹ ЛГПИ в годы войны. Кыштымский период / сост.: М. К. Ахлупина, Н. А. Вахрушева, И. А. Новиков, Н. П. Шмакова. Челябинск, 2005. 170 с.

⁵⁰ Челябинск : энциклопедия / сост.: В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. 1112 с.

⁵¹ Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008.

⁵² Челябинский государственный педагогический университет : энциклопедия / гл. ред.-сост. Г. С. Шкробень. Челябинск, 2009. 1144 с.

⁵³ Заслуженные учителя школы РСФСР (1949–1991). Заслуженные учителя школы РФ (1992–1995). Заслуженные учителя РФ (1996–2010) : энциклопедия / гл. ред.-сост. Г. С. Шкробень. Челябинск, 2010. 696 с.

⁵⁴ Челябинская область 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / под ред. П. Г. Агарышева. Челябинск, 1998. 304 с.

⁵⁵ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1945. Челябинская область : док. и материалы / сост.: А. П. Финадеев, Г. Н. Кибиткина, Е. А. Калинкина и др. Челябинск, 2005. 638 с.

⁵⁶ Летопись Челябинской области : сб. док. и материалов / сост.: Е. А. Калинкина, Е. П. Турова, И. С. Янгирова ; науч. ред. И. А. Новиков. Челябинск, 2008. Т. 1: 1673–1917. 399 с.

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 2971. Л. 15.

⁵⁸ Там же. Д. 2970. Л. 22–23.

⁵⁹ Там же. Л. 23.

⁶⁰ Очерки истории Челябинской области / под ред. В. Е. Четина. Челябинск, 1991. 192 с.

⁶¹ *Виноградов Н. Б.* Страницы древней истории Южного Урала : учеб. для учащихся общеобразоват. шк., гимназий, лицеев, колледжей. Челябинск, 1997. 160 с. ; Исчезнувший мир: атлас древней истории Южного Зауралья / сост.: Н. Б. Виноградов, М. Г. Абрамзон. Челябинск, 1995. 32 с.

⁶² Челябинск. История моего города : учеб. для учащихся общеобразоват. шк., гимназий, лицеев / сост. Н. Б. Виноградов. Челябинск, 1999. 320 с.

⁶³ *Виноградов Н. Б., Чагин Г. Н., Шкерин В. А.* История Урала с древнейших времен до конца XVIII вв. : учеб. пособие для учащихся осн. шк. Екатеринбург, 2005. 158 с.

⁶⁴ *Обухов Л. А., Шкерин В. А., Шкробень Г. С.* История Урала XIX–XX вв. : учеб. пособие для осн. шк. Екатеринбург, 2005. 144 с.

⁶⁵ Краеведение. Челябинская область. 7 кл. : учеб. для осн. шк. / под ред. Г. С. Шкробня. Челябинск, 2011. 144 с. ; Краеведение. Челябинская область. 9 кл. : учеб. для осн. шк. / под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск, 2012. 155 с.

⁶⁶ *Новиков И. А.* Горный генерал Георг Вильгельм де Геннин // Преподавание истории в школе. 2009. № 10. С. 37–41 ; *Он же.* Петровская модернизация и становление крупной промышленности Урала // Преподавание истории в школе. 2008. № 3. С. 28–31.

⁶⁷ Кафедра истории Отечества. Вехи становления и развития: путь в 70 лет / гл. ред. Г. С. Шкробень. Челябинск, 2008. С. 207.

⁶⁸ *Сидоренко Н. С.* Консолидация умеренно-консервативных сил Урала в начале XX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 70–73 ; *Она же.* Политический экстремизм на Урале в начале XX в. // Исторический вестник. 2012. № 2 (149). С. 66–89 ; *Она же.* Уральские либералы в годы Первой мировой войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 53–56.

⁶⁹ *Самохина А. В., Худобородов А. Л.* Оборонство и пораженство в рядах казачьей эмиграции в период Второй мировой войны: исторический феномен или закономерность? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 1. С. 82–85 ; *Худобородов А. Л., Яшина М. А.* Российское казачество на чужбине 1920–1940-е гг. Челябинск, 2017. 360 с.

⁷⁰ *Новиков И. А.* Горнозаводская промышленность Южного Урала XVIII века: итоги развития, гипотезы и загадки, перспективы изучения // Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2016. С. 212–230 ; *Он же.* Поисковое движение — феномен молодежного движения современной России (на примере Челябинской области) // Историко-педагогические чтения. 2018. № 22. С. 133–142 ; *Он же.* Южно-уральцы на полях сражений Великой Отечественной и Советско-японской: воинские части, герои, подвиги, мемориализация памяти // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : сб. науч. ст. / редкол.: Н. А. Антипин, В. С. Балакин, И. В. Сибиряков. Челябинск, 2020. С. 23–41.

⁷¹ *Самохина А. В., Худобородов А. Л.* Губернаторы Челябинской области: типологические черты (проблемные и дискуссионные вопросы) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 4. С. 58–65 ; *Они же.* На крупных поворотах российской истории: становление политической элиты Челябинской области, 1990–2000. Челябинск, 2018. 156 с. ; *Они же.* Партийно-политическая элита Челябинской области на службе Отечеству (на примере жизни и деятельности Е. М. Тяжелыникова, М. Ф. Не-

нашева и В. П. Поляничко) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 3. С. 49–54 ; Самохина А. В. Петр Иванович Сумин — политический лидер Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 309–311.

⁷² Сидоренко Н. С. Архив и образовательное пространство вуза: из опыта сотрудничества ЮУрГГПУ и ОГАЧО // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 41–46.

⁷³ 1917 год. Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин, Е. П. Турова. Челябинск, 2017. 286 с.

⁷⁴ Император Александр II и Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. 536 с.

⁷⁵ Новиков И. А. Южный Урал в годы Первой мировой войны : сб. док. и материалов / сост.: И. А. Новиков, Г. Х. Самигулов ; науч. ред. И. А. Новиков. Челябинск, 2020. 482 с.

⁷⁶ Южный Урал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. : библиогр. указ. / сост. Л. В. Астафьева. Челябинск, 2012. 194 с.

⁷⁷ История. Челябинская область. 5–7 (8) классы : метод. пособие для учителей общеобразоват. орг. по проектированию учеб. предмета с учетом нац., регион. и этнокультур. особенностей территории / под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск, 2015. 128 с. ; История. Челябинская область. 8 (9) класс : метод. пособие для учителей общеобразоват. орг. по проектированию учеб. предмета с учетом нац., регион. и этнокультур. особенностей территории / под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск, 2016. 144 с.

⁷⁸ Великая российская революция и Южный Урал : хрестоматия-практикум для учителей истории общеобразоват. орг. Челяб. обл. / Е. Ю. Захарова, Н. А. Антипин, В. М. Кузнецов и др. Челябинск, 2017. 52 с.

⁷⁹ Методические рекомендации и дидактические материалы по изучению Второй мировой и Великой Отечественной войн в общеобразовательных организациях Челябинской области / под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск, 2020. 72 с.

⁸⁰ История. Челябинская область : сб. док. (практикум) / И. А. Новиков, В. М. Кузнецов. Челябинск, 2016. 108 с.

⁸¹ Ражев А. В., Кузнецов В. М., Новиков И. А. Южный Урал в XIX в. : хрестоматия-практикум для учителей общеобразоват. орг. Челяб. обл. Челябинск, 2017. 56 с.

⁸² Металлургия Южного Урала: история и современность : хрестоматия для учителей истории и географии общеобразоват. орг. / Г. А. Васильев, Д. И. Никитин, И. А. Новиков. Челябинск, 2018. 112 с.

⁸³ Международное сотрудничество России и Южный Урал: история и современность : хрестоматия для учителей истории и географии / под ред. В. М. Кузнецова. Челябинск, 2019. 120 с.

⁸⁴ Челябинская область. Атлас истории родного края / под ред.: Н. Н. Алеврас, В. М. Кузнецова. Челябинск, 2017. 24 с.

⁸⁵ Южный Урал: от колесниц до мирного атома / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2017. 155 с. ; Край, заслуживший свои победы / сост.: Н. А. Антипин, Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2019. 204 с. ; Южный Урал. От Аркаима до Магнитки / сост. Г. Х. Самигулов. Челябинск, 2020. 204 с.

⁸⁶ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Южный Урал. Великая Отечественная война: к 70-летию со Дня Победы / науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2014. 120 с. ; Они же. Через горнило войны к Победе: 1941–1945 гг. Челябинск, 2020. 328 с.

⁸⁷ Сидоренко Н. С., Мусатов С. В. Государственная дума Российской империи в прессе и общественном мнении Урала // Исторический вестник. 2021. Т. 36. С. 58–91 ; Новиков И. А. «Уральская молния» // Преподавание истории в школе. 2019. № 9. С. 32–38 ; Он же. Metallургическая промышленность Южного Урала в истории российской государственности XVIII–XXI вв. // Там же. 2012. № 9. С. 25–29 ; Он же. Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. в историко-культурной памяти народов Урала // Там же. 2014. № 2. С. 26–30 ; Фурен П. Е., Крайнова Ю. М., Шилин А. И. «Высокомерный дух смирился...» // Там же. 2012. № 9. С. 38–43 ; Шамакова Н. П. Создание индустриальной базы на Южном Урале // Там же. № 10. С. 23–26.

⁸⁸ Салмина М. С. История Южного Урала. XX — начало XXI в. : учеб. пособие для 9-го кл. осн. общеобразоват. шк. Челябинск, 2004. 254 с. ; Она же. Сто советов юным

краеведам // Музейный вестник. Вып. 39 / сост. Н. А. Вахрушева. Челябинск, 2016. С. 93–105.

⁸⁹ *Сергеев С. А.* Опыт использования архивных документов в проектной деятельности обучающихся творческой студенческой лаборатории «Грани познания» // Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 86–88 ; *Он же.* «Где этот памятник, где тот завод?» : к вопросу о популяризации локальной истории среди учащейся молодежи // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XV Всерос. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2021. С. 45–53.

⁹⁰ *Коршунова Н. В., Мищенко А. Н.* Забастовки начала 1990-х гг. как аномалия повседневности постсоветского школьного учителя (на примере Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19, № 1. С. 22–26 ; *Коршунова Н. В., Морозков С. В.* Сравнительный анализ управления промышленными предприятиями Южного Урала во второй половине 30-х гг. XX в. // Там же. № 3. С. 43–47 ; *Они же.* Чрезвычайные происшествия на промышленных предприятиях Южного Урала в 1937 г.: диверсии или халатность? // Общество: философия, история, культура. 2018. № 5 (49). С. 34–39 ; *Нагимова А. О.* Обсуждение проекта сталинской конституции 1936 г. на примере Чебаркульского района Челябинской области // Преподавание истории в школе. 2019. № 2. С. 73–76 ; *Ситди-ков В. В.* История почитания святого благоверного Александра Невского на Южном Урале: на примере культовых сооружений // XX Уральские Бирюковские чтения: краеведческие поиски и находки : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. В. Садырина, Г. С. Шкробня. Челябинск, 2013. С. 66–73 ; *Сидоренко Н. С., Шувалов Н. В.* К истории движения Всесоюзного студенческого строительного отряда: студенческий строительный отряд Челябинской области в годы Перестройки // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 6 (97). С. 89–93.

⁹¹ *Алферова К. В.* «Краткий очерк истории Челябинской области» — уникальный обобщающий труд по истории Южного Урала // Архив в социуме — социум в архиве : материалы второй регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 298–300 ; *Она же.* Вклад преподавателя Челябинского государственного педагогического института В. Е. Четина в изучение истории Златоустовского завода второй половины XIX — начала XX в. // Золотые россыпи былого : сб. материалов XII краевед. конф. им. Н. А. Косикова / сост. А. Н. Малахова. Челябинск, 2019. С. 148–151 ; *Она же.* Исследования профессора Н. П. Шмаковой по истории Танкограда // Modern Science. 2020. № 11-4. С. 49–51 ; *Она же.* История промышленности и рабочего класса Южного Урала XVIII–XX вв. в исследованиях преподавателей кафедры Истории СССР Челябинского государственного педагогического института (1950–1990-е гг.) // Проблемы культурного образования : сб. науч. и учеб.-метод. тр. (ежегодник). Вып. 15 / отв. ред. В. М. Кузнецов. Челябинск, 2018. С. 58–77 ; *Она же.* Революция 1917 г. в России в исследованиях преподавателей кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета // Скиф. 2020. № 8 (48). С. 199–202 ; *Она же.* Сборник «Из истории Южного Урала и Зауралья» — новое направление в научной жизни кафедры истории СССР ЧГПИ в 1966–1975 гг. // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XII регион. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2019. С. 51–57.

⁹² *Бодрова С. В.* Документы Центрального архива Министерства обороны о формировании воинских частей в Челябинской области в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 — 19 ноября 1942 г.) // Там же. С. 43–50.

⁹³ *Боровских В. А.* Депортация советских немцев в годы Великой Отечественной войны: их вклад в победу (на примере Челябинской области) // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XIII Всерос. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2020. С. 144–150 ; *Он же.* Печатные и электронные краеведческие ресурсы библиотек в системе патриотического воспитания молодежи // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 444–446.

⁹⁴ *Самохина А. В., Горбачева М. Н.* Города трудовой доблести и их юные герои // Инновационное развитие профессионального образования. 2020. № 3 (27). С. 154–159.

⁹⁵ *Иржигутова Ю. А.* «Мы просто память бережно храним»: деятельность по увековечиванию памяти погибших солдат в годы Великой Отечественной войны поисковиками Челябинской области // Проблемы культурного образования : сб. науч. и учеб.-метод. тр. (ежегодник). Вып. 16 / отв. ред. В. М. Кузнецов. Челябинск, 2019. С. 261–271.

⁹⁶ *Исаков М. А.* Спросим у современников, как было в действительности: специфика писем, мемуаров и дневников как исторических источников // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XV Всерос. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2021. С. 78–83 ; *Он же.* Роль А. Г. Тартаковского в развитии историографии мемуаристики // X Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2022. С. 285–287 ; *Он же.* Первые месяцы войны в письмах Георгия Михайловича Воронова // StudNet. 2022. Т. 5, № 2. С. 17.

⁹⁷ *Кадочникова М. В.* Документы Объединенного государственного архива Челябинской области о театральном искусстве Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 249–252 ; *Она же.* Златоустовский драматический театр имени Х-летия Октября во второй половине 1930-х гг. // XXII Бирюковские чтения : материалы Всерос. науч.-практич. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2019. С. 67–71 ; *Белова Л. И., Татаркина А. Р.* Воспитательная роль провинциальных театров периода «оттепели» (на примере г. Челябинска) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 70–76.

⁹⁸ *Кисмерешкина Ю. Е.* Использование памятных и мемориальных мест Великой Отечественной войны в гражданско-патриотическом воспитании современных школьников г. Златоуста Челябинской области // Музейный вестник. Вып. 38 / сост.: Н. А. Вахрушева, Г. С. Шкробень. Челябинск, 2015. С. 168–175 ; *Она же.* Эго-документы Архива Златоустовского городского округа о восстании Чехословацкого корпуса на Южном Урале // Архив в социуме — социум в архиве : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 183–187.

⁹⁹ *Корлыханова И. А.* Роль физической культуры в повышении обороноспособности страны (на примере г. Златоуста 20–40-х гг. XX века) // Золотые россыпи былого : материалы V краевед. конф. / сост. Т. В. Шадрина. Златоуст, 2012. С. 159–166 ; *Она же.* Одна на всех Победа // Проекты — 2015 : сб. материалов Междунар. конкурса проектов «Молодежная инициатива: инициатива, разработка, внедрение, сопровождение» / ред. Ю. Р. Вишневский, П. А. Амбарова, Е. В. Кеммет. Екатеринбург, 2013. С. 309–317.

¹⁰⁰ *Курчаева Е. А.* Формирование воинских частей в начальный период Великой Отечественной войны (на примере г. Златоуста) // Золотые россыпи былого : сб. материалов XIII краевед. конф. им. Н. А. Косикова / сост. А. Н. Малахова. Златоуст, 2021. С. 137–139 ; *Она же.* Формирование воинских соединений на начальном периоде Великой Отечественной войны в г. Златоусте. Мемориализация памяти об этом в современной историографии // X Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: игровой универсум традиций» : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / сост. Л. Н. Лазарева. Челябинск, 2022. С. 290–292.

¹⁰¹ *Лизунов Д. П.* Из истории формирования рок-движения на Южном Урале в 1960–1980-е гг. // Наш край: прошлое, настоящее, будущее : материалы XV Всерос. науч. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2021. С. 174–182.

¹⁰² *Мамонтов В. В.* Жизнь и быт работников системы среднего и высшего образования Челябинской области в 1950–1970-е гг. (по материалам фондов областного комитета работников просвещения) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 288–290.

¹⁰³ *Пешкова К. В.* Как мы ходили в кино: история кинотеатров города Озерска // Материалы 48-й науч. студенч. конф. / отв. ред. А. В. Штолер. Челябинск, 2016. С. 226–230 ; *Она же.* Центральная городская библиотека города Озерска: несекретные материалы // XXII Бирюковские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. И. А. Новиков. Челябинск, 2019. С. 218–223.

¹⁰⁴ *Сергеев С. А.* Церковная история в провинции: опыт построения краеведческой картины на примере Свято-Симеоновского храма г. Златоуста // Уральские Бирюковские чтения. Культура и образование в регионах: история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Латыгина. Челябинск, 2010. С. 483–487.

¹⁰⁵ *Ситдинов В. В.* Православные святыни имени Александра Невского в горнозаводской зоне Южного Урала // Золотые россыпи былого : сб. материалов VIII краевед. конф. / сост. А. Н. Малахова. Златоуст, 2015. С. 472–477.

¹⁰⁶ *Горчакова А. В.* Проектная деятельность учащихся в рамках работы школьного музея (на примере Музея боевой славы 63-й гвардейской добровольческой танковой бригады) // Архив в социуме — социум в архиве : материалы третьей регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2020. С. 459–462.

¹⁰⁷ *Корлыханова И. А.* Реконструкция событий Карельского фронта как форма исторической памяти // Форум «Школьный музей как институт формирования исторической памяти» : сб. докл. Челябинск, 2017. С. 78–82 ; *Лычагов С. Н.* Карельский фронт в памяти южноуральцев... : книга-альбом. Челябинск, 2020. 135 с.

В. Д. Павленко, Г. К. Павленко

ОТ СТАЛИНГРАДА ДО БАЛТИКИ: БОЕВОЙ ПУТЬ 59-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

Время нас все дальше уносит от самой страшной войны XX в. — Великой Отечественной. Благодаря победе советского народа над нацистской Германией в мае 1945 г. Россия почти 80 лет не испытывает ужасов тех лет. Много написано за эти годы о Великой Отечественной войне, многое еще осталось за пределами публикаций. Такой страницей в истории Челябинской области того времени является боевой путь и подвиг 99-й танковой бригады. При подготовке статьи нами впервые широко использовались материалы сайта «Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне».

Победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Он дался невероятно тяжело. Эвакуированная промышленность и заводы тыла еще не завершили до конца перевод производства на военные рельсы. Заказы по ленд-лизу не спешили прибывать в страну. Победа под Москвой с большими потерями Красной армии должна была быть закреплена с севера и с юга. Ведь Ленинград находился в кольце блокады, а немецкие войска взяли курс на выход к Волге с целью окружения Москвы с юга, захвата Сталинграда и в дальнейшем овладения кавказской нефтью.

В тылу началось формирование новых танковых частей и соединений. В марте 1942 г. по распоряжению Ставки Верховного Главнокомандования Челябинский автотанковый центр Уральского военного округа начал формировать 99-ю отдельную танковую бригаду. Штаб, расположенный в школе небольшого шахтерского городка Копейска, возглавил майор М. И. Городецкий, имевший опыт штабной работы во время боев на Украине под Одессой и Ростовом¹. Он отличался спокойным, сдержанным и суровым характером. Все офицеры — работники штаба — имели боевой опыт, а вот у новобранцев он отсутствовал. Предстояла серьезная работа по обучению мобилизованных. Командиром бригады был назначен подполковник Г. Я. Кузнецов, прошедший с боями тяжелый путь отступления советских войск от западных границ до Ростова, командовавший танковым полком. Теория и практика легли в основу подготовки бригады. Во время мобилизации она была укреплена партийными (128 человек) и комсомольскими (264) кадрами².

Жарким уральским днем 26 июня со станции Копейск отправился под Москву эшелон с 99-й танковой бригадой для укомплектования ее материальной частью. Через четыре дня, прибыв на станцию Костерево, расположились в живописном районе на берегу р. Клязьмы и в течение 17 дней продолжали овладевать техникой. Помимо этого с составом бригады шла серьезная военно-политическая работа, основу идеологии которой составляли верность присяге, преданность социалистической Родине.

На подступах к Сталинграду

Рано утром 18 июля 1942 г. первый эшелон отправился на фронт. С интервалом в два часа один за другим ушли еще два состава. Девяносто девятая танковая бригада выступила на фронт. Враг рвался к Волге. В составе 4-й танковой армии и 6-й армии немцы в стыке войск Юго-Западного и Южного фронтов прорвали оборону советских

войск и вышли в излучину Дона. 24 июля юго-восточнее Клецкой крупные немецкие соединения перешли в наступление против войск 62-й армии. 31 июля 99-я танковая бригада в составе 23-го танкового корпуса должна была прорвать сильную оборону врага. С берега р. Быстрый Ерик начался ее боевой путь. Бой шел весь день, но продвинулись только на 4,5 км, при этом получив первые потери. Погиб командир 2-го танкового батальона майор Е. Я. Пегаскин, устремившийся вперед и личным примером увлекший батальон. Тяжелый снаряд противника попал в танк командира батальона. Место командира занял старший политрук Ф. А. Иванов-Шацкий. И его танк также оказался подбит. В течение следующих четырех дней бригада вела ожесточенные бои по обороне хутора Еруслановского, заставив противника отступить.

А в это время немецкие части продолжали сжимать кольцо вокруг 62-й армии и в ночь с 7 на 8 августа вышли к переправе через Дон в районе Калачей. В этом районе немецкие танки восемь раз пытались смять мотострелковый батальон и батарею бригады. Противник, прорвав оборону 196-й стрелковой дивизии, окружил подразделения 99-й танковой бригады. Командир бригады подполковник Г. Я. Кузнецов, оставшись в окружении на наблюдательном пункте (НП), продолжал руководить боем до конца суток. Утром 8 августа его НП был окружен немецкими автоматчиками. В неравном бою погибли Г. Я. Кузнецов, его заместитель майор И. Т. Гриднев, комиссар мотострелкового батальона Коваленко, инструктор политотдела Е. И. Дергачев и многие другие³.

Юго-восточнее Клецкой на дальних подступах к Сталинграду группа И. Г. Васькевича вела не менее ожесточенный бой в течение всего дня. Прорываясь из окружения с 32 бойцами и офицерами, 17 августа она прибыла к новому командиру танковой бригады подполковнику П. С. Житневу.

Бои за Сталинград

23 августа враг крупными силами танков и пехоты при поддержке авиации прорвался к Волге севернее Сталинграда. Командованию Сталинградского фронта поступил приказ охранять тракторный завод. На помощь заводу прибыло несколько разных соединений. Именно туда была брошена 99-я танковая бригада, собранная из двух учебных танковых батальонов, рабочих завода, полка НКВД и батальона моряков. Помимо этого к танковой бригаде присоединилась 124-я стрелковая бригада. Сколачиванием оперативной группы руководил начальник автобронетанкового управления Красной армии генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко⁴. Зарубежный исследователь П. Карелл писал о наличии у бригады несокрушимых «тридцатьчетверок», вышедших прямо с завода. Но это было не так. Эти танки стали выпускаться на Урале. Как отмечали после войны специалисты, рассмотревшие фотоархивы, это были танки Т-34 с шестигранной башней-«гайкой» выпуска завода № 183 (Нижний Тагил)⁵.

В течение двух первых дней боев особенно отличились мотострелки майора И. Г. Васькевича и павший смертью храбрых офицер связи командования старший лейтенант коммунист К. Н. Герасимов. Но атака бригады успеха не имела. Бригада сразу потеряла 18 танков, в следующих боях — еще пять танков. 4 сентября 99-я танковая бригада с 16 танками Т-34 и четырьмя Т-70 удерживала противника в районе южнее Гумрака, не давая выйти на улицы Сталинграда. В этих боях погиб командир бригады, были потеряны все танки. Танкисты сами ремонтировали боевые машины, небольшое их количество получали со сталинградских заводов.

3 сентября бригада в составе 35 боевых машин, значительная часть которых побывала в срочном ремонте (их часто называли «латаными-перелатаными»), была перебросена под Гумрак, где и сражалась до последнего своего танка, поддерживая подразделения 87-й и 112-й стрелковых дивизий⁶. Задача была выполнена ценой огромных потерь с обеих сторон. В этих боях покрыли себя неувядаемой славой разведчики В. Г. Пикалов и П. М. Зинов, руководимые начальником разведки старшим лейтенантом П. Т. Квардиным. Последний был тяжело ранен и скончался. Через две недели боев, 7 сентября, в ответ на наступление врага командир бригады подполковник П. С. Житнев в непосредственной близости от сталинградских рабочих поселков фактически без материальной части отдал приказ не пропустить танки противника на охраняемый объект. Вступив в должность командира бригады, он руководил экипа-

жами девяти танков и погиб. Похоронен на Мамаевом кургане. Маршал Н. И. Крылов отмечал: «Эта танковая бригада сыграла очень большую роль в отражении первого августовского натиска врага на северные окраины Сталинграда, на Тракторный завод»⁷. В ночь с 10 на 11 сентября бригаду переправили на восточный берег Волги. В течение полутора месяцев 99-я танковая бригада держала оборону на восточном берегу Волги в районе Кривуша.

13–14 сентября 6-я армия Паулюса начала штурм Сталинграда. Управление корпуса и оставшийся личный состав 99-й танковой бригады и 12-го разведывательного батальона сосредоточились в районе Средней Ахтубы. Им придали остатки других соединений, поставив задачу — оборона островов и недопуск их захвата врагом. Практически фронт обороны растянулся на 100 км. В конце октября последовал приказ об отправке корпуса на переформирование в Саратов. Предстоял 350-километровый марш-бросок.

После переформирования и пополнения 99-я танковая бригада в составе танкового корпуса получила приказ совершить 230-километровый переход в расположение 3-й гвардейской армии Д. Д. Лелюшенко. Длительный марш осуществлялся в тяжелых зимних условиях по заснеженным дорогам. Часть танков из-за отсутствия горюче-смазочных материалов остались на дорогах. В течение 3–7 января 1943 г. продолжалось сосредоточивание частей корпуса в районе Ильинки и Гусынки. 11 января при поддержке авиации танки противника с трех сторон атаковали части корпуса. Однако танкисты выдержали атаки и удержали рубежи. 12 января танкисты 99-й танковой бригады овладели пос. Дядин, выйдя к р. Северный Донец, 14 января овладели Красным Яром на берегу Донца и продолжали вести упорные бои на окраине Калитвенской и одновременно оборонять Дядин. 16–20 января шли бои в районе г. Каменска. Пригороды пять раз переходили из рук в руки. Командарм Д. Д. Лелюшенко в мемуарах отмечал, что «храбро сражались танкисты 99-й танковой бригады подполковника М. И. Городецкого»⁸. Противник упорно оборонялся, и дальнейшая атака с занятых плацдармов теряла смысл. 26 января части корпуса были выведены в район Верхнего Клинового и Астахова. 30 января танки корпуса вслед за стрелковыми дивизиями 3-й гвардейской армии переправились по льду Донца в его северную часть по специально усиленным саперами переправам.

2 февраля 1943 г. завершилась Сталинградская битва. А 6 февраля 99-я танковая бригада с корпусом выдвинулась к Ворошиловграду и Каменску, являвшимся основными опорными пунктами для противника, преграждавшими наступление советских войск вглубь Донбасса и позволявшими появление в районе Ворошиловграда новых эсэсовских дивизий. Впереди предстояли новые сражения! С 11 по 24 февраля шли тяжелые бои на уничтожение отборной 334-й пехотной немецкой дивизии. Были дни, когда противник врвался в боевые порядки наших войск, но каждый раз откатывался, неся большие потери. лейтенант Федотов уничтожил семь танков и две автомашины с солдатами противника. рядовой Рочев с экипажем танка Т-70, охранявший наблюдательный пункт, взял в плен роту автоматчиков, пытавшихся атаковать с тыла штаб бригады и уничтожить его. Оба героя были награждены орденами Красного Знамени. В этих боях при отражении контратаки противника в первом эшелоне шли танки 99-й танковой бригады под командованием подполковника М. И. Городецкого. 28 февраля 99-я танковая бригада совершила марш в Ворошиловград (ныне Луганск). При его освобождении пали смертью храбрых многие бойцы и командиры бригады и среди них подполковник М. И. Городецкий. Тяжело ранен был его заместитель по политчасти майор П. П. Баранов⁹.

13 марта 1943 г. бригада вышла в резерв Юго-Западного фронта в район Шейковка Харьковской области на доукомплектование, а через месяц прибыла в район Уразово Курской области, где в течение двух месяцев пополнялась личным составом и боевой техникой, осваивая тактические занятия и учебные стрельбы. Майор Г. И. Максимов, командир моторизованного автоматного батальона танковой бригады, вспоминал: «Батальон был сформирован из числа побывавших в плену и окружении, и с этими людьми нам пришлось проработать три месяца. Мы делали марши по 100–150 км. Изучая пополнение, за антисоветские настроения отсеяли пять человек, и выявили двух диверсантов. Таким образом, мы имели возможность хорошо подготовить новый состав»¹⁰.

На белгородском направлении, где пришлось действовать 99-й танковой бригаде, противник сосредоточил семь танковых и три пехотных ударных дивизии, подерживая их массированным ударом с воздуха. Это были отборные немецкие дивизии, воспитанные в духе расовой теории Гитлера и укомплектованные последними новинками военной техники: танками «Тигр», самоходными пушками «Фердинанд». Цель противника была за два дня, 5 и 6 июля, овладеть Курском. Девяносто девятая танковая бригада вступила в бой 8 июля 1943 г. прямо с марша в районе совхоза «Комсомолец». Как и в Сталинграде, воины танковой бригады стояли насмерть. Вели оборонительные бои около с. Васильевка. Разведчики сержанты Демушкин, Ф. И. Жоров и рядовой М. Н. Рочев из расположения противника привели десять «языков» и получили ценные сведения о силах и намерениях врага. Разведчики Стюшенко, Голубченко, Кузнецов, М. А. Пеутин, В. А. Овсянников и С. М. Ноздрин ночью пробрались через передний край немцев и углубились в их сторону, где обнаружили 20 танков, сосредоточенных в лощине. Огнем из засад танкисты бригады нанесли противнику большие потери. За день боев отбили пять атак «тигров» и «пантер». Старший лейтенант В. А. Потапов, командир танкового батальона, лично из своего танка подбил два «тигра», расстреляв три боекомплекта, то есть около 400 снарядов. А его рота подбила десять «тигров» и бронетранспортеров.

Утром 11 июля после прихода подкрепления противник возобновил наступление в направлении Васильевки и совхоза «Комсомолец». Атаке предшествовали сильный налет авиации и артиллерийская подготовка в течение полутора часов. После этого пошла пехота, а за ней танки с самоходной артиллерией по флангам. Завязался бой, который длился 16 часов. Немцам удалось к вечеру расцечь оборонительные порядки 99-й танковой бригады и окружить ее. Опасность для Васильевки становилась все реальнее. Командир бригады подполковник Л. И. Малов принял решение контратаковать противника резервом танков с десантом, но, будучи раненым, был отправлен в медсанбат. Его место занял начальник штаба майор А. Н. Осипов. Вместе с заместителем по оперативной работе майором Е. Ф. Бобровым и офицером связи старшим лейтенантом В. Ф. Хлопуновским они первыми с группой танков ворвались в Васильевку, расстреливая с ходу танки и пехоту противника. Контратака резерва была настолько неожиданной, стремительной и дерзкой, что немцы, не оказав серьезного сопротивления, отступили. Замечательную командирскую стойкость и мужество проявил командир роты средних танков (Т-70) старший лейтенант Е. В. Терентьев. Он лично из своего танка подбил четыре средних танка противника, и когда был тяжело ранен, истекая кровью, подбил пятый тяжелый танк¹¹. 12 июля, пользуясь темнотой, бригада смогла вырваться из котла и заняла новый рубеж у с. Правороть. Командир бригады Л. И. Малов погиб¹².

Не жалея техники и живой силы, противник продолжал сосредоточивать танки и пехоту с целью наступательных операций на Курск. С 12 по 16 июля части 99-й танковой бригады вели жестокие оборонительные бои в районе Правороти. Они должны были не допустить прорыва противника на Прохоровку. 17 июля танковая бригада получила приказ овладеть г. Лучки. После упорных, но непродолжительных боев она вместе с другими частями 2-го танкового корпуса заняла Лучки. За день бригада продвинулась вперед на 20 км. С каждым километром продвижение вперед для частей бригады становилось все труднее: противник минировал дороги, балки, высоты, деревья, дома.

В жестоких оборонительных боях на Прохоровском плацдарме бойцы 2-го танкового корпуса, куда входила и 99-я танковая бригада, смогли выстоять и не позволили отборным танковым дивизиям немцев «Рейх» и «Мертвая голова» с ходу захватить Прохоровку. Они остановили и сковали значительные силы противника, обеспечив возможность проведения фронтового контрудара, который окончательно сорвал немецкие наступательные планы на южном фланге Курской дуги. Мужество и стойкость бойцов бригады были по достоинству оценены командованием Воронежского фронта. Интересный факт: одним приказом по 99-й танковой бригаде от 27 июля 1943 г. были награждены 92 человека, из них 32 — орденом Красной Звезды, 43 — медалью «За отвагу», и 17 — «За боевые заслуги»¹³.

После разгрома фашистов под Курском Красная армия стала развивать наступление на территорию Левобережной Украины. Необходимо было с ходу форсировать

Днепр и захватить плацдарм на правом берегу. 19 сентября 1943 г. после окончания боев на Курской дуге 2-му танковому корпусу было присвоено звание гвардейского с преобразованием его в 8-й гвардейский танковый корпус, а 99-й танковой бригаде за доблесть и мужество личного состава приказом народного комиссара обороны присвоено почетное звание «гвардейская» с преобразованием в 59-ю гвардейскую танковую бригаду.

26 сентября 1943 г. в районе с. Зарубинцы Черкасской области в числе первых форсировала Днепр и высадилась на плацдарм танковая рота 59-й гвардейской танковой бригады под командованием гвардии лейтенанта Н. К. Козловского. Противник подтянул к месту переправы свежие силы, пытаясь сбросить смельчаков на исходный рубеж. На правом берегу Днепра танкисты с ходу вступили в бой, который не прекращался несколько дней. Рота отразила шесть контратак превосходящих сил противника. Было подбито пять танков, подавлены огнем две минометных батареи, уничтожено пять пулеметных точек, разбиты две автомашины с пехотой, уничтожено свыше 200 гитлеровцев. Фашистская авиация непрерывно бомбила район переправы, но гвардейцы, зацепившиеся за клочок земли на правом берегу Днепра, отражали все атаки врага. В самые напряженные моменты боя уверенно управлял подразделением 25-летний гвардии лейтенант Н. К. Козловский. 14 октября при отражении очередной контратаки противника в районе с. Великий Букрин Киевской области Н. К. Козловский пал смертью храбрых, до конца выполнив свой воинский долг¹⁴. 25 сентября 1943 г. за пять часов под непрерывным артиллерийским огнем и бомбежкой вражеской авиации командир 290-го танкового батальона бригады В. А. Потапов осуществил переправу своего батальона на правый берег Днепра у с. Зарубинцы, не потеряв ни одной машины. С ходу при поддержке мотопехоты танкисты овладели важным пунктом немецкой обороны. К середине дня 29 сентября усилиями батальона Потапова плацдарм, получивший название Букринский, был расширен до 15 кв. км. В течение двух дней силами двух пехотных полков при поддержке танков, самоходных артиллерийских установок и авиации противник пытался отбросить советские войска обратно за Днепр. Только 29 сентября танковый батальон Потапова отразил девять немецких атак. В ходе ожесточенных двухдневных боев батальон уничтожил две вражеских САУ, 12 полевых орудий, более 25 пулеметов, шесть минометных батарей и более 600 солдат и офицеров. В числе первых 26 сентября 1943 г. в составе штурмовой группы переправился на правый берег Днепра гвардии старшина командир орудия танковой роты И. С. Федченко. В бою за с. Великий Букрин с 28 по 29 сентября он уничтожил три противотанковых пушки с экипажами, два миномета противника, что позволило роте успешно действовать при освобождении села¹⁵. В октябре 1943 г. части Красной армии вели тяжелые бои за расширение Букринского плацдарма.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 г. за выполнение боевых заданий командования, мужество и героизм гвардейцам лейтенанту Н. К. Козловскому (посмертно), старшему лейтенанту В. А. Потапову и старшине И. С. Федченко присвоены звания Героев Советского Союза.

21 июля 1944 г. части 8-й гвардейской армии вышли к р. Западный Буг и с ходу форсировали ее. 22–23 июля 59-я гвардейская танковая бригада шла по проселочным дорогам, местами по глубокой грязи. Машины с горюче-смазочными материалами отстали. В 6 км севернее Люблина на железнодорожной станции Цецежин захватили на путях два эшелона с горючим, заправили танки, автомашины и продолжили путь на Люблин — крупный узел, в котором сходились четыре железных и семь шоссежных дорог. Через него проходила важнейшая стратегическая магистраль Холм — Варшава. В городе были заводы сельскохозяйственного машиностроения и авиационный.

Танки 2-го танкового батальона бригады на больших скоростях пошли в атаку. Все улицы города, ведущие к Варшавскому шоссе, были забиты техникой отступающего противника. Немцы из пушек и пулеметов били вдоль улиц. Из проломов в стенах угловых зданий, с перекрестков улиц велся частый огонь из пушек. Из подвалов, окон домов, с чердаков летели на танки гранаты, бутылки с зажигательной смесью, хлестал ливень автоматных очередей. На узких улицах негде было развернуться. Утром 31 июля танковая бригада вошла в Минск-Мазовецкий и, не задерживаясь в нем, повернула по Варшавскому шоссе на Прагу. За отличные боевые действия на

подступах к г. Минск-Мазовецкий, обеспечившие овладение этим важным опорным пунктом немцев на магистральном шоссе Брест — Варшава, бригаде вручили орден Красного Знамени, а приказом Верховного Главнокомандующего личному составу танковой бригады была объявлена благодарность¹⁶.

В течение следующих семи дней бригада вела тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами танков и пехоты противника в районе Окунева. Брестская группировка пыталась пробиться на соединение с варшавской, в составе которой находились 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» и 19-я танковая с двумя пехотными дивизиями¹⁷. При отражении атак противника личный состав бригады проявлял исключительную стойкость и мужество. Рота гвардии лейтенанта И. А. Зяброва в составе шести танков не только отразила атаку из 12 танков и артсамоходов противника, но и не выпустила назад ни одного. Все 12 немецких машин в неравном бою были уничтожены. За этот подвиг гвардии лейтенант И. А. Зябров награжден орденом Красного Знамени, а командир орудия гвардии старший сержант Сергеев удостоен ордена Славы I степени.

В другом бою батальон Героя Советского Союза гвардии капитана В. А. Потапова в составе девяти Т-34 вступил в неравный бой с 18 тяжелыми танками противника. На стороне наших танкистов было преимущество внезапности. Несмотря на то что танки противника находились на расстоянии от 400 до 800 м, танкисты поражали цель. С наступлением темноты специально выделенные бойцы «подсвечивали» белыми ракетами выходящих на них «пантер». Первая «пантера» была подбита из танка командира батальона. В этом бою танк командира взвода гвардии лейтенанта Соболева уничтожил три «пантеры», танки гвардии лейтенантов И. И. Хлынова и Постолова — по две «пантеры», по одному подбили танки гвардии младшего лейтенанта Вшивкова и гвардии лейтенанта Горбачева. В качестве трофея взяты были три исправных тяжелых танка, из которых два доставили на командный пункт корпуса¹⁸.

По ожесточению боев, по огромному количеству втянутой в сражение техники и войск битва за пригород Варшавы встала в один ряд с самыми выдающимися сражениями Великой Отечественной войны. Борьба шла за каждый дом, который был превращен в огневую точку. Особенно упорно гитлеровцы дрались в крупных зданиях, заводских и фабричных корпусах¹⁹. За отличные боевые действия по овладению предместьем Варшавы — крепостью Прага — личному составу 59-й гвардейской танковой бригады приказом Верховного Главнокомандующего объявлена благодарность²⁰. В боях за овладение крепостью Прага 10–20 сентября 1944 г. бригада нанесла ощутимый урон противнику: уничтожила и захватила 16 танков, 38 орудий, четыре бронетранспортера, четыре тягача, 61 станковый пулемет, 12 минометных батарей и 18 автомашин с грузами, свыше 660 солдат и офицеров противника. 31 октября 1944 г. за овладение крепостью Прага бригада награждена орденом Суворова II степени.

Как раненый зверь, противник оказывал яростное сопротивление на подступах к г. Прейсиш-Старгард, являвшемуся ключом к наступлению на Данциг. Ведя тяжелые наступательные бои в крайне неблагоприятных условиях, танковая бригада 6 марта 1945 г. достигла Гросс-Яблау, заняла его и завязала бой за Прейсиш-Старгард. К этому времени бригада получила на пополнение и ввела в бой 20 новых танков «М4-А2» (Шерман) с более мощной 76-мм пушкой. Командир танка гвардии лейтенант Пирогов на большой скорости прорвался к мосту через речку в центре города и удерживал его до подхода батальона. Его танк подбил «пантеру», разбил две пушки и уничтожил более 20 солдат противника. Будучи ранен, Пирогов не покинул поле боя. К исходу дня бригада совместно с 58-й гвардейской танковой бригадой полностью очистила город. За отличные боевые действия по овладению крупным узлом шоссе дорог и важным опорным пунктом обороны немцев на подступах к Данцигу — г. Прейсиш-Старгардом — личному составу бригады была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего²¹. В ходе боевых действий было уничтожено 11 танков и самоходных орудий, 64 орудия всех калибров, 32 миномета, 68 пулеметов, 76 автомашин с грузами, 100 повозок с военным имуществом и 2000 солдат и офицеров противника. 26 апреля 1945 г. 59-я гвардейская танковая бригада была удостоена второго ордена Красного Знамени.

Металл не выдерживал, а люди выдерживали. За время зимних боев 1945 г. более чем трижды пополняли ремонтники материальную часть бригады. Под непре-

рывный грохот боя днем и ночью кипела работа на сборном пункте аварийных машин (СПАМ), где возвращали к жизни подбитые противником и эвакуированные с поля боя танки. В полевых условиях, без всяких специальных приспособлений производился заводской ремонт, заменялись агрегаты. В дни, когда бригада несла чувствительные потери, со СПАМа в сутки выходило на командный пункт бригады до десяти отремонтированных танков. Без сна и отдыха работали бойцы и сержанты взвода ремонта боевых машин гвардии старшего техника-лейтенанта А. И. Волкова и взвода специальных работ гвардии лейтенанта Н. А. Уксусникова. Образцы самоотверженности и мастерства показывали бригады ремонтников гвардии старшины И. С. Остапенко, К. В. Курапова, Г. С. Борлученко и А. Я. Потапенко, механика-регулирующая М. Д. Печенкина, слесаря-монтажника Б. Е. Витковского, слесарей Н. А. Сакова, Н. И. Егорова, А. К. Герасимова, слесаря-электрика Н. В. Наливко.

Ремонт боевой техники и вооружения во фронтовом тылу имел не только серьезное оперативно-стратегическое, но и военно-экономическое значение. Зачастую число отремонтированных в ходе операций танков в два-три раза превышало число боевых машин, имевшихся к началу операции. Иными словами, в течение одной операции танк нередко выходил из строя два-три раза и столько же раз в этот период возвращался в строй. Это не только повышало боеспособность танковых и механизированных соединений, увеличивало силу и глубину их ударов, но также резко уменьшало доставку боевых машин из глубины страны и облегчало работу предприятий военной промышленности.

Впереди предстояло взять Данциг. Это первоклассная база военных кораблей и подводных лодок. В Данцигской бухте стояли шесть крейсеров, 13 миноносцев и десятки мелких кораблей²². Его доки, арсенал и огромные военные склады боеприпасов и горючего играли важнейшую роль в оснащении и снабжении военно-морского флота Германии. Данциг — крупнейший центр германского военного и торгового судостроения. Шесть крупнейших судостроительных верфей и заводов, оборудованных по последнему слову техники, непрерывно ковали крейсера, подводные лодки, грузовые и вспомогательные суда. Данциг — крупный узел железных дорог.

24 марта 1945 г. командующий войсками 2-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский обратился к гарнизонам Данцига и Гдыни: «Железное кольцо моих войск все теснее сжимается вокруг вас. Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет лишь к вашей гибели и гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков. Все офицеры и солдаты, которые не сложат оружие, будут уничтожены в предстоящем штурме. Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы»²³. Гитлеровское командование не ответило на предложение К. К. Рокоссовского о добровольной сдаче. Был дан приказ начать штурм.

26 марта 1945 г. после короткого артиллерийского налета на Эмаус танки и мотопехота начали решительный штурм города. Второй танковый батальон Героя Советского Союза гвардии майора В. А. Потапова первым ворвался в город, завязались уличные бои. 27 и 28 марта танки бригады продолжали двигаться по улицам города, очищая его от противника. Ожесточенные бои не прекращались ни днем, ни ночью. Каждый дом брался штурмом. Пятьдесят девятая гвардейская танковая бригада вела бой в центре города. Из здания ратуши и обсерватории били противотанковые пушки и фаустники. 30 марта сопротивление врага в городе окончательно сломали. 31 марта бригада повела бои по очищению от противника восточного пригорода Данцига — Зандверга. На девятый день, 8 апреля 1945 г., 59-я гвардейская танковая бригада вышла из боя и сосредоточилась в районе Леблау — Рамбау. За успехи, достигнутые в боях за Данциг, гвардейское знамя бригады украсилось четвертым орденом — Кутузова II степени.

Родина достойно оценила подвиг и воинское мастерство личного состава бригады. Шестеро лучших воинов — Н. К. Козловский, Г. И. Максимов, В. А. Потапов, С. Н. Суворов, В. Ф. Тюрин и И. С. Федченко — за отвагу и героизм при форсировании Днепра удостоены звания Героев Советского Союза; 3544 бойца, сержанта и офицера бригады получили правительственные награды: семеро — орден Ленина, 108 — Красного Знамени, 1399 — Красной Звезды, двое — Суворова, восемь — Александра Невского, 215 — Отечественной войны I степени, 359 — Отечественной войны II степени, 347 — Славы трех степеней, 1092 — медали «За отвагу» и «За боевые заслуги»²⁴.

Закончился боевой путь 59-й гвардейской танковой бригады. Сформированная в Копейске как 99-я, боевой путь она начала со Сталинградской операции, продолжала на южном крыле Курской битвы, затем принимала участие в битве за плацдарм на Днестре и завершила свой путь на берегах Балтики. Воины 59-й гвардейской танковой бригады в составе советских войск завоевали победу Родине и славу южноуральскому краю. Фашизм в середине прошлого века был повержен, чтобы мир мог жить спокойно.

Примечания

¹ Ковшов И. В. Система подготовки танковых специалистов на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2018. С. 41, 191.

² URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

³ В бой — с Урала! Челябинск, 1990. С. 31.

⁴ Крылов Н. И. Сталинградский рубеж. М., 1984. С. 57.

⁵ 2-й танковый корпус // Соединения РККА в годы ВОВ : сайт. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/2tkf1> (дата обращения: 20.07.2022).

⁶ Крылов Н. И. Указ. соч. С. 86–87.

⁷ Там же.

⁸ Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага. М., 1975. С. 178.

⁹ Там же. С. 187–188.

¹⁰ Вклад историков в сохранение исторической памяти о войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М. ; СПб., 2015. С. 333.

¹¹ Там же. С. 334, 337–338.

¹² 2-й танковый корпус на Курской дуге // Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. URL: <https://komiswov.ru/?g=Prohorovka> (дата обращения: 20.07.2022).

¹³ URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

¹⁴ Козловский Николай Кузьмич // Герои страны : сайт. URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4909 (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁵ URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

¹⁶ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 204–205.

¹⁷ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997. С. 345.

¹⁸ URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

¹⁹ Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 406–407.

²⁰ Приказы Верховного Главнокомандующего ... С. 236–237.

²¹ Там же. С. 391–392.

²² Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 403.

²³ Там же. С. 477.

²⁴ URL: <https://pamyat-naroda.ru/>

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Важным специализированным звеном народного здравоохранения является фармацевтическая служба, главная задача которой заключается в обеспечении населения лекарственной помощью. Актуальность проблематики, связанной с этим сегментом советской социальной истории предвоенного и военного периодов, ощутимо проявляется в реалиях современной России. В уральской историографии темы обнаруживаются как общеисторический, так и историко-медицинский дискурсы. Но при этом комплексные исследования на материалах Большого Урала (двух автономных республик и пяти областей) предвоенных и военных лет отсутствуют. В предлагаемом сообщении предпринимается попытка восполнить этот пробел.

В научных трудах, посвященных истории советского здравоохранения 1930-х гг., обосновано положение о трансформации созданной в предшествующем десятилетии инновационной системы Н. А. Семашко. Современные исследования содержат противоречивые оценки хода и результатов этой трансформации¹. Функционировавшая в рамках общей системы здравоохранения фармацевтическая сфера, как подчеркивается в статье Е. В. Шерстневой, также выступала «объектом серьезного реформирования» на протяжении 1930-х гг., и это были коренные преобразования: внедрение хозрасчета, изменение условий и правил торговли медикаментами, централизация управления отраслью, жесткая регламентация, совершенствование контроля качества аптечной продукции и т. д.² Изучение уральских материалов позволяет уточнить и, возможно, дополнить эти предположения.

На Урале, как и во всей стране, во второй половине 1930-х гг., в рамках выполнения плановых заданий третьей пятилетки продолжалась реализация масштабной программы развития здравоохранения, следовательно, и фармацевтической службы. Первостепенным направлением оставалось расширение аптечной сети. В Челябинской области за 1938–1940 гг. были открыты 12 аптек, шесть аптечных магазинов, шесть киосков, 92 аптечных пункта, три аналитических лаборатории. Новые аптеки, магазины и киоски открывались в городах, районных центрах, крупных совхозах. Повсеместно росло число сельских аптечных пунктов. Большинство городских учреждений располагалось в помещениях коммунального фонда, сельские — в обычных крестьянских избах. Как правило, эти приспособленные площади мало отвечали производственному профилю аптек, требованиям хранения лекарственного сырья, готовых медикаментов и иных товаров медицинского назначения. Поэтому важным признаком модернизации аптечной сети в конце 1930-х гг. надо считать выделение и освоение ассигнований на ремонт, переоборудование и новое строительство объектов. На аптечное строительство в Челябинской области в третьей пятилетке намечалась общая сумма капитальных затрат в 10 618 тыс. руб. И только на 1939 г. было отпущено 825 тыс. руб.³ В Башкирии к началу 1939 г. капитально отремонтировали почти все аптеки, на что затратили 1 млн руб. В 1939 и 1940 гг. здесь шло строительство 14 аптек в рабочих поселках и райцентрах, завершалось оборудование второй аптеки на Уфимском моторном заводе⁴. Приметой преобразований стало типовое возведение аптек. Так, в конце 1940 г. Аптекоуправление Удмуртской АССР закончило строительство аптечных зданий по типовому проекту в райцентре Завьялово и с. Светлом Вот-

кинского района⁵. Незавершенные стройки в других районах с началом войны были законсервированы или переданы на нужды военного ведомства.

К началу 1940-х гг. в автономных республиках и областях Урала действовала сложившаяся по общесоюзному стандарту фармацевтическая сеть, подчиненная местным отделениям Главного аптечного управления (ГАПУ) Наркомата здравоохранения (НКЗ) РСФСР. Она включала в себя разнокалиберные учреждения — от крупных стационарных городских аптек до мелкорозничных подразделений временного характера (аптечных лотков и передвижных аптек). Местная структура была довольно разветвленной. К примеру, в Челябинской области перед войной работали 160 аптек, 260 врачебных и фельдшерских аптечных пунктов, 19 аптекарских магазинов, 40 киосков, пять контрольно-аналитических лабораторий⁶. Но производственных и складских помещений в их распоряжении было недостаточно.

В течение 1930-х гг. принимались меры по обеспечению растущей фармацевтической службы квалифицированными кадрами: провизорами — специалистами с высшим образованием и фармацевтами (помощниками провизоров) — со средним специальным образованием. Была развернута сеть фармацевтических школ и техникумов. Крупным событием как для Урала, так для всей Сибири и Дальнего Востока было открытие в 1937 г. Пермского института (с марта 1940 г. — Молотовский) — одного из девяти фармацевтических вузов, работавших тогда в СССР. До войны он осуществил пять выпусков специалистов. Пятый выпуск состоялся в 1941 г. В начале года комиссия по распределению оформила направление 73 молодых провизоров на работу в качестве управляющих аптеками, заведующих контрольно-аналитическими и галеновыми лабораториями в Молотове, Свердловске, Красноярске, других городах восточных областей СССР⁷. Однако в июне сразу после вручения дипломов почти вся мужская часть (16 человек) этого выпуска была призвана в армию и ушла на фронт. Многие из отправившихся по распределению в гражданскую аптечную систему девушек тоже вскоре были призваны на армейскую службу⁸.

Несмотря на то что аптечная сеть активно пополнялась сотрудниками, квалифицированных работников не хватало. Накануне войны в аптечных учреждениях Свердловской области работали 53 провизора, 424 помощника провизора и 428 практикантов, занятых на фармацевтических должностях⁹. В Челябинской области 300 человек, работавших на должностях фармацевтов, не имели специального образования. Дефицит специалистов особенно был заметен в глубинных районах. На провизорах лежала большая ответственность за качество выполняемой аптекой работы. Фармацевтическая служба в СССР носила государственный характер и функционировала по принципу аптечной монополии, означавшей не только исключительное право на изготовление, фасовку и рецептурный отпуск лекарственных средств, но и обязательность соблюдения при этом требований «Государственной фармакопеи». В рассматриваемый период действующим было ее седьмое издание 1937 г. Принципиальной чертой данного издания была замена препаратов, имевших в своем составе импортное сырье, на препараты на основе отечественного сырья. Качество изготавливаемых в аптеках лекарств проверялось контрольно-аналитическими лабораториями.

Необходимо добавить, что во второй половине 1930-х гг. функции аптечных учреждений были расширены. Новые обязанности усиливали мобилизационность принятой ранее модели фармацевтической службы, и их появление дополнительно объясняет введение в практику типового аптечного строительства. Речь идет прежде всего о ночных дежурствах аптек. В 1939 г. в соответствии с приказом НКЗ СССР аптекам было предписано оказывать лекарственную и скорую доврачебную помощь в ночные дежурства. Это оказалось возможным лишь в крупных городах, поскольку предполагало не только работу квалифицированного врача-провизора, но и наличие условий для оказания первой помощи, а также места для временного пребывания больного. Например, в январе 1939 г. Башкирское отделение ГАПУ известило население, что для обслуживания медикаментозной помощью в ночное время введены дежурства в двух аптеках Уфы¹⁰.

Тридцатые годы в Советском Союзе были временем осуществления «концепции культуры», означавшей помимо всего прочего внедрение санитарно-гигиенических навыков в повседневный уклад жизни. Аптечные точки включились в эту кампа-

нию. Они были призваны вести санитарно-просветительную работу в разных формах, в том числе собственным примером. В служебном письме ГАПУ НКЗ РСФСР местным отделениям с объяснением основных позиций пятилетнего плана указывалось на «полное окончание работ по переоборудованию и реконструкции существующей сети аптек и магазинов и по превращению их в высококультурные предприятия по торговле медикаментами»¹¹. Газета Кизильского района Челябинской области, сообщая, например, об открытии летом 1940 г. в пос. Кацбахском аптеки, которую ежедневно посещали до 50 человек, в том числе колхозники из соседних сел и деревень, подчеркивала, что в аптеке чистота и порядок, комнатные цветы, лозунги и плакаты с призывами к соблюдению чистоты¹².

В контексте продвижения «культурности» следует рассматривать и ассортиментный ряд, включавший наряду с рецептурными лекарствами безрецептурные препараты готовых форм, а также так называемый медицинский ширпотреб (предметы санитарии и гигиены, средства для ухода за больными, перевязочные материалы, парфюмерию и косметику, минеральные воды). Между тем у этого направления работы аптечной сети имелась оборотная сторона: выполняя финансовые планы торгового предприятия, местные отделения ГАПУ зачастую игнорировали нужды больниц и поликлиник. Так, на совещании работников здравоохранения Удмуртии в феврале 1941 г. республиканское аптекоуправление подвергалось острой критике за то, что оно свой план сумело выполнить за счет сбыта в другие регионы «залежавшихся предметов санитарного обихода», в то время как не удовлетворялись заявки районных больниц на медикаменты: «Сарапульской больнице, например, пришлось обратиться за медикаментами в Свердловск, так как Ижевск заказов не выполнил»¹³.

К началу Великой Отечественной войны фармацевтическая служба на Урале пошла с неплохими сетевыми показателями. Однако начатые до войны реформы не были завершены, темпы их реализации в последний предвоенный год замедлились. Официальные документы органов здравоохранения показывают, что в 1940 г. уже имелись большие перебои в получении местными аптекоуправлениями медикаментов и инструментария из выделенных фондов¹⁴.

Заслуживает специального внимания ситуация перестройки советского здравоохранения, в том числе его фармацевтической службы, на военный лад. На региональной структуре не могло не сказаться общее сокращение материально-хозяйственной базы отрасли в масштабе страны. По свидетельству наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева, в связи с вражеской оккупацией западных районов страны была утрачена значительная часть мобилизационных медицинских запасов¹⁵. Оккупанты разрушили 4600 аптек, 100 из действовавших до войны 270 аптечных складов и баз¹⁶. Остававшиеся в распоряжении государства мобилизационные фонды медикаментов, перевязочных материалов, оборудования передавались на нужды военно-медицинской службы. Они отправлялись не только на фронт, но и в воинские части уральских гарнизонов, в формируемую сеть эвакогоспиталей. Были спешно учтены все запасы лекарств, перевязочных средств, медицинского ширпотреба и определен режим их экономного расходования. В первые дни войны НКЗ СССР своими распоряжениями запретил безрецептурный отпуск населению стрептоцида, кофеина и других препаратов, установил предельные нормы отпуска ряда медикаментов как по рецептам врачей, так и при ручной продаже готовых форм. Был усилен принцип распределения поступающих на аптечный склад медицинских товаров вместо свободной торговли, введены квоты разверстки дефицитных препаратов по аптекам и лечебным учреждениям. Главное внимание обращалось на обеспечение военно-госпитальной медицины, централизованные поставки лечебных средств гражданскому здравоохранению были предельно сокращены.

Особенно тяжелым положение было в 1941–1942 гг. В 1942 г. Челябинское аптекоуправление получило 50 кг антипирина из заявленных 600 кг, 32 кг пирамидона из 750, 578 кг стрептоцида из 3450, 1227 кг аспирина из 3500. В марте 1943 г. бюро обкома партии констатировало, что аптеки области ухудшили свою торговую и производственную деятельность: в отделах ручной продажи совершенно прекратился отпуск населению жаропонижающих, болеутоляющих, дезинфицирующих средств, зубных щеток, пипеток, зубного порошка, горчичников, компрессной бумаги; участились слу-

чай отказа в составлении лекарств по рецептам врачей из-за отсутствия необходимых компонентов¹⁷. По свидетельствам очевидцев, от многих болезней люди спасались травами, молоком, баней и иными немедикаментозными способами народной медицины.

Падение объемов выделяемых из государственного бюджета средств на здравоохранение в первые два года войны составило 25 % к уровню 1940 г.¹⁸ Финансирование и освоение ассигнований на здравоохранение сокращались вплоть до 1944 г. Об этом можно судить по данным Челябинской области:

Расходы на здравоохранение в Челябинской области, тыс. руб.¹⁹

Год	Принято в расходную часть бюджета	Фактически исполнено	Процент исполнения
1941	160 488,1	153 593,5	95,7
1942	164 900,0	127 482,7	77,3
1943	104 000,0	97 748,3	93,9
1944	112 841,0	104 206,1	92,3

Сеть аптек на Урале в годы войны не претерпела больших количественных изменений. Если в 1940 г. в Чкаловской области имелось 225 аптек, киосков и пунктов, то в 1943 г. — 200, а в 1945 г. — 215. Этот состав не был постоянным: одни объекты открывались (например на крупных заводах), другие закрывались из-за передачи их помещений иным арендаторам.

На протяжении военных лет по-разному складывалась ситуация с аптекарями в гражданской сети. С началом войны многие из них были призваны на военную службу. К примеру, в Свердловской области из аптечных учреждений были призваны в РККА 31 провизор и 179 помощников провизора, то есть половина состава на начало войны²⁰. Но в связи с прибытием на Урал эвакуированных специалистов вакантные должности провизоров и фармацевтов в крупных аптеках и пунктах были замещены, и до начала массовой реэвакуации дефицит кадров в целом не носил чрезвычайного характера. Кое-где качественный состав работников даже улучшился. Так, в аптечных стационарных пунктах сельской местности Удмуртии к началу 1941 г. работников с квалификацией врача не было совсем, фармацевтов со средним образованием числилось 43 человека, а к началу 1944 г. эти показатели составляли 3 и 74 соответственно²¹.

Тем не менее нехватка кадров отмечалась во всех уральских отделениях ГАПУ НКЗ РСФСР. Отчасти проблема решалась путем привлечения на началах совместительства сотрудников медицинских и научно-исследовательских институтов. Небольшое количество молодых специалистов поставляли работавшие на Урале фармацевтические школы и Молотовский институт. Он был одним из трех вузов, действовавших в тылу. В его состав частично вошли коллективы эвакуированных институтов: Московского, Харьковского и Днепропетровского фармацевтических, Ленинградского химико-фармацевтического. За период войны институт выпустил 319 специалистов с высшим фармацевтическим образованием²². Насытить фармацевтическую службу региона и страны «штучные выпуски» не могли. 9 декабря 1943 г. вышел совместный приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР и НКЗ СССР об улучшении высшего фармацевтического образования, в соответствии с которым намечалось в 1944 г. принять в профильные вузы 1200 человек²³. Результаты нового приема смогли сказаться после окончания войны. Но к концу войны общая численность специалистов, занятых в аптечной службе Урала, оставалась крайне малой. Например, в системе здравоохранения Чкаловской области насчитывалось всего 1606 фармацевтов, провизоров и лаборантов²⁴.

В условиях войны работники аптек столкнулись с немалыми трудностями. Не пополнялся аптечный инвентарь, приходила в негодность аппаратура. Не хватало весов и разновесов, из-за чего допускались ошибки в приготовлении лекарств. Отсутствие аптечной стеклянной посуды и бумажной тары заставляло развешивать порошки в газетную бумагу, фасовать настойки и экстракты в случайные склянки. Но главная проблема заключалась в нехватке лекарств. Она касалась всех видов аптек. Главный врач Челябинской городской больницы № 1 Е. И. Мороцкая оценивала работу больничной

аптеки так: «Отличительной и прекрасной чертой нашей аптеки является то, что заведующий аптекой постоянно бывает в отделениях и знает всех тяжелых больных, и если нужно достать те или иные медикаменты, то сотрудники аптеки избегают весь город, но достанут»²⁵.

Зарубежные поставки в СССР были малы, особенно в 1941–1942 гг. Весь объем импорта по группе товаров «Медикаменты и медицинское имущество» с 22 июня 1941 по 31 декабря 1945 г. составил 203,9 млн руб. (0,33 % всего импортного списка), в том числе за второе полугодие 1941 г. он равнялся лишь 3,5 млн руб. (0,31 % всего импорта)²⁶.

До войны производство основных химико-фармацевтических препаратов было сосредоточено в западных районах страны: в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Немногочисленные медико-фармацевтические предприятия Урала изготавливали преимущественно галеновые препараты (из растительного сырья). Оккупация противником западных территорий, эвакуация предприятий на восток вызвали резкое падение выпуска лекарств: в ноябре 1941 г. их производилось 8,4 % от довоенного уровня²⁷.

Часть эвакуированных предприятий Главмедфармпрома была размещена на Урале. Развертывание их мощностей на местной сырьевой и технической базе имело следствием формирование в регионе химико-фармацевтической отрасли как таковой. За годы войны в Свердловской области вступил в строй Ирбитский химфармзавод, был полностью реконструирован и в четыре раза увеличил выпуск лекарств Свердловский химфармзавод. В Молотовской области были пущены в эксплуатацию Уральский химический завод по производству брома и йода из буровых вод глубинных скважин Краснокамских нефтепромыслов, бромовый цех в Соликамске, Молотовская галеновая фабрика²⁸. Значительно обновил и расширил свое производство основанный в 1920 г. Челябинский химфармзавод № 6. В декабре 1941 г. в недостроенном корпусе терапевтического отделения областной больницы был организован химфармзавод № 40. В его состав вошли цеха эвакуированных Курского фармацевтического завода № 3, Московского завода им. Н. А. Семашко, Харьковского завода «Красная звезда». На данном предприятии велось ампульное и галеновое производство, таблетирование, изготовление пирамидона, хлорамина и других препаратов²⁹. В апреле 1943 г. балансовая комиссия Главмедфармпрома РСФСР признала хозяйственную деятельность Челябинского завода № 40 по основному производству и капитальному строительству удовлетворительной; отметила, что строительство в намеченном объеме закончено и объекты переданы в эксплуатацию химфармзаводу № 6³⁰.

Наряду с заводами, фабриками и лабораториями, входившими в системы Главмедфармпрома и Главаптекоуправления НКЗ, изготовлением лекарств и полуфабрикатов занимались предприятия других ведомств. Коксохимические заводы Урала стали единственным поставщиком сырья для получения сульфидина, сульфазола, препаратов группы фенола. Цеха, выпускавшие формалин, уротропин, камфару, открылись на Нижнетагильском торфохимическом заводе. На промышленных объектах разного профиля были организованы цеха по выработке витамина С из хвои. Пищевая промышленность Урала нарастила выпуск гематогена, оварина, альбумина, пепсина и других лечебных препаратов из эндокринного сырья. Вся эта продукция имела оборонное значение.

Кооперирование медико-фармацевтической отрасли с химической, металлургической, нефтяной, лесной, пищевой промышленностью, привлечение научно-исследовательского потенциала вузов и НИИ к разработке новых медикаментов позволили заметно увеличить объем и ассортимент производимых на Урале лекарств. К примеру, совокупный выпуск 40 наименований лекарств и более 250 видов дезинфицирующих средств предприятиями Башкирского аптекоуправления вырос за годы войны в шесть с лишним раз. На Западном Урале на основе химического сырья Березников, Соликамска и Губахи вырабатывалось более 300 видов лечебных препаратов. Но здесь химико-фармацевтическое производство, созданное в условиях войны, в первое послевоенное десятилетие было свернуто³¹.

Делом государственной важности в военные годы являлось изыскание, изучение и использование местной лекарственной флоры. Исследование возможностей применения дикорастущего сырья вошло в разряд актуальных научных задач вузов

и НИИ. Доценты Молотовского фармацевтического института Н. Д. Львов, А. Г. Карпенко, В. Н. Шухардин в 1942 г. издали книгу «Сбор и заготовка лекарственных растений». В. Н. Шухардин составил карту распространения дикорастущих лекарственных растений в области и календарь их сбора. На базе данного института работали межобластные курсы по повышению квалификации руководителей сборов сырья для аптекоуправлений Урала, Сибири и Дальнего Востока³². Аналогичные курсы были организованы и в Уфе. Выявлением лекарственных растений занимались профессор сельхозвузов: Д. С. Свиренко (Чкаловский сельскохозяйственный институт), В. П. Кушниренко (Полтавский сельскохозяйственный институт в Кургане), Л. А. Уткин (Троицкий ветеринарный институт) и др.

На основе рекомендаций ученых с первых месяцев войны на Урале был организован сбор лекарственных трав и плодов более 60 наименований: полыни, горлицы, стародубки, крапивы, шиповника, шалфея, ромашки, рябины и др. Потребкооперация и аптекоуправления автономных республик и областей Урала получали резко повышенные по сравнению с довоенным периодом плановые задания. Наибольшими они оказались в 1942 г. Например, Башкирии предстояло собрать дикорастущего сырья в 10 раз больше, чем в 1941 г., и тем обеспечить $\frac{1}{10}$ задания по РСФСР. Однако по ряду причин планы 1942 г. не были выполнены, и в последующие годы задания и по ассортименту, и по объему сбора корректировались. План для Свердловской области на 1942 г. составил 320 т, на 1943 г. — 178 т, на 1944 г. — 144 т.³³

Вопросы заготовки лекарственных растений регулярно рассматривались местными властями, для координации работы создавались специальные комиссии при облисполкомах. Основными исполнителями заданий по сбору определялись аптеки и лечебные учреждения. Медицинских и аптечных работников запрещалось отвлекать на какие-либо другие работы до окончания сезона сбора. В помощь им были привлечены пожилые колхозники, домохозяйки, студенты. Особая роль принадлежала школьным коллективам, учащимся младших классов. Летом 1943 г. в сборе лекарственных трав отличились ученики школы № 13 г. Сатки Челябинской области, сдавшие в аптеку 355 кг трав в сухом виде, школа заняла первое место среди школ РСФСР³⁴. Школьники Свердловской области в 1943 г. добились лучших показателей в стране, собрав 110 т лекарственного сырья. В 1944 г. в этой работе участвовали 15 тыс. учащихся, было открыто 34 детских туристических лагеря. Вместо установленной нормы (3 кг) многие дети собирали по 8–10 кг. За годы войны учащиеся Удмуртии заготовили в сухом виде 147,7 т лекарственных трав³⁵. В целом в 1943 г. по РСФСР объем сбора лекарственно-растительного сырья вырос почти в 10 раз по сравнению с довоенным периодом, а всего за 1941–1944 гг. подразделениями ГАПУ НКЗ РСФСР заготовлено 4562 т дикорастущих растений, при этом более половины объема обеспечили районы Урала и центральных областей России³⁶. Мобилизация местных ресурсов смягчала, но не снимала проблему лекарственной базы здравоохранения.

Помимо лекарственного сырья аптечные управления организовывали сбор медицинского ширпотреба: аптекарской посуды, мелких инструментов. Ценную инициативу проявило Челябинское АПУ, наладившее ремонт резиновых изделий (подкладных кругов, грелок, пузырей для льда и т. п.), которые из-за незначительной порчи лежали в больницах без употребления. Большое значение имели усилия по изысканию заменителей дефицитных материалов. Высокую оценку получила работа в Молотовской области доктора наук профессора В. К. Модестова, предложившего заменять гигроскопическую вату целлюлозной, применять турбинное масло и парафинистые отложения нефти в качестве основы для мази Вишневого. Он явился разработчиком индивидуальных антисептических пакетов с йодобромной водой и др.³⁷ Во многих местах решалась проблема заменителей ваты. По рекомендации ученых НКЗ Башкирии создал цех по регенерации использованной ваты. В апреле 1942 г. НКЗ СССР одобрил метод башкирских ученых и обязал все аптекоуправления страны организовать специальные цеха и сдавать туда собранную в эвакогоспиталях и в гражданской лечебной сети использованную вату для регенерации³⁸.

Изучение темы на уральском материале показывает, что в годы третьей пятилетки фармацевтическая служба советского здравоохранения получила дальнейшее развитие: количественно росла ее сеть, началась ее модернизация, аптечные учреждения

пополнялись квалифицированными работниками. Созданная в межвоенный период система обеспечения населения лекарственной помощью оказалась способной выдержать суровые военные испытания.

Примечания

¹ См., например: *Сиротина С. Г.* Государственная политика развития советского здравоохранения в 1920–1930-е гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 24 с. ; *Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е.* «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666 ; *Христенко Д.* Советская сельская медицина довоенного периода в оценке отечественных и иностранных очевидцев // Там же. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645 ; *Затравкин С., Вишленкова Е.* О сельском здравоохранении в СССР, или О качестве истории медицины // Там же. С. 646–656.

² *Шерстнева Е. В.* Государственная политика в фармацевтической сфере в СССР в 1930-е годы // *РЕМЕДИУМ*. 2018. № 6. С. 50–53.

³ ОГАЧО. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 591. Л. 30 ; Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 53. Л. 6 ; Челябинский рабочий. 1939. 20 февр.

⁴ Красная Башкирия. 1939. 15 янв.

⁵ Удмуртская правда. 1940. 23 окт.

⁶ ОГАЧО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 24. Л. 244–249 ; Ф. П-297. Оп. 2. Д. 591. Л. 30.

⁷ Звезда. Москва, 1941. 31 янв.

⁸ Вклад Молотовского фармацевтического института в Великую Победу : биограф. сб. Пермь, 2020. С. 21, 64.

⁹ *Кутепов С. М., Ларионов Л. П., Скоромец Н. М.* Исторический опыт аптек Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Вестник Уральского государственного медицинского университета*. 2015. Вып. 2–3 (29–30). С. 13.

¹⁰ Красная Башкирия. 1939. 14 янв.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

¹² За большевистские колхозы. Кизильское, 1941. 1 янв.

¹³ Удмуртская правда. 1941. 13 февр.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. П-297. Оп. 2. Д. 591. Л. 30.

¹⁵ *Митерев Г. А.* В дни мира и войны. М., 1975. С. 96.

¹⁶ *Коренблат Г. Д.* Лекарственное обслуживание населения в первой послевоенной пятилетке // *Советское здравоохранение*. 1946. № 1–2. С. 19, 20.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 28. Л. 26 ; Д. 29. Л. 1–2.

¹⁸ *Плотников К. Н.* Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1955. С. 340.

¹⁹ Рассчитано и составлено по: ОГАЧО. Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 48. Л. 108 ; Д. 71. Л. 44 ; Д. 72. Л. 126 ; Ф. Р-1029. Оп. 15. Д. 17. Л. 5 ; Ф. П-288. Оп. 7. Д. 39. Л. 10.

²⁰ *Кутепов С. М., Ларионов Л. П., Скоромец Н. М.* Указ. соч. С. 13.

²¹ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 917. Л. 11, 12 ; Д. 1877. Л. 80.

²² Вклад Молотовского фармацевтического института в Великую Победу ... С. 19, 23.

²³ *Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сб. док. и материалов / ред. М. И. Барсуков.* М., 1977. С. 354.

²⁴ ГАОО. Ф. 1003. Оп. 3. Д. 861. Л. 1.

²⁵ Цит. по: *Алексеев Н. А.* Челябинская городская больница в годы Великой Отечественной войны // *Гороховские чтения : материалы шестой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин.* Челябинск, 2015. С. 384.

²⁶ Подсчитано по: *Великая Отечественная война : юбил. стат. сб.* М., 2015. С. 119.

²⁷ *Великая Отечественная война, 1941–1945 : энциклопедия.* М., 1985. С. 440–441.

²⁸ *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 196–197.

²⁹ *Путь к Победе: эвакуация промышленных предприятий в Челябинскую область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док.* СПб., 2020. С. 110–111.

³⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1056. Оп. 2. Д. 33. Л. 3–4.

³¹ Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1984. С. 262, 270 ; Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 197 ; Тиунов В. Ф. Промышленное развитие Западного Урала. Молотов, 1957. Кн. 2. С. 45.

³² Пугина Г. В. Пермские фармацевты — фронту // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 201.

³³ Красная Башкирия. 1942. 25 июля ; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 53. Л. 28.

³⁴ Павленко В. Д., Павленко Г. К. Огненный рубеж фронта и тыла: Челябинская область в 1941–1945 гг. : док. и материалы. Челябинск, 2005. С. 111.

³⁵ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 3141. Л. 51 ; Грачева О. Н. Трудовой подвиг школьников Урала в годы Великой Отечественной войны // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. С. 47.

³⁶ Хисамутдинова Р. Р., Шаповаленко Е. М. Заготовка лекарственных растений Главным аптечным управлением Наркомздрава РСФСР в период Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (21). С. 193–194.

³⁷ Сорокин А. И. Инициатива мест в производстве медицинского ширпотреба // Советское здравоохранение. 1942. № 5–6. С. 49.

³⁸ Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 ... С. 140–141.

ГОРОД «ЛЮДЕЙ БЕЗ НИМБА»: ОБРАЗ ЧЕЛЯБИНСКА В ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Вопрос допустимости художественного образа в научном исследовании кажется не вполне уместным — наука прежде всего должна стремиться к точности, — но вполне актуальным. Неслучайно современный автор, обратившись к развитию исторической науки в XX в., приходит к парадоксальному выводу: «Каждый исследователь создает свой образ прошлого»¹. То есть так или иначе любой исторический труд не лишен доли субъективности, а значит, вопрос не столько в точности сделанных суждений, сколько в способах сделать эти суждения убедительными.

Представляется, что художественный образ, пусть даже созданный непрофессиональным историком, позволяет достичь целостного представления о событии прошлого, дать некоторую сумму разрозненных фактов, сделать ярким и запоминающимся нечто по-настоящему важное. Для примера приведем стихотворение, посвященное Челябинску второй половины XX в. Один из промышленных советских гигантов, Челябинск 1960-х гг. в исторической перспективе как будто мало отличим от сотни таких же индустриальных городов, но стихотворение позволяет увидеть его своеобразие и уникальность.

Челябинска мшистые улочки,
В лесах и болотах затерянные.
Дома как хрустящие булочки,
Сахарные, затейливые.
Коровы с боками шелковыми
Стригут подорожник копытами.
Кожаными кошелками
Тычутся губы сытые
В калитки. И шелканье слышится.
А на заборах — всадники.
Рожиц кривые ижицы
Все в синяках и ссадинах.
Когда ж это, люди, бывало:
Заборы крутили шеями.
Катилась мальчишечья слава
Окопами ли, траншеями?
Заборы звенели копытами
За пригородами деревянными,
Где первые запахи битума
Курились над котлованами.
Где в хляби вбивали сваи,
Где люди в лаптях, без нимба
Казались нам божествами
С неведомого Олимпа.
Где ноги мослатые в валенки
Засунув как в глубь истории,
Старики на завалинке

«Вторая Москва!» — гуторили.
Простите, ведь это из детства,
Вечного, власть предрежащего...
(О, запах сдобного теста,
В русской печи шуршащего!)
Простите, быть может этого
Не было никогда!..
Города перегретого
Арки и провода.
Бегу я с заборов спешенный,
И от машин увертываюсь.
В гонке троллейбусов бешеной
Упущенное наверстываю.
Домища и магазинища,
Зиянье небес и витрин.
И в зайчиках фокусирующих
Мы разноцветно горим.
Миасс мой
В бетонных набережных,
Стеклянная глыба Дворца,
Почтенье почти что набожное
Вселяющая в сердца.
Неужто здесь были улочки
Тихонькие, старинные!
С воплем на конские булочки
Слетались гурманы куриные!
Ведь если все это видел я.
То, значит, в вихре примет
Мне незаметно, видимо,
Стукнуло тысячу лет!²

«Обращение писателей к городской тематике приводит к появлению того рода текстов, которые создают художественный образ города, не всегда в деталях совпадающий с местом проживания литератора, но всегда отображающий важные для человека черты городского пространства»³.

Коротко остановимся на биографии автора приведенного выше стихотворения. Освальд Плебейский (1924–1997) родился и вырос в Челябинске, юношей ушел на фронт Великой Отечественной, героически воевал, а после демобилизации вместе со студентами пединститута создал «тайное» литературное общество. Название этого общества — «Снежное вино» — до сих пор будоражит воображение и привлекает внимание литературоведов. В послевоенном Челябинске общество привлекло внимание правоохранительных органов, фронтовик и поэт Освальд Плебейский получил срок и снова увидеть родной город смог только после продолжительной отлучки.

Для нас важно, что во второй половине XX столетия на знакомый / незнакомый город смотрел человек со своим сложившимся и независимым мировоззрением. Мировоззрение — призма, преломляющая действительность, и в случае с Освальдом Плебейским мы можем быть уверены, что оптический инструмент поэта не был откалиброван какого-либо рода социальным заказом. Значит, возникающий в стихотворении художественный образ Челябинска соответствует исторической действительности: это то, что мог видеть достаточно поживший на одном месте и склонный к обобщениям обычный житель города. В контексте рассуждений о возможных образах прошлого последнее кажется наиболее существенным: использование художественных произведений как исторических источников по-настоящему приближает нас к истории повседневности, позволяет увидеть события прошлого глазами непосредственных участников событий. «Использование... художественных образов историками может способствовать преодолению того разрыва, наметившегося между профессиональными исследователями и простыми обывателями»⁴.

В стихотворении Освальда Плебейского есть необходимая историческая точность — упоминание «стеклянной глыбы Дворца» позволяет безошибочно определить временной период: Дворец спорта «Юность» в Челябинске был торжественно открыт 3 ноября 1967 г. Здесь также присутствует авторское переживание уникальной человеческой жизни: приметы современности, «бешеная гонка» троллейбусов, «домища и магазинища», окружающие горожанина, кажутся ценными как нечто полученное в награду за прежнюю страшную и скудную жизнь.

Что еще более ценно, за «вихрем примет», за неповторимой человеческой судьбой открывается город небывалый («...может этого / Не было никогда!»): появляется Челябинск, уникальный своей яркой своеобразностью.

В стихотворении Освальда Плебейского нам открывается Челябинск подобный «второй Москве», титанический город, который создают равные божествам «люди без нимбов», насыщенное трудом пространство, где в одно целое спрессованы несколько десятилетий развития. Поэт выбирает главное и создает образ Челябинска как города в движении («в вихре примет»), города-механизма («города перегретого») подобного машине времени, за какие-нибудь полвека перенесшегося на тысячу лет вперед.

В историческом исследовании художественный образ позволяет понять прошлое как личный опыт, и Челябинск Освальда Плебейского становится эмоционально-ярким, запоминающимся, понятным и близким даже «простым обывателям». «Люди без нимба» во все века составляют большинство, и показать им трудноуловимую красоту родины задача равно важная и для поэта, и для историка.

Примечания

¹ Ковтунова Ю. Р. Образ как объект исторического исследования // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 4. С. 92.

² Плебейский О. Л. Сочинения. Челябинск, 2018. Т. 1. С. 242–243 (впервые опубликовано в: Плебейский О. Л. Посолонь. Челябинск, 1969).

³ Панин А. С. Танкоград: художественный образ Челябинска в годы Великой Отечественной войны // По дороге к небесным городам, адским воронкам : сб. публицистики. Челябинск, 2021. С. 69.

⁴ Богданов В. П. Художественные образы и историческая наука // Историческое обозрение. 2008. № 9. С. 55.

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В 1941–1945 ГОДАХ¹

В годы Великой Отечественной войны Советскому Союзу пришлось противостоять не только сильному внешнему врагу, но и внутренним вызовам, среди которых отдельное место занимает активизация криминальных элементов, в том числе в хозяйственной сфере. Самыми распространенными экономическими преступлениями являлись: спекуляция; обман потребителей в процессе обслуживания, в том числе в ведомственных распределителях; нарушение установленных государством правил нормированного снабжения; злоупотребление должностным положением путем хищения и разбазаривания² вверенного имущества и продовольствия с пунктов хранения, переработки и при транспортировке; очковтирательство и взяточничество.

Все эти отрицательные явления требовали соответствующей реакции со стороны властей и здоровой части общества. Надо было обнаружить преступление, опросить свидетелей и подозреваемого, возбудить уголовное дело. Далее при помощи ревизий, бухгалтерских экспертиз, встречных проверок и очных ставок провести квалифицированное следствие и создать доказательную базу. Затем представить обвинительные материалы в суд, который с соблюдением предусмотренных формальных процедур обязан был вынести справедливый приговор и подвергнуть фигурантов заслуженному наказанию, предварительно взыскав с них нанесенный ущерб. В завершение виновных надлежало отправить в тюрьму (лагерь) и содержать там до истечения назначенного срока заключения. Если выявление, расследование и судебное разбирательство правонарушений, связанных с посягательством на общественную собственность, ранее уже становились предметом изучения российских и зарубежных специалистов (как юристов, так и историков)³, то вопрос о реализации приговора в отношении мошенников и казнокрадов пока не попадал в фокус внимания обществоведов. Вероятно, это объясняется слабой источниковой базой, ведь соответствующие материалы хранятся в ведомственных архивах и многие из них до сих пор засекречены. Однако и имеющиеся в открытом доступе базы данных позволяют пролить свет на проблему.

Во-первых, требовалось компенсировать государству убытки от хищений, выражавшихся внушительными суммами. Строго говоря, выявление и опись имущества обвиняемых на предмет обеспечения будущих требований входило в обязанность следственных органов. Но они это делали не всегда. Указанные пробелы должны были исправляться на предварительных судебных заседаниях, но и там данному вопросу не уделяли особого внимания. Сказывалась нехватка и неподготовленность низовых работников, которые просто не знали, как на законных основаниях, а не со слов соседей, проводить соответствующую процедуру. Так, весной 1944 г. в Верхнем Уфалее исполнительный лист осужденной Раскостовой был направлен по месту ее работы для удержания из заработной платы 17 тыс. руб. в пользу Челябинлторга. Между тем она владела собственным домом и приусадебным хозяйством, на которые могло быть обращено взыскание⁴.

Возможно, у представителей власти имелся корыстный мотив вести себя подобным образом. А может быть, они жалели престарелых родителей и малолетних детей подозреваемых, ведь после конфискации последние оставались без средств к существова-

нию. При любом раскладе самый простой выход виделся в составлении акта о нерозыске должников или отсутствии у них каких-либо средств. К моменту вынесения обвинительного вердикта даже те вещи, на которые полагалось наложить арест, родственники успевали реализовать или сокрыть. С целью воспрепятствовать повторению подобных эксцессов Верховный Суд РСФСР опубликовал разъяснение о том, что формальное признание ответчика неимущим не освобождает его от компенсации причиненного вреда⁵.

Эффективность института исполнения судебных решений в Челябинской области показывают цифры, характеризующие реализацию постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»: за второе полугодие 1944 г. присуждено к взысканию 11 583 856 руб.; возвращено в казну 1 424 651 руб.; составлено актов по нерозыску должников и отсутствию у них имущества на сумму 6 883 679 руб.⁶ Что-то передавалось для истребования непосредственно в организации и учреждения, где были совершены кражи. Остальное числилось «в работе».

Во-вторых, осужденных к лишению свободы надо было этапировать в лагеря ГУЛАГа. В годы войны данная процедура отличалась повышенным риском для жизни. В сентябре 1943 г. на совещании у заместителя наркома внутренних дел Н. С. Круглова, посвященном улучшению работы лагерей и колоний, говорилось о том, что к заключенным, среди которых каждый пятый понес наказание за спекуляцию, хищения, злоупотребление служебным положением и халатность, отношение в пути бездушное. Конвоиры отбирали у них продукты, люди голодали. Треть из тех, кто до этого прошел через следственные изоляторы⁷, не выдерживали тяжелых условий содержания и умирали вскоре после прибытия на место. Всего за 1941–1945 гг. в ГУЛАГе было погребено 621 637 человек⁸.

В описываемое время (впрочем, как и сейчас) «на зоне» существовала жесткая иерархия. Во главе стояли «воры», как правило, рецидивисты, осужденные по соответствующим статьям. Они выделялись богатым криминальным прошлым, безжалостностью и организованностью, благодаря которым подчиняли остальных. По воровскому закону, им запрещалось занимать лагерные должности, например нарядчика, старосты, десятника, выполнение которых вверялось заключенным. Нарушившие это правило исключались из «сословия» воров. Сразу после войны возник обычай объявлять таких ренегатов «суками», «ссучившимися»⁹, и любой блатной обязан был при удобном случае их убить¹⁰.

Ниже уровнем находились «мужики» — выходцы из крестьян и рабочих, совершившие незначительные правонарушения и впервые попавшие за колючую проволоку. «Авторитеты» их опекали, учили «арестантской жизни», не давали в обиду другим группам заключенных или отдельным лицам, за что требовали уплатить в «общак» (воровскую кассу) часть заработанных средств.

Третью ступень занимали «фраера». К ним относились спекулянты, коммерсанты, взяточники — в общем, неопытные преступники. В связи с тем, что их интересы и потребности во многом противоречили «элите» уголовного сообщества, отношение к ним было пренебрежительное, но вместе с тем настороженное, поскольку они обладали специальными знаниями, которые ценились администрацией лагеря и могли быть полезны самим ворами. «Хозяйственников» часто брали в самообхрану¹¹, назначали бригадиром, составлявшими рапорты с описанием работы за смену каждого заключенного. Кстати, от этого зависели нормы питания всех членов бригады, включая «блатных». Среди бухгалтеров, экспедиторов, кладовщиков и даже преподавателей школ для малограмотных помимо вольнонаемных сотрудников также можно было встретить вчерашних расхитителей. Например, в Златоустовской ИТК № 1 некие Бабенко и Белугин, осужденные за растрату, устроились счетоводами и выдавали персоналу зарплату. Амбарную книгу продовольственного склада вела их подельница. Осенью 1943 г. начальник оперативно-чекистского отдела челябинской колонии № 3 Чугуев констатировал: «Наш обслуживающий персонал — сплошь жулики»¹².

«Мужики» и «фраера», осужденные на срок до пяти лет, выгодно отличались от прочих сидельцев тем, что при условии примерного поведения по ходатайству родных или адвокатов могли рассчитывать на снисхождение в виде отсрочки приговора с отправкой на фронт, замену реального наказания на условное и даже полное осво-

бождение. Весьма красноречив пример П. П. Лебедева, 1914 г. р., рабочего, женатого, ранее не судимого, приговоренного 25 января 1943 г. Челябинским областным судом к двум годам лишения свободы за кражу 428 обеденных талонов. В лагере он вступил в отряд самообороны. Пробыл в заключении 7,5 месяца и по решению администрации ИТК был направлен в действующую армию со снятием судимости¹³.

Наконец, нижний этаж социальной лестницы в местах лишения свободы занимали «враги народа», «троцкисты и оппортунисты» — бывшие «начальники», не сумевшие сориентироваться в быстро меняющейся внутривластной обстановке второй половины 1930-х гг. Их положение было самым бесправным¹⁴.

В годы войны официально не делалось различий между всеми этими категориями, что выражалось в общем для всех режиме содержания и одинаковом котловом довольствии, зависящем «только» от норм выработки. В действительности же отношение к ним со стороны тюремных властей было дифференцированным.

Стандарты содержания заключенных сводились к следующему: работали они ежедневно в любую погоду по 11–12 часов без выходных, к производственным объектам, расположенным порой за много километров, добирались пешком под охраной, спали на дощатых нарах, зачастую двух- и трехъярусных. С началом войны свидания и посылки «с воли» были им запрещены, на треть снизилась калорийность питания. Архивы запечатлели свидетельства, когда в одном из лагерных отделений в 1941 г. в течение двух месяцев основным продуктом была ржаная мука, а пять дней заключенных кормили одним диким чесноком¹⁵. Некоторые послабления были приняты в 1943 г.: установлена непрерывная восьмичасовая смена, сокращена норма выработки, вернулся довоенный порядок обеспечения провизией и одеждой, разрешены три выходных в месяц, премиальное вознаграждение и зачисление в кандидаты на досрочное освобождение за ударный труд. Также позволялись передачи и встречи с родственниками, если те проживали в области или крае, где располагалась колония¹⁶.

Несмотря на то что условия пребывания в ИТЛ характеризовались необычайной жесткостью, а их контингент постоянно находился под пристальным вниманием караульных, корыстные преступления совершались и там. Так, в январе 1944 г. несколькими осужденными удалось войти в контакт с заведующим отделом общего снабжения 4-го лагерного отделения Управления ИТЛ НКВД по Челябинской области П. Т. Нечаевым, членом партии с 1926 г., и склонить его к участию в незаконной продаже лагерного обмундирования на сумму 23 тыс. руб.¹⁷ В рудстройуправлении Челябинметаллургстроя НКВД СССР в 1942 г. постоянно происходили кражи электрических лампочек, что приводило к простоям до 1,5 тыс. человеко-часов в месяц¹⁸. В Златоустовской ИТК № 1 заключенный Филиппов, помогавший начальнику участка Кузнецову вести учет, попался на подделке документов¹⁹.

Для пресечения подобных этому и других правонарушений в местах лишения свободы указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. были образованы лагерные суды. Под их юрисдикцию попали все заключенные старше 16 лет, спецпоселенцы, трудмобилизованные и ссыльные, числившиеся в введении НКВД, вольнонаемные сотрудники, совершившие преступления на территории лагерно-производственных комплексов, а также все военнослужащие ГУЛАГа без офицерских званий. В 1945 г. хищения и растраты фигурировали в каждом седьмом поступившем деле. Исследователи отмечают, что нередко лица, которые отбывали наказание за кражу госимущества и сумели устроиться на должности, связанные с движением материальных ценностей, жестоко мстили товарищам по несчастью, которые доносили начальству об их злоупотреблениях. Лагерными судами они карались уже за бандитизм²⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что в годы Великой Отечественной войны правоохранителям удавалось вернуть в казну лишь незначительную часть ущерба, нанесенного расхитителями. Кроме того, последние, оказавшись в местах лишения свободы, наделялись особым неформальным статусом. Хотя их деяния оценивались советской юстицией строже, чем обычный бытовой криминал, отношение к ним со стороны администрации пенитенциарных учреждений было снисходительнее, чем к матерым рецидивистам или «политическим». Поэтому они имели больше возможностей для адаптации к жизни за колючей проволокой благодаря своей изворотливости, профессиональной квалификации и умению устанавливать нужные связи.

Примечания

¹ Доклад подготовлен в качестве учебного пособия по проекту «Государственная политика по противодействию экономической преступности в условиях социальных потрясений (на материалах Великой Отечественной войны)». Проект реализуется победителем конкурса грантов для преподавателей магистратуры 2021/2022 «Стипендиальной программы Владимира Потанина» (The Project is Implemented by the Winner of Master's Program Faculty Grant Competition of the Vladimir Potanin Fellowship Program). Договор № ГСГК-012/22 от 16 мая 2022 г.

² Данный термин означал умышленное нецелевое использование социалистической собственности, которое правоведа тех лет приравнивали к растрате, совершенной с превышением служебных полномочий. Например, продукты, выделяемые детским учреждениям, направлялись на снабжение совпартактива. Или товары, приготовленные для сельских тружеников, реализовывались торговыми работниками на рынках с погашением их стоимости по госцене. Формы подобных злоупотреблений были разнообразными. Повсеместно была распространена раздача начальниками тех или иных материальных благ «по запискам». За это некоторые оказывались на скамье подсудимых. Адвокаты военной поры пытались доказывать в суде, что обвиняемый действовал «не в свою пользу». Прокуроры возражали, указывая на факт извлечения выгоды, которая могла выражаться во взаимных услугах.

³ См., например: *Cadiot J., Penter T. Law and Justice in Wartime and Postwar Stalinism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 61. 2013. No. 2. P. 161–171 ; *Gorlizki Y. Theft Under Stalin: A Property Rights Analysis // PERSA Working Paper*. 2001. No. 10. 31 p. ; *Pass A. A., Potemkina M. N., Usoltseva N. L. Anthropology Of Economic Crime During Great Patriotic War (1941–1945) // European Journal of Molecular and Clinical Medicine*. 2020. Vol. 7, iss. 2. P. 4444–4466 ; *Алабердеев Р. П., Латов Ю. В., Тишков С. В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности // Историко-экономические исследования*. 2007. Т. 8, № 1. С. 51–80 ; *Аполовников А. А., Пасс А. А. Профсоюзы против расхитителей социалистической собственности: хроника времен Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Уральский регион*. 2019. № 4. С. 56–63 ; *Емелин С. М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. 2009. № 11. С. 85–91 ; *Потемкина М. Н. Противодействие экономическим преступлениям в годы Великой Отечественной войны (на материалах Магнитогорска) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тез. докл. 78-й Междунар. науч.-техн. конф. Магнитогорск, 2020. Т. 2. С. 313 ; Она же. Борьба с экономической преступностью на предприятиях Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Двенадцатые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2020. С. 204–209 и др.*

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1041. Оп. 5. Д. 5. Л. 159.

⁵ *Аполовников А. А., Пасс А. А., Потемкина М. Н., Усольцева Н. Л. Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны*. Челябинск, 2021. С. 320.

⁶ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 9. Д. 201. Л. 21.

⁷ В апреле 1942 г. в челябинской тюрьме № 1, рассчитанной на 1200 арестантов, содержалось 5492 человека (ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 10. Л. 277).

⁸ *Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты*. М., 2006. С. 213, 260, 261 ; *Детков М. Г. Тюремь, лагеря и колонии России*. М., 1999. С. 235.

⁹ «Сука» — тот, кто «сучит» («стучит»). «Сучить» — передавать информацию о происходящем среди заключенных администрации колонии или изолятора втайне от самих зеков.

¹⁰ *Шаламов В. Т. «Сучья» война // Варлам Шаламов : сайт*. URL: <https://shalamov.ru/library/6/6.html> (дата обращения: 17.09.2021).

¹¹ Отряды самоохраны — подразделения, составленные из осужденных, которым доверяли надзирать за остальным лагерным населением. Они проживали в отдельном строении и носили специальную форму со знаками отличия. Формирование подобной военизированной охраны имело свои «преимущества». Эти лица несли службу за страх, а не за совесть, так как возврат в среду заключенных имел для них тяжелые последствия. См.: *Детков М. Г. Указ. соч.* С. 239.

¹² ОГАЧО. Ф. П-1115. Оп. 1. Д. 8. Л. 18 ; Ф. П-899. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

¹³ ГАРФ. Ф. 385. Оп. 12. Д. 109. Л. 10а.

¹⁴ Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. С. 123, 124.

¹⁵ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. М., 2016. С. 136 ; ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960. М., 2000. С. 506.

¹⁶ Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953). М., 1991. С. 109, 110.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-1096. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

¹⁸ Там же. Д. 1. Л. 31.

¹⁹ Там же. Ф. П-1115. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

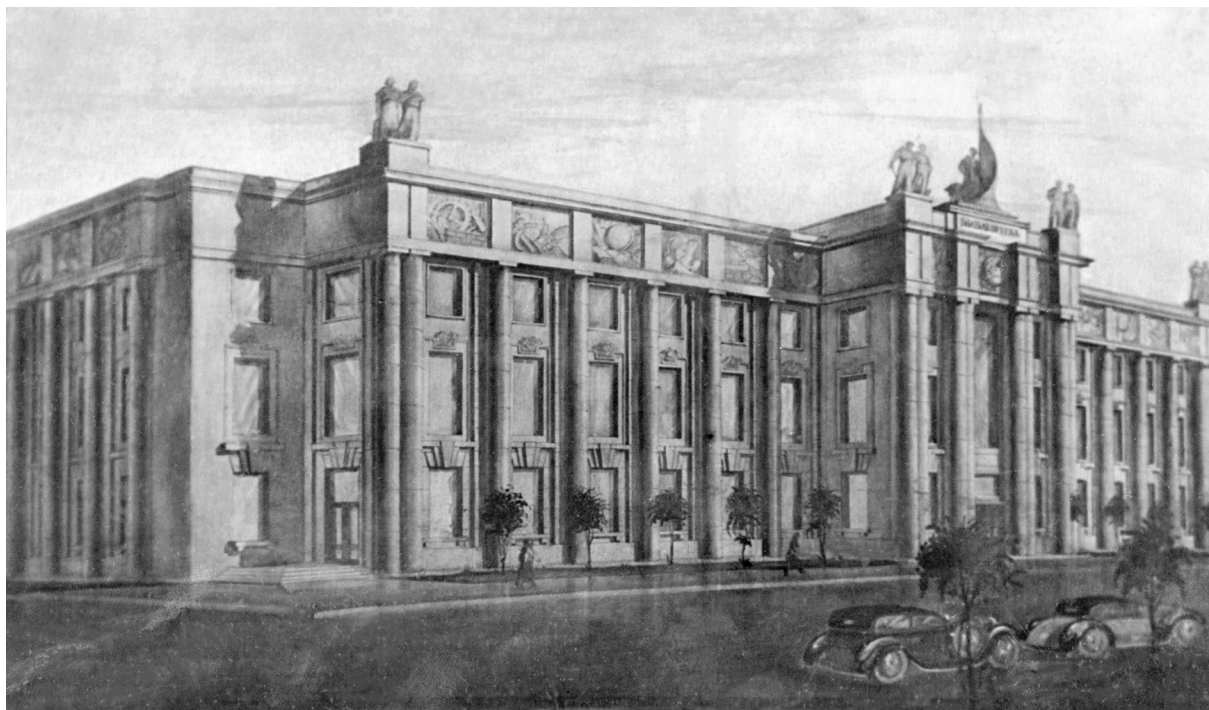
²⁰ Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР, 1945–1954 // Труды Института российской истории РАН. 2004. № 4. С. 298.

Ю. В. Поздеева

«БУДЕТ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ ЗДАНИЙ В ЧЕЛЯБИНСКЕ...»: О НЕРЕАЛИЗОВАННОМ АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТЕ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В экспозиции музея-центра Челябинской областной универсальной научной библиотеки хранится стенгазета 1939 г., посвященная 40-летию учреждения. В ней видное место занимает фотография проекта «строящегося здания Челябинской областной библиотеки». Судя по рисунку, в центре Челябинска на пересечении ул. Цвиллинга и Коммуны должен был появиться настоящий дворец книги, выполненный в классическом стиле, украшенный колоннами, скульптурой и богатой лепниной.

В то время основным зданием библиотеки являлся двухэтажный дом дореволюционной постройки на ул. Цвиллинга, 9 (сейчас — ул. Цвиллинга, 7), кроме того, под нужды библиотеки были приспособлены помещения еще в нескольких зданиях в центре города. Мест для хранения книг и качественного обслуживания культурных потребностей населения катастрофически не хватало. О необходимости строительства нового здания для главной библиотеки области хлопотала сама Н. К. Крупская, которая в середине 1930-х гг. была избрана почетным депутатом Челябинского городского совета и ратовала за выделение новых площадей для просветительского учреждения. Вдова Ленина, являясь заместителем народного комиссара просвещения РСФСР, поспособствовала оперативному решению вопроса о строительстве нового здания библиотеки.

*Проект строящегося здания Челябинской областной библиотеки. Челябинск, 1939 г.
Стенгазета из фондов музея-центра ЧОУНБ*

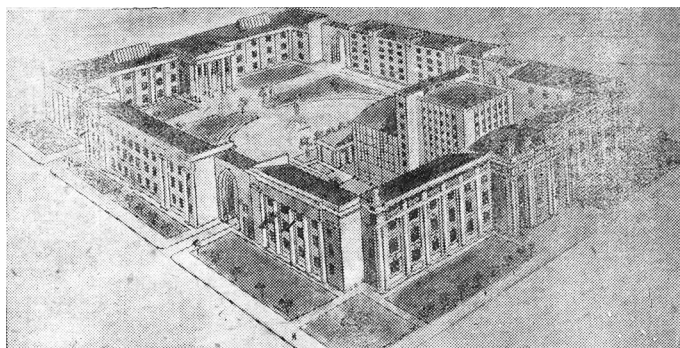
В апреле 1935 г. в Челябинске состоялась выставка «Большой Челябинск», где были представлены проекты строительства важнейших объектов, которые должны были подчеркнуть статус областного центра¹. На широкое обсуждение общественности выносились проекты оперного театра, делового клуба, гостиницы и библиотеки — в трех вариантах.

Что это за варианты? До настоящего времени известны и описаны только два. Первый из них был подготовлен в 1934 г. в мастерской № 10 Моссовета (руководитель — профессор В. Д. Кокорин), непосредственный автор проекта — архитектор В. Д. Владимиров. Ознакомиться с описанием данного проекта мы можем благодаря исследованию кандидата педагогических наук, доцента кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры Клены Борисовны Лавровой. Вот что она пишет: «В главном корпусе должны были размещаться вестибюль, зал каталогов, помещение для выставки, главный читальный зал на 200 мест и абонемент. Перпендикулярно к главному корпусу были запланированы три корпуса, занятых подсобными помещениями и аудиторией на 200 человек. Книгохранилище, рассчитанное на 1,5 млн томов, было связано с читальным залом путем сложных вертикальных и горизонтальных механических устройств. Служебные помещения приемки и распаковки книг, их обработки и пр. в проекте размещались в цокольном этаже. Общая кубатура здания планировалась 48 000 куб. м. Отделка здания предполагалась весьма помпезной, как в большинстве проектов мастерских Моссовета: местный светлый мрамор, ценные породы дерева и мраморная крошка. Во внутренних интерьерах предполагалось использовать скульптуру, барельефы и монументальную живопись»².

К. Б. Лаврова отмечает, что данный проект готовился без участия библиотекарей и не учитывал специфику обслуживания читателей, что могло повлиять на выбор в пользу альтернативного, «питерского» варианта. Второй проект разрабатывался в архитектурно-художественной мастерской ленинградского Института инженеров промышленного строительства (руководитель проекта — профессор В. А. Гофман). Непосредственно в проектировании принимали участие профессор С. И. Овсянников, инженер-архитектор С. К. Колчин, архитектор В. А. Каменский. Основной санитарно-строительный проект осуществил инженер Н. Н. Тетеревников, а консультантом выступил заместитель директора по научной работе Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Б. Р. Зельцле, который в 1935 г. выезжал в Челябинск для встречи со строителями³.

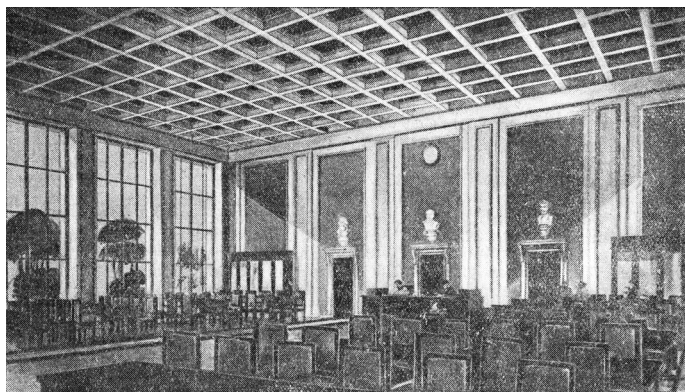
10 апреля 1935 г. с проектом могли ознакомиться читатели «Челябинского рабочего»: «В этом году начинается строительство огромного здания городской библиотеки. Это будет прекрасный дворец. Городская библиотека сейчас имеет только 40 тыс. томов, **НОВАЯ БИБЛИОТЕКА БУДЕТ ИМЕТЬ ПОЛТОРА МИЛЛИОНА КНИГ, Т. Е. В 37,5 РАЗ БОЛЬШЕ** (выделено в тексте. — Ю. П.). Уже в этом году начинается подготовка к комплектованию этого гигантского книгохранилища. В течение 1935 года будет создан библиотечный фонд в 100 тыс. томов. Кроме того, Наркомпрос разрешил подобрать для Челябинска нужное количество книг. Новый дворец книги будет одним из лучших зданий в Челябинске, одной из лучших библиотек Советского Союза»⁴.

На снимке был представлен проект не просто здания, а грандиозного комплекса, который должен был занять целый квартал. «Его возведение существенно изменило бы облик Челябинска. Ступенчатое хранилище архитектуры модернистского толка заканчивается зимним садом, выходящим на классическую вну-

Проект здания Челябинской областной библиотеки, представленный читателям газеты «Челябинский рабочий» в номере от 10 апреля 1935 г. Челябинск, 1935 г.

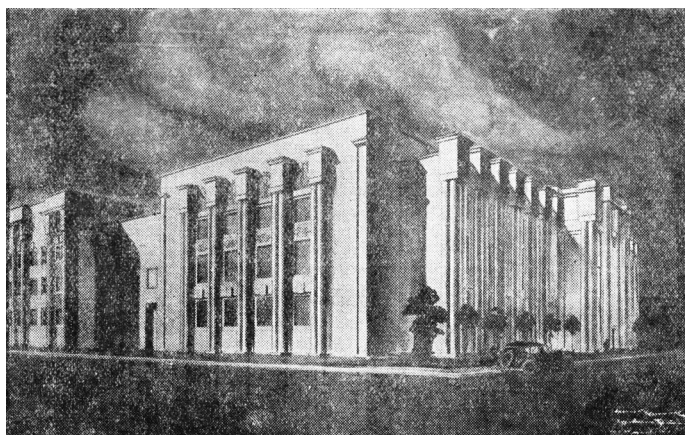
Издание из фондов ЧОУНБ

*Проект Челябинской областной библиотеки.
Перспектива читального зала, представленная в статье
М. Я. Гильмана «Год подготовки к строительству»
(Красный библиотекарь. 1935. № 3). Из фондов ЧОУНБ*

Проект сразу же привлек внимание профессионального сообщества: о нем упоминается в статье «Год подготовки к строительству», опубликованной в мартовском номере журнала «Красный библиотекарь» за 1935 г. Здесь даны три иллюстрации: интерьеров читального зала и зала каталогов и выдачи книг, а также вариант оформления фасада, который в других источниках не встречается. Автор статьи — советский архитектор Михаил Яковлевич Гильман, разработавший несколько проектов библиотечных зданий, приводит такие цифры:

Строительство запроектировано мощностью в 1500 тыс. томов, из которых первой очередью работ обеспечиваются 750 тыс. томов, остальные 750 тыс. томов должны размещаться в части книгохранилища, построенного во вторую очередь. Одновременно эта библиотека будет нести функции центральной городской библиотеки. Проектом предусматривается широкое обслуживание читателей как в стенах самой библиотеки (читальный зал на 200 мест, зал периодической литературы на 35 мест, отраслевые читальные залы, кабинет тихого чтения и индивидуальных занятий, зал слепых, музыкальный зал и пр.), так и вне ее через абонемент. В библиотеке будет развернута большая работа по вспомогательному обслуживанию (консультации, выставки, научно-вспомогательный аппарат и т. д.) и массовая работа с читателем, для чего имеется специальный зал на 200 человек для проведения в нем лекций, докладов, собеседования, конференций читателей, литературных вечеров и т. д. Зал кинофицирован и имеет эстраду и обслуживающие помещения и может работать независимо от всей работы здания⁶.

*Проект Челябинской областной библиотеки. Вид со стороны
западного крыла, представленный в статье М. Я. Гильмана
«Библиотечное строительство за 20 лет»
(Красный библиотекарь. 1937. № 11). Из фондов ЧОУНБ*

тренную площадь (для проведения литературных праздников и книжных ярмарок). Есть там место и для клубов, кинотеатров, элитарного отдыха и интеллектуального труда в специальных читальных залах. Вероятно, фасад главного здания должен был формами перекликаться с фасадами других доминирующих зданий городского общественного центра: оперного и драматического театров, краеведческого музея и картинной галереи», — писала об этом проекте еще одна исследовательница темы Ирина Овчаренко⁵.

Однако со временем проект был скорректирован. Тот же М. Я. Гильман в ноябрьском номере «Красного библиотекаря» за 1937 г. приводит такие цифры: хранилище на 1 млн томов, единовременная вместимость — 450 человек, строительный объем — 35 974 куб. м (для Свердловской библиотеки при таком же размере книжного фонда вместимость больше — 500 человек, а строительный объем меньше — 33 146 куб. м)⁷. Здесь же дается вид со стороны западного крыла, которого нет в других источниках.

В той же статье «Библиотечное строительство за 20 лет» Гильман критически отнесся к главной конструктивной идее:

В проектировании следующих библиотек также имеются недочеты. Челябинская областная библиотека <...> — авторы: проф. Овсянников и архитектор Колчин — и Свердловская областная библиотека <...> — автор арх. Марков — запроектированы по одному и тому же архитектурному приему: от вестибюля по ходу читателя расположены аванзалы выдач, ведущие в большой читальный зал, помещенный в центре, и другие читальные залы и кабинеты. Книгохранилище башенного типа примыкает к задней стене большого читального зала и частично размещено под этим залом в цокольном и первом этажах, с примыканием в этой части к выдаче в зал абонементов. Таким образом, основное книгохранилище оторвано от выдачи в читальные залы, и подача книг в них осуществляется горизонтальными и вертикальными механическими установками с длительными путями транспортирования книг. Этот прием несколько ранее был применен в вариантах неосуществленного проекта Узбекской государственной библиотеке в Ташкенте⁸.

Напротив, высокую оценку челябинскому проекту дал Федор Николаевич Пащенко, советский библиотековед, автор фундаментального труда «Архитектура и строительство библиотечных зданий». Прежде всего его восхитила идея книгохранилища-башни с горизонтальными и вертикальными механическими установками для транспортировки книг, расположенной над пунктами выдачи литературы. Подобные примеры, по его словам, есть лишь в некоторых городах Америки: «Трудно представить себе более экономное и четкое в эксплуатационном (орфография сохранена. — Ю. П.) отношении решение. В Европе идея такого книгохранилища также начинает признаваться... У нас расположение башенного книгохранилища над пунктами выдачи было предложено для здания Челябинской библиотеки»⁹.

Далее Ф. Н. Пащенко пишет, что «преобладание объема книгохранилища над другими частями библиотечного здания придает новый архитектурный акцент всему зданию... Уже осуществлен целый ряд библиотечных зданий, архитектурная выразительность которых посредством выявления технологической специфики и идейной художественной направленности делает правильные шаги к раскрытию более полной архитектурной выразительности библиотечных зданий. Это первый опыт основного участия архитектуры книгохранилища в композиции всего здания иллюстрируем примерами библиотек Института Маркса — Энгельса — Ленина в Москве, Публичной библиотеки в Челябинске <...> библиотеки им. Ленина в Москве»¹⁰.

Автор не раз отмечает сходство проектируемой челябинской библиотеки с главной библиотекой страны, проливая свет на некоторые детали принятия того или иного решения:

На строительстве крупных объектов отразилось влияние проекта библиотеки им. Ленина. Это влияние сказалось, например, на двух крупных строящихся библиотеках — Свердловской и Челябинской <...> Оба здания имеют, так же, как и в Ленинской библиотеке, пункт выдачи при входе в читальный зал; книгохранилище частично под читальным залом и за ним (в форме башни). Этим вызываются оторванность пункта выдачи от книгохранилища и необходимость применения сложного вертикально-горизонтального транспорта. Интересно отметить, что в самом процессе проектирования Челябинской библиотеки такое решение не удовлетворяло авторов проекта. Связанные программным заданием, разработанным Наркомпросом РСФСР, в котором выставлялось категорическое требование хорошо освещенного естественным светом книгохранилища, проектировщики выдвинули вариант проекта с размещением книгохранилища в форме башни <...> Пункты выдачи (три: для абонентов, для общего читального зала, для специальных служб и кабинетов) предполагалось разместить по одной вертикали с книгохранилищем. В стадии разработки рабочих чертежей удалось отказаться для первой очереди строительства от башни за читальным залом, ограничившись размещением книг под читальным залом и в цокольном этаже здания. Основной недостаток этих, а также многих других проектов состоит в том, что они предусматривали механическую выдачу книг читателям. Библиотекарь, непосредственно соприкасающийся с читателями за стойкой выдачи, мог иметь под руками только требования читателей и каталог, не имея в своем распоряжении книг¹¹.

Еще одним недостатком как московского, так и челябинского проекта, по мнению автора книги «Архитектура и строительство библиотечных зданий», является отсутствие «зеленой зоны» вокруг библиотеки, которая размещается в центре мегаполиса:

Почти все зарубежное строительство библиотек осуществляется с недооценкой благоустройства окружающего их пространства, при полном игнорировании отрицательного влияния городских шумов на работу читателей и пыли на сохранность фондов. В том отношении столь же неудачно размещение библиотеки им. Ленина в Москве и ряда других наших библиотек. Не является исключением и новая библиотека в Челябинске <...> расположенная в квартале в комплексе с другими сооружениями и с явной недооценкой значения зеленых устройств¹².

Но в целом Федор Пащенко положительно отзывается о челябинском проекте, не раз приводя его в качестве образца, в том числе, в комментариях к иллюстрациям:

...В случаях, когда стойка выдачи находится на пути к входу в зал (библиотека им. Ленина в Москве, Челябинская библиотека), получим хорошие образцы решения узла библиотечных помещений <...> Рис. 56 и 57 воспроизводят план и схему разреза второго варианта Челябинской библиотеки, не принятого к исполнению, которое характеризует безусловно интересный прием решения узла помещений. В этом приеме стойка расположена между залом выдачи с каталогом и с читальным залом. Поступление книг к стойке осуществляется по вертикали из книгохранилища, которое находится над залом каталога и выдачи. Недостатком этого приема является то, что книгохранилище обладает большими нагрузками. Но достоинства такого решения процесса очевидны. Размещение стойки между читальным залом и залом каталога и выдачи дает возможность персоналу, находящемуся за стойкой, одновременно обслуживать и консультировать посетителей, а также наблюдать за читателями в зале¹³.

Кроме того, еще одним заслуживающим внимания примером Пащенко считает организацию пространства в помещении абонемента, где предполагалось сделать длинную стойку выдачи, огибающую почти половину зала и позволяющую «одновременно занять максимальное число посетителей»¹⁴.

Некоторые детали внутреннего переустройства здания стали известны благодаря «Отчету о командировке в г. Челябинск для согласования вопросов библиотечного порядка, связанных с разработкой проекта библиотечного здания библиотеки в г. Челябинске» консультанта проекта Б. Р. Зельцле. Этот ценнейший источник информации открыла Клена Борисовна Лаврова, изучавшая документ в Архиве Российской национальной библиотеки. Она отмечает, что благодаря участию библиотекаря-практика, было принято решение «увеличить помещение музейного отдела на 50 кв. м за счет зала для слепых», «перенести переводческий кабинет из 3-го во 2-й этаж, отведя под него 2 зала, обозначенных на плане «Специальный читальный зал», «музей книги расширить за счет присоединения к нему трех кабинетов для самостоятельных занятий». Кроме того, были сделаны важные замечания по пожарной безопасности здания, в частности «перенести котельную из помещения книгохранилища в другое место»¹⁵.

Словом, журналисты «Челябинского рабочего» ничуть не преувеличили, говоря, что областная библиотека в случае реализации грандиозного проекта могла стать «одной из лучших библиотек Советского Союза».

Но что же произошло и почему здание так и не было достроено? По данным челябинского краеведа Ю. В. Латышева, площадку под строительство начали расчищать еще в 1935 г., а за 1937 г. (первый год строительства) было освоено 700 тыс. руб. капитальных вложений¹⁶. Однако уже в «Отчете Челябинского городского совета РК и КД¹⁷ перед избирателями» (1938) говорится о том, что «вредительская деятельность», направленная «на срыв реконструкции городского хозяйства, дискредитацию мероприятий партии и правительства, в основном осуществлялась путем <...> искусственного завышения и занижения стоимости объектов, приводившего к затяжке строительства (дом облизполкома, гостиница, баня, библиотека и т. д.)»¹⁸.

В издании под названием «Отчет об исполнении местного бюджета города Челябинска за 1939 год и бюджет на 1940 год» вновь упоминается о проблемах с финансированием стройки: «По библиотекам утверждено 346,7 тыс. руб., израсходовано 207,7 тыс. руб., меньше на 139,0 тыс. руб. Недовыполнение расходов относится за счет неосвоенных средств по новому строительству библиотеки и недокомплекта библиотечными работниками»¹⁹.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны была возведена лишь первая очередь — южная часть здания с парадным фасадом, и этот недострой заняло

эвакуированное в Челябинск оборонное предприятие. После победы переделанные под цеха внутренние помещения сохранили свое производственное назначение, и это здание по ул. Коммуны, 48, известно горожанам как главный корпус Челябинского часового завода.

Примечания

- ¹ Выставка «Большого Челябинска» // Челябинский рабочий. 1935. 6 апр.
- ² Лаврова К. Б. К истории проектирования здания Челябинской областной универсальной научной библиотеки (Челябинской публичной библиотеки). 1930-е гг. // Природное и культурное наследие Урала : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2018. С. 119–120.
- ³ Там же. С. 120–121.
- ⁴ Библиотека — дворец // Челябинский рабочий. 1935. 10 апр.
- ⁵ Овчаренко И. От образца к идеалу (в условиях свободы как осознанной необходимости) // Автограф. 2009. № 1 (33). С. 3.
- ⁶ Гильман М. Я. Год подготовки к строительству // Красный библиотекарь. 1935. № 3. С. 34–35.
- ⁷ Гильман М. Я. Библиотечное строительство за 20 лет // Там же. 1937. № 11. С. 75.
- ⁸ Там же. С. 78.
- ⁹ Пащенко Ф. Н. Архитектура и строительство библиотечных зданий. М., 1941. С. 43.
- ¹⁰ Там же. С. 99–100.
- ¹¹ Там же. С. 23.
- ¹² Там же. С. 104–105.
- ¹³ Там же. С. 86–88.
- ¹⁴ Там же. С. 215, 220.
- ¹⁵ Лаврова К. Б. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁶ Латышев Ю. В. Выявленное наследие. Как библиотека стала заводом // Итоги74.Ру : сайт. URL: <https://itogi74.ru/articles/kraevedenie/vyjavlennoe-nasledie-vypusk-156-kak-biblioteka-stala-zavodom/> (дата обращения: 12.07.2022).
- ¹⁷ Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
- ¹⁸ Отчет Челябинского городского совета РК и КД перед избирателями. Челябинск, 1938. С. 25.
- ¹⁹ Отчет об исполнении местного бюджета города Челябинска за 1939 год и бюджет на 1940 год. Челябинск, 1940. С. 15.

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА 1920–1930-х ГОДОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ПИСЬМЕННОГО

В ходе работы над книгами «Звенящая медь Тагила» и «Город мастеров» мне пришлось столкнуться с произведениями ныне мало известного писателя А. Г. Письменного, несколько раз побывавшего в нашем городе. Заинтересовавшись его судьбой, мы столкнулись с тем, что информация об этом авторе в современных источниках крайне скупа и ее очень мало. Это послужило стимулом для исследования биографии А. Г. Письменного¹.

Александр Григорьевич Письменный (1909–1971) — русский советский писатель, военный корреспондент, техник-строитель, конструктор. Родился 22 августа (4 сентября) 1909 г. в г. Бахмуте (ныне Артемовск Донецкой области) в семье инженера Григория Иосифовича Письменного. Работал с 16 лет: слесарь, агент по распространению книг, техник-строитель, конструктор, горноспасатель, журналист. Публиковался с 1928 г. В 1930–1934 гг. учился на литературном факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1935 г. окончил редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института. Первая его книга — повесть «На старом заводе» — вышла в 1938 г. Тогда же он был принят в Союз писателей СССР по личной рекомендации Александра Фадеева. С 1942 г. военный корреспондент журнала «Знамя» и газеты «Гудок» на Западном фронте. В 1943–1945 гг. военный корреспондент газеты «Сталинский воин» на Северо-

Западном фронте. Умер 22 августа 1971 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище. Супруга — журналист Наталья Павловна Бианки (1916–2000), сын — скульптор Алексей Письменный (1930–1970).

Произведения А. Г. Письменного: роман «В маленьком городе» (издан в 1938, 1956, 1959), сборник рассказов «Через три года» (1939), повесть «Во имя жизни» (1942), повесть «Край земли» (1943), повесть «Поход к Босфору» (1946), роман «Приговор» (1952, 1955, 1956), повесть «Две тысячи метров над уровнем моря» (1958), роман «Большие мосты» (1965), сборники «Рукотворное море» (1978) и «Фарт» (дневники, письма, рассказы; 1980), повесть и рассказы «Ничего особенного не случилось» (1975), повести и рассказы «Фарт» (1988)².

А как же начиналась творческая биография Александра Григорьевича Письменного? Алексей Максимович Горький при своем журнале «Наши достижения» собрал группу молодых, а точнее сказать, начинающих писателей. В нее входили: Н. Атаров, А. Письмен-

Александр Григорьевич Письменный

ный, В. Козин, А. Бек, М. Лоскутов, Е. Босняцкий, В. Канторович, Ф. Пудалов, Н. Старов и В. Василевский.

Алексей Максимович был редактором-наставником начинающих писателей и воспитывал их умно, доброжелательно, строго. Горький знал, что молодым, без жизненного опыта, пробиться в литературу невозможно, что лишь жизненный опыт является надежной идеологической опорой художественного мастерства, а люди, не ведающие жизни своего народа, либо становятся неудачниками, либо мыкают свой век околотитературными ремесленниками. С благословения Алексея Максимовича они поехали в «университеты» новостроек первых пятилеток: на Урал, на Днепрострой, в Кузнецк. Так в Донбассе, в Горловке, подружались В. Василевский и А. Письменный. Они приехали туда (В. Василевский — из Ленинграда, А. Письменный — из Москвы) с редакционными удостоверениями, подписанными Горьким.

Советские гиганты-новостройки первых пятилеток были воспеты многими советскими писателями. А Александр Письменный живописал небольшие рабочие поселки, жители которых любили свой завод, гордились им, прославляя его самоотверженным трудом:

Солнце еще не взошло. В тишине утра отчетливо слышался топот прокатных станов на заводе... В этот ранний час маленький захолустный городишко выглядел торжественно и незнакомо. Непрестанный шум завода, зарево над его мартеновскими печами, лязг железа на погрузочной площадке, свистки паровозов говорили о вечной жизни на земле, о труде, о счастье.

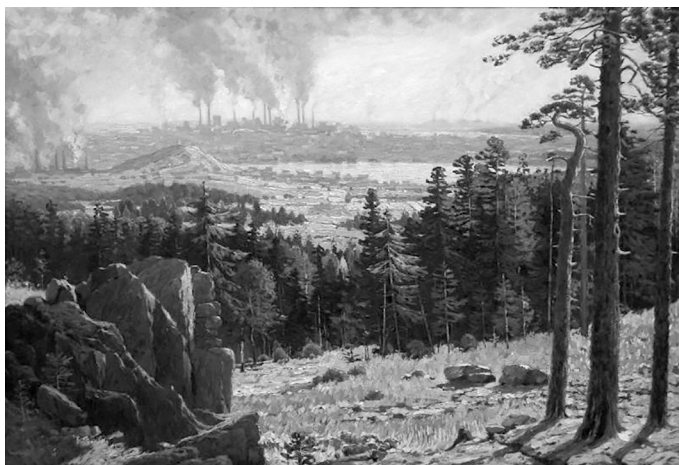
Он любил простых рабочих этих маленьких старинных заводов.

За этим близким шумом стояла тишина, а дальше, в глубине, далеко за домами, слышно было, как шумит завод. Дядя Павел, брат Витькиной матери, рассказывал о Магнитогорске. Он уехал туда работать горновым после того, как здесь, в родном городе, закрыли карликовые, нерентабельные старые домны. В первый раз после отъезда дядя Павел приехал на родину провести отпуск. Ему не было еще и тридцати лет, но мальчикам он казался стариком. Он держал себя солидно, пил водку равнодушно и крякал после каждой рюмки, как Витькин отец, пожилой пятидесятилетний мастер мартеновского цеха. «Девушек на Магнитке мало, — говорил дядя Павел, подмигивая мальчикам, — все хочу жениться, а не на ком. Мы, доменщики, женихи разборчивые»³.

Писать о Нижнем Тагиле начали со времени строительства новых заводов на Урале. В газетах и журналах того времени появилось большое количество очерков о передовиках производства, о стахановских методах работы. Очерки вскоре превратились в полноценные литературные произведения. Одной из первых книг стала работа Александра Письменного «Повесть о медной руде». Она была посвящена освоению богатейшего месторождения цветных металлов на станции Сан-Дonato, где появился поселок Рудник III Интернационала. Эта работа была отмечена Максимом Горьким и появилась в журнале «Наши достижения». После войны Письменный расширил повесть до романа, который получил название «Приговор».

Вот как в нем описывает Нижний Тагил Александр Письменный:

...Шел Иван Чеботарев из Нижнего Тагила по глинистой лесной дороге. Лужи хлюпали под его стоптанными сапогами и он скользил и оступался на размытой дороге. Здесь все осталось таким же, каким было много лет назад. Позади его лежал низкостроенный, приземистый, точно какая-то сила

Д. А. Кавалершин. Индустриальный Тагил. 1941–1948 гг.

Холст, масло. МБУК НТМИИ

Д. А. Кавалершин. Старая шахта. 1941–1947 гг. Холст, масло.
МБУК НТМИИ. Изображены котфы шахт им. О. Ю. Шмидта
и «XV лет Октября» рудника им. III Интернационала

знание истории, местной фактуры и горняцкого быта. В частности, им весьма достоверно описано открытие месторождения и начало его эксплуатации:

В тот год, когда родился Ванька Чеботарев, по всему Уралу искали медную руду. Богатейшие залежи окисленной самородной меди на Руднянке, эксплуатировавшиеся Демидовыми около двухсот лет, были наконец исчерпаны. Но остановить завод Демидов не мог, медным рынком завладел бы тогда Уркварт. Его заводы плавил медь, не чувствуя недостатка в руде.

В девяностых годах Уркварт впервые на русских заводах стал применять пиритную плавку. Это позволило ему перерабатывать колчедан и обходиться таким образом без самородной меди. И Демидов мог бы на своем заводе, установив ватер-жакеты⁵, способом пиритной плавки обрабатывать колчедан, но в Тагильском округе, несмотря на самые тщательные поиски, медного колчедана не удавалось найти.

А геологи Уркварта открывали все новые и новые залежи. Было ясно, что Уркварт владеет каким-то секретом.

<...>

Потом началась война, Псковский полк ушел, а вместе с полком и доктор Федорченко. Город опустел. Офицеры уехали, по субботам больше не устраивались балы в клубе.

А демидовское управление все еще искало колчедан. Однажды в Управление тагильских заводов вошел тщедушный, остролицый человек. Высокомерно посмотрев на служащих, он попросил доложить о себе управляющему. На него подозрительно покосились, тогда он важно произнес: «Я геолог Яковлев из Кыштымского округа».

Если бы в управлении находился посторонний человек, он был бы, вероятно, весьма удивлен тем впечатлением, какое произвели эти слова. Мгновенно из кабинета управляющего выскочил секретарь и, расшаркиваясь перед Яковлевым, повел его в кабинет.

Служащие удивленно переглядывались. Геолог Яковлев из Кыштымского округа! Из кабинета вначале слышался голос управляющего, потом затих, и раздался треск — управляющий ударил кулаком по столу. Затем он выбежал из кабинета, за ним — секретарь. Геолог Яковлев прошагал спокойно и вышел на улицу, когда управляющий сидел уже в пролетке.

А дело было в том, что Яковлев открыл урквартковский секрет. Колчеданные месторождения обычно бывают прикрыты бурными железняками, так называемой «железной шляпой». Сколько раз демидовская разведка наталкивалась на железную шляпу, которую даже разрабатывали потом, так как в ней часто содержится золото и серебро, но никто не думал, что под железной шляпой мог скрываться настоящий медный колчедан.

Ярость управляющего была особенно велика: он знал о том, что совсем недавно купцы Треуховы в семи километрах от Тагила, выкупив за гроши чей-то участок, начали разрабатывать богатейшую железную шляпу.

<...>

Братья Треуховы, конечно, чуть поменьше, чем Уркварт, но тоже доставляли изрядное беспокойство Демидову. В сравнении с Демидовым они были кустарями, но кустарями, отлично понимающими значение промышленности. Из таких кустарей со временем вырастали крупнейшие заводчики и шах-

придавила его к земле, покрытый заводским дымом, расхлестанный вокруг пруда его родной сердитый заводской город. Все, что возникло нового в этом городе — новые жилые кварталы и железные рудники, две новые домны, здание огнеупора, коксовые батареи, водонапорная башня, обогатительная фабрика — все это загоразивал лес. И все же ощущение новизны возникло в сознании Ивана и больше не покидало его. Не потому только Нижний Тагил стал другим из-за новых сооружений, а потому что его населяли другие люди, с другими взглядами на жизнь, люди, победившие старый мир...⁴

В этом произведении А. Письменный демонстрирует хорошее

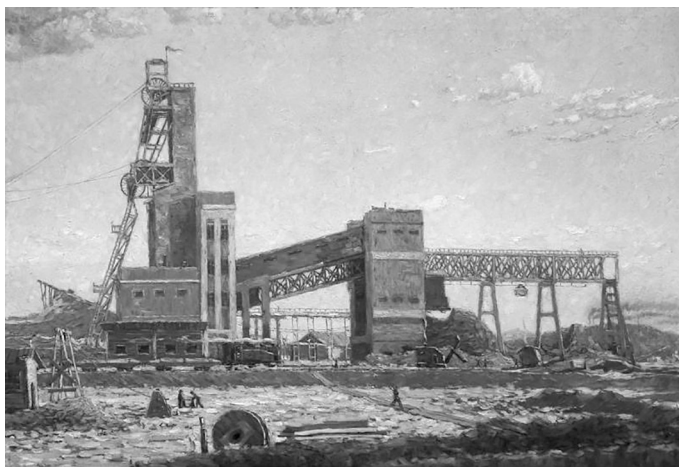
товладельцы. Со своим капиталом в полмиллиона рублей они обращались ловко и прибыльно. Занимались они всяческими делами, но главным образом скупали золото, платину, серебро и добывали малахит для производства красок и ювелирных работ. Золото и платину они покупали любыми порциями, платили аккуратно, давали кредит, и, если Демидовы платили три рубля за золотник, Треуховы платили на полтинник дороже. Непосредственно всеми делами заправлял первый брат. Он ходил по старательским артелям, он командовал на рудниках. Был он честен, никогда не обвешивал, можно было прийти к нему в контору и, если не застанешь его, бросить мешочек с золотым песком в окошко, а потом прийти за деньгами. Поэтому к Треуховым носили золото даже демидовские старатели.

Второй брат Треухов ворочал делами фирмы. Это был барин, поговаривали, что первый брат обращался к нему на «вы». А третий, заграничный, служил фирме в качестве представителя в Париже⁶.

Автор на примере рудника им. III Интернационала в Нижнем Тагиле дает широкую картину индустриализации страны 1930-х гг. Характерным для книги является то, что А. Письменный берет отдельные факты из жизни рудника и на основании их делает широкие обобщения. Он выбирает для обобщения явления, наиболее типичные для этих лет.

Не утомляя внимания читателя, легко переносит действие с медного рудника в Свердловск, Москву, Донбасс. Начинается роман с 1935 года, потом делается отступление к дореволюционному времени и снова начинается повествование о судьбе героев с 20-х годов. Кончается книга опять 35-м годом. Создается впечатление, что первая глава как бы перенесена из конца в начало. Казалось бы, композиция романа не совсем совершенна, рассчитана на то, чтобы легким путем заинтересовать читателя незаконченной развязкой. Но А. Письменный преследует, однако, не эту узкую цель. Введением одной из последних глав в начало романа, ему удается в лаконичной форме познакомить читателя с основными героями произведения, с жизнью рудника и в то же время создать ту напряженность повествования, которая в наибольшей мере может передать напряженный ритм совершающихся событий.

В романе две сюжетные линии. Одна линия, основная, связана с образами советских людей: рабочих, инженеров, партийных руководителей. Вторая линия раскрывается через представителей старой России, утративших власть, силу, влияние, осужденных историей на гибель, но все еще усиленно сопротивляющихся в надежде вернуть свои права на эксплуатацию народа. К ним относятся бывший купец Треухов, бывший его приказчик Лбов, маскирующиеся предатели-троцкисты Мытников, Нижегородцев, Воркотаев и другие. Первая линия стремительно нарастает, усложняется все новыми и новыми образами. Вторая линия в ходе развития действия сокращается и в конце

Д. А. Кавалершин. Шахта «Капитальная». 1941–1947 гг.
Холст, масло. МБУК НТМИИ

Горняки рудника им. III Интернационала. 1932 г. МБУК НТМ-З «Горнозаводской Урал». Эти люди послужили прототипами героев произведений А. Г. Письменного «Повесть о медной руде» и «Приговор»

романа исчезает. Героями произведения А. Письменного являются рабочие-горняки. Автор показывает новое, что появилось в народе после революции — дух активного, сознательного отношения к жизни, к труду, дух коллективного творчества.

Наиболее полно раскрыты образы Семена Шувалова и Ивана Чеботарева. Судьба их несколько схожа. Оба пережили суровое, полное лишений детство. Оба в первые годы Советской власти пришли на рудник с желанием найти новую дорогу в жизни. Оба нашли дорогу к счастью в труде: Семен Шувалов сразу находит единственно правильный путь, неотделимый от жизни народа, страны. Он настойчиво учится, становится хорошим специалистом и партийным руководителем на руднике.

Остро сатирически даны образы врагов в романе. Реакция объединила все отбросы общества, не брезгуя ничем, — от остатков разгромленных троцкистов Промпартии до бандитов и наемных убийц. Растреленные морально, не имеющие Родины, эти люди не пренебрегают никакими средствами борьбы: вредительство, саботаж, диверсии и, наконец, предательство, шпионаж в интересах фашистской Германии. Образы Мытникова, Нижегородцева, Воркотаева вызывают у читателя чувство презрения к ним. Высокомерие, наглость, жестокость, звериная ненависть к народу, строящему социализм, сочетаются у этих людей с духовной скудостью и трусостью⁷.

Под этими фамилиями А. Письменный выводит расстрелянных в годы репрессий руководителей уральской промышленности Георгия Пятакова, Ивана Кабакова и др.

Рецензия на роман «Приговор» была опубликована журналистом и краеведом Е. Николаевой в номере газеты «Тагильский рабочий» за 14 августа 1955 г. Вырезка с этой рецензией выслана автору романа одним из его тагильских знакомых (к сожалению, имя этого корреспондента не сохранилось). Однако Александр Письменный опубликовал свой ответ на данное письмо:

...Очень рад был получить и Ваше письмо, и вырезку из газеты по поводу романа «В маленьком городе»⁸. Я получаю довольно много читательских отзывов, но, само собой понятно, особенно интересно узнать о книге мнение коренного тагильщика, да еще старого литератора. Сердечно благодарю за отзыв и за умную, обстоятельную статью Е. Николаевой, раскрывшей все псевдонимы, — в романе-то описаны город Нижний Кумгал и рудник им. Ильича⁹.

Романы на производственную тему широко обсуждались в рабочих коллективах. В клубе горняков Рудника им. III Интернационала в том же 1955 г. состоялись встречи с писателями — лауреатами Сталинской премии Владимиром Поповым, автором романа «Сталь и шлак», Константином Симоновым, чуть позже перед горняками выступил и Александр Письменный. Об этом пребывании в Нижнем Тагиле позже сам А. Письменный вспоминал с юмором: «С гастрольной бригадой я долго кочевал по уральским городам и весям. Из Нижнего Тагила — ничего лучшего не придумал — послал жене сдержанную телеграмму, будто я проигрался в пух и прах, пусть достает денег и высылает для покрытия долга. А я отродясь карт в руки не брал, а если и брал, то осторожно, да только она этого не знала»¹⁰.

К сожалению, нам пока не удалось выявить точные даты посещения Александром Письменным нашего города и конкретный круг его общения в Нижнем Тагиле. Это еще предстоит сделать в будущем. Тем не менее в ходе поисков нами выявлены достоверные факты посещения писателем Нижнего Тагила, его тесная связь с жителями города, работниками тагильских предприятий и, вероятно, с местными музейщиками, историками и краеведами.

Примечания

¹ Пудовкин С. И. Звонящая медь Тагила. Нижний Тагил, 2007.

² Письменный, Александр Григорьевич // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Письменный,_Александр_Григорьевич (дата обращения: 29.06.2022).

³ Письменный А. Г. На рассвете // Ничего особенного не случилось. М., 1975. С. 13.

⁴ Письменный А. Г. Приговор. М., 1952. С. 626–627.

⁵ Англ. water-jacket (букв. «водяная рубашка») — вид шахтной печи для выплавки меди, никеля и свинца из руд; верхняя часть ее строится из огнеупорного кирпича, стенки нижней части состоят из пустотелых железных коробок, охлаждаемых водой.

⁶ Письменный А. Г. Повесть о медной руде // Ничего особенного не случилось. С. 63–67.

⁷ Николаева Е. Роман о горняках // Тагильский рабочий. 1955. 14 авг.

⁸ Описка А. Г. Письменного, на самом деле имеется в виду «Приговор».

⁹ Письменный А. Г. Фарт. Дневник, из записных книжек, письма, рассказы. М., 1980. С. 141.

¹⁰ Письменный А. Г. Колобок // Рукотворное море. М., 1978. С. 203.

М. В. Растопчин, А. В. Рычков

ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА РОССИИ: 90 ЛЕТ НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ

4 октября 2022 г. гражданской обороне Российской Федерации исполняется 90 лет. За долгие годы существования данная система претерпела большие изменения как в организационной структуре, так и в названии. Однако за все это время неизменной оставалась суть — защита населения и территории нашей страны от угроз различного характера.

В настоящее время гражданская оборона определяется как система мероприятий по подготовке к защите и защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Задачи, стоящие перед гражданской обороной, как и сама ее структура, оснащение, методы защиты населения и территорий в различных условиях складывающейся обстановки, за период ее становления, развития и совершенствования претерпели значительные изменения. Они зависели прежде всего от уровня развития военной техники и вооружения, тактики и стратегии их применения возможными противоборствующими сторонами.

Свою историю гражданская оборона России начинает в 30-е гг. XX столетия. 4 октября 1932 г. постановлением Совета народных комиссаров СССР было утверждено «Положение о противовоздушной обороне территории СССР», в соответствии с которым в стране была образована система местной противовоздушной обороны (МПВО), включавшей в себя комплекс защитных мероприятий и средств. Общее руководство МПВО было возложено на Народный комиссариат по военным и морским делам (с 20 июня 1934 г. — Наркомат обороны СССР), на территории военных округов — на командующих войсками округов.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для недавно созданной системы (в первую очередь для формирований, расположенных в приграничной полосе). 2 июля 1941 г. Совет народных комиссаров СССР издал постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Газета «Правда» опубликовала статью «Каждое предприятие, каждый дом — крепость обороны».

Как и в целом по стране, в Челябинской области также реорганизовывались и укреплялись основные службы МПВО: связи и оповещения, противопожарная, медицинская, светомаскировки, убежищ и укрытий, аварийно-восстановительная, противохимическая, ветеринарная и др. В 1944 г. общая численность участников системы МПВО превышала 6 млн человек. Необходимо сказать, что в годы войны на Урал (и в Челябинскую область) были эвакуированы сотни стратегически важных производств и предприятий из Москвы, Ленинграда и других городов, оказавшихся в зоне оккупации и ведения активных боевых действий. Десятки и сотни тысяч людей были эвакуированы из центральной части страны на Урал и в Сибирь. В связи с этим повышались в разы значимость и необходимость системы оборонных мероприятий, развития системы МПВО.

31 октября 1949 г. Советом министров СССР было утверждено новое «Положение о местной противовоздушной обороне СССР». Начальниками городов-пунктов (рай-

онов) МПВО назначались генералы и старшие офицеры Министерства внутренних дел СССР, рабочими органами стали штабы, укомплектованные кадровыми военными служащими МВД и вольнонаемными служащими.

1 января 1950 г. в соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 23 сентября 1949 г. № 14974-РС и на основании Приказа Министерства внутренних дел СССР от 16 ноября 1949 г. была создана система МПВО Челябинской области. Первым руководителем ее стал начальник УВД Челябинской области генерал-майор Александр Павлович Захаров (1905–1969). В феврале 1950 г. принято положение «Об организации городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны».

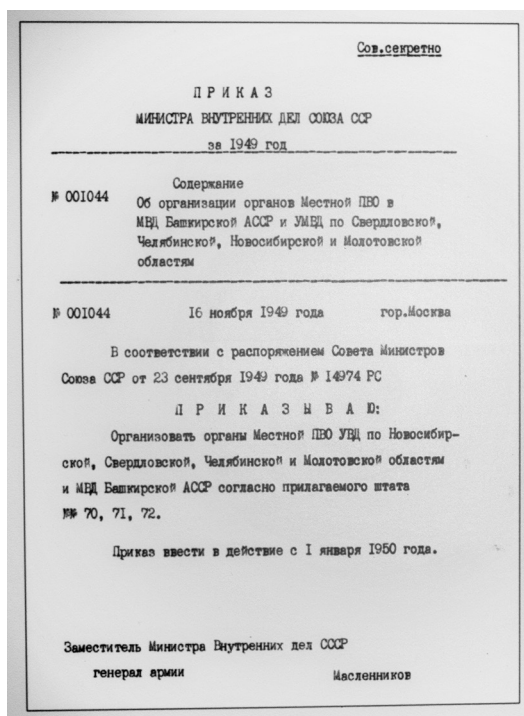
В июне 1955 г. Совет министров СССР принял постановления «О мероприятиях по повышению готовности местной противовоздушной обороны страны к защите населения и промышленных объектов от атомного оружия» и «О мероприятиях по обеспечению медицинской помощи населению в условиях применения атомного оружия». В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 29 июня 1955 г. Главное управление службы МПВО МВД СССР было преобразовано в штаб МПВО страны, на местах управления службы заменены областными, краевыми и республиканскими штабами МПВО. В связи с этим в 1955 г. был создан штаб МПВО Челябинской области.

1961 год в Советском Союзе ознаменовался созданием на базе МПВО новой «общегосударственной всенародной оборонительной системы — Гражданской обороны СССР». В июле было принято «Положение о гражданской обороне». Так, особо подчеркивалось, что гражданская оборона является системой общегосударственных оборонных мероприятий, осуществляемых заблаговременно, в мирное время в целях защиты населения и народного хозяйства страны от ракетно-ядерного, химического, бактериологического оружия, проведения спасательных и неотложных аварийно-восстановительных работ в очагах поражения, и строится по территориально-производственному принципу.

В результате реформирования в 1962 г. в Челябинской области был создан штаб гражданской обороны. Первым его начальником назначен полковник Александр Павлович Черепанов (1920–2010). В этот период на Южном Урале укрепляется материально-техническая и кадровая база структур гражданской обороны. Начато строительство защищенного загородного пункта управления; строятся склады мобилизационного резерва гражданской обороны (в пос. Тимирязевский, Аргаяш, Шумовский, Спасское, г. Куса); организовано строительство пунктов управления для Магнитогорска, Златоуста и Миасса; строится здание областных курсов гражданской обороны на ул. Татьянической, 4, в Челябинске.

За время своего руководства гражданской обороной области (1960–1976) А. П. Черепанов сделал много для того, чтобы система обороны Южного Урала стала одной из лучших в регионе и далеко не последней в огромной стране. Усилия челябинцев отмечались на самом высоком уровне. Л. И. Ткаченко, Н. Н. Суздалев, Ф. Ф. Коковкин — вот лишь некоторые из председателей городских и районных исполкомов области, ветеранов гражданской обороны, стоявших у истоков формирования данной системы в послевоенные годы.

В 1963 г. штабы и войска гражданской обороны были переданы в подчинение Министерства обороны СССР. Были созданы операционные направления в целях осу-

Приказ МВД СССР № 001044 от 16 ноября 1949 г. о создании в Челябинской области системы местной противовоздушной обороны. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

ществления взаимодействия между городскими и сельскими органами гражданской обороны. В Челябинской области было создано три направления.

Первое направление — Оренбургское. Силы гг. Копейска, Коркино, Троицка, Пласта, Еткульского, Увельского, Октябрьского, Троицкого, Чесменского и Варненского районов планировались для ведения спасательных работ в Ленинском и Тракторозаводском районах Челябинска. Сам штаб находился в Троицке, загородный штаб и передвижной пункт управления — в Еманжелинске.

Второе направление — Уфимское. Силы Чебаркульского, Уйского районов, гг. Миасс и Чебаркуль планировались для ведения спасательных работ в Центральном и Советском районах Челябинска. Штаб находился в Чебаркуле, передвижной пункт управления — в пос. Тимирязевском.

Третье направление — Свердловское. Силы Аргаяшского, Кунашакского, Сосновского, Красноармейского районов планировались для ведения спасательных работ в Metallургическом районе Челябинска. Штаб находился в пос. Аргаяш, передвижной пункт управления — в дер. Казанцево.

В 1965 г. произошли очередные структурные изменения. Три направления были реорганизованы в пять операционных направлений: Троицкое, Чебаркульское, Аргаяшское, Кунашакское, Курганское. В эти годы в системе гражданской обороны Южного Урала работали С. А. Варакин, А. И. Семен, И. П. Вторышев, Ф. В. Козлов, В. М. Холодов, В. Н. Понкратов, А. Г. Балханов, М. Ф. Кудрявцев, И. П. Кукин, А. К. Бобышев, Н. А. Батанов и другие. В этот период продолжалось строительство защитных сооружений, построен весь комплекс военного городка для размещения новогорненской бригады, улучшены графическая и текстовая обработка оперативной документации.

В 1976 г. Челябинск стал городом-миллионником, в связи с чем был образован штаб гражданской обороны города. Начальником его был назначен полковник Аркадий Александрович Винокуров (1930–2018). В тот период создана правовая основа для совместной работы территориальных, отраслевых и военных органов при планировании и решении задач гражданской обороны в мирное и военное время. Начальником штаба Челябинской области в 1976 г. назначен полковник Валентин Алексеевич Томский (1932–2003). Была изменена структура территориальных штабов гражданской обороны. В Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, Миассе, Копейске, Коркино, Кыштыме, Троицке введены офицерские должности начальников штабов гражданской обороны районов, городов. В целом в 1980-е гг. началась основательная перестройка системы гражданской обороны страны. Приоритеты были смещены в сторону защиты населения и территорий от аварий, катастроф и стихийных бедствий в мирное время.

В 1983–1987 гг. областной штаб гражданской обороны возглавлял полковник Игорь Матвеевич Кузьяев. Большим испытанием для войск гражданской обороны стала трагедия 1986 г., произошедшая на Чернобыльской атомной электростанции. В ликвидации последствий аварии приняли участие и южноуральцы: Геннадий Николаевич Подтесов, Вячеслав Михайлович Лоскутов, Вячеслав Константинович Смирнов, Олег Иванович Голубцов, Валерий Николаевич Цыстеров, Сергей Васильевич Сапрыкин, Владимир Ильич Тринченко, Сергей Михайлович Голиков, Александр Степанович Иноземцев, Илья Семенович Головатый, Юрий Дмитриевич Чирков, Валерий Петрович Зехов, Рамиль Рамизанович Усманов, Александр Владимирович Капитанец и др.

Начальник штаба гражданской обороны Челябинской области в 1987–1993 гг. — полковник Анатолий Иванович Садовский. В ночь с 3 на 4 июня 1989 г. на 1710-м километре Куйбышевской железной дороги на перегоне Улу-Теляк — Аша случилась самая крупная железнодорожная катастрофа СССР. Два пассажирских поезда — № 211 Новосибирск — Адлер (20 вагонов) и № 212 Адлер — Новосибирск (17 вагонов), — следовавших в расходящихся направлениях, в 23 часа 10 минут оказались в зоне объемного взрыва скопившейся углеводородо-воздушной смеси, которая образовалась в результате истечения нефтепродуктов из разорвавшейся трубы продуктопровода Западная Сибирь — Урал — Поволжье. Энергия объемного взрыва была равна энергии взрыва около 300 т тротила. Нанесенный ущерб был ужасающим: в огне погибли 575 (!) человек, телесные повреждения получили 623 (!) человека, полностью вместе с локомотивами сгорели два пассажирских поезда. На протяжении 4 км были разрушены железнодорожные пути (в оба направления), нанесен урон природной среде.

Для проведения аварийно-спасательных работ и других мер было привлечено 2857 человек личного состава и 156 единиц техники от войсковых частей Приволжского военного округа, 800 человек личного состава МВД, 500 призывников, 3827 человек и 545 единиц техники невоенизированных формирований гражданской обороны, 22 пожарных автомобиля, два пожарных поезда, 100 врачебно-сестринских бригад, 42 санитарные дружины, 14 санитарных постов, 138 санитарных машин, 37 вертолетов. В результате своевременного проведения работ уже в 20:30 четвертого июня был восстановлен и открыт для движения один путь, а в 05:52 пятого июня движение на железной дороге открыто по двум направлениям.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. под контроль штабов гражданской обороны были взяты потенциально опасные объекты городов и районов Челябинской области. Организовывались их проверки с целью выполнения требований по обеспечению безопасности. Вводились службы оперативных дежурных для оповещения руководящего состава городов и районов по принятию незамедлительных мер в случае чрезвычайных ситуаций.

В 1990-е гг. доктрина гражданской обороны по защите территорий и населения страны от оружия массового поражения претерпела значительные изменения. На гражданскую оборону возлагалась задача защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в мирное время. Перестройка системы гражданской обороны привела в итоге к созданию новой государственной структуры — единой системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

27 декабря 1990 г. Совет министров РСФСР принял Постановление № 606 «Об образовании Российского корпуса спасателей на правах Государственного комитета РСФСР». 30 июля 1991 г. Президиум Верховного Совета РСФСР Постановлением № 1617 преобразовал Российский корпус спасателей в Государственный комитет РСФСР по чрезвычайным ситуациям (ГКЧС РСФСР). 19 ноября 1991 г. Указом Президента РСФСР № 221 создан Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий при Президенте РСФСР. Наконец, 18 апреля 1991 г. принято Постановление № 261 «О создании Российской системы предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях» (РСЧС). 8 мая 1993 г. подписан Указ № 663 «О гражданской обороне».

Штаб гражданской обороны Челябинской области в 1993–1997 гг. возглавлял полковник Геннадий Николаевич Подтесов. Постановлением Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1396 и главы администрации Челябинской области от 14 июля 1997 г. № 515 штаб по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям (ГО и ЧС) Челябинской области реорганизован в Главное управление по делам ГО и ЧС Челябинской области. Начальником управления назначен полковник Олег Борисович Климов. Штабы Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, Миасса, Копейска, Коркино, Кыштыма, Троицка, Озерска реорганизованы в управления по делам ГО и ЧС этих городов. Штабы по делам ГО и ЧС городов, не отнесенных к группам по гражданской обороне, и сельских районов преобразованы решениями начальников гражданской обороны соответствующих муниципальных образований в управления по делам ГО и ЧС.

В этот период решались следующие задачи: проведение предупредительных мероприятий по снижению риска возникновения чрезвычайных ситуаций; совершенствование защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; обеспечение готовности к действиям органов управления, сил и средств. Осуществлялись государственная экспертиза, надзор и контроль по вопросам защиты от чрезвычайных ситуаций. Шло дальнейшее развитие и совершенствование системы законодательства, регулирующего отношения в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

С 1998 г. в Челябинской области функционирует современный подвижный пункт управления начальника гражданской обороны. В 2001 г. создан территориальный центр мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Развивается поисково-спасательная служба Челябинской области, созданы муниципальные спасательные отряды в Челябинске, Озерске, Снежинске, Кыштыме, пос. Локомотивном.

М. В. Растопчин. Тактико-специальные учения сил и средств подсистемы РСЧС Челябинской области. Полигон 978-го учебного спасательного центра МЧС России (Озерский городской округ, пос. Новогорный). 1 августа 2011 г.

Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

но-спасательной службы. Оказание помощи осуществляется при пожарах, при техногенных авариях, при дорожно-транспортных происшествиях, при лесных пожарах. Постановлением губернатора Челябинской области от 21 июля 2003 г. № 326 созданы единая дежурно-диспетчерская служба (ЕДДС), а также повседневные органы управления ЕДДС, дежурно-диспетчерских служб городов, районов и организаций. Идет создание единой системы оперативно-диспетчерского управления с единым номером службы спасения «01».

Указом Президента РФ от 28 августа 2003 г. № 991 «О совершенствовании единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» в ведение МЧС России передана Государственная инспекция по маломерным судам. На МЧС России возложены дополнительные функции: организация поиска и спасения людей во внутренних водах и в территориальном море РФ; надзор во внутренних водах и в территориальном море РФ за использованием маломерных судов и баз для их стоянок; руководство деятельностью Государственной инспекции по маломерным судам РФ.

Приказом МЧС России от 6 августа 2004 г. № 372 утверждено «Положение о территориальном органе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий — органе, специально уполномоченном решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъекту Российской Федерации».

1 января 2005 г. Главное управление по делам ГО и ЧС Челябинской области преобразовано в Главное управление МЧС России по Челябинской области. До февраля 2013 г. начальником управления был генерал-майор Олег Борисович Климов, с июня 2013 г. — полковник Юрий Николаевич Буренко (с июня 2014 г. — генерал-майор внутренней службы).

За последнее десятилетие произошли определенные изменения в оценке факторов, которые оказывают влияние на государственную политику в области предотвращения чрезвычайных ситуаций и снижения рисков. Вот оценка некоторых из них.

Актуальной остается угроза терроризма. Поэтому подготовка сил и средств МЧС России к действиям по ликвидации последствий террористических актов должна проводиться с учетом возможности применения террористами радиоактивных, химических, биологических компонентов и специфики мест массового пребывания людей, транспортных узлов, систем жизнеобеспечения, опасных производств в каждом регионе. Специальным оснащением и навыками должны обладать пожарно-спасательные службы для борьбы с пожарами и обрушениями зданий. Необходимо планомерно

С 2002 г. в Челябинской области в рамках административной реформы идет процесс организации единого государственного надзора по вопросам гражданской обороны, предупреждения чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности на территории области, а также надзора на водных объектах.

С 1 января 2002 г. Указом Президента РФ от 9 ноября 2001 г. № 1309 Государственная противопожарная служба МВД РФ преобразована в Государственную противопожарную службу Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС). Идет создание Государственной пожар-

но разрабатывать меры по борьбе с хакерскими атаками на систему управления в кризисных ситуациях. Сохраняется тенденция изменений природно-климатических условий, активизации сейсмических и гелиофизических процессов, что выражается в увеличении частоты и масштабов бедствий, перерастании природных катастроф в техногенные, и наоборот. Усиливается опасность трансграничного переноса в различных средах загрязняющих и опасных веществ. Уменьшается количество источников и запасы природной питьевой воды.

При этом следует отметить, что действия подразделений Главного управления МЧС России по Челябинской области при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и социально значимых происшествий наглядно демонстрируют правильность выбранного направления в реализации политики в области гражданской обороны.

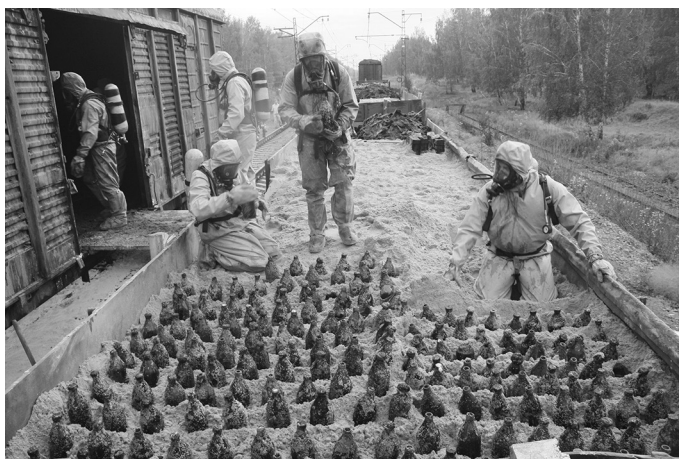
Вот наиболее значимые события последнего десятилетия.

1 сентября 2011 г. в Челябинске на станции Челябинск-Главный при обходе и осмотре грузового состава было установлено, что из вагона в составе поезда сообщением от ст. Красноперекопск (ОАО «Бром») до ст. Славгород — Яровое (АлтайХимПром) исходит резкий запах. В вагоне находилось вещество бром в количестве 6267 стеклянных емкостей по 2 л каждая, из них разбилось и было повреждено предположительно около 600 банок. В 12:56 того же дня утечка брома локализована. В 14:08 авария была ликвидирована.

15 февраля 2013 г. в 9 часов 20 минут над территорией 11 муниципальных образований области прошел метеоритный дождь, который сопровождался яркой вспышкой и разрушительным воздействием ударной волны. Было повреждено 7420 объектов, в том числе 6097 жилых домов (пострадало более 120 тыс. семей), 840 образовательных учреждений, 296 учреждений здравоохранения, 29 — социальной защиты, 110 объектов культуры, 48 объектов физкультуры и спорта. Общий ущерб составил более 0,5 млрд руб. В медицинские учреждения обратились 1613 человек (в том числе 324 ребенка), было госпитализиро-

Утечка брома на станции Челябинск-Главный. 1 сентября 2011 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

Силы и средства подсистемы РСЧС Челябинской области ликвидируют последствия утечки брома на станции Челябинск-Главный. 3 сентября 2011 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

След от метеорита (снято над Челябинском). 15 февраля 2013 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

*Группировка 978-го учебного спасательного центра МЧС России участвует в ликвидации последствий подтоплений на Дальнем Востоке (Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, Мылкинская дамба). 15 сентября 2013 г.
Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области*

*М. В. Расопчин. Специалисты Уральского регионального поисково-спасательного отряда МЧС России (Екатеринбург) оказывают помощь жителям в ходе ликвидации последствий подтоплений на Дальнем Востоке (Хабаровский край, Николаевский район, пос. Маго). 22 сентября 2013 г.
Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области*

вано 69 человек (в том числе 13 детей). На 13 марта все пострадавшие выписаны из лечебных учреждений. 5 марта режим ЧС был снят. К этому времени аварийно-восстановительные работы завершены, проведено остекление 107 778 окон общей площадью 194 тыс. м². К работам были привлечены силы и средства территориальной подсистемы РСЧС: 24 127 человек и 4327 единиц техники, в том числе от МЧС России — 18 787 человек и 3563 единицы техники.

Большую роль сыграла уральская группировка МЧС России и при ликвидации последствий подтоплений на Дальнем Востоке. Южный Урал представляли 29 сотрудников Челябинского и Миасского гарнизонов пожарной охраны, работники инспекторских участков Государственной инспекции по маломерным судам (11 единиц техники), военнослужащие 978-го учебного спасательного центра МЧС России.

С 16 августа по 5 октября 2013 г. пожарные и спасатели Южного Урала принимали активное участие в аварийно-восстановительных работах: укрепляли дамбы (в том числе ставшую знаменитой Мылкинскую дамбу), откачивали воду с подтопленных улиц, подвозили населению продовольствие, воду и медикаменты, осуществляли круглосуточное дежурство на территории подтопленного моста федерального значения Хабаровск — Николаевск-на-Амуре, проводили обследование подтопленных территорий, развора-

чивали госпиталь Всероссийского центра медицины катастроф.

Взрыв в жилом доме в Магнитогорске произошел накануне Нового года, в понедельник 31 декабря 2018 г. в 6:02 по местному времени: на втором этаже десятиэтажного жилого дома на пр. Карла Маркса взорвался бытовой газ (предварительная версия следствия), частично обрушился подъезд № 7.

В первые часы после обрушения были эвакуированы 18 человек, извлечены из-под завалов живыми три человека, в том числе один ребенок. Были задействованы кинологические расчеты, аэромобильные группировки пожарных-спасателей, специалисты отрядов «Центроспас» и «Лидер», психологи. Проводилась оценка технического состояния здания.

Операция стала уникальной из-за повышенных рисков для людей, которые участвовали в ней: сохранялась угроза дальнейшего обрушения конструкций. В районе ЧС была создана группировка в составе 955 человек и 230 единиц техники, в том числе от МЧС России — 518 человек и 74 единицы техники. С места ЧС было вывезено

порядка 2000 м³ обломков. В итоге из здания были эвакуированы 86 человек, спасены 24 человека, погибли 39 человек.

Двадцать один участник ликвидации чрезвычайной ситуации (из них 16 сотрудников МЧС России) за работы по устранению последствий обрушения, проводившихся круглосуточно в течение четырех суток, в условиях, сопряженных с риском, в сложных погодных условиях (при низких температурах), были награждены государственными наградами РФ. Ведомственными наградами МЧС России награждены 396 человек.

М. В. Растопчин. Тактико-специальные учения сил и средств подсистемы РСЧС Челябинской области: ликвидация последствий аварии на железнодорожном транспорте. Станция Челябинск-Главный. 4 октября 2014 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ ЮЖНОГО УРАЛА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ. УРОКИ ПРОШЛОГО

В настоящее время постоянно звучит тезис о том, что экономически развитые страны Запада богаты только потому, что благосостояние Европы основано на эксплуатации колоний. Россия не достигла сопоставимого уровня экономического могущества, так как Российская империя никогда не проводила колониальную политику. Так ли это, и корректен ли данный тезис?

Российская империя, как и другие западноевропейские державы, вела войны и прирастала новыми землями, которые последовательно присоединялись к территории страны и являлись продолжением России. Но основное отличие России от стран Европы было в том, что европейские державы комплексно занимались формированием системы управления зависимыми территориями. Создавались министерства по делам колоний (англ. Colonial Office) и правительственные департаменты, регулирующие отправку разных категорий граждан на территории протекторатов.

Российская империя освоением своих земель занималась непоследовательно и неэффективно. Она погрязла в канцелярской работе и бесконечных спорах, выпуская циркуляры, которые то стимулировали развитие новых территорий, то запрещали какое-либо переселение туда вовсе.

Сравним статистику переселенческого движения стран Европы и Российской империи: из Великобритании в 1881–1902 гг. выехало в английские колонии 4 685 000 человек, а в России в 1885–1903 гг. переселилось на сибирские территории, в Новороссию, Предкавказье, Закавказье, оренбургские, киргизские степи и Туркестан не более 1 900 000 человек. При этом большое количество переселенцев вернулось на свои старые территории вследствие произвола местных властей и отсутствия возможностей для развития хозяйства. Поэтому даже цифра 1 900 000 человек является преувеличенной. В этот же период около трети населения Франции, Шотландии и Италии переехало на свои зависимые территории. В Ирландии вообще уровень оттока населения был настолько высок, что власти были вынуждены говорить о постепенном опустошении страны¹.

Почему так плохо Россия осваивала свои территории?

Во-первых, было очень сильно «дворянское лобби» (крупные землевладельцы), которое захватывало, получало новые земли и потом просто забывало о них, оставляя огромные территории без кого-либо развития, но при этом планомерно препятствовало переселению и экономическому освоению бескрайних регионов, рассматривая это как возможную угрозу своему благополучию. Во-вторых, неэффективной была работа региональных властей и, в-третьих, непоследовательно принимались нормативно-правовые акты, регулирующие переселение, и в целом наблюдалось отрицательное отношение в административной практике к любым перемещениям на новые земли².

В этой связи переселение на уральские и сибирские земли в заметных размерах начинается лишь в 1880-е гг.³ В 1880-е гг. возникает и регистрация переселенцев и колонистов в Челябинске, Тюмени и Сызрани. Таким образом, несмотря на все административные препятствия, стоящие перед всяким решившимся на переезд, количество переселенцев росло, достигнув значительных цифр, что заставило считаться с этим как со свершившимся фактом. «Необходимость считаться с постепенно обостряющи-

мися действиями малоземелья, с одной стороны, и опасение придать переселениям нежелательные для правительства размеры, с другой, составили те основные начала, которыми характеризовалось законодательство 1880-х годов»⁴. Поэтому «Правила» 1881 г. впервые узаконили переселение на казенные земли Сибири и Урала, ставив при этом каждый случай переселения в зависимость от двух министерств — внутренних дел и государственных имуществ. Затем буквально за пять лет был достигнут небывалый подъем движения, превысивший ожидания и приведший к тому, что все отмежеванные участки были заполнены. В связи с этим правительство постановило прекратить выдачу разрешений, и в январе 1897 г. Переселенческим управлением был издан циркуляр, рекомендовавший «принять все меры по сокращению движения колонистов и переселенцев», что было реализовано местными властями с большим усердием. В частности, некоторые губернии издавали «воспрещения в перемещении» до предоставления удостоверения о имеющейся наличности в размере не менее 300 руб.

В то же время, согласно материалам Департамента государственных земельных имуществ и Министерства государственных имуществ Российской империи, по итогам изучения многочисленных командировок и совещаний руководителей было решено, что лучшим колонизационным элементом в южных районах Челябинского уезда являются выходцы из Екатеринославской губернии. Это обуславливалось сравнительным сходством естественных условий и климата данных губерний, а также преобладанием пшеницы среди зерновых посевов, распространенностью бахчевых культур и подсолнечника. Важным фактором являлось и то, что выходцы из Екатеринославской губернии, выручая деньги от продажи своих усадебных земель с садами и полевых угодий, приезжали с большими финансовыми средствами, чем переселенцы из европейской части России, получавшие лишь «общинную подмогу». Наконец, не последнее значение имела большая хозяйственность выходцев из Екатеринославской губернии, которые сразу разводили сады, осваивали плодородные земли, устраивали запруды и колодцы, охотнее покупали передовые земледельческие орудия и машины, а также в целом легко адаптировались на новом месте, нежели жители других регионов России, которые плохо обживались и впадали в тоску.

Интересным является пример, представленный в отчете члена ученого комитета Министерства государственных имуществ А. А. Кауфмана по итогам его командировки в Челябинский уезд Оренбургской губернии летом в 1903 г. Так, в Челябинском уезде образовалось три поселка — один выходцев из Екатеринославской губернии и два выходцев из Тульской губернии. Первый производил впечатление зажиточности, всегда имел огромные запасы хлеба, тогда как другие два поселка были намного беднее, а их жители вели хозяйство очень плохо и существовали сторонними заработками⁵.

В Челябинском уезде (общая площадь статей 168 тыс. десятин, из них удобных 138 десятин) наиболее плодородные земли относились к Кочердыкскому району (всего 110 тыс. десятин, 89 тыс. удобных), участки которого располагались вдоль границы земель Оренбургского казачьего войска. На запрос управления Министерства государственных имуществ о пригодности земель для водворения колонистов надзиратель Кочердыкского района Костин ответил, что «почва черноземная, довольно много щельников, которые очень плодородны, но представляют большие трудности для обработки. На некоторых участках отмечены солонцы или кочковатые площади. В целом земли являются черноземными, некоторые превосходно-черноземными». Таким образом, к концу XIX в. у правительства Российской империи было сформировано, с одной стороны, четкое понимание, что земли юга Челябинской области являются плодородными и их срочно необходимо развивать и заселять, а с другой стороны, правительство принимало поэтапные ограничительные меры к переезду. В таких исторических условиях и происходило освоение южной части Челябинского уезда Оренбургской губернии в конце XIX в.⁶

В 1898–1900 гг. начинается активный приезд землепроходцев, решившихся на освоение и развитие неведомых земель на юге Челябинского уезда. Это семьи выходцев из Екатеринославской губернии Новомосковского уезда: Бандурко, Камышные, Кремена, Кумпель, Омельченко, Поталах, Рудь, Смокота, Сыса, Фенько. По мере их укоренения на новых землях названия населенных пунктов Екатеринославской губернии начинали свою вторую жизнь в Челябинском уезде. Так, появилась Новомосковка (от

г. Новомосковск Екатеринославской губернии), Рясское, Рясский хутор (от ратного села запорожских казаков Рясского, находившегося на украинской линии Рясского полка в Рясской волости Константиноградского уезда Полтавской губернии), Кременевка (от Кременевских хуторов Екатеринославской области) и многие другие.

Позже появляются населенные пункты, названные по фамилиям землепроходцев. Так, была сформирована Бандурковская территория интенсивного земледелия, названная по фамилии первых поселенцев Родиона Михайловича (1850 г. р.) и Харитона Родионовича (1875 г. р.) Бандурко. Спустя два десятка лет, несмотря на все сложности освоения ковыльной и безлесной степи, невероятный труд, напряжение всех физических и духовных сил, владения землепроходцев Бандурко увеличились до обширных территорий, объединяя несколько современных районов; были построены мельницы и завод по производству растительного масла. Однако и здесь, несмотря на титанический беззаветный труд первопроходцев, плодами своей деятельности они так и не воспользовались, в отличие от опыта стран Европы, так как после Октябрьской революции все их земли в 1927–1929 гг. были национализированы.

В заключение необходимо отметить, что Россия кардинально отличалась от западных держав в деле освоения новых территорий не только тем, что принимала противоречивые и непоследовательные решения, зависящие от взглядов и личных интересов конкретных лиц в отсутствие государственных программ комплексного развития, но и тем, что находилась под влиянием геополитических и политических факторов, безвозвратно меняющих подходы к развитию территорий.

Примечания

¹ Клаус А. А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 125.

² Переселение на Урал в 1911 году. На Кавказ переселение закрыто. СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1911. С. 12.

³ Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1909. С. 250.

⁴ Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб., 1900. С. 94.

⁵ Кауфман А. А. Отчет члена Ученого комитета Министерства государственных имуществ А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. СПб. : Тип. В. О. Киршбаума, 1904. С. 80.

⁶ Кауфман А. А. Переселение и колонизация: государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России (на переломе XIX–XX вв.). М. : Либроком, 2020. С. 93.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ И ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945)

Легкая и пищевая промышленность являются важнейшими сегментами экономической и социальной жизни. Их функциональный смысл заключается в удовлетворении потребностей человека в жизненно необходимых материальных благах, поддержании жизни граждан.

Сеть предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области в 1939–1941 гг. (соответственно 22 и 216 предприятий¹) была разнородной по ассортименту продукции и значению отдельных производств. На конец 1940 г. в легкой промышленности области были заняты 4050 человек (удельный вес во всей промышленности области — 3,6 %), в пищевой — 1688 человек (5,6 %)². Руководители большинства предприятий, управлений, трестов имели низшее или незаконченное среднее образование (высшее образование было исключением), возраст 30–45 лет, являлись членами ВКП(б). Среди них преобладали мужчины, представители русской нации³. Назначением на руководящие должности занимался Челябинский обком ВКП(б).

На предприятиях пищевой отрасли имелись такие профессии, как бойщик, консервщик, сепараторщица, в легкой индустрии — ткачиха, станочница, сортировщик, прессовщик⁴.

Социально-бытовое положение тружеников легкой и пищевой промышленности не отличалось благополучием: отмечались крайне низкий уровень оплаты труда, плохое жилье, необеспеченность товарами повседневного спроса. Это объясняется второстепенной ролью, непрестижностью названных отраслей в исследуемый период, их недостаточным финансированием и снабжением.

Несмотря на подчиненное положение по отношению к приоритетному развитию группы «А», в анализируемых отраслях поддерживалась довольно высокая трудовая активность работников. В 1940 г. она характеризовалась следующими данными: из 786 рабочих, занятых в системе облпищепрома, 126 (16,4 %) являлись стахановцами, 81 (10,6 %) — ударниками. Из 4050 человек, работавших в легкой промышленности, стахановцами были 1218 (30,1 %), ударниками — 538 (13,3 %)⁵. Лучших стахановцев предприятий награждали значками «Ударник соцсоревнования».

В масштабах страны активно внедрялись новые формы стахановского движения — многостаночное обслуживание, совмещение двух и более профессий, — что значительно повышало производительность труда, поскольку рабочие выполняли нормы на 120–157 %. От общего движения не отставали и уральские предприятия, работники которых добивались выполнения 1,5–2,5 норм. Так, коллектив Челябинского крупозавода № 8 октябрьский план 1939 г. по переработке овса выполнил на 151 %, крупы — на 167,5 %. На Троицком маслозаводе в октябре 1940 г. бригада Ракитиной довела дневную переработку подсолнуха до 22 т при норме 12 т⁶.

Рабочие участвовали в различных видах социалистического соревнования: им. XVIII Всесоюзной партконференции, ко Дню Сталинской конституции, к 1 Мая и пр. Коллектив Троицкого жиркомбината к открытию XVIII партконференции взял на себя обязательство выполнять сменное задание не менее чем на 150 %, производственную программу 1940 г. выполнить не ниже чем на 110 %, выпустить продукции

высших сортов сверх плана на 20 %, повысить производительность труда против плана на 15 %. Частично эти обязательства были выполнены, тем самым коллектив комбината дал государству прибыли 3 млн 600 тыс. руб.⁷

Охват соревнованием был широким. По данным на сентябрь 1940 г., Шадринский мясокомбинат соревновался с Кыштымским мясокомбинатом: из общего количества работающих (270 человек) участвовали в соревновании 200, по индивидуальным договорам — 86 человек. Состязались и с предприятиями соседних областей. Например, в первой половине 1939 г. Челябинский мясотрест заключил соцдоговор со Свердловским мясотрестом, в выполнении производственной программы победил Свердловский трест. Передовикам соцсоревнования ежегодно вручалось переходящее Красное знамя. В соответствии с постановлением бюро Челябинского обкома партии и облисполкома от 8 января 1941 г. за перевыполнение плана 1940 г. такое знамя было присуждено Каменской и Челябинской швейным мастерским. В то же время архивные документы показывают, что социалистическое соревнование на ряде предприятий было развито недостаточно, работники не охвачены были индивидуальными договорами (к примеру, на Магнитогорской швейной фабрике, троицкой фабрике «Смычка»)⁸.

Анализ конкретно-исторического материала позволяет заключить, что накануне Великой Отечественной войны работающие были деятельны в труде, формы выражения трудовой активности были разнообразными.

С началом Великой Отечественной войны неблагоприятные тенденции, наблюдавшиеся в совокупном составе работников пищевой и легкой промышленности Челябинской области в течение 1939 — начала 1941 г., усилились. Новыми факторами, воздействовавшими на кадровую ситуацию, стали военно-мобилизационные мероприятия, активные миграционные процессы, перераспределение трудовых ресурсов в пользу военно-оборонного промышленного комплекса, вынужденная ввиду чрезвычайной обстановки смена половозрастных групп среди работающих, ухудшение материально-бытовых условий жизни тылового населения.

В конкретной исторической обстановке войны многообразной работой по созданию, сохранению, поддержанию трудовых коллективов на предприятиях занимались первичные партийные, комсомольские, профсоюзные и другие массовые общественные организации. При всей разноплановости их работы главной заботой была мобилизация патриотической и прежде всего трудовой активности коллективов предприятий под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Средняя выработка на одного рабочего ежегодно определялась планом, но фактически она менялась и в сторону увеличения, и в сторону снижения. Увеличение шло благодаря трудовому героизму работающих, внедрению механизации и конвейеризации, пересмотру устаревших норм выработки, а уменьшалась из-за частых простоев предприятий (по причине отсутствия сырья, топлива, ремонта оборудования, аварий), низкой квалификации кадров, неудовлетворительной организации труда на ряде предприятий. Производительность труда серьезно различалась внутри отраслей. В легкой индустрии рабочие шорной отрасли вырабатывали продукции на 20 602 руб. в год, в стекольной — на 2279 руб., в швейной и обувной — по 6887–7600 руб. В целом к концу войны производительность труда в легкой промышленности увеличилась в сравнении с 1940 г. на 26,2 %, в пищевой к 1944 г. в сравнении с 1941 г. — на 350 % (в Молотовской области соответственно на 104 и 108 %)⁹. Объяснить такие высокие цифры в пищевой отрасли можно наличием в ассортименте дорогостоящей продукции, производимой для нужд фронта.

В годы Великой Отечественной войны отступление от средних норм выработки в сторону увеличения оказалось неизбежным, так как было необходимо восполнить дефицит рабочих рук. Для этого практиковалось совмещение нескольких профессий. Так, мастер крупозавода № 8 Гурьянов одновременно работал в двух цехах — овсяном и просяном. Получили распространение стахановские вахты «Все для фронта». Например, секретарь Курганского горкома ВКП(б) Каравайцева докладывала в Челябинский обком в октябре 1941 г., что на Курганском мясоконсервном комбинате были созданы три стахановские вахты: две в консервном цехе, в котором трудящиеся выполняли 116 % нормы, и одна в колбасном, дающая 150–157 % нормы. Имело место и выполнение двух-четырёх норм. К примеру, работница Троицкой кожгруппы

В. Лебедева давала в ноябре 1941 г. 450 % нормы, работница цеха мороженого Челябинского городского молочного завода Завьялова весь 1944 г. выполняла норму на 209–232 %¹⁰.

Также практиковались меж- и внутриобластные формы соревнования между предприятиями отрасли, бригадами, сменами, отдельными рабочими. Лучшим предприятиям обком партии и облисполком ежеквартально присуждали переходящие Красные знамена. Троицкий шорно-фурнитурный и Курганский мясоконсервный комбинаты в 1942–1945 гг. получали такую награду неоднократно. Существовали знамена и внутри заводов, фабрик. Они передавались лучшим цехам, при этом кроме перевыполнения норм учитывались показатели экономии сырья и материалов, снижение себестоимости, улучшение качества продукции¹¹.

В мае 1942 г. стало зарождаться Всесоюзное социалистическое соревнование предприятий по отраслям промышленности. Главным лозунгом соревнующихся было увеличение производства продукции для фронта и населения. Лучшим предприятиям в каждой отрасли индустрии, перевыполнившим государственный план и добившимся высокого качества продукции, присуждались переходящие Красные знамена ГКО и вручались денежные премии. Итоги соцсоревнований подводились ВЦСПС и наркоматами ежемесячно и публиковались в печати¹².

Предприятия легкой и пищевой промышленности Челябинской области включились во Всесоюзное соревнование и достигли успеха. Так, в результате хорошей работы в июне 1942 г. Троицкий шорно-фурнитурный комбинат вышел на первое место в соцсоревновании предприятий легкой промышленности и получил переходящее Красное знамя НКЛП СССР и ВЦСПС и премию в сумме 185 тыс. руб., из которых на премирование ИТР, служащих и рабочих полагалось 75 тыс. руб. Предприятиям Челябинского мясотреста за 1943 г. вручалось семь премий наркомата мясомолочной промышленности и ВЦСПС¹³. Приведенными примерами далеко не исчерпывается список отмеченных премиями в 1942–1945 гг. предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области.

Наряду с успешными предприятиями имелись и отстающие. Трудовым коллективам не всегда удавалось выполнять нормы и взятые обязательства. Это происходило как по субъективным (невыполнение норм выработки отдельными рабочими, в основном новичками), так и по объективным (нехватка топлива, сырья) причинам. К примеру, коллектив Челябинского кожзавода в 1942 г. брал обязательства выполнить октябрьский план выпуска продукции в натуральном и ценностном выражении на 105 %, но не реализовал их из-за недостатка топлива и химикатов, в целом же план по валовой продукции был исполнен заводом на 70 %¹⁴.

В 1943 г. по инициативе московских комсомольцев стали возникать молодежно-фронтные бригады, в которые включались и взрослые рабочие. Эта идея нашла отклик среди работающих в легкой и пищевой промышленности Челябинской области. Первые бригады организовала молодежь Троицкого шорно-фурнитурного комбината: по инициативе передовых рабочих Исаевой, Рубановой, Мендибаевой 20 декабря 1943 г. сформированы четыре молодежные фронтные бригады с охватом 29 человек. На 1 января 1944 г. по обллегпрому были созданы 32 такие бригады с числом участников 270 человек. Молодежь давала рекордное выполнение норм выработки: стахановки Троицкого шорно-фурнитурного комбината 24 декабря 1943 г., встав на фронтную вахту, выполнили дневное задание: Иванова — на 1125 %, Мелихова — на 1063 %, Исаева — на 968 %, а вся смена в целом выполнила задание на 700 %¹⁵.

Надо заметить, что в 1941–1945 гг. численность стахановцев и ударников на предприятиях была различной. Так, в 1944 г. в Челябинске на макаронной фабрике работали 245 человек, из них стахановцами и ударниками были 193 (81 %), на витаминном заводе — соответственно 281 и 200 (71 %), на текстильной фабрике — 230 и 123 (53,4 %)¹⁶. В легкой индустрии количество стахановцев в 1944 г. увеличилось на 13,5 %, ударников — на 1,5 % по сравнению с 1940 г. Это говорит об энтузиазме, трудовом героизме, патриотическом подъеме работников. В 1945 г. численность стахановцев уменьшилась на 13,4 % в сравнении с 1944 г. и достигла уровня 1940 г., количество ударников, напротив, возросло на 7,8 %. Такие данные можно объяснить, наверное, усталостью людей от войны.

Лучшие люди предприятий и отраслевых управлений награждались правительственными орденами и медалями. Так, за образцовое выполнение заданий правительства по обеспечению РККА и ВМФ одеждой и обувью Президиумом Верховного Совета СССР в 1943 г. орденом Трудового Красного Знамени были награждены мастер кожевенного цеха Троицкого шорно-фурнитурного комбината Ш. И. Рахмакулов, механик Магнитогорской швейной фабрики № 1 В. В. Болтянский и др.¹⁷ Вознаграждались не только руководители предприятий и отраслей, но и ИТР, мастера, партийные работники.

Существовала и обратная сторона трудовой активности — нарушение дисциплины, так как физически невозможно было постоянно перевыполнять нормы — наступало истощение духовных и физических сил. Наблюдались опоздания, прогулы, но в большинстве случаев они имели место в первый период Великой Отечественной войны, а главными нарушителями являлись подростки и домохозяйки, которые были недостаточно организованы. Вопросы дисциплины часто обсуждались на собраниях и производственных совещаниях. Так, партбюро Магнитогорской швейной фабрики № 1 на своем заседании 12 августа 1943 г. отмечало: «...плохо налажена трудовая дисциплина в цехе. Работу заканчивают раньше времени... Во время ночной работы люди спят, некоторые работницы читают газеты... Работу бросают за 10–15 минут до окончания»¹⁸. Партийные и советские органы боролись за изжитие таких фактов путем ужесточения наказаний. К нарушителям применялись меры массово-воспитательной работы, административные взыскания (вынесение предупреждения, выговора, понижение в должности)¹⁹.

Итак, в годы Великой Отечественной войны число участников различных форм стахановского движения, соцсоревнования возросло, формы выражения трудовой активности расширились.

Несмотря на экстремальную обстановку войны, уровень производственной активности трудовых коллективов предприятий легкой и пищевой промышленности Челябинской области был очень высоким. Работающие своими трудовыми подвигами внесли весомый вклад в общее дело Победы, заложили основы послевоенного восстановления и развития народного хозяйства страны.

Примечания

¹ Подсчитано автором по данным архивных источников.

² ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 283. Л. 7 ; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 75. Л. 38.

³ Выявлено автором по: Там же. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 34. Л. 72 ; Д. 287. Л. 1–4 ; Д. 371. Л. 119, 120 ; Д. 383. Л. 213 ; Д. 387. Л. 130 ; Д. 392. Л. 142, 142 об. ; Д. 409. Л. 40 ; Оп. 4. Д. 30. Л. 128 ; Д. 67. Л. 20 ; Д. 84. Л. 322.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 699. Л. 44–45, 57, 58, 58 об. ; Оп. 4. Д. 64. Л. 7, 8 ; Д. 72. Л. 5 ; Ф. Р-382. Оп. 2. Д. 341. Л. 169.

⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 698. Л. 106–108, 111–112 ; Д. 699. Л. 51–54.

⁶ Вперед. Троицк, 1939. 2 нояб., 1940. 9 окт. ; Фонд архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 28.

⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 172. Л. 82 ; Ф. П-1220. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

⁸ Вперед. Троицк, 1941. 1 янв. ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 699. Л. 14 ; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 6. Л. 48 об. ; Д. 8. Л. 23 об.

⁹ Вперед. Троицк, 1942. 1 янв. ; *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1979. С. 551 ; Народное хозяйство Пермской области за годы советской власти : стат. сб. Пермь, 1967. С. 36 ; ОГАЧО. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 67, 68 ; Д. 45. Л. 68–70 ; Д. 52. Л. 34.

¹⁰ Вперед. Троицк, 1941. 1 окт., 22 нояб. ; Фонд архива ОАО «Челябинский комбинат хлебопродуктов № 1». Папка № 1. Л. 48 ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 142. Л. 173, 173 об. ; Оп. 8. Д. 168. Л. 240 об.

¹¹ Вперед. Троицк, 1941. 6 июля ; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 175. Л. 23 ; Оп. 6. Д. 141. Л. 114–116 ; Оп. 8. Д. 168. Л. 240 ; Ф. П-492. Оп. 3. Д. 101. Л. 424 ; Ф. П-1220. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 32. Л. 65 ; Д. 38. Л. 72 ; Челябинский рабочий. 1943. 3 нояб.

¹² Большевик. 1943. № 7–8. С. 24–25 ; Легкая промышленность. 1942. № 9–10. С. 7.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-2018. Оп. 1. Д. 11. Л. 14 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 32. Л. 53 ; Д. 38. Л. 71, 72.

¹⁴ Там же. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 313. Л. 90.

¹⁵ Там же. Ф. П-492. Оп. 3. Д. 101. Л. 42 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 71, 72.

¹⁶ Там же. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 255. Л. 36 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 38. Л. 72.

¹⁸ Там же. Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

¹⁹ Там же. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 178. Л. 158 ; Ф. П-1577. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 ; Ф. Р-382. Оп. 4. Д. 52. Л. 33.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАЙОННЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В СЕРЕДИНЕ 1920-х — СЕРЕДИНЕ 1930-х ГОДОВ

Районные органы управления играли важную роль в модернизационных процессах в СССР в середине 1920-х — 1930-х гг. От районных органов управления, как партийных, так и советских, в первую очередь требовалось организовать местные органы для мобилизации населения на выполнение задач, поставленных руководством страны, и проконтролировать их исполнение. При этом в основных направлениях этой деятельности районные органы должны были руководствоваться планами и инструкциями, направленными из окружного, а после 1930 г. — из областного центра. Рассмотреть эти процессы можно на примере районных органов управления горнозаводской зоны Южного Урала, значительная часть которой в указанный период входила в состав Уральской области РСФСР.

По отношению к местным органам власти (сельским, поселковым, городским) районное руководство являлось высшей инстанцией, распоряжения которой они обязаны были выполнять. Районные съезды Советов и избранные на них райисполкомы отвечали за реализацию на территории районов широкого круга задач (ст. 64 Конституции РСФСР 1925 г.)¹, среди которых в особую группу можно выделить хозяйственные вопросы. Помимо крупных «ключевых» общегосударственных мероприятий, таких как индустриализация и коллективизация, организацию которых на территориях районов обязаны были осуществлять райисполкомы², нужно отметить такие «текущие» дела, как формирование бюджетной политики района³, распределение ссуд и дотаций колхозам и промышленным предприятиям⁴, оказание помощи строящимся хозяйственным объектам (например авиазаводу Вирджилли в Катавском районе)⁵, распределение земельных угодий и определение границ между населенными пунктами⁶, утверждение решений местных советов о конфискации земель у единоличников⁷ и передачи кулацких построек колхозам⁸ и др.

На контроле у райисполкомов находились также такие вопросы, как благоустройство поселков, контрактация овощей, мясозаготовки⁹, организация сеноуборочной кампании¹⁰ и др., решать которые были обязаны местные органы власти. Прерогативой райисполкомов в работе с местными властями было утверждение или отклонение ранее принятых ими решений. К числу таковых относились вопросы, связанные с неправомерным лишением избирательных прав, несправедливое налогообложение и другие возможные «перегибы» местных администраций¹¹. Редкое заседание президиумов райисполкомов в 1920-х — середине 1930-х гг. обходилось без обсуждения этих вопросов, что получило отражение в сохранившихся протоколах. Особенно много жалоб обрушилось на райисполкомы с началом сплошной коллективизации и раскулачивания¹².

Хотя формально решение кадровых вопросов в районных государственных учреждениях и организациях входило в исключительную компетенцию райисполкомов и их президиумов, фактически они решались только после консультаций с районными комитетами партии, особенно когда речь шла о ключевых должностях. Например, постановление президиума Катавского райисполкома от 28 августа 1934 г. № 108 об освобождении от должности председателя Вязовского поселкового совета Галичинова и

назначении его заместителем председателя Карауловского сельского совета было принято после обсуждения этого кадрового решения с райкомом партии. И только после консультации с райкомом на освободившуюся должность председателя Вязовского поссовета был утвержден Малахов¹³. Аналогично кадровые вопросы решались райисполкомами и в отношении руководителей промышленных предприятий и различных советских организаций. Например, 1 декабря 1934 г. с должности директора юрюзанского завода им. И. Д. Кабакова за «выдачу 10 тысяч рублей из оборотных средств при тяжелом финансовом положении завода, а также нечуткое отношение к нуждам и запросам рабочих» был снят Н. Сурин, вместо которого президиумом Катавского райисполкома был утвержден В. И. Долинин¹⁴.

Также тщательно партийные органы следили за тем, как райисполкомы координировали организацию в районах политического просвещения населения и особенно сотрудников советских органов власти¹⁵. Например, в апреле 1935 г. райисполкомы горнозаводской зоны обязаны были организовать группы из представителей местных активистов для отправки в Миасс на 40-дневные курсы «избачей-агитаторов»¹⁶. Особенно много внимания уделялось организации изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁷.

Таким образом, районные советские органы фактически находились под двойным контролем: с одной стороны, они обязаны были выполнять предписания вышестоящих советских органов, с другой — находились «под присмотром» комитетов партии своих районов и обязаны были согласовывать значительную часть своих действий с ними.

Деятельность районных партийных органов горнозаводской зоны Южного Урала по многим направлениям пересекалась с деятельностью советских органов власти. Сформированные на районных партийных конференциях райкомы утверждали с санкции окружного (с 1930 г. — областного) комитета городские, сельские, поселковые, производственные организации и ячейки в районе, руководили их деятельностью, назначали редакторов районных печатных органов, работающих под их руководством и контролем, руководили партийными группами внепартийных организаций, вели регистрацию всех коммунистов, организовывали свои предприятия, имеющие районное значение, распределяли в пределах района силы и средства партии, заведовали районной кассой, направляли через партийную фракцию работу районного исполкома, предоставляли отчет о своей деятельности в окружной (областной) комитет (ст. 56 Устава ВКП(б) 1926 г., ст. 46 Устава ВКП(б) 1934 г.)¹⁸. Среди этого широкого спектра задач, стоявших перед райкомами, кадровая работа, связанная с учетом, расстановкой, политическим воспитанием должностных лиц партийных и государственных органов, предприятий, занимала одно из самых важных мест. За основу работы в этом направлении, как и в большинстве других, райкомы горнозаводской зоны Южного Урала брали указания Златоустовского окружного комитета ВКП(б)¹⁹.

В первые годы советской власти важной задачей была организация учета партийных кадров в районах. Не везде этот вид работы воспринимался с пониманием, поэтому очень часто приходилось отправлять в районы напоминания об организации учетной работы, а оттуда они расходились на места. К середине 1920-х гг. регулярная учетно-статистическая работа была налажена в большинстве районов горнозаводской зоны²⁰. Реализация партийных директив по подбору и расстановке руководителей и ответственных работников в партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организациях включала в себя целый комплекс мероприятий, которые осуществляли районные партийные органы горнозаводской зоны Южного Урала. Со своей стороны райкомы давали настоятельные рекомендации местным партийным и советским органам по поводу назначения кандидатов на ответственные должности. Подтверждением таких действий являются документы статистического отдела Катавского райкома партии за 1925 г., в которых дается полная картина рекомендаций и назначений на ответственные должности в различные организации района: начиная с заводских мастеров и заканчивая такими влиятельными должностями местного уровня, как заведующий выплатным пунктом районной сберкассы (М. Е. Осокин) и заведующий агитационно-пропагандистским отделом райкома партии (П. Н. Чернецов)²¹.

Составной частью кадровой работы было, помимо обеспечения политического господства в стране, проведение избирательных кампаний в районах горнозаводской зоны. При этом особое внимание обращалось на преданность кандидатов коммунистическим идеям. В инструкции, разосланной в декабре 1927 г. всем партийным ячейкам Миньярского района, ответственный секретарь райкома С. Н. Родиков призывал шире привлекать к участию в выборах пролетариат и деревенскую бедноту. Кроме того, чрезвычайно важным он считал вовлекать в партийные ряды рабочий класс²². С учетом важности укрепления влияния коммунистов на предприятиях округа от районных руководителей требовалось должным образом организовывать выборы заводских комитетов партии²³.

Одной из главных задач райкомов было обеспечение контроля за деятельностью местных советов. В резолюции пленума Саткинского райкома ВКП(б) от 18 декабря 1927 г. «О проведении отчетной и перевыборной кампании Советов в 1927–28 году» отмечалось, что необходимо добиваться руководящей роли коммунистов в местных советах путем замещения ими ключевых должностей. При этом в качестве главных союзников коммунистов в советах рассматривались рабочие и деревенская беднота²⁴. Рекомендовалось тщательнее подготавливаться к проведению выборов в местные советы, привлекая к этому комсомол и местных активистов, а также всеми возможными способами повышать авторитет коммунистической партии среди населения²⁵.

Другой важной задачей, которую обязаны были решать райкомы партии в рассматриваемый период, являлась борьба с оппозиционными настроениями. В частности, во второй половине 1920-х гг. развернулась борьба против Л. Д. Троцкого и его сторонников. Поэтому в начале 1927 г. во все райкомы горнозаводской зоны Южного Урала были разосланы указания о проведении разъяснительной работы в местных партийных ячейках с разоблачением троцкистских идей²⁶. Противостоять «враждебному» влиянию существенно помогали совпартшколы, а также различные курсы политграмотности. Посещение таких курсов было обязательным и строго отслеживалось парткомами. Непосещение курсов без уважительной причины грозило достаточно строгим наказанием. Причем наказание могли получить даже те, кто занимал высокую должность. Например, секретарь Миньярского райкома ВКП(б) С. Н. Родиков получил предупреждение за пропуски занятий на курсах политграмотности²⁷. Постепенно получение политобразования стало превращаться в необходимое условие успешной карьеры в советских и партийных органах управления.

Одной из разновидностей кадровой работы являлся контроль за моральным обликом должностных лиц. Самый распространенный проступок среди сотрудников партийных и государственных органов тех лет — пьянство. Часто оно носило массовый характер. Так, 26 апреля 1927 г. рабочие Симского и Миньярского заводов устроили массовую пьянку в честь православной Пасхи и не вышли на работу. Причем среди них были и коммунисты. Председатель завкома Г. Сорокин и секретарь ячейки Тимаков никаких мер для пресечения этих действий не предприняли, так как сами в этот день пьянствовали²⁸. Крупным скандалом, прогремевшим в 1935 г. на всю Челябинскую область, обернулись действия руководителей саткинского «Магnezита», которые за счет государственных средств устраивали «банкеты» в честь каких-либо событий (годовщина Октябрьской революции, чествование ударников производства, вечер медработников и т. д.). Эти поступки стали поводом для начала расследования деятельности руководства «Магnezита», в результате которого были вскрыты и другие недостатки: морально-бытовое разложение ряда работников, семейственность, засоренность предприятия «чуждым элементом», неудовлетворительное состояние партработы и т. д.²⁹

Другими проступками, с которыми вели борьбу работники горнозаводских парткомов, были: «половая распущенность»³⁰, участие в церковных обрядах (как, например, было в с. Илек Миньярского района, когда участник свадьбы, проводившейся по церковному обряду, секретарь местной партийной ячейки Митюшин стрелял из револьвера в честь новобрачных, отправившихся в церковь венчаться³¹). Виновные обычно подвергались партийным взысканиям, таким как выговоры, понижение в должности, исключение из партии³². Серьезной «проработке» нарушители партийной дисциплины подвергались во время чисток партийного и советского аппарата³³.

Тот факт, что тема пьянства и аморального поведения регулярно попадала в сводные отчеты районных органов власти, свидетельствует о крупных масштабах этих явлений, оставить которые без внимания было нельзя в первую очередь потому, что они «бросали тень» на сложившуюся систему власти, подрывали авторитет должностных лиц. Поэтому укрепление авторитета районного аппарата управления среди жителей было на постоянном контроле у вышестоящих структур.

Еще одним направлением деятельности, которое курировали райкомы партии, была массовая работа. В первую очередь ею должны были быть охвачены крупные предприятия, где основная работа ложилась на плечи цеховых ячеек. Райкомы партии готовили и рассылали подробные инструкции по осуществлению партийной массовой работы на предприятиях, главная цель которой состояла в коммунистическом воспитании рабочего класса и трудового крестьянства³⁴. Это направление часто подвергалось критике в средствах массовой информации. Например, в 1923 г. в газете «Пролетарская мысль» окружное партийное руководство обвинялось в недостаточном внимании к молодежным проблемам³⁵. Эта же тема поднималась в газете «Сталинская смена», где говорилось о плохой организации спортивной жизни на предприятии «Миассзолото», партийное руководство которого запустило работу с молодежью, не выделяло средств на реконструкцию спортгородков. Данный сигнал был поставлен на контроль вышестоящих органов власти и общественности³⁶.

Иногда районные комитеты партии выступали в качестве арбитра, когда между различными организациями или даже отдельными партийными ячейками происходили так называемые «склоки». Особенно острой была ситуация, когда «склоки» начинались между производственными и партийными ячейками городов или поселков, что грозило срывом производственного процесса. Чтобы погасить конфликт между производственниками и представителями местной администрации, райкомы вынуждены были искать взаимоприемлемый компромисс, а иногда «давить» на стороны конфликта своим авторитетом. Такой конфликт произошел в 1925 г. между руководителями партийной ячейки Бакальских рудников и партийной ячейкой рудодобывающего треста. Комитет партии Саткинского района был вынужден вмешаться в этот конфликт и направить своего представителя в бакальскую ячейку для налаживания там партийной работы в «нужном русле»³⁷.

Значительный интерес представляет такое направление работы райкомов, как обследование партийных ячеек и местных советов, которое позволяло выяснить состояние партийной работы на местах, вскрыть имеющиеся недостатки. Как правило, на места выезжали инструкторы или иные работники райкома партии, которые изучали документацию по определенным направлениям работы, беседовали с местными должностными лицами, с населением. По окончании обследования составлялась аналитическая записка о его результатах с указанием положительных и отрицательных моментов в работе ячеек и местных советов, давались рекомендации и наставления по исправлению недостатков. Среди недостатков наиболее часто в отчетах указывались: недостаточное внимание работе с беднотой, национальными меньшинствами, домохозяйками; слабая подготовка местных властей к проведению выборов; распространенность ряда негативных явлений среди должностных лиц (пьянство и др.); непропорциональное распределение партийной нагрузки среди коммунистов ячеек³⁸. Периодически с инспекционными поездками по району выезжали секретари районных комитетов партии, как, например, секретарь Катавского райкома Доронин в октябре 1927 г.³⁹ Есть примеры, когда в результате обследования местных ячеек происходил их роспуск с последующей перерегистрацией членов. Так, в мае 1932 г. Катавским райкомом ВКП(б) была распущена бедярышская ячейка. Причин называлось несколько: засоренность ячейки и местного совета «классово-чуждым элементом», сращивание руководства с кулачеством, извращение классово-линейной работы сельских организаций, доведение колхоза до грани распада, невыполнение производственного плана⁴⁰. Особую актуальность обследования и проверки работы сельских советов и ячеек приобрели в период коллективизации и раскулачивания, что позволяло на месте выяснять недостатки, проводить разъяснительную работу, наказывать виновных в «перегибах» и злоупотреблениях, что, например, было сделано в ходе проверки деятельности Екатеринбургского и Тюбелянского сельских советов Катавского района в апреле 1932 г.⁴¹

Не оставались без внимания партийных органов района и хозяйственные вопросы. Особенно если они имели определенную политическую «подоплеку» либо находились на особом контроле у вышестоящих органов власти или даже правительства. Такая ситуация была в 1927–1928 гг., когда в стране возник кризис хлебозаготовок и это мероприятие оказалось под пристальным вниманием партийных органов, в том числе в районах горнозаводской зоны Южного Урала⁴².

Коллективизация и индустриализация также являются примерами активного вмешательства райкомов в социально-экономические отношения. После начала на Южном Урале коллективизации районные комитеты партии координировали этот процесс, налаживали взаимодействие окружных и местных органов власти, проводили разъяснительную работу, что оказалось особенно важным в период преодоления последствий «перегибов», допущенных местными властями в ходе раскулачивания⁴³.

Достаточно часто райкомам приходилось курировать строительство и реконструкцию промышленных предприятий, например строительство авиазаводов в Кавтавском районе в 1932–1934 гг. Центральному организационному управлению, руководившему этой стройкой, пришлось столкнуться с множеством проблем, решить которые без помощи райкома оказалось невозможно⁴⁴.

Таким образом, деятельность районных комитетов партии в середине 1920-х — середине 1930-х гг. отличалась разнообразием направлений. При этом в первую очередь они уделяли внимание вопросам идеологии и политическому подтексту тех или иных мероприятий, следили за точностью выполнения решений центральных органов партии.

Районный уровень занимал особое место в региональной системе управления и преимущественно выступал посредником во взаимоотношениях окружных (затем областных) администраций с местным аппаратом управления и населением. В своей деятельности руководящие районные органы горнозаводской зоны Южного Урала, как партийные, так и советские, обязаны были подчиняться вышестоящим управленческим структурам, каковыми для них в середине 1920-х — 1930-х гг. являлись окружные, а после 1930 г. — областные органы.

От районных органов управления, как партийных, так и советских, в первую очередь требовалось организовывать местные органы для мобилизации населения на выполнение задач, поставленных руководством страны. По отношению к местным органам власти (сельским, поселковым, городским) районное руководство являлось высшей инстанцией, распоряжения которой они обязаны были безоговорочно выполнять. Среди множества направлений деятельности районных органов управления в этот период можно выделить наиболее приоритетные: кадровая работа, политическое просвещение, хозяйственные вопросы, взаимодействие предприятий и организаций между собой, работа с населением, культурное строительство, индустриализация и коллективизация. Работа районных управленческих органов горнозаводской зоны Южного Урала с местными органами власти и населением фактически строилась с использованием тех же приемов, какие использовались региональным руководством. Но при этом деятельность райкомов и райисполкомов была более детализирована, решалось намного больше частных вопросов, затрагивающих судьбы местных жителей.

Примечания

¹ Конституция (Основной закон) РСФСР (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 31. С. 222.

² ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 955. Л. 49.

³ ДООАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 51–52.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Д. 16. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 61.

- ⁹ Там же. Д. 16. Л. 15–16 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 13. Л. 14–15.
- ¹¹ Там же. Л. 17–18 об., 48–49 об.
- ¹² ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 862. Л. 66–70.
- ¹³ АОАКИМР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 121.
- ¹⁴ Там же. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Д. 34. Л. 9–10.
- ¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 16.
- ¹⁷ Там же. Д. 43. Л. 14.
- ¹⁸ Устав ВКП(б) 1926 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Изд. 8-е. Т. 3. 1924–1927. М., 1970. С. 295–311 ; Устав ВКП(б) 1934 г. // Там же. Т. 5. 1931–1941. М., 1971. С. 160–173.
- ¹⁹ ОГАЧО. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 666. Л. 74–75 об.
- ²⁰ Там же. Ф. П-319. Оп. 8. Д. 15. Л. 3–5.
- ²¹ Там же. Ф. П-308. Оп. 8. Д. 17. Л. 1–37.
- ²² Там же. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 211. Л. 11, 15, 16–19.
- ²³ К перевыборам завкомов // Пролетарская мысль. Златоуст, 1923. 4 дек.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. П-319. Оп. 2. Д. 139. Л. 17–17 об.
- ²⁵ Там же. Ф. П-308. Оп. 3. Д. 4. Л. 3–5 об.
- ²⁶ Там же. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 209. Л. 2.
- ²⁷ Там же. Л. 57.
- ²⁸ Там же. Л. 54.
- ²⁹ Там же. Ф. П-288. Оп. 1. Д. 253. Л. 33–39.
- ³⁰ Там же. Ф. П-319. Оп. 8. Д. 9. Л. 337–338.
- ³¹ Там же. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 209. Л. 43.
- ³² Там же. Ф. П-319. Оп. 2. Д. 22. Л. 56–57.
- ³³ Там же. Ф. П-225. Оп. 1. Д. 110. Л. 10–11, 38–38 об., 73–73 об.
- ³⁴ Там же. Ф. П-308. Оп. 4. Д. 1. Л. 16–17, 30–32.
- ³⁵ Жизнь партии // Пролетарская мысль. Златоуст, 1924. 10 сент.
- ³⁶ Катаев. Потерянный спортивный инвентарь // Сталинская смена. Челябинск, 1923. 21 нояб.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. П-319. Оп. 9. Д. 1. Л. 54.
- ³⁸ Там же. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 211. Л. 1–2 об.
- ³⁹ Там же. Ф. П-308. Оп. 5. Д. 3. Л. 5.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 8. Д. 5. Л. 57–59.
- ⁴¹ Там же. Оп. 7. Д. 6. Л. 33–33 об., 38–38 об.
- ⁴² Там же. Ф. П-310. Оп. 1. Д. 209. Л. 18–18 об.
- ⁴³ Там же. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 866. Л. 114–118.
- ⁴⁴ Там же. Ф. П-308. Оп. 8. Д. 17. Л. 38–39.

ПОИСКИ МЕТЕОРИТОВ

О Челябинском метеорите в настоящее время написано, пожалуй, более чем о Тунгусском 1908 г. В поисках фрагментов Челябинского метеорита «грешен» и автор данного доклада. Вместе с сыном подняли несколько десятков ледяных сосулек, на конце которых прилипли маленькие осколки метеорита. Все они разошлись в качестве сувениров в нашем ближайшем окружении. Но к метеоритам меня тянуло значительно ранее. Просматривая «Сборник материалов по изучению Челябинского округа», обратил внимание на сообщение первого директора челябинского музея Ивана Гавриловича Горохова о том, что он организовывал поиски необычного для данной местности камня. Так как в окрестностях Коелги известен мрамор белого цвета, камень черного цвета вызывал ввиду своей необычности множество вопросов. Вот что писал И. Г. Горохов: «...нами были предприняты поиски метеорита, о котором мне пришлось слышать от очевидца В. А. Герасимова. Ему пришлось быть в этих местах в 1912 г. вместе с одним горным инженером. На грани Хохряковского участка среди ровного поля в круглой ложбине лежал черный камень, породы — каких нет в этих местах далеко кругом. Горным инженером на основании беглого осмотра и сопоставления некоторых соображений и было высказано предположение о метеоритной природе этого камня»¹. Однако поиски Ивана Гавриловича не увенчались успехом.

С этой заметкой я ознакомил своих коллег, и мы решили так же, как И. Г. Горохов, организовать поиск этого необычного камня. Наша экспедиция состоялась осенью 2010 г., а журналист газеты «Южноуральская панорама» А. А. Чуносков написал о ней очерк под названием «Охотники за метеоритами»². Увы, и на этот раз поиски не увенчались успехом. Но один из их участников не успокоился — Федор Егорович Жижилев. Планомерно год за годом он вел опрос местных жителей, собирал сведения у специалистов. Привлекал даже экстрасенсов! Особенно глубоко «заболел» он этим поиском после падения Челябинского метеорита. Итоги проведенной достаточно солидной работы он изложил в своем докладе на научно-практической конференции в г. Пласте³.

Вот что я писал в аннотации к его докладу: «1. А) В изложении И. Г. Горохова указан объем камня “3–4 м³”. Б) В докладе Ф. Е. Жижилева “3/4 м³”. 2. А) В изложении И. Г. Горохова камень “черного цвета”. Б) В находке Ф. Е. Жижилева “серого цвета”. В) Не исключаю такой вариант — мокрый (при дожде) серый камень — может стать черным. Находку Жижилева Ф. Е. не считаю завершенной».

Далее — следующий интригующий «метеоритный» сюжет. Владислав Леонидович Писанов (в свое время возглавлял Гильдию журналистов Челябинской области) в ведомственной газете Южуралзолота «Шахтерский вестник», а затем в пластовской газете «Знамя Октября» опубликовал воспоминания своей бабушки Анны Гавриловны о том, что у с. Новый Кумляк упал с неба камень, который образовал огромную яму⁴. Конечно, я немедленно приступил к опросу старожилов Нового Кумляка. Один из них пересказал со слов своих родителей следующее: «...громыкнуло очень сильно, ворота, двери распахнулись, завыли собаки, по селу бегала испуганная скотина, а утром на краю села обнаружили огромную яму. В эту яму жители села на протяжении нескольких десятков лет на телегах возили отходы домашней скотины. В детстве и я возил на лошади навоз к этой яме. Когда яма заполнилась, о ней забыли, а через некоторое время через нее пролегла проселочная дорога. Однажды на этом месте провалился

трактор, который вытаскивали с помощью другого трактора. Видимо, навоз за это время осел». Я немедленно обратился к Сергею Васильевичу Колисниченко, автору книги «Метеориты России»⁵. Он привлек геофизиков с приборами, но увы, обнаружить что-то аномальное, неземное не удалось.

Но Писановы не успокоились. В журнале «Вокруг света» читаю буквально следующее: «Я пытался заинтересовать ученых, слушали с интересом, но “камень и ныне там”, не верят. А если это факт?! Мне уже 85, и боюсь, что тайна падения с неба огромного камня так и останется неразгаданной»⁶.

Два года назад близ села копали траншею под газопровод. Я прошелся по траншее, но увы, вновь ничего не обнаружил. Вот такие метеоритные загадки имеются вблизи г. Пласта...

Примечания

¹ *Горохов И. Г.* Летние экскурсии членов Общества изучения местного края в 1926 году // Сборник материалов по изучению Челябинского округа. Челябинск, 1927. Кн. 1. С. 96.

² *Чуносков А. А.* Охотники за метеоритами // Южноуральская панорама : сайт. URL: <https://ur74.ru/articles/obshchestvo/25437/> (дата обращения: 15.07.2022).

³ *Жижилев Ф. Е.* Красносельский камень // Малые города России как пространство формирования и укрепления социальной и культурной идентичности общества: историко-региональный контекст : сб. материалов Рос. науч.-практ. конф. / сост.: О. Г. Персичкина, И. Г. Суздальцева, М. С. Лукьянова. Пласт, 2022. С. 44–46.

⁴ Знамя Октября. Пласт, 2013. 16 марта.

⁵ *Колисниченко С. В.* Метеориты России. Челябинск, 2019.

⁶ Лежачий камень // Вокруг света. 2020. № 8. С. 126.

И. Е. Шафеева

«ОТ САРАЯ ДО СОВРЕМЕННЫХ ПОЖАРНЫХ ДЕПО»: ЧЕЛЯБИНСКИЕ ОГНЕБОРЦЫ ОТМЕЧАЮТ ЮБИЛЕЙ СЛУЖБЫ

1 февраля 2022 г. 3-й пожарно-спасательный отряд Государственной противопожарной службы федеральной противопожарной службы Главного управления МЧС России по Челябинской области отмечает юбилейную дату — 30 лет! Руководство и личный состав самого крупного гарнизона Южного Урала принимают поздравления.

С чего же начиналась история пожарной охраны Челябинска, сначала небольшого уездного городка, а сегодня одного из крупнейших мегаполисов, города-миллионника? История становления и развития пожарной охраны Челябинска — это очень большой и серьезный этап. Обратимся к архивным данным.

Первые упоминания о пожарном деле в столице Южного Урала обнаружены в документах XVIII в. Так, в ведомости 1782 г. сказано о наличии сарая для хранения пожарного инвентаря в уездном г. Челябинске. В 1825 г. местный городничий предложил сосредоточить все пожарные инструменты при полиции, чтобы в случае пожара ими можно было воспользоваться. Однако городская дума отказалась передать их, заявив, что уже есть сарай, где все хранится, и обыватели, если в городе произошел пожар, должны бежать именно к нему. Несколько раз пришлось собираться городским законотворцам, чтобы решить и такой актуальный вопрос, как обязательное отчисление денег отдельными лицами и организациями на содержание и ремонт пожарного инвентаря.

Окончательно решился вопрос о создании штатной пожарной команды в Челябинске только в середине XIX в. 29 декабря 1849 г. (10 января 1850 г. по новому стилю) указом оренбургского губернатора Н. В. Балкашина в пожарные (с жалованием 35 руб. в год) были наняты восемь человек. При найме будущие пожарные давали

подписку находиться при лошадях и пожарных инструментах неотлучно и в трезвом виде. Приемом ведал городничий, он же увольнял людей, не способных к службе. Именно это число является официальной датой рождения пожарной охраны г. Челябинска. В этом году ей исполнится уже 172 года!

Однако через два года, 28 февраля 1852 г., на общем собрании штатная пожарная команда была ликвидирована. Борьбу с огненной стихией возложили на общественную команду по списку обывателей с указанием, кто и что должен делать при пожаре. Только в начале 1870-х гг. вновь вернулись к решению актуального вопроса — созданию профессиональной пожарной

*Фасад первой типовой кирпично-каменной пожарной части с каланчей, находившейся в заречном районе Челябинска (современный район Кукольного театра). Начало XX в.
Из собрания А. Л. Каплана и Г. А. Каплана*

команды. Наступил новый этап в развитии службы.

В 1881 г. городской управой по смете расходов на пожарную охрану было предусмотрено 1538 руб.: на жалование трем сторожам на каланче, четырем пожарным служителям при обозе, одному смотрителю пожарного обоза, а также на содержание восьми лошадей. 16 июня 1901 г. в присутствии городского головы и гласных был проведен молебен по случаю окончания постройки первого типового пожарного депо и каменной каланчи на Северном бульваре (ныне ул. Калинина). За первое десятилетие XX в. при активной помощи вольного пожарного общества было построено четыре депо для пожарных частей, в которых организована круглосуточная служба малочисленных дежурных караулов.

После Гражданской войны и разрухи в городе остались две пожарные части. Только вот огненная беда в дома горожан реже приходиться не стала. Остро встал вопрос о возрождении и развитии пожарной охраны. На всех действующих и строящихся предприятиях организовывались профессиональные или добровольные пожарные подразделения. Так создавался гарнизон пожарной охраны.

В годы Великой Отечественной войны на долю огнеборцев столицы Южного Урала выпали новые испытания. В Челябинск были эвакуированы десятки предприятий из западных регионов страны, вместе с ними прибыло более 100 тыс. человек. Пожарные с честью выдержали испытания того времени: на охраняемых объектах не было допущено крупных пожаров, которые остановили бы выпуск оборонной продукции.

В последующие годы возможности пожарной охраны выросли в разы. В послевоенный период перед огнеборцами стояли сложные задачи поддержания высокого уровня пожарной безопасности в восстанавливаемых и развивающихся отраслях народного хозяйства, усиления противопожарной защиты энергетических комплексов, крупных строек, учреждений социальной сферы и других объектов.

В 1970–1980-е гг. была выработана более стройная система подготовки и переподготовки пожарных кадров, широкомасштабно проводилась профилактическая работа, создавались новые пожарные подразделения, на вооружение поступали современная боевая техника и пожарно-техническое оборудование.

Наконец, 1 февраля 1992 г. для координации работы районных и объектовых частей был создан городской отряд пожарной охраны. За прошедшие годы учреждение прошло не одну реорганизацию и смену наименования, но цель его деятельности всегда оставалась неизменной — предупреждение пожаров, борьба с огнем и помощь попавшим в беду. В разные годы руководили отрядом профессиональные и достойные люди: Василий Николаевич Кореньков, Владимир Леонидович Изергин, Александр Владимирович Иванов.

Члены Челябинского вольно-пожарного общества, руководство и члены Челябинской городской пожарной команды и члены Челябинской вольно-пожарной дружины.

Из семейного архива начальника Челябинской вольно-пожарной дружины П. А. Свистунова

Выезд Челябинской городской пожарной команды.

Улица Рабоче-Крестьянская (ныне ул. Кирова). 1923 г.

Из фондов Пожарно-технической выставки Челябинской области

*Начальник Челябинского пожарно-спасательного отряда
В. В. Желтышев. 7 ноября 2014 г. Фотоархив Челябинского
пожарно-спасательного отряда*

*Смотр техники 1-й пожарно-спасательной части
Челябинска. 1 февраля 2018 г. Фотоархив Челябинского
пожарно-спасательного отряда*

*Строеквой смотр личного состава 9-й пожарно-спасательной
части (пос. Западный, Сосновский муниципальный район).
19 декабря 2019 г. Фотоархив пресс-службы
Главного управления МЧС России по Челябинской области*

С 2011 г. отряд возглавляет полковник внутренней службы Вячеслав Владимирович Желтышев. Коренной челябинец, профессионал своего дела с 28-летним стажем, он отмечен рядом государственных и ведомственных наград, среди которых следует выделить медаль «За отвагу на пожаре». Стоит ли говорить, что для Вячеслава Владимировича честью является право защищать от «огненной» беды и других чрезвычайных ситуаций родной город...

По приказу начальника Главного управления МЧС России по Челябинской области в 2008 г. произошло объединение празднования двух знаменательных дат — 10 января и 1 февраля. Поэтому челябинские огнеборцы получили еще один профессиональный праздник: 1 февраля считается днем образования пожарной охраны нашего города.

Ежедневно на дежурство заступают караулы подразделений 3-го пожарно-спасательного отряда. На сегодняшний день на территории Челябинска дислоцируются десять пожарно-спасательных частей (ПСЧ) Федеральной противопожарной службы и три субъектовые пожарные части. Около тысячи огнеборцев — вот численный состав сегодняшней городской пожарной охраны. На них возложена огромная ответственность: стоять на страже покоя и безопасности мегаполиса. С каждым днем территория города прирастает новыми квадратными метрами жилья, возводятся предприятия различного рода деятельности, растет численность населения. Естественно, вместе с этим возрастают и потенциальные риски, и, как следствие, служебная нагрузка на сотрудников пожарной охраны.

В декабре 2019 г. в нашем гарнизоне произошло знаменательное событие — была открыта новая пожарно-спасательная часть. Вопрос о необходимости прикрытия отдаленных территорий города стоял давно. В итоге здание части было построено за пять месяцев. Теперь

9-я ПСЧ охраняет не только удаленные жилые поселки, но и часть городского округа. Время прибытия пожарно-спасательных сил сокращено, а значит, увеличены шансы на благополучный исход. Правда, стоит отметить, что он не всегда зависит только от сотрудников МЧС. Их профессионализм не подвергается сомнению. И лозунг «Мы первыми приходим на помощь!» — не просто красивая фраза, она подтверждается самоотверженностью огнеборцев.

К сожалению, полностью предотвратить огненную беду очень сложно, ведь человеческий фактор продолжает играть ключевую роль в причинах возникновения пожаров. Поэтому на первый план выходит профилактическая работа, призванная предотвратить возгорания. Челябинские пожарные проводят поквартирные обходы с целью обучения населения правилам пожарной безопасности, учебные эвакуационные мероприятия на объектах социальной сферы, экскурсии учащихся в пожарные депо и пр. Все-таки хочется напомнить и горожанам о культуре безопасного поведения: предупредить возникновение чрезвычайной ситуации намного проще и легче, чем просто рассчитывать и надеяться на ее благополучный исход.

Поздравляем всех причастных к пожарному делу с юбилейной датой! Пусть служба приносит моральное удовлетворение, дружеское плечо всегда будет рядом, а поставленные цели и задачи решаются быстро и профессионально!

Секция 5

**«Это наша с тобой биография»:
от истории предмета
к истории человека и страны**

«ПОЧТЕННЫЙ, ИСКУСНЫЙ, ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВЫЙ...» (врачи в воспоминаниях современников)

При поисках сведений о врачах Оренбургской губернии и Челябинского уезда конца XVIII — начала XIX в. изучались не только архивные документы, энциклопедии, биографические словари, труды историков медицины, электронные ресурсы, но и литературные источники мемуарного характера их современников. При этом были обнаружены довольно интересные свидетельства известных литераторов о врачах и их родственниках, работавших в Оренбургской губернии и Челябинске. Эти свидетельства добавляют некие дополнительные штрихи к биографиям интересующих нас медиков.

Упоминания о наших врачах встречаются в воспоминаниях Г. С. Винского, С. Т. Аксакова; об их родственниках — в письмах и воспоминаниях Н. В. Гоголя, А. М. Достоевского.

В 1780 г. в Оренбургскую губернию на поселение был сослан Григорий Степанович Винский (1752–1819) — писатель, мемуарист рубежа XVIII–XIX вв. В феврале 1777 г. в Санкт-Петербурге он оказался замешанным в деле армейских офицеров о подделке документов и похищении казенных денег. После заключения в Петропавловской крепости (сентябрь 1779 — декабрь 1780) был лишен чинов и дворянства, сослан на поселение. В 1781–1782 гг. служил секретарем у откупщика Астраханцева, с августа 1783 г. жил в Уфе, трудился домашним учителем в семьях Н. М. Булгакова, Е. Д. Рычковой (вдовы П. И. Рычкова), С. Я. Левашева, Ф. Я. Шишкова. В 1814 г. Винский начал работу над своим главным произведением — автобиографическими записками «Мое время»¹.

Упоминание о Винском есть в семейных хрониках С. Т. Аксакова. Он описывает непростую жизнь дочери чиновника, коллежского советника Николая Федоровича Зубина, Софьи Николаевны. Николай Федорович вторым браком был женат на дочери известного описателя Оренбургского края П. И. Рычкова. После ее смерти забота о младших братьях и сестрах легла на плечи Софьи Николаевны.

С самым напряженным вниманием и нежностью ухаживала Софья Николаевна за больным отцом, присматривала попечительно за тремя братьями и двумя сестрами и даже позаботилась о воспитании старших; она нашла возможность приискать учителей для своих братьев от одной с ней матери, Сергея и Александра, из которых первому было двенадцать, а другому десять лет: она отыскала для них какого-то предоброго француза Вильме, брошенного судьбою в Уфу, и какого-то полуученого малоросса В-ского, сосланного туда же за неудавшиеся плутни. Софья Николаевна воспользовалась случаем, сама училась вместе с братьями².

В 1792 г. у Винского заболела жена, лечением которой занимался врач Оренбургского госпиталя, в последующем врач Оренбургского корпуса Федор Иванович (Фридрих Христиан) Занден. В своих записках Винский писал:

Сбиравшись давно, 2-го сентября в сем году я ездил к Рычкову, где пробыл до 25. Жена, проводивши меня до Уфы, оставалась тут же и дожидаться. Я нашел ее в четырехдневной лихорадке, но, не уважив сего, особенно за отлучкою нашего врача и друга Зандена, я взял ее в деревню. В первых днях

октября, г. Занден был у нас, видел ее в самом припадке, оставил лекарство, но советовал, при усилении жара, приехать в город. Последуя сему в точности, 9-го, в ясный, прекрасный день, в покойной коляске, отправилась она в Уфу. Две почты извещал г. Занден о ее состоянии, пред третью прислал нарочного, уведомляя об открывшейся опасности и чтоб я поспешил сам в Уфу. Зная искусство и благоразумие сего врача, почти уверенный в несуществовании уже Елеоноры Карловны между живыми, я тотчас отправился, но моя милая подруга за два дни, т. е. 21, скончалась³.

У Аксакова тоже есть упоминание о враче Ф. И. Зандене. 22 мая 1794 г. после службы в Оренбургской губернии Занден был определен штабт-физиком в Москву⁴. Дочь С. Т. Аксакова, Вера Сергеевна, при посещении Москвы жила в его доме, который сохранился до настоящего времени.

Григорий Степанович Винский в своих мемуарах с большой теплотой написал о враче (впоследствии астраханском губернаторе) Степане Семеновиче Андреевском, прославившем Челябинск беспримерным медицинским подвигом — заражением себя сибирской язвой в целях изучения путей передачи особо опасной инфекции. Винский познакомился с Андреевским зимой 1787–1788 гг. в Уфе, потом дружил с ним до конца жизни.

Не забуду никогда и живущих еще. Почтенный, искусный, человеколюбивый врач Занден. Тебя, благотворитель мой, Степан Семенович Андреевский, который не только по искусству своему освободил меня от тяжкия болезни, но умными твоими суждениями, безпримерною добротою твоея души, ускорил образование моея нравственности. Ты от благородного упражнения врачевать болезни телесныя, переместившись на лестницу службы гражданския, по уму твоему и сердцу, можешь быть в иностраннейшем кругу благодетелем несчастных; дай лишь Бог, чтобы ты никогда не забывал: honores mutant mores (почести меняют нравы), и чтобы скверная корысть не коснулась чистоты твоея души⁵.

Вот как он описывал свое знакомство с Андреевским:

За год пред сим я начал страдать головной болью, которая сию зиму так начала усиливаться, что я со всем моим о себе нерадением, принужден был часто лежать в постели. В сию зиму почтенный штаб-лекарь Андреевский приезжал из Челябинска в Уфу, дабы познакомиться с доктором Занденом. Он, услышавши, что один его земляк несчастлив и болен, тотчас по добродушию своему меня посетил. Сердечная его ласковость и искреннее участие во мне открыли ему всю мою душу. Из человеколюбия захотевши быть моим благодетелем, сказал: «Болезнь ваша может быть очень важна; должно непременно вам лечиться; но здесь ни время, ни место сего не позволят; поедем со мною в Челябинск, я там могу вам навверное пособить». Переезд сей, по моим недостаткам, был совершенно для меня невозможен; на сие он отвечал: «Может быть, возможность откроется».

В сие время, недели уж с две, я долженствовал каждый почти вечер беседовать в Булгаковском доме подполковнику Александру Павловичу Мансурову (командир 2-го мушкетерского пехотного батальона, дислоцировавшегося в Челябинском уезде. — Н. А.), собственно для пикета. Сей господин, преисполненный добрых и худых качеств, был и мне давно слегка знаком; на сей раз, по причине ипохондрии, не могучи сносить шумных бесед по родству Тимашевского дома, в коем он был старинный друг, с домом Булгаковским, все почти вечера проводил в сем, где хозяйка также за болезнью никуда не выезжала. И для пристойности, и для занятия гостя любимую им игрою я был избран, как приверженец фамилии. Беседа наша была самая приятная: дочь, не выезжающая же для матери, кокетствовала; подполковник волокитствовал; мать закидывала тенеты; я, по рассеянию сопротивника, пользовался игрою.

В первый вечер, по свидании моем с Андреевским, г. Мансуров, будучи очень весел, вдруг сделал мне предложение — ехать с ним в Челябинск, где квартировал его батальон. На ответ мой: что я обязан с Рычковым, что я имею семью — он мне сказал: «Рычкова я упрошу; супругу вашу переселим в мою деревню, около которой и мой батальон будет зимовать». — «Но что мне у вас делать?» — «Быть моим товарищем! Ты игрок, стрелок, весельчак; для ипохондрика не надобно лучшаго, за пребывание же твое я даю тебе все то, что ты получал в сем доме». Предложение было лестно; но я все еще отговаривался, как хозяйка взяла его сторону и сильнейшими убеждениями старалась меня склонить. На другой день дело объяснилось: г. Мансуров овдовел и был по природе влюбчив; г-жа Булгакова вознамерилась свою Анну Николаевну пристроить и меня иметь при нем своим поверенным, словом, их виды друг друга подтенетить; мои — воспользоваться доброхотством господина Андреевского. Все весьма скоро сладили, и мы 9-го февраля были уже в пути к Челябинску.

Сколько я обязан господину Андреевскому, сие я никак изъяснить не в силах; он точно излечил меня телесно и душевно; без его словоохотных бесед, без его неутомимаго старания внушать истины, им знаемая, я бы никогда не воздержался ни от крепких напитков, ни от буйных поступков. Три месяца, с ним вместе проведенные, были мне полезнее десятилетнего учения. Придержавшись по возможности его советов, я до половины шестого десятка моей жизни не знал никаких болезней; помню его слова: «Огненные напитки крепко здоровому только не делают вреда, а пользы никогда никому ни малейшей». В душе моей горжусь моей стойкостью, отбросив их все совершенно⁶.

С. С. Андреевский своим участием и советами помог Винскому избавиться от алкогольной зависимости.

В биографии С. С. Андреевского есть и другие интересные факты. У него был брат Яков Семенович Прокопович. Как отмечено у Б. Н. Палкина, «кроме жены, единственным наследником оставался его брат Яков Семенович Прокопович, который, овдовев, жил с детьми в Троицке»⁷. В Оренбургской губернии он служил на таможне. После отставки переехал с семьей в Нежин, где был избран поветовым маршалом (предводителем) дворянства.

Сын Якова Семеновича Николай (племянник С. С. Андреевского) родился в Оренбурге 27 ноября 1810 г., до десятилетнего возраста воспитывался дома, а затем в 1821 г. поступил в гимназию высших наук в Нежине, в которой шел курсом ниже Николая Яновского, но держал приемные экзамены вместе с ним. А Николай Яновский — это же Николай Васильевич Гоголь. Жил Прокопович во втором музее (так назывались отделения, по которым распределялись пансионеры) вместе с Гоголем, Данилевским и др. Постоянные встречи и близкие общие интересы связали их прочной и глубокой симпатией, все отрочество их проходило на глазах друг у друга. И в последующие годы самыми близкими друзьями Гоголя были Данилевский и Прокопович. Николай Яковлевич много занимался литературными делами Гоголя, изданием произведений знаменитого друга, вел с ним переписку⁸.

Сохранилось 35 писем Гоголя и пять писем Прокоповича⁹. Владислав Отрошенко в статье «Гоголь и Гоголь» пишет: «20 июня 1847 года Гоголь отправил из Франкфурта-на-Майне в Санкт-Петербург письмо. Оно было адресовано его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Прокоповичу — кадетскому учителю, отцу шестерых детей и поэту, драгоценному для русской литературы, впрочем, не книжечкой “Стихотворения” (СПб., 1858, изд-е Н. В. Гербеля), а тем, что он исполнял в России чрезвычайные гоголевские поручения, которые требовали, как правило, отодвинуть в сторону все обыкновенные прокоповичские заботы»¹⁰.

Итак, близким другом и помощником Н. В. Гоголя был племянник врача С. С. Андреевского, Николай Яковлевич Прокопович.

Николай Васильевич Гоголь писал в письмах и о других героях нашего исследования, в частности о Николае Васильевиче Жуковском, сыне Челябинского штаб-лекаря статского советника Василия Григорьевича Жуковского. Так случилось, что об обоих сыновьях В. Г. Жуковского писали известные и знаменитые в Российской империи люди. Правда, Николай Васильевич Гоголь упоминал не самого своего тезку Николая Васильевича Жуковского, а его жену.

Николай Васильевич Жуковский (1790–1852), старший сын Василия Григорьевича, получил домашнее воспитание, даже некоторое время был лекарским учеником у отца, но с молодых лет начал карьеру чиновника. С 1832 по 1835 г. он был оренбургским гражданским губернатором, затем волынским гражданским губернатором¹¹.

В марте 1837 г. Н. В. Жуковский был назначен начальником Калужской губернии. Новому губернатору в первый же год пришлось принимать членов императорской фамилии. В этом же году в Калуге спорел театр. В 1842 г. началось строительство нового, благодаря вмешательству губернатора оно было завершено в рекордно короткие сроки. В годы губернаторства Н. В. Жуковского в Калуге выходили первые номера

«Калужских губернских ведомостей», просуществовавших до октября 1917 г. В 1838 г. в губернии была учреждена земская почта. 27 июня 1841 г. заложен дом дворянского собрания, на строительство которого было собрано 200 тыс. руб.

В 1841 г. женским благотворительным обществом в Калуге был открыт дом трудолюбия, а в 1842 г. — детский приют. Жена Николая Васильевича, Елизавета Николаевна (1803–1856), как и другие губернаторши, занималась благотворительной деятельностью. Ее преемница Александра Осиповна Смирнова-Россет писала по этому поводу Николаю Васильевичу Гоголю 14 января 1846 г.: «Явилась сюда Жуковская, губернаторша, и завела все эти филантропические дома, комитеты, переписки набело, сношения с человеколюбивыми обществами, получала похвальные листы за добродетель и проч. Таким образом, я нашла уже подготовленную мне работу, но в таком виде, что душа моя не лежит ко всему этому»¹². В это время Н. В. Жуковский служил уже гражданским губернатором Санкт-Петербургской губернии¹³.

Летом 1849 г. Николай Васильевич Гоголь по приглашению той же А. О. Смирновой-Россет, жены губернатора края Н. М. Смирнова (после Жуковского), проживал в деревянном флигеле, расположенном у их дачи. В Калуге Гоголь работал над вторым томом «Мертвых душ», отрывки из которого он читал местным жителям¹⁴.

В своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Николай Васильевич Гоголь резко высказался в адрес Елизаветы Николаевны: «Жуковская завела кучу благотворительных заведений, а с ними вместе и кучи бумажной переписки и возни, экономов, секретарей, кражу, бестолковщину, прославилась благотворительностью в Петербурге и наделала кутерьму в Калуге»¹⁵. Строг был Николай Васильевич Гоголь в оценке людей.

Другой сын Василия Григорьевича Жуковского, Григорий, родился 13 января 1800 г. в Челябинске. Воспитание, в отличие от своего брата Николая, он получил не домашнее, а в 2-м Санкт-Петербургском кадетском корпусе. По окончании курса в 1819 г. был выпущен в 1-й пионерный батальон прапорщиком. Через год его произвели в подпоручики, и тогда же он был переведен в 3-й пионерный батальон. Он сделал военную карьеру. Когда вспыхнуло Польское восстание 1830 г., Жуковский принял участие в его подавлении. В сражении при дер. Дембе-Вельки он был тяжело ранен саблей в голову и левую руку. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Весной 1832 г. Григорий Васильевич находился в Челябинске у отца, вероятно, в связи с ранением¹⁶. Едва залечив раны, он опять явился на поле сражения и участвовал во многих битвах. В 1834 г. произведен в полковники. В 1846 г. назначен командующим Башкиро-мещерякским войском (в Оренбургской губернии) с зачислением по кавалерии. Немного позднее получил чин генерал-майора. В начале Крымской войны состоял при главнокомандующем Южной армией, а затем назначен килийским комендантом. В 1856 г. ему было поручено временно исправлять должность военного губернатора Симферополя и таврического гражданского губернатора, а через четыре месяца он был утвержден в этой должности и вскоре получил звание генерал-лейтенанта¹⁷.

О Григории Васильевиче Жуковском в своих воспоминаниях (изданы в 1930 г.) писал младший брат великого русского писателя Ф. М. Достоевского, архитектор Андрей Михайлович Достоевский. Он был направлен на службу в Таврическую губернию, где и познакомился с Жуковским.

На другой же день, т. е. 19 июля 1858 г., в субботу, я, облекшись в мундир, явился по начальству: к губернатору, вице-губернатору и в строительную комиссию. В сей последней, по случаю субботы, никого не застал, а потому в воскресенье, 20-го, облекшись во фрак, сделал визиты сослуживцам.

Губернатор принял меня сдержанно, но приветливо. Это был генерал-лейтенант Григорий Васильевич Жуковский. Он был назначен губернатором по окончании Турецкой войны, кажется в 1856 или 1857 г., следовательно, был тоже вновь в этой местности. Быв назначен без всякого приготовления, прямо из военных генералов, он, как очень умный человек, разом понял всю беспомощность своего положения, так как увидел во всех окружающих его людей ему несимпатичных. При здравом уме, он соединял качество безупречной честности, а потому не мог терпеть около себя людей, живущих на счет нежно любимого отечества. В таких обстоятельствах он оставил на время при себе бывшего

правителя канцелярии, а сам начал учиться и учиться. С небольшим через год или два он достиг того, что мог сплавить бывшего правителя канцелярии и взять себе человека по душе. Он сделался очень популярным человеком, ежели не между чиновниками, то во всем симферопольском обществе, равно как и жена его Екатерина Ивановна. Замечательно при том, что их никто не звал губернатором или губернаторшей, генералом или генеральшей (как других губернаторов), а называли не иначе как Григорием Васильевичем и Екатериною Ивановною.

Они, кажется, были бездетны, по крайней мере, при них детей не было. Григорий Васильевич все время пребывания моего в Таврической губернии, т. е. в продолжении 1 ¼ года, был ко мне очень любезен и внимателен, и по его отличной аттестации меня главноуправляющему Чевкину, сей последний повысил меня сейчас же в должности (как и обещал), назначив меня губернским архитектором в Екатеринослав, но об этом после...

...Григорий Васильевич Жуковский был губернатором в Таврической губернии очень долго, кажется свыше 20 лет, и считался образцовым губернатором. Кажется уже в 70-х годах ко времени празднования 50-летнего юбилея его в офицерских чинах, он был еще Таврическим губернатором, и ему к этому дню пожалован орден Александра Невского (кажется небывалая награда для губернаторов), когда сам Министр внутренних дел граф Дм. Андр. Толстой не имел еще этого ордена...¹⁸

Проработал Григорий Васильевич таврическим губернатором не 20, как писал Достоевский, а 15 лет. Это тоже довольно солидный срок. За эти годы он заслужил уважение жителей Крыма, оставил о себе добрую память в губернии. Недаром в 1869 г. Бердянская и Днепровская земские управы в знак благодарности к таврическому губернатору решили: «...отпускать из земских сумм ежегодно: первая по двести (200) и вторая по триста (300) рублей на содержание в Симферопольском детском приюте пяти сирот имени генерал-лейтенанта Григория Васильевича Жуковского». Император это решение утвердил¹⁹. В 1871 г. Жуковскому высочайше повелено было присутствовать в Правительствующем сенате. Григорий Васильевич умер 15 февраля 1880 г. в Царском Селе, состоя на службе. Похоронен на Шуваловском кладбище²⁰.

Поиск информации в литературных источниках, мемуарах свидетельств о врачах и их родственниках, работавших в Оренбургской губернии и Челябинске, продолжается.

Следует отметить, что и некоторые врачи, имеющие отношение к Челябинску, писали свои воспоминания. Теперь уже хорошо известны мемуары врача В. Б. Загорского (1885–1892), воспоминания дочери врача А. Н. Неаполитановой. Оставил свои воспоминания и врач Василий Алексеевич Ляпустин. Он писал о периоде работы в городской больнице (1903–1906), о Д. Н. Мамине-Сибиряке, с которым был знаком в молодости, о смерти Л. Н. Толстого, свидетелем которой он был.

Примечания

¹ Винский Григорий Степанович // Электронная библиотека Оренбургской областной научной библиотеки им. Н. К. Крупской. URL: <https://elibrary.orenlib.ru/index.php?dn=down&to=avtor&id=190> (дата обращения: 27.04.2022).

² Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1982. С. 91.

³ Винский Г. С. Мое время. СПб., 1914. С. 140.

⁴ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 169.

⁵ Винский Г. С. Указ. соч. С. 132.

⁶ Там же. С. 133–135.

⁷ Палкин Б. Н. С. С. Андреевский. М., 1986. С. 4.

⁸ Шенрок В. И. Прокопович Николай Яковлевич // Большая биографическая энциклопедия. URL: <http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/articles/866/prokopovich-nikolaj-yakovlevich.htm> (дата обращения: 25.04.2022).

⁹ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 1. С. 91.

¹⁰ Отрошенко В. Гоголь и Гоголь // Знамя. 2012. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/5/gogol-i-gogol.html> (дата обращения: 15.03.2022).

¹¹ Модзалевский В. А. Малороссийский родословник. Киев, 1910. Т. 2. С. 64–71.

¹² Мосин О., Мосина С. История Калуги в лицах: Н. В. Жуковский // Авторский проект librego.ru. Режим доступа: <http://www.librego.ru/author/zuk> (дата обращения: 15.03.2022).

¹³ Длуголенский Я. Н., Берсенева В. В. Руководители Санкт-Петербурга. СПб. ; М., 2003. С. 143–144.

¹⁴ 10 исторических личностей в Калуге // Рекламное агентство «Калуга-Поиск». URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/interesno/pro-gorod/10-istoricheskikh-lichnostey-v-kaluge> (дата обращения: 13.03.2022).

¹⁵ Мосин О., Мосина С. Указ. соч.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 1. Д. 12. Л. 74 об., 81.

¹⁷ Жуковский, Григорий Васильевич // Википедия — свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жуковский,_Григорий_Васильевич (дата обращения: 11.01.2022) ; Семенов В. Г., Семенова В. П. Жуковский Григорий Васильевич // Башкирская энциклопедия. URL: <http://bashenc.online/ru/articles/82557/> (дата обращения: 11.01.2022).

¹⁸ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930. С. 267.

¹⁹ ПСЗ. Т. XLIV. СПб., 1873. № 46629. 07.01.1869. С. 63.

²⁰ Семенов В. Г., Семенова В. П. Указ. соч.

ВОСПОМИНАНИЯ И СТИХИ А. О. ПРИДАННИКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История Гражданской войны на Южном Урале продолжает вызывать широкий общественный интерес. Одним из перспективных направлений работы является введение в научный оборот прежде неизвестных исторических источников¹.

В ряду ценнейших свидетельств о событиях Гражданской войны периода 1919–1921 гг. находятся малоизвестные воспоминания оренбургского казачьего офицера Андрея Осиповича Приданникова. В одной из редакций эти воспоминания были опубликованы в Омске в 2002 г. тиражом 200 экземпляров и стали библиографической редкостью². При этом немалая часть письменного наследия Приданникова остается неопубликованной.

А. О. Приданников родился в 1897 г. в пос. Лапинском Уйской станицы 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. В 1910 г. окончил поселковую школу, в 1914 г. — четырехгодичное городское училище в станице Уйской. Работал учителем. Жил Приданников очень скромно: жалованья учителя едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Призыву в армию он подлежал в 1918 г. Способом избежать больших расходов при сборах на военную службу стало поступление в военное училище.

В 1917 г. Андрей Осипович стал юнкером Оренбургского казачьего училища. Начавшаяся на Южном Урале Гражданская война привела к тому, что молодой юнкер разделил судьбу своего военно-учебного заведения. Он участвовал в походе юнкеров из Оренбурга на Уральск в январе 1918 г., когда казаки были вынуждены временно оставить свою войсковую столицу. Позднее вместе с училищем был эвакуирован в Иркутск. Училище Приданников окончил летом 1919 г. и был произведен в прапорщики (с 3 июля 1919).

Приданников поступил на службу в Атаманский казачий полк 2-го военного округа ОКВ, входивший в состав 4-го Оренбургского армейского корпуса под командованием генерал-майора А. С. Бакича³. В рядах этих формирований офицер участвовал в Голодном походе Оренбургской армии (переименованной из Южной) в конце 1919 г. Позднее служил в Семиречье, а в марте 1920 г. перешел китайскую границу в составе войск генерала Бакича и был интернирован в Западном Китае (Синьцзяне), неподалеку от советской границы.

После того как в 1921 г. советские представители договорились с китайскими властями о военной операции по ликвидации сил Бакича на территории Китая, белым пришлось спешно уходить вглубь Китая. Приданников участвовал в новом походе, а позднее добрался до Монголии. Затем он покинул Отдельный Оренбургский корпус Бакича и из Монголии вновь попал в Китай — сначала в г. Гучен, а далее в Пекин и Ханькоу. В последнем городе офицер женился.

К сожалению, сведения об эмигрантской жизни Приданникова крайне скудны. Известно, что начало Второй мировой войны примерно совпало для него с новым большим переселением. Андрей Осипович с супругой Евдокией Тимофеевной тогда покинули Китай, 19 октября 1939 г. через Гонконг они прибыли в Австралию и поселились в Брисбене. Приданников устроился на мебельную фабрику русского предпринимателя Угличина (судя по фамилии, видимо, также оренбургского казака). Умер Андрей Осипович 1 января 1971 г. от тяжелой болезни. Его сын Юрий (Георгий),

родившийся 4 мая 1941 г., жил в Брисбене и скончался там же 8 марта 2022 г. У него были сестры Вера и Нина. В настоящее время род Приданниковых продолжают внуки офицера — Татьяна и Андрей.

К сожалению, омское издание воспоминаний не было снабжено какими-либо комментариями, а короткая биографическая справка об авторе содержала неточности. Небольшое предисловие к книге написал омский журналист и краевед Л. М. Флаум, но оно не касалось личности мемуариста и даже почти не затрагивало описанных им событий. Неизвестно и происхождение рукописи, положенной в основу книги. Неопубликованным осталось поэтическое наследие Приданникова, хотя отдельные его стихотворения ранее публиковались⁴.

Другой неполный вариант воспоминаний в виде ксерокопии машинописи хранится в Москве, в архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ)⁵. Воспоминания Приданникова были не ранее 1980 г. переданы в собрание А. И. Солженицына однополчанином Приданникова М. С. Чебековым⁶. Во всяком случае, именно он снабдил рукопись своими пояснениями о ее авторе: «г. Брисбен Австралия. Автор этих стихов офицер, казак-оренбурец Андрей Приданников. Подтверждаю это, как сослуживец-однополчанин Михаил Степанович Чебеков. 13 апреля 1980 г.»⁷. Название рукописи также дал Чебеков: «Незаконченный дневник оренбургского казака офицера Андрея Осиповича Приданникова, умершего 1 января 1971 г. Отступавшего в Китай в южном направлении через Семиречье с атаманом Анненковым и ген. А. С. Бакич. Примечание М. С. Чебекова. 4 июля 1977 г.»⁸. На втором листе рукописи указан шифр, данный Солженицыным, а также написано: «Через Чебекова»⁹. Впоследствии архив рукописей, которые эмигранты присылали Солженицыну, попал в Москву и составил основу документальной коллекции ДРЗ.

Название, которое дал рукописи Чебеков, ошибочно, поскольку повременных записей в тексте нет. Соответственно, это не дневник, а воспоминания. Впрочем, вполне возможно, что в основе записей за отдельные периоды (например, за время отхода белых из лагеря на р. Эмиль в Западном Китае в 1921 г. и дальнейших скитаний, описанных поденно) лежали дневниковые заметки.

При сопоставлении омского издания и московской рукописи можно сделать ряд наблюдений. Рукописный экземпляр несколько отличается от опубликованного. Начинается текст с событий лета 1919 г., тогда как опубликованный вариант открывается главой «Первые “университеты”», описывающей жизнь мемуариста с рождения и до революции. Окончание в рукописи также отсутствует. Нет в ДРЗ и литературного произведения «Рассказ Кузьмича», которым заканчивается книга. Сравнение двух текстов показывает, что это разные редакции одних воспоминаний. Мемуарист обладал очевидным литературным талантом, поэтому его тексты читаются как беллетристика.

Помимо воспоминаний в прозе Приданников оставил и уникальные в своем роде стихотворные воспоминания¹⁰. В каких-то случаях стихотворные и прозаические воспоминания дополняют друг друга. Стихи незамысловаты, но отражают переживания участника Гражданской войны, включая те периоды, которые не отражены в традиционных воспоминаниях. Например, события конца 1917 — начала 1918 г. в Оренбурге:

Уходят юнкера — всего лишь полусотня.
Другая — где-то там, еще под Каргалой.
В станицах нелады, берутся не с охотой
За дедовскую сталь, что ведалась с Ордой...

А также казачье восстание весной 1918 г.:

Берданкою и Гра, и редко «трехлинейкой»,
Сабан и борону сменили казаки,
Кто с пикой старою, кто с шапкой-лиходейкой
Спешат со всех станиц в отряды и полки.

Молодой офицер в стихотворной форме описал свое возвращение в Оренбург, приезд в разоренное красными училище, дни учебы и новую оборону города зимой

1918/1919 гг. Стихотворение «Воспоминания» обрывается на приезде автора на учебу в Иркутск.

В прозе Приданников описывал беспокойную обстановку в Сибири летом 1919 г. Ехавшие на фронт новоиспеченные офицеры опасались нападения партизан и диверсий на железной дороге. На наиболее опасном участке всем раздали винтовки. Кроме того, много было советских агентов. Мемуарист зафиксировал, как удалось разоблачить двух таких агентов с офицерскими погонями в карманах. Позднее они были повешены. Описывает мемуарист и случаи столкновений войск с местным населением, самосудов, карательные мероприятия белых, массовое дезертирство, тяжелейшее, голодное положение военнопленных. Сцены из жизни тыла вызывали возмущение. И хотя белые уже отступали к Уралу, молодые офицеры верили в победу.

После выпуска летом 1919 г. Приданников попал в родное войско на Южный Урал. Офицер считал своим долгом быть активным участником борьбы с большевиками, тем более что на Урале казаки защищали родные станицы от красных.

Власть белых в регионе тогда переживала свои последние месяцы. Под ударами частей Красной армии войска адмирала А. В. Колчака отступали на Урал и в Зауралье. Южная армия, действовавшая на территории Оренбургской губернии, оказалась в выдвинутом положении относительно главных сил белых. Чтобы избежать окружения, пришлось отступать и этим формированиям. Отход армии сопровождался массовыми сдачами в плен, но непримиримые отказались сдаваться и продолжили борьбу, уйдя из родных мест.

Путь на фронт и скитания по степям заняли около трех месяцев. Долгие скитания на пути к фронту позволили составить прекрасные путевые заметки, включающие описания природы и быта местных жителей. Когда Приданников наконец добрался до своей части, выяснилось, что Оренбургская армия белых находится в глубоком отступлении. Он подробно описывал отступление корпуса, в котором служил. Отход происходил по малонаселенным местам, что осложняло добычу продовольствия, поиски жилья. В войсках началась эпидемия тифа. Умиравших иногда не успевали похоронить, оставляя это на местных жителей. Больные лечились в лазаретах. Численность войск резко сократилась. Например, сотня Приданникова в начале похода насчитывала 250 человек, а приблизительно к ноябрю 1919 г. сократилась до 50–60 человек. Боевой дух упал. В октябре стало ясно, что, скорее всего, белые навсегда потеряли Урал, а следовательно, родные для многих станицы. Часть казаков была вынуждена бросить в станицах семьи, более спокойно отступление воспринимали холостые. Замаячила угроза отхода в неизвестность, пугавшая личный состав. Кроме того, началось похолодание, а зимнего обмундирования не подвезли. Все это вело к росту дезертирства. Под Акмолинском, например, остались казаки 22-го и 35-го Оренбургских казачьих полков, отказавшиеся отступать дальше.

Описание отступления белых — одна из ярчайших частей воспоминаний офицера. У немногочисленного местного населения отходившая армия забирала все что можно — продукты питания, фураж (сено, солому, овес), транспорт (фургоны и телеги), теплую одежду. Иногда забирали самих местных жителей с подводами для перевозок и долго не отпускали. За реквизированное имущество платили далеко не всегда. Такие действия озлобляли жителей. С наступлением зимнего времени ситуация осложнилась. Помимо больных тифом появились обмороженные и замерзшие. Войска стали чаще прибегать к насильственным реквизициям. Как свидетельствовал Приданников, «жители приходили в ужас, глядя на непрерывное движение обозов и частей в течение двух последних недель. На задаваемые вопросы, куда это такая масса народу идет, конечно, определенного ответа не было, двигались по инерции пока хватало сил. Одно было желание у всех: как можно дальше уйти от красных»¹¹.

Управление войсками оставляло желать лучшего. Связи практически не было. Армия не знала, что происходит в «белой» Сибири. Сопротивления красным почти не оказывали, а в некоторых случаях отступавшие даже утратили соприкосновение с противником.

Особенно тяжелым было отступление от Каркаралинска до Сергиополя в декабре 1919 г. Встреча с войсками атамана Б. В. Анненкова в Семиречье оставила у отступавших дутовцев неприятный осадок. Анненковцы были настроены недружественно,

считая, что разложившиеся части Оренбургской армии ведут за собой в регион красных. Приданников описал перемены в командовании, когда отступившие части были подчинены Анненкову.

Весной 1920 г. мемуарист с товарищами попал в Китай, что изменило всю его жизнь: в результате Гражданской войны 23-летний парень из уральской глубинки навсегда лишился родины. С момента перехода китайской границы начинаются стихотворные мемуары (поэма) Приданникова «На чужбине»:

Прощальный взгляд на родину бросая,
Патроны постреляв последние с коня,
Уходят казаки через рубеж Китая
В холодный вечер мартовского дня.

Оренбургский отряд под командованием генерала Бакича, перейдя в Китай, сдал оружие и разместился лагерем на р. Эмиль в 35–40 верстах от пограничного г. Чугучака. Приданников служил в Оренбургском казачьем дивизионе. Китайцы по дорогам из лагеря установили свои комендантские заставы. Постепенно лагерь обустроивался, но питание было очень скудным. Многие начали тосковать по родине, кто-то стремился вернуться домой.

Поскольку Приданников был младшим офицером, он близко соприкасался с бытовой стороной лагерной жизни, чем особенно ценны эти разделы его воспоминаний. В лагере налаживалось хозяйство. От каждого полка в горы отправляли табуны лошадей в сопровождении специальных команд для наблюдения. Открылись дивизионные хлебопекарни. Некоторые беженцы стали промышлять рыболовством. Кто-то плел корзины, занимался портняжным делом. Большинство же не предполагало, что пребывание в лагере затянется, и ничего не делало. При этом жизнь беженцев протекала в полной изоляции от внешнего мира. Не было известно даже, что происходит по ту сторону границы.

По случаю праздника Оренбургского войска были устроены скачки, на которые пригласили китайского губернатора. Устраивались соревнования по джигитовке и борьбе. Разумеется, празднование в суровых беженских условиях сопровождалось интенсивным употреблением китайской водки, что привело к потасовкам. Пьянство в целом приобрело характер бедствия и порой приводило к крахам, увечьям и пр. Отдельные беженцы промышляли грабежами.

Прокатился по отряду слух и о зверском убийстве анненковцами семьи полковника Ф. С. Луговских еще при отходе из России. После этого немногочисленные анненковцы были вынуждены покинуть лагерь.

Часть чинов отряда решила вернуться в Россию. Кто-то опасался возвращаться из-за угрозы репрессий. После отъезда всех желающих лагерь опустел, что сказалось на настроениях оставшихся. Впрочем, сокращение отряда привело к улучшению снабжения.

Летом 1920 г. два месяца Приданников провел в горах, охраняя табун лошадей. Жить приходилось вблизи советской границы, что было сопряжено с определенным риском, так как в эти места нередко добиралась советская конная разведка. Тем не менее пребывание в горах прошло благополучно. Приближались осенние холода, поэтому в лагере занялись обустройством землянок. Для Приданникова землянка сооружалась артелью из восьми человек. Столом ему служил ящик из-под снарядов. Затем начался период заготовки дров на зиму.

Размещение вблизи советской границы свидетельствовало о каких-то надеждах, связывавшихся с этим, — возможно, о планах реванша за поражение. Однако никаких конкретных действий в этом направлении не предпринималось. Изменения в жизни отряда последовали в связи с развернувшимися на советско-китайской границе событиями. В середине осени 1920 г. после неудачного восстания в район Чугучака через Монголию пришел отряд повстанцев под командованием офицера Сибирского казачьего войска есаула Д. Я. Шишкина численностью до 800 человек. Когда выяснилось, что у Шишкина в отряде условия лучше, начался отток людей из лагеря на р. Эмиль. После того как у Шишкина иссякли средства, казаки начали возвращаться назад.

Тягостным временем оказалась зима 1920/1921 гг. в лагере. Чтобы как-то скрасить унылые будни, казаки организовали самодеятельный театр, открыли библиотеку, при штабе отряда начал издаваться машинописный журнал «На чужбине», где печатались юмористические заметки о лагерной жизни, а также стихи, выдержки из писем и слухи. Для детей были устроены школы, но не хватало учебников. Перед Рождеством часть землянок после бурана оказалась занесена снегом. Людей, просидевших в снежном плену несколько дней, приходилось откапывать, а продукты и дрова им передавали через печную трубу. Затем пришло известие об убийстве в Суйдине атамана А. И. Дутова, что усугубило настроения в лагере, существовавшем без малого год.

Сменялись дни, ползли, как нехотя, недели.
Нет-нет да налетал и буйствовал буран.
Вдруг весть в отряде громом пролетела —
Убит в Суйдуне Дутов-атаман.

Упали духом казаки в досаде,
Что не сумели Дутова сберечь, —
Убийцы скрылись. Стыд такой отряду —
Отточенный клинок не снял голов их с плеч.

Доверьем пользуясь, под видом порученья
Явились к Дутову злодеи. И сражен
Еще один вождь Белого движенья,
Погиб в чужой стране, никем не отмщен...

Многие осознали, что новый поход в Россию без Дутова уже не состоится. С другой стороны, весна 1921 г. принесла слухи о крестьянских восстаниях в России. Жизнь на р. Эмиль шла своим чередом. Лагерники стали устраивать огороды, а Бакич переименовал отряд в Отдельный Оренбургский корпус.

В полках с весной разбили огороды,
Садили семена в разделанные грядки,
И ждали, что вот-вот зазеленеют всходы.
Стоит и чучело для полного порядка...

Однако мирная жизнь продлилась недолго. В мае 1921 г. в район лагеря пришла Народная дивизия сибирских крестьян-повстанцев под командованием С. Г. Токарева. Это событие стало поводом для последующей ликвидации лагеря. Повстанцы при помощи Бакича попытались переправить через границу оружие, чтобы не сдавать его китайским властям. «Народники», как стали называть новоприбывших у Бакича, вошли в его подчинение. Разумеется, концентрация в приграничном районе больших вооруженных групп русских вызвала осложнения. Непрогнозируемых последствий опасались как китайские власти, так и советское руководство. Результатом стало советско-китайское соглашение о вводе частей РККА на китайскую территорию для ликвидации белых.

На границе стало заметно оживленнее. Частям в лагере были розданы винтовки. Генерал Бакич отдал приказ приготовиться покинуть район р. Эмиль.

В полках обозы кое-как собрали
И к штабу корпуса стянули их, и там
Всю ночь голодные до света простояли,
Разбившись группами в порядке по полкам.

Охранные посты китайцев разоружив,
Проехал Бакич, а за ним вперед
Пошел отряд, законы все нарушив,
Куда-то на Кобук наметив свой поход...

Части РККА вошли на китайскую территорию, но белым удалось вырваться. Начавшийся полуторамесячный поход проходил в сложных условиях. Красные преследовали. Маршрут отхода сил Бакича пролегал к рр. Кобук и Черный Иртыш, а далее — к г. Шара-Сумэ. В конце концов белые сумели оторваться от преследователей. Никто не мог предположить, что это лишь начало новых скитаний по Китаю и Монголии протяженностью почти полтора года.

Уйдя от преследования, корпус расположился лагерем на р. Кран у Шара-Сумэ, снова неподалеку от советской границы, что вызывало беспокойство. Белые также захватили г. Бурчум, взяв под свой контроль Алтайский округ Синьцзянской провинции Китая.

Китайский городок Шарасумы в тревоге —
Идет гроза, беды не избежать.
Спасаться, но куда, какой бежать дорогой?
А помощи, защиты неоткуда ждать.

Грозил китайцам Бакич лютой карой,
Коль не снабдят продуктами отряд.
Китайцы с хуторов бегут, как от пожара,
Бегут, как от чумы, куда глаза глядят.

В районе Шара-Сумэ решили задержаться, чтобы дать войскам отдых.

Решено Бакичем в Шарасумах остаться
И ждать, когда созреет в поле хлеб,
Чтоб запастись зерном, немного сил набраться,
Чтоб у людей в отряде дух окреп.

В планах Бакича был поход в Россию, хотя это и являлось авантюрой в тех условиях. Однако в конце августа 1921 г. красные вновь организовали операцию по ликвидации белых. Но корпус вновь смог уйти, на этот раз в Монголию. Возле оз. Толбо-Нур бакичевцы соединились с войсками есаула А. П. Кайгородова, осаждавшими красных в монастыре Саруль-гун. Осада при участии бакичевцев продолжалась более месяца, но успехом не увенчалась. Дисциплина в это время уже оставляла желать лучшего. Генерал Бакич пытался наказывать за неподчинение, но ничего не помогало. Наступали холода. Пайки были скудными. Чувствовались холод и голод. Борясь за выживание, некоторые чины занялись воровством. Начались конфликты и в командном составе. Утомленные за время осады казаки стали уходить из корпуса. В частности, в ночь на 19 октября 1921 г. от Бакича откололась крупная группа полковника Д. В. Кочнева, в которой находился и Приданников.

И тысячи бойцов в отряде не осталось,
А был ведь корпус — шутка ли сказать, —
Был доблестным в боях, с ним недруги считались...
Но все ушло, распалось, не собрать...

Благодаря уходу от Бакича Приданников сумел избежать выдачи в Советскую Россию и репрессий, тогда как многих оставшихся ждала эта участь. Дивизион Приданникова двинулся на г. Кобдо, примкнув по пути к отряду полковника В. Ю. Сокольницкого (бывшему отряду Кайгородова). Из Кобдо решили идти снова в Китай. Всего в дивизионе насчитывалось до 700 человек. При переходе в Китай в декабре 1921 г. пришлось сдать оружие. Зазимовали возле границы с Монголией на р. Булугун. Для характеристики восприятия действительности интересно отметить, что в отряде короткое время выходила газета «Булугунское болото». Лагерь в чем-то напоминал жизнь на р. Эмиль, но с лучшим питанием. О судьбе корпуса Бакича ничего не знали. Весной 1922 г. дивизион начал распадаться — люди стали группами уезжать из лагеря. В этом лагере Приданников прожил до сентября 1922 г. После этого с остатками дивизиона отправился в г. Гучен.

Резюмировал Приданников следующими словами: «Много было всего пережито за время полуторогодичного странствования по пустынным и безлюдным местам. Много соратников осталось на этом пути, чьи одинокие могилы являются свидетелями той трудности и опасности, в какой приходилось бывать казакам во время похода. Редкая стоянка не помечена могильными крестами или просто могильными холмиками. И все это теперь осталось позади. Но оно никогда не забудется участниками, прошедшими через все эти невзгоды и лишения. Теперь, очутившись снова среди мирной обстановки, первым долгом для каждого должно быть стремление привести себя в человеческий вид — одеться, обуться и освободиться ото всего навеянного уродливостью жизни»¹².

Казаки обсуждали идею своей отправки на Дальний Восток, где еще продолжалась борьба с красными, но этот план реализован не был. В ноябре 1922 г. сводный русско-инородческий отряд расформировали, кочевая жизнь офицера наконец завершилась. Начался новый период, в котором каждый из эмигрантов был сам за себя. Однако память о пережитом в былых походах по России, Китаю и Монголии сохранили для потомков строки стихов и прозы забытого казачьего офицера.

Примечания

¹ См., например: Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака: воспоминания, документы и материалы / под ред. А. В. Ганина. М., 2022. 480 с.

² Приданников А. О. Вычеркнутые из истории: записки очевидца / публ. В. В. Винклера, Л. М. Флаума. Омск, 2002. 163 с.

³ Подробнее о нем см.: Ганин А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. 238 с.

⁴ Ларкина Л. Л. Уральские казаки в Квинсленде. Брисбен, 2011. 376 с.

⁵ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14.

⁶ По-видимому, именно ему принадлежит недавно опубликованный дневник гимназиста Хвалынской мужской гимназии за 1917–1918 гг. (Чевеков М. С. «Будет ужасная внутренняя война...»: дневник Михаила Чевекова // Россия 1917 года в эго-документах: дневники / под ред. Н. В. Суржиковой. М., 2017. С. 112–131). В комментариях к публикации ошибочно указано, что Чевеков умер в 1936 г. (Там же. С. 482).

⁷ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 225.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ В книге Л. Л. Ларкиной автобиографические стихи Приданникова датированы 1924 г. (Ларкина Л. Л. Указ. соч. С. 156).

¹¹ ДРЗ. Ф. 1. Оп. 3. АВ-14. Л. 38.

¹² Там же. Л. 158.

«Я, БРАТ АТАМАНА ДУТОВА, БЫЛ ПРОТИВ БОРЬБЫ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ...»: НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО БРАТА ЛЕГЕНДАРНОГО БЕЛОГО АТАМАНА (1922)

В октябре 1922 г. начальник канцелярии председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, Г. В. Бутов, получил от историка, ученика В. О. Ключевского профессора Ю. В. Готье необычное послание. Это было заявление родного брата знаменитого лидера белых, оренбургского казачьего атамана Александра Ильича Дутова, адресованное властям Советской России.

В письме Николай Ильич Дутов сетовал на свою тяжелую жизнь в советских реалиях. Писал об аресте и длительном тюремном заключении. Упомянул о том, что он всецело лоялен и безопасен для советской власти, и заявлял, что всегда был противником борьбы с ней. Конкретного адресата документ не имел, однако передача его в секретариат Троцкого свидетельствовала о том, что отправитель рассчитывал донести свои чаяния до главы советского военного ведомства.

Начальник канцелярии Троцкого, по-видимому, не знал, что ответить заявителю, поэтому 17 октября 1922 г. переправил письмо на Лубянку — члену Президиума ВЧК В. Р. Менжинскому. В сопроводительном письме он отметил: «Препровождаю письмо Дутова, полученное мною от профессора Готье. Из этого письма можно усмотреть, что этот человек, по-видимому, бесполезен воен[ному] ведомству. Прошу ознакомиться с письмом и сообщить мне Ваше мнение, дабы я мог дать тот или другой ответ Готье... С коммунистическим приветом Бутов»¹.

Об атамане Оренбургского казачьего войска А. И. Дутове знают, пожалуй, все, кто интересуется историей революционной эпохи в России. Он одним из первых, еще в октябре 1917 г., вступил в борьбу с захватившими власть в Петрограде большевиками, возглавив вооруженное сопротивление на Южном Урале. Боролся до конца и, не смирившись с поражением, в 1920 г. отступил в Западный Китай с небольшой группой сторонников. Вынашивал планы возобновления борьбы, но в феврале 1921 г. был убит в ходе спецоперации советских агентов².

Совсем иначе обстоит дело с биографией его брата, которую приходится реконструировать буквально по крупицам. Николай Дутов родился 3 декабря 1883 г. в Нижегородской губернии, был младше своего знаменитого брата на четыре года. Как и тот, окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1904). Стал офицером, но прослужил недолго: уже в 1907 г. в чине сотника вышел в отставку по болезни³. Далее участвовал в работе органов местного самоуправления — служил секретарем Орской уездной земской управы⁴. Когда началась Первая мировая война, вернулся на службу в прежнем чине, но особо себя не проявил, был эвакуирован в тыл, прикомандирован к войсковому штабу Оренбургского войска, служил в запасных частях, а затем в 10-м Оренбургском казачьем полку. Известно и о дисциплинарном проступке Дутова: 28 апреля 1917 г. он, не сдав командование 10-й Оренбургской отдельной казачьей сотней, самовольно, тайно, неизвестно куда уехал и до 21 мая в сотню не вернулся⁵. Ко времени начала Гражданской войны Н. И. Дутов дослужился до есаула⁶.

Согласно одному из мемуарных свидетельств, осенью 1918 г. «в потрепанном легком костюмчике, гол как сокол, багажа никакого, кажется вплоть до зубной щетки»⁷

Николай Дутов пробирался на грузовом пароходе «Моряк» из Одессы на Северный Кавказ, чтобы дальше проехать к старшему брату в Оренбург. Н. И. Дутов «много повидал и испытал, человек не глуп... Вид у него самый несчастный...»⁸ И далее: «...брату добрею работы всегда достаточно. Один Дутов берет не меньше 20 минут своим бритъем. Борода у Дутова растет обильно и быстро, и щетина такая твердая, что бритва звенит и лишь с громадным трудом делает свое дело. Бритье это, повторяющееся изо дня в день, привлекает обычно всех спутников и является тем поворотным моментом, когда дурное утреннее настроение сменяется хорошим вечерним»⁹. Брат Дутова отличался веселым нравом. По свидетельству очевидца, он оказался «необычайно интересным спутником... мастером на экспромты и сыпящим ими всюю... Перебрал он буквально всех, а про себя самого он пропел так:

Из Одессы шел Моряк,
Плавал по Дунаю.
И застрял на нем Казак,
Для чего, не знаю»¹⁰.

Удалась или нет его миссия, неизвестно. Достоверно лишь, что в ноябре 1918 г. он добрался до Новороссийска, а далее, вероятно, отправился в Екатеринодар¹¹.

Что было дальше, неизвестно. В январе 1919 г. белые оставили Оренбург. Встретились ли братья Дутовы, тоже неизвестно. Мы знаем лишь, что в начале 1920 г. Николай Дутов находился в Томске. Едва ли его участие в Белом движении было сколько-нибудь заметным. Тем более что пробрался в Сибирь Дутов-младший вряд ли раньше 1919 г., когда Гражданская война была уже в разгаре. Почему он не устроился на какую-нибудь должность при своем знаменитом брате, мы не знаем. Как бы то ни было, 15 февраля 1920 г. в Томске красные его арестовали. Просидев в заключении почти год, он 23 декабря 1920 г. был доставлен в Москву, в распоряжение ВЧК, а еще почти через год, в октябре 1921 г., впервые допрошен. 24 ноября 1921 г. его приговорили к заключению в лагере на два года за контрреволюционную деятельность. Фактически же — за брата, которого советские агенты убили в Западном Китае еще в феврале 1921 г. В местах лишения свободы брат атамана провел около трех лет. По состоянию здоровья его перевели в санаторий «Химки», где он продолжал числиться за карательным отделом (такой имелся в Наркомате юстиции) и откуда 16 октября 1922 г. написал заявление, которое передал историку Готье.

К сожалению, в то время Готье, опасавшийся обысков и преследований, уже прекратил вести свой известный многим специалистам дневник, из которого можно было бы узнать дополнительные подробности¹². Ответ Менжинского в архиве также не сохранился. Неизвестна и последующая судьба брата Дутова. Осталось лишь письмо, публикуемое ниже.

Копия

Николая Ильича Дутова,
числящегося за Кар[ательным] отделом
и проживающего в санатории «Химки»
по Ник[олаевской] жел[езной] дор[оге]¹³

Заявление

Я — бывший отставной офицер (кончил Николаевское кавалерийское училище в 1904 г.), родной брат атамана Дутова, прошу дать мне возможность работать на пользу республики, освободив меня из заключения и дав место, соответствующее моим знаниям, опыту и способностям. Я обещаю совершенно лояльное отношение к советской власти. Мое почти 3-летнее заключение основано на недоразумении, создавшемся благодаря несовершенному судопроизводству. Я утверждаю, что суд республики или партии и каждый серьезный человек, ознакомившись лично от меня с фактами моей жизни и с моими показаниями, которые всегда можно проверить, убедился бы, что я был отстранен от работы столь долгое время совершенно напрасно. Я — спец по военно-учебному делу (был начальником) кавалерийского отделения 1-й опытной школы прапорщиков), по земскому делу и по куль-

турно-просветительной работе. Всегда занимал ответственные посты. Прошу дать мне возможность высказать все лично. Положение мое исключительное. Я, брат атамана Дутова, был против борьбы с советской властью и поэтому никакого участия не принимал в Гражданской войне, что могу доказать.

Справка: Я был арестован в госпитале № 11 в г. Томске 15 февраля 1920 г., 23 декабря 1920 г. был доставлен в Москву в распоряжение ВЧК. Только в октябре 1921 г., т. е. через 20 месяцев я был допрошен первый и единственный раз без предъявления конкретного обвинения. 24 ноября 1921 г. постановлением ВЧК я был приговорен к заключению в лагерь на 2 года за «контрреволюционную деятельность». В чем именно она заключалась, мне неизвестно. У белых я нигде не служил, агитацией против советской [власти] не занимался вообще и был далек от активной политической борьбы. Три года я пролежал за это время в лечебных заведениях, так как был болен туберкулезом ноги и легких. Теперь оправившись, я прошу дать мне возможность жить своим трудом. По своим убеждениям я совершенно безопасен для республики.

16/Х-22 г. Н. Дутов

*Копия верна*¹⁴

Примечания

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 535. Л. 887.

² Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

³ Выражаю благодарность кандидату исторических наук В. Г. Семенову (Оренбург) за предоставленные сведения.

⁴ Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1914-й год. Оренбург, 1914. С. 118.

⁵ Объявление армиям Юго-Западного фронта. 1917. № 193. 21.05. Сведения предоставлены В. Г. Семеновым.

⁶ Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 203.

⁷ Литвинов А. На «Моряке» в Добровольческую армию в 1918 г. // Военная быль. Париж, 1962. № 54. С. 20.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 21, 22.

¹¹ Ганин А. В. Указ. соч. С. 292.

¹² Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 3.

¹³ Штамп канцелярии председателя Реввоенсовета Республики 18.10.1922 № 7617 (?).

¹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 535. Л. 888. Машинописная копия.

П. Е. Гончаренко, Н. Н. Ивлев

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ СЕМЕЙ ТАНКОВЫХ И САЛОВЫХ. ВКЛАД ПРАДЕДОВ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Знание прошлого необходимо для понимания настоящего и прогнозирования будущего. Подрастающее поколение мало интересуется прошлым. История даже своего рода зачастую неинтересна современным людям. Причина этому — колоссальная скорость жизни, отрицание своих культурных ценностей и неуважение к своей истории. К сожалению, у большинства из нас прадеды и прапрадеды являлись выходцами из крестьян, которые были безграмотными и не представляли даже, что такое фамильное древо и как его выстраивать. А передавать устные знания от поколения к поколению в условиях современной урбанизированной жизни практически невозможно. Однако сохранять историю своей семьи необходимо как для себя, так и для всего народа. Особенно важно знать о подвигах своих предков, которые во имя нашего будущего с честью выполнили свой долг во время Великой Отечественной войны.

Мы должны все помнить, ведь память — это дань уважения. Наши предки шли спасать свои семьи, Родину, наше будущее. Именно Советский Союз, именно наш народ внес решающий вклад в победу над нацизмом, вынес на своих плечах основную тяжесть Второй мировой войны. Именно нашему народу выпала честь стать хранителем памяти о Великой Победе. Это исторический долг граждан нашей страны, святая обязанность всех будущих поколений россиян. Наше общество, как и весь мир, меняется, и эти изменения касаются каждого из нас. Но эстафета памяти не должна прерываться.

Цель исследовательской работы — изучить истории семей Танковых и Саловых в первой половине XX в. и показать вклад моих прадедов в победу над нацизмом.

Мой прадед по линии мамы Владимир Егорович Танков родился 17 июля 1918 г. в пос. Старая Пристань (ныне Саткинского района Челябинской области) в крестьянской семье. Воспитывала его одна мама, отец рано умер, семья жила впроголодь. Матери приходилось браться за любую работу, даже уезжать из дома на несколько дней и оставлять сына с бабушкой и дедушкой.

В 1920 г. Совнарком РСФСР образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. В сфере начального образования в 1920-е гг. это оставалось главной проблемой. В школах широко вводилось комплексное обучение, лабораторно-бригадный метод, метод проектов. В 1920-е гг. среднее образование в СССР являлось семилетним. Следующим этапом было профессиональное образование, в ведомстве которого находились профессиональные школы, техникумы и институты¹. Когда прадед пошел в школу в Сатке, ему пришлось жить на съемной квартире. Мама присылала ему картофель и хлеб, а хозяйка кормила какой-нибудь пустой похлебкой или просто давала две картофелины да кусок хлеба на весь день. Учился в школе в старой части Сатки. Школы были бедные, из-за отсутствия бумаги ребята писали на газетных листах, сидели по несколько человек за партой. Несмотря на финансирование школьного образования в 1920-е гг. из центрального и местного бюджетов, нехватка была очевидной. Не хватало учителей и школьных помещений, парт, досок, стульев, письменных принадлежностей...

Окончив седьмой класс, прадед поступил в школу ФЗУ на специальность «машинист экскаватора». Учился и работал на Карагайско-Гологорском руднике. В 1930 г.

велись работы по восстановлению ранее затопленного рудника, а через год началось бурение, во время которого были обнаружены залежи хромита. С 1933 г. на руднике осуществлялись подземные работы в шахте на нескольких горизонтах². С трудоустройством Владимира материальное положение его семьи улучшилось. Появилась даже возможность помогать его двоюродным братьям и сестрам.

В 1939 г. Владимир Егорович был призван в ряды РККА, служил на Дальнем Востоке (в Хабаровском крае) в войсках связи. Во время службы получил звание старшего сержанта, вступил в коммунистическую партию.

С весны по осень 1939 г. у р. Халхин-Гол на территории Монголии со стороны Японии шли активные наступательные действия. Весной 1939 г. японское правительство направило войска к монгольской территории с целью обеспечения создания новой границы между Монголией и Маньчжоу-го по р. Халхин-Гол. Советские войска выдвинулись на помощь дружественной Монголии и, объединившись с монгольскими воинскими частями, приготовились отразить агрессию. К границе были доставлены тяжелая техника, орудия и самолеты. Количество солдат составило около 40 тыс. человек. Стратегической задачей японцев было разгромить советские войска на Халхин-Голе и занять важные высоты и плацдармы для дальнейшего продвижения к границам СССР. Захватив гору Баин-Цаган на восточном берегу Халхин-Гола, японцы намеревались окружить и уничтожить советские войска, но в ходе упорных боев в течение трех дней оказались разгромлены и были вынуждены отступить.

В августе японская армия начала готовить новое наступление, подтягивая к Халхин-Голу дополнительные резервы. Советские войска тоже активно усиливались: появилось около 500 танков, истребительная бригада, большое количество орудий. Количество личного состава составляло уже почти 60 тыс. солдат. Японские войска планировали предпринять очередную атаку в конце августа. Но советские войска неожиданно для противника обрушили всю свою мощь 20 августа и, продавив оборону японцев, закрепились на важных высотах. Центральная, южная и северная группы советско-монгольских войск сковали противника постоянными атаками и к 23 августа взяли в плотное кольцо основные силы японцев. Уже к концу августа японцы были раздроблены на мелкие подразделения и полностью уничтожены. В результате японское правительство было вынуждено заключить с Советским Союзом договор о прекращении огня, который и был подписан 15 сентября 1939 г.³

После победы над японцами в армии сохранялась напряженная обстановка, ведь уже шла Вторая мировая война и почти вся Европа была захвачена нацистами. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз и наши войска в западных районах понесли значительные потери, началась переброска частей с Дальнего Востока на защиту столицы.

Часть войск была переброшена для сражения под Москвой зимой 1941 г., но подразделения, где служил В. Е. Танков, оставались на Дальнем Востоке для прикрытия границы в случае японского нападения. С началом Великой Отечественной войны войска активно готовились к возможному вторжению японских войск на территорию СССР на стороне гитлеровской Германии: строились приграничные укрепрайоны, многочисленные оборонительные полосы и укрепления в тылу, отрабатывались навыки ведения боевых действий в обороне. На Дальнем Востоке активно готовилось также пополнение для действующей армии, в критических ситуациях его отправляли на запад.

В 1944 г. Владимира Егоровича перебросили на Курильские острова в 22-й артиллерийский полк стрелковой Краснознаменной дивизии 1-й Краснознаменной армии. В это время шла подготовка к захвату Курильских островов. Самым сложным был первый этап операции — овладение островом Шумшу. Он считался северными воротами Курильского архипелага, и Япония уделяла особое внимание укреплению Шумшу. Из 58 дотов и дзотов бойцы могли простреливать каждый метр побережья. Всего на острове было 100 артиллерийских установок, 30 пулеметов, 80 танков и 8,5 тыс. солдат. Еще 15 тыс. находились на соседнем острове Парамушир, они могли быть переброшены на Шумшу в течение нескольких часов. Камчатский оборонительный район имел в составе лишь одну стрелковую дивизию. Подразделения были рассредоточены по всему полуострову. Всего за один день 16 августа 1945 г. их необходимо было доставить

в порт. К тому же переправить всю дивизию через Первый Курильский пролив было невозможно — не хватало судов. Советским войскам и морякам предстояло наступать в исключительно сложных условиях: сначала высадиться на хорошо укрепленный остров, а потом сражаться с превосходящим по численности противником без военной техники. Вся надежда была на «фактор внезапности»⁴.

18 августа 1945 г. началась высадка войск на остров Шумшу, бои за который носили ожесточенный характер: советские войска потеряли 1567 человек, японцы — 1018. Двадцать третьего августа остров был полностью освобожден.

Но в это время Владимир Егорович находился уже в Маньчжурии. Выписка из приказа, хранящегося в Центральном архиве Министерства обороны, гласит, что командир отделения связи 9-й батареи старший сержант Танков за отважные действия по уничтожению диверсионной группы противника в районе станции Хуалинь награжден медалью «За отвагу»⁵.

Прадед рассказывал моей бабушке, как под свист пуль и грохот снарядов он ползком пробирался вдоль проводов связи и устранял обрывы. Он вспоминал, как неистово, насмерть бились «самураи». При захвате территории наши бойцы нередко натыкались на мертвых японских солдат, прикованных цепями к пулеметам.

Владимир Егорович демобилизовался в 1946 г. и вернулся в Сатку. Тогда ему было 28 лет. Работать пошел, как и прежде, на Карагайско-Гологорский рудник машинистом экскаватора. Трудился на совесть. А после трудового дня, как и многие молодые рабочие, нередко шел благоустраивать родной город. Так, Барабановский сад на ул. Кирова (сейчас на его месте стоит жилой дом) был посажен в том числе и моим прадедом.

После войны многие бедствовали. Прадед рассказывал, какие давки были в магазинах за вещами или продуктами. Детям шили одежду из старой, перекрашенной. Кто-то выменивал одежду на еду.

В год своего возвращения Владимир Егорович женился. Прожили они с женой вместе 46 лет. В браке родились трое детей — два сына и дочь. Сыновья пошли по стопам отца и тоже стали машинистами экскаватора.

Мой прадед честно трудился на одном и том же месте до выхода на заслуженный отдых. За доблестный труд В. Е. Танков награжден орденом Трудового Красного Знамени (1958). Статья о нем включена в энциклопедию «Саткинский район». В 1965 г. Владимиру Егоровичу присвоено звание ударника коммунистического труда «за высокие показатели работы... активное участие

в рационализации, изобретательстве и общественной жизни, примерное поведение на производстве и в быту».

Жили мои прабабушка и прадедушка в одном из поселков Сатки, всегда трудились. Сами строились. Наголодавшись в детстве, делали все, чтобы их дети были всегда сыты. Сажали огород, растили сад, держали скотину. В доме всегда было много гостей — в небольшой домик любили заглядывать дети, внуки, родственники. Здесь чувствовалось тепло, которое притягивало всех.

Владимир Егорович был очень спортивным, крепким человеком. В возрасте 69 лет он показывал внуку упражнения на турнике, учил водить мотороллер. Сейчас у Владимира Егоровича Танкова 8 внуков, 13 правнуков. Умер прадед от болезни 26 марта 1992 г., похоронен на Малозапанском кладбище.

Еще один герой моей семьи — Николай Семенович Салов, прадед по линии мамы. Родился 19 декабря 1921 г. в Кондольском районе Пензенской области в большой семье: родители, пятеро детей и бабушка с дедуш-

Николай Семенович Салов. Берлин, 13 мая 1945 г.
Из семейного архива

кой. Жили зажиточно, держали коров, быков, лошадей. Все работали. Семья подверглась раскулачиванию. Добровольно отдали имущество и вступили в колхоз. Николай Семенович, окончив семь классов, выучился в селе на тракториста и начал работать. В 1940 г. его призвали в Красную армию. Служил он в мотоциклетных войсках. Начал службу в 8-м запасном автополку курсантом (октябрь 1941 — февраль 1942); позже служил в 9-м и 53-м отдельных мотополках (февраль 1942 — декабрь 1942), затем в 173-м танковом бригадном полку мотоциклистом (декабрь 1942 — апрель 1944).

В 1944 г. при прорыве обороны Николай Семенович и его друг вызвались идти в разведку. Товарищ погиб, а Николай Семенович был ранен в левый глаз. Однако выполнил приказ, за что был награжден орденом Красного Знамени. Его подвиг описан в документах архива:

...Группа, возглавляемая капитаном Усановым, при прорыве обороны противника и выходе на соединение с 3-й Гвардейской армией в районе Слупча 19 августа 1944 года имела задачу прорвать оборону и выйти на соединение, тем самым закончить окружение группировки противника. Выполняя приказ, командир группы четыре раза атаковал противника, нанеся ему большие потери в живой силе и технике. Противник оставил на поле боя три противотанковых орудия, одну самоходную установку, один вездеход и легковую автомашину, три станковых пулемета и в панике отошел в направлении обороны 270-го стрелкового полка. Видя лавину немцев, бежавших в их направлении, полк открыл огонь, помешав группе соединиться со своими частями. Находясь в сложной обстановке обстрела противником с флангов и близкими разрывами снарядов нашей артиллерии с фронта, группа приняла круговую оборону. Николай Семенович добровольно изъявил желание связаться с нашими частями⁶.

19 августа 1944 г. Н. С. Салов прошел через укрепленную оборону немцев протяженностью до 2,5 км. Он первым связался с 270-м стрелковым полком и доставил подробные сведения о сложившейся обстановке. Благодаря его мужеству артиллерийский огонь был скорректирован, а сопротивление противника сломлено. Наши войска захватили и расширили плацдарм на левом берегу р. Вислы⁷. После этого Николай Семенович с тяжелыми ранениями попал в эвакуационный госпиталь далеко от линии фронта, ослеп на левый глаз.

Все госпитали во время войны получали в свое распоряжение самые вместительные здания в городах и селах. Всего было сформировано более 6000 эвакуаци-

Николай Семенович Салов с товарищем. Берлин, 1946 г. Из семейного архива

Николай Семенович Салов с сослуживцем. Курильские острова, 1944 г. От дочери Танкова Владимира Егоровича Татьяны. Из семейного архива

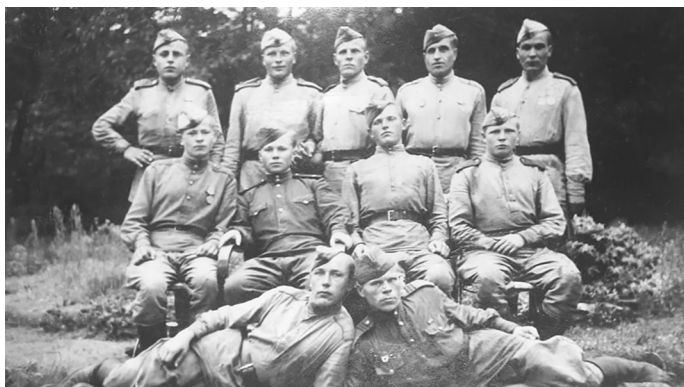
Николай Семенович Салов. Курильские острова, 1944 г. Из семейного архива

1946 г. награжден медалью «За освобождение Варшавы». Вместе с бойцами своего полка Николай Семенович вошел в Берлин, встретив сильное сопротивление немецких частей. После освобождения Берлина Николаю Семеновичу Салову вручили медаль «За взятие Берлина». Он был награжден и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹.

Николай Семенович еще целый год не мог вернуться домой. После освобождения Берлина мой прадед вместе с другими красноармейцами восстанавливал порядок и обеспечивал спокойствие жителей города, охраняя их от беспорядков и всякого рода нападений. За время службы в Берлине немецкие врачи сделали ему операцию на глазах, и его зрение полностью восстановилось.

После окончания службы Николай Семенович стал жить в Пензе. Работал в автохозяйстве водителем грузовой машины. Прожил 61 год и 9 месяцев, умер от инсульта 27 сентября 1983 г.

Сегодня все больше становится информационных «вбросов» об ужасном поведении наших солдат в Германии. Мама рассказывала о моем прадеде, своем дедушке Николае Семеновиче Салове, что он всегда был порядочным и скромным человеком, примерным семьянином, с уважением относился ко всем. Он не хвалился медалями,

Николай Семенович Салов с сослуживцами. Берлин, 10 апреля — 9 мая 1945 г. Из семейного архива

онных госпиталей. Они охватывали все пространство от севера до юга, Сибирь и далее на восток. На службу Отечеству становились медики различных специальностей. Здесь они работали сутками. Среди врачей нередко были голодные обмороки: им не хватало времени на то, чтобы отвлечься от своей основной работы и поесть. Отряды октябрят и пионеров, отдельные классы оказывали посильную помощь госпиталям. Они приносили воду, писали и читали письма раненым, развлекали солдат. Прикосновение к мирной жизни после кровопролития страшных будней на фронте становилось стимулом к выздоровлению⁸.

После госпиталя, наполовину потеряв зрение, Николай Семенович все же вернулся в строй. Дошел с боями до Берлина. После выздоровления служил рядовым в 6-м Отдельном разведывательном мотоциклетном полку на 1-м Украинском фронте (апрель 1944 — май 1946).

Мой прадед также участвовал в освобождении столицы Польши, в ожесточенных боях проявил храбрость и героизм. За это 9 июня

орденами, а лишь изредка рассказывал о жизни солдат в военное время, о тяготах и лишениях, о подвигах своих сослуживцев. Я никогда не видела своего прадеда, но уверена, что он был образцовым воином, таким же, как миллионы русских солдат.

Сейчас многие пытаются исказить историю, преуменьшить роль СССР в победе над фашистами, в освобождении европейских стран от гнета немецких оккупантов. Я считаю, что это просто недопустимо. Нужно помнить историю

нашей страны, заниматься патриотическим воспитанием молодежи. Если каждый гражданин России будет знать, что сделано нашими предками для того, чтобы сохранить жизнь и свободу, наша страна не падет перед другими и останется великой державой. На протяжении веков сила России — в ее единстве и преодолении внутренних разногласий.

Я помню подвиг советского народа, я горжусь своими прадедами и миллионами других людей — солдатами и тружениками тыла.

Примечания

¹ Система образования в СССР // Edunews.ru : сайт. URL: <https://edunews.ru/education-abroad/sistema-obrazovaniya/sovetskaya.html> (дата обращения: 09.05.2021).

² Гологорский хромитовый рудник // Родники Урала : сайт. URL: <https://uralmines.ru/gologorskij-rudnik/> (дата обращения: 09.05.2021).

³ Урок для самураев // Военное обозрение : сайт. URL: <https://topwar.ru/157829-urok-dlja-samuraev.html> (дата обращения: 09.05.2021).

⁴ Курильская десантная операция // Министерство обороны Российской Федерации : сайт. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12055403%40cmsArticle (дата обращения: 09.05.2021).

⁵ Приказ о награждении Танкова В. Е. // Память народа : сайт. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie24319439/ (дата обращения: 09.05.2021).

⁶ Наградной лист Салова Н. С. // Там же. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie41833485/ (дата обращения: 09.05.2021).

⁷ Там же.

⁸ Советские госпитали во время Великой Отечественной войны // FB.ru : сайт. URL: <https://fb.ru/article/215757/sovetskie-gospitali-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voynyi> (дата обращения: 09.05.2021).

⁹ Документы о награждении Салова Н. С. // Память народа : сайт. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-nagrada_kartoteka1006574740/ (дата обращения: 09.05.2021).

В. Г. Демаков, М. В. Растопчин

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ СВИСТУНОВ — НАЧАЛЬНИК ЧЕЛЯБИНСКОЙ ВОЛЬНО-ПОЖАРНОЙ ДРУЖИНЫ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ...

Среди раритетов в экспозиции Центра противопожарной пропаганды и общественных связей Главного управления МЧС России по Челябинской области есть такой артефакт, как основной фрагмент однотаканного ручного пожарного насоса. На верхней его части по кругу в две строчки отлита надпись: «W. & B. DOUGLAS. MIDD. Ct. PATENTED NOV. 6, 1860». Данное оборудование производилось компанией Уильяма и Бенджамина Дугласов в г. Мидлтаун (штат Коннектикут, США) во второй половине XIX — начале XX столетия¹. Основным своим предназначением оно имело ликвидацию возгораний в труднодоступных местах.

Интересно, что насос нашли в 1969 г. при тушении надворных построек у дома, где в прошлом жил один из работников пожарной охраны Челябинска. Речь идет о начальнике Челябинской вольно-пожарной дружины Петре Александровиче Свистунове. Об этом человеке мы и хотели бы рассказать подробнее в рамках статьи.

Ветеран пожарной охраны и заслуженный работник МВД СССР, известный краевед и энциклопедист, почетный гражданин Челябинской области Абрам Львович Каплан в 1969 г. работал в Управлении пожарной охраны УМВД Челябинского облисполкома. Узнав, что в ходе тушения одного из возгораний найден раритетный инвентарь, имеющий прямое отношение к борьбе с огнем в городе в дореволюционный период, он распорядился немедленно привезти его в управление. Помимо упомянутого выше, на месте были обнаружены элементы не менее старинных насосов и стволов для тушения огня, датирующиеся XIX столетием.

Как удалось выяснить, в прежние годы в доме жили «братья Свистуновы, пожарные» (со слов соседей). Значительно позже сведения из областного архива дали понять, что в свое время им владела семья Петра Александровича Свистунова, который, в свою очередь, в начале XX в. являлся членом Челябинского вольно-пожарного общества и руководителем пожарной дружины. Данный факт проливал свет на происхождение вещей, найденных при тушении возгорания в сарае на бывшем дворе огнеборца.

К сожалению, в архиве областного управления пожарной охраны никакой информации об этом человеке тогда найти не получилось. На тот момент история с находками завершилась, они были переданы на выставку... И лишь спустя 35 лет намечилось дальнейшее развитие исследования.

В середине 2000-х гг. Пожарно-техническую выставку посетил внук огнеборца, Владимир Константинович. К тому времени здесь уже давно работал методистом Абрам Львович Каплан. Со слов В. К. Свистунова, ему стало известно, что есть еще старший брат, проживающий в Сочи. Абрам Львович незамедлительно связался с ним. После нескольких писем было решено, что для выставки потомки Петра Александровича отсканируют из семейного архива три фотографии начала XX столетия, где он изображен в форменной одежде, как один, так и в компании сослуживцев. Эти снимки в электронном виде получили в Челябинске в 2006 г. Тогда же их впервые опубликовали в одном из изданий в качестве иллюстраций к статье, посвященной 110-летию со дня создания в городе вольно-пожарного общества². Кроме того, в распоряжение

выставки наследниками были переданы копии двух документов, относящихся ко времени службы П. А. Свистунова в пожарной дружине: похвального диплома и членского билета Российского общества покровительства животным, выданного на его имя в 1905 г.

Вскоре руководивший на тот момент Пожарно-технической выставкой Игорь Юрьевич Рыжков побывал в Сочи и встретился со старшим внуком Петра Александровича Свистунова. Помимо уже высланных уникальных фотографий тот решил передать в дар для экспозиции наградной пожарной топор своего деда. Данный раритет и по сей день бережно хранится на Пожарно-технической выставке Челябинской области. После этого в деле изучения биографии огнеборца вновь наступил значительный перерыв.

В феврале 2022 г. одному из авторов публикации поступило предложение приобрести небольшой архив семьи Свистуновых, включающий восемь фотографий дореволюционного периода, шесть из которых выполнены челябинскими фотоателее. Три из них уже имелись в цифровом варианте на выставке, поэтому не возникло никаких сомнений в исключительной ценности оригиналов. Благодаря надписям на их оборотных сторонах удалось установить некоторые вехи семейной жизни и служебной деятельности П. А. Свистунова. К тому же два снимка большого формата оказались в старинных деревянных рамках под стеклом. Очевидно, в таком виде они висели на стенах в доме семьи.

На обороте одной из фотографий, сделанной в ателье Ф. Т. Катаева, Петр Александрович, судя по всему, собственноручно написал: «Снята 1909 года, 8 марта. Я снимался от роду 42-х лет, а в Дружине состоял 9 лет, т. е. прослужил, поступил [в] 1900 году 4-го июня». По обе стороны изображены стоящие в полный рост его помощники — Иван Максимович Городилов и Семен Петрович Дмитриев.

Таким образом, получается, что родился П. А. Свистунов после 8 марта 1866 г. и, как он сам сообщал о себе в одном из документов, был уроженцем Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии³. Действительно, в тех местах эта фамилия довольно распространена до сих пор. Еще известно о наличии у Петра Александровича брата Ивана, запечатленного на двух фотоснимках из семейного архива. Один из них, по-видимому, сделан еще в Каслях, при этом оба брата выглядят очень

Членский билет № 81 Российского общества покровительства животным на имя П. А. Свистунова. 1905 г.

Из фондов Пожарно-технической выставки Челябинской области

Ф. Т. Катаев. Начальник Челябинской вольно-пожарной дружины П. А. Свистунов (в центре) со своими помощниками. 1909 г. Из частной коллекции

*Братья Иван и Петр Свистуновы. Конец XIX в.
Из частной коллекции*

Найти сведения о том, когда он возглавил дружину, пока не удалось. Отрывочные упоминания о его служебных перемещениях имеются в немногочисленных сохранившихся материалах. 29 июня 1905 г. правление Челябинского вольно-пожарного общества отметило на тот момент еще дружинника Свистунова дипломом со следующей формулировкой: «Выдан сей похвальный диплом дружиннику Челябинского вольного пожарного общества, находящегося под августейшим покровительством Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича, Петру Александровичу Свистунову на основании § 17 устава Общества за его энергичную и полезную

*Наградной пожарный топорик П. А. Свистунова. 1911 г.
Из фондов Пожарно-технической выставки Челябинской области*

молодо. Второй же, как следует из оформления паспарту и дарственной надписи на оборотной стороне, прислан Иваном Александровичем на память из Барнаула.

И все же мы можем предположить, что дата появления на свет героя нашей публикации — 12 июня 1866 г. Дело в том, что в тот день в 1911 г. его наградили именной пожарным топором. На медной табличке, размещенной на рукояти, сделана памятная гравировка: «П. А. Свистунову от Челябинской город[ской] пожарн[ой] команды 12/VI 1911 г.». Вполне вероятно, что коллеги-огнеборцы таким образом решили поздравить с 45-летием одного из своих активных членов. С этим топориком Петр Александрович запечатлен на двух снимках 1912 г. из приобретенного архива: пояском портрете, выполненном в ателье Ф. Т. Катаева, и на коллективной фотографии членов Челябинского вольно-пожарного общества на фоне здания пожарного депо во дворе городской управы на ул. Уфимской (ныне Кирова).

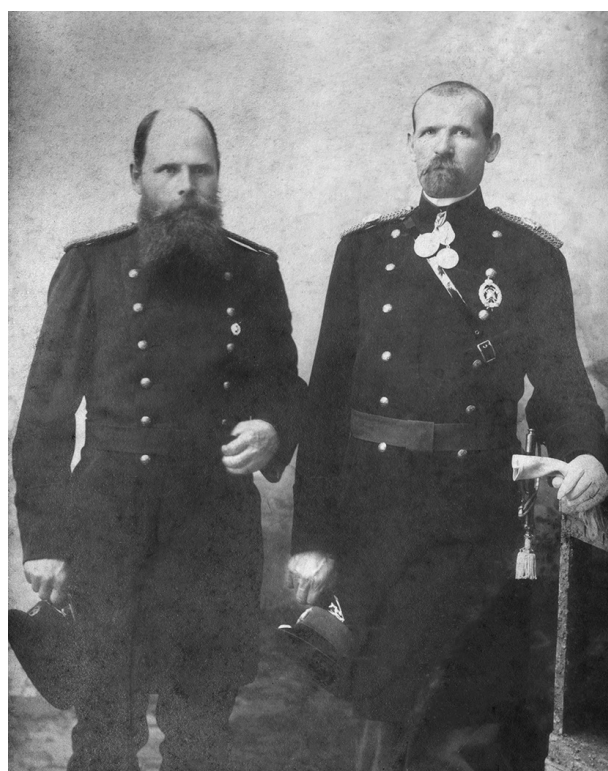
Зато почти со стопроцентной уверенностью можно назвать точную дату, когда Свистунов поступил на службу в дружину, — 4 июня 1900 г. (по его собственному утверждению в надписи на обороте фотоснимка). При этом слово «Дружина» написано им с заглавной буквы, из чего можно сделать вывод о значимости для Петра Александровича данного подразделения.

работу на пожарах, бывших в городе Челябинске». На фотографии, датированной 16 августа того же года, огнеборец запечатлен вместе с брандмейстером Михаилом Алексеевичем Новиковым (1859–1924) и представлен уже как помощник начальника пожарной команды. А по состоянию на март 1909 г. он, как говорилось выше, являлся начальником дружины.

Интересную информацию содержат и дореволюционные торгово-промышленные адрес-календари. Выпускавшиеся ежегодно издания (данные в них приводятся на вторую половину предшествующего года) сообщают следу-

Члены Челябинского вольно-пожарного общества. Во втором ряду пятый слева — брандмейстер М. А. Новиков, десятый — начальник дружины П. А. Свистунов. Из частной коллекции

Ф. Т. Катаев. Помощник начальника пожарной команды П. А. Свистунов и брандмейстер М. А. Новиков. 1905 г. Из частной коллекции

Ф. Т. Катаев. Начальник дружины П. А. Свистунов в парадной форме. 1912 г. Из частной коллекции

Похвальный диплом на имя П. А. Свистунова.
1905 г. Из фондов Пожарно-технической
выставки Челябинской области

М. М. Шабалин. Анна Павловна Свистунова
с сестрой Евдокией и дочерьми Домной
и Феофилой. 1908 г. Из частной коллекции

юще: в справочнике на 1909 г. начальником пожарной команды назван П. А. Свистунов, на 1910 г. — М. А. Новиков, на 1911 и 1912 гг. — С. Е. Шулепов, на 1913 и 1914 гг. — вновь герой нашей публикации, на 1915 г. — Н. В. Галкин⁴.

Благодаря приобретенному фотоархиву теперь мы знаем больше и о семейном положении огнеборца. В начале 1900-х гг. он уже был женат на Анне Павловне. 24 декабря 1907 г. у них родились девочки-близнецы, которым дали необычные на сегодняшний день имена — Домна и Феофила⁵. Крещение состоялось в Свято-Троицкой церкви Челябинска, в приходе которой и жила семья. Фотография ателье М. М. Шабалина сохранила их образы со следующей надписью на оборотной стороне: «Снята 1908 года, августа 8. Направо Евдокия Павловна, а на руках у ней Домна, налево Анна Павловна, а на руках у ней Феофила, они были 8 месяцев. Анна Павловна мать их». К большому горю родителей, обе малышки спустя месяц умерли «от поноса»: Феофила скончалась 10 сентября, а Домна — 18-го числа⁶.

5 июня 1910 г. у Свистуновых на свет появился мальчик, которого назвали Константином⁷. В семейном архиве находим и детский портрет, сделанный в челябинском фотоателье В. Г. Половникова на ул. Большой (ныне Цвиллинга), с надписью на обороте: «На сей карточке сын Петра Александровича Свистунова Константин Петров Свистунов снимался». С фотографии довольно серьезно, насупив брови, на нас смотрит белокурый мальчик лет четырех. О двоих сыновьях Константина Петровича, внуках огнеборца, говорилось выше. Что же касается судьбы его самого, то в Центральном архиве Министерства обороны РФ нашлись сведения, что до войны он с супругой Зинаидой Тимофеевной проживал в Клубном переулке в Копейске, 28 июня 1941 г. был призван на фронт, но в ноябре того же года пропал без вести⁸.

Пополнение в семействе способствовало приобретению Свистуновыми собственного дома в заречной части Челябинска. Что интересно, выбрали они его буквально через квартал от усадьбы брандмейстера М. А. Новикова, располагавшейся на ул. Береговой⁹. 11 июня 1910 г. утверждается купчая, зафиксировавшая факт перехода от мещанки Меланьи Яковлевны Перминовой во владение Петра Александровича Свистунова участка в плановом квартале № 11, дворовое место № 112, с адресом: ул. Тупая, 14 (шла в меридиональном направлении восточнее нынешнего здания цирка)¹⁰. Там стояли крытый

железом деревянный дом в три комнаты, конюшня и амбар, оценивавшиеся в 200 руб.¹¹ Вскоре их застраховали в Челябинском обществе взаимного от огня страхования. И если в 1910 г. имени П. А. Свистунова среди членов-страхователей еще нет, то в 1912 г. указано, что недвижимость страховалась им уже второй год на сумму 1100 руб.¹² На собрании 20 мая 1913 г. Петра Александровича избрали членом наблюдательного комитета Челябинского общества взаимного от огня страхования¹³, однако к исполнению обязанностей он так и не приступил¹⁴. В документе 1916 г. владелицей домохозяйства числится супруга огнеборца — Анна Павловна¹⁵.

До какого времени П. А. Свистунов работал в вольно-пожарной дружине, точно установить пока не удалось. В областном архиве обнаружено дело Челябинской ЧК, согласно которому 19 сентября 1919 г. 53-летний Петр Александрович был арестован по обвинению «в погромной агитации», в его доме произведен обыск, изъяты почти 7 тыс. руб. советских и николаевских денег, а также разная переписка¹⁶. При этом в показаниях бывшего квартиранта от 26-го числа того же месяца, некоего Ф. О. Дворянского, говорится, что Свистунов все еще служил в пожарной команде и добросовестно относился к исполнению своих обязанностей¹⁷.

На момент ареста двое старших сыновей П. А. Свистунова служили рядовыми в армии Колчака. В домашнем хозяйстве имелись корова, теленок, птица. Свой основной род деятельности глава семьи определил как «торговля готовым платьем и обувью»¹⁸. И действительно, в архивных материалах и адрес-календарях начиная с 1901 г. регулярно встречаются упоминания о двух принадлежавших ему лавках на Хлебной площади¹⁹.

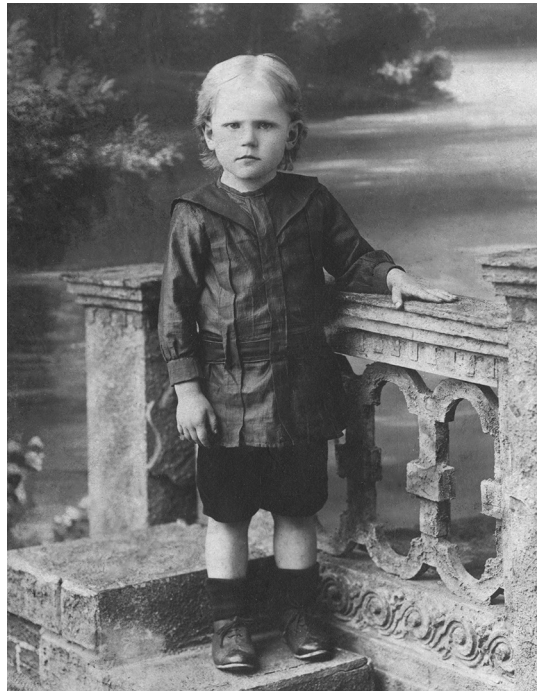
В дознании по делу следователь записал со слов Петра Александровича следующее (здесь и далее орфография оригинала сохранена):

Вину свою отрицаю, показываю следующее: в апреле м[еся]це с/г я однажды хотел на базаре купить нитки от одной торговки, но некто еврей держал их в своих руках. Тогда я обращался к еврею, что «если вы не купите, то дайте их мне, я куплю», но последний не сказал мне ни слова, а со стороны другой еврей сказал мне без цели дурное слово, на что я ему ответил: «Что ты, жид, меня оскорбляешь?» То же самое повторялось еще раз. Впоследствии я сказал еврею: «Что ты меня оскорбляешь? Я тебя от казака спас, который хотел тебя арестовать, который подозревал тебя как бывшего комиссара», и добавил: «тебе за оскорбление стоит только в морду дать». После этого он меня ткнул маленьким саквояжем в лицо²⁰.

Из протокола допроса от 20 сентября 1919 г. выясняются детали:

При колчаковской власти я подошел покупать нитки, которые продавала женщина. В это время какой-то еврей меня обругал матерными словами, а я его назвал жидовской мордой²¹.

Обиженным оказался 37-летний мещанин г. Вильно Бендет Перцевич Держанский, проживавший в Челябинске в доме № 5 по ул. Исетской (ныне ул. Карла Маркса, 70). По заявлению потерпевшего Петра Александровича поместили в дом «принудработ». Тем временем супруга пишет в ЧК заявление с просьбой ускорить расследование: «Муж мой, имея уже преклонные лета и слабое здоровье, не сможет вынести тяжести тюремного заключения, а поэтому прошу назначить разбором дела его скорее. По моему глубокому убеждению, муж мой арестован по недоразумению, т. к. политикой он

В. Г. Половников. Константин Петрович Свистунов. 1910-е гг. Из частной коллекции

не занимался. В том, что муж мой ни в чем предосудительном замечен не был, могут подтвердить ближайшие соседи»²². 2 октября 1919 г. постановлением президиума Челябинской ЧК выносится следующее заключение: «Освободить гр. Свистунова с зачетом предварительного заключения»²³.

Что касается самого дела, то, говоря современным языком, пожарному инкриминировали оскорбление одного из обывателей, по сути, выглядевшее как хулиганство. Чего не бывает между людьми! Правда, весьма вероятно, что потерпевший был действительно приближен к новой власти, поскольку статью уголовного кодекса выбрали странную — контрреволюционная деятельность.

В начале 1920-х гг. ул. Тупая стала называться Мало-Набережной, а супруга Петра Александровича по-прежнему оставалась хозяйкой построек: дома площадью в 14 квадратных сажень, флигеля — в восемь, погреба, конюшни и навеса, оценивавшихся в 20 550 руб.²⁴ В перечне граждан, занимавшихся личными промыслами по состоянию на июль 1922 г., фигурирует и один из старших сыновей — Симон Петрович (так в документе), к тому времени работавший кассиром мануфактурно-галантерейного отдела товарищества «Инвалид»²⁵.

Что бы ни произошло с нашим героем после вышеописанных событий, мы можем с уверенностью говорить о том, что это был трудолюбивый семейный человек, небезразличный к судьбе ставшего родным Челябинска. Общественная деятельность в пожарной дружине и ряде других организаций — яркое тому подтверждение.

Ну, а сколько потушено пожаров, спасено людей и имущества Петром Александровичем за двадцатилетнюю бытность огнеборцем, вероятно, и не сосчитать! Он однозначно останется в истории дореволюционного Челябинска и пожарной охраны города, в памяти потомков. Надеемся, что со временем будут обнаружены дополнительные биографические сведения, выяснятся новые обстоятельства жизни, а возможно, и смерти П. А. Свистунова.

В экспозиции Пожарно-технической выставки Главного управления МЧС России по Челябинской области представлены служебные и семейные фотографии и документы огнеборца, его наградной топорик, с которыми теперь может ознакомиться любой желающий, прикоснувшись к частичке такой непростой, но интересной и порой завораживающей истории...

Примечания

¹ Illustrated Catalogue of Hand and Power Pumps, Hydrants, Hydraulic Rams, Well Fixtures, Garden Engines Etc. Middletown, 1903. P. 79 ; Report of the Commissioner of Patents for the Year 1860: Arts and Manufactures. Washington, 1861. Vol. 1. P. 52, 739.

² Каплан А. Л. Челябинское вольно-пожарное общество: 110 лет со дня создания // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2007 / сост.: И. Н. Пережогина, Л. Н. Аверина, Л. А. Величкина. Челябинск, 2006. С. 181, 182, 183.

³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 5. Д. 832а. Л. 14.

⁴ Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1909 г. Пермь, 1909. С. 169 ; То же на 1910 г. Пермь, 1910. С. 235 ; То же на 1911 г. Пермь, 1911. С. 256 ; То же на 1912 г. Пермь, 1912. С. 265 ; То же на 1913 г. Пермь, 1913. С. 290 ; То же на 1914 г. Пермь, 1914. С. 337 ; То же на 1915 г. Пермь, 1915. С. 336.

⁵ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 504. Л. 130 об. — 131.

⁶ Там же. Д. 530. Л. 287 об. — 288, 288 об. — 289.

⁷ Там же. Д. 590. Л. 91 об. — 92.

⁸ Книга памяти: Российская Федерация. Челябинская область / пред. редкол. Л. С. Кудрявцев. Челябинск, 1994. Т. 8. С. 198 ; ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 673. Л. 43 об.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 997. Л. 71 об. — 72.

¹⁰ Там же. Л. 108 об. — 109 ; Д. 1008. Л. 128.

¹¹ Там же. Д. 1096. Л. 712 об. — 713 ; Д. 1098. Л. 92 об. — 93.

¹² Челябинское общество взаимного от огня страхования : отчет за 1912 г. Челябинск, 1913. С. VII ; То же за 1913 г. Челябинск, 1914. С. XIII.

¹³ То же за 1912 г. С. XI ; То же за 1913 г. С. XXIV, XXV.

¹⁴ Историческая записка об учреждении в Челябинске Общества взаимного страхования от огня недвижимых имуществ. Челябинск, 1914. С. 25.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1265. Л. 489 об. — 490.

¹⁶ Там же. Ф. Р-467. Оп. 5. Д. 832а. Л. 8, 12.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 661. Л. 532 об. — 533 ; Д. 698. Л. 724 об. — 725 ; Д. 791. Л. 40 об. — 41 ; Д. 843. Л. 578 об. — 579 ; Д. 925. Л. 153 об. — 154 ; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1914 г. С. 348 ; То же на 1915 г. С. 348.

²⁰ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 5. Д. 832а. Л. 6 об.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 138. Л. 126 об. — 127.

²⁵ Там же. Д. 133. Л. 61 об.

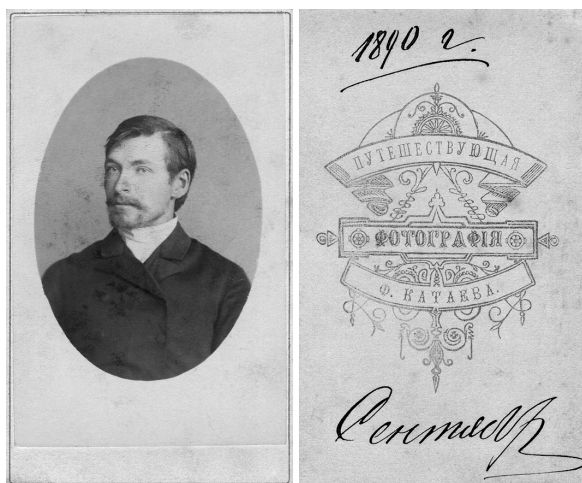
ФЕДОР КАТАЕВ — МАСТЕР СВЕТОПИСИ ИЗ ЧЕЛЯБИНСКА

В семейных архивах, музейных собраниях и частных коллекциях хранятся фотоснимки конца XIX — начала XX столетия с надписью на паспарту: «Фотография Ф. Т. Катаева в Челябинске». На них запечатлены люди самых разных сословий и профессий: зажиточные горожане и рядовые обыватели, купцы и мещане, торговцы и ремесленники, чиновники и военнослужащие, духовенство, педагоги и учащиеся... А что же нам известно из документальных источников об авторе этих портретов?

По количеству сохранившихся до наших дней работ челябинских мастеров светописы конца XIX — начала XX в. Федор Трофимович Катаев не знает себе равных. Однако не стоит думать, что людей, посвятивших себя данному искусству, в то время в городе было мало. Уже на исходе первого десятилетия XX столетия в Челябинске насчитывалось не менее десятка различных фотоателье¹.

К сожалению, о личности самого Ф. Т. Катаева известно очень немного. Родился он, по-видимому, в первой половине 1860-х гг. В документах 90-х гг. XIX в. Федор Трофимович фигурирует как «сельский обыватель г. Златоуста»², а профессиональную деятельность начинал как «путешествующий» фотограф. В ноябре 1886 г. им получено разрешение от оренбургского губернатора на открытие фотографических заведений в Белорецком заводе, в Верхнеуральске и заводах, находящихся в пределах его уезда³. Расширяя охват территории, Катаев как минимум уже с 1887 г. работал в Челябинске. Об этом свидетельствует сохранившаяся фотография, происходящая из архива польского врача Владислава Загорского (1858–1927), заведовавшего в тот период местной городской больницей. На портретном снимке запечатлен князь Мещерский со своей хозяйкой-домовладелицей⁴. И хотя по документам производить временные фотографические работы в Челябинске с уездом Ф. Т. Катаеву разрешили лишь 10 января 1890 г.⁵, с данного года его заведение здесь фактически функционировало постоянно.

При этом Федор Трофимович по-прежнему выезжал и в другие места на Южном Урале. Так, в апреле 1890 г. ему было выдано разрешение на осуществление фоторабот

Визит-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева. 1890 г.
Из коллекции автора

Визит-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева.
Начало 1890-х гг. Из коллекции автора

в Троицке и его уезде⁶. По оформлению оборотных сторон снимков Катаева можно проследить определенную динамику. А поскольку зависело оно напрямую от стоимости изготовления, параллельно могли использоваться несколько вариантов — от бюджетных до более дорогих. Сегодня какие-то встречаются чаще, некоторые реже, но в общей сложности нам удалось насчитать не менее двух десятков разновидностей. На ранних бланках 1880–1890-х гг. стоит оттиск резинового штемпеля в виде фигурной виньетки с вписанными в нее словами: «Путешествующая фотография Ф. Катаева». В начале 90-х гг. XIX в. стало использоваться отпечатанное уже типографским способом паспарту с надписью на обороте: «Фотография Ф. Т. Катаева, путешествующая по Уралу и городамъ Сибири».

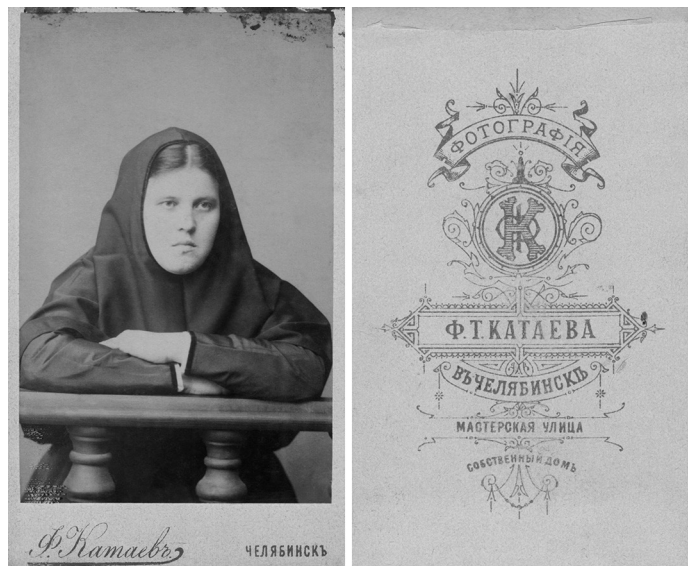
В первой половине 1890-х гг. ему на смену приходит другой текст: «Фотография Ф. Т. Катаева по Мастерской улицѣ, собств[енный] домъ въ Челябинскѣ». Фирменные бланки в тот период заказывались в литографии Эрнеста Глейцмана в Санкт-Петербурге. По утвержденной 10 августа 1893 г. купчей, земельный участок на нынешней ул. Пушкина в Челябинске Федор Трофимович приобрел у мещанина Ивана Прохоровича Маршакова⁷. К тому времени здесь находились деревянный одноэтажный дом в четыре комнаты, флигель и службы, а вскоре там разместилось и фотоателье. Оно упоминается в списке стационарных заведений по состоянию на начало 1894 г.⁸ В том же году новый владелец построил на территории усадьбы полукаменный дом⁹.

Выбор Челябинска в качестве постоянного места жительства для молодого и амбициозного фотографа оказался более чем удачен. Большинство мастеров светописи, действовавших в городе ранее, надолго в нем не задерживались, и к началу 1890-х гг. в данной отрасли здесь практически не было конкурентов. Исключение составляли фотографии крестьянина Василия Коркина и классного художника Романа Липсберга¹⁰, работавших, по-видимому, не очень активно, поскольку ни одного их произведения, сделанного в Челябинске, на сегодняшний день не выявлено. Только во второй половине 1890-х гг. в городе стали появляться другие фотографические заведения, в частности казака Константина Аксенова и мещанина Михаила Дмитриева¹¹, но опять же, просуществовав непродолжительное время, они закрылись.

К концу XIX в. вновь несколько изменяется общий стиль оформления паспарту и подписи Федора Трофимовича¹²: «Фотография Ф. Т. Катаева въ Челябинскѣ, по Мастерской ул[ицѣ], собств[енный] домъ». Бланки в этот период печатались в литогра-

Визит-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева. Первая половина 1890-х гг. Из коллекции автора

Визит-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева. Середина 1890-х гг. Из коллекции К. А. Моргунова (Оренбург)

Кабинет-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева.
Конец 1890-х — начало 1900-х гг. Из коллекции автора

Кабинет-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева.
Начало 1900-х гг. Из коллекции автора

Кабинет-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева.
Середина 1900-х гг. Из коллекции автора

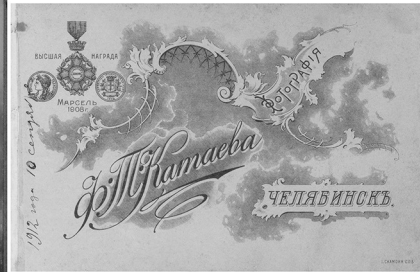
на участке в 1908 г. описано следующим образом: «Дом деревянный палубенный в 5 комнат, флигель в 3 комнаты, амбар, ледник, каретник, конюшня, баня и подвал, крытые железом»¹⁸. 16 декабря того же года Катаев юридически оформил свои владения на ул. Мастерской, включавшие пять смежных дворовых мест¹⁹. Для Челябинска, где после

фии Генриха Кона в Варшаве. В начале 1900-х гг. при сохранении текстовой части в прежнем виде на оборотной стороне появляется изображение усадьбы Катаева на ул. Мастерской. К 1903 г. она включала в себя деревянный дом в восемь комнат с мезонином и двухэтажный полукаменный флигель — в десять¹³. Паспарту такого типа было изготовлено в литографии «Kühle, Miksche & Türk», отделения которой находились в Варшаве и Вене. Но в 1905 г. появляется новый вариант бланка: место зданий занимают растительные мотивы в стилистике модерна с вписанным в картуш текстом: «Фотография Ф. Катаева въ Челябинскѣ, Мастерская ул[ица], с[обственный] д[омъ] № 17». Они печатались уже в литографии Иосифа Покорного в Москве. В 1902 г. Федор Трофимович приобрел у Григория Никифоровича Макарова дворовое место с постройками на ул. Мастерской, 24, включавшее дом и флигель по три комнаты в каждом, избу и баню¹⁴. Однако задержались они у него ненадолго и в 1904 г. были проданы крестьянину Казимиру Казимировичу Караблиусу¹⁵.

В 1904 и 1906 гг. поэтапно все недвижимое имущество Катаева на ул. Мастерской страхуется им в Челябинском обществе взаимного от огня страхования на общую сумму 13 200 руб.¹⁶ В 1908 г. на снимках с сохранением предшествующего стиля оформления появляется другой адрес: «Фотография Ф. Катаева въ Челябинскѣ, уголь Большой и Исетской ул[ицъ], соб[ственный] д[омъ] № 10». Эти паспарту печатались также в литографии Иосифа Покорного. Смена местоположения ателье произошла потому, что 18 октября 1907 г. Федор Трофимович купил усадьбу на современной ул. Цвиллинга у душеприказчика умершего протоиерея Христорождественского собора Василия Афанасьевича Юдина¹⁷. Все имевшееся

проведения железной дороги жилье ценилось чрезвычайно высоко, это была очень значительная собственность, равную которой имел не каждый купец.

После того как Федор Трофимович стал экспонентом русского сектора Всемирной выставки по электротехнике, проходившей в 1908 г. во французском Марселе, на одном из типов его паспарту появилось изображение высшей награды — почетного креста, а также золотой медали. Причем печатались они как на лицевой, так и на оборотной сторонах. Надпись же

Кабинет-портрет фотоателье Ф. Т. Катаева.
1912 г. Из коллекции автора

сократилась до минимума: «Фотография Ф. Т. Катаева, Челябинскъ». Эти бланки заказывались уже на знаменитой фабрике Иосифа Скамони в Санкт-Петербурге.

Помимо кабинетной портретной съемки Федор Трофимович работал в технике фотоколлажа, создавал виды Челябинска, промышленных заведений. Так, например, известны его фотографии с изображением собора Рождества Христова (1894), строительства железнодорожного моста через р. Миасс на северной окраине города (1895), открытия золотого прииска за Шершнями (1900), золотопромывальной фабрики (1900), здания Челябинской таможни (начало XX в.). В жанре коллажа им исполнены коллективы Челябинского отделения торгово-промышленного товарищества «Преэминик Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» (около 1904), паровой мукомольной мельницы И. П. Кузнецова (1910). Есть и просто групповые портреты большого формата: состав Челябинского съезда мировых судей (1893), доверенные и служащие Челябинского мукомольно-промышленного и торгового отдела екатеринбургского купца Е. И. Первущина (1911), первые выпускники Челябинской торговой школы (1912) и др.

Зимой 1913 г. Федор Трофимович неожиданно отошел от дел, о чем свидетельствует заметка в городской газете: «Нас просят отметить беззастенчивость новых хозяев фотографии Катаева. Как известно, фотограф Катаев свое дело в Челябинске ликвидировал еще 19 февраля, а между тем недавно на Уфимской ул. появилась новая витрина с его фирмой и с самой фотографии еще не снята его вывеска. Если и предположить, что все это делается с согласия бывшего владельца, то все же, благодаря тому, что сам г. Катаев в настоящее время не работает в фотографии, помещение его фирмы над витринами едва ли допустимо, так как является очень смелой рекламой»²⁰.

Неизвестно, каким родом деятельности он занялся²¹, но 27 марта 1913 г. Федор Трофимович подал заявление в Челябинский городской общественный банк об открытии кредита под соло-векселя, обеспеченные недвижимым имуществом на ул. Большой²². Тогда же была составлена оценочная ведомость, зафиксировавшая подробный состав этой усадьбы:

...1) на углу Большой и Исетской улиц дом деревянный одноэтажный обшитый тесом и окрашен масляной краской, на каменном фундаменте, под железной крашеной крышей; шесть комнат, павильон, прихожая, кухня и теплый ватерклозет; стены в пяти комнатах у павильона и прихожей оклеены обоями, потолки — бумагой, полы в трех комнатах окрашены, а в четырех и павильоне покрыты линолеумом; четырнадцать окон с двойными окрашенными рамами, в павильоне четыре окна с двойными окрашенными рамами и стеклянный потолок мерою 36 квадр[атных] арш[ин]; двенадцать внутренних дверей, из которых четыре двухстворчатые, одна из них полустеколькочатая, а остальные восемь одностворчатые столярной работы, и две входные, из которых одна полустеколькочатая столярной работы и одна — простой работы; три голландские печи в железных кожухах с герметическими затворами и русская с очагом; глухое парадное крыльцо с двухстворчатой дверью столярной работы и заднее с двумя чуланами, крытые железом; к дому приделана терраса, крытая железом;

2) на Большой улице флигель полукаменный двухэтажный обшитый тесом и окрашен масляной краской, под железной крашеной крышей; в 1-м этаже пять комнат, прихожая, кухня и теплый ва-

терклозет; стены и потолки оштукатурены, полы окрашены; двенадцать окон с двойными окрашенными рамами; шесть внутренних дверей, из которых одна двухстворчатая, а остальные пять — одностворчатые столярной работы, и три входные, из которых одна полустеколычатая столярной работы, а остальные две — простой работы; три голландские печи, из которых две с герметическими затворами и одна с простым затвором, и русская с очагом; крыльцо с чуланом; во 2-м этаже пять комнат, прихожая, кухня и теплый ватерклозет; стены и потолки оштукатурены, в пяти комнатах потолки окрашены масляной краской, в прихожей и кухне — обеленные; стены в двух комнатах окрашены масляной краской, а в остальных трех комнатах и прихожей оклеены обоями; четырнадцать окон с двойными окрашенными рамами; восемь внутренних дверей, из которых четыре двухстворчатые, а остальные одностворчатые столярной работы и две входные — простой работы; две голландские печи, из которых одна изразцовая с герметическими затворами, и русская с очагом; парадное крыльцо с двухстворчатой дверью столярной работы и заднее — с чуланом, крытые железом;

3) на Исетской улице флигель деревянный одноэтажный на каменном фундаменте, под железной крашеной крышей; три комнаты и кухня, стены и потолки оштукатурены, полы окрашены; семь окон с двойными окрашенными рамами; три внутренние двери, из которых одна двухстворчатая, а остальные две одностворчатые столярной работы и три входные, из которых две полустеколычатые столярной работы и одна — простой работы; две голландские печи в железных кожухах с герметическими затворами, и русская [печь]; парадное крыльцо и заднее с чуланом, крытые железом;

4) входя во двор с Большой улицы на левой стороне расположены бревенчатые службы, крытые железом, а именно: погреб и конюшня;

5) поперек двора расположены деревянные службы, а именно: каретник, амбар и погреб, крытые железом; к службам приделан навес на пяти столбах, крытый железом; на заднем дворе к службам приделаны ледник, крытый тесом, и три конюшни, крытые железом;

6) баня деревянная с теплым предбанником, крытая железом; два окна, две двери и банная печь; к бане приделан навес на двух столбах, крытый железом;

7) [выходящие] на Большую улицу ворота на четырех столбах, а на Исетскую улицу — тоже на четырех столбах;

8) под означенными постройками 378 кв[адратных] саж[еней] дворового места. Обыватель города Златоуста Федор Трофимович Катаев (подпись).

Все означенное выше имение, т. е. строения и дворовое место оценивается в двадцать тысяч /20 000/ рублей.

Присяжные оценщики по гор[оду] Челябинску Е. Пентегов, А. Кутузов (подписи)²³.

Благодаря данному документу обнаружился интересный факт: прошло более 25 лет, но челябинский фотограф по-прежнему продолжал именоваться златоустовским обывателем, хотя обладал значительной недвижимостью в нашем городе. В одной усадьбе он жил с семьей, здесь же имел и павильон для работы, а другую, по всей видимости, сдавал внаем, как раньше поступали многие состоятельные граждане, неплохо зарабатывая на этом.

Кабинет-портрет фотоателье братьев Ю. и Л. Мордкович.
1914 г. Из коллекции автора

В музейных и частных коллекциях изредка попадаются снимки, на оборотной стороне которых проставлен оттиск резинового штампа с указанием новых хозяев ателье: «Преемники фотографии «КАТАЕВА» Бр. Ю. и Л. Мордковичъ. Челябинскъ, Большая улица, д[омъ] № 10. Телефонъ № 107». При этом для гашения ими использовались как стандартные чистые бланки форматов Cabinet Portrait и Visit Portrait, так и старые, еще с фамилией прежнего владельца.

Братья Мордковичи проработали недолго: уже в начале Пер-

вой мировой войны содержатель фотосалона вновь сменился, а на обороте появилась такая надпись: «Фотографъ Е. Е. Даниленко. Челябинскъ, Большая ул[ица], д[омъ] Катаева. Телефонъ № 107»²⁴. Эти паспарту тоже печатались на вышеупомянутой фабрике Иосифа Скамони. К настоящему моменту последние известные датированные снимки Даниленко относятся к 1918 г. В тот же период здесь неожиданно возникает некое ателье «Рембрандт», при этом оборотная сторона бланка снова выглядит, как в начале XX столетия (в стилистике модерна), но с измененным текстом: «Фотографія “Рембрандтъ”. Челябинскъ, Большая 10, д[омъ] Катаева. Телефонъ [№] 107». Изготовитель паспарту не указан, а картон заметно уступает по качеству всем предшествующим образцам. Параллельное существование по одному адресу заведений с двумя разными названиями подтверждают и воспоминания Петра Семеновича Статных (1897–1984), осенью 1918 г. мобилизованного в армию Колчака и оставившего следующие строки: «Увольнительную в город дали всего несколько раз, где я с товарищем Тельминовым из Челябинского уезда из д. Гагарье сфотографировался. Фотография Е. Даниленко располагалась по Большой улице, другая фотография была почему-то “Рембрандта”».

На моей правой руке обручальное кольцо, т. к. я уже был женат. Заплатил деньги за фотографии и за пересылку их моей жене Наталье Лавровне в с. Кипель»²⁵.

Всю свою недвижимость на ул. Мастерской Федор Трофимович еще в 1916 г. продал Басе Мовшовне Гершкович²⁶. Челябинка А. Н. Неаполитанова, в 1921–1924 гг. проживавшая с родными в одном из этих домов, в своих воспоминаниях писала следующее: «На территории усадьбы было три дома. Два дома — по обе стороны ворот, один из них с мезонином, другой полуторазэтажный, с подвальным этажом. Третий дом, в котором поселились мы, стоял во дворе. Он был двухэтажный, большой, монументальный, верх сложен из основательных прочных бревен, низ каменный. В доме с мезонином жили разные люди, бедняки, в доме по другую сторону ворот жили сами Гершковичи. Вход к ним был со двора. <...> Наши дома окружал обширный двор. К дому с мезонином примыкал длинный садик. Деревья в нем были, но трава не росла. В этом садике имелись качели и трапедия. <...> В глубине двора были расположены каретники — прекрасные дворовые службы — большие помещения с хорошим деревянным полом. Были сеновалы, конюшни. Большую территорию занимал огород»²⁷. К сожалению, в конце 80-х гг. прошлого века усадьбу, имевшую к тому времени адрес ул. Пушкина, 21 и 23, полностью разрушили.

Незадолго до революции Катаев продал и свой дом на Большой улице: после выплаты им ссуды наложенное на недвижимое имущество запрещение 8 февраля 1917 г.

Визит-портрет фотоателье Е. Е. Даниленко. 1916 г.
Из коллекции автора

Кабинет-портрет фотоателье «Рембрандт». Вторая половина 1910-х гг. Из коллекции В. В. Романико (Челябинск)

снимается банком²⁸, и уже вскоре домовладение числится за купцом Мартыном Кузьмичом Краснопеевым. Однако сами Катаевы по-прежнему продолжали здесь жить — на момент составления списка Федору Трофимовичу было 54 года, а его жене Марии Федоровне — 52²⁹.

Взамен проданной Ф. Т. Катаев в 1918 г. купил усадьбу Петра Вольфредовича Фербера на углу Ключевской и Исетской улиц (ныне Свободы и Карла Маркса соответственно), включавшую деревянный дом в шесть комнат, каретник, погреб, конюшню, навес и трехкомнатный флигель³⁰. По данным на июнь того года, в здании вел прием доктор С. Е. Каган, причем номер телефона у него был тот же, что и ранее у Катаева — 107³¹. Исходя из сказанного, можно предположить, что вышеупомянутые снимки ателье «Рембрандт» могли сделать не позднее продажи старого дома и переноса прежнего номера телефона на новый адрес.

В 1920 г. ул. Большую переименовали в честь революционера С. М. Цвиллинга, а дом Краснопеева вскоре муниципализировали³². По сведениям на 1922 г., в нем проживал Николай Александрович Шелудяков (1882–1938)³³, ставший одним из наиболее известных челябинских фотографов периода нэпа. В 1920-х гг. Шелудяковы большой семьей жили в этой бывшей усадьбе Катаева, а ателье находилось тут же, в павильоне при доме. Но через некоторое время газета «Челябинский рабочий» сообщила, что с 10 мая 1930 г. в помещении фотографии Н. А. Шелудякова на ул. Цвиллинга, 10, окружной комитет Российского общества Красного Креста открывает платную зубоврачебную амбулаторию³⁴. Частновладельческие фотосалоны в городе в тот период ликвидировались, им на смену пришла кооперативная артель «Фотообъединение», основанная братьями Козловыми, получившими широкое признание на Урале и за его пределами еще до революции.

Без преувеличения можно сказать, что дом на Цвиллинга был самым «фотографическим» местом Челябинска — за два с небольшим десятилетия здесь сменилось четыре разных владельца ателье. Он мог бы стать прекрасной площадкой для музея, наподобие екатеринбургского «Дома Метенкова», однако на рубеже 1980–1990-х гг. бывшую усадьбу Катаева снесли и построили на ее месте здание АТС.

В заключение хочется отметить, что многое из наследия Федора Трофимовича до сих пор не найдено, хотя в документах имеются крайне интересные сведения. Так, 26 марта 1899 г. в журнале комиссии по выработке плана чествования в Челябинске 100-летнего юбилея со дня рождения поэта А. С. Пушкина под пунктом № 4 записано: «Предложить фотографу Ф. Т. Катаеву, не пожелает ли он снять для распродажи фотографии во время служения панихиды»³⁵, которая должна была состояться 26 мая того же года на Петровской площади. Сохранилась и его резолюция: «Согласен снять фотографии, если только не встретится препятствий для съемки»³⁶. Известно также, что в 1909 г. 28 негативов с видами Челябинского переселенческого пункта, выполнен-

*В. Д. Гайдаш. Бывшая усадьба Катаева на ул. Цвиллинга, 10 и 12. 1970 г.
Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала*

ных Федором Трофимовичем, отправили в Санкт-Петербург³⁷. Возможно, позже часть их вошла в брошюру о «переселенке», содержащую около полусотни снимков, но без указания авторства³⁸. Не найдены и фотографии, сделанные Катаевым в день выпуска первых детсадовцев Челябинска в 1911 г. До сих пор не выявлен и портрет самого светописца. А это значит, что поиски его наследия должны продолжаться.

Примечания

¹ Весновский В. А. Весь Челябинск и его окрестности : карман. справ. Челябинск, 1909. С. 111, 138.

² ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 307. Л. 53 об. ; Д. 328. Л. 58 об. ; Д. 353. Л. 58 об. и др.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 826. Л. 23. Здесь и далее сведения из Российского государственного исторического архива любезно предоставлены кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета К. А. Моргунковым.

⁴ Загорский В. Б. Мои воспоминания: мемуары польского врача о жизни в Челябинске. 1885–1892 гг. Челябинск, 2021. С. 72.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 1103. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 263. Л. 123–124 ; Д. 276. Л. 53 об.

⁸ Сведения о существующих в России типографиях, литографиях, металлографиях, заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, фотографиях, а равно о местах книжной торговли, публичных библиотеках и общественных читальнях, составленные по 1-е января 1894 г. СПб., 1895. С. 55.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 302. Л. 285.

¹⁰ Сведения о существующих в России типографиях ... С. 55.

¹¹ Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : адрес-календарь Рос. империи. СПб., 1897. Т. 2. Стб. 1456 ; РГИА. Ф. 776. Оп. 22. Д. 116. Л. 140.

¹² Известен один из типов паспарту без указания издателя с ошибочным написанием фамилии владельца (вместо нее вписано отчество): «Фотография Ф. Трофимова въ Челябинскѣ, Мастерская улица, собственный домъ».

¹³ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 755. Л. 58 об.

¹⁴ Там же. Д. 698. Л. 51 об.

¹⁵ Государственный исторический музей Южного Урала. ОФ-5853/4.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 889. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Д. 902. Л. 174.

¹⁸ Там же. Д. 929. Л. 24 об.

¹⁹ Там же. Л. 60 об. ; Д. 932. Л. 85, 178.

²⁰ Смелая реклама // Голос Приуралья. Челябинск, 1913. 23 апр.

²¹ Имеются сведения, что в конце XIX столетия Ф. Т. Катаев состоял гласным Челябинской городской думы (ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 295. Л. 26 ; Д. 504. Л. 59). Кроме того, 21 апреля 1910 г. он был избран членом правления, а затем и заместителем председателя Челябинского городского общества взаимного от огня страхования (Челябинское общество взаимного от огня страхования: отчет за 1910 г. Челябинск, 1911. С. XX ; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г. Пермь, 1911. С. 254).

²² ОГАЧО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 9–9 об., 15.

²⁴ Встречаются паспарту с ошибочным написанием на лицевой стороне названия города «Чилябинскѣ».

²⁵ Воспоминания Петра Семеновича Статных // Южно-Уральская ассоциация генеалогов-любителей. Город Челябинск. URL: <http://uralgenealogy.ru/content/view/116/> (дата обращения: 13.07.2022).

²⁶ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1265. Л. 25 об. — 26 ; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об. — 43.

²⁷ Челябинск начала XX века: воспоминания А. Н. Неаполитановой. Челябинск, 2021. С. 134, 136.

²⁸ ОГАЧО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 27. Л. 14.

²⁹ Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 821. Л. 74. О семье Катаевых известно также, что 4 июня 1914 г. их сын Алексей получил аттестат об окончании седьмого класса Челябинского реального училища (*Боже В. С.* Школьный мир дореволюционного Челябинска. Челябинск, 2006. Т. 2. С. 304).

³⁰ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 1265. Л. 45 об. — 46 ; Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 77 об. — 78.

³¹ Доктор С. Е. Каган // Власть народа. Челябинск, 1918. 22 июня.

³² Список муниципализированных, национализированных и бесхозяйственных домов, принадлежащих коммунальному хозяйству // Советская правда. Челябинск, 1923. 9 мая.

³³ ОГАЧО. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 133. Л. 187 об.

³⁴ Окружной комитет РОКК с 10 мая открывает платную зубоврачебную амбулаторию // Челябинский рабочий. 1930. 10 мая.

³⁵ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 609. Л. 10 об.

³⁶ Там же. Л. 10а об.

³⁷ Там же. Ф. И-13. Оп. 1. Д. 537. Л. 92–92 об.

³⁸ Челябинский переселенческий пункт. СПб., 1910.

Н. Н. Ивлев, А. А. Коркина

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ДМИТРИЯ МАТВЕЕВИЧА МОРОЗОВА И ЕГО ВКЛАД В ПОБЕДУ НАД НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

Актуальность работы обусловлена низким уровнем осведомленности современной молодежи (и не только) о реалиях Великой Отечественной войны. Транслируется только обобщенное понятие войны, но мало кто знает историю своей семьи и как на ней отразилось то время. Эта проблема очень актуальна сегодня, так как без знания истории собственной семьи, отдельных людей нельзя говорить об истории государства, ведь в основе его стоят те же простые люди. Человек начинается со своей фамилии, своего рода, оторванность же от собственной истории или отрицание ее приводят к неустойчивости идеалов и ценностей, искажению представлений об общемировых событиях.

Целью моей исследовательской работы стал сбор информации о своей семье, о жизненном и боевом пути одного из моих прадедов, чтобы углубиться в историю отдельного человека в контексте исторических событий и не дать памяти о его героизме угаснуть.

Мой прадед Дмитрий Матвеевич Морозов родился 22 октября 1901 г. в семье крестьянина-середняка в дер. Картасик (ныне Кайского района Кировской области). У него было несколько сестер и брат Константин, погибший на войне (о нем информации не сохранилось). По воспоминаниям моей бабушки, отношения между ними были не очень близкие, писем друг другу они не писали, хотя уже в 1959 г., после войны, Дмитрий Матвеевич с женой ездили в гости к его родственникам в Сибирь — значит, связь все-таки была.

Дмитрий Матвеевич окончил Гидаевскую начальную школу, а остальное образование получал уже много позже, отслужив в армии. В 1924 г. он был избран председателем Гидаевского сельсовета, проработал в этой должности до 1926 г. В 1930–1931 гг. был председателем местного колхоза «Герой труда», а после — председателем Гидаевского сельпо до марта 1932 г. В мае — июне 1937 г. окончил двухмесячные курсы техминимума, организованные конторами «Центросырь» и «Центроутиль». После этого устроился на работу в кайский Леспродторг в должности управляющего конторой. В дальнейшем работал там же в качестве секретаря. По воспоминаниям бабушки, несмотря на то что Дмитрий Матвеевич работал в торговой организации и недостатка продуктов там не было, прадед был человеком честным, и дома у него никогда не было избытка, все соответствовало нормам.

*Дмитрий Матвеевич Морозов (справа) с сослуживцем. Вальденбург, Германия, октябрь 1945 г.
Семейный архив Любавиных*

Женат он был трижды. Первый раз — на девушке, о которой не известно ничего, даже имени. Она вскоре умерла. От второй жены у него было четверо дочерей: Олимпиада, Мария, Евдокия и Калиста. Жена была неграмотной, любви в браке, по-видимому, не было, так как Дмитрий Матвеевич с ней развелся и уехал из родной деревни в райцентр. Здесь он женился в третий раз — на моей прабабушке, с которой у него родились две девочки: моя бабушка Роза и ее сестра Люся младше на семь лет.

Прадеда призвали на фронт с должности освобожденного секретаря партийной организации Кайского лесопромышленного комбината. Видимо, поэтому его направили на Чебоксарские военно-политические курсы — такова первая запись в его военном билете в годы войны.

Согласно приказу НКО СССР № 0337 от 3 сентября 1941 г. «Об отмене наименований военных училищ после их передислокации и с объявлением перечня наименований военно-учебных заведений Красной армии», курсы назывались «Чебоксарские курсы усовершенствования политсостава запаса Красной армии» и в то время были передислоцированы в г. Алатырь¹.

Практически весь свой боевой путь, находясь в разных воинских частях, Дмитрий Матвеевич отмечал на карте, на которую я опираюсь при написании данной статьи. Итак, на этой карте мы видим соответствующий значок около г. Алатыря. Чернилами подписано время пребывания там прадеда: «с 9 VIII по 19 X — 42 г.». Прадед прошел ускоренный двухмесячный курс с августа по октябрь 1942 г. и был направлен в 229-ю стрелковую дивизию. Это одно из воинских формирований с очень тяжелой судьбой. 229-я стрелковая дивизия первого формирования просуществовала всего полгода, со 2 июля по 27 декабря 1941 г.

Второе формирование начато 12 декабря 1941 г. в Ишиме, основное ядро составляли призывники 1921–1923 гг. р. из Омской и Новосибирской областей. В июле 1942 г. дивизия была перемещена под Сталинград, где после тяжелых оборонительных боев попала в окружение, из которого мелкими группами вышло не более 700 человек. Это все, что осталось от дивизии, ориентировочная численность которой составляла 11 500 человек (штат 04-750 от 6 декабря 1941 г.). Остатки личного состава были переданы 244-й стрелковой дивизии, а сама дивизия направлена на переформирование (фактически на новое формирование)².

Вновь дивизия формировалась в с. Ботово и дер. Поповкино, Ремягино, Лысцево, Шишкино Волоколамского района Московской области с октября 1942 г. Как раз в это время сюда и прибыл мой прадед Д. М. Морозов. В его военном билете появляется следующая запись: 804-й стрелковый полк 229-й стрелковой дивизии, заместитель командира роты по политчасти (впоследствии — парторг батальона). А на карте есть подпись: «с 26 X по 25 I — 43 г.».

По окончании формирования и подготовки дивизия 21 января 1943 г. была направлена эшелонами на Волховский фронт по маршруту Волоколамск — Вологда — Неболчи — Малая Вишера — Большая Вишера. Она оборонялась на рубеже р. Волхов до осени 1943 г., чередуя оборону с наступательными операциями. На карте около Новгорода и р. Волхов есть подпись: «с 10 II по 12 XI — 43 г.».

Рассмотрев документы 229-й дивизии, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны РФ, рассекреченные и доступные на портале «Память народа»: журналы боевых действий, доклады, оперативные сводки и боевые донесения, можно проследить ее дальнейший путь с 15 февраля 1943 г. Дивизия прибыла в район нового сосредоточения вблизи северо-восточного берега оз. Ильмень юго-восточнее Новгорода. Из оперативных донесений этих дней видно, что отсюда в течение двух недель ведется наблюдение за противоположным берегом, занятым противником. Скорее всего, у командования дивизии были планы перейти озеро по льду и атаковать немцев со стороны дер. Троица, Нехотилово, Козынево. Однако стало ясно, что немцы предусмотрели такую возможность: они укрепили оборонительные сооружения, заминировали подступы к ним, установили проволочное заграждение, взорвали прибрежную полосу льда, а также в ночное время контролировали озеро, перекрестно освещая его прожекторами. Наступление в таких условиях было невозможно, и к 9 марта 1943 г. двумя ночными маршами дивизия передислоцируется северо-восточнее Новгорода, в район дер. Шерматово, Волинь, Тарасиха, урочища Вороний Остров.

Собрав разведданные об укреплениях и огневых точках противника, 15 марта 1943 г. после непродолжительной артподготовки части дивизии начали переправу через Волхов, возле Слутки, для того чтобы овладеть опорным районом противника в Кречевицах. Однако противник упорно оборонял занимаемые рубежи, артиллерийским, пулеметным и минометным огнем препятствовал переправе и наносил большой урон переправляющимся частям. К 16 марта 1943 г. переправившиеся части вели непрекращающийся огневой бой с противником, не имея возможности продвинуться дальше, чем на 300–700 м от берега. В результате двухдневных наступательных действий дивизия понесла огромные потери: убитыми и потопленными — 552 человека, ранеными — 977 человек³.

В чем причина такого провала наступления, таких огромных потерь? Безусловно, рубежи немцев были хорошо укреплены, обеспечены оружием и боеприпасами. Боеприпасы наших войск были ограничены, их подвоз был невозможен по причине непроходимости дорог, поэтому артподготовка наступления была минимальной. Вот информация из доклада помощника начальника оперотделения майора Бутяйкина штабу 52-й армии от 17 марта 1943 г.: «Полк во время совершения марша спутал свой маршрут... вследствие чего получилось перемешивание походных порядков полков. К 5:30 15.3.1943 г. полк к линии отвала из 60 лодок доставил только 37. Эти лодки к началу форсирования не были распределены повзводно. Форсирование началось не одновременно, а по две-три лодки, поэтому противник сосредотачивал свой... огонь по этим лодкам и эти лодки выходили из строя, не достигая противоположного берега. <...> Огневая система противника... к началу форсирования не была нарушена...»⁴

20–21 марта 1943 г. дивизия предприняла новое наступление, форсируя р. Малый Волховец, с целью овладеть мощным укрепленным опорным пунктом противника в Зарелье — Хутынъ. Большого успеха оно также не принесло, дивизия опять понесла немалые потери, но две роты 804-го стрелкового полка закрепились на западном берегу, занимались постройкой дзотов, несколько раз отражали атаки противника. В дер. Хутынъ похоронено 1075 воинов 229-й стрелковой дивизии, погибших в тех боях. На месте захоронения установлен мемориал.

Остальные части дивизии сосредоточились на правом берегу р. Волхов. Весь этот период противник активных действий не предпринимал, ограничиваясь редким артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Дождавшись проходимости дорог, в ночь с 29 на 30 апреля 1943 г. части дивизии сдали боевой оборонительный участок частям 225-й дивизии и совершили марш в новый район сосредоточения (Негощи, Новоселицы, Плашкино, Эстьяны, Баженка).

В октябре 1943 г. дивизия была выведена в резерв Ставки в район Папоротно Новгородской области, в ноябре передислоцирована в Вышневолоцкий район. Согласно боевому журналу, 21 ноября 1943 г. дивизия поступила в распоряжение командира 99-го стрелкового корпуса 21-й армии, сосредоточилась в районе ст. Академическая Октябрьской железной дороги, расположенной в 11 км к северо-западу от г. Вышний Волочек. Здесь дивизия до 20 января 1944 г. укомплектовывалась и занималась боевой и политической подготовкой. На карте около г. Вышний Волочек есть подпись прадеда: «с 22 XI — 43 по 22 I — 44 г.».

22–30 января 1944 г. дивизия совершает марш Коломна — Едрово — Валдай — Крестцы и сосредоточивается около Новгорода. Совершив 2–3 февраля 1944 г. еще один марш, к 4 февраля дивизия сосредоточивается в районе Носки — Новое Веретье — Старое Веретье в готовности к наступлению в направлении пос. Уторгош.

Из записей в журнале боевых действий 229-й стрелковой дивизии можно узнать, что с 7 февраля дивизия вела бои в районе дер. Новинка, Щелино, Заречье. Наши войска неоднократно атаковали, но противник оказывал упорное сопротивление, переходил в контратаку силами пехоты при поддержке артиллерии и минометов. В течение 7 февраля 1944 г. 804-й стрелковый полк трижды отбил контратаки противника в районе Новинка силой от роты до батальона. В результате наступательных боев к вечеру этого дня дивизия овладела дер. Новинка и Щелино.

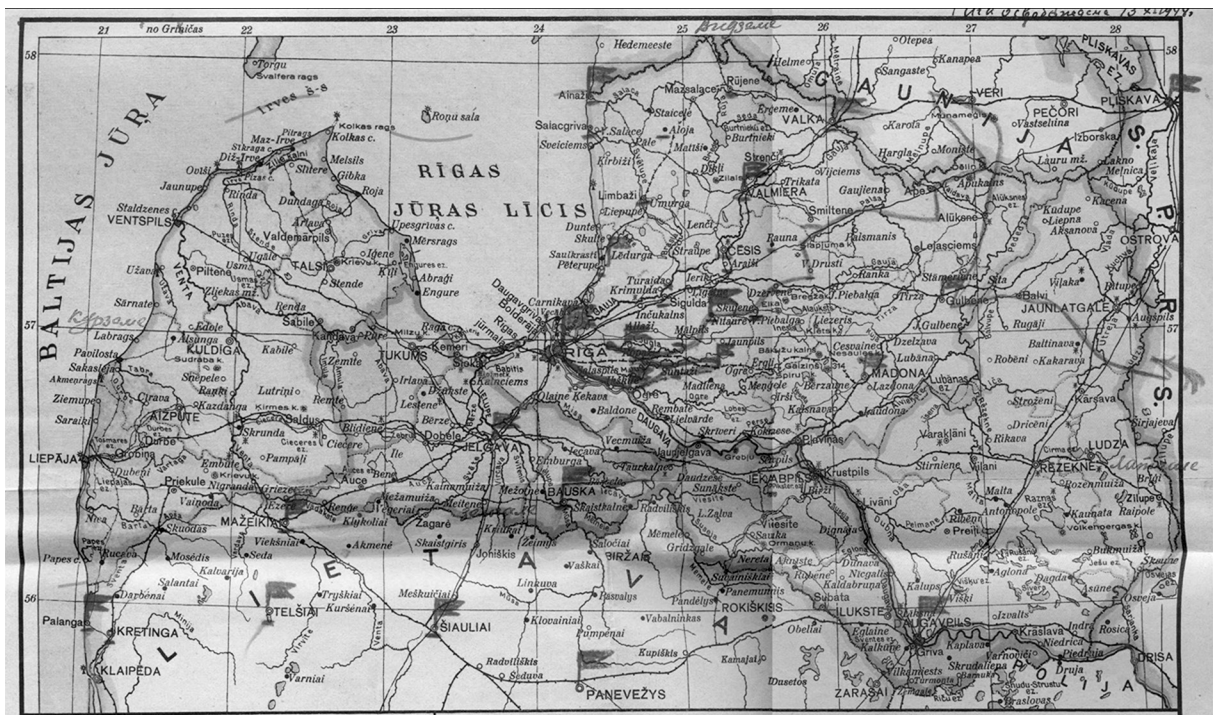
В боях за дер. Новинка Д. М. Морозов получил первую фронтовую награду — медаль «За отвагу». В его наградном листе на сайте «Подвиг народа» написано: «В боях с немецкими оккупантами под деревней Новинки с 7 по 12 февраля 1944 г., находясь

непосредственно в боевых порядках подразделений, проявил себя инициативным и бесстрашным офицером. Хорошо проводил партийно-политическую работу среди личного состава батальона. Правильно доводил до каждого бойца поставленную перед батальоном задачу. Своим личным примером воодушевлял бойцов на скорейшее выполнение боевой задачи»⁵.

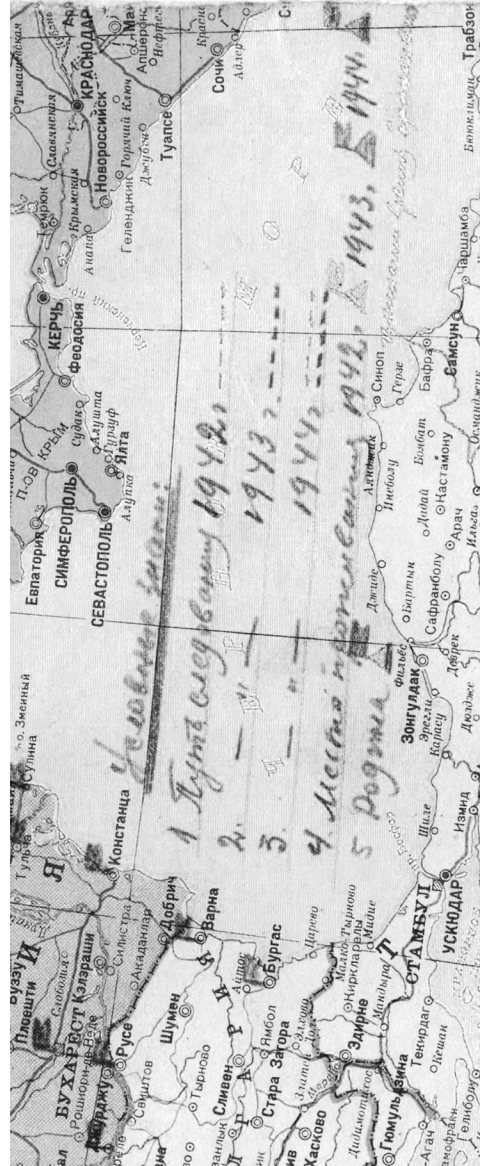
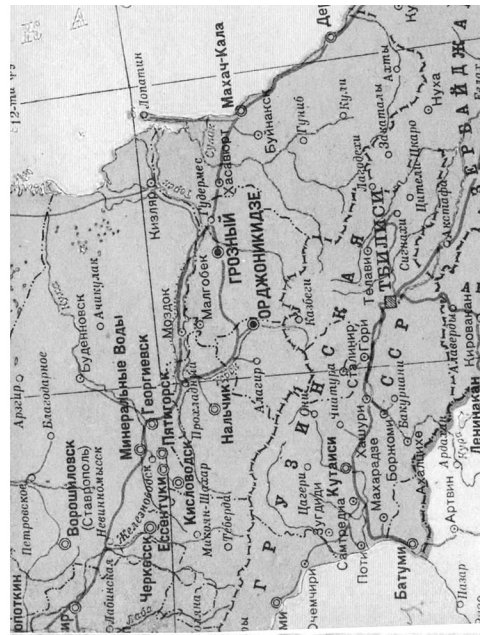
С 21 февраля 1944 г., согласно боевому распоряжению № 23 штаба дивизии, она совершает марш при преследовании противника во втором эшелоне корпуса в направлении Боровичи — Поляны — Порхов и к 1 марта сосредоточивается в районе Лютые Болота. 30 марта четыре роты 804-го стрелкового полка при поддержке батареи 45-мм пушек, батареи 120-мм минометов, роты 82-мм минометов и взвода противотанковых ружей должны были провести разведку боем (захватить пленных, установить систему огня и инженерных сооружений противника, овладеть дер. Абросово, Огнянниково, проявить группировку противника). За участие в этом бою Д. М. Морозов был представлен к награде — ордену Красной Звезды. В его наградном листе написано: «В боях с немецкими оккупантами 30.03.44 г. за дер. Абросово, находясь в боевых порядках 3-й стрелковой роты, личным примером воодушевлял бойцов на смелое продвижение вперед и решительную атаку. Когда расчет противотанкового ружья вышел из строя, тов. Морозов лично из противотанкового ружья разрушил амбразуру дзота противника и подавил три огневые точки. Проявляя инициативу, тов. Морозов вместе с командиром роты поднимал личный состав роты и выдвинул из кустарников на нейтральную зону для принятия исходного положения и подготовки в атаку. Ввиду умелого руководства рота имела незначительные потери в личном составе»⁶.

31 марта 1944 г. дивизия вклинилась на 50 км в расположение вражеских войск между гг. Псков и Остров, попала в «огневой мешок», 18 апреля она была вынуждена отойти на первоначальные позиции. До начала июня 1944 г. держала оборону на так называемой линии «Пантера», части дивизии вели оборонительные бои на рубеже Рожанка — Тараканово — Троицкая в районе г. Остров, проводя разведывательные операции.

В июле дивизия перебрасывается на Срежневский плацдарм в Пушкинский район в районе р. Великой. Несколько ночными маршами части достигают Пушкинских Гор. 17 июля начинается Псковско-Островская операция, и 229-я стрелковая дивизия ведет наступательные бои в составе 54-й армии во втором эшелоне. Противник, разрезанный этим клином, в беспорядке отходит. 29–30 июля ведутся бои в районе

Карта Латвии с пометками Д. М. Морозова. 1944–1945 гг. Семейный архив Любавиных

Фрагмент карты европейской части СССР с пометками Д. М. Морозова. 1942–1944 гг. Семейный архив Любовиных

ст. Стремутки железной дороги Псков — Остров, громя врага, дивизия переходит на территорию Латвии.

С 10 августа 1944 г. дивизия принимала участие в Тартуской операции (10 августа — 6 сентября), на момент ее окончания находилась приблизительно на границе Эстонии и Латвии. На карте прадеда около г. Остров есть надпись «[неразб.] III — 20 VII — 44 г.». 10 апреля 1944 г. приказом командования 54-й армии № 02973 Д. М. Морозов назначен парторгом 135-го отдельного мостостроительного батальона (далее — омстб), о чем есть соответствующая запись в его военном билете.

Дорожно-строительные и мостостроительные батальоны были сформированы согласно постановлению ГКО от 16 января 1942 г. № 1160сс «О формировании дорожно-строительных и мостостроительных батальонов»⁷. Согласно «Перечню № 34 дорожных и железнодорожных частей и учреждений (отдельных батальонов, рот, отрядов, поездов, колонн, баз и мастерских) со сроками вхождения их в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», 135-й омстб был переименован из 86-й омстб 28 января 1942 г. и входил в состав действующей армии с 28 января 1942 по 16 октября 1944 г. и с 3 марта по 9 мая 1945 г.

К сожалению, больше узнать об этом формировании ничего не удалось. В материалах о 54-й и 65-й армиях, в состав которых оно входило, как следует из записи в военном билете Д. М. Морозова, упоминания о 135-м омстб также не были найдены.

Сохранился блокнот Д. М. Морозова, в который он, как парторг батальона, делал выписки и клеивал вырезки из газет, необходимые для работы. На его обложке надпись: «ПП (полевая почта. — Авт.) 37266», «Морозов Д. М.», «сентябрь 1944 г.» Согласно справочнику, расположенному на интернет-сайте Солдат.ру, полевой почте № 37266 соответствует 135-й омстб⁸. Скорее всего, прадед завел этот блокнот, когда прибыл на новое место службы. Дата «сентябрь 1944 г.» подтверждает это предположение. На первой странице блокнота вклеена карта Латвии на латышском языке. На этой карте красным карандашом проведена линия со стрелками. Это отмеченный Д. М. Морозовым его боевой путь на территории Латвии. Линия эта начинается в районе г. Карсава, проходит через гг. Балви, Гулбене, Апукалнс, Друсти, Нитауре, Сунтажи, Саласпилс и заканчивается в Риге.

Последние месяцы перед демобилизацией Д. М. Морозова его военная часть находилась в Германии, недалеко от Потсдама. На обороте фотографии того времени есть надпись: «На семинаре. Вальденбург. Октябрь 1945». В Германии есть два города с таким названием. Один расположен недалеко от Штутгарта, а другой — в земле Саксония, что гораздо ближе к Потсдаму. Вероятно, фотография сделана именно там. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. прадед был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹.

Наконец, приказом Главного политуправления РККА от 8 февраля 1946 г. № 0348 Д. М. Морозов был уволен в запас из 135-го омстб 65-й армии в звании старшего лейтенанта запаса — такова запись в его военном билете.

Д. М. Морозов с женой и дочерьми. Около 1947 г.
Семейный архив Любавиных

нанта запаса — такова запись в его военном билете.

После демобилизации Дмитрий Матвеевич вернулся к семье в Лойно, где начал строить дом и продолжил работать в Кайском леспромхозе. Жили, как и раньше, — ничего лишнего. К тому же, если верить воспоминаниям моей бабушки о тех годах, надо заметить, что Дмитрий Матвеевич стал скрытнее, суше, меньше времени уделял жене и детям, больше — работе. Война оставила на нем свой отпечаток. Об армейской жизни он распространялся мало и вообще не любил вспоминать о том времени, так что все сведения были почерп-

нуты мной из документов и отметок на карте, а также из воспоминаний моей бабушки о своем отце. Умер он в 1962 г. от болезни, не связанной ни с работой, ни с военными годами.

Своей работой и историей своего прадеда я хотела приоткрыть еще одну грань истории простых граждан в сложное для всего мира время. В условиях сегодняшних «информационных войн» и невозможности доверять огромному количеству информации необходимо формировать свою позицию и отношение к общей истории на основании истории частной, личной, которая не подвергается сомнению. Миллионы людей меньше ста лет назад пострадали или вовсе погибли во имя Родины, семьи и мира. Война никого не щадит — ни правых, ни виноватых. В каждой семье есть свои герои, которых нельзя забывать. Они выстояли, потому что им было за что бороться — за мир, за светлое будущее своих родных. Именно поэтому мы должны чтить память об этих людях, не превращать это в «преданья старины глубокой, дела давно минувших дней».

Историю перепишут еще не раз, но пока мы можем, необходимо оставаться при своей правде. А уж какой она будет — зависит от того, насколько много мы знаем о себе самих, о своих предках, о своей семье на фоне мировой истории.

Примечания

¹ Шумилов Е. Право первым подняться в атаку // Советская Чувашия : сайт. URL: <http://sovch.chuvashia.com/?p=201239> (дата обращения: 23.02.2022).

² Развитие тактики сухопутных войск в Великой Отечественной войне / под ред. В. П. Мельникова. М., 1981. С. 296.

³ Журнал боевых действий 229 сд // Память народа : портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=437716273> (дата обращения: 11.02.2022).

⁴ Доклад // Там же. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=111674288> (дата обращения: 11.02.2022).

⁵ Наградной лист Морозова Д. М. // Там же. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie30350279/ (дата обращения: 24.02.2022).

⁶ Наградной лист Морозова Д. М. // Там же. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie31073527/ (дата обращения: 24.02.2022).

⁷ Постановления ГКО в 1942 г. // Солдат.ru. URL: <https://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html> (дата обращения: 14.02.2020).

⁸ Справочник полевых почтовых станций РККА в 1941–1945 гг. // Там же. URL: <https://www.soldat.ru/pps.html> (дата обращения: 11.02.2022).

⁹ Морозов Дмитрий Матвеевич // Бессмертный полк : сайт. URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/morozov-dmitriy-matveevich-1> (дата обращения: 24.02.2022).

Н. Н. Ивлев, А. В. Рядова

ИСТОРИЯ СЕМЕЙ РЯДОВЫХ И ПЕТРОВЫХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Семейные истории — это настоящий живой мир, позволяющий узнать, как жили наши деды и прадеды. Нужно это для того, чтобы более полно ощутить само понятие «семья» и осознать свое место в мире. Когда изучаешь историю семьи, лучше понимаешь историю своей страны. Сегодня правильное понимание истории и ощущение себя как части единой исторической общности крайне важны. Ведь современная внешнеполитическая и внутренняя российская действительность характеризуется обострением глобальной идейно-информационной конкуренции и попыткой разрешить проблемы, возникшие из-за противоречивой национальной политики СССР и разрушения советского геополитического проекта.

Также стоит отметить, что на сегодняшний день мы должны уметь анализировать ситуацию и находить решения. Но почти любой поиск решений — это анализ уже опробованных в истории вариантов. История — это предшествующий опыт: не зная истории, будем совершать ошибки, уже совершенные до нас. Не зная истории, можем не найти выгодных решений проблем сегодняшнего дня.

Целью данной исследовательской работы является углубленное изучение Великой Отечественной войны через историю семьи Рядовых, моих прадедов Осипа Александровича Рядова и Матвея Сергеевича Петрова для сохранения исторической

памяти о героических страницах жизни моих предков, для того чтобы помнить правду о погибших и пропавших без вести, о голоде и холоде не только на фронте, но и в тылу.

Мой прадед по дедушкиной линии Осип Александрович Рядов родился в 1909 г. в дер. Большое Заборовье (ныне Солетского района Новгородской области). Со слов моей бабушки, Осип с семи лет обучался в школе, но в ходе исследования выяснилось, что получить школьное образование в этом возрасте у него не получилось. Поэтому можно предположить, что он учился уже при советской власти. После Октябрьской революции 1917 г. были осуществлены преобразования в области просвещения. Школа объявлялась бесплатной на всех ступенях, общедоступной и обязательной. Единство школы предполагало преемственность ее ступеней, равенство образовательных возможностей, но не унификацию и не однотипность¹.

Когда прадеду было 24 года, он женился на Ольге Тимофеевне, которая родила ему троих детей. Самой младшей была дочь Рая,

*Осип Александрович Рядов. Начало 1940-х гг.
Из семейного архива*

второй ребенок по старшинству был моим дедушкой, его звали Денис, а самый старший носил имя Александр.

Есть данные, что семья осталась в деревне, а также о том, что прадед работал на заводе. Отсюда можно сделать вывод, что в начале 1930-х гг., оставив семью в родной деревне, он уехал в город на заработки. Началась индустриализация. На заводы и стройки принимали всех желающих. О самом заводе и о должности прадеда информации, к сожалению, не сохранилось. Но известно, что после вхождения стран Прибалтики в состав СССР он оказался на одном из предприятий Литовской ССР.

Стоит отметить, что в мире в 1930-е гг. уже чувствовалась военная атмосфера. Приход к власти Гитлера в Германии и Антикоминтерновский пакт (25 ноября 1936 г. Германия и Япония заключили в Берлине договор о совместной деятельности в борьбе против Коммунистического Интернационала) с каждым годом усиливали это ощущение. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война, а 22 июня 1941 г. нацистские войска вторглись на территорию Советского Союза — началась Великая Отечественная война. Уже к осени 1941 г. вся Прибалтика была оккупирована вражескими армиями, прадеда забрали в немецкие лагеря.

Прибалтика для Германии имела важнейшее значение. В первую очередь, это связь со Скандинавией, из которой поступали стратегические военные материалы. Также Прибалтика снабжала Германию продовольствием, а Эстония поставляла еще и нефтепродукты. Часть местного населения служила в отдельных военных подразделениях, занимавшихся охраной военных объектов, концентрационных лагерей, поиском и уничтожением партизан. Концентрационных лагерей в Прибалтике было достаточно. Весь регион превратился в полигон для отработки технологий массовых казней, а местные националисты стали главными исполнителями жестоких карательных акций. Именно они мучили и убивали местных жителей и военнопленных².

По совершающим побег военнопленным стреляли немедленно, без предупредительного оклика или выстрела. Применение оружия по отношению к советским военнопленным, как правило, считалось правомерным. Медицинская помощь отсутствовала. В немецких лагерях военнопленных держали впроголодь лишь для того, чтобы они могли работать. Происходило разделение военнопленных по признаку их национальной принадлежности³.

Чтобы понять, через что прошел прадед, находясь в Литве, нужно вернуться в 1940 г. — год вступления Литвы в состав Советского Союза. 14 и 15 июля этого года состоялись выборы в народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии, в результате которых к власти в Прибалтике пришли просоветские лидеры. Новое руководство прибалтийских стран провозгласило свои республики советскими и социалистическими, после чего последовали обращения в Верховный Совет СССР с просьбой об их принятии в состав Союза. 3 августа 1940 г. Литва была включена в состав СССР как Литовская Советская Социалистическая Республика. А 5–6 августа границы Союза распространились также на Латвийскую и Эстонскую ССР.

В ходе написания исследовательской работы я обнаружила интервью Нахмана Ноаховича Душанского — советского офицера госбезопасности, сотрудника НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ в Литовской ССР. Он принимал активное участие в ликвидации отрядов вооруженного антисоветского националистического подполья — «лесных братьев». Вот выдержка из его интервью: «Большая часть литовского народа хотела

Ольга Тимофеевна Рядова с сыном Денисом (моим дедушкой) в дер. Большое Заборовье. 1950–1951 гг. Из семейного архива

спокойно жить и работать. В подпольной или в “лесной” войне не участвовала, и приняла новый советский режим, хоть и “со скрипом”, как “неизбежное, но меньшее зло”, но, не считая бывших офицеров ЛА⁴. В леса ушли воевать офицеры литовской армии и бывшие бандиты-каратели времен Гражданской войны (залитые чужой людской кровью по макушку и знавшие, что пощады им от советской власти никогда не будет), кулаки и дезертиры, и, к сожалению, часть “зеленой” молодежи, одурманенной националистической пропагандой. И даже националистически настроенная, ориентированная на Запад литовская интеллигенция и духовенство со временем осознали, что братоубийственная война не приведет к независимости. Мне приходилось с такими людьми много общаться, они понимали, что, оказавшись между “молотом и наковальней”, между битвой двух империй, после нового передела мира Литва только выиграла от того, что являлась в составе СССР частью антигитлеровской коалиции⁵.

Нахман Ноахович продолжает: «Даже литовские нацисты не смогли добиться от немцев для себя независимой политики и своего государства. В октябре 1941 года генерал Прапуленис вместе с другими руководителями “Фронта литовских активистов” Мачекасом и Пундзявичусом послали Гитлеру и Браухичу “Меморандум”, в котором жаловались на то, что отношение немецких оккупационных властей к литовцам еще хуже, чем отношение Советов. Они писали, что как же это так (текст привожу примерно, по памяти): “...мы выставили 100 000 партизан для помощи наступающим немецким частям вермахта, вырезали всех своих евреев и коммунистов, стреляли в спину красноармейцам, помогая «освобождению Литвы от диких орд жидокоммунистов», а нас немцы за людей не считают?!”⁶.

Освобождение Прибалтики от нацистов началось 14 сентября 1944 г. Войска прибалтийских фронтов двинулись в рижском направлении. Несмотря на ожесточенное сопротивление, уже в первый день была прорвана первая линия обороны. Основные силы немцы сконцентрировали на участках севернее Западной Двины, но сдержать натиск советских войск не смогли и вынуждены были отвести свои силы в Восточную Пруссию. Параллельно на Ленинградском и Балтийском флотах началось наступление на Таллин. В течение десяти дней были разгромлены четыре пехотных дивизии и пять артиллерийских полков. Освободив Таллин, советские войска начали подготовку Мемельской операции, которая также была успешно осуществлена. Наши вышли к Балтийскому морю, а 24 ноября 1944 г. советские войска ликвидировали последние остатки немецких войск на Моонзундском архипелаге. Советских солдат-освободителей повсюду встречали с цветами. Прибалтика была освобождена, но практически везде царил разруха. За время оккупации были уничтожены предприятия, электростанции, мосты. В Германию составами вывозились техника, инвентарь, продовольствие, скот. Практически половина трудоспособного населения погибла в лагерях и гетто⁷.

После освобождения прадеда приняли в ряды Красной армии. Он воевал в составе 90-й гвардейской стрелковой дивизии (воинское звание — рядовой, гвардейский красноармеец). Изначально дивизия называлась 325-й стрелковой и показала образцы мужества, отваги, дисциплинированности и организованности. За проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, стойкость и героизм личного состава 325-я стрелковая дивизия была преобразована в 90-ю гвардейскую. Ей вручили гвардейское знамя.

Осип Александрович Рядов был связистом, доставлял в штабы необходимую информацию, обеспечивал оповещение войск об обстановке, о действиях противника, своевременно передавал в соединения и части боевые приказы и распоряжения командования. В Великой Отечественной войне связисты проявляли себя храбрыми защитниками Родины наравне с другими воинами Красной армии. Судьба моего прадеда оказалась трагичной. Отступающий враг оказывал ожесточенное сопротивление, и наши войска несли потери. Осип Александрович погиб на поле боя в Западной Литве 21 января 1945 г., через четыре месяца после призыва.

Сложная участь ждала не только тех, кто был на фронте, но и тех, кто оставался в тылу. В июне 1941 г. немцы оккупировали дер. Большое Заборовье. Жителей выгоняли из домов, связывали и сажали в грузовые составы. Кого увозили в Германию, кого в другие места. Пожар уничтожил деревню полностью, а жителей развезли по разным городам. Евреев и коммунистов увозили в основном в Германию, где им суждено было умереть, остальных отдавали «в рабство».

В основу идеологии нацистов была положена смесь представлений «органического» национализма и расизма. Такой национализм предполагает, что каждая нация есть единство не просто культурное, но и биологическое, органическое (как популяция собак). Тем самым культурные отличия (в языке, устоявшихся традициях, нормах и пр.) объяснялись через отсылку к «крови». Конкретный человек определяется не по его личным представлениям, убеждениям, воспринятым культурным нормам, а только в силу рождения «не таким». Расизм же восходит к эпохе колониальных империй и предполагает деление наций на «высшие» и «низшие». Нацисты просто сделали шаг вперед и перенесли ту логику, которую европейцы применяли в колониях, непосредственно на саму Европу. Если вы делите людей на замкнутые органические группы, если некоторые из этих групп считаются опасными, то становится логичным призыв эти группы победить, исключить и даже уничтожить⁸.

Сначала немцы не собирались в большом количестве привлекать рабочую силу с оккупированных советских территорий: побаивались, что граждане СССР в третьем рейхе окажут разлагающее идеологическое воздействие на его жителей. Массовая отправка людей в Германию началась весной 1942 г., когда после провала блицкрига 1941 г. там возник ощутимый дефицит рабочих рук. Людей вывозили целыми семьями, с малолетними детьми и подростками. В большинстве случаев сначала хватали комсомольцев, старших детей из больших семей, бедняков, которые не могли откупиться. Людей перевозили в товарных вагонах в совершенно нечеловеческих условиях, причем вся дорога до места назначения превращалась в бесконечную череду унижений. Естественные надобности им приходилось отправлять прямо в теплушках, в предварительно выломанную дыру в деревянном полу⁹. Ольгу Тимофеевну довезли до Литвы. По пути умерла ее дочь Рая. Мать с двумя оставшимися сыновьями поселили у больной и парализованной женщины. Женщина была доброй, Ольга лечила большую травмами и вела ее хозяйство.

После освобождения в 1944 г. территории Литвы жертвы нацизма были одной из ущемленных категорий граждан, к которым советское государство относилось с подозрением. В СССР каждый человек при поступлении в вуз или устройстве на работу был обязан заполнять анкету с вопросами «был ли на оккупированной территории» и «был ли за границей». А они были и там и там. Поэтому для них зачастую была закрыта даже скромная служебная карьера. Ольга Тимофеевна с детьми вернулась в Большое Заборовье. Уже там она получила похоронку — муж погиб. Она прожила в землянке несколько лет. Потом колхоз построил ей дом. В военное время горькая и тяжелая участь ждала всех. Ольга Тимофеевна потеряла дочь, которая в силу возраста просто не перенесла жестких условий в пути.

Из нашей семьи был на войне и отец моей бабушки — Матвей Сергеевич Петров. Он родился в 1908 г. в дер. Родишкино (ныне Боровичского района Ленинградской области). Ситуация с обучением у него была тоже сложной (они с Осипом Александровичем Рядовым проживали в одной области). Женится Матвей Сергеевич на Анастасии Павловне в возрасте 27 лет. Они жили с его матерью Устиньей Петровой. В семье родились две дочери — Валентина и Антонина. Моей бабушкой была младшая Антонина. Во второй половине 1930-х гг. Матвей Сергеевич стал председателем колхоза. В 1940 г. был призван в армию, участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Она была непродолжительной по времени (105 дней), но кровопролитной. Финская сторона потеряла 100 тыс. человек

Мой прадед Матвей Сергеевич Петров (слева) с товарищем. Из семейного архива

*Анастасия Павловна Петрова с сыном бабушкиной сестры Валентины Матвеевны Петровой — Игорем Васильевичем Кузьминым. 1969 г.
Из семейного архива*

из почти 600 тыс. призванных. Потери Красной армии составили 391,8 тыс. человек из 1 млн принимавших участие в боевых действиях. Тяжелые потери с советской стороны объясняются не только упорным сопротивлением финнов, но и плохой подготовленностью Красной армии к действиям в условиях низких температур. Многие бойцы пострадали не от оружия, а от обморожений, поскольку их обмундирование не соответствовало условиям, в которых проходили военные действия¹⁰. Матвей Сергеевич служил рядовым. Вернулся домой, и через год, 24 июня 1941 г., был вновь призван в армию. Председателем колхоза стала его жена. В декабре 1941 г. прадед пропал без вести.

Данных о том, где воевал Матвей Сергеевич, нет. Не сохранились и письма с фронта. Но дочь Антонина (моя бабушка) запомнила строки из его последнего письма: «Я на лошадке, с поля боя подбираю и вывожу раненых». Из этого можно предположить, что он работал в санитарных частях. Самую первую помощь раненый красноармеец получал от бойцов санитарного отделения. Их было пятеро на восемь десятков бойцов и офицеров обычной стрелковой роты. Но санитарное отделение могло ока-

зать только самую необходимую и простую первую помощь раненым товарищам, поскольку из медицинского оборудования в его распоряжении были лишь сумки санинструктора и санитаров, чаще — санитарок. Впрочем, большего от ротных медиков и не требовалось: их главной задачей была эвакуация раненых. Обнаружив бойцов, получивших ранения, красноармейцы санитарной роты обязаны были оценить вид ранения и степень его тяжести, оказать первую доврачебную помощь и вытащить с передовой в тыл роты¹¹.

Семье Матвея Сергеевича пришлось нелегко. Все заботы легли на плечи Анастасии Павловны: растить двух детей, работать в колхозе да еще управлять со своим огородом. Когда дочери немного подросли, они помогали матери как могли: хлопотали по дому, работали в огороде, кололи дрова, носили воду. Питание было плохим, еды не хватало, одежды и обуви почти не было. Хлеб был в доме редко, в основном его заменял картофель. Сахар заменяли свеклой, так как получить его было практически невозможно. С нетерпением ждали лета, так как в это время можно было собирать грибы и ягоды. А на колхозных работах обед выдавали в очень маленьких количествах. В войну Анастасия Павловна заменила своего мужа на посту председателя колхоза, а когда мужчины вернулись с фронта, ее перевели в рабочие.

Восстановление разрушенного хозяйства потребовало от народа-победителя огромных усилий и самоотверженности. Война закончилась, важно было быстрее вернуться к мирной жизни. Постановление правительства о восстановлении Новгорода широко обсуждалось на собраниях трудящихся области. Каждое промышленное предприятие, колхоз, промартель обязались активно участвовать в восстановлении своего областного центра. Овладев строительными специальностями и работая во внеурочное время, жители области отработали в 1944 г. на восстановительных работах 318 500 часов и восстановили школы, бытовые предприятия, жилые дома и здания для государственных учреждений. После окончания войны строительно-восстановительные работы приняли еще более широкий размах. Регион возрождался, народное хозяйство поднималось из руин¹².

В процессе исследовательской работы были проанализированы все доступные источники информации о Великой Отечественной войне, связанные с историей моей семьи, а также изучены сохранившиеся данные из семейного архива, проведены беседы

с родственниками для уточнения истории прадедов. Удалось узнать о судьбах людей, оказавшихся под немецкой оккупацией, и о том, как работали в колхозах и как жили в послевоенное время. Было проведено углубленное изучение Великой Отечественной войны через историю семьи Рядовых, моих прадедов Осипа Александровича Рядова и Матвея Сергеевича Петрова.

Великая Отечественная война отличалась особой жестокостью со стороны захватчиков и масштабом смертности. Не передать словами, как тяжело было жить людям на фронте и в тылу, людям, прошедшим оккупацию и труженикам на полях и заводах. Спустя время многое теряется и исчезает нас

всем. Благодаря людям, собиравшим информацию и хранившим ее, мы, изучив хотя бы кусочки биографий своих предков, можем сопоставить их судьбу с мировыми событиями и лучше понять общую картину происходящего.

Анастасия Павловна Петрова (слева), моя бабушка Антонина Матвеевна Рядова и подруга прабабушки Аграфена Куранова возле дома в дер. Родишкино. 1963 г. Из семейного архива

Примечания

¹ Школа в 1917–1991 гг. // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/text/5054374> (дата обращения: 09.05.2022).

² Вторая мировая война: истоки и итоги // Министерство обороны Российской Федерации : сайт. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11982000@cmsArticle (дата обращения: 10.05.2022).

³ Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова // Библиотекарь.Ру : сайт. URL: <http://www.bibliotekar.ru/general-vlasov/76.htm> (дата обращения: 15.05.2022).

⁴ Литовская армия.

⁵ Душанский Нахман Ноахович. Посмертная публикация // Я помню : сайт. URL: <https://iremember.ru/memoirs/nkvd-i-smersh/dushanskiy-nakhman-noakhovich-prodolzhenie/> (дата обращения: 13.05.2022).

⁶ Оригинал текста этого документа см.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. док. / сост.: Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. С. 59–65.

⁷ Иванов В. Краткий курс истории. Освобождение Прибалтики // История России : федер. портал. URL: <https://histrf.ru/read/articles/kratkii-kurs-istorii-osvobozhdeniie-pribaltiki> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ Пахалюк К. Холокост — что это такое? // Там же. URL: <https://histrf.ru/read/articles/kholokost-cto-eto-takoe/> (дата обращения: 14.05.2022).

⁹ «Из русской свиньи я превратилась в немецкую подстилку» // Лента.ру : сайт. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/10/11/ostarbeiter/> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁰ Началась Советско-финская («зимняя») война // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина : сайт. URL: <https://www.prilib.ru/history/619770> (дата обращения: 14.05.2022).

¹¹ Трофимов А. Спасенные от смерти: как работала медицина в годы войны // История России : федер. портал. URL: <https://histrf.ru/read/articles/spasionnyie-ot-smierti-kak-rabotala-mieditsina-v-ghody-voiny> (дата обращения: 16.05.2022).

¹² Новгородская земля в годы войны // Министерство сельского хозяйства Новгородской области : сайт. URL: <https://apk.novreg.ru/75-letiyu-velikoy-pobedy-posvyashchaetsya.html> (дата обращения: 16.05.2022).

ТРУДОВОЙ ПУТЬ МИХАИЛА АЛЕКСЕЕВИЧА ДУБРОВИНА

Актуальность темы обусловлена важностью сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне. Необходимо помнить о героях, внесших вклад в победу над фашизмом, и популяризировать изучение истории страны и своей семьи среди молодежи. В наше время многие не интересуются историей своих предков, своего государства, теряются в информации, которую им преподносят. Не знают, кому верить и где найти правду. Поэтому стоит придавать истории семьи особую значимость. На основе рассказов наших прабабушек и прадедушек, бабушек, дедушек, мам и пап, архивных семейных записей мы можем восстановить события той непростой, страшной поры, проанализировать их и сделать выводы.

В наши дни возникает серьезная проблема: потеря семейных ценностей, исторической памяти и угасание патриотизма. Люди настолько погружены в свои личные проблемы, что забывают об истинных ценностях жизни. Они перестают думать о других. Многие не чувствуют себя значимыми, не думают, что от их голоса или действия что-то изменится. Перестают любить свою страну, и им даже бывает «стыдно» за то, что они родились в ней. Очень больно слышать такие слова от людей, живущих на одной земле, с одним менталитетом. Важно напомнить людям, как жили наши предки в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, через что им пришлось пройти ради создания светлого будущего. И как они рука об руку сражались за него. К сожалению, в наше время появляются попытки умалить значение победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Когда говорят о Победе, чаще всего вспоминают бойцов, сражавшихся в самом пекле войны, на передовой. А ведь очень важно не забывать и тех, кто трудился в тылу, ведь они совершили не меньший подвиг. Тысячи людей, от мала до велика, в тяжелых условиях круглосуточно работали по всей стране. Их руками ковалось оружие Победы, и был важен абсолютно каждый человек.

Цель моей исследовательской работы — собрать воедино разрозненные данные об истории своей семьи на примере судьбы прадеда. Внести свой вклад в сохранение истории крупных промышленных предприятий нашей страны, работниками которых были члены моей семьи.

Мой прадед — труженик тыла. В военные годы он трудился на легендарном автомобильном заводе им. И. В. Сталина (ЗиС) и принимал активное участие в создании крупных предприятий: Миасского автотракторного завода и Челябинского кузнечно-прессового завода (ЧКПЗ).

Михаил Алексеевич Дубровин родился 8 февраля 1915 г. в г. Павловский Посад Московской области в многодетной семье. Он был вторым ребенком из пяти детей. Его родители — мать Анна Дорофеевна Дубровина (Антонова) (р. 7 августа 1887) и отец Алексей Иванович (9 марта 1885) — коренные жители Павловского Посада. После революции 1917 г. семья переехала в Москву, там и прошло детство моих прадедушек и прабабушек. Прапрадед работал токарем на Трехгорной мануфактуре, а прапрабабушка была домохозяйкой. В начале прошлого столетия Алексей Иванович участвовал в Русско-японской войне. Скорее всего, эта война повлияла на его характер. Он был жестким, строгим человеком. Моя прапрабабушка всегда и во всем поддерживала его. Примечательно, что члены семьи часто собирались за одним столом для реше-

ния и обсуждения важных вопросов. Учитывалось мнение каждого, но окончательное решение выносил старший Дубровин. Алексей Иванович был очень строг со своими детьми, прививал им любовь к труду и уделял большое внимание их образованию.

Михаил Алексеевич пошел по стопам отца и уже в 17 лет освоил профессию токаря. В 1932 г. он начал свою трудовую деятельность на Московском автомобильном заводе в качестве токаря, одновременно учился на вечернем рабочем факультете. Такие учебные заведения появились в СССР в 1920-е гг.

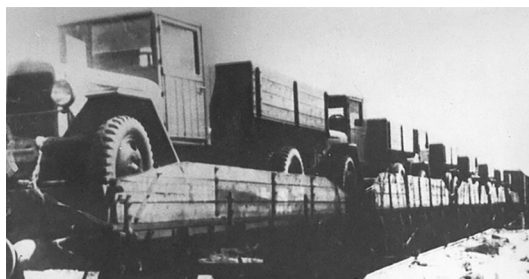
после выхода новых правил приема в вузы, установленных декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. Согласно этому документу, трудящимся было предоставлено право поступать в высшую школу без документа об образовании. В ряде университетов страны была развернута сеть подготовительных курсов (рабфаков). Предполагалось, что на них будет происходить подготовка трудящейся молодежи к поступлению в высшие учебные заведения. Обучение на рабфаках приравнивалось к работе на производстве; слушатели обеспечивались государственными стипендиями¹. В 1930-е гг. рабфаки были реорганизованы по принципу специализации и целевого назначения. Однако вскоре в связи с успешным развитием в стране общего среднего и специального образования необходимость в рабфаках снизилась, и они были постепенно упразднены.

Возможно, после окончания рабочего факультета мой прадед поступил в Московский автодорожный институт или в Московский институт инженеров транспорта. К сожалению, точных данных о том, в каком именно институте обучался Михаил Алексеевич, не сохранилось.

Известно, что прадед успешно справлялся с рабочими заданиями на легендарном ЗиСе. В начале 1930-х гг. состоялась грандиозная реконструкция предприятия. Объектом производства был выбран грузовик американской автосборочной фирмы «Автокар» грузоподъемностью 2,5 т. Планировался массовый выпуск грузовиков конвейерным способом. 25 октября 1931 г. был пущен первый отечественный сборочный автомобильный конвейер, с которого сошли первые 27 грузовиков АМО-3². Мой прадед работал на заводе как раз в то время, когда был создан легендарный грузовик ЗиС-5, который стал этапной моделью в истории завода, так как был первым действительно массовым автомобилем в СССР и стоял на производстве 15 лет. На базе автомобиля ЗиС-5 было разработано 25 разновидностей и модификаций автомобилей, 19 из которых поставлены на производство.

Чтобы разобраться с дальнейшей историей моей семьи и объяснить, как они оказались на Южном Урале, необходимо рассмотреть сложный процесс эвакуации завода им. И. В. Сталина на Урал. В связи с началом Великой Отечественной войны и стремительным движением противника вглубь страны руководство СССР приняло решение об эвакуации крупных предприятий с линии фронта, для того чтобы сохранить промышленность в условиях войны. Это стало одним из основных факторов, обеспечивших победу. Массовая эвакуация московской промышленности началась 10 октября 1941 г., когда немцы находились уже в районе Вязьмы. К концу ноября на восток было вывезено 498 предприятий и около 210 тыс. рабочих. Для их перевозки потребовалось не менее 71 тыс. вагонов³.

Все происходило в стремительном темпе: демонтаж оборудования, погрузка в эшелоны, отправка на восток, прибытие к месту назначения, срочный монтаж оборудования (порой под открытым небом) и как можно более скорое начало выпуска так необходимого стране оружия, боеприпасов, приборов. Эшелоны, которые вывозили предприятия и людей, шли на Урал практически непрерывным потоком: в пиковые моменты для эвакуации было задействовано до половины всего вагонного парка страны! Зачастую разгрузка таких эшелонов тоже была непрерывной. Например, в Челябинске в конце осени 1941 г. при разгрузке одного из эвакуированных с запада предприятий

*Эшелон с новенькими грузовиками ЗиС-5В
отправляется из Миасса на фронт.
Миасс, 8 июля 1944 г. Источник: uralaz.ru*

*Советские солдаты в кузове грузовика ЗиС-5В.
Миасс, 1944–1945 гг. Источник: uralaz.ru*

его главному инженеру пришлось провести на ногах 48 часов, чтобы проконтролировать правильность выгрузки и комплектования оборудования каждого цеха. Сохранить работоспособность ему позволил лишь специальный «коктейль» из какао с энергетическими добавками, который регулярно приносили в термосах сотрудники челябинского управления НКВД.

Ничуть не проще проходила и эвакуация населения, часть которого уезжала вместе со своими предприятиями, а часть приходилось отправлять отдельно. По воспоминаниям участников событий, по плану полагалось сажать в вагоны для перевозки людей по 40 че-

ловек, но в реальности их ехало в два, а то и в два с половиной раза больше. К тому же поначалу те, кто уезжал вместе с заводами, зачастую так и ехали на платформах рядом со станками и другим оборудованием, отдав места в крытых вагонах тем, кто больше всего нуждался в этом, — старикам, женщинам и детям⁴.

Михаил Алексеевич рассказывал моей бабушке, что в военное время трудящиеся работали на ЗиСе в две смены: с 6 утра до 10 вечера и с 10 вечера до 6 утра. Прятаться по убежищам не приходилось: ближайшее бомбоубежище было уничтожено при первом же налете. Когда раздавалась сирена, мужчины отправлялись на крыши тушить «зажигалки», а женщины оставались у станков, продолжая работать. 15 октября 1941 г. завод был остановлен и подготовлен к уничтожению. 16 октября принято решение об эвакуации Московского автомобильного завода им. Сталина. Мой прадед вспоминал, как колонна заводских грузовиков и автобусов со станками и оборудованием, с замаскированными фарами, едва освещавшими мокрый грязный снег, тронулась из Симоновской Слободы на Волгу, в Ульяновск. 30 ноября 1941 г. поступило указание Государственного комитета обороны: рабочих литейных цехов, цеха моторов, штамповочно-механического и др., связанных с производством двигателей, срочно перебазировать из Ульяновска на Урал, в Миасс.

По поручению директора Московского автозавода им. Сталина в Миасс для выбора строительной площадки предварительно приехала группа специалистов. Среди них — главный инженер автозавода Е. Б. Арманд, назначенный 21 октября 1941 г. исполняющим обязанности директора пока еще не существующего автомоторного завода, и Г. З. Шмаглит — его заместитель по строительству. Они решили, что площадка «замороженного» строительства шарикоподшипникового завода Наркомата боеприпасов близ Ильменского заповедника — самое подходящее место для размещения цехов предприятия. Здесь имелось все необходимое — сырьевая и промышленная база. Магнитогорск, Златоуст, Челябинск могли обеспечить энергией, металлом, углем; в самом Миассе — торф, лес, вода, людские ресурсы, жилье. Госкомитет обороны выбор места одобрил, и 10 декабря площадка была передана автомоторному заводу. На строительство командировали рабочих ЗиСа, среди них был и мой прадед.

Моя бабушка рассказала о том, как Михаил Алексеевич вспоминал о масштабной промышленной стройке. Люди работали под открытым небом днем и ночью, полураздетые и полуголые. Очень многие, кто приезжал из Москвы, были совсем не готовы к суровой погоде Урала. Кто в легком демисезонном пальто, кто в полупальто. На ногах у многих была явно не зимняя обувь. Колючий снег бил в лицо, обжигал щеки, слепил глаза, а ветер пронизывал насквозь.

От Москвы до Урала растянулись эшелоны с оборудованием. В декабре на станцию Миасс прибыли первые вагоны с оборудованием. Поток стратегического груза особенно усилился в начале 1942 г. От станции Миасс составы отходили по недав-

но проложенной ветке на север, вглубь Миасской долины, к строительной площадке. В жестокие декабрьские морозы разгружалось оборудование с платформ. По обе стороны рельсов горами громоздились станки, котлы, трансформаторы, ящики с деталями, бухты проволоки. По дороге с грохотом двигались тракторы, автомашины с оборудованием для будущих цехов. Около двух тысяч станков доставили вручную, волоком. Устанавливали их под открытым небом, на площадках еще не достроенных цехов, тут же подключали к электричеству. Многие рабочие не покидали строительную площадку и ночью, отдыхая у горящих костров.

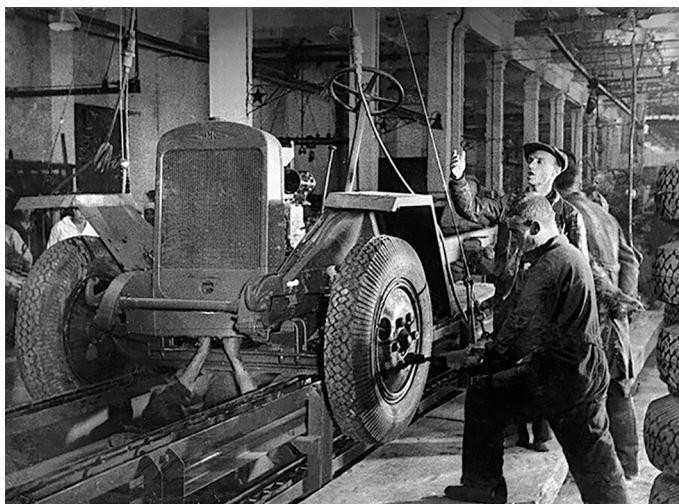
Уральский провинциальный город не был готов к приезду большого количества новых жителей. Поэтому вновь прибывших рабочих завода расселили не только в Миассе, который располагался в 12 км от завода, но и в близлежащих поселках — Мелентьевском и Тургояке. Часть рабочих разместили в пристанционном пос. Труд, путь до которого от завода составлял 5 км (по другим данным — 6 км), а также в с. Сыростан в 22 км от заводской площадки⁵.

Примечательно, но к середине лета уже были подготовлены строительная площадка и рабочий поселок. Первый цех Миасского автомоторного завода заработал в марте 1942 г., и уже 16 марта 1942 г. в моторном цехе была изготовлена первая деталь — поршневое кольцо, которое сохранили на память и в 1969 г. передали в музей завода. Ровно через месяц после выпуска поршневого кольца, 16 апреля, завод облетела радостная весть: «Собрана для фронта первая коробка переключения передач!» — был пущен первый цех завода. А в канун Первомайских праздников, 30 апреля, сборщики сдали первый уральский автомобильный мотор. С этого времени стремительно развивались темпы производства автомоторов и коробок скоростей. В 1942 г. завод поставил фронту и народному хозяйству 9303 мотора и 15 тыс. коробок. Эти успехи миасских машиностроителей были по достоинству оценены партией и правительством.

Изначально предполагалось, что завод будет заниматься производством двигателей, коробок передач и задних мостов для Москвы и Ульяновска, поставлять литье на Шадринский филиал ЗиС. Но страна остро нуждалась в автомобилях, и ГКО 14 февраля 1943 г. принял решение: целиком перевести из Ульяновска в Миасс производство грузовых автомобилей. Миасский автомоторный завод был преобразован в автомобилестроительный⁶.

Правильное распределение сил, мобилизация людей позволили заводу в апреле 1943 г. встать в ряды передовых предприятий Наркомата среднего машиностроения и завоевать переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны.

С созданием Уральского автомобильного завода Миасс стал городом областного подчинения. Завод развивался, появлялись новые цеха, устанавливалось новое оборудование. 8 июля 1944 г. свершилось событие, которого ждали полтора года: с конвейера сошел первый автомобиль ЗиС-5В. Рабочие Челябинской области выполнили свою клятву — Урал стал давать фронту автомобили. На митинге, посвященном этому знаменательному событию, зачитали телеграмму И. В. Сталина: «Приветствую и поздравляю строителей Наркомстроя и работников Уральского автомобильного завода Наркомсредмаша с большой производственной победой — пуском нового автомобильного завода и началом выпуска грузовых автомобилей. В трудных условиях военного времени своей напряженной работой вы разрешили важную оборонную и народнохозяйственную задачу и создали на Урале мощный завод по выпуску автомобилей для

*Сборка автомобилей ЗиС-5В на конвейере в военное время.
Миасс, 1944–1945 гг. Источник: urallaz.ru*

Дом Карпинского в Челябинске (ул. Цвиллинга, 1).
Февраль 2010 г. Из архива семьи

Красной армии и народного хозяйства. Родина высоко оценит вашу самоотверженную работу и помощь в деле укрепления могущества нашей страны. Желаю вам дальнейших успехов в освоении производства автомобилей и дальнейшем развитии завода»⁷.

Дальнейшая история моего прадеда связана с другим важным промышленным предприятием Челябинской области. В ноябре 1941 г. было принято решение о строительстве кузнечно-прессового завода в Челябинске, а уже 1 июля 1942 г. приказом директора Московского автозавода И. А. Лихачева куз-

нечно-прессовый завод вносится в перечень действующих. Начали работу железнодорожный и автотранспортный цеха⁸. В 1944 г. на ЧКПЗ был построен колесный цех, и прадеда перевели в это подразделение. Мой прадед рассказывал о том, как изготавливал колеса для грузовых машин. К июлю того же года завод выпускал более 25 тыс. автомобильных колес и 35 тыс. т автомобильных, тракторных и авиационных поковок. После войны на заводе начали осваивать новые виды продукции: газогенераторные установки для автомобилей, зерносушилки, холодильники. Рядом с заводом вырос поселок, аптеки, поликлиника, для детей заводчан открыли детский сад.

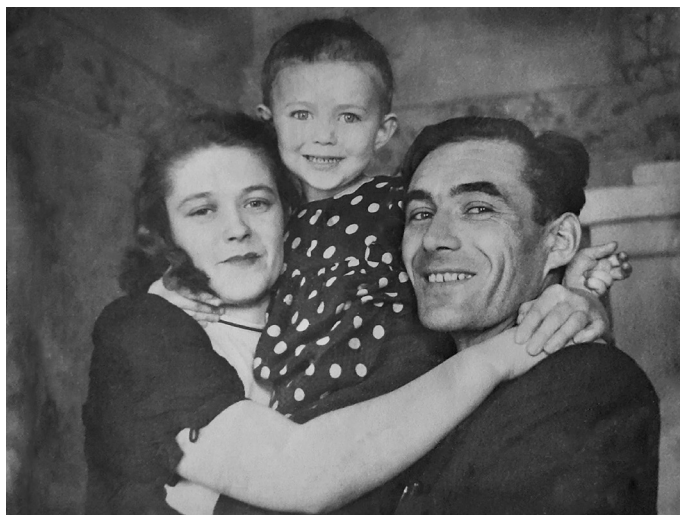
По приезде Михаила в Челябинск завод сразу предоставил ему комнату в доме на ул. Цвиллинга (ранее дом принадлежал инженеру-технологу Карпинскому). Прадед усердно трудился, в послевоенные годы познакомился со своей будущей женой — Викторией Петровной Лигер, которая работала машинисткой на ЧМЗ. В 1948 г. у них родилась дочь Лариса (моя бабушка), а в 1951 г. — сын Борис, названный, скорее всего, в честь родного брата Михаила, героя Великой Отечественной войны, который прошел военный путь от начала и до конца и был награжден орденом Красной Звезды II степени, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁹.

В 1961 г. семье дали двухкомнатную квартиру возле завода, где работал мой прадед, в пятиэтажном доме. Хотя завод предоставил более просторную квартиру на пр. Ленина двумя годами ранее (по очереди), Михаил отказался от нее — уступил ее некому специалисту, направленному в Челябинск из другого города и нуждающемуся в жилье. Он никогда не пользовался своим положением, никогда ничего не просил для семьи, а тем более для себя. Работал на совесть. Около 15 лет до переезда семья Дубровиных жила в небольшой комнате в доме барачного типа. Всего было десять комнат, в каждой из них жила отдельная семья, дом отапливался с помощью печей, имевшихся в каждом жилом помещении. Комнаты соединял коридор, но и между комнатами существовали двери, которые блокировались либо шкапами, либо досками. Туалет был переделан в жилую комнату, где ютились соседи, которые впоследствии, после переезда Дубровиных, заселились в освободившуюся комнату. Желающих занять бывшую дубровинскую комнату было много, и поэтому семья моей бабушки впустила соседей к себе уже во время переезда, когда выносили вещи. Действующий туалет располагался на улице, причем, по рассказу бабушки, достаточно далеко от дома. И пользовались им все, даже жители других домов. И ни у кого это не вызывало возмущения. В послевоенное время отношение ко всему было совсем иным: люди ценили то, что имели, они не знали другой жизни.

В трудные годы Великой Отечественной войны и после нее Михаил Алексеевич был начальником инструментального хозяйства, заместителем начальника отдела снабжения, работал и на других ответственных должностях. В последние годы своей жизни сильно болел, но трудился на заводе до самой смерти. Он умер в 1963 г. от инфаркта. Как написали в газете после его смерти, он «вложил много труда и сил и внес немалую долю в трудовые дела коллектива завода».

В ходе наших исследований были изучены различные источники по Великой Отечественной войне, где имелись биографические сведения о моем прадеде (их я узнала от бабушки), была воссоздана хронологическая цепочка трудового подвига Михаила Алексеевича Дубровина.

Жизнь того времени невозможно сравнить с жизнью XXI в. Современным поколениям трудно даже представить, что пришлось пережить обычным людям в годы Великой Отечественной войны. Голод, холод, потеря близких людей, постоянные переживания за здоровье своих родных не сломили наших героев, они трудились рука об руку в очень тяжелых условиях во благо Отечества. Великая Победа, которую мы празднуем каждый год, является результатом сплоченности и самоотверженности советских людей как на фронте, так и в тылу. Именно благодаря единству и общей цели люди нашей страны достигли таких результатов. И ни в коем случае не стоит забывать об этом. Мы являемся потомками сильных духом людей, готовых отдать свою жизнь за Родину, за близких и незнакомых людей, но в то же время родных, родных по духу.

Михаил Алексеевич Дубровин с женой Викторией и дочкой Ларисой. Челябинск, 1950 г. Из архива семьи

Отдельно хотелось бы сказать о рабочих заводах Урала, занимавшихся изготовлением деталей для автомобилей и их сборкой, о таких, как мой прадед, которые посодействовали спасению тысяч жизней, ведь автотранспорт позволял осуществить быструю доставку и перевозку войск, вооружения, боеприпасов, продовольствия и обмундирования, эвакуацию раненых и поврежденной военной техники. Без этого победа была бы невозможна. Исключительно важную роль автотранспорт сыграл во время блокады Ленинграда, обеспечивая по знаменитой Дороге жизни связь осажденного города с внешним миром.

Надо гордиться нашими героями тыла, ведь именно благодаря им была достигнута Победа! Они работали на износ в тяжелейших условиях. В рекордные сроки возводили крупные промышленные предприятия, чтобы советские воины, среди которых был брат моего прадеда Борис Алексеевич Дубровин, храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны, совершали настоящие подвиги, чтобы дать отпор противнику.

Сейчас страны Запада, к сожалению, пытаются исказить историю, преуменьшить роль СССР в победе над фашистами, в освобождении стран от гнета немецких оккупантов. Это недопустимо. Поэтому нужно постоянно напоминать молодым поколениям историю нашей страны, заниматься патриотическим воспитанием, чтобы молодые люди не поддавались влиянию искажителей истории. Нужно не забывать о том, что все мы — братья и сестры, потомки людей, которые вместе боролись с фашизмом, — страшной силой, которая затуманила головы людей. Не стоит забывать, что эти люди «осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп, истребление гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожения определенных народов и классов, определенных национальных, этнических и религиозных групп, особенно евреев, поляков, цыган, а также других...»¹⁰ Очень трудно поверить, что эта идеология существует до сих пор. И с ней снова нужно бороться!

Если каждый будет осознавать, что сделали советские люди для того, чтобы человек стоял сейчас на земле, на своих ногах, наша страна не падет перед другими и останется великой державой. На протяжении веков сила России — в ее единстве и преодолении внутренних разногласий.

Я горжусь своим прадедом и миллионами советских людей — солдатами и тружениками тыла. Я помню и буду помнить, как нашей стране досталась победа в Великой Отечественной войне, через что пришлось пройти нашим героям, как единый дух, дружба и любовь к Родине помогли победить страшное зло.

Примечания

¹ Волкова Т. А. Рабочие факультеты в практике развития советской высшей школы в 1920–1930-е гг. // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 11.

² Акционерное московское общество «Завод имени И. А. Лихачева» // RussoAuto : информ. портал. URL: <http://russoauto.ru/automaker/zil> (дата обращения: 09.05.2022).

³ Эвакуация промышленности. Август 1941 — ноябрь 1942 г. // Карта истории. URL: <https://www.history-map.world/article-91/> (дата обращения: 09.05.2022).

⁴ Трофимов А. Эвакуировать Советский Союз: как спасли промышленность // История России : федер. портал. URL: <https://histrf.ru/read/articles/evakuirovat-sovietskii-soiuz-kak-spasli-promyshlennost> (дата обращения: 11.05.2022).

⁵ Пьянков С. А. Драгоценные квадратные метры: жилищно-бытовые условия рабочих Уральского автомобильного завода в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 9. С. 35.

⁶ История АЗ «Урал» // Автомобильный завод «Урал» : сайт. URL: <https://uralaz.ru/company/history/> (дата обращения: 24.04.2022).

⁷ Правда. 1944. 12 июля.

⁸ История Челябинского кузнечно-прессового завода // Челябинский кузнечно-прессовый завод : сайт. URL: https://www.chkpz.ru/about/history_company/ (дата обращения: 10.05.2022).

⁹ Дубровин Борис Алексеевич // Память народа : портал. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero92166773/> (дата обращения: 11.05.2022).

¹⁰ Аванесян В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид // Общество и право. 2011. № 3 (35). С. 19.

ПОДАРОК ДРУГА, ИЛИ ИСТОРИЯ ДВУХ КОНВЕРТОВ

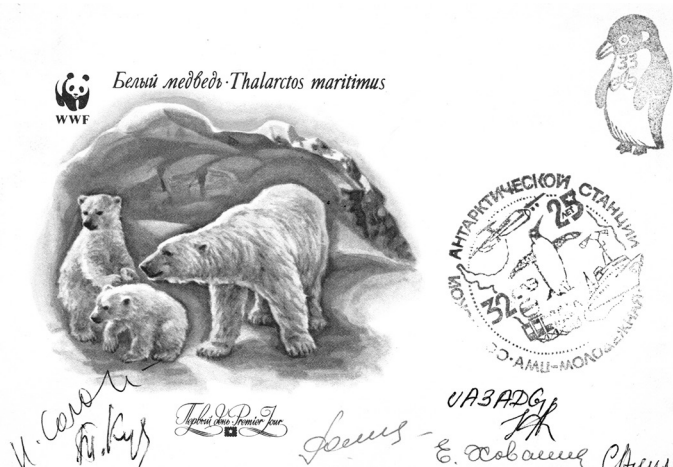
Хорошо иметь друзей, особенно если они прожили интересную и яркую жизнь и вы смогли хотя бы частично окупиться в нее.

Много лет назад мой студенческий товарищ Владимир Баранов (03.11.1944 — 13.12.2020) подарил мне два конверта (№ 1 и 2) с марками и подписями участниц легендарной советской научно-спортивной женской лыжной команды «Метелица». Для меня, филателиста, это был ценный подарок, я им очень гордился. Смерть моего друга, с одной стороны, и работа в Снежинском городском музее, с другой, побудили меня разобраться в истории этих конвертов.

Отступление первое. Свои исследования по этой теме я просто обязан начать хотя бы с краткой характеристики Владимира Васильевича Баранова, кандидата физико-математических наук, бывшего сотрудника Санкт-Петербургского ААНИИ, в котором он проработал 40 лет.

В. В. Баранов родился на Урале, на ст. Лобва Свердловской области. По окончании в 1974 г. Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина поступил на работу в ААНИИ на должность инженера ледоисследовательской лаборатории. И началось становление серьезного полярника, многократно покорявшего и Арктику, и Антарктику. Первое, как мне представляется, чудесное событие в его полярной биографии заключалось в том, что в 1986 г. он стал начальником научно-производственной экспедиции А-162/Д, расположенной на мысе Баранова острова Большевик архипелага Северная Земля. Об этом я узнал в 1989 г., получив от него конверт № 3. Каково же было мое изумление: человек проработал всего 12 лет, а его именем уже назван мыс! Правда, я быстро разобрался, что это просто удивительное совпадение.

За плечами Владимира Васильевича большой объем научно-исследовательских работ по физике

Конверт № 1. Из личного архива автора

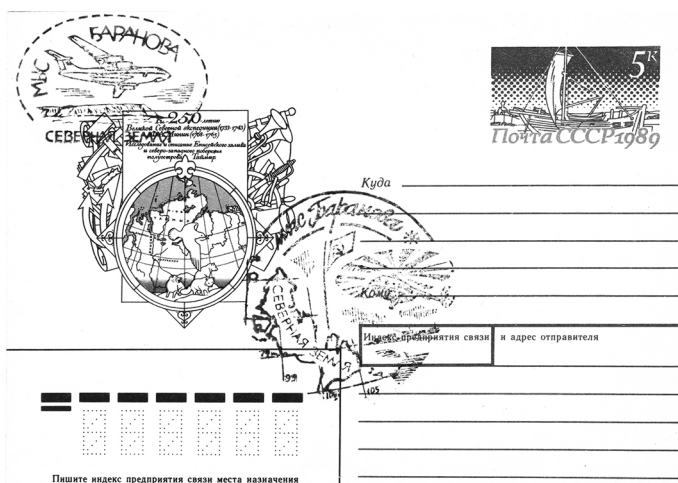
Конверт № 2. Из личного архива автора

Владимир Васильевич Баранов. Архипелаг Северная Земля.
1993 г. Из личного архива автора

Баня в Антарктиде. Полярная станция «Новолазаревская».
2008–2010 гг.

Конверт № 3. Из личного архива автора

обледенения судов различного типа, по определению физико-механических характеристик льдов. Огромен масштаб его организационной деятельности. Это и работа начальником научной станции на мысе Ватутина архипелага Северная Земля, и организация новой станции на мысе Баранова там же, предприятия «Прима» в начале 1990-х гг. для продолжения научно-исследовательских работ ААНИИ, коммерческих туров на Северный полюс¹, руководство строительными работами на станции «Новолазаревская» в Антарктиде. И как финал его полярной деятельности — «хранитель русской бани «Антарктида»»².

Но вернусь к конвертам, подаренным мне В. В. Барановым, — объектам моих исследований. В начале поиска, как я уже писал выше, я знал только то, что на конвертах с изображением белых медведей стоят подписи участниц команды «Метелица». И все. Изучение штампов на них однозначно показало, что оба конверта проштампованы на советских антарктических станциях «Молодежная» и «Восток». В правом верхнем углу конверта № 1 есть изображение пингвина с числом «33» на груди, говорящее о том, что речь идет о 33-й САЭ, и ниже стоит штамп 32-й САЭ. Эти экспедиции работали в Антарктиде в период с 1986 по 1989 г. На конверте № 2 штампы команды «Метелица» (1988) и станций «Молодежная» и «Восток» (1989). Именно в это время несколько участниц команды «Метелица» покорили Антарктиду.

Отступление второе. Об этом уникальном проекте покорения командой женщин Арктики и Антарктики очень много написано в Интернете. Приведу только выдержку из восьмой главы книги основателя и первого руководителя команды В. Кузнецовой и ее соратницы И. Соловьевой «Метелица у полюсов Земли», связанных с антарктическими экспедициями 1988–1989 гг.:

В 1989 г. «Метелица» совершает беспрецедентный лыжный переход от полярной обсерватории «Мирный» к внутриконтинентальной станции «Восток». Расстояние в 1420 антарктических километров девятью участниками команды пройдено за 64 дня. Женская лыжня в Антарктиде проложена.

Однако этому походу предшествовала как общая, многолетняя, так и локальная, уже вполне адресная рекогносцировка экспедиционных маршрутов.

Капитальную разведку непосредственно на континенте провела в феврале 1988 года группа из пяти человек: В. Кузнецова, С. Гурьева, А. Егорова, Т. Кузнецова, И. Соловьева. Задачами первого рекогносцировочного этапа освоения «Метелицей» Антарктиды были окончательный выбор маршрута будущего перехода, знакомство с условиями движения на лыжах, решение организационных вопросов, в том числе безопасности, страховки, радиосвязи и т. д. Прощаясь, начальник САЭ-33 Ю. А. Хабаров заверил нас: «Прилетайте в октябре. Будем ждать, подготовим технику, поможем».

Планировали быть в Антарктиде в октябре — ноябре, чтобы иметь в запасе перед дальним походом две-три недели на климатическую адаптацию и решение организационно-технических вопросов. Фактически же туда «Метелица» отправилась 10 ноября 1988 года. В составе экспедиционной группы было девять человек: В. Кузнецова, Н. Бахарева, И. Гурьева, С. Гурьева, С. Зубкова, Л. Косарева, И. Кузнецова, И. Романченко, Е. Хованцева.

Когда мы высадились на станции «Мирный», нам сказали: «Девушки, если вы пройдете хотя бы три дня на лыжах, вы будете супергероями». Мы шли на лыжах 57 ходовых дней. Когда команда стартовала, температура была минус 7, когда мы финишировали — минус 48. Ночью температура опускалась до минус 55. Мы шли с побережья к центру. И ветер стоковый, значит, встречный. Мы ведь еще поднимались вверх. Стартовали с побережья, с отметки 0, а на финише — высота 3800. Учитывая нехватку кислорода, другие условия, то эти 3800 метров эквивалентны 5000–6000 метров на Тянь-Шане³.

Однако вернусь к Владимиру Васильевичу и продолжу анализ истории двух конвертов и того, как они попали к моему другу. На сороковой день после смерти Владимира Васильевича его друзья организовали онлайн-конференцию, одной из участниц которой была член команды «Метелица». Я показал ей конверт, и она подтвердила свою подпись на нем. Увы, но в тот момент я или не расслышал имени участницы легендарной команды, или просто не запомнил.

Тут необходимо обратить внимание на один очень важный момент. Володя в 2019 г. на свой 75-летний юбилей выпустил буклет, в котором со свойственной ему скрупулезностью отметил основные вехи своей 40-летней полярной жизни. Из этого буклета однозначно следовало, что в 1988–1989 гг. он не был в Антарктиде, а находился на своей арктической станции на мысе Баранов острова Большевик.

Ситуация явно запутывалась. Я обратился к родным Володи. У них не было прямого объяснения появления конвертов у Владимира Васильевича, но жена Наталья предположила, что участницей конференции по случаю смерти ее мужа могла быть Татьяна Кузнецова — врач экспедиции. И это стало серьезной зацепкой для дальнейшего продвижения в определении судьбы подаренных конвертов.

Выйти на Т. Е. Кузнецову — врача-физиолога, доктора медицинских наук, профессора Российского медицинского института им. Пирогова — помогли социальные сети. Я задал Татьяне Евгеньевне ряд вопросов на интересующую тему и получил ответы. Приведу нашу переписку.

Вопрос: Как и когда конверты с изображением белых медведей попали в Антарктику?

Ответ: На конвертах — печати антарктической станции «Молодежная» (там мы были весной и зимой

Команда «Метелица» на южном полюсе. Вторая слева — Татьяна Кузнецова. 1995–1996 гг.

1988 г.) и станции «Восток» (там мы были зимой 1989 г.). Сами конверты мы привезли туда. Подписи могли ставить и в клубе, в Москве.

Вопрос: Чьи подписи на конвертах? Есть ли прямая связь между подписями и экспедициями 88 г. и 88–89 гг.?

Ответ: Подписи в основном участников экспедиций и 1988 г., и 1988–1989 гг.

Вопрос: Когда «Метелица» и Вы лично были у В. В. Баранова на острове Большевик? До или после антарктических экспедиций 88–89 гг.?

Ответ: Судя по документам, на острове Большевик мы были до Антарктиды, в начале наших полярных экспедиций. По-моему, мы с ним встречались и в других местах на Севере, но не помню, где, и спросить уже не у кого.

Вопрос: Как конверты с подписями попали к В. В. Баранову, если он в эти годы не был в Антарктиде?

Ответ: В. В. Баранов часто бывал у нас в клубе, в Москве. Думаю, происхождение его конвертов — оттуда.

Вот и все. Казалось бы, я добился того, чего хотел: восстановил историю двух конвертов, подаренных мне моим старинным другом — полярником Владимиром Барановым. Но надеюсь, я сделал все-таки чуть больше: внес свой вклад в сохранение памяти о В. В. Баранове, его истории и подвиге советской женской лыжной экспедиции, покорившей Антарктику.

Примечания

¹ Баранов В. В. Из опыта создания научно-производственной базы ААНИИ на мысе Баранова острова Большевик архипелага Северная Земля (1985–1996 гг.) // Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2018. Технологии и техника в истории освоения Арктики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 330.

² Хватова Я. Барановка на полюсе. Как полярник основал два села в Арктике и Антарктиде // Аргументы и факты : сайт. URL: https://aif.ru/society/people/baranovka_na_polyuse_kak_polyarnik_osnoval_dva_sela_v_arktike_i_antarktide (дата обращения: 20.01.2022).

³ Кузнецова В. М., Соловьева И. Б. «Метелица» у полюсов земли // Полярный центр «Метелица». URL: <https://web.archive.org/web/20160327044524/http://metelitsa-team.ru/index.php/kniga-metelitsy-u-polyusov-zemli/item/354-glava-vosmaya-antarktida-put-na-vostok-nachalo> (дата обращения: 25.01.2022).

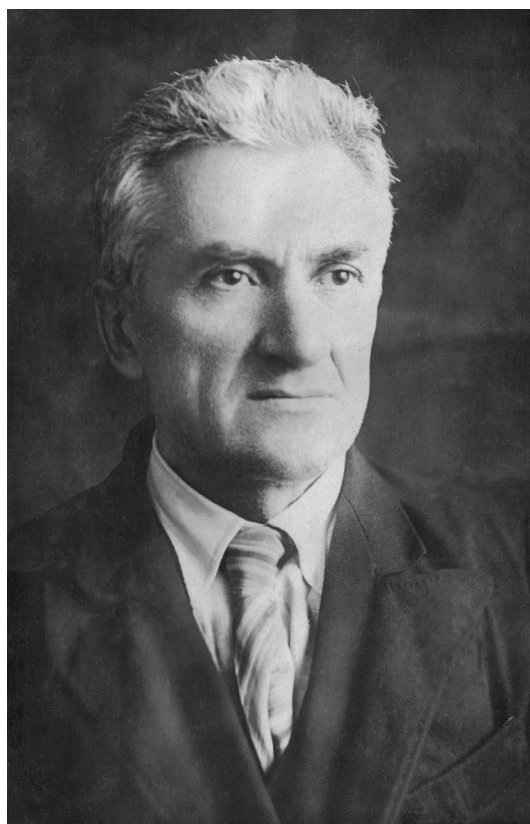
Г. Г. Канинский

«КРАСНОЧЕХ» ВАНИЧЕК

История Чехословацкого корпуса периода Гражданской войны в России хорошо изучена и подробно освещена с разной степенью объективности в отечественных и зарубежных исследованиях. В нашей стране военнослужащих корпуса до сих пор принято называть «белочехами». Это не вполне верно, поскольку нельзя однозначно сказать, что корпус был за белых или за красных. Скорее всего, он был сам за себя и на разных этапах действовал, исходя из текущих обстоятельств, в интересах своего выживания. Но в общественном сознании россиян он остался до сих пор белым. При этом определенное число чехов в России по разным причинам приняли сторону советской власти. Таких было относительно немного, но они были. Наиболее известный из них — выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, подаривший миру незабвенный образ бравого солдата Швейка. Наш герой тоже относится к числу чехов, принявших сторону большевиков. Его биография примечательна как отражение противоречивости переломного момента в истории нашей страны. Нам же он интересен еще и тем, что судьба связала его с Челябинском, где он прожил непростых 18 лет и закончил свой жизненный путь.

Звали нашего героя Вацлав Ваничек, но в России он русифицировался и назывался Вячеславом Францевичем. Впрочем, так поступали многие чехи и словаки, чья судьба забросила в Россию. Например, легенда Чехословацкого корпуса Карел Вашатко звался Кириллом, а командир корпуса генерал Ян Сыровы называл себя не иначе как Иван Иванович Сыровой.

Сведения о дате рождения Ваничека разнятся. Сам он указывал 19 ноября 1891 г.¹, а в чешских источниках значится 2 января 1890 г.² Он родился в с. Ловчице муниципалитета Хлумец-над-Цидлину Краловеградского края Чехии в крестьянской семье. Кроме Вацлава у его родителей было еще десять детей. Жили небогато. Ваничек сначала окончил четыре класса сельской начальной школы, а затем семиклассное высшее реальное училище в городке Градец-Кралове по специальности «бухгалтер». Еще в стенах реального училища у Ваничека проявилась большая тяга к знаниям, и он всю жизнь упорно занимался самообразованием. В 1909 г. сдал экзамен на звание учителя и два года работал в сельской начальной школе. Тот период он описывал так: «...эта работа меня не удовлетворяла. Я с молодых лет мечтал поехать

*Вячеслав (Вацлав) Францевич Ваничек.
Челябинск, 1949 г.*

в Россию, куда из Чехии уезжало много молодых людей на разные работы. Поэтому... в сентябре 1911 года я переехал в Россию»³.

Еще в Чехии началась его политическая деятельность. Идеи марксизма в то время овладели умами многих, и Ваничек (с его слов) еще в стенах реального училища примкнул к Союзу молодежи чешской социал-демократии, а в 1909 г. стал членом Чешской социал-демократической партии⁴.

В России сначала он попал в Новороссийск, где трудился в порту чернорабочим и грузчиком. Там же в декабре 1911 г. вступил в партию большевиков. О том, что представляла собой организация, в которой началась партийная карьера Ваничека, к сожалению, пока ничего не известно. Но, по сведениям работников Новороссийского исторического музея-заповедника, в городе с 1904 г. действовала социал-демократическая группа, позднее преобразованная в Черноморский комитет РСДРП, и проживала многочисленная чешская община. После Новороссийска жизнь помотала Ваничека по бескрайним российским просторам, и до начала Первой мировой войны он в поисках заработка побывал в Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Владивостоке и Петропавловске, что сейчас в Казахстане. Брался за любую работу.

Сведения о его жизни и деятельности в годы Первой мировой и Гражданской войн полны противоречий. В автобиографиях и анкетах Ваничек старательно умалчивает о фактах, бросающих тень на образ старого большевика с дореволюционным стажем. Так, он пишет, что принял российское подданство в августе 1914 г., но, по сведениям чешских источников, к этому времени он вернулся на родину, был призван в австро-венгерскую армию, в 12-й пехотный полк, дослужился до капрала, затем служил в 36-м пехотном полку, с которым попал в плен 2 декабря 1914 г. в бою у сербского г. Бараево⁵.

Но этим противоречия не заканчиваются. В автобиографии Ваничек пишет: «По мобилизации я попал в запасную артиллерийскую бригаду в Самарканд. В июле 1916 г. был отправлен на Юго-Западный фронт во 2-ю батарею 3-й Туркестанской артиллерийской бригады, где служил наводчиком, а затем младшим фейерверкером». То есть он утверждает, что служил в русской армии. Далее сообщает, что был демобилизован в декабре 1917 г., хотя известно, что демобилизация в старой русской армии началась в марте 1918 г.

При этом он не упоминает о своей службе в рядах Чехословацкого корпуса и о деятельности в составе руководства отделения Чехословацкого национального совета — высшего политического органа чехов и словаков в России. По данным чешских источников, Ваничек вступил в Чехословацкий корпус 28 июля 1917 г. в г. Бийске и был направлен в 7-й стрелковый Татранский полк, а затем в качестве артиллериста во 2-ю батарею 2-й Чехословацкой артиллерийской бригады, где дослужился до чина младшего унтер-офицера. Там он был избран председателем батареинного комитета. Его деятельность в чехословацких организациях началась еще до вступления в Чехословацкий корпус. На учредительном съезде отделения Чехословацкого национального совета в России 24–25 апреля 1917 г. в Киеве он был избран в руководящие органы и вошел в состав Комиссии по делам военнопленных⁶.

В декабре 1917 г. там же, в Киеве, началось сотрудничество Ваничека с местной большевистской организацией. Этот период взаимоотношений корпуса с новыми советскими властями можно назвать вполне дружественным. Более того, когда в начале 1918 г. началось наступление германских войск на Украине, Чехословацкий корпус оказался единственной организованной военной силой, остановившей его. Старая армия находилась в стадии распада, а новая Красная армия только зарождалась. Верховный главнокомандующий Советской республики Южной России В. А. Антонов-Овсеенко в марте 1918 г. писал в «Правде»: «...наши товарищи Чехословацкого корпуса с честью доблестно сражались под Житомиром, прикрывая Киев, под Гребенкой и Бахмачем, прикрывая путь к Полтаве и Харькову... Революционные войска не забудут той братской услуги, которая оказана была Чехословацким корпусом в борьбе рабочего народа Украины с бандами хищного империализма»⁷. У советских властей возникла идея перетянуть на свою сторону такую боеспособную силу, как Чехословацкий корпус, или, по меньшей мере, использовать его в интересах грядущей мировой революции. По замыслу большевиков, надо было готовить иностранцев, оказавшихся в России,

к возвращению на родину как носителей «бацилл большевизма», активных бойцов против мирового империализма, дисциплинированного и готового на жертву резерва мировой революции⁸. Эта задача должна была быть выполнена путем массовой пропаганды и агитации среди солдат корпуса, для чего лучше всего подходили чехи и словаки, разделявшие идеи большевиков, — такие как наш герой.

Ваничек пишет, что в это время, а именно с февраля по апрель 1918 г., он работал в штабе Красной армии в Москве. Однако, по данным чешских источников, он покинул ряды Чехословацкого корпуса только 27 апреля. Еще на территории Украины в подразделениях Чехословацкого корпуса была развернута массовая агитационная работа. Повсюду расклеивались листовки, издавались газеты, проводились индивидуальные и коллективные беседы, организовывались митинги. Но эта работа не привела к заметным успехам, и подавляющая часть личного состава корпуса желала возвращения на родину.

Между чехословацкими руководителями и большевиками в марте 1918 г. был заключен договор, предусматривающий эвакуацию корпуса в Европу морем через Владивосток. В договоре гарантировалась поддержка эвакуации при условии разоружения корпуса. За соблюдением условий договора наблюдали специально закрепленные за каждым эшелонком комиссары — в основном перешедшие к большевикам бывшие легионеры. Местом разоружения корпуса была определена Пенза, через которую проходили все чешские эшелоны. Ваничек был направлен в Пензу, где активно участвовал в агитации среди чешских солдат. Там же в «скобелевских» казармах он руководил формированием 1-го Пензенского чехословацкого социалистического полка⁹. Но набрать полк не получилось, а созданное небольшое подразделение сам Ваничек называл «чешским советским отрядом».

После мятежа Чехословацкого корпуса, который начался в Челябинске в ночь с 26 на 27 мая 1918 г. взятием военного городка «Красные казармы» отрядом подполковника С. Н. Войцеховского, советскому руководству стало окончательно ясно, что перетянуть на свою сторону корпус или хоть какую-нибудь его часть не удастся. Вся агитационная работа в этом направлении была свернута, и Ваничек по партийной мобилизации был направлен в Красную армию в г. Камышин.

В середине июля 1918 г. чехословацким военным судом был выписан ордер на арест Ваничека и еще восьмерых чешских большевиков из числа легионеров в связи с обвинением их «в государственной измене своему народу». Но сам Ваничек утверждал, что был якобы заочно приговорен к смертной казни за дезертирство и нарушение присяги. Формально к этому были основания, поскольку его подпись стояла под присягой от 17 января 1918 г., которую дали члены отделения Чехословацкого национального совета в Киеве «чешско-словацкому народу и его вождю в заграничном революционном движении Томашу Масарику продолжать борьбу с Австро-Венгерской империей до ее полного уничтожения и обретения чехами и словаками собственной государственности»¹⁰. Как бы то ни было, но этот приговор отрезал Ваничеку путь на родину и окончательно связал его судьбу с Советской Россией. Чешские источники в один голос называют Ваничека предателем, а он сам указывал, что никаких связей с родиной и даже своими родными после всех этих событий не имел. Узнав о приговоре чехословацкого военного суда, Ваничек (с его слов) «был принят в советское гражданство в августе 1918 года». Остается загадкой, зачем он это утверждал, если он уже однажды был принят в российское подданство еще в августе 1914 г.

В Камышине он попал в легкий артиллерийский дивизион 18-й стрелковой дивизии в качестве наводчика, затем был командиром орудия и взводным командиром. С августа 1918 по февраль 1919 г. принял участие в боях на Камышинском и Царицынском фронтах. «Из-под Царицына в составе артиллерийского дивизиона был переброшен на Архангельский фронт, где участвовал в боях в качестве помощника командира 1-й батареи. С июня 1919 г. был назначен квартирмейстером, а затем заведующим хозяйством 2-го легкого артиллерийского дивизиона 18-й стрелковой дивизии, участвовал [в боях] на Северном, Финляндском, Польском, Кубанском и Закавказском фронтах до июня 1921 г. Из Красной армии был демобилизован в июле 1923 г. в Ростове Ярославской области с должности помощника командира артполка по хоз. части». В боях был несколько раз ранен и контужен.

Семья В. Ф. Ваничека: Вячеслав Францевич, Людмила, Радислав, София Ивановна. Челябинск, 1935 г.

В январе 1934 г. была образована Челябинская область, в состав которой вошли территории нынешних Челябинской и Курганской областей. Для вновь образованного региона потребовались опытные партийные и хозяйственные кадры различных уровней, и Ваничека назначают ответственным секретарем партийной комиссии при политотделе Курганского отделения Южно-Уральской железной дороги. А уже в марте того же года его переводят в Челябинск — членом партколлегии Южно-Уральской железной дороги. Его работа в партколлегии была замечена, и в мае 1936 г. Ваничека переводят в аппарат уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области в качестве ответственного контролера. На этом посту он трудился свыше двух лет. Отметим лишь, что именно на этот период пришелся пик политических репрессий в партии и стране.

Чешские источники в силу традиционно превратного и политизированного представления о характере и масштабах политических репрессий в СССР предполагают, что «Ваничек также не избежал репрессий против иностранцев, живших в Советском Союзе после 1930 года»¹¹. На самом же деле ничего подобного нашего героя не коснулось. Более того, он на всем протяжении своей партийной карьеры проявлял полную лояльность курсу партии и твердую идейную убежденность, о чем свидетельствует успешное прохождение всех партийных фильтров в виде многочисленных чисток, аттестаций, обменов партбилетов¹², и благополучно пережил репрессии 1937–1938 гг.

В. Ф. Ваничек на открытии Дворца культуры Челябинской ТЭЦ-1. 1950 г.

В Ростове началась его карьера советского и партийного работника, и там в течение полутора лет он успел поработать заведующим отделом народного образования, заведующим отделом агитации и пропаганды уездного комитета партии и заместителем председателя уездного исполкома. С 1925 г. Ваничек уже в Ярославле заведует губернским финансовым отделом. В 1929 г. его переводят на аналогичную должность во вновь образованную Ивановскую промышленную область, а с 1931 г. он работает в Ивановской рабоче-крестьянской инспекции.

В июле 1939 г. Ваничека приглашают в отдел агитации и пропаганды Челябинского обкома ВКП(б) на должность лектора, и это была та деятельность, где он нашел свое призвание. Именно здесь в полной мере проявились его талант оратора, определенный артистизм, кругозор и эрудиция. Вячеслав Францевич специализировался на лекциях международной тематики. Правильная и образная русская речь с небольшим чешским акцентом, убедительная аргументация делали его лекции востребованными и популярными. Он выступал в различных коллективах по всей области, а иногда его приглашали для чтения лекций в другие регионы. Вот что, например, докладывал в обком парторг

завода № 38 г. Юрюзани Туманов: «В марте сего [1944] года у нас читал лекцию ваш лектор тов. Ваничек. Лекция прошла с огромным успехом, была исключительно содержательной, глубокой и долгое время была предметом обсуждения»¹³. Таких отзывов было немало, а в партийных характеристиках отмечалось, что «несмотря на свой преклонный возраст, тов. Ваничек до последнего времени много работал, читал большое количество лекций для трудящихся области, как лектор пользуется авторитетом и уважением»¹⁴. В общей сложности Вячеслав Францевич отдал работе лектора более 12 лет своей жизни. В ноябре 1945 г. «за доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» он был награжден медалью¹⁵.

В начале 1950-х гг. дали о себе знать многочисленные фронтовые ранения, здоровье серьезно ухудшилось, и в марте 1951 г. Ваничек получил длительный отпуск для лечения, а в сентябре того же года был освобожден от обязанностей лектора обкома партии по состоянию здоровья с увольнением на пенсию. В это же время отдел агитации и пропаганды Челябинского обкома ВКП(б) возбудил ходатайство о назначении ему «как старому большевику, ответственному советскому и партийному работнику, персональной пенсии республиканского значения»¹⁶, что было знаком особых заслуг перед партией и государством. Однако, согласно тексту некролога, персональную пенсию он получить не успел¹⁷. Наш герой скоропостижно скончался 12 марта 1952 г., а 15 числа был похоронен на Митрофановском кладбище Челябинска. Захоронение сохранилось, но, судя по его состоянию, уже давно никем не посещалось.

И в заключение — о семье. 17 ноября 1921 г. в Ростовском ЗАГСе был зарегистрирован брак Вячеслава Францевича с учительницей начальных классов и музыки Софией Ивановной Ирадовой, 1895 г. р., взявшей в браке фамилию мужа. Ее отец был владельцем картофелетерочного завода в городке Гаврилов-Ям Ярославской губернии. После смерти мужа София Ивановна некоторое время работала аккомпаниатором в оркестре кинотеатра им. А. С. Пушкина. Дальнейшая ее судьба неизвестна, но в августе 1975 г. она еще здравствовала. В семье было трое детей. Дочь Людмила, 1923 г. р., в замужестве Николаева, училась в железнодорожной школе № 1 Челябинска (ныне школа № 121), впоследствии проживала в Ленинграде¹⁸. Сын Радислав родился 10 мая 1925 г. в Ростове. Учился тоже в железнодорожной школе № 1, а с 1939 г. — в школе № 1 им. Ф. Энгельса (ныне гимназия № 1 на ул. Красной). После девятого класса был призван на военную службу¹⁹ и по окончании шестимесячной школы младших командиров артиллерии при эвакуированном в Миасс Московском минометно-артиллерийском училище был направлен в действующую армию, в 33-ю гвардейскую минометную бригаду, помощником командира огневой группы 1-го дивизиона. Согласно журналу боевых действий бригады, 29 апреля 1944 г. он трагически погиб, отравившись антифризом, похоронен на станции Звенигородка Черкасской области²⁰. В семье был еще один сын (1929 г. р.), сведений о котором найти не удалось. В Челябинске семья Ваничека проживала в районе кинотеатра им. А. С. Пушкина (адрес: ул. Тимирязева, 27) и занимала две квартиры — № 51 и 52.

Могилы В. Ф. Ваничека на Митрофановском кладбище Челябинска

Примечания

- ¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 2466. Л. 6.
- ² Vaníček, Václav // Valka.cz: server o vojenství a historii. Available at: <https://www.valka.cz/Vanicek-Vaclav-t108559> (accessed: 24.03.2022).
- ³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 2466. Л. 6.
- ⁴ Там же. Л. 4.
- ⁵ *Chrát R.* Václav Vaníček — zrádce Čsl. vojska na Sibiři // Valka.cz: server o vojenství a historii. Available at: <https://www.valka.cz/13941-Vaclav-Vanicek-zradce-Csl-vojska-na-Sibiri> (accessed: 24.03.2022).
- ⁶ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920 : док. и материалы. М., 2013. Т. 1. С. 683.
- ⁷ *Хабас Р.* К истории борьбы с чехословацким мятежом // Пролетарская революция. 1928. № 5. С. 60.
- ⁸ *Данилов В. А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 5–6, 19.
- ⁹ *Непаркоф А. П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 237.
- ¹⁰ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус, 1914–1920 ... М., 2018. Т. 2. С. 37–38.
- ¹¹ *Chrát R.* Op. cit.
- ¹² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 2466. Л. 5.
- ¹³ Там же. Л. 10.
- ¹⁴ Там же. Л. 13.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Л. 13–15.
- ¹⁷ Челябинский рабочий. 1952. 14 марта.
- ¹⁸ Материалы Музея школы № 121 г. Челябинска.
- ¹⁹ Материалы Музея гимназии № 1 г. Челябинска.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 12808. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. И. ГЕРЦЕНА В КАЧЕСТВЕ РЕДАКТОРА «ВЛАДИМИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Важной проблемой на сегодняшний день становится вопрос появления провинциальных краеведческих научных школ в России в дореволюционный период. Центром развития провинциальной общественности, интересующейся прошлым и настоящим своего региона, в XIX в. являлись губернские газеты. Представители различных сословий собирались вместе для изучения всех аспектов жизни своего региона и при этом создавали и расширяли социальные связи в обществе, закладывая основу российского гражданского общества. Целью государства было увеличение потока официальной информации в провинцию и из нее. Власти не рассчитывали поощрять рост региональной идентичности, однако это стало одним из непредвиденных эффектов развития провинциальных газет.

История появления краеведения в России, в том числе во Владимирском крае, является крайне актуальной темой, поскольку позволяет проследить зарождение краеведческих исследований в данном регионе и по-новому взглянуть на тех людей, которые стояли у их истоков. В первую очередь речь идет об Александре Ивановиче Герцене, который фактически стал основателем системного владимирского краеведения.

Касаясь историографии проблемы, необходимо отметить исследование Н. Н. Баландиной о работе А. И. Герцена во «Владимирских губернских ведомостях»¹. О деятельности Герцена на посту редактора губернской газеты упоминается в книге «Интересное о крае. Люди, история, жизнь, природа Земли Владимирской»² и в диссертации А. В. Авериной³.

Дореволюционный автор Н. М. Лисовский⁴ исследовал губернские газеты в качестве составной части периодической печати России. Советский исследователь Г. М. Дейч⁵ рассматривал губернские газеты как исторический источник. Современный российский исследователь Л. В. Кириллова⁶ свою работу посвятила вопросам становления и развития владимирского краеведения в XIX — начале XX в. Биографии писателя посвящена книга А. А. Крундышева⁷. Жизни и творчеству Герцена, включая их владимирский этап, посвящена книга И. Новича⁸. Среди иностранных исследователей можно отметить Сюзан Смит-Питер⁹, которая сравнивает «Владимирские губернские ведомости» с иными губернскими периодическими изданиями Российской империи затрагиваемого периода и касается роли А. И. Герцена в развитии владимирской газеты. Жизненный и творческий путь писателя прослеживаются Я. Эльсбергом¹⁰.

В 1837 г. Николай I утвердил положение о создании губернских газет в 42 губерниях, в основном в Европейской России и на Украине. Структура каждой губернской газеты включала два раздела — официальный и неофициальный. Неофициальный раздел стал форумом для провинциальных читателей и исследователей, изучающих свой уголок империи во всех его исторических, этнографических, статистических и археологических аспектах. Со временем подобная практика расширилась и стала охватывать почти все неполитические аспекты провинциальной жизни. Это помогло заложить основу активного гражданского общества в период правления Николая I.

Редакторы неофициального раздела «Губернских ведомостей» сыграли решающую роль в поощрении сети местных авторов и читателей, выходящей за рамки словесных границ, что особо удивительно, учитывая контролирующий характер прав-

ления Николая I. Именно редакторы губернских периодических изданий определяли направленность своих газет и их целевую аудиторию.

В законодательных документах России об учреждении губернских газет обязанности редакторов были канцелярскими: пересматривать объявления, присылаемые от правительственных органов и частных лиц, следить за тем, чтобы они не противоречили закону, чтобы печатная форма была такой же, как в рукописи, следить за денежными средствами, поступавшими за публикацию в газете частных объявлений. Многие редакторы газет были чиновниками, выполнявшими свою работу поверхностно и не считавшими необходимым создавать себе дополнительную работу путем написания статей для неофициального раздела газеты. Однако некоторые были очень активными писателями, в том числе А. И. Герцен. Они поощряли других местных авторов присылать статьи для раздела на интересующие их темы.

Таким образом, многие редакторы неофициальных разделов губернских газет фактически смогли использовать правительственную программу для реализации своих интересов. Через редакторов провинциальные газеты привлекали широкий спектр грамотной публики, чьи интересы иногда выходили за рамки, установленные правительством. Борьба между цензорами и периодическими изданиями теперь не ограничивалась только столицами, она распространилась и на провинции. Губернские ведомости в целом ряде губерний стали живыми, жизненно важными форумами для обсуждения важных социальных проблем региона.

Официальная часть владимирской губернской газеты представляла собой казенную хронику губернской жизни. Неофициальная часть печатного издания вскоре приобрела ярко выраженную краеведческую окраску. Редактором неофициального раздела, так называемых «Прибавлений», губернатор назначил Александра Герцена 30 января 1838 г. Сначала он участвовал в подготовке газеты только как автор, опубликовав в восьмом выпуске статью «Владимирская публичная библиотека», а к редактированию «Прибавлений» фактически приступил лишь с десятого номера.

Став редактором газеты, А. И. Герцен нашел применение своему литературному таланту. Параллельно он обучал дочерей губернатора Куруты древней истории и литературе. Губернатор Владимирской губернии своей благосклонностью стимулировал дальнейшее развитие карьеры молодого человека, назначив его на должность чиновника по особым поручениям при губернаторе, и способствовал присвоению Герцену чина титулярного советника.

Город Владимир Александру Герцену понравился, особенно архитектура древнерусских храмов. Именно в этом городе А. Герцен обвенчался со своей невестой Натальей, здесь же родился их первенец, названный родителями именем города — Владимиром.

После включения в состав газеты «Владимирские губернские ведомости» ее неофициальной части (так называемых «Прибавлений»), где впервые стал публиковаться краеведческий материал, можно говорить о начале системного краеведческого изучения Владимирского края. С самого начала своей работы А. И. Герцен придает газете краеведческое направление. Он составляет программу развития неофициального раздела и, как полноценный редактор газеты, привлекает к формированию этого раздела интересующихся историей родного края местных жителей. В программе выпуска «Владимирских губернских ведомостей» А. И. Герцен писал, что цель неофициального раздела не литературная, а статистическая, поэтому в нем должно отражаться состояние народа. Герцен понимал, что статистика является мощным орудием социального познания, поэтому отдел газеты «Статистика» в дальнейшем он вел сам.

С самого начала появления губернской газеты Александр Герцен, как ее неравнодушный редактор, стал убеждать местных краеведов, что их материалы по истории края представляют значительный интерес. Для этого он разместил в одном из номеров редакционное объявление о сборе с целью публикации краеведческих материалов, после чего занялся изучением и публикацией сведений о жизни Владимирской губернии: ее быте, нравах и исторических памятниках. После этого от местных краеведов стали поступать заметки, которые после редакторской обработки публиковались в газете.

Александр Герцен широко использовал богатый статистический материал из официальных документов. «Сухие» цифры статистики помещались редактором часто без

комментариев, но мыслящему читателю они говорили о многом. Важнейшей задачей Александр Герцен считал ознакомление читателей с тяжелым экономическим положением народа, его бытом. Пользуясь правом печатать статистические материалы, Герцен-редактор с большим искусством отбирал и обнародовал сведения, которые свидетельствовали об окружающей его действительности.

Географо-статистические обзоры Герцена городов губернии пробуждали дополнительный интерес к местной истории, этнографии, краеведению. Александр Герцен считал, что кроме дворян-помещиков никто не может рассказать лучше об экономических особенностях сельского хозяйства и быта крестьянства во Владимирском крае. Но его попытки утвердить губернские «Ведомости» в качестве форума для местного дворянства потерпели крах перед лицом дворянской незаинтересованности, а также желания других сословий принять участие в развитии газеты. Большинство дворян приезжали во Владимир и его окрестности только на летний сезон и не жили там круглый год, поэтому плохо знали местные проблемы. На призыв Александра Герцена откликнулось духовное сословие, бывшее достаточно образованным и имевшее тесную связь с сельскими общинами. Таким образом, основными авторами владимирской губернской газеты стали сыновья священников и купцы, а не дворяне.

Другую социально восприимчивую к участию в работе над губернской газетой группу во Владимирской губернии составляли владельцы фабрик в Иванове и Шуе. У этих купцов и старообрядцев были сильны традиции грамотности и почитания старых рукописей, и они были готовы писать на экономические и исторические темы. Владимирские бюрократы и ивановские купцы составили ядро социальной сети вокруг губернской газеты.

Герцен стал пионером криминальной хроники во владимирском регионе. Им печатались сообщения о преступлениях, известия о столкновениях экипажей на улицах города, несчастных случаях на р. Клязьме, статистика утонувших на территории губернии.

Герцен получал от местных краеведов описание почв, горных пород, дикорастущих растений и животных Владимирской губернии. В 1839 г. ввел в газете рубрику «Чрезвычайные происшествия», в которой печатались сообщения о стихийных бедствиях. В частности, в газете нашли отражение пронесшиеся в 1839 г. над Владимирским краем несколько смерчей и ураганов, имевшие тяжелые последствия: с домов сносило крыши, ветер валил деревья; на смену смерчам пришли сильнейшие грозы с градом и молниями, от которых гибли люди, начинались пожары.

В неофициальном приложении к местной газете при Герцене встречались также сообщения о найденных кладах, например об обнаруженном в сентябре 1839 г. глиняном кувшине со старинными монетами времен Ивана Грозного.

Как редактор губернской газеты Александр Герцен проделал большую организационную работу. Он сумел привлечь к участию в работе над газетой лиц, интересующихся краеведением, статистикой и историей края. Владимирская газета объединила местных жителей так, как не смогли бы объединить их национальные печатные сообщества, поскольку их аудитории были слишком разными. Авторы губернских газет, читая и обмениваясь письмами и статьями, становились частью все более широкого сообщества, интересующегося одними и теми же темами. Не были исключением и авторы владимирской губернской газеты. У разных авторов имелись разные мотивы для участия в авторском сообществе, зависящие от склонностей и социального положения человека. Александр Герцен сумел объединить вокруг губернской газеты людей, интересующихся владимирским краеведением, заложив тем самым основы его дальнейшего развития.

В июле 1839 г. с Герцена сняли полицейский надзор. С этого момента он мог, хотя и не постоянно, жить в обеих столицах империи и участвовать в общественной и литературной жизни России. Он навсегда покинул Владимир.

Все дореформенные редакторы неофициального отдела владимирской газеты были выпускниками семинарии, кроме Герцена. Именно он привлек к работе в газете семинариста Я. Е. Протопопова, который стал его официальным преемником. В дальнейшем «Владимирские губернские ведомости» под руководством редакторов Я. Е. Протопопова и К. Н. Тихонравова продолжили публиковать краеведческие материалы, достойно продолжив дело, начатое А. И. Герценом.

Примечания

¹ *Баландина Н. Н.* А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости» // Ученые записки Владимирского педагогического института. 1958. Б. н. С. 133–166.

² Интересное о крае: люди, история, жизнь, природа земли Владимирской : краевед. сб. / сост. Н. С. Софронов. Ярославль, 1973. 375 с.

³ *Аверина А. В.* Развитие краеведческих исследований во Владимирской губернии во второй трети XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010. 22 с.

⁴ *Лисовский Н. М.* Периодическая печать в России. 1703–1903 гг. (статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Литературный вестник. 1902. № 8. С. 281–306.

⁵ *Дейч Г. М.* Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л. : Наука, 1978. Т. 9. С. 235–253.

⁶ *Кириллова Л. В.* Становление и развитие владимирского краеведения в XIX — начале XX в. // Научные конференции, научные журналы. URL: http://www.rusnauka.com/26_NII_2009/Istoria/52231.doc.htm (дата обращения: 22.07.2022).

⁷ *Крундышев А. А.* Александр Иванович Герцен. М., 1982. 96 с.

⁸ *Нович И.* Молодой Герцен: страницы жизни и творчества. М., 1986. 382 с.

⁹ *Смит-Питер С.* Истоки губернских ведомостей: 1831 — начало 1850-х гг. // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в. : сб. науч. ст. Петрозаводск, 2008. С. 23–51.

¹⁰ *Эльсберг Я.* Герцен: жизнь и творчество. М., 1956. 678 с.

Л. Н. Молчанов

ДВЕ ЖИЗНИ АРХИТЕКТОРА ВАСИЛЬЕВА

Поздней осенью 1972 г. я служил в спецвойсках МВД СССР в Свердловске. В один из ненастных вечеров несли мы с ефрейтором Мишей Петриком патрульно-постовую службу в центре города, в районе гостиницы «Центральной», расположенной на перекрестке ул. Розы Люксембург и Малышева. Напротив гостиницы стоял двухэтажный деревянный особняк — памятник архитектуры начала XX в., на первом этаже которого находилась художественная школа при Свердловском областном управлении культуры.

По радиации в семь часов вечера нам дали ориентировку на задержание гражданина Гуенкова, подозреваемого в совершении грабежей. Его видели в районе Плотинки, в нескольких кварталах от нашего поста. Вскоре после получения ориентировки мы заметили человека, который шел к гостинице, и, увидев наш патруль, резко свернул в квартал, где находилась художественная школа. Мы начали преследование. Он, поняв, что ему не уйти, заскочил в ближайший подъезд деревянного двухэтажного особняка. Ефрейтор Петрик блокировал лестничную площадку, идущую на второй этаж, где располагались квартиры, а я открыл единственную дверь на первом этаже и очутился в большой художественной студии.

В центре студии на подиуме сидела натурщица, а группа разновозрастных молодых людей увлеченно рисовала ее. В это время ко мне подошел худощавый 70-летний, одетый очень скромно, но со вкусом человек с колодкой орденов и медалей участника Великой Отечественной войны. Он вежливо попросил объяснить цель моего визита в учебный класс. Передо мной стоял аристократ с усиками «а ля Чаплин», который смотрел на вошедшего с улицы служаку-милиционера чуть иронично и в то же время понимающе. «Служба, есть служба! — подвел он черту нашему разговору. — А у меня в учебном классе посторонних нет!» И тут же как-то очень доброжелательно предложил нашему посту заходить в школу, чтобы обогреться. А меня («если это возможно») он бы хотел попросить попозировать студентам-художникам. «Очень у вас выразительное лицо», — добавил он. На что я ответил, что сам являюсь художником и с удовольствием бы нарисовал «ваш, товарищ ветеран» портрет. «А вот записаться к Вам и поучиться в этой школе я бы хотел непременно». Так я познакомился с Сергеем Александровичем Васильевым.

Ю. Б. Доцкевич. Васильев Сергей Александрович.
1975 г. Фотоархив Ю. Б. Доцкевича

Первая страница газеты «Шадринская правда» от 26 января 1924 г. Архив А. Н. Молчанова

Служить мне оставалось еще чуть более полугода, и все свое свободное от службы время я стал проводить во встречах и разговорах с этим удивительным человеком. В ходе дружеских бесед он одаривал меня редкими книгами по искусству и другими историческими раритетами. Так у меня появилась шадринская газета «Рабоче-крестьянская правда» от 26 января 1924 г., весь номер которой был посвящен смерти В. И. Ленина. Чем ближе я знакомился с Сергеем Александровичем, тем глубже и шире передо мной раскрывалось грозное, смутное, потрясающее своим трагизмом и революционным пафосом время, в котором проходила его жизнь, преломляясь в бурной жизни страны, на которую накладывалась биография художника.

Родился он 6 июля 1901 г. в станице Крымской Краснодарского края в семье артиллерийского офицера Александра Васильева. В родовом дворянском имении было 22 комнаты. Сергей к 1914 г. обучался в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Войну с немцами его отец встретил в чине генерала и служил в столице в артиллерийском ведомстве. Когда произошла Февральская революция, генерал Васильев встретил ее спокойно. В эти дни и месяцы отец и сын Васильевы не раз присутствовали и участвовали во всевозможных митингах и демонстрациях. Дома в кругу семьи в спорах родилась истина для них: какое бы правительство ни пришло к власти, главное для России сейчас — разбить немцев, а судьбу страны потом решит Учредительное собрание.

Когда произошла Октябрьская революция и к власти пришли большевики в союзе с левыми эсерами, они на первых порах войну с немцами продолжили. Васильевы к этому времени стояли на позициях советской власти. Сергей Васильевич рассказывал, что он три раза слушал выступление Ульянова-Ленина на митингах. И ему, молодому, еще неоперившемуся юнкеру, уже тогда было ясно, что Ленин говорит правду и что идти надо за ним и за его пока немногочисленной партией. По воспоминаниям Сергея, в конце 1917 г. отца пригласили в Реввоенсовет республики, и Лев Троцкий предложил ему поступить на службу в Красную армию, создававшуюся на добровольных началах, с достойным содержанием и с сохранением за семьей родового гнезда. После согласия генерала был написан именной Декрет от имени советской власти о закреплении за семьей Васильевых имения в станице Крымской за подписью председателя Совнаркома Ульянова-Ленина.

Советское правительство в первые месяцы после Октября коренным образом ломало и перестраивало всю систему правления царской России. 16 декабря 1917 г. декретами советской власти были уравниены в правах все военнослужащие, прекраще-

В первое же увольнение из части я отправился в художественную школу. Мне предоставили мольберт, уголь, ватман, и я, стосковавшийся по таким родным занятиям в студии, за два часа нарисовал натюрморт с кухонными принадлежностями под ненавязчивым контролем художника Васильева. Он подходил к студентам и где советовал, а где и сам помогал им сбить композицию, поправить пропорции предметов, правильно наложить светотень. Через два часа группа закончила занятия. Сергей Александрович, который в этот день окончил работу, стал расспрашивать меня о службе. Узнав, что я не сотрудник РОВД, а солдат срочной службы и нахожусь в данный момент в увольнении, он пригласил меня к себе домой на чашку чая и продолжение приватной беседы. Через час, сидя на кухне небольшой, но уютной, плотно заставленной старинной мебелью и картинами художника однокомнатной квартиры, я, Сергей Александрович и Сусанна Викторовна (жена художника) обедали и говорили о жизни, о моей службе, о планах на будущее.

но производство в офицеры, закрыты военные училища, упразднены воинские чины и звания. Это в корне ломало все взаимоотношения в армии, уничтожало офицерство как элитный класс с многовековыми традициями и породило хаос и беспредел в войсках. С. А. Васильев вспоминал: «После принятия декрета об уравнивании всех военнослужащих в правах отец посоветовал мне поступить в броневтомобильную школу, так как юнкерские училища закрывались как рассадники контрреволюции. Школа открывала передо мной широкие возможности, так как броневтомобильные, бронетанковые войска в будущей войне могли стать ударной силой, а Васильевы себя вне русской армии не видели»¹.

Но уже 15 января 1918 г. был принят декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии и он остудил горячие головы в среде офицерства. 15 марта 1918 г. IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор, который многие офицеры и генералы называли «похабным» и «грабительским». Уйдя с театров Первой мировой войны, Россия окончательно погрязла в войне Гражданской. Генерал Васильев вместе с советским правительством и Генштабом ввиду захвата немцами Пскова и Нарвы и угрозы взятия Петрограда переехал из Питера в Москву. Сергей остался на съемной квартире в Питере и продолжил обучение в броневтомобильной школе. В Москву к семье он вырывался редко, во время кратковременных отпусков.

На юге шла Гражданская война, и станица Крымская переходила из рук в руки — то к белым, то к красным, то к анархистам, то к гайдамакам и прочим разномастным отрядам со своими идеями и лозунгами. В этом огне беспощадной борьбы декрет Ленина не помог генералу. Имение было разграблено и сожжено. Семья уцелела, потому что жила в Москве. Раньше все казалось ясным: вот Россия, пусть революционная республика, а вот враг — тевтонцы, которых надо разбить. А после заключения Брестского мира все перемешалось в головах у миллионов россиян. Делегаты Учредительного собрания, которое открылось 18 января 1918 г., были выбраны еще до Октябрьской революции гласно и всей Россией. Они должны были определить судьбу страны на десятилетия вперед. Их решений ожидал весь русский народ, а большевики разогнали Учредительное собрание уже 19 января. Эсеры (кроме левого крыла), одна из ведущих партий, победивших на выборах в Учредительное собрание, после этих событий перешла в лагерь контрреволюции и начала открытую вооруженную борьбу с советской властью.

В ответ на белый террор (убийство в Питере Моисея Урицкого, тяжелое ранение Ленина) советская власть объявила красный террор. Под молот репрессий попал прежде всего 200-тысячный офицерский корпус воинов-профессионалов, в большинстве своем еще пытавшихся не принимать участие в смуте, охватившей страну. В начале 1919 г. начались проверки, увольнения, задержания в Генштабе Советской России. Тогда отец послал надежного офицера в Питер, и тот вручил Сергею письмо, а с ним и пакет документов. В них лежали исправленные метрики: год рождения сына, сословная принадлежность, место рождения, фамилия и имя отца сохранены, а отчество изменено. По новым документам Сергей стал мещанином, обучающимся в Строгановском училище живописи, ваяния и зодчества на первом курсе. В письме отец советовал бросить учебу, покинуть квартиру и уехать в Пермь, где есть старые друзья и дальние родственники по линии матери. «Край спокойный, — писал отец в письме, — тихая провинция, и до нее почти не долетают революционные бури. Когда это смутное время кончится, ты, Сережа, приедешь в Москву и найдешь нас с матерью. Думаю, что волна красного террора нас не заденет. Меня сам Лев Троцкий на службу пригласил, а это сейчас дорогого стоит. Просто не посмеют арестовать, да и не за что. Родственники тебя приютят на первое время, друзья помогут устроиться на работу и начать жизнь по новым документам».

Это была последняя весточка от родителей. Они погибли в конце 1919 г. на юге России. После смерти Ленина главными противниками в борьбе за власть в верхних эшелонах партии выступили Лев Троцкий и Иосиф Сталин. Победил Сталин, и Троцкий был выслан из страны. Его соратники, сослуживцы, друзья, и живые, и мертвые, были стерты из официальной истории Страны Советов. Живые пошли в лагеря и тюрьмы и там в основном погибли. Дела и подвиги мертвых были старательно забыты. Среди последних был и генерал Александр Васильев, отец Сергея Васильева.

В феврале 1919 г. Сергей Васильев приехал в Пермь и по протекции друзей отца начал работать художником-декоратором в Пермском городском театре. Но уже в сен-

Сергей Александрович Васильев.

Снимок военных лет

тябре он был призван в РККА и до 1926 г. воевал на всех фронтах, а затем служил в различных гарнизонах. В 1926 г. в связи с большим сокращением в РККА и ее реорганизацией младший техник лейтенант Васильев демобилизовался и возвратился в Пермь. Ему уже было известно, что отец с матерью погибли на юге Кубани.

Из воспоминаний Васильева:

Новые метрики, гибель в горниле Гражданской войны семьи открыли передо мной новые горизонты. Нужно было только забыть и не выставлять свое (генное, многовековое) дворянское прошлое, что мне удавалось с трудом. Аристократизм так и лез из меня, как сорная трава на окраине городского тротуара. Я не мог и не хотел позволить себе опуститься до уровня «интеллекта первого поколения», как говорили про крестьян и рабочих, получающих среднее и высшее образование в стенах учебных заведений Советской России. Я не хотел скрывать свое с кровью родителей полученное генное воспитание. Поэтому мир армии (200-летняя стезя рода Васильевых, их родовой код) был для меня закрыт. Это грозило неизбежным разоблачением и гибелью. Нужно было искать такую нишу, где было меньше политики и больше искусства, и где мой аристократизм мог сойти

за шарм вольного художника. Тем более что в это время союзы и объединения поэтов, писателей и художников, освобожденные от догм и правил старого света, с энтузиазмом начали строить новую революционную культуру, поощряемую советской властью.

Долго я искал свою дорогу в бурлящей, кипящей молодой Советской России, в конце концов выбрал как род занятий код искусства (благо общим уровнем и культуры, и воспитанием был к этому подготовлен) и поступил учиться на архитектурный факультет Пермского политехникума. Искусство выше бытия и политической суеты и борьбы — думал я, глядя на набирающую силу волну репрессий. После окончания архитектурного факультета в 1929 г. я начал свою творческую деятельность в Пермском отделении института «Восток Гипромез». В 1931 г. меня перевели в город Свердловск на должность старшего архитектора Металлостройпроекта. А через три года откомандировали на строительство Камской ГЭС. Здесь я спроектировал и построил с нуля Камский хлебозавод. По решению правительства с июля 1935 г. стройка в КамГЭСа была законсервирована, и меня перевели в Москву архитектором во Всесоюзный трест Теапроектстроймонтаж. В столицу стекались лучшие архитекторы со всей страны. Была большая конкуренция, но я сумел влиться в коллектив всесоюзного треста и занял в нем свою нишу. Внезапно 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, и уже 28 июня Мытищинский райвоенкомат города Москвы призвал меня, техника, лейтенанта Васильева на военную службу.

Вот когдагодились тщательно скрываемые в мирное время военные знания бывшего юнкера и водителя бронемашин. В апреле 1944 г. старший лейтенант Сергей Александрович Васильев уже командовал танковой ротой, входившей в состав 19-го танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта И. Д. Васильева (однофамильца отца). Девятнадцатый танковый корпус принимал активное участие в освобождении Крыма от румын и немцев. Жаркие бои развернулись на участке наступления танкового корпуса в районе г. Инкермана на участке Ялта — Севастополь. Здесь фронт уперся в глухую оборону немцев и 9 апреля временно остановился. Сергей Васильев вспоминал:

На нейтральной полосе между немцами и нами в скалах находились Массандровские подземные хранилища вин. Ни немцы, ни мы в их сторону не стреляли, боясь в горячке сражения погубить жемчужные вина Массандры. Входы в хранилища хорошо просматривались в бинокли. Никаких постов немцев визуально мы не наблюдали. У меня в роте был отчаянный старшина Яша Швейдер, еврей по националь-

ности. Он, видя в нескольких километрах заветные Массандровские подземные хранилища, сам вызвался с тремя бойцами сгонять на полуторке в ночь с 9 на 10 апреля прямо к одному из входов. До этого он узнал у разведчиков, что на дорогах к складам немцы мины не ставили. И в 2 часа ночи (темная ночь, хоть глаз выколи!) Яша рванул на большой скорости к хранилищу по полевой дороге. Мы замерли. Шум удаляющегося мотора. Ни взрывов, ни выстрелов с той стороны. Прошло 10 минут. И тишина.

Позже Яша рассказывал, как он в складах с фрицами столкнулся. Подъехав к воротам складов (утопленных в скалах), он открыл двери и вместе с бойцами с автоматами наизготовку проник внутрь. Бесконечные тоннели-штольни скупо освещались ручными фонариками. На специальных стеллажах лежали ровными рядами ящики с винами. «Берите ящики и грузите в кузов машины», — приказал Швейдер бойцам, а сам пошел в глубину штольни, где слышался неясный шум, говор и тоже светились то ли свечи, то ли фонари. Пройдя метров 200, старшина свернул в боковой проход и почти вплотную столкнулся с немцами, которые сумели загнать внутрь складов свой «Opel Blitz» и грузили в него ящики с вином. Увидев внезапно появившегося из темноты русского солдата, они попытались схватить автоматы, которые беспечно были брошены на уже опустевшие стеллажи. Яков, неплохо владевший немецким языком, спокойно приказал им не двигаться, и разойтись в подвалах мирно. «Я не стреляю, и вы не поднимаете шум, и все мы будем живы. А чтобы вы не наделали глупостей, я оружие заберу». С этими словами он схватил автоматы и медленно отступая, скрылся в темноте. За поворотом он затаился, и приготовился к отражению предполагаемой погони. Но немцы, ошеломленные его внезапным появлением и таким же исчезновением, не стали преследовать «русского Ивана», а постарались сами быстрее убраться с этих жутких подвалов. Яша подошел к своим бойцам, когда они уже заканчивали погрузку ящиков с элитным вином в полуторку. «Быстро садимся и уезжаем!» скомандовал старшина. Завелся мотор, и почти одновременно в метрах 300–500, за холмом, заревел мотор «Opel Blitz». Две машины, наполненные драгоценной влагой, с большой скоростью уходили к своим позициям. Никто из участников этой рискованной операции не знал, будут ли они живы завтра, но сегодня все они были счастливы.

Сергей Васильев говорил, что бои за взятие Севастополя были страшные. Девятнадцатый танковый корпус 18 апреля подошел к последнему мощному оборонительному рубежу обороны — Сапун-горе. Поскольку с ходу взять город не удалось, корпус перекинули в район Балаклавы и 23 апреля ударили им оттуда, чтобы отрезать Севастополь от бухт к юго-западу от города. 7 мая в 10:30 началась атака Сапун-горы. Девять часов шел жестокий бой. 9 мая утром войска ворвались в Севастополь, и к вечеру город был взят. Весь Крым был освобожден всего за 35 дней жаркой весной 1944 г.

Гибли, сгорая живьем в танках, боевые друзья. Рота выходила из боев в ближайший тыл: заправиться, пополнить боекомплекты, похоронить убитых, отправить в госпиталь раненых. Надо было набрать в побитые экипажи танкистов из резерва и из пополнения вместо погибших и раненых друзей, отдохнуть и снова идти в этот ад. Жара стояла страшная, все горело на поле боя. От смрада разложившихся тел, от вида сгоревших заживо на наших глазах товарищей, которых мы вытаскивали из подбитых и еще дымящихся танков, на еду не смотрели без отвращения. Спасибо старшине Яше. Он все делал, чтобы как-то облегчить боевой быт и дух танковой роты. В ручьях, бегущих с гор, Яша притапливал ящики с Массандровским шампанским или марочным вином и, холодное, нес бойцам, распаленным, почти обезумевшим, только что вышедшим из очередного кровавого боя. И они пили его прямо у танков, вместо воды, приходили в себя, успокаивались, и только после этого в рот лезла приготовленная поваром еда.

Что удивительно, за месяц жарких во всех смыслах боев с немцами Сергей поправился на 16 килограммов. Он считал, что это произошло за счет Яшиных стараний и массандровских марочных вин, которые тот добыл для бойцов с риском для жизни.

Здание Свердловского монтажного техникума на ул. Декабристов, 83. 2022 г. Фотоархив Ю. Б. Доцкевича

Центральный стадион в Свердловске. 1965 г.

работал и руководителем группы, и главным архитектором отделения, а с 1956 г. — главным инженером проектов.

В 1947 г. С. А. Васильев проектировал реконструкцию и расширение здания бывшего женского епархиального училища для Свердловского строительного (а ныне монтажного) техникума на ул. Декабристов, 83. Техникум построен в стиле александровского классицизма. Здесь господствует дорический орден с его суровой простотой. Архитектор выстроил гладь стен третьего этажа, в которых выделил лишь окна, орнаментированные простым декором. И только на втором этаже, чтобы подчеркнуть торжественную красоту этой глады, он прервал ее горизонтальными линиями рустованных стен и вертикальными обрамлениями оконных проемов. Первый полуподвальный этаж держит все здание на мощном фундаменте и вообще лишен всяческого декора. Центральная часть здания, дорический портик его фасада с суровыми шестью колоннами и широким проемом между ними, выдвинут вперед и, как корабль, несет на себе основную смысловую нагрузку. Суровость стиля и минимум декора этого здания были своеобразным веянием сталинского стиля в архитектуре.

Архитектором Васильевым был спроектирован и построен Центральный стадион в Свердловске. Само строительство началось в 1953 г. Из воспоминаний архитектора Юрия Владимировича, работавшего исполнителем в архитектурной группе Сергея Александровича:

Он-то мне и представил замысел грандиозного сооружения. Как-то вечером повел меня на строительную площадку и с увлечением демонстрировал мне начало возведения гигантских по тогдашним представлениям металлических конструкций. <...> Он был удивительный по своему темпераменту. Очень добрый, влюбленный в архитектуру, прекрасный рисовальщик и несравненный рассказчик. Он пригласил меня сначала для разработки эскизов и рабочих чертежей интерьеров возводимой трибуны. По рассказам я уже знал, как начиналось строительство. Деревянную трибуну снесли. В центре будущего игрового поля воткнули лом, привязали к нему канат длиной в сто метров и как гигантским циркулем очертили круг. Вот граница того круга и являлась границей наружной стены трибуны. Сооружение сложное и многофункциональное, утолщенное несколькими этажами в центре, с понижающимися к концам крыльями. <...>

Вместимость предполагалось довести до 12 500 мест. Сложность профиля создавала необычную конфигурацию внутренних помещений.

Сергей Александрович прекрасно знал закономерности русского зодчества. В архитектурно-композиционном решении сооружения Васильевым были заложены, как ни покажется кому-то странным, мотивы Коломенской церкви, замечательного памятника, жемчужины русской архитектуры. <...> В послевоенное время в архитектуре широко применялись элементы пышного архитектурного декора. Такая была мода. Приходилось много

*Здание Научно-исследовательского института Уралмашзавода.
Архитектор С. А. Васильев. Свердловск, 1979 г.*

рисовать различной лепнины: капителей, сандриков, иоников, бус, арабесок, всевозможных шаблонов для карнизов. Поскольку все выполнялось в классических приемах, то пришлось вновь обратиться к классической литературе. Вновь и вновь изучал труды мастеров архитектуры: и Андриана Захарова, и Кваренги, и Стасова, и Росси, и Каме-рона, и, естественно, находившегося тогда на вершине славы Желтовского. <...> Монументальные общественные сооружения во многих городах СССР подчеркивали величие советской власти, ее незыблемость.

В конце 1956 г. закончилась эпопея строительства Центрального стадиона в Свердловске-Екатеринбурге, а вместе с тем и моего сотрудничества с Сергеем Александровичем Васильевым, замечательным человеком и архитектором².

С 1956 по 1962 г. Сергей Александрович много и плодотворно работал в Свердловском Союзе архитекторов, постоянно принимал участие во всех его мероприятиях и обсуждении работ. В эти годы по его проекту и под его авторским руководством был построен большой протяженности шестиэтажный лабораторно-производственный корпус Научно-исследовательского института Уралмаша на площади им. 1-й Пятилетки, а затем пятиэтажное здание сегодняшнего УралНИИпроект на пр. Ленина, 50а. Это был итог его архитектурного творчества.

Выйдя в декабре 1962 г. на пенсию, Сергей Васильев всего себя отдал изобразительному искусству, на которое раньше у него просто не было времени. В 1964 г. он поступил в художественную школу при Свердловском областном управлении культуры. Знаковый для города архитектор, знающий все об искусстве, вновь учился, повторяя азы рисунка и живописи, и на одни пятерки окончил школу в 1968 г. Диплом художник выполнил на тему «1941 год под Москвой». Работая над ним, Сергей вспоминал свою боевую молодость, когда вместе с друзьями-однополчанами он грудью защищал пригороды столицы от фашистов. После блестящего окончания художественной школы архитектора Васильева пригласили преподавать рисунок и живопись в этой же школе. И поэтому не удивительно, что моя встреча с художником

Здание проектной части института «УралпромстройНИИпроект» в Свердловске

Художественная школа при Свердловском областном управлении культуры. 2022 г. Фотоархив Ю. Б. Доцкевича

В. Акименко. Портрет Сергея Васильева. Начало 1970-х гг. Архив В. Акименко

произошла там и переросла в большую дружбу, которая прервалась только со смертью художника.

С 1968 по 1976 г. Сергей Васильев много рисовал в различных жанрах, разрабатывал новые методические пособия по рисунку, технике акварели. Где бы Сергей Александрович не находился, в его руках всегда присутствовали альбом и карандаш. Он был очень позитивным человеком и большим эрудитом во многих областях изобразительного искусства. Его познания в истории архитектуры, жанрах живописи, приемах работы в акварели и масле уникальны. Коллекция книг по искусству в его маленькой квартире была громадной. И все это богатство и эти знания он дарил щедрой рукой своим ученикам и мне в том числе.

Не стало Сергея Александровича 2 мая 1976 г. Но нам, его ученикам, и всем, кто с ним работал, жил с ним рядом, всегда будут напоминать о художнике архитектурные сооружения, спроектированные и построенные им или под его руководством. Похоронен Сергей Александрович Васильев на Ширококореченском кладбище Свердловска (Екатеринбурга). Светлая ему память!

Примечания

¹ Здесь и далее цитаты — из воспоминаний С. А. Васильева, хранящихся в архиве автора статьи.

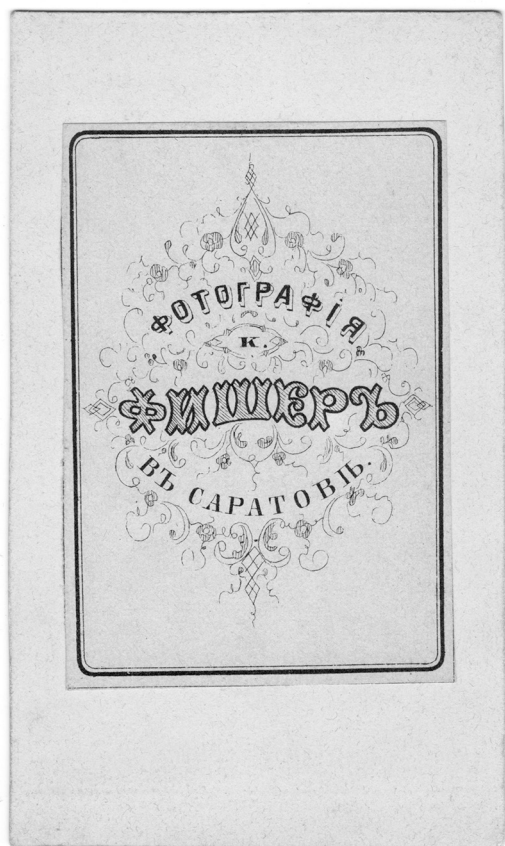
² *Владимирский Ю. А.* Как строился Центральный стадион // *Уральская старина* : лит.-краевед. зап. Вып. 6. Екатеринбург, 2004. С. 292–304.

КАРЛ АНДРЕЕВИЧ ФИШЕР: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ФОТОГРАФА

Карл Андреевич (Карл Август, Карл Августович) Фишер — один из самых успешных и известных российских фотографов конца XIX — начала XX в. И, безусловно, тот факт, что этот выдающийся фотограф и предприниматель начал свою профессиональную фотографическую деятельность в Оренбурге, составляет предмет особой гордости для жителей города. Интерес к фотографу и его работам в наши дни достаточно велик. Биографию Фишера не обходят стороной справочные издания, посвященные дореволюционным российским, в первую очередь московским и петербургским фотографам, а в Оренбурге в 2015 г. вышла великолепно изданная книга А. Е. Исковского «Карл Фишер: фотограф в Оренбурге».

И все же в достаточно хорошо изученной биографии этого известного фотографа находятся некоторые эпизоды, в которые исследователи ввиду отсутствия достоверной информации стараются не углубляться или ограничиваются стандартными, кочующими из издания в издание утверждениями, не обращая зачастую внимания на очевидные противоречия в приводимых фактах. Прежде всего это касается даты рождения и места начала профессиональной фотографической деятельности К. А. Фишера. Объясняется это крайне незначительным количеством выявленных достоверных источников, свидетельствующих о начальном периоде жизни фотографа и неверной трактовкой тех немногих фактов, на которые все же могут опираться исследователи. Но даже уже опубликованных материалов вполне достаточно, для того чтобы постараться снять хотя бы часть наиболее очевидных противоречий и внести некоторые новые штрихи в биографию К. А. Фишера.

Начнем с того, что в различных источниках указаны разные даты рождения Карла Андреевича. Без особых аргументов называются 1847 г. (А. Е. Исковский)¹, 1850 г. (Д. Титкин)², 1854 г. (Т. Н. Шипова)³ и 1859 г. (А. П. Попов)⁴. Последняя дата рождения также обозначена в свободной энциклопедии «Википедия»⁵. Возможно, заметив определенные хронологические несоответствия в биографии Фишера, авторитетный московский исследователь Т. Н. Шипова в одной из своих ранних работ осторожно отмечает даже не дату, в предположительный период рождения К. А. Фишера — 1850-е гг.⁶ Но позднее в своем капитальном обобщающем труде «Московские фотографы, 1839–1930: история московской фотографии» она уже более четко указывает на 1854 год рождения фотографа. Самарские исследователи В. Е. Кузнецов, С. Ф. Рудняев и В. В. Шеянов в трехтомнике «Фотографы и Самара: очерки истории фотографии в Самаре» совершенно справедливо отмечают, что из публикации в публикацию о раннем периоде деятельности К. А. Фишера повторяются одни и те же ошибки и неточности. Но далее, основываясь на том факте, что 28 ноября 1868 г. некий саксен-веймарский подданный Карл Фишер получил свидетельство на право открытия фотографии в Самаре, а также на положениях Гражданского уложения Российской империи, закрепляющих наступление дееспособности в полном объеме по достижении совершеннолетия, то есть 21 года, самарские авторы делают вывод, что датой рождения Фишера может быть дата не позднее 1847 г.⁷ При этом исследователи не учитывают, что до Самары фотографическое заведение Карла Фишера еще с 1863 г. работало в Саратове, а это, если исходить из предложенных аргументов, отодвигает дату рождения фотографа как минимум еще на пять лет назад.

К. Фишер. Неизвестные. Саратов. 1860-е гг.
Из коллекции автора

Между тем не вызывает сомнений тот факт, что свое первое фотографическое заведение Карл Фишер открыл в мае 1863 г. именно в Саратове. Первоначально фотоателье располагалось на ул. Царицынской в доме Эртеля («против телеграфа»)⁸. Позднее фотография переместилась на ул. Никольскую в дом лютеранской церкви.

Но вернемся к оценке различных версий года рождения Фишера. Если верна первая из предложенных исследователями дата рождения фотографа (1847), то ему к моменту открытия фотографии в Саратове было всего около 16 лет, если вторая (1850) — то 13 лет, а если верна третья версия (1854) — то только девять лет, ну и в четвертом случае (1859) — четыре года. Налицо очевидное хронологическое несоответствие в биографии К. А. Фишера, которое у современных исследователей не находит никакого объяснения.

О том, что интересующий нас Карл Фишер никак не мог открыть собственное фотоателье в Саратове в 1863 г., свидетельствует и тот факт, что в 1912 г. широко отмечался 40-летний юбилей профессиональной деятельности фотографа, и значит, сам Фишер свою фотографическую деятельность отсчитывал как минимум от 1872 г., то есть почти на десяток лет позже открытия фотографического заведения в Саратове и примерно через четыре года после получения официального разрешения на осуществление фотографической деятельности в Самаре. И наконец, в публикациях, посвященных в 1912 г. юбилею, неизменно указывалось на то, что свою собственную профессиональную деятельность он начал именно в Оренбурге.

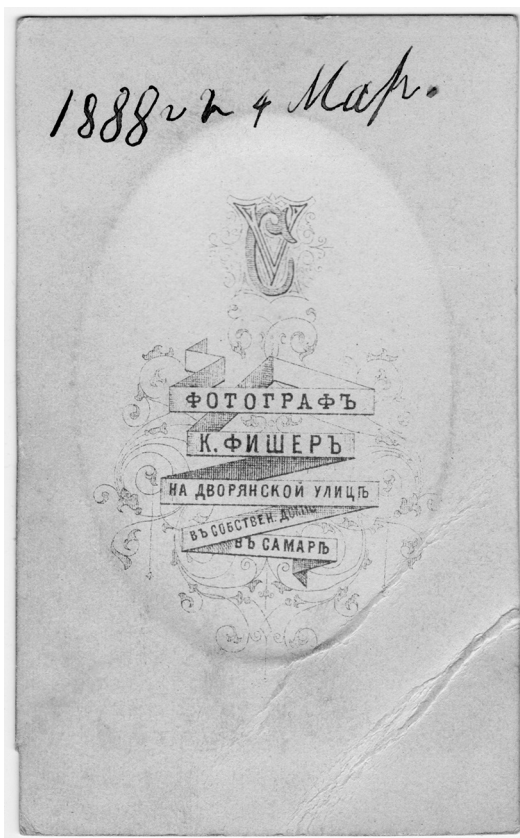
Несоответствия в приведенных фактах о начальном периоде жизни и профессиональной деятельности К. А. Фишера очевидны и требуют новых версий, объясняющих имеющуюся хронологическую путаницу.

Решить эту загадку биографии Карла Фишера может предположение, что владельцем фотографии в Саратове и Самаре был отец Карла Августа (или, на русский манер, Андреевича) Фишера — Карл Христиан (Христофор или Андрей) Фишер. Схожесть первых имен двух Фишеров вполне закономерно вводит исследователей в заблуждение. В двойных немецких именах нет отчества и в полном имени ребенка имена отца и матери чаще всего отсутствуют, но одно из имен ребенка может совпадать с одним из имен родителей. Формально главным именем является первое, но неофициально может использоваться любое из имен, которое постепенно становится глав-

ным в общении. В России второе имя немца ожидаемо преобразовывалось в отчество, при этом оно могло не иметь фактически никакого отношения к имени отца и трансформировалось на схожее по звучанию русское имя. В разных кругах могло использоваться как немецкое имя, так и его «русифицированная» версия. Без учета всех сложностей использования немецких имен несложно и запутаться. Так, А. Е. Исковский в своем исследовании, посвященном биографии и оренбургскому периоду творчества К. А. Фишера, первоначально называет его Карлом Христофором, ставшим впоследствии в «русской» транскрипции Карлом Андреевичем⁹. Это предположение не находит подтверждения. В дореволюционных изданиях если К. А. Фишера и именовали без «русской» транскрипции, то не иначе как Карл Август (Августович).

Исходя из сделанного предположения, проследим за тем, как дальше развивалась фотографическая деятельность семьи Фишеров. Осенью 1868 г. Фишер-старший продал свою фотографию в Саратове владельцам фотомагазина Эрнсту Горшу и Густаву Барту¹⁰. Вслед за этим семья Фишеров перебирается в Самару, где 26 ноября 1868 г. саксен-веймарский подданный Карл Христианович Фишер получает свидетельство № 5963 на открытие фотографического заведения¹¹. В 1870 г. среди действующих самарских фотографов упоминался опять же именно Карл Христианович Фишер¹². На оборотах паспорту фотографий, сделанных К. Х. Фишером в Самаре в первые годы своей работы, адрес фотографии не указан, и только в 1871 г. им было приобретено дворовое место на ул. Дворянской, включающее деревянный одноэтажный дом с мезонином, а также примыкающие к нему кухню и галерею-фотографию. Соответствующий адрес появился на паспорту его фотографий. Окончательно выкуплено это дворовое место было за 3400 руб., судя по всему, только в 1877 г., ставшем во многом судьбоносным для Карла Фишера-младшего.

Очевидно, что под влиянием отца-фотографа Карл Андреевич еще в юности увлекся и стал осваивать фотоискусство. Начало его профессиональной деятельности в качестве полноценного помощника отца как раз могло относиться к 1872 г., когда будущему известному фотографу было только около 14 (если он родился в 1859 г.) или 18 (если в 1854 г.) лет. Причем последняя версия смотрится предпочтительнее. Во всяком случае отмечаемое в 1912 г. 40-летие профессиональной деятельности К. А. Фишера свидетельствует именно об этом.

К. Фишер. Неизвестный. Самара. 1888 г.
Из коллекции автора

В течение пяти лет Фишер-младший набирался опыта и профессионального мастерства в заведении отца и к 1877 г. вполне мог задуматься о создании собственного заведения. Причем лучше всего это было сделать в другом городе, чтобы не создавать конкуренцию собственному отцу. В качестве такого места, где молодой фотограф мог бы приступить к самостоятельной фотографической деятельности, был выбран соседний Оренбург. Вероятно, выбору именно этого города способствовало открытие в том же году железнодорожной линии из Самары в Оренбург, что значительно облегчало коммуникацию между ними.

Отметим, что при получении разрешения на открытие фотографии в Оренбурге Карл Фишер именуется уже как прусский (или германский) подданный, что опять же, пусть и косвенно, свидетельствует о том, что это был не тот саксен-веймарский подданный Карл Фишер, что владел фотографиями в Саратове и Самаре. Дело в том, что герцогство Саксен-Веймар-Эйзенахское в своей политике, безусловно, поддерживало линию, проводимую Пруссией, и с 1866 г. входило в состав Северогерманского Союза, но формально к этому времени еще сохраняло свой суверенитет и систему подданства населения великому герцогу. Трудно найти причины, по которым живущий в России Карл Фишер-старший стал бы менять свое подданство. Еще более невероятным выглядит факт того, что оренбургские власти могли перепутать Пруссию с Саксен-Веймар-Эйзенахом. Таким образом, выдача разрешения на открытие фотосалона теперь уже прусскому подданному Карлу Фишеру свидетельствует в пользу того, что оренбургское фотоателье стало первым самостоятельным предприятием молодого фотографа. Остается без объяснения только вопрос, почему Карл Андреевич Фишер имел прусское подданство. Возможно, это связано с происхождением его матери, но точных данных на этот счет пока не выявлено.

Позднее дом в Самаре был продан. Но произошло это уже после того, как К. А. Фишер переехал из Оренбурга в Москву, то есть после 1888 г. Во всяком случае, известна фотография, сделанная К. Фишером-старшим в Самаре и датированная мартом 1888 г. Кстати, фамилия Карла Фишера-старшего на паспорту саратовского и самарского периодов его работы в латинской транскрипции обозначалась как «С. VISCHER», на оренбургских же фотографиях всегда значилось «С. FISCHER». Забегая вперед, можно отметить, что дата продажи дома в Самаре совпадает с датой переезда Фишера-младшего в Москву и подтверждает версию о том, что работу в успешном фотоателье сына продолжил переехавший в Оренбург отец — Фишер-старший, именованный теперь в некоторых источниках просто Христиан (или, на русский манер, Андрей)¹³. Таким образом, все фотографии, сделанные в ателье под вывеской «К. Фишер и К^о» после 1888 г., относятся именно к его авторству.

Но члены семьи Фишеров остались связаны с историей Самарской губернии. Так, брат К. А. Фишера — Роберт Андреевич — проживал в посаде Мелекесс, длительное время служил агентом страхового общества «Россия», избирался гласным Мелекесской посадской думы, в течение пяти лет (1907–1912) был начальником городской пожарной команды, владел в посаде гостиницей и рестораном, которые были построены в 1900 г. на углу Большой и Проломной улиц. Братья тесно общались. В начале XX в. Карл Андреевич даже выпустил набор открыток с видами Мелекесса, не забыв запечатлеть на одной из них и гостиницу своего брата¹⁴. Интересно, что позднее фототипия Фишера в Москве, выпускавшая большое количество открытых писем с видами городов России, никогда не выпускала открыток с видами Оренбурга. При этом оренбургские видовые фотографии Фишера использовались другими издателями, в частности имеющим в Оренбурге свой фотографический магазин М. А. Шаниным, но на самих открытках авторство фотографа никогда не указывалось.

Предположение о том, что в Саратове и Самаре владельцем фотографии был отец К. А. Фишера, позволяет несколько хронологически упорядочить начальный период биографии фотографа, но не дает окончательного ответа на вопрос о дате его рождения. В определенной степени помочь с ответом на этот вопрос могут имеющиеся датированные фотографические изображения самого К. А. Фишера. Если взглянуть на его фотопортреты, сделанные в 1896¹⁵ и 1900 гг., то мы увидим мужчину в возрасте около 40–45 лет, но не сильно старше. Таким образом, из приведенных в различных исследованиях дат более правдоподобно выглядят опять же версии рождения Фишера в 1854 или 1859 гг.

Ну и, наконец, год начала самостоятельной фотографической деятельности в Оренбурге также позволяет сделать определенные выводы о дате рождения Фишера. В 1877 г. ему могло быть либо 18 лет (если он родился в 1859 г.), либо 23 года (если год его рождения — 1854-й). По действовавшему в то время в Российской империи законодательству, человек допускался к управлению имуществом и заключению договоров с 17 лет с попечителем и с 21 года — уже без него. Но так как о попечительстве ни в одной из биографий фотографа не упоминается, более близкой к истине представляется версия о том, что годом рождения Фишера является 1854-й. Именно этот год, с учетом всех вышеприведенных доводов, мы предлагаем считать годом рождения Карла Андреевича Фишера.

Осенью 1877 г. К. А. Фишер переехал в Оренбург и арендовал на Николаевской улице левое крыло дома № 44, принадлежавшего саксонскому подданному А. Д. Фокеродту. 28 марта 1878 г. он получил разрешение оренбургского губернатора на открытие фотографического заведения¹⁶. Разумеется, он не был пионером фотографического дела в городе. Профессиональные фотосалоны здесь работали еще с 1864 г. Ко времени прибытия Фишера в Оренбург фотографические услуги в городе оказывались в заведениях Адольфа Федоровича Бухгольца, Алоизия Михайловича Брауна и Иосифа Зеббина. Но вскоре заведение Фишера осталось практически без конкурентов. Этому поспособствовал страшный городской пожар, случившийся 16 апреля 1879 г. Полностью сгорело фотоателье А. М. Брауна, и он был вынужден вернуться в Саратов. Скорее всего, пострадало и фотографическое заведение И. И. Зеббина, размещавшееся в соседнем с ателье Фишера деревянном доме, напротив Петропавловской церкви. В 1881 г. Зеббин переехал в Казань, а затем в Вятку. Примерно в этот же период перестало упоминаться как действующее и заведение А. Ф. Бухгольца. Фотография Фишера тоже сильно пострадала от огня, но молодому фотографу удалось восстановить заведение и до середины 1880-х гг. он оставался монополистом фотографического дела в Оренбурге.

Правда, в этот период в городе все же открывались новые фотографии, причем, как ни удивительно, их владельцами были исключительно женщины: жена подпоручика 1-го Оренбургского линейного батальона Юлия Иванова (разрешение получено в октябре 1880), Сергиевская купеческая дочь Наталья Борисовна Баус (Баусова) (январь

Неизвестный автор. К. А. Фишер.
Москва, 1896 г.

Неизвестный автор. К. А. Фишер.
Москва, 1900 г.

*К. А. Фишер. Неизвестные.
Оренбург, 1870-е гг. Из коллекции автора*

В Оренбурге К. А. Фишер не только занимался бытовой портретной фотографией, но и снимал виды города и его окрестностей. Здесь же Фишером была создана большая этнографическая коллекция фотографий, принесящая ему первую всероссийскую известность.

Идея создания этнографической коллекции возникла у Фишера вскоре после переезда в Оренбург, где он познакомился с ученым и писателем Филиппом Диомидовичем Нефедовым. Будучи членом Московского Императорского общества любителей естествознания, этнографии и антропологии, Ф. Д. Нефедов еще в 1876 г. начал проводить свои исследования в Южном Приуралье, где занимался раскопками древних захоронений и сбором этнографических материалов¹⁷. От ученого К. А. Фишер получил заказ на создание фотографической коллекции этнических типов Оренбургского края. Увлечшись этой задачей, Фишер выезжал на натуральные съемки в башкирские селения, фотографировал казахов, сартов, хивинцев и бухарцев, торгующих на меновом дворе. Была проделана большая работа, но закончить ее помешал упоминавшийся уже пожар 1879 г. Огнем были уничтожены все сделанные фотопластины. Фишеру пришлось восстанавливать свое фотоателье и заново начинать всю работу по созданию этнографической коллекции¹⁸. Снова пришлось выезжать в места проживания казахов и башкир. Так, например, как минимум некоторые антропологические фотографии казахов были сделаны Фишером в Илецком уезде Оренбургской губернии¹⁹. После возвращения из экспедиции в Башкирию фотограф сообщал в рекламном объявлении в газете «Оренбургский листок», что в его ателье имеются в продаже типы, виды и сцены из жизни башкир и киргизов, а также виды Илецкой Защиты, Илецкого лечебного заведения с соляными грязями и кумысом и виды г. Оренбурга.

Завершить работу по формированию этнографической коллекции удалось только к 1882 г., но еще до этого, в марте 1881 г., Ф. Д. Нефедов был арестован по делу А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Проведя несколько месяцев в заключении, он был выпущен на свободу под полицейский надзор и продолжил свою литературную деятельность. Во многом благодаря его поддержке К. А. Фишеру удалось добиться в дальнейшем общероссийской известности и признания. В соответствии с имеющи-

1882), вдова унтер-офицера Наталья Бредова (апрель 1883) и дочь чиновника Анна Богатырева (март 1884). Но они не смогли закрепиться на рынке фотографических услуг, и их заведения не задержались надолго. Также непродолжительное время в городе проработал в 1884 г. мещанин г. Нолинска Вятской губернии Яков Викторович Порошин. Никаких следов деятельности всех этих фотографов до наших дней не дошло или, по крайней мере, пока не выявлено. И только в 1885 г. в Оренбурге появилась новая постоянная фотография неклассного художника дворянина Григория Николаевича Оже, который смог задержаться в городе надолго и составил достойную конкуренцию фотографии Фишера. Но все же до самого отъезда Фишера в Москву у его заведения в Оренбурге больше не было стабильно работающих конкурентов, а появляющиеся в 1885–1888 гг. новые фотографы по неизвестным причинам достаточно быстро город покидали, перебираясь в другие места: Константин Телегин — в Джаркент Семиречинской области, Арсений Никонорович Андреев — в Пермь, Денис Николаевич Бутаев — в Москву, Иван Александрович Долобовский — в Самару, Дмитрий Сергеевич Бегаев — в Троицк.

мися ранее договоренностями Фишер выслал Нефедову в Москву сделанные этнографические фотографии, за что получил свою первую награду — золотую медаль Императорского общества любителей естествознания с формулировкой «За художественное исполнение работ и за весьма важное значение их для этнографии и антропологии вообще».

Окрыленный первым успехом, К. А. Фишер решил направить свои работы на Всероссийскую промышленно-художественную выставку 1882 г. в Москве. Представленная на конкурс коллекция была предварительно одобрена комиссией по отбору экспонатов, которую возглавил секретарь Оренбургского губернского статистического комитета П. Н. Распопов. Комиссией были отобраны фотографии Фишера, запечатлевшие этнографические типы башкирского и казахского населения. Помимо этого на конкурс были направлены снимки снежных заносов на Оренбургской железной дороге, а также виды Оренбурга. Но отправленные по почте фотографии с опозданием прибыли на выставку и не были своевременно оценены экспертами²⁰. Благодаря посредничеству Ф. Д. Нефедова они все же были включены в фотографический отдел выставки, получив в итоге «лестный отзыв» в газете «Всероссийская выставка»²¹.

В дальнейшем К. А. Фишер продолжал пополнять свою этнографическую коллекцию. В 1912 г., когда торжественно отмечалось 40-летие профессиональной фотографической деятельности и 25-летие работы К. А. Фишера в Москве, в журнале «Вестник фотографии», в частности, отмечалось, что эта коллекция типов инородцев содержит «около 1000 съемок башкир и киргизов от 5-летнего до старческого возраста и представляет большой этнографический и антропологический интерес»²². Сама этнографическая коллекция была преподнесена фотографом в дар московскому Политехническому музею, где передана в распоряжение профессора Д. Н. Анучина²³.

Помимо этнографии К. А. Фишер проявлял большой интерес и к историческому прошлому Оренбургского края. Способствовало этому опять же знакомство с Ф. Д. Нефедовым. В 1884 г. вместе с ним Фишер производил раскопки на курганном могильнике Пчельник²⁴ (на правом берегу р. Илек, ныне в Соль-Илецком районе Оренбургской области). Журнал раскопок впоследствии был опубликован Нефедовым в «Известиях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии»²⁵. На могильнике были раскопаны 32 кургана из 60 выявленных, но где хранятся полевые материалы этих раскопок, к сожалению, до сих пор не выяснено²⁶. Позднее свою археологическую коллекцию Фишер передал в московский Исторический музей. Интересно, что в 1901 г. Карл Андреевич был избран в состав Оренбургской ученой археологической комиссии²⁷.

В 1884 г. К. А. Фишер совместно с Николаем Карповичем Клячко стал владельцем торгового дома в Москве по продаже фотографических принадлежностей (ул. Рождественка, дом Торлецкого). С этого времени он фактически стал жить на два города.

В 1887 г. К. А. Фишер окончательно перебрался из Оренбурга в Москву, где у вдовы бывшего владельца приобрел «Придворную фотографию И. Дьяговченко» (на

К. А. Фишер. Башкирская девушка. Оренбург, 1870-е гг. На лицевой стороне подпись на французском: *Barone de Baye 1896 fille baskkir* (Барон де Бай 1896 башкирская девушка Оренбург). Вероятнее всего, фотография из этнографической серии К. А. Фишера была подарена французскому путешественнику во время его пребывания в Оренбурге в 1896 г.
Из коллекции автора

К. А. Фишер. Елена Робертовна Нестерова (урожденная Мазинг) с детьми²⁸. Оренбург, 1890-е гг. Из коллекции автора

К. А. Фишер. Николай Иванович Данилов, управляющий Оренбургским отделением Волжско-Камского коммерческого банка. Оренбург, 1895 г. Из коллекции автора

Кузнецком мосту, в доме Тверского архиерейского подворья) с условием сохранения в названии фирмы имени прежнего владельца. Проживал он в доме Свадковского в Волхонском переулке (с 1908 г. — в собственном доме на ул. Лесной, 26).

Фотоателье в Оренбурге продолжало работать под вывеской «К. Фишер и К^о», хотя имеются отрывочные сведения о том, что формально его владельцем числился уже некто А. Стребенецкий. Но данный факт опять же пока не находит документального подтверждения.

Заведовал фотоателье в Оренбурге, как уже отмечалось, перебравшийся из Самары отец Христиан (Андрей) Фишер-старший. Несмотря на смену фотографа, заведение не утратило своей популярности и качества выполняемых работ. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней фотографии того периода, которые, как и прежде, отличаются высоким художественным и техническим мастерством.

Позднее К. А. Фишер неоднократно посещал Оренбург. Так, 27 июля 1891 г., находясь в Оренбурге, К. А. Фишер был удостоен приема у цесаревича Николая Александровича, который посетил город в ходе своего путешествия, возвращаясь из Японии. Наследнику престола были преподнесены два альбома с 12 фотографиями, иллюстрирующими посещение 19 мая 1891 г. императорской четой Москвы, фотографиями с видами Оренбурга и его окрестностей, а также этническими типами губернии. В ответ на память от Николая Александровича К. А. Фишер получил драгоценный перстень с вензелем Его Высочества²⁹. Такой чести были удостоены всего 13 человек, начиная с вице-губернатора, и из них только Фишер не относился к чиновничеству.

О том, что и позднее фотограф возвращался в Оренбург, свидетельствуют серия фотографий, сделанных в Илецкой Защите и непосредственно на соляном промысле ориентировочно в 1892 г., и виды Оренбурга, выполненные в 1896 г. Известна фотография за авторством К. А. Фишера, сделанная примерно в тот же период на Михайловском конном заводе под Оренбургом.

Вечером 4 марта 1895 г. из-за возгорания сажи в трубе в фотоателье К. А. Фишера произошёл пожар. При тушении огня пожарным пришлось разобрать часть железной крыши над мастерской и пробить потолок для очистки трубы от скопившейся сажи. Общий убыток фотоателье составил 200 руб.³⁰

7 мая 1898 г. скончался Христиан (Андрей) Фишер, и его сын прибыл в Оренбург на похороны. Желая сохранить фотоателье, он известил жителей города через объявление в газете, что фотография не будет закрыта, и до прибытия из Москвы помощника он сам будет производить съемки. Впоследствии фотографическое заведение было передано московскому сотруднику К. А. Фишера Павлу Дмитриевичу Балашову, который получил разрешение на фотографические работы в Оренбурге в ноябре 1898 г. Но К. А. Фишер по-прежнему сохранял свои контакты с Оренбургом и приезжал в этот город. Так, в приложении к первому номеру журнала «Фотографическое обозрение» за 1899 г. был опубликован снимок Фишера «Степной смерч», сделанный 10 августа 1899 г. близ Оренбурга, на р. Урал. Эта фотография была представлена в коллективной витрине Русского фотографического общества на Всемирной выставке в Париже 1900 г.³¹

Что касается помещения фотографии К. А. Фишера в Оренбурге, то П. Д. Балашов, к сожалению, совсем недолго оставался его владельцем. 20 августа 1900 г. в фотолаборатории произошел новый пожар, уничтоживший все оборудование и архив негативов. Сведений о том, что в огне пострадал сам фотограф, не имеется, но в том же году в качестве владелицы фотографии значилась уже, по-видимому, его жена — Анна Антоновна Балашова. Но и она недолго оставалась владелицей заведения. Предположительно с 1902 г. в бывшей фотографии К. А. Фишера в доме Фокеродта, восстановленной после пожара, размещалось фотоателье Мордуха Боруховича Фишмана.

Московский период жизни и творчества К. А. Фишера достаточно хорошо изучен. Поэтому позволительно не останавливаться более подробно на этом этапе жизненного пути известного российского фотографа. К очевидному коммерческому успеху фотографических и типографских предприятий Фишера в Москве и Санкт-Петербурге, широкому кругу знакомств и связей в творческих и власть имущих кругах можно добавить лишь то, что Фишер активно участвовал в общественной жизни. Он состоял в Московском фотографическом отделе Общества распространения технических знаний. С 1893 г. состоял членом Московского общества любителей художеств. Стоял у истоков создания в октябре 1894 г. Русского фотографического общества, был избран в первый состав его правления, а с 5 марта 1898 по ноябрь 1907 г. являлся председателем этого авторитетного объединения, переизбираясь на этот пост трижды. Ателье Фишера регулярно выполняло заказы Императорского Московского археологического общества по съемке археологических и реставрационных работ. Помимо фотографии у Фишера имелись и другие увлечения: известно, что в 1890-е гг. он был членом, а некоторое время даже председателем кружка велосипедистов. В 1905–1908 гг. состоял членом совета Московского отделения Русского общества деятелей печатного дела. Фототипией К. А. Фишера было издано большое количество каталогов и альбомов с фотографиями экспозиций музеев, артистов и театральных постановок, периодических художественных выставок, альбомов с видами городов. Издавались открытки с видами достопримечательностей Москвы и других городов России. Для любителей театрального искусства фототипия Фишера печатала открытки с портретами артистов императорских театров и сценами из спектаклей. И это далеко не полный перечень деятельности талантливого фотографа и предпринимателя.

Но все заслуги К. А. Фишера в одночасье были перечеркнуты после начала Первой мировой войны и распространения в России германофобии. 19 ноября 1914 г. императором было утверждено Положение Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений». Ситуация осложнилась, после того как появились частные слухи, что К. А. Фишер, оставаясь прусским подданным, участвовал в сборе денег на германский флот. По приказу Министерства Императорского Двора он был лишен званий. Дирекция Московских императорских театров предложила К. А. Фишеру убрать с вывески и бланков фотографий звание «фотограф Императорских театров». Артисты также «по патриотическим соображениям» отказались от его услуг. Решением членов литературно-художественного объединения Фишер был исключен из этой организации. В январе 1915 г. по настоянию министра Двора был расторгнут контракт на аренду фотографии Императорских театров в Петербурге. Официально в вину фотографу ставилось лишь то, что он являлся «германским подданным». Вследствие этого уже в феврале 1915 г. Фишер подал прошение о

принятии российского подданства. Но разрешение на это дано не было, а в мае 1915 г. в Москве случился немецкий погром, в результате которого фотографии на Кузнецком мосту и фототипия с мастерскими на ул. Лесной (дом № 24) были полностью разгромлены.

4 февраля 1916 г. Казенная палата, в соответствии с Положением Совета министров от 10 мая 1915 г. «О ликвидации торговых предприятий, принадлежащих неприятельским подданным», направила в Московский коммерческий суд список промышленных предприятий, принадлежащих подданным воюющих с Россией государств и подлежащих закрытию с 1 января 1916 г. Под вторым номером в этом списке значилась фотография германского подданного Карла Андреевича Фишера. Распорядительным заседанием Коммерческого суда 13 февраля 1916 г. было принято решение о ликвидации предприятия Фишера. 29 февраля того же года в Первом российском страховом обществе состоялась аукционная распродажа оставшегося после погрома черносотенцев имущества: 200 тыс. открытых писем, фотоаппаратов, художественных изделий. Все заведения К. А. Фишера прекратили свое существование. Помещение фотографии на Кузнецком мосту было отдано под аптеку, а оставшиеся после погрома вещи из бывшей фотографии заперты в двух комнатах³².

2 ноября 1916 г. в распоряжение Ликвидационного управления поступили обстановка и оборудование бывшей фотографии К. А. Фишера в Петрограде. Недвижимое владение К. А. Фишера на ул. Лесной еще 16 сентября 1915 г. было отдано в распоряжение госпиталя Красного Креста для размещения душевнобольных воинов. Впоследствии часть этих помещений была реквизирована и занята явочным порядком Потребительским обществом рабочих Всеобщей компании электричества, производящей работы по государственным оборонным заказам. Часть оборудования и вещей, оставшихся после погрома и хранившихся в бывшем доме Фишера на Лесной, поступили в распоряжение Ликвидационного управления лишь в середине 1917 г. Бухгалтерская экспертиза торговых книг предприятий Фишера была закончена только в августе 1918 г.³³ Но, разумеется, к этому времени деятельность ликвидаторов, ввиду исчезновения целой империи, потеряла всякое значение.

В 1923 г. дом Фишера на ул. Лесной, 24, где ранее располагались также фототипия и мастерская, был национализирован и передан в ведение Московского губернского СНХ. К этому же году относится и последнее упоминание о К. А. Фишере: он переснял имеющиеся у него фотографии А. Н. Островского и передал скульптору А. С. Голубкиной, которая участвовала в конкурсе на проект памятника драматургу.

Оренбургские краеведы сообщают, что в 1924 г. К. А. Фишер скончался и был похоронен на немецком Введенском кладбище. Но документально этот факт исследователями жизни и творчества К. А. Фишера пока не подтвержден.

Примечания

¹ *Исковский А. Е.* Карл Фишер: фотограф в Оренбурге. Оренбург, 2015. С. 10.

² Брянский автор Денис Титкин уверенно указывает на то, что «родился он (К. Фишер. — К. М.) в 1850 г. и в 1878 г. в Оренбурге в возрасте 28 лет начал свою профессиональную деятельность» (*Титкин Д.* Бежица времен Тенишевой по фотографиям Карла Фишера // *Брянская тема.* 2009. № 6 (23). URL: <http://tema32.ru/articles/2009/23/907/> (дата обращения: 02.04.2022)).

³ *Шипова Т. Н.* Московские фотографии, 1839–1930: история московской фотографии. М., 2012. С. 361.

⁴ *Потов А. П.* Российские фотографии (1839–1930) : слов.-справ. Коломна, 2013. Т. 2. С. 483.

⁵ Фишер, Карл Андреевич // Википедия — свободная энциклопедия : сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фишер,_Карл_Андреевич (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ *Шипова Т. Н.* Прусский подданный Карл Фишер // *Советское фото.* 1991. № 1. С. 38–39.

⁷ *Кузнецов В. Е., Рудняев С. Ф., Шеянов В. В.* Фотографы и Самара: очерки истории фотографии в Самаре. Самара, 2014. Кн. 1. С. 58–59.

⁸ Саратовский справочный листок. 1866. 16 янв.

⁹ *Исковский А. Е.* Указ. соч. С. 12.

¹⁰ Сафронов А. Ю., Максимов Е. К. Фотосалоны Саратовского края: каталог паспарту 1854–1917 гг. Саратов, 2003.

¹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 663. Л. 136 об.

¹² Кузнецов В. Е., Рудняев С. Ф., Шелянов В. В. Указ. соч. Кн. 1. С. 58.

¹³ Шпилова А. Загадочный Август Фокеродт // Живой Журнал. URL: <https://yatsanav.livejournal.com/25157.html> (дата обращения: 02.04.2022).

¹⁴ Мокеев А. Гостиница Фишера // Димитровград. 2015. 18 нояб.

¹⁵ Данная фотография К. А. Фишера была размещена во второй части альбома участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 г. (СПб., 1896. С. 9).

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 773. Л. 90.

¹⁷ Шукшинцев И. С. Филипп Диомидович Нефедов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 11. Оренбург, 1903. С. 109–113 ; Зобов Ю. С. Оренбургский край в творчестве Ф. Д. Нефедова // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования : сб. работ науч.-исслед. краевед. лаборатории ОГПУ. Вып. 2. Оренбург, 2003. С. 212–214. В 1898 г. Ф. Д. Нефедов был избран действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии.

¹⁸ Исковский А. Е. Браун, Фишер и другие фотомастера // Оренбургская неделя. 2013. 13 марта.

¹⁹ Место съемки указано на паспарту фотографий, которые впоследствии были переданы в подарок московскому Политехническому музею (Ефимова С. Г. Сухова А. В. Коллекции фотографических, изобразительных и скульптурных материалов в фондах Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова // Известия Института антропологии МГУ. Сер. Музейные коллекции. 2016. Вып. 1. С. 51–73).

²⁰ Экспозиты Фишера по этой причине даже не вошли в иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.

²¹ Исковский А. Е. Браун, Фишер и другие фотомастера ...

²² Шипова Т. Н. Московские фотографы, 1839–1930 ... С. 371.

²³ Коллекция этнографических фотографий, сделанных К. А. Фишером, была представлена в 1892 г. на первой Географической выставке, организованной по инициативе академика Д. Н. Анучина в рамках Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии. После выставки все фотографии были переданы в фонды Музея антропологии Московского университета. В настоящее время эта коллекция хранится в фондах Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

²⁴ Евгеньев А. А. К истории изучения средневековых кочевников Оренбургского Предуралья // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 109.

²⁵ Нефедов Ф. Д. Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г. в Тургайской области Ф. Д. Нефедовым и К. А. Фишером // Антропологическая выставка 1879 г. // Известия ОЛЕАЭ. 1886. Т. 49, вып. 3. С. 482–488.

²⁶ Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н. э.). Уфа, 2014. С. 86–87.

²⁷ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 295 ; Оренбургская ученая архивная комиссия. Протоколы заседаний за 1901–1907 гг. и отчет за 1907 г. Оренбург, 1909. С. 3, 8.

²⁸ В октябре 1895 г. глава семьи бухгалтер Оренбургского отделения Волжско-Камского коммерческого банка Павел Егорович Нестеров был переведен по службе в Екатеринбург, куда переехала вся семья. Старшая дочь Надежда в 1923 г. вышла замуж за известного уральского краеведа и библиографа Андрея Андреевича Анфиногенова (Сытников Ю., Злоказов Л. Екатеринбургская Терпсихора // Уральский следопыт. 1992. Сентябрь. С. 112–115).

²⁹ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. СПб. ; Лейпциг, 1897. Т. 3. С. 221, 224. Кстати, книга Э. Э. Ухтомского снабжена гравюрами, сделанными в том числе и с этнографической серии фотографий К. А. Фишера (см. с. 70–71).

³⁰ Шпилова А. Указ. соч.

³¹ Сабурова Т. Г. Русское фотографическое общество в Москве. 1894–1930. М., 2013. С. 13.

³² РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 3004. Л. 1–3.

³³ Там же. Л. 9, 15, 17, 20–21 ; Д. 3006. Л. 2.

«БЕЖАВШИЙ ИЗ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО ПЛЕНА»: КАЗАЧЬИ СУДЬБЫ

Недавно я ознакомилась с монографией «Другой военный опыт: русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922)» историка О. С. Нагорной¹. Новизна исследования выражается в пересмотре сложившихся в отечественной исторической науке и общественном сознании стереотипов о немецкой системе лагерей². Массив новой информации о положении российских военнопленных впечатляет, но возникает странное «послевкусие».

Согласно немецкой статистике, в ходе войны в Германии оказалось 1 420 479 русских солдат и 14 050 офицеров³. Количество без вести пропавших и пленных по казачьим войскам составляло 6763 человека. В ОКВ таких было 770 казаков и офицеров⁴.

В 1899 г. по инициативе российского императора Николая II была созвана I Гагская мирная конференция, на II Гагской конференции в 1907 г. были приняты международные конвенции, ставшие основой комплекса норм международного права. В «Положении о законах и обычаях сухопутной войны» в ст. 4 гл. 2 «О военнопленных» указано следующее: «Военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью»⁵. Но в реальности нормы международного права часто не соблюдались, о чем свидетельствуют примеры с участием казаков.

По данным Чрезвычайной следственной комиссии «Об обращении германцев и австро-венгерцев с русскими военнопленными», «12 августа 1914 г. утром в Галиции, расположившийся в местечке Монастыржинск обоз 2-го казачьего полка подвергся внезапному нападению со стороны австрийцев, причем в плен были взяты полковой ветеринарный врач Голиков, его денщик-казак Крыгин и один фельдшер; по присоединению к ним еще 4 захваченных австрийцами в другом месте казаков, всех их связали по двое и отправили в тыл; когда начало темнеть, конвойные австрийцы приказали пленным сойти с дороги, дали по ним с расстояния около пяти сажень залп, и когда пленные упали, и отобрав у них все ценное, произвели по лежащим еще несколько выстрелов из револьверов, после чего удалились. За исключением Крыгина, все остальные пленные были убиты; как впоследствии выяснилось, смерть врача Голикова была ускорена тем, что наткнувшийся на расстрелянных патруль из 5 австрийских гусар направил своих лошадей на лежащего на земле Голикова и растоптал его»⁶. В материалах комиссии встречаются свидетельства особой жестокости по отношению к пленным казакам: «2 мая 1915 года германцами был захвачен в плен казак Иван Пичуев; ввиду отказа его дать сведения о численности русских войск Пичуев был подвешен германцами: сначала за руки, а потом головою вниз за ноги; затем германский офицер при содействии солдата надрезал Пичуеву правое ухо, отрезал часть левого, а на правом бедре вырезал четыре продольных параллельных борозды в виде двух лампасов; 3 мая вечером Пичуеву удалось бежать и добраться до русских, после чего 7 мая в присутствии полковника Иллимойской национальной гвардии Роберта Кормижеля и пленного германского офицера Теодора Ралбе он был освидетельствован врачом»⁷.

В период доставки от места пленения в концентрационные лагеря факты произвола и военных преступлений по отношению к пленным были не единичны: «Очевидцами истязания казаков были также рядовые 93-го пехотного Иркутского полка Федоров и л[ейб-]гв[ардии] Кексгольмского полка Музыка: первый показал, что в Нестербурге на его глазах германские солдаты на перевязочном пункте всячески глумились над двумя ранеными казаками, которых и добились палками и прикладами; по словам Музыки, немецкие солдаты, подойдя к лежавшему на земле в ожидании перевязки тяжело раненому казаку, стали требовать от него, чтобы он встал и показал им “казацкий вид”. Когда обессиленный раненый не смог подняться, немцы со смехом стали бить его кулаками и топтать ногами, причем “забили его до смерти”»⁸.

Оказывается, данные факты ставятся под сомнение. Из монографии О. С. Нагорной: «Свидетельства, в том числе визуальные, о зверствах противника по отношению к безоружным пленным активно формировались (подчеркнуто мной. — Л. Н.) и использовались русской пропагандой в целях предотвращения сдачи солдат в плен и нагнетания отрицательного представления о враге»⁹. Историк приводит объяснение особой жестокости к казакам: «Сформированные предвоенной агитацией образы русских в качестве врага усугубились в ходе оккупаций Восточной Пруссии. Известия о “зверствах русских армий”, особенно казачьих частей, наложились на хорошо подготовленную почву и обросли невероятными подробностями»¹⁰.

В фонде Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова хранится 12-листовая тетрадка с рукописными воспоминаниями казака Г. И. Просвинова, трижды бежавшего из австрийского плена. Служил он в 30-м Донском казачьем полку, попал в плен при атаке 24 августа 1914 г. «Очнулся в стоделе (сарай, навес для скота. — Л. Н.) среди раненых австрийцев, те принялись меня пытаться. Потом, после нескольких допросов меня отправили в Краков. Спрашивали, сколько у вас казачьих полков, сколько в России казачьего войска. Я отвечал, что я неграмотный, и кроме своего полка я ничего не знаю. Меня вынуждены были поместить в лазарет, но там трижды били раненые австрийские гусары, мстя за поражение под Яновом. Через некоторое время меня перевели в лагерь военнопленных при городе Эстергом. Попал в кавалерийский барак, где было человек 300. Под усиленным контролем мы коротали свою жизнь. Содержание и приют были неудовлетворительны. Неустанно сверлила голову мысль: бежать и бежать на свою далекую родимую Русь...»¹¹

Позиция О. С. Нагорной: «Высокий уровень адаптивности (к плену. — Л. Н.) рядовых царской армии иллюстрируется на примере образцов поведения, сложившихся еще до попадания к противнику. Их основой стала развернутая русским военным командованием пропагандистская кампания, направленная на ужесточение образа врага и создание негативных представлений об условиях плена. Под ее влиянием казаки, с которыми, по представлению прессы, противник обходился особенно жестоко, в случае неминуемой или планируемой сдачи остригали чубы и срывали лампасы¹², чтобы избежать издевательств и расстрела»¹³. Ниже сноска: «Немецкие ведомственные источники не содержат упоминания о жестоком обращении с казаками...»

О системе дисциплинарных наказаний в лагере при Альтенграбове¹⁴ в Германии: «Наряду с битьем пленных хлыстами и палками, их заставляли подолгу сидеть на “корточках” с поднятыми вверх руками, сажали в карцер и привязывали на 2–4 часа таким образом, что ноги пленного не касались земли; последнее наказание было очень мучительно, и бывали случаи, когда подвергшихся этому наказанию приходилось на руках уносить в бараки, у наказанного из рта и ушей шла кровь и они лишались сознания; особенно тяжело приходилось тем пленным, которые подвергались привязыванию к столбу за руки при сильном морозе: руки у наказанного начинали быстро обмерзать, и было несколько случаев, когда вследствие полного отмораживания их пришлось потом ампутировать»¹⁵.

Из монографии: «В средствах массовой информации пленные старательно культивировали ореол мученичества (подчеркнуто мной. — Л. Н.), которым их наградила пропаганда, и преувеличивали масштаб “немецких зверств” в лагерях. Представители казачьих формирований, которым удалось совершить побег из плена, охотно подтверждали особо жестокое обращение немцев к их частям и активно поддерживали распространенное в обществе мнение о своем героизме, свободолюбии и исключительной верности царю»¹⁶.

Для сравнения: согласно «Положению о военнопленных», утвержденному Николаем II, полагалось «обращаться с военнопленными человеколюбиво, как с законными защитниками своего Отечества, а приказы по военному ведомству запрещали применение физических наказаний. Наибольшая мера ответственности — 30 суток ареста — следовала за попытку побега»¹⁷. Офицеры получали годовое денежное довольствие, им разрешалось проживать на квартирах и в частных домах. Солдаты в плену питались по нормам, установленным для нижних чинов Русской императорской армии, в условиях военного времени привлекались к выполнению общественных и казенных работ¹⁸.

При изучении документов ОГАЧО по истории станицы Великопетровской обнаружилось, что упоминания о казаках, вернувшихся из немецкого и австрийского плена, единичны. Так, в послужном списке казака Александра Нефедовича Рогожникова, 1883 г. р., об этом сказано лишь следующее: «Попал в плен в Ново-Георгиевской крепости 1915 августа 6. Прибыл из плена на родину 1919 февраля 8»¹⁹. На обстоятельства пленения казака указывает дата. 6 августа 1915 г. комендант крепости генерал от кавалерии Н. П. Бобырь на десятый день осады отдал приказ о сдаче противнику крепости, которая прикрывала все переправы через Неман²⁰. В плен попали 83 тыс. человек. Летняя кампания 1915 г. была тяжелой для России: оставлена Польша, Литва. 23 августа 1915 г. полномочия Верховного Главнокомандующего возложил на себя император Николай II, началось поразившее современников «воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году...»²¹

Все казаки давали присягу на верность службе, обещая «верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...»²² Приведем фрагмент из воспоминаний о проходах толстинских²³ казаков с упоминанием Андриана Лежанина: «Он подошел к моей матери, трижды ей в пояс поклонился, сказал: “Прости меня, Фекла Васильевна, если я когда-нибудь Вам нагрубил. Ведь я иду на поле брани”. Вообще он никогда и никому не грубил. Мама сказала: “Что ты, Андрияша. Бог тебя простит и сохранит. Возвращайся домой живым и здоровым”»²⁴. Возможно, вместе с ним уходил на войну поселочник Александр Яковлевич Бетехтин, 1888 г. р., о судьбе которого речь далее.

В «Именном списке потерь № 7 нижних чинов 9-го казачьего имени Атамана Падурова полка»²⁵ в период с 1 по 31 июля 1915 г. упоминаются 35 казаков, среди которых не только убитые и раненые, но и пропавшие без вести. Под № 33: «Афанасьев Кузьма Петрович, православный, женат, Оренбургской губернии, Верхнеуральского уезда, Велико-Петровской станицы, пос. Парижского, пропал без вести 6 июля у дер. Джара»²⁶. Подобное в № 34 и 35: Бетехтин Александр Яковлевич, пос. Толстинского, пропал без вести 6 июля у дер. Джара; Попов Семен Сергеевич, Велико-Петровского поселка, пропал без вести 6 июля у дер. Джара²⁷. Документ о потерях подписан: «За командира полка войсковой старшина Свиридов. Полковой адъютант сотник Рышков»²⁸. Деревня Джара (встречается также написание «Джарки», «Джарка»²⁹) находится на берегу р. Западный Буг. Следует заметить, что именно по Бугу проходила граница между Россией и Австрией, сейчас здесь граница Украины и Польши. «6 июля противник прорвал фронт 16-й кавалерийской дивизии у с. Джарки и появился на фланге в тылу полка, переправляясь через Буг»³⁰. Интересно, что в это же время в окрестностях Джарки находился поэт Николай Гумилев в составе лейб-гвардии Уланского полка, а 6 июля 1915 г. он считал «самым знаменательным днем в своей жизни»: за участие в тяжелом ночном бою в районе дер. Заболоце и Джары он был представлен ко второму Георгиевскому кресту³¹.

Сведений о нахождении в плену наших оренбургских казаков нет, но (редкий случай!) два казака упоминаются как «убежавшие из плена» в двух источниках. Из дневника императора Николая II (1917): «2 февраля. Сретение Господне. Утром был Борис с раненым прапорщиком Массальским, потерявшим зрение, и двумя казаками, убежавшими из плена...»³² Событие отражено еще в одном документе: «При представлении ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ походным атаманом при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ великим князем БОРИСОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ 2-го февраля 1917 года, в Александровском дворце, в Царском Селе, двух бежавших из плена казаков, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было лично пожаловать одному из них (нижепоименованному) Георгиевский крест 4-й степени за № 109819³³ — 9-го Оренбургского казачьего полка

уряднику Александру Бетехтину (происходил он из казаков станицы Великопетровской. — Л. Н.). При награждении присутствовал флигель-адъютант Мордвинов»³⁴.

Заметим, что с начала 1916 г. до 2 марта 1917 г. в дневнике императора не было ни одной записи с упоминанием личного приема бежавших из плена. Вероятно, это был особый случай. Казаки, бежавшие из плена, могли быть награждены Георгиевскими медалями 4-й степени «За смелый побег», причем награда вручалась лично государем императором. Если при побеге были доставлены особо важные сведения или если побег был массовым, могли представить к Георгиевскому кресту. Какие важные сведения доставили казаки? Почему вместе с ними был принят слепой прапорщик? Может, они помогли ему бежать из плена? Почему из двух казаков награжден лишь один? Какова их дальнейшая судьба?

Из книги П. Н. Краснова узнаем: «...особенно много бежало казаков. Надо и то сказать, что с казаками в плену обращались строго. В австро-германской армии было убеждение, что казаки не дают пощады врагу, что они не берут пленных, и потому в лагерях мстили казакам. В казачьих частях плен, по традиции, считался не несчастьем, а позором, и поэтому даже раненые казаки старались убежать, чтобы смыть с себя позор плена»³⁵. Интересно, что по состоянию на 1 января 1917 г. пропавшими без вести в 9-м казачьем имени Атамана Падурова полку числилось всего семь казаков, в то же время казаками были захвачены пять офицеров и 1259 солдат противника³⁶.

В 1918 г. казаки массово возвращались домой с войны³⁷, возвращение же военнопленных продолжалось до 1922 г. 28 марта в рапорте окружному правлению старший писарь станицы Великопетровской запрашивал инструкции о порядке действий: «Кроме того, ранее прибывшим из германского и австрийского плена казакам давалась годовая льгота, но как видно из газет, прибывшим из плена дается 3-х месячная льгота, а потому как означенные пленные должны командироваться на службу по истечении льготы тот же час или об этом также будет особое указание»³⁸. Прибывающие из плена казаки наверняка удивлялись тому обстоятельству, что солдаты враждебных армий были на попечении их земляков. «Случалось, что жители отдельных территорий добровольно соглашались принять на содержание пленных, как, например, жители поселков Великопетровский, Анненский и Полтавский Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии»³⁹.

Интересно, что в метрической книге Петропавловской церкви станицы Великопетровской за 1918 г. упоминается казак Семен Сергеевич Попов, который был в числе пропавших без вести 6 июля 1915 г. и, возможно, именно он присутствовал вместе с казак А. Я. Бетехтиным на приеме у царя. Но это лишь предположение. Дальнейшая судьба казака А. Я. Бетехтина после 2 февраля 1917 г. пока неизвестна. Согласно метрическим данным, его отец Яков Михайлович Бетехтин был урядником⁴⁰. В 1908 г. Александр Яковлевич венчался с Евдокией Луканиной. Сведений о детях в метрических книгах Петропавловской церкви нет⁴¹. К георгиевским наградам были представлены его двоюродные братья из пос. Толстинского⁴² — Василий и Андрей Бетехины⁴³. Известно, что в 1926 г. представители семейства Бетехтиных были среди лишенных избирательного права как «нелояльно относившиеся к революционным правилам»⁴⁴.

...Судьбы многих казаков до сих пор неизвестны. Вернулся ли с войны Андрияша Лежанин или остался на «поле брани»⁴⁵? У него был свой «военный опыт».

Примечания

¹ *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010. 440 с.

² Работа написана в рамках исследовательского проекта № 437 «Военный опыт, война и общество в Новое время» (университет г. Тюбинген, Германия) и опубликована на средства, предоставленные Немецким исследовательским сообществом.

³ *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 185.

⁴ *Семенов В. Г.* Оренбургское казачье войско в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Оренбург, 2010. С. 197.

⁵ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года // Международный комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 16.07.2022).

⁶ Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 по 1 января 1916 г. Пг., 1916. Т. 1. С. 80–81.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 117.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ *Кочетов А. М.* Рвалась из плена казачья душа // Научно-культурологический журнал RELGA. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5612&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.07.2022).

¹² См. подобную сцену в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: «Григорий отбросил волосы, оглянулся. Степан, хромая, подбежал к кусту, швырнул в него казачью фуражку, сел, торопливо стягивая алевшие лампасами шаровары. Из-под бугра перебежали звенья немецкой цепи, и Григорий понял: хочет Степан жить — для того рвет с себя казачьи шаровары, чтобы сойти за солдата — казаков не брали тогда немцы в плен...»

¹³ *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 238.

¹⁴ В 1939 г. здесь будет открыт лагерь для военнопленных Шталаг-11А, в котором на 1 января 1945 г. содержалось 62 322 пленных, из них 22 258 русских. См.: Шталаг-11А/Stalag XIA в Альтенграбов/Altengrabow // Героико-патриотический форум России. URL: <http://voenspez.ru/index.php?topic=4382.0> (дата обращения: 16.07.2022).

¹⁵ *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 108.

¹⁶ Там же. С. 306.

¹⁷ *Кашин В. В.* Судьба иностранных военнопленных на примере Нижнетагильского завода Демидовых (по материалам Нижнетагильского городского исторического архива) // Гороховские чтения : материалы пятой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2014. С. 169.

¹⁸ См.: *Гизатулин Р. Н.* Троицк в годы войны // Южный Урал. Первая мировая война: к столетию со дня начала. Челябинск, 2014. С. 104–111.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 64. Л. 577.

²⁰ Крепость 1-го класса находилась в 30 км от Варшавы.

²¹ Цитируются слова Уинстона Черчилля из книги 1927 г.

²² Кавалерия : учебник для казака. СПб., 1911. С. 166.

²³ Поселок Толстинский основан в 1862 г., входил в состав станицы Великопетровской, ныне в Варненском районе Челябинской области.

²⁴ *Кобзов В. С.* Варна сквозь призму времен. Екатеринбург, 2013. С. 216.

²⁵ Документ предоставлен В. Г. Семеновым (Оренбург).

²⁶ РГВИА. Ф. 16196. Оп. 1. Д. 227244. Л. 183 об. — 184.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Сейчас с. Заставное Волынской области Украины.

³⁰ *Козлов Ю. Я., Семенов В. Г.* Оренбургские казаки на фронтах Первой мировой войны: историческая хроника с именованным списком потерь 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Челябинск, 2018. С. 47.

³¹ *Степанов Е. Е.* Поэт на войне. Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014. С. 157.

³² Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 1991. С. 622.

³³ Георгиевский крест № 109819 упоминается в справочнике С. Б. Патрикеева следующим образом: «Бетехтин Александр — 9-й Оренбургский казачьего атамана Падурова полк, урядник, награжден 2.02.1917 г. лично государем императором в Царской Ставке, в Александровском дворце, при представлении походным атаманом великим князем Борисом Владимировичем как бежавший из неприятельского плена». См.: *Патрикеев С. Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. IV ст. № 100001–200000. М., 2012. С. 94.

³⁴ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1914. Л. 104.

³⁵ *Краснов П. Н.* За Веру, Царя и Отечество: тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской российской армии. М., 2005. С. 77.

³⁶ *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Таналык: крепость, станица, село. Оренбург, 2015. С. 280.

³⁷ 3 марта 1918 г. Советское правительство заключило Брестский мир с Германией.

³⁸ ОГАЧО. Ф. П-354. Оп. 1. Д. 13. Л. 101 об.

³⁹ *Рязанский И. В.* Военнопленные на Южном Урале // Южный Урал. Первая мировая война ... С. 98.

⁴⁰ *Новожилова Л. А.* Метрические книги свидетельствуют... К истории Велико-Петровской станицы. Челябинск, 2016. С. 126.

⁴¹ Данные генеалога Г. А. Дружининой.

⁴² Факт родства подтвержден генеалогом Г. А. Дружининой по данным фонда И-226 ОГАЧО.

⁴³ *Бешенцев В. Г., Завершинский В. И., Козлов Ю. Я. и др.* Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Челябинск, 2015. С. 146.

⁴⁴ *Кобзов В. С.* Указ. соч. С. 214.

⁴⁵ Названного казака нет ни в списках награжденных, ни в списках потерь.

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ИЗ «ПОСЕМЕЙНОГО СПИСКА ЧЕЛЯБИНСКОГО МЕЩАНСКОГО СТАРОСТЫ» (1904–1918)

Цель данной статьи — представить ранее не опубликованные архивные документы из фонда И-6 ОГАЧО «Челябинский мещанский староста», отражающие как частную жизнь городских обывателей, так и общественный уклад Челябинска в 1904–1918 гг.

Поводом к изучению истории челябинских мещан стал поиск сведений по семейной родословной¹. На сословную принадлежность указали данные метрических книг. Так, Евдокия Васильева родилась 28 (крещена 29) июля 1907 г. Родители: «...челябинский мещанин Митрофан Прокопьев Васильев и законная жена его Мария Тимофеева, оба православные». Восприемники: «Челябинский мещанин Иван Евсеев Скребков и челябинская мещанская жена Христина Димитриева Голубева»². Таинство крещения совершил священник Петр Иванов³. К этому периоду относится старая фотография, на которой запечатлены родители — супруги Васильевы.

Понятие «мещане» появилось в законодательных актах Российской империи во времена Екатерины II. Согласно Манифесту 1785 г.⁴, мещанами назывались все городские обыватели, которые не имели имущества на общую сумму 500 руб. и поэтому не могли быть записаны в купечество. Они относились к податному сословию. Лишь в 1863 г. «нижний разряд городских обывателей» был освобожден от уплаты подушной подати, но одновременно с этим введен общий для всех налог с недвижимого имущества⁵.

Супруги Васильевы (сидят) с дочерью Татьяной
и зятем Иваном Скребковым. Челябинск.
Предположительно, 1907 г.
Из семейного архива Новожиловых

Мещане имели право на владение собственностью и занятие промыслами, ремеслом и мелкой торговлей, право на охрану законом личности, имущества, а также право на сословное самоуправление.

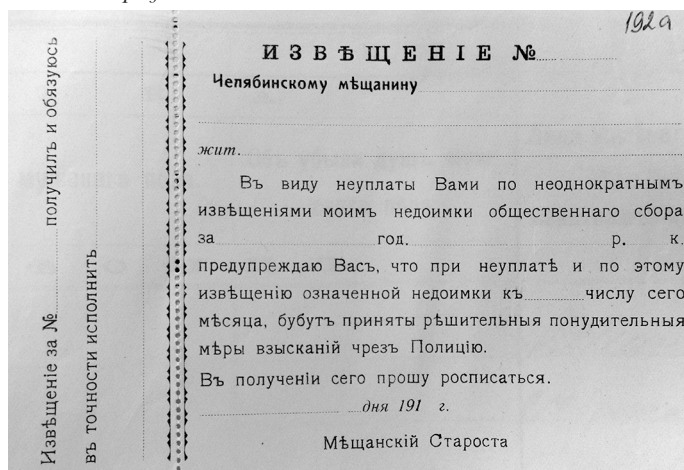
В ходе дальнейших архивных поисков были изучены посемейные списки мещан⁶. Их появление связано с эпохой великих реформ, в числе которых отмена рекрутской системы набора в армию, введение нового устава о воинской повинности (1874). 25 июня 1877 г. императором Александром II высочайше утверждено мнение Государственного Совета о замене ревизских сказок посемейными списками при составлении призывных списков лиц, рожденных после 10-й переписи. «Тогда как ревизские сказки преследовали главным образом фискальную цель, служа одновременно особыми актами для состояния городских и сельских обывателей, посемейным спискам наше законодательство дает совершенно дру-

Печать Градо-Челябинского Христорождественского собора. 1916 г. Из фонда ОГАЧО.
Фотография Л. А. Новожиловой. 2021 г.

Гербовая печать в паспорте с указанием срока действия. Из фонда ОГАЧО.
Фотография Л. А. Новожиловой. 2021 г.

Бланк «Извещения челябинскому мещанину». 1910-е гг.
Из фонда ОГАЧО. Фотография Л. А. Новожиловой. 2021 г.

В колонке о «Лицах женского пола, к семейству принадлежащих» указано: «Павел, жена Василиса Петрова», ее возраст «на 1 января того года, в котором посемейный список составлялся — 72 года»⁹.

У Ивана Семеновича Васильева данные о ревизской сказке отсутствуют, указана дата рождения по метрике — 1885, 16 сентября. Далее — сведения о поступлении и возвращении со службы: 1906–1910. Следовательно, призвали Ивана в возрасте 21 года, срок действительной военной службы — три года. Данные в графе «Об освобождении навсегда»: «в запасе с 1917»¹⁰. Надо сказать, что служба в запасе составляла 15 лет, из них семь лет в запасе 1-го разряда, остальное время — в запасе 2-го разряда.

Посемейный список, изначально оформленный в 1904 г., помимо указанной информации содержит заполненные бланки временных паспортов, удостоверения, справки из метрических книг и пр.

Среди отправителей — биржа труда, полицейские надзиратели, мобилизационный отдел управления железной дороги, командование воинских частей и лазаретов. Жандармское управление сообщало о лицах, стоящих на особом учете, получивших виды на жительство в других губерниях.

При отлучке мещане должны были получать «срочные» паспорта, выдача которых находилась в ведении мещанского старосты. Паспорта, выдаваемые, как правило, на срок не более одного года, имели нумерацию, содержали следующую информацию (согласно перечню): «1. Вероисповедание; 2. Время рождения или возраст; 3. Род занятий; 4. Стоит ли или состоял в браке; 5. Находится при нем (указаны члены семьи. — Л. Н.); 6. Отношение к отбыванию воинской повинности; 7. Подпись владельца паспорта».

При неграмотности предьявителя указывались его внешние данные: рост, цвет волос, особые приметы. Имелся пункт об отсрочке.

Заключительная формулировка в срочном паспорте выглядела так: «Оренбургской губернии гражданин из мещан ... уволен в разные города и селения Российской империи от нижеуказанного числа ... по ... Дан с приложением печати».

Мещанский староста контролировал сбор средств на нужды мещанского городского общества. Но сам факт типографского набора

бланков извещений о недоимках общественного сбора говорит о том, что должников было немало, им грозили «решительными побудительными мерами через полицию»¹¹.

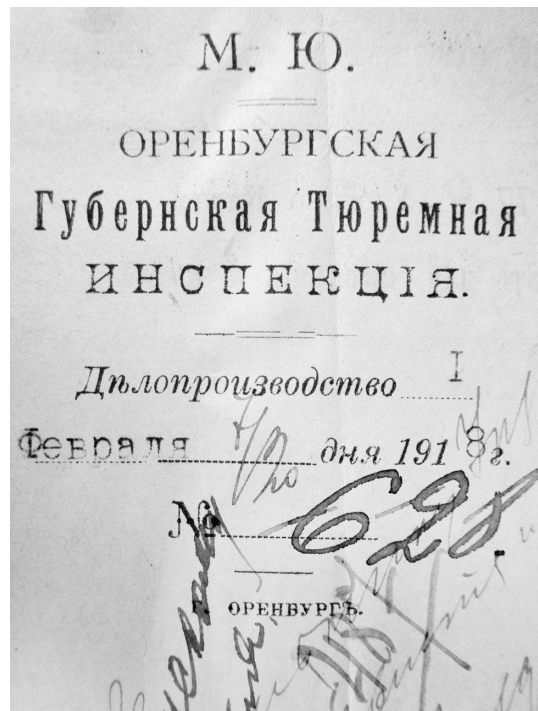
Далее авторская подборка за 1916–1918 гг. выстроена в хронологическом порядке. Документы периода Первой мировой войны содержали информацию о челябинских мещанах, умерших в лазарете, подтверждали место службы ратников и ополченцев. Так, в машинописном документе со штампом Общества Троицкой железной дороги за подписью инженера, заведующим отделением телеграфа говорится: «...мещанин г. Челябинска Иван Михайлович Попов — ратник ополчения II разряда призыва 1916 г. действительно состоит на службе Общества Троицкой железной дороги в должности телеграфиста и числится на учете коменданта ст. Челябинск. Сообщая о чем, имею честь просить об ускорении высылки Попову письменного вида на жительство»¹². Сохранились аналогичные письма от представителей Томской и Омской железных дорог, где служили челябинские мещане, призванные в ополчение. Следует заметить, что вооруженные силы Российской империи делились на постоянное войско и государственное ополчение (до 43 лет).

Единое наименование рядовых ополченцев — «ратник». К ополченцам I-го разряда относились как уже служившие в войсках, призванные из запаса, так и зачисленные при призыве на службу для пополнения постоянного войска, физически вполне годные. К 2-му разряду относились физически не годные к службе в постоянных войсках, но способные носить оружие и льготные I-го разряда¹³.

Посемейный список отражает изменение семейного положения мещан. Один из документов со штампом Оренбургской духовной консистории уведомлял о решении № 61, принятом 19–28 января 1917 г., о расторжении брака челябинских мещан в связи со ссылкой мужа на каторжные работы с лишением всех прав состояния и разрешением супруге беспрепятственного вступления в новый второй брак. Рекомендовалось внести отметку об изменении гражданского состояния в документы Челябинского мещанского правления¹⁴.

Внимание автора привлек документ переходного периода (декабрь 1917 — март 1918), зафиксировавший резолюции сразу двух противостоящих сторон. В штампе на нем назван отправитель, относящийся к Министерству юстиции: Оренбургская губернская тюремная инспекция¹⁵. Делопроизводителем указана дата — 7/20 февраля 1918 г. Важно отметить, что 24 января 1918 г. тринадцать дней из жизни России были ликвидированы Декретом Совнаркома «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» (григорианского). После 31 января в стране сразу наступило 14 февраля.

Документ, адресованный Челябинскому уездному комиссару¹⁶, возник в условиях войсковой власти в Троицке¹⁷. Еще 21 ноября (4 декабря) 1917 г. председатель челябинского Совета Е. А. Васенко называл в письме Троицк «штабом контрреволюции» и признавал, что «казачий кошмар висит над Челябинском и атрофирует всякую работу»¹⁸. Речь в документе шла о содержании в Троицкой тюрьме «из мещан города Челябинска Степана Михайлова Иванова, 40 лет». Приговор Троицкого окружного суда был вынесен 22 декабря 1917 г. Иванов был «осужден по лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ к отдаче в исправительные арестантские отделения на три года и четыре дня, считая срок наказания с 22 декабря 1917 года...»¹⁹ Дальнейшая судьба арестанта неизвестна. По факту, судили его в последние дни существования старой власти в городе.

Штамп Оренбургской губернской тюремной инспекции. 7 (20) февраля 1918 г. Из фонда ОГАЧО. Фотография Л. А. Новожиловой. 2021 г.

Штамп Першинской мельницы. 1918 г. Из фонда ОГАЧО. Фотография Л. А. Новожиловой. 2021 г.

тель (подпись). Секретарь (подпись)²¹. Резолюция имеет штамп: «По дежурной части». Синими чернилами на лицевой части документа нанесена резолюция начальника милиции Челябинска Ку[...]»²²: «Челябинскому мещанскому старосте для сведения и хранения»²³. Следует заметить, что указана двойная дата: 6 марта (24 февраля) 1918 г. Следовательно, на тот момент представительство уже упраздненного сословия продолжало функционировать. Челябинская городская дума была распущена Советом рабочих и солдатских депутатов в марте 1918 г.²⁴

Судя по датам, указанным в штампах документов, один из последних по времени — от 7 июля 1918 г. Текст отпечатан на машинке, в левом верхнем углу стоит овальный штамп «Першинская мельница торгового дома «Бр[атьев] Степановых». Содержание документа таково:

Господину Челябинскому мещанскому старосте.

Контора мельницы Торгового дома «Бр[атьев] Степановых» при сем препровождает Вам, Милостивый Государь, паспорт № 1389 мещанина гор. Челябинска Павла Степанова Алексева, работавшего здесь на мельнице, арестованного 2 июня сего года властями Челябинска.

По доверенности Тов. Т[оргового] Д[ома] «Бр[атьев] Степановых»
П. Вороб[ьев]²⁵.

Данный документ уточняет сведения краеведов об арестах рабочих и некоторых хозяев мукомольных предприятий Челябинска в июне 1918 г. после установления власти чехословаков²⁶. Першинская мельница находилась на левом берегу р. Миасс, мельница братьев Степановых — на хуторе Миасском²⁷.

Следует отметить, что еще 10/23 ноября 1917 г. был принят Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», вводилось единое звание «гражданин Российской республики». Упразднились не только сословия, но и сословные организации и учреждения, к которым относилось ведомство Челябинского мещанского старосты. Но Челябинский мещанский староста выполнял свои функции и в 1918 г.

Таким образом, сведения из архивного дела расширяют наши представления о деятельности городского самоуправления, уточняют ряд сведений из истории края, отражают колорит эпохи, способствуют изучению истории рода.

Примечания

¹ Данные генеалогического поиска не являются предметом данной статьи.

² ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 506. Л. 98 об. — 99.

³ Иванов Петр Аристархович (12.10.1876 — ?). См.: *Антипин Н. А., Купцов И. В.* Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск, 2015. С. 58.

⁴ Грамота на права и выгоды городам Российской империи (21 апреля 1785 г.).

⁵ См.: *Абакумова Е. А.* Статус мещанина в российском обществе во 2-й половине XIX века // Ученые записки : электрон. науч. журн. Кур. гос. ун-та. 2015. № 2 (34). С. 15.

⁶ Данные о степени родства с упоминаемыми в списке лицами находятся в процессе уточнения.

⁷ *Посемейные списки мещан и крестьян : сб. законов и разъяснений / сост. Я. М. Вилейшис.* Херсон, 1915. С. 4.

⁸ См.: *Император Александр II и Южный Урал : сб. док. и материалов / сост., науч. ред. Н. А. Антипин.* Челябинск, 2019. С. 183.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 272. Л. 109.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 192а.

¹² Там же. Л. 79.

¹³ *Веремеев Ю. Г.* Всеобщая воинская обязанность в России в 1913 году // *Анатомия армии :* сайт. URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/voen-povin-1913.php> (дата обращения: 14.03.2022).

¹⁴ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 272. Л. 271а.

¹⁵ См.: *Ганин А. В.* Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919) // *Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Э. Алакшин.* Челябинск, 2017. С. 52–65.

¹⁶ Институт уездных и губернских комиссаров был введен в марте 1917 г. Временным правительством.

¹⁷ Троицк являлся центром 3-го военного отдела ОКВ, атаман отдела — полковник В. А. Токарев.

¹⁸ *Приходько Н. Ю.* Выступление казачества против установления советской власти в Челябинске в конце 1917 года (по газетным публикациям) // *Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. ...* С. 131.

¹⁹ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 272.

²⁰ *Абрамовский А. А.* Чрезвычайная власть Челябинска. Челябинский военно-революционный комитет. Челябинск, 2017. С. 103.

²¹ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 272. Л. 172 об.

²² В опубликованных материалах похожая фамилия начальника милиции Челябинска в марте 1918 г. автору не встречалась. Известно, что в марте 1918 г. приказом № 1 комиссариата внутренних дел Челябинска и его уезда городская и уездная милиции были упразднены, а все служащие уволены. См.: *Кудряшова М.* Они были первыми // *Вечерний Челябинск.* 2008. 18 сент.

²³ В принятой практике датировки документов события и документы до 1 февраля 1918 г. датировались по юлианскому календарю (старому стилю). События после 1 февраля 1918 г. датировались по григорианскому календарю (новому стилю). Основной дате могла сопутствовать дата другого стиля в скобках.

²⁴ *Абрамовский А. А.* Указ. соч. С. 52.

²⁵ ОГАЧО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 272. Л. 37а.

²⁶ См.: *Усов М. А.* Мельничное дело в Челябинске // *Гороховские чтения : материалы седьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин.* Челябинск, 2016. С. 58–59.

²⁷ Там же. С. 60.

Ю. П. Окунцов

ИСТОРИЯ В МУЗЕЙНОМ ЭКСПОНАТЕ. ИМЕННОЙ ПОЯС ФЕДОРА РОСТЯГАЕВА

Большинство музейных предметов, несомненно, имеют свою историю. Однако не многие даже из интереснейших экспонатов при поступлении в музейные фонды были снабжены достоверной легендой, а потому преобладающее число предметов обезличены. Тем большей ценностью обладают экспонаты, которые реально могут поведать о судьбах своих владельцев и создателей в контексте нашей отечественной истории.

С детства помню яркий желто-красный именной пояс. Кушак был выткан моей бабушкой в молодости в подарок любимому брату. Ныне это один из уникальных музейных экспонатов, а статья о нем выложена на музейном сайте:

В самом начале XX века, более ста лет назад, юная крестьянка села Ярославка Златоустовского уезда Матрена Ростягаева решила сделать подарок своему любимому брату Федору. В те далекие времена каждая сельская девушка должна была уметь ткать, то есть готовить ткань. А Матрена была одной из лучших мастериц в родном своем селе. Она знала, как вырастить лен, как обработать его волокна, превратив их в тонкую нить, и окрасить в яркие цвета, а потом уже и выткать на ткацком станке, называвшемся кроснами, не только белый холст, но и полотенца и скатерти с красивыми узорами.

Ее подарком должен был стать пояс, которым по праздникам мужчины подпоясывали свои рубахи-косоворотки. Ткать пояс Матрена взялась из покупной пряжи — гаруса красного и желтого цветов. А вместо традиционного орнамента пояс она задумала украсить надписью. Но вот беда, деревенские девушки в те времена, за редким исключением, не умели ни писать, ни читать. Тогда девушка попросила кого-то из грамотных людей написать сочиненный ею текст: «ТКАН СЕЙ ПОЯС НА ИМЕНИНЫ ФЕДОРУ ЕРОФЕЕВИЧУ РОСТЯГАЕВУ. НОСИТЬ — НЕ ТЕРЯТЬ».

Очень не просто выткать аккуратные буквы на узком пояске — это настоящее искусство. Мастерница вложила в свой подарок все свое старание и умение. Поясок получился очень красивый. Правда, в надпись вкрались некоторые ошибки, а последние буквы не поместились. Но это простительно неграмотной девушке.

Конечно же, брат был очень рад такому необычному подарку. Носил он его по большим праздникам и не терял. Судьба Федора Ерофеевича была типична для русского крестьянина того времени. Он воевал на фронтах Первой мировой войны и погиб в Гражданскую войну, зимой 1919 года. Его сестра Матрена Ерофеевна прожила долгую и нелегкую жизнь в родном селе, в заботах о детях и внуках. А сотканный ею именной пояс, вместе с одним из половиков, а также несколькими полотенцами хранится в Златоустовском краеведческом музее. Вместе с кроснами, прялками, ухватами, туесками и прочими предметами домашнего обихода семьи Грамолиных¹.

Будучи уже городскими детьми, мы со старшей моей сестрой каждое лето с радостью отправлялись в с. Ярославку Дуванского района Башкирии к бабушке и дедушке. Наша бабушка Матрена Ерофеевна была, пожалуй, лучшей ткачихой в округе. Она была последней хранительницей непростого ремесла, передаваемого из поколения в поколение. Мы всегда удивлялись, как совершенно неграмотная бабушка держала в голове большое количество разнообразных узоров и никогда не допускала ошибок в этих геометрических орнаментах.

В доме было множество старинных вещей, которыми давно уже не пользовались, но почему-то берегли. Даже после четырех переездов с одного конца села на другой

почти все они сохранились. В этом я убедился, когда, став научным сотрудником Златоустовского краеведческого музея, предложил организовать очередную этнографическую экспедицию в наше родовое с. Ярославку. Дедушки и бабушки тогда уже не было в живых, но все их семейные реликвии сохранила и передала в музей их дочь, а моя тетя — Евдокия Владимировна. Так именной кушак стал музейным экспонатом.

Восстанавливая свою родословную, я благодаря документам из Национального архива Республики Башкортостан узнал, что мои предки происходили из черносошных крестьян северных русских губерний, которые никогда не находились в крепостной зависимости. По указу Петра I от 1702 г. о приписке государственных крестьян к уральским заводам их переселили на Западный Урал, в окрестности Кунгура, где они были приписаны к заводам и привлекались к добыче руд, жжению угля и их транспортировке на предприятия. Но настоящими заводскими они не стали, сохраняя традиционный уклад земледельцев. После ревизии населения 1795 г. Пермская казенная палата издала указ о переселении крестьян, не привлекавшихся к заводским работам, на «порозжие земли», картоленные (то есть арендованные) у башкир. Целыми деревнями крестьяне перебирались на плодородные башкирские земли. Так была основана и Ярославка.

Село это расположено в живописнейшей местности Башкирии. По договору от 27 февраля 1802 г. группа государственных крестьян Пермской губернии арендовала эти земли у башкир Кушинской волости на 30 лет и поселилась на них «ста дворами»². Договором предусматривалось право «пашни пахать, сено косить, мох драть, лес разный рубить, зверя ловить». Позже земли эти были выкуплены у вотчинников крестьянами в собственность.

Род Ростегаевых, к которым принадлежали моя бабушка Матрена и ее брат Федор, просматривается с ревизской сказки 1811 г.³ Его патриарх Михаил Петрович родился в 1778 г., так что в 1850 г. ему было уже 72 года. Брат Михаила, Осип, в 1812 г. рекрутом ушел на Отечественную войну, оставив годовалого сына Федора. Домой он уже не вернулся. Осип Петров Ростегаев служил в Уфимском пехотном полку, отличившемся в Бородинском сражении и понесшем там огромные потери.

У Михаила Ростегаева было три сына: Григорий (1799 г. р.), Николай (1802) и Степан (1811). Средний сын Николай в 1834 г. угодил в рекруты и со службы не вернулся. Остался его сын Назар, родившийся в том самом году. У Григория было два сына — Наум и Анисим, родившиеся соответственно в 1847 и 1848 гг. А у Степана — сын Матвей 1844 г. р. Все они благополучно дожили до 1850 г.⁴ Но кто из них стал отцом Ерофея, пока не выяснено. Известно, что Ерофей Ростягаев и его супруга Акулина дожили до 1926 г. Матрена Ерофеевна вышла замуж за своего односельчанина Владимира Власовича Грамолина.

На старинном фото молодые еще Владимир и Матрена, их сын Вася, а также мой прадед Влас Яковлевич и его младшая дочь Дарья. Мой дед Владимир осенью 1918 г. был мобилизован в Народную армию адмирала Колчака. Об участии в боях он ничего не рассказывал, говорил лишь, что служил в обозе. Хотя такого опытного солдата, отслужившего срочную службу и имевшего боевой опыт на фронтах Первой мировой войны, вряд ли определили бы нестроевым. Он служил в Златоустовском полку 6-й дивизии Уральских горных стрелков, который формировался в Златоусте. Вот он на фотографии, в центре, в шинели и папахе. Рядом, в гимнастерках и с кавалерийскими винтовками — друзья-односельчане. Тот, что слева, — брат бабушки Федор Ростягаев.

После поражения Белой гвардии Владимир Грамолин вместе со своим шурином Федором возвращался из Сибири. Брат бабушки умер от тифа на станции Челябинск, а дед вернулся домой больным. Осложнение после тифа было тяжелым, и он долгое время не ходил. Бабушка Матрена, по семейным преданиям, несколько раз ходила за много верст, на зыбучие болота, где собирала траву трилистник. Горькие отвары из этой травы по рецепту старого знахаря да русская баня по-черному смогли поставить деда Владимира на ноги.

После окончания Гражданской войны в духе новой экономической политики жизнь на селе вошла в старое традиционное русло. Но в конце 1920-х гг. грянула тотальная коллективизация. Семья Грамолиных вступила в колхоз «Красный партизан». Дед Владимир, который прежде был человеком очень набожным, принял коммуни-

стическую «веру» и вступил в большевистскую партию. В колхозе он был на хорошем счету и даже какое-то время являлся его председателем. Во время Великой Отечественной войны заведовал фермой, где трудились также бабушка Матрена и моя мама.

Давно уже нет наших бабушки и дедушки, а также их детей и кое-кого из внуков, а их семейные реликвии, в том числе именной пояс, являются, можно сказать, памятниками прошлого и экспонируются в отделе истории Златоустовского краеведческого музея.

Примечания

¹ Самый длинный экспонат музея // Златоустовский городской краеведческий музей : сайт. URL: <https://zlatmuseum.ru/component/zoo/c271120160233?Itemid=213> (дата обращения: 23.03.2022).

² ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Д. 8. Л. 43.

³ ЦАРБ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 79. Л. 91.

⁴ Там же. Д. 80. Л. 56.

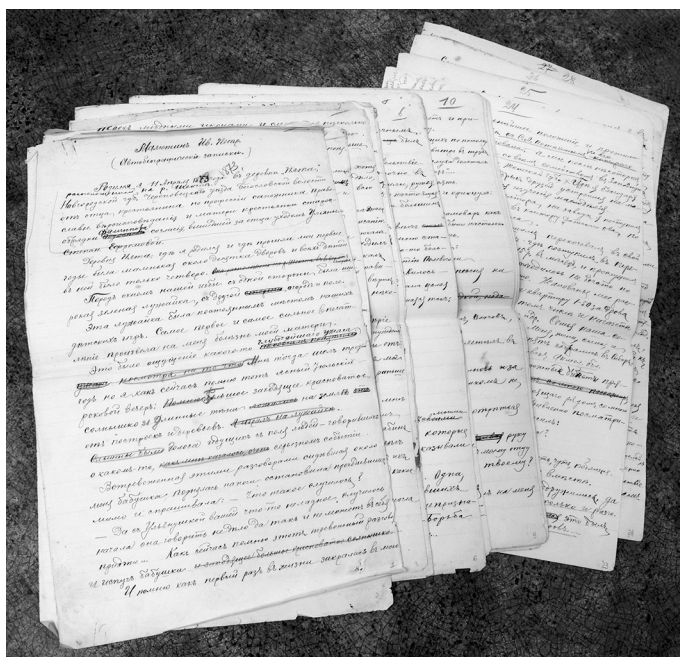
ИВАН ПЕТРОВИЧ МАЛЮТИН: «ЖИЗНЬ, НЕ ПОХОЖАЯ НА ДРУГИЕ». К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

В коллекции документальных источников Государственного исторического музея Южного Урала находятся несколько личных фондов литературных деятелей, чья творческая биография в разные периоды так или иначе была связана с Уралом: М. Гроссмана, Ю. Н. Либединского, Л. А. Преображенской, С. К. Власовой, Л. К. Татьяничевой. Среди них особое место занимает писатель Иван Петрович Малютин (в детстве Кулев) — человек, сумевший за свою долгую и насыщенную событиями жизнь оставить след не только в поэзии и прозе, но и в мемуаристике, в которую вошел с легкой руки А. А. Фадеева. Более всего писатель стал известен как автор «Незабываемых встреч» и «Воспоминаний», характеризующих личности советских деятелей литературы, науки и искусства — М. Горького, В. Г. Короленко, Л. Н. Трефолева, А. С. Серафимовича, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова и др. Многолетняя переписка связывала писателя с В. Д. Бонч-Бруевичем, В. Г. Короленко, С. П. Подъячим, В. И. Качаловым, А. А. Фадеевым. В апреле 2023 г. исполняется 150 лет со дня рождения писателя.

Коллекция документов И. П. Малютина немногочисленна, включает около двух десятков единиц хранения, в числе которых документы и фотографии. Особый интерес представляет неоконченная рукопись «Автобиографические записки», написанная предположительно в 1916 г. в Барнауле. Формат данной статьи не позволяет привести текст рукописи в полном объеме, но некоторые выдержки из нее, безусловно, могут составить цельное восприятие личности писателя, его самобытного творчества.

Родился я 11 апреля 1873 года в деревне Пята, расположенной на реке Шексне, Новгородской губернии Череповецкого уезда Богословской волости от отца крестьянина по профессии сапожника православн[ого] вероисповедания и матери крестьянки-старобрядки филиппова согласия, вышедшей за отца уходом, Ульяны Степан[овны] Ефремовой.

Деревня Пята, где я родился и где прошли мои первые годы, была маленькая, около десятка дворов, и всех детей в ней было только четверо. Перед окном нашей избы с одной стороны была широкая зеленая лужайка, с другой огород и поле. Эта лужайка была постоянным местом наших детских игр. Самое пер-

Малютин И. П. Автобиографические записки.
Рукопись. Барнаул, 1916 г. Из фондов Государственного
исторического музея Южного Урала

вое и самое сильное впечатление произвела на меня болезнь моей матери. Это было впечатление какого-то глубочайшего ужаса. Мне тогда шел третий год, но я как сейчас помню тот ясный июльский роковой вечер.

Мать писателя помутилась рассудком: как говорили сельчане, «начала она говорить не дело, да так и не может в себя прийти»¹. Заботы о мальчике легли на отца и бабушку с дедом, но из-за постоянных религиозных споров и междуусобиц Петр Михайлович Кулев (отец писателя) вынужден был уехать из Пяты.

«...Нападки на отца за безверие наконец, переполнили чашу терпения, и мы вынуждены были переселиться в деревню Углы за три версты от реки, где жили родители моего отца. Там мы поселились в свой маленький домик, купленный еще раньше на матушкино приданое... Матушка моя, хотя и жила с нами, не могла ничего делать по хозяйству. Отец сам топил печь, пек хлебы и готовил обед...»², — вспоминал Иван Петрович в своих «записках».

После переселения семьи в Углы у Ивана появился приятель — крестьянин Дмитрий Павлович Меньков («Павлыч»), единственный «книжный человек-самоучка», как называл его Иван, ставший ему хорошим другом и соратником в увлечениях — рыбалке, охоте и прогулках. Любовь к природе останется с И. П. Малютиным на всю жизнь, найдя воплощение в его стихах «Тишина», «В защиту леса», «Смерть сосны», «Сыплет солнце лучи золотые» и др.³ Павлыч читал Ивану Евангелие и Библию, рассказывал о путешествиях Левингстона, Гумбольдта, Миклухо-Маклая и других знаменитостях. «Павлыч кроме шитья сапогов еще занимался ремеслами — столярным, малярным, кузнечным, слесарным и переплетным. И кроме того, был охотником и рыболовом. Ходить к нему было большое удовольствие».

Часто бывал у Кулевых в гостях Павел Маркович, начетчик и толкователь Священного писания, «с скатавшимися в косички волосами и бородой, старичок лет 80». «А отец, в это время живя один, не только работал сапоги, но целые ночи проводил за чертежами и планами моделей “вечного движения”». Нарисовав карандашом наиболее подходящую, по его мнению, модель, он принимался с лихорадочной быстротой за ее выполнение и не спал ночи... По расчетам отца было так ясно, что едва он успеет окончить машину, как она сама завертится и никогда не остановится... Минута эта наконец наступала, с замиранием сердца пускалась машина в ход... и не шла»⁴.

Когда мальчику было около девяти лет, отец женился повторно. В семье родились дети, забот прибавилось. Грамотой Ване пришлось овладевать самостоятельно: нужно было присматривать за четырьмя детьми мачехи и помогать отцу в сапожном деле. На школу не хватало времени, да и находилась она далеко. Однако у мальчика было большое желание учиться, к тому же отец платил по копейке за каждый повтор азбуки. «Когда я научился порядочно читать, Павлыч давал мне кой-какие книги для чтения. Помню старинную книгу “Ядро Российской империи”, какую-то большую зоологию без начала и конца и хрестоматию Полевого с толкованиями, благодаря которой у меня явилось желание писать стихи»⁵.

Подростком Малютин плавал по Шексне и Волге до Ярославля на баржах с дровами, сначала с отцом, потом один. В 1892 г. остался в городе на фабрике «Ярославская Большая мануфактура»: чернорабочий, землекоп, грузчик, пильщик, сторож, библиотекарь. Когда работал грузчиком, получил прозвище «монах» за миролюбие, странный вид и смиренный нрав. «Действительно, я похож был больше на монаха, чем на прочую братию. Одет был в какую-то бабью куртку, большие сапоги и большую ватную шапку. И настолько был терпелив и смирен, что никогда не возражал, и как будто не замечал тех колкостей и насмешек, которые так больно сыпались по адресу моей особы». Позже Иван освоил арифметику и был принят в контору мануфактуры приказчиком.

Писать стихи Иван Петрович начал в 1895 г., но свою первую книгу увидел лишь в 1957-м. В своих первых произведениях Малютин подражает то Кольцову, то Лермонтову, пишет о природе, рассказывает о тяжелом крестьянском быте, о котором знает не понаслышке. Произведения печатались на страницах газет и журналов в Кургане, Петропавловске, Омске, Самаре, Барнауле, Енисейске, Ново-Николаевске, Ярославле, Петрограде.

После открытия библиотеки-читальни для рабочих мануфактуры в 1897 г. у Малютина появилась возможность читать и заниматься своеобразным комплектованием,

покупая в складчину с рабочими книги, разрешенные цензурой. Чтение литературы происходило в «подпольных» кружках, через них же распространялась и нелегальная литература, которая поступала от студентов Демидовского юридического лица и со-трудников газеты «Северный край».

Получив, наконец, постоянный заработок, Иван Петрович в мае 1898 г. женился на ярославской мещанке Анне Ивановне Чирковой. «Женитьба ничуть не помешала моей страсти к книгам, мы все так же, как и раньше, носились с С. А. Потехиным по толкучкам и долго простаивали перед окнами книжных магазинов. Нас не удовлетворяли книги, имеющиеся в библиотеке, так как выбор их был ограничен каталогом Министерства нар[одного] просвещения. Хотелось других, посерьезнее»⁶. В числе последних оказались «Живописная астрономия» К. Фламариона, «История культуры» Ю. Липперта издательства Ф. Павленкова, книги по социологии и психологии характера. Иван Петрович вспоминал: «На словарь мы тогда смотрели как на какой-то оракул, который все может разъяснить. И я выписал в рассрочку “Большую энциклопедию” изд[ательства] “Просвещение”. А потом того же издания “Историю Земли”, “Человек”, “Народоведение” и т. д. Наши библиотеки росли»⁷.

Несколько лет полиция не интересовалась подпольщиками, но в январе 1902 г. Ивана Петровича арестовали в составе группы из 18 человек за «вредное направление» и после трехмесячного заключения в одиночке сослали на три года под надзор полиции в с. Спасское Каинского уезда Томской губернии (ныне с. Коларово Томской области). В Спасском он работал на маслодельном заводе, а через год был переведен на станцию Чаны, оставаясь под надзором. После возвращения из ссылки в 1905–1906 гг. Малютин работал переплетчиком в типографии Новиковой в Череповце, где продолжал снабжать гимназистов революционной литературой. После участвовавших обысков перебрался с семьей в Сибирь. «В Петропавловске поступил я в контору “Датского общ[еств]ва” по 35 р. в месяц при готовой квартире. Прослужил 1906 г., но интересного в этой службе ничего не было и денег не оставалось. Рассчитался и начал торговать по городу книжками и газетами в разнос. <...> Однако через три месяца положение моих дел изменилось: цензурная свобода куда-то исчезла, и многих книжек нельзя было получить, а одними лубочными изданиями торговать не хотелось. И я решил поступить на предлагаемое место весовщика в “Сибирскую К^о” в г. Курган»⁸.

В 1907–1911 гг. писатель жил в Кургане, с которым связывал начало своей литературной деятельности. Служил он у А. Н. Балакшина — организатора «Союза сибирских маслодельных артелей». И хотя должен был с рассвета и до позднего вечера находиться на рабочем месте, ухитрялся выкраивать минуты для чтения и творчества. Балакшин издавал «Народную газету», в которой среди деловых материалов (протоколов собраний, договоров и расценок на масло) с 1910 г. стали появляться стихи Малютина за подписью «Жук». Им же была издана брошюра, доступно обучавшая переплетному мастерству.

В Кургане у Ивана Петровича завязалась переписка с Владимиром Короленко. В 1910 г. он решил написать автору «Детей подземелья» и послать на отзыв свои поэтические произведения. Письмо было переправлено из Петербурга в Румынию, где находился Короленко. 24 мая 1911 г. от него пришел долгожданный ответ. В «Незабываемых встречах» И. П. Малютин писал: «Я, словно опьяненный, долго ходил по пыльным улицам Курска. Потом я очутился на обрывистом берегу Тобола, присел там на бревно и вновь перечитал письмо»⁹. В ответном письме Владимир Галактионович изложил свои критические замечания относительно поэтической формы произведений, представленных Малютиным, перечислил «грубые промахи против языка», указав на невозможность печати в журнале «Русское богатство», главным редактором которого в то время являлся. Все замечания были учтены, поэтический язык Малютина приобрел цельность, что не ушло от внимания Короленко.

К осени засушливого 1911 г. материальные условия семьи стали невыносимыми: рабочих и служащих «Союза сибирских маслодельных артелей» распустили. Малютин уехал в Барнаул, где Иван Петрович стал работать продавцом в книжном магазине В. К. Сохарева, затем заведовал библиотеками Барнаульского общества попечения об учащих. И тут и там он имел дело с любимыми книгами. Младшая дочь Малютина Антонина вспоминала: «Хотя труд для хлеба отнимал почти все время, отец

жил интенсивной и богатой духовной жизнью. К этому периоду относится его знакомство со знаменитым путешественником Г. Н. Потаниным, с историком Г. А. Рожковым, с профессором М. А. Рейснером и другими¹⁰.

В марте 1912 г. газета «Алтайский край» опубликовала стихотворение Малютина, посвященное памяти ссыльного писателя-народовольца П. Ф. Якубовича. За это газета была оштрафована, а поэт получил предупреждение, которому, однако, не внял. Уже через месяц в газете появилось стихотворение «Два потока». В первом «потоке» говорилось, что люди созданы одинаково «для любви и счастья», но у одних «хоромы пышны и богаты», «поместья, нивы и леса», но при этом они страстно ненавидят голытьбу, желающую «разделить поместья, уравнивать землю». Во втором Иван Петрович гневно обвинял своего «лирического» спутника из числа «кровососов»: «Жизнь себе подобных превратили в муки, / И на труд народный вы живете всласть!» Такое поэтическое вольнодумство не обошли вниманием надзорные органы — писатель отправился в барнаульскую тюрьму, в которой провел около года¹¹.

В 1915 г. началась переписка Малютина с известным русским крестьянским поэтом-самоучкой С. Д. Дрожжиным, которая переросла в многолетнюю дружбу, длившуюся вплоть до смерти Спиридона Дмитриевича в 1930 г. Иван Петрович обладал «счастливой способностью» писать письма «живо и увлекательно».

Барнаульским периодом заканчивается рукопись «Автобиографических записок», хранящаяся в фондах ГИМЮУ (в ОГАЧО она представлена в разных вариантах). Но Малютин продолжал творить. Антонина Ивановна Малютина считала, сто расцвет своего поэтического творчества отец пережил именно в барнаульские годы, когда писал больше обычного и печатался в журнале «Алтайский крестьянин», в газетах «Голос Алтая», «Алтайский край», а также за пределами Сибири.

В 1918 г. писателя пригласили в кооператив «Центросибирь» агентом по устройству книжного склада и покупке книг для крестьянских и школьных библиотек. Семья переехала в Омск, где прожила до лета 1920 г. Иван Петрович работал в книжной лавке или переплетной мастерской, по воспоминаниям дочери, «почти ничего не писал, но был включен в «Критико-биографический словарь русских писателей и уче-

Иван Петрович Малютин с дочерью Антониной и писатель Вячеслав Яковлевич Шишков с женой Клавдией Михайловной. Ярославль, 2 сентября 1929 г. Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

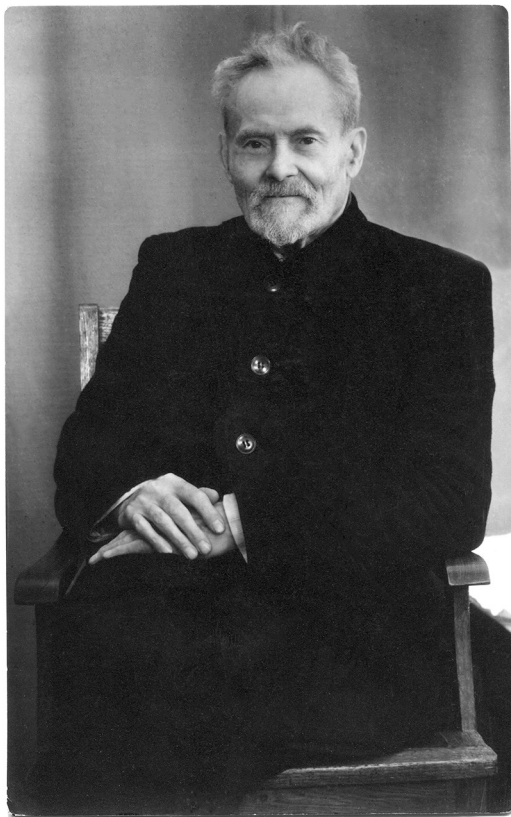
ных», вышедший в Петербурге» и выезжал за книгами в Челябинск, Курган, Петропавловск, Барнаул, Уфу, Самару. «Отец не только целые дни проводил в книжной лавке или переплетной мастерской <...> Литературная среда тогдашнего Омска была пестрой. Среди многих выделялся и был близок к нашей семье Всеволод Ив́анов. <...> Иногда к нам заходили Юрий Сопов, Кондратий Тупиков (псевдоним — Урманов), обитавший в одном из окраинных железнодорожных домов. Постоянным посетителем был Антон Сорокин <...> Близкие отношения завязались в Омске с известным сибирским поэтом и ученым Петром Людовиковичем Дравертом»¹², — вспоминала дочь писателя.

После Омска семья перебралась в дер. Морозову в 30 верстах от Новониколаевска, где Ивана Петровича пригласили заведовать избой-читальней. Затем был Новониколаевск, где Малютина оформили библиотекарем и архивариусом в «Советскую Сибирь».

В Ярославль Иван Малютин вернулся лишь в 1922 г., теперь уже на фабрику «Красный Перекоп», где работал библиотекарем. В Сибири, затем в Ярославле Иван Петрович завязывает знакомство с видными деятелями культуры и искусства: поэтами К. К. Худяковым, А. А. Коринфским, И. Ерошиным, писательницей Л. Н. Сейфуллиной, политическими деятелями Е. Ярославским (идеолог антирелигиозной политики СССР), И. М. Майским (будущий дипломат СССР в Великобритании). У него была активная переписка с писателями С. П. Подъячевым, И. А. Белоусовым, С. Д. Дрожжиным, А. А. Коринфским, А. А. Фадеевым, А. С. Серафимовичем, М. Горьким, артистом В. И. Качаловым и др. Навещал Ивана Петровича в Ярославле председатель Союза ленинградских писателей Вячеслав Яковлевич Шишков, автор знаменитой «Угрюм-реки», переписку с которым Малютин вел долгие годы. Поэты Кондратий Кузьмич Худяков и Иван Егоршин стали писателю лучшими друзьями.

В августе 1934 г. Ивану Петровичу Малютину вместе с дочерью Антониной посчастливилось побывать на I Всесоюзном съезде советских писателей, увидеть и услышать тех, кто составлял в то время цвет советской литературы.

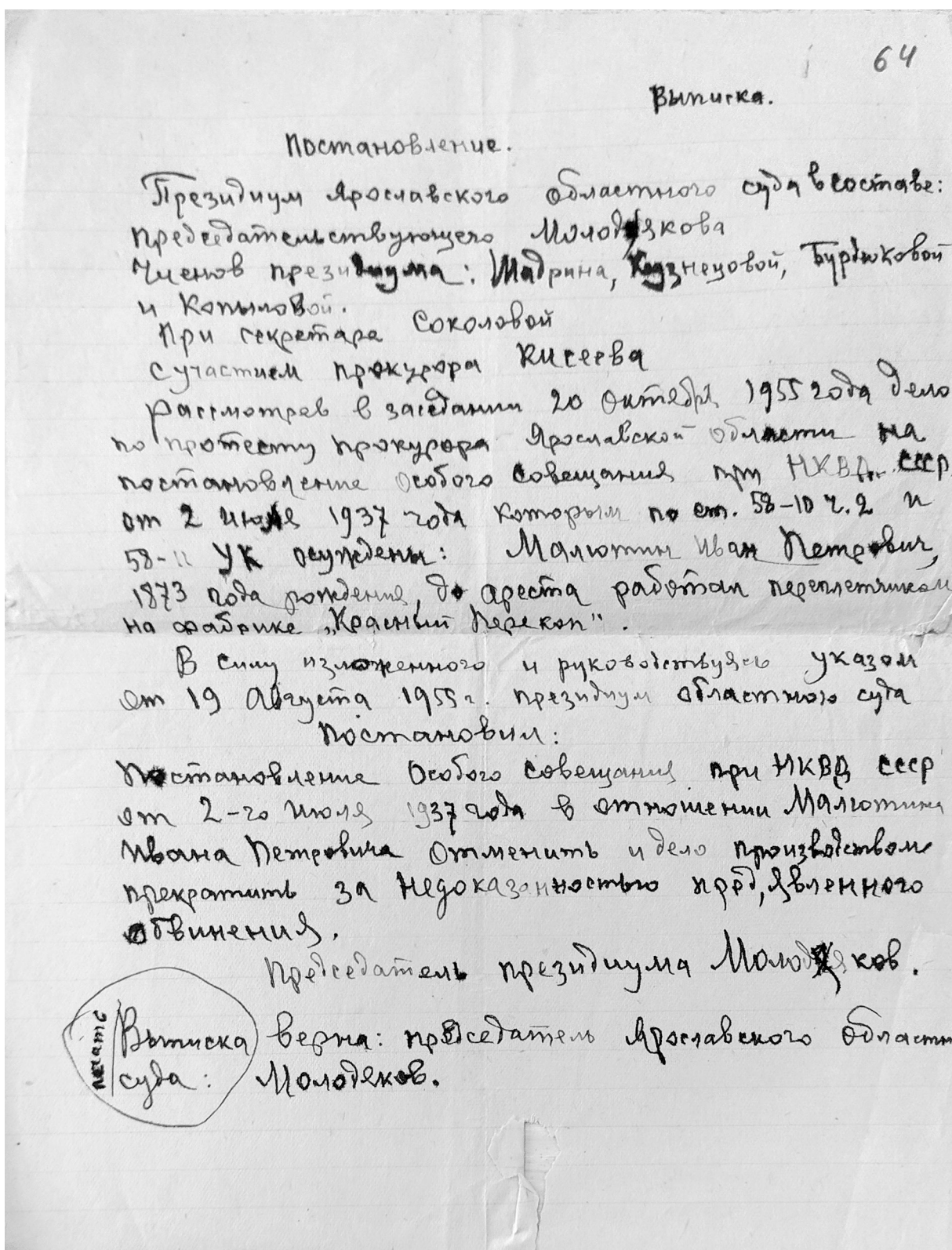
В 1936 г. 20 октября Ивана Петровича снова арестовали и выслали без суда в Сибирь. Он пробыл восемь месяцев в красноярской тюрьме, а 2 июля 1937 г. был осужден особым совещанием при НКВД за антисоветскую пропаганду: он не прерывал эпистолярной связи с опальными и репрессированными писателями и был владельцем большой библиотеки, часть книг которой была запре-

Иван Петрович Малютин в Государственном литературном музее. Москва, 1952 г.
Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала

1	Модест	—	1909	Яросл.
2	Герман	—	1900	—
3	Антоним Г.		1903	Спасская Тамбов
4	Илья		1906	Петропавл. Сыктывк.
5	Нюра		1908	Курган Сыктывк.
6	Николай		1915	Барнаул Курган
7	Моня		1913	Барнаул Ильин Бар. Ул.
8	Торек		1923	Яросл. Ермаков
Мамы 1900 + 1950		Отец 1873		
дети 18				

Список детей Ивана Петровича Малютина (один из вариантов автобиографии писателя).
Из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области

Выписка из постановления Президиума Ярославского областного суда об отмене постановления особого совещания при НКВД СССР в отношении И. П. Малютина. Копия. Август 1955 г.
 Из фондов Объединенного государственного архива Челябинской области

щена цензурой. Малютин был приговорен к пяти годам пребывания в колонии-поселении и выслан в Туруханск. Именно это обстоятельство стало позже причиной отказа ему в получении государственного пенсионного обеспечения¹³. В 1941 г. Малютину разрешили переехать в Енисейск, где его застала война. Из Сталинграда в Среднюю Азию была эвакуирована его дочь Антонина с тремя детьми и матерью, позже они также переехали в Енисейск. В сложные 1940-е гг. Иван Петрович вынужден был продать литературным музеям страны часть своего личного архива и библиотеки (письма и фотографии, книги с автографами). К тому времени дети Ивана Петровича были уже взрослыми (в одном из вариантов автобиографии 1940-х гг. он пишет о трех сыновьях и трех дочерях, всего детей в семье было восемьмеро), но ему нужно было поднимать внуков, оставаться опорой для жены и дочери.

С 1953 г. Малютин проживал в г. Лесосибирске Красноярского края, а спустя два года был реабилитирован «за отсутствием состава преступления»¹⁴.

Иван Петрович появился в Челябинске в начале 1950-х гг. Именно здесь, на Урале, увидела свет его первая книга «Незабываемые встречи», представляющая значительную литературную ценность и уже через год переизданная в Москве. «Начать писать стихи в 1895 году и увидеть свою первую книгу лишь в 1957 году, на 85 году жизни, — сам по себе факт исключительный и, пожалуй, единственный в истории нашей литературы», — писал в предисловии А. Шмаков.

Книга очерков состоит из 12 отдельных глав, одна из которых, «Лучший друг», перекликается со «Страничками жизни». В остальных одиннадцати собраны воспоминания о знакомстве поэта, дружбе и переписке с писателями, актерами. Главы посвящены писателям М. Горькому, В. Г. Короленко, Л. Н. Трефолеву, С. П. Подъячеву, А. С. Неверову, В. Я. Шишкову, поэтам С. Д. Дрожжину, И. А. Белоусову, Т. Л. Щепкиной-Куперник, С. Г. Скитальцу. Среди «незабываемых» героев упомянут исследователь Азии этнограф Г. Н. Потанин.

В 1958 г. в возрасте 85 лет Иван Петрович был принят в члены Союза советских писателей. В своем заявлении в Челябинское отделение Союза писателей РСФСР он писал: «...надеюсь, что сил и жизни для творческой работы у меня хватит»¹⁵.

Последние годы жизни Иван Петрович провел в Челябинске в доме для престарелых (ныне дом-интернат № 1 для престарелых и инвалидов) на полном гособеспечении¹⁶. В нашем городе Малютин начал писать автобиографическую повесть «Странички жизни», которую так и не закончил. Умер писатель 2 октября 1962 г., находясь на отдыхе в Майкопе.

Несмотря на непростое крестьянское детство, отсутствие фундаментального образования, ссылки, многочисленные переезды и материальные трудности, которые сопровождали И. П. Малютину на протяжении жизни, он был человеком открытым, общительным, харизматичным и, по воспоминаниям многих современников, очень притягательным. Писатель умел дружить, что стало залогом его добрых отношений с многочисленными представителями литературной, творческой и научной интеллигенции и многолетней переписки с видными российскими деятелями. Благодаря упорству, коммуникабельности и постоянному самообразованию Ивану Петровичу удалось остаться в истории русской литературы ярким примером самобытного писателя-мемуариста.

Примечания

¹ ЧОКМ, ОФ-3133/11, ДК-394/1. Малютин И. П. Автобиографические записки. Рукопись. Российская империя, Томская губ., Барнаульский уезд, г. Барнаул. 1916 г. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Малютин А. И. Повесть об отце. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 9.

⁴ ЧОКМ, ОФ-3133/11, ДК-394/1 ... Л. 4.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 19–20.

⁷ Там же. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Малютин И. П. Незабываемые встречи: Из воспоминаний. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1957. С. 19.

¹⁰ Малютин А. И. Указ. соч. С. 24.

¹¹ Перминов Ю. П. «Иван Малютин — «талантливый самоучка», сибирский странник и сиделец». URL: <https://bk55.ru/kolumnistika/article/206513/> (дата обращения: 25.08.2022).

¹² Малютин А. И. Указ. соч. С. 34–36.

¹³ Справка № 65 Областного отдела соцобеспечения по Ярославской области Малютину И. П. о невозможности восстановления пенсии местного значения. 5 мая 1943 г. // ОГАЧО. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 103. Л. 25.

¹⁴ Выписка из постановления Президиума Ярославского областного суда об отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 2 июля 1937 г. в отношении Малютин Иван Петрович. Копия. Август 1955 г. // Там же. Д. 40. Л. 64.

¹⁵ Заявление Малютин И. П. в Челябинское отделение Союза писателей РСФСР о принятии его в члены Союза. 25.02.1958 г. Копия // Там же. Л. 61.

¹⁶ Справка № 07 директора Дома престарелых металлургов Малютину И. П. в том, что он находится на полном государственном обеспечении // Там же. Л. 65.

М. В. Расстонкин

СПОРТСМЕНЫ-ОГНЕБОРЦЫ РОССИИ: 85 ЛЕТ В СТРЕМЛЕНИИ К ПОБЕДЕ!

26 октября 2022 г. исполняется 85 лет пожарно-прикладному спорту России. Вот уже четверть века сборная Главного управления МЧС России по Челябинской области входит в когорту сильнейших команд страны в профессиональном спорте огнеборцев. Свое начало пожарно-прикладной спорт берет в 1937 г., когда впервые состоялись соревнования пожарной охраны НКВД СССР. Такие состязания были нужны работникам службы не только как средство приобщения к здоровому образу жизни, но и для существенного повышения уровня профессиональной подготовки.

Программа соревнований включала пять видов упражнений, содержащих реальные элементы боевой работы огнеборцев, а все технические средства были взяты из арсенала пожарно-технического вооружения. Безусловно, с годами спорт огнеборцев претерпевал изменения: менялись снаряды, уточнялись условия выполнения отдельных упражнений, совершенствовалась спортивная форма. За это время он стал более зрелищным, динамичным и массовым. В начале XXI в. пожарно-прикладной спорт сделал огромный рывок вперед — с 2002 г. проводятся чемпионаты мира. В 2021 г. в Караганде (Республика Казахстан) прошли XVI Чемпионат мира среди мужчин и VII Чемпионат мира среди женщин по пожарно-спасательному спорту. Сборная России на мировом первенстве вновь оказалась в числе сильнейших: мужчины стали третьими, а женщины поднялись на вторую ступень пьедестала.

Руководство федерации, тренерский коллектив и участники сборной Главного управления МЧС России по Челябинской области на праздновании 80-летия пожарно-прикладного спорта. 19 декабря 2017 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

*Открытие соревнований по пожарно-прикладному спорту.
Челябинск, 1970-е гг. Фотоархив Пожарно-технической
выставки*

был доведен до всех пожарных частей. Подготовлено «Положение о смотре-конкурсе спортивных площадок на территориях пожарных депо» и направлены проекты простейших учебных башен для выполнения упражнений по пожарно-прикладному спорту.

Вскоре разработан план мероприятий по улучшению подготовки сборных команд гарнизонов по пожарно-прикладному спорту и подготовлено «Положение о проведении областных соревнований», с обязательным привлечением на них сборных команд Челябинска, Магнитогорска, Златоуста и отделов пожарной охраны спецуправлений Главного управления пожарной охраны (ГУПО) МВД СССР. Это позволило собрать сборную команду прикладников Челябинской области и начать их усиленную подготовку для участия в областных и зональных соревнованиях.

В конце 1959 г. в Управление пожарной охраны Челябинской области поступил календарный план проведения всесоюзных, республиканских и зональных соревнований на 1960–1965 гг. По этому графику намечалось проведение в Челябинске соревнований Урало-Сибирской зоны в августе 1961 г. Весной 1960 г. были проведены соревнования Челябинского гарнизона на учебной площадке Челябинского электрометаллургического комбината. Начальник областного управления пожарной охраны полковник внутренней службы Григорий Федорович Пацеля и его заместитель подполковник внутренней службы Александр Михайлович Симонов пригласили на эти соревнования директора ЧЭМК В. Н. Гусарова. Владимир Николаевич очень внима-

*Открытие соревнований по пожарно-прикладному спорту.
Челябинск, 14 июля 2015 г. Фотоархив пресс-службы Главного
управления МЧС России по Челябинской области*

Что касается детей, то в г. Чаковец (Республика Хорватия) в августе 2021 г. прошли уже X Чемпионат мира среди юношей и юниоров и VI Чемпионат мира среди девушек и юниорок по пожарно-спасательному спорту. Наши ребята на международных стартах показали себя с самой лучшей стороны, вновь завоевав чемпионский титул!

Славными страницами наполнена и история пожарно-прикладного спорта на Южном Урале. В 1959 г. согласно приказу Министерства внутренних дел СССР были установлены звание «Мастер пожарно-прикладного спорта» и разрядные нормативы. Управлением пожарной охраны Челябинской области приказ МВД СССР

тщательно последил за выполнением пожарными сложных упражнений и дал разрешение на строительство учебной башни на стадионе ЧЭМК по ул. Российской, у плавательного бассейна «Электрометаллург», и на проведение там зональных соревнований в будущем году.

В мае приступили к строительству учебной башни, реконструкции и ремонту зрительских трибун. Специалисты из пожарных частей гарнизона под руководством капитана внутренней службы Алексея Мироновича Блюденкова и техника-строителя Владимира Мефодьевича Протасова

приступили к монтажу учебной башни. Среди строителей были лучшие мастера столярного дела Владимир Карташов, Иван Сурин и верхолаз-монтажник Дмитрий Комаров. Уже через месяц, в июне 1960 г., башня была построена, трибуны отремонтированы и покрашены. После проведения на стадионе Дня металлурга он был предоставлен для подготовки и проведения соревнований по пожарно-прикладному спорту.

В августе 1961 г. именно на этом стадионе были проведены областные соревнования, в которых участвовали сборные команды Челябинска, Магнитогорска, Златоуста, отделов пожарной охраны Озерска и Снежинска. По результатам соревнований была сформирована сборная команда Челябинской области для участия в соревнованиях Урало-Сибирской зоны. Проведено несколько учебных тренировочных сборов. Участники размещались в пожарной части № 5 на ул. Горького. На территории части также находились учебная башня и две дорожки полосы препятствий. Была выделена автоцистерна пожарной части № 3 и автобус, участников обеспечили трехразовым питанием в столовой завода «Оргстекло». Старший тренер сборной команды капитан внутренней службы Б. Н. Николаев ежедневно проводил тренировочные занятия на стадионе ЧЭМК.

В январе 1961 г. в Управление пожарной охраны Челябинской области поступило указание ГУПО о точных сроках проведения зональных соревнований Урало-Сибирской зоны. Главным судьей был назначен начальник Управления пожарной охраны полковник внутренней службы Г. Ф. Пацеля, заместителем главного судьи стал капитан внутренней службы Абрам Львович Каплан. Им была присвоена 2-я судейская категория, что позволяло по итогам протокола соревнований при выполнении нормативных показателей присваивать участникам звание «Мастер пожарно-прикладного спорта».

В июне вновь были проведены соревнования как репетиция перед зональными состязаниями. Наконец, в августе 1961 г. в Челябинске впервые были проведены зональные соревнования по пожарно-прикладному спорту, в которых принимали участие спортсмены из 14 краев и областей Урало-Сибирской зоны. В напряженной спортивной борьбе по итогам трех дней первое место заняла команда Челябинской области, а первым чемпионом на стометровой полосе препятствий и первым мастером пожарно-прикладного спорта стал челябинец Юрий Теплов.

В 1963 г. по окончании Ленинградского пожарно-технического училища в Челябинск вернулся легкоатлет Вячеслав Коркин, который уговорил и своего однокурсника Анатолия Заморина, серебряного призера Всероссийских соревнований 1962 г. по штурмовой лестнице, переехать на службу в столицу Южного Урала. В 1964 г. по окончании Свердловского пожар-

Фрагмент соревнований по пожарно-прикладному спорту: преодоление двухметрового забора. 1970-е гг. Фотоархив Пожарно-технической выставки

Фрагмент соревнований по пожарно-прикладному спорту: преодоление двухметрового забора. 15 июля 2015 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

Фрагмент соревнований по пожарно-прикладному спорту: четвертый этап пожарной эстафеты — тушение противня.

15 августа 2009 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

ной спорт вошел в единую спортивную квалификацию СССР. В Управление пожарной охраны Челябинской области поступило указание МВД СССР о создании Федерации пожарно-прикладного спорта. Председателем областной федерации был избран начальник управления Г. Ф. Пацеля. В состав федерации вошли известные спортобщества: «Динамо», «Локомотив», «Урожай» и общество районного управления инспекции пожарной охраны Вооруженных сил. Были созданы тренерский совет и судейская коллегия.

Судейская коллегия провела учебный семинар по повышению квалификации спортивных судей. Члены коллегии приглашались на республиканские и зональные соревнования. В результате были подготовлены судья всесоюзной категории и 12 судей республиканской категории. В свою очередь тренерский совет под руководством капитана внутренней службы Бориса Николаевича Николаева (участник Великой Отечественной войны и Парада Победы 1945 г., кавалер нескольких боевых орденов) подготовил 20 мастеров спорта СССР и первого чемпиона СССР по пожарно-прикладному спорту Николая Сорокина.

Будущий чемпион служил в пожарной охране Златоуста, а по окончании Свердловского пожарно-технического училища получил направление в Челябинск, где был включен в сборную команду Челябинской области по пожарно-прикладному спорту. На I Международных соревнованиях пожарной охраны социалистических стран в августе 1968 г. Н. Сорокин стал чемпионом в упражнении по подъему на четвертый этаж учебной башни по штурмовой лестнице. В 1969 г. на Всесоюзных соревнованиях по пожарно-прикладному спорту Н. Сорокин стал победителем в двоеборье (результат в двух упражнениях: преодоление стометровой полосы препятствий и подъем по штурмовой лестнице на четвертый этаж учебной башни). За этот высокий результат ему первому в стране было присвоено звание «Чемпион Советского Союза по пожарно-прикладному спорту».

В конце 1960-х гг. Центральный совет Всесоюзного добровольного пожарного общества начал активно пропагандировать развитие пожарно-прикладного спорта среди молодежи и создание юношеских добровольных пожарных дружин (ЮДПД). Среди дружин проводились районные, городские и областные соревнования. С 1970 г. стали проводиться всесоюзные и всероссийские соревнования ЮДПД.

В Челябинске в августе 1972 г. были проведены III Всероссийские соревнования ЮДПД. Еще в 1964 г. по проекту К. И. Гусарова на территории, прилегающей к зданиям и сооружениям пожарной охраны Советского района Челябинска (ул. Троицкая), силами пожарных был построен стадион. Здесь была смонтирована учебная башня с четырьмя рядами окон и трибуна для зрителей, перед которой оборудовали стометровую полосу препятствий на четыре дорожки и две дорожки для проведения пожарной эстафеты 4×100 м.

Торжественное открытие соревнований ЮДПД 1972 г. и пожарная эстафета проходили на Центральном стадионе Челябинска. На столь серьезные старты были приглашены все школьные лагеря города. На открытии присутствовали председатель Челябинского горисполкома и секретарь обкома комсомола. Перед зрителями

но-технического училища в Челябинск вернулись Николай Трошин и Геннадий Щипачев, которые входили в сборную своего училища и на соревнованиях 1963 г. среди пожарно-технических учебных заведений в дисциплине «Пожарная эстафета» достигли наивысшего спортивного показателя в стране. Постепенно сборная команда Челябинской области была укомплектована для участия в дальнейших соревнованиях.

Важной вехой считается 1964 г., когда пожарно-приклад-

в торжественном строю прошли 14 сильнейших команд республик и областей РСФСР и колонна юных барабанщиков одной из школ Челябинска. Соревнования по боевому развертыванию, по преодолению стометровой полосы препятствий и по штурмовой лестнице проводились на стадионе областного Управления пожарной охраны. В результате напряженной борьбы сборная команда ЮДПД Челябинской области заняла третье место. Члены команды Володя Офицеров и Володя Родин стали призерами соревнований и были включены в состав сборной команды ЮДПД РСФСР для участия во всесоюзных соревнованиях. Столь высоких результатов команда Челябинской области добилась в первую очередь благодаря регулярным тренировкам под руководством Б. Н. Николаева и воспитателя-инструктора областного Совета Всероссийского добровольного пожарного общества (ВДПО) Любви Максимовны Бергельсон.

Для достижения высоких технических результатов при выполнении упражнений пожарно-прикладного спорта требовалась круглогодичная работа спортсменов и тренерского состава, поэтому руководством Управления пожарной охраны были подготовлены необходимые документы для строительства спортивного манежа. Осенью 1984 г. на территории, смежной с пожарной частью и территорией Челябинского тракторного завода, был построен первый в стране 120-метровый спортивный манеж! А уже зимой 1985 г. в манеже провела учебный сбор команда Советского Союза по пожарно-прикладному спорту. На этом сборе вместе с лучшими прикладниками страны тренировались и сильнейшие спортсмены Южного Урала.

В феврале 1986 г. в Челябинске проводились I Зимние соревнования по пожарно-прикладному спорту. Парад, открытие соревнований и упражнения по преодолению стометровой полосы препятствий были проведены в легкоатлетическом манеже Челябинского института физкультуры. Упражнения с лестницами прошли в манеже Управления пожарной охраны.

Поболеть за самых ловких и быстрых огнеборцев были приглашены жители города, пожарные Челябинского гарнизона с семьями и студенты института физкультуры. На открытии выступили главный судья соревнований сотрудник Главного управления пожарной охраны МВД СССР подполковник внутренней службы В. М. Максимчук (один из руководителей ликвидации последствий аварии

Фрагмент соревнований по пожарно-прикладному спорту: начало забега для подъема на четвертый этаж учебной башни с помощью штурмовой лестницы. 28 июня 2014 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

Фрагмент соревнований по пожарно-прикладному спорту: подъем на четвертый этаж учебной башни с помощью штурмовой лестницы. 12 августа 2009 г. Фотоархив пресс-службы Главного управления МЧС России по Челябинской области

на Чернобыльской АЭС, в связи с этим рано ушедший из жизни) и ректор института физкультуры Л. М. Куликов. Уже по окончании соревнований Владимир Михайлович Максимчук дал высокую оценку организации и проведению чемпионата, руководству Управления пожарной охраны Челябинской области и судейскому аппарату, вручил награды и почетные грамоты МВД СССР победителям и призерам. Именно благодаря новому спортивному манежу сборная команда Челябинской области по пожарно-прикладному спорту получила возможность проведения круглогодичной подготовки к соревнованиям любого ранга.

Новый этап развития пожарно-прикладного спорта на Южном Урале наступил в начале 1990-х гг. Было принято решение возродить былую славу команды Челябинской области. Взялись за эту работу заместитель начальника Управления государственной противопожарной службы (ГПС) Сергей Петрович Полозков и его помощники Валентин Владимирович Гриднев и Сергей Михайлович Лаптиев. Фактически команда формировалась заново. Активную позицию в этом вопросе заняли руководители отделов специальной пожарной охраны Александр Ильич Рожков и Евгений Александрович Столбиков, начальники отрядов Василий Михайлович Чебышев, Валерий Алексеевич Устинов, Василий Николаевич Кореньков.

В это же время было принято решение о проведении чемпионатов по пожарно-прикладному спорту в гарнизонах пожарной охраны Челябинской области в целях развития материальной базы и популяризации профессионального спорта огнеборцев. Уже в 1994 г. сборная Челябинской области, возглавляемая Сергеем Михайловичем Лаптиевым и Александром Александровичем Маслаковым, заняла третье место в группе «Б» и завоевала право выступать в сильнейшей группе команд России — группе «А». В 1996 г. работу по восстановлению регионального отделения Федерации пожарно-прикладного спорта возглавил полковник В. В. Гриднев, который на протяжении многих лет уделял большое внимание его развитию.

В 2001 г. на зональных соревнованиях Приволжско-Уральского регионального центра МЧС России, проходивших в Уфе, команда Челябинской области в составе Анатолия Мазавина, Николая Александрова, Максима Гречко и Александра Колодкина установила рекорд России в пожарной эстафете, преодолев четыре этапа по 100 м за 55,56 секунды. Этот рекорд никто не мог побить долгие 17 лет! В том же 2001 г. на Чемпионате России, проходившем в Самаре, южноуральская сборная впервые в истории стала серебряным призером. А в 2006 г. на соревнованиях в Подольске наша команда впервые поднялась на высшую ступень пьедестала, став чемпионом России! Рассказывая об успехах молодой команды, необходимо отметить важную роль капитана сборной в те годы Константина Владимировича Пыжьянова. Будучи тренером, он выступал за команду до 2005 г. Большой вклад в становление и развитие сборной внес Геннадий Валентинович Ведерников, который начиная с 2001 г. являлся руководителем федерации и делал все, чтобы удержать команду в элите пожарно-прикладного спорта России.

В соответствии с календарным планом и решением Федерации пожарно-прикладного спорта Главному управлению МЧС России по Челябинской области было поручено в 2009 г. провести XVIII Чемпионат России и первенство ВДПО по пожарно-прикладному спорту. Руководителями Челябинского регионального отделения Федерации пожарно-прикладного спорта первым заместителем начальника Главного управления МЧС России по Челябинской области (по ГПС) полковником внутренней службы Г. В. Ведерниковым и директором исполкома данного отделения федерации, начальником Управления организации пожаротушения и аварийно-спасательных работ полковником внутренней службы В. В. Гридневым было организовано исполнение плана проведения соревнований.

Местом проведения чемпионата по согласованию с администрацией Челябинска и Министерством спорта Челябинской области был выбран легкоатлетический комплекс стадиона им. Е. Елесиной. Был заказан проект башни на пять дорожек с подиумом. При монтаже башни большую помощь оказывали сотрудники производственно-технического центра, личный состав учебного центра и подразделений пожарной охраны Челябинска. В результате удачного проекта удалось добиться и в результате доставить удовольствие спортсменам и зрителям за счет хорошего обзора со всех три-

бун. Для организации работы с командами, прибывающими на соревнования, за каждой сборной было закреплено конкретное подразделение Челябинска и области, что позволило правильно разместить, организовать питание и досуг каждого участника чемпионата.

На открытие и закрытие соревнований были приглашены представители исполнительной и законодательной власти Челябинской области и Челябинска, общественность, коллеги из всех силовых структур, члены семей сотрудников МЧС, детские коллективы и все желающие жители и гости города. Трибуны самого крупного спортивного сооружения были заполнены до отказа. В ходе торжественного открытия с приветственным словом и пожеланиями удачного выступления к участникам обратился губернатор Челябинской области Петр Иванович Сумин. В результате грамотно организованной работы Чемпионат России прошел на высоком уровне и получил самые положительные оценки участников соревнований, зрителей, руководства МЧС и Федерации пожарно-прикладного спорта России.

Сборная Челябинской области уже четверть века удерживает позиции финалиста чемпионатов России по пожарно-прикладному спорту, является постоянным «поставщиком» спортсменов в первую команду страны.

Начиная с конца 1990-х гг. спортсмены Челябинской области показывают самые высокие результаты на всероссийских и международных соревнованиях, являясь постоянными участниками финалов летнего и зимнего чемпионатов России. В 2009 г. Челябинская область впервые получила право и достойно провела финал летнего XVIII Чемпионата России по пожарно-прикладному спорту. Достижения сборной и уровень проведения того чемпионата стали залогом доверия со стороны руководства Федерации пожарно-прикладного спорта России и причиной того, что в 2015 г. южноуральская столица вновь принимала сильнейших атлетов страны на Чемпионате России.

Всего за время существования пожарно-прикладного спорта в Челябинской области здесь были подготовлены 20 мастеров спорта Советского Союза, три мастера спорта международного класса и 51 мастер спорта России. Многие годы активно защищали спортивную честь Южного Урала мастера спорта СССР Юрий Теплов, Вячеслав Коркин, Анатолий Заморин, Николай Трошин, Александр Цветков, Анатолий Хрузин, Михаил Серик, Владимир Офицеров, Яков Фель, Александр Маслаков, Константин Пыжьянов, Андрей Иванов, Юрий Калинин, Евгений Ершов и многие другие.

Если говорить о современном этапе, то в последние годы в составе сборной России выступали шесть представителей от команды Главного управления МЧС России по Челябинской области. Это двукратный чемпион мира мастер спорта международного класса Максим Гречко; четырехкратный чемпион мира мастер спорта международного класса Константин Хорешко; четырехкратный чемпион мира, обладатель рекордного результата в подъеме по штурмовой лестнице (12,56 секунды) мастер спорта международного класса Роман Вагнер. В числе лучших также чемпионы

Тренерский состав и участники сборной по пожарно-прикладному спорту на приеме у губернатора Челябинской области.

19 декабря 2014 г. Фото М. В. Растопчина

Участницы сборной Челябинской области по пожарно-прикладному спорту. Стадион «Метар» (Челябинск),

28 июня 2017 г. Фото М. В. Растопчина

Юношеская сборная Челябинской области по пожарно-прикладному спорту. Стадион им. Е. Елесиной (Челябинск), 15 августа 2009 г. Фото М. В. Распочина

зад федерация стала проводить чемпионаты мира среди молодежных национальных команд. И, наконец, в 2014 г. принято решение о ежегодном участии женщин и девушек в соревнованиях по данному виду спорта.

Звание сильнейшего спортсмена страны и планеты неоднократно завоевывали наши юноши и девушки. Чемпионами мира, рекордсменами, победителями и призерами России в разные годы становились Александр Сырейщиков, Михаил Печерица, Виталий Проскурня, Иван Корнеев и Николай Ласынов. У девушек аналогичных результатов добивались Валерия и Дарья Друзь, Виолетта Киселева, Дарья Игонина и Валерия Наумова. В числе последних достижений наших юных спортсменов звание сильнейших, которое они по праву завоевали на Чемпионате России, прошедшем в Оренбурге в августе 2022 г. Неоднократные чемпионы мира и России, эти спортсмены являются гордостью Главного управления МЧС России по Челябинской области!

В разное время со сборной работали С. М. Лаптиева, А. А. Маслаков, К. В. Пыжьянов и А. И. Колодкин, а юношей и девушек тренировали А. Г. Иванов, Е. С. Гришакин, В. Ю. Лебедь, С. Н. Хабаров и А. А. Куликов. Усилия тренерского коллектива не остаются незамеченными руководством ведомства и области. Тренерам сборной за этот период вручались ведомственные награды, почетные грамоты и благодарности от начальника Уральского регионального центра МЧС России, от начальника Главного управления МЧС России по Челябинской области, от губернатора Челябинской области. А главному тренеру сборной Сергею Михайловичу Лаптиева весной 2015 г. было присвоено звание «Заслуженный тренер России»!

мира среди молодежных национальных команд: бронзовый призер в преодолении стометровой полосы и подъеме по штурмовой лестнице мастер спорта Арамис Нигаматуллин; серебряный призер в двоеборье мастер спорта Олег Радеев; серебряный призер чемпионата мира среди молодежных команд, бронзовый призер в преодолении стометровой полосы Наталья Матвеева.

Пожарно-прикладной спорт продолжает развиваться. Помимо мужских чемпионатов мира, с 2010 г. проводятся и юношеские мировые первенства. Несколько лет на-

М. В. Смирнова

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ЕГУРНОВ

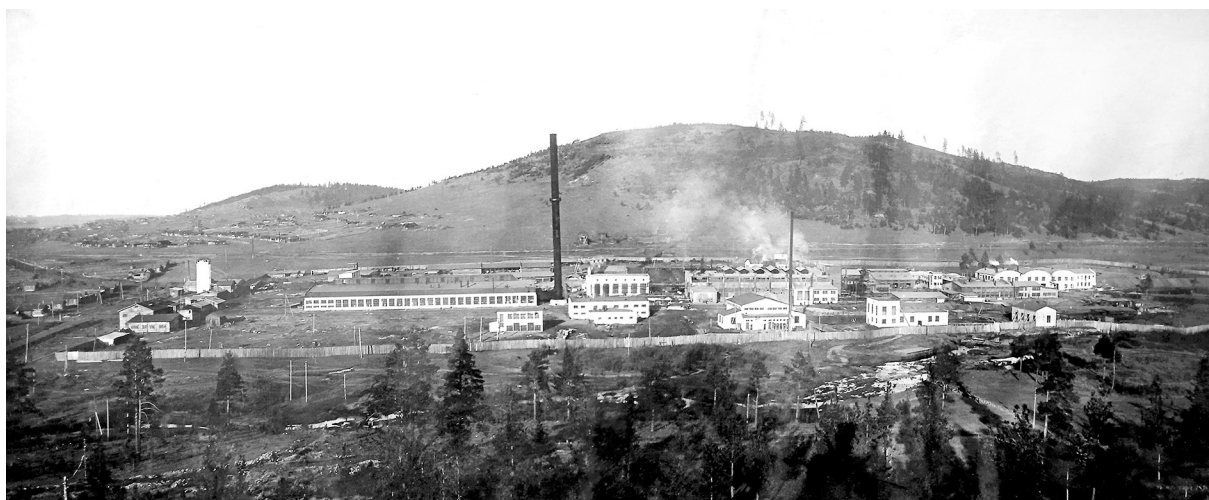
В перечне знаковых имен верхнеуфалейских деятелей, внесших вклад в развитие края, редко можно услышать имя директора Уфалейского никелевого завода (УНЗ) Ивана Георгиевича Егурнова. Его имя, вычеркнутое из истории в период большого террора 1930-х гг., так и осталось бы полузабытым, если бы в последнее время тема «репрессированного человека» не стала актуальной для профессионального исследования.

Биография Ивана Георгиевича для того времени была почти безукоризненна. Родился в 1898 г. в г. Енакиево Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. С 15 лет был чернорабочим и электриком на Софиевском угольном руднике. Член РСДРП(б) с 1919 г. Служил в Красной армии.

Убежденность молодого большевика в светлом будущем сделали его фигуру более заметной. В эпоху индустриализации деятельные, образованные, всецело преданные работе люди были на вес золота. Именно таким был инженер Иван Егурнов. Начиная с 1921 г. его стали продвигать по служебной лестнице: начальник снабжения Управления тяжелой индустрии по Донбассу, заместитель начальника Донбасстопа, помощник управляющего Лисичанскими рудниками, руководитель работ на Изюмском фосфоритовом руднике (Харьковская губерния), директор Управления графитных предприятий в Мариуполе (Донецкая губерния).

После окончания Иваном Георгиевичем Московского института цветных металлов (1931) его стали направлять на предприятия цветной металлургии во Францию, Германию и Италию с целью размещения заказов и приемки оборудования для строящихся заводов.

Карьера И. Г. Егурнова могла бы быть совсем иной — он вполне мог стать известным партийным деятелем на Украине. Но не стал. В 1935 г. Иван Георгиевич был направлен на работу в Челябинскую область на должность директора первенца нике-

Верхнеуфалейский никелевый завод. 1937 г. Из фондов Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея

Продукция Уфалейского никелевого завода: первый никель и кобальт. Из фондов Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея

Под руководством Ивана Егурнова специалисты завода участвовали в проектировании Режского (Режевского) никелевого завода (второго в СССР) в Свердловской области, вели исследовательские работы для проектировавшихся и строившихся никелевых комбинатов «Южуралникель» (г. Орск Оренбургской области) и «Североникель» (г. Мончегорск Мурманской области).

В результате неумолимого труда геологов было открыто новое месторождение никелевых руд и начата разработка Ново-Черемшанского карьера, совершенствовались технологические процессы. По сообщению газеты «Индустрия», в 1936 г. объем выпущенной продукции составил 256 % по сравнению с 1934 г., в 1937 г. — 312 %, в 1938 г. — 343 %¹.

И. Г. Егурнов в 1936 г. избирался делегатом областного чрезвычайного съезда Советов от Уфалейского никелевого завода, а в декабре того же года на 14-й районной партийной конференции в Верхнем Уфалее был избран в состав пленума райкома ВКП(б).

Казалось бы, все вело к тому, чтобы имя Егурнова было прославлено в нашем крае, но человек, утвержденный самим И. В. Сталиным, внезапно стал «плохим хозяйственником». Причина такого решения кроется, скорее всего, в непонимании некоторыми рабочими роли специалистов на предприятии и, как следствие, в многочисленных жалобах на И. Г. Егурнова. Например, в номере газеты «Уфалейский рабочий» от 5 апреля 1937 г. писали: «План по никелю выполнен лишь на 68,3 %... Почему так плохо работает завод? Об этом директор не сказал. Не подверг он также большевистской критике конкретных виновников аварий, поломок, простоев, не разоблачил бюрократов из аппарата заводоуправления. Отдельные выступающие подвергли резкой критике работу самого тов. Егурнова. Директор завода, говорит машинист тов. Шапашников, на словах призывает к выращиванию местных кадров, а на деле продолжает обставлять себя «своими» людьми... Такая «система» подбора кадров привела к тому, что в нашем цехе за год сменилось три начальника и четыре мастера депо»².

А 25 января 1938 г. в газете «Челябинский рабочий» была опубликована статья И. Овчинникова «Резервы плавильщиков никеля» с критикой И. Г. Егурнова: «...в его

левой промышленности — Уфалейского никелевого завода. Многие годы фамилия Ивана Георгиевича звучала как Егурный — возможно, такой она стала во время его работы на Украине. В 1936 г. при обмене партийного билета он восстановил правильное написание — Егурнов. А члены его семьи так и остались Егурными. В течение трех лет жизнь Ивана Георгиевича была тесно связана с Верхним Уфалеем. Под его руководством были приняты меры по мобилизации внутренних ресурсов, частичной реорганизации производства, расширению объемов капитального строительства, повышению культуры производства.

1 мая 1936 г. был получен первый советский сульфат никеля. Во время работы Егурнова в должности директора на заводе удалось освоить новое производство: была разработана технологическая схема выхода кобальта из гидратов и 1 мая 1937 г. получен первый отечественный кобальт.

*Иван Георгиевич Егурнов с женой Раисой Ефимовной и детьми Сергеем и Майей. 1929 г.
Из фондов Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея*

кабинете открыто ведутся дезорганизующие коллектив разговоры о невозможности выдерживать твердый график работы цехов. У нас же нет хорошей связи между цехами, нам не отпускают средств на оборудование. Запевалой всех этих вредных теорий являлся сам директор»³.

30 марта 1938 г. Егурнова арестовали. Также было арестовано почти все политическое и хозяйственное руководство поселка. 21 июля того же года Военной коллегией Верховного Суда СССР Иван Георгиевич Егурнов был приговорен к высшей мере наказания. Ему вменялись членство в троцкистской организации, тесные контакты с уфалейскими троцкистами, вредительство на Днепропетровском алюминиевом и Уфалейском никелевом заводах, организация покушения на Серго Орджоникидзе, который приезжал в Верхний Уфалей в 1934 г. В тот же день он был расстрелян⁴.

Но трагедия на этом не закончилась. 2 октября 1938 г. были арестованы жена Егурнова, Раиса Ефимовна, и дочь Майя. Сын Сергей 17 лет остался один без семьи и жилья. Раису Ефимовну освободили «за прекращением дела» в канун нового 1939 г., а Майя несколько лет провела в детском доме на Украине. Семья Ивана Георгиевича многие годы находилась в неведении насчет его судьбы. 15 ноября 1956 г. решением Военной коллегии Верховного Суда СССР дело за отсутствием состава преступления было прекращено, Иван Георгие-

*Иван Георгиевич Егурнов с женой Раисой Ефимовной. 1937 г.
Фотография С. И. Егурного. Из фондов Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея*

*Иван Георгиевич Егурнов. Франция, 1931 г.
Из фондов Государственного исторического музея
Южного Урала*

*Иван Георгиевич Егурнов. 1930–1938 гг.
Из фондов Государственного исторического музея
Южного Урала*

вич Егурнов реабилитирован посмертно. Его жизнь и карьера служат яркой иллюстрацией реалий той эпохи.

В Верхнеуфалейском историко-краеведческом музее хранится фотоальбом Сергея Ивановича, сына Ивана Георгиевича Егурнова. Передала альбом из семейного архива его дочь Ирина Сергеевна Егурная, биолог, краевед, бывший музейный работник, автор книг, статей, других публикаций.

Сергей Иванович был человеком разнообразных интересов, прошел Великую Отечественную войну от первых и до последних ее дней, получил высшее образование, стал ведущим техническим специалистом, впоследствии руководителем Троицкого станкостроительного завода. Одним из увлечений Сергея была фотосъемка. В конце 1930-х гг. мало кто занимался любительским фотографированием, в основном все снимки были постановочные и выполнялись профессиональными фотографами. Да и сохранилось с тех лет их не так много, одной из причин чего были репрессии. В старых альбомах очень часто можно встретить разрезанные или выжженные кислотой фотографии. Вырезали лица тех членов семьи, которые подверглись репрессиям, чтобы при следующем обыске не навредить тем, кто еще не сослан. Ведь хранение фотографий или дневников репрессированного значило подставить под удар себя самого.

В нашем случае альбом с семейными фотографиями Егурновых имеет особую ценность — в них застыла сама история. В числе фотографий, сделанных Сергеем в 1936–1940 гг., чудом сохранились снимки его родителей — Ивана Георгиевича и Раисы Ефимовны. Они являются семейной реликвией и напоминают нам об истинной природе человеческого счастья, которое не зависит от внешних обстоятельств, но пробуждает неподдельный интерес к изучению истории и судеб отдельных людей.

Примечания

¹ Индустрия. 1939. 1 февр.

² Уфалейский рабочий. 1937. 5 апр.

³ Челябинский рабочий. 1938. 25 янв.

⁴ *Егурная И. С., Черных В. А.* Егурнов (Егурный) Иван Георгиевич // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 229–230.

И. В. Стоякин, В. Б. Феркель

**ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА:
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНДРАТЬЕВ —
УПРАВЛЯЮЩИЙ СТРОИТЕЛЬНЫМ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ТРЕСТОМ № 42 МИНТЯЖСТРОЯ СССР**

Имя Владимира Александровича Кондратьева до недавнего времени было известно только узкому кругу специалистов в области истории строительного комплекса региона. И хотя имеется свободный доступ к фондам строительного ордена Ленина треста № 42 (ОГАЧО. Ф. Р-1620. Оп. 2) и личному делу В. А. Кондратьева (ОГАЧО. Ф. Р-1620. Оп. 1л. Д. 370), а также в Сети размещена энциклопедия «Архитектурно-строительный институт Южно-Уральского государственного университета: преподаватели, выпускники»¹, содержащая биографическую справку о В. А. Кондратьеве, деятельность треста № 42 и его управляющих (в том числе В. А. Кондратьева) требует дополнительного изучения.

Следует отметить, что дочь В. А. Кондратьева — Т. В. Кислова — проживает в Челябинске и является хранителем большей части личного архива своего отца (архив документов не систематизирован, не описан; тем не менее авторы признательны за возможность воспользоваться указанной коллекцией документов). Одновременно с этим Татьяне Владимировне принадлежит инициатива формирования из имеющихся документов и фотографий двухтомника (самиздат), посвященного жизни В. А. Кондратьева.

Владимир Александрович родился в Омске 20 октября 1926 г. Вот строчки из его воспоминаний (составлены в августе 2004, оцифрованы в декабре 2019): «Родители в 1925 году из пензенской деревни переехали в Омск (голод). В Куломзино мама брала с собой, ходила за грибами. Там родственники. Отец работал слесарем на каком-то заводе. Мама из крестьянской семьи, простая женщина. Она всех вытянула. Плохо жили, но учили всех. В техникум меня прямо за руку отвела. Самый ближний к дому. Учился 5 лет. После техникума по приказу министра отработал положенный срок»². В период обучения в Омском строительном техникуме железнодорожного транспорта (1941–1945) проходил производственную практику в подсобном хозяйстве станции Осокино (май, июль — август, сентябрь 1943) и на станции Барабинск (январь — февраль 1945)³.

По окончании техникума (1945; квалификация «техник-строитель по зданиям») ⁴ работал на головном ремонтно-восстанови-

Владимир Александрович Кондратьев

Диплом лауреата премии Совета министров СССР

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесен запис (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	7
				Строительный отдел Ленина трест № 42		
25	1967	11	20	Назначен исполнителем обязанности Управляющего Стройтрестом № 42 в порядке перевода из треста «Селибинскгражданстрой»	Ур. зав. № 62/к от 10.11.1967	
26	1968	02	22	Увольнен в должности Строительного трестом № 42 Главного Уралстроя	п.п. Управления пр. Министров СССР № 25-22-82 от 19.6.68	
27	1976	10	25	Возвращен в связи с переводом на работу в Свердловские шахты № 5 КЗотт ДСРСД из отдела кадров треста № 42	Свердловск № 176/к от 11/12 1976	

Страница из трудовой книжки В. А. Кондратьева

главный инженер (июль — ноябрь 1967) треста «Челябинскгражданстрой». Заместитель управляющего по промышленному строительству (1966–1967), и. о. управляющего трестом (1967), управляющий (1968–1976) строительным ордена Ленина трестом № 42⁷.

Член КПСС (1947–1991; партийный билет № 03892142). В 1964 г. окончил экономическое отделение вечернего факультета Университета марксизма-ленинизма при Челябинском городском комитете КПСС. В 1972 г. окончил постоянно действующие курсы руководящих работников по изучению научных основ управления производством при Челябинском обкоме КПСС. В мае — июне 1974 г. (с отрывом от производства) повышал квалификацию на факультете экономики, управления и технологии строительства при Московском инженерно-строительном институте им. В. В. Куйбышева.

В 1973–1976 гг. являлся председателем государственной экзаменационной комиссии (ГЭК) № 4 на инженерно-строительном факультете Челябинского политехнического института им. Ленинского комсомола по специальности «Промышленное и гражданское строительство». В тот же период работал над кандидатской диссертацией⁸.

В 1976 г. Владимир Александрович покидает Челябинск. В 1976–1978 гг. он начальник Всесоюзного объединения «Курсктяжстрой». Далее — заместитель начальника (1978–1984), заместитель начальника — главный инженер (1984–1985), начальник (1985–1986) Главдальсельстроя Министерства сельского строительства РСФСР. В 1986 г. начальник Управления по строительству в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока кооперативно-государственного объединения «Агропромвостокстрой». В 1986–1988 гг. начальник производственно-распорядительного управления по строительству в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока Всероссийского кооперативно-госу-

тельном поезде (горем) № 19 строительного управления № 24 (Челябинское строительное управление МПС СССР): строймастер, сменный инженер станции Бердяуш (с 1946), начальник колонны станции Сулея (с 1948), строймастер I-го разряда (1949)⁵. В 1953 г. окончил с отличием Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта⁶, получив квалификацию «инженер-строитель по мостам». Строймастер I-го разряда (1949–1950), начальник производственного отдела (1953–1954) СМП № 150 Челябинского строительного управления МПС СССР. Начальник СМП № 156 (с 1954), главный инженер горема № 38 (с 1955), главный инженер СМП № 208, начальник колонны СМП № 208 треста «Южуралтрансстрой». Заместитель главного инженера по промышленному строительству (с 1960), главный технолог по промышленному строительству (с 1961), заместитель управляющего трестом по монтажным работам и промышленному строительству (с 1962) треста «Челябинскпромстрой». Заместитель управляющего трестом по жилищному строительству (апрель — сентябрь 1966),

дарственного объединения по строительству Госагропрома РСФСР. В 1988–1989 гг. начальник управления жилищно-коммунального хозяйства Главного управления капитального строительства Госагропрома Нечерноземной зоны РСФСР. Начальник управления по газификации Главного управления инвестиций и планирования развития социальной сферы (1989–1990), заместитель начальника управления — начальник сектора по строительству в районах Центра Управления организации строительства в районах Центра и Запада (1990–1992) кооперативно-государственного объединения «Нечерноземагропромстрой РСФСР» Госагропрома Нечерноземной зоны РСФСР⁹. Первый заместитель генерального директора (1992), заместитель генерального директора (1992–1993) Научно-технического фонда СССР. В 1993–1995 гг. начальник управления капитального строительства Международной ассоциации правоведа «Юристы — деловому миру». В 1998 г. главный специалист исполнительного аппарата акционерной производственно-проектной корпорации «Нечерноземагропромстрой». В 2001–2002 гг. заместитель начальника управления инвестиций и капитального строительства ОАО «Промышленно-проектная агростроительная корпорация “Нечерноземагропромстрой”».

Только на Южном Урале В. А. Кондратьев руководил строительством, реконструкцией, техническим перевооружением объектов ЧЭМК¹⁰, Челябинского завода шлифовальных изделий¹¹, ЧКПЗ¹², ЧТПЗ, ЧТЗ¹³, ЧЭЦЗ, АМЗ, лакокрасочного, станкостроительного, абразивного заводов, завода дорожных машин им. Колющенко (Челябинск); строительством крупных объектов сельскохозяйственного назначения, объектов жилья и соцкультбыта в Челябинской, Курганской и Оренбургской областях.

Не стоял он в стороне и от общественной жизни: избирался депутатом Сталинского районного Совета депутатов трудящихся (1957–1963), Челябинского городского (1969–1977) и областного (1973–1976) Советов депутатов трудящихся, Курского областного Совета депутатов трудящихся (1977–1979)¹⁴. Являлся членом Железнодорожного райкома КПСС Златоуста (1954–1955), Ленинского райкома партии Челябинска (1968–1971; член бюро в 1971–1976), Челябинского горкома партии (1974–1976)¹⁵. Избирался делегатом партийных конференций разного уровня: XIII (Ленинского района Златоуста), XIII (Златоуста), XXX, XXXII, XXXIII (Ленинского района Челябинска), XIX, XXI, XXII (Челябинска), XX (Челябинской области).

Владимир Александрович удостоен почетных званий «Ветеран Великой Отечественной войны» (8 апреля 2004; удостоверение серии ВВ № 475163), «Ветеран труда» (8 февраля 1997; удостоверение серии И № 579256). За доблестный труд, высокий профессионализм удостоен также звания «Заслуженный строитель РСФСР» (постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 июля 1976)¹⁶, стал лауреатом премии Совета министров СССР (6 августа 1981, за разработку проекта и строительство (реконструкцию) основных цехов ЧТПЗ)¹⁷.

В. А. Кондратьев был отмечен знаками «Отличный строитель» МПС СССР (4 августа 1947; 6 июня 1949), «Отличник социалистического соревнования» Министерства строительства РСФСР (15 апреля 1966), «Отличник соцсоревнования» Минтяжстроя СССР и ЦК профсоюза строителей (13 июля 1972), «Победитель соцсоревнования 1973 года» (постановление коллегии Минтяжстроя СССР и Президиума ЦК профсоюза строителей от 29 декабря 1974), «Ударник 9-й пятилетки» (1975), «За ударный труд на строительстве жилых домов в совхозах и колхозах [Хабаровского] края» (совместное

В. А. Кондратьев (стоит) на торжественном вечере строителей и металлургов, посвященном окончанию строительства цеха № 7 ЧЭМК. 1964 г.

*Главный корпус цеха № 7 ЧЭМК (1961–1964,
ударная комсомольская стройка)*

Он был награжден орденами Октябрьской революции (№ 60439; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1974; удостоверение серии З № 421351), «Знак Почета» (№ 1556302; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1986; удостоверение серии И № 524841), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (удостоверение серии Я № 0248657; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945; вручена 25 июня 1947), «За трудовую доблесть» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 июня 1966; удостоверение серии Ж № 445953), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975), «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (от имени Президиума Верховного Совета СССР 1 апреля 1970), «Ветеран труда» (28 декабря 1984), бронзовой (постановление № 577-н Главного комитета ВДНХ СССР от 11 декабря 1975; удостоверение № 56189) и серебряной (постановление № 1106-н Главного комитета ВДНХ СССР от 12 декабря 1986; удостоверение № 18778) медалями ВДНХ СССР¹⁸.

Был награжден почетными грамотами Челябинского обкома ВЛКСМ (2 октября 1964, за активную работу по воспитанию молодежи на ударной комсомольской стройке; 29 октября 1964, «В честь 50-летия Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи»); Министерства хлебопродуктов и ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок (за высокие показатели в работе в районе целинных земель в 1957 г.); Главюжуралстроя и Челябинского обкома профсоюза строителей (за высокие производственные показатели в социалистическом соревновании; 26 октября 1964, 24 июля 1967); Главюжуралстроя и Челябинского обкома; Челябинского обкома профсоюза строителей (за активную работу по организации летней оздоровительной кампании для детей; 19 ноября 1971); Челябинского областного Совета профсоюзов (за активную работу по организации отдыха пионеров и школьников; октябрь 1975), Госагропрома Нечерноземной зоны РСФСР (за активную работу по ликвидации последствий радиоактивного заражения в результате аварии Чернобыльской АЭС; 28 сентября 1990).

Умер Владимир Александрович 23 мая 2018 г., похоронен в Москве.

В завершение хотелось бы рассказать об инициативе строительной общественности Челябинска по увековечению памяти В. А. Кондратьева: установлению мемориальной доски на фасаде дома на пл. Революции, 1, в котором управляющий трестом Кондратьев проживал в 1958–1976 гг. (а в период строительства дома осуществлял руководство его ходом и вводом здания в эксплуатацию)¹⁹. В настоящее время уже подготовлен макет мемориальной доски. Авторы надеются, что публикация данной статьи приблизит момент ее открытия.

Примечания

¹ Архитектурно-строительный институт Южно-Уральского государственного университета: преподаватели, выпускники // Союз строительных компаний Урала и Сибири. URL: https://sskural.ru/about/books/Энциклопедия_АСИ_20220311.pdf (дата обращения: 16.04.2022).

² Тезисы воспоминаний В. А. Кондратьева на трех страницах.

³ Справка ГОУ СПО «Омский колледж транспортного строительства» от 23 марта 2004 г. № 204. 1 л.

⁴ Диплом № 40200 об окончании Омского строительного техникума железнодорожного транспорта (решение ГЭК от 9 апреля 1945) по специальности «Технические и гражданские здания» (10 апреля 1947, № 133).

⁵ Трудовая книжка В. А. Кондратьева.

⁶ Диплом серии Ж № 421885 об окончании Тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта (отделение «Мосты»; решение ГЭК от 18 июня 1953).

⁷ Характеристика управляющего строительным ордена Ленина трестом № 42 В. А. Кондратьева от 3 ноября 1973 г. (утверждена на заседании парткома треста от 12 ноября 1973, протокол № 23). 3 л. ; Копии приказов Главного управления по строительству в Южно-Уральском районе «Главюжуралстрой» от 21 октября 1976 г. № 459к и Минтяжстроя СССР от 11 октября 1976 г. № 176к.

⁸ Отчет председателя ГЭК № 4 инженерно-строительного факультета Челябинского политехнического института им. Ленинского комсомола по специальности «Промышленное и гражданское строительство» (1202). 3 л.

⁹ Характеристика начальника управления по строительству в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока «Росагропромстроя» Госагропромстроя РСФСР В. А. Кондратьева. 2 л. ; Характеристика т. В. А. Кондратьева от 10 июля 1990 г. (для оформления персональной пенсии союзного значения), подготовленная В. И. Наумовым, первым заместителем председателя Государственного агропромышленного Комитета Нечерноземной зоны РСФСР — Министром РСФСР ; Характеристика начальника Главдальсельстроя т. В. А. Кондратьева. 2 л. ; Краткая характеристика т. В. А. Кондратьева по участию в выполнении долговременной программы преобразования Нечерноземья РСФСР (подготовлена Л. Я. Ивановым, заместителем председателя Комитета народного контроля Госагропрома Нечерноземной зоны РСФСР, 5 июля 1990). 2 л.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1620. Оп. 2. Д. 1112. Л. 30 ; Д. 1161. Л. 87–93.

¹¹ Там же. Д. 1112. Л. 29, 57.

¹² Там же. Д. 1440. Л. 3, 5.

¹³ Там же. Д. 1112. Л. 44.

¹⁴ Участие т. В. А. Кондратьева в областных, городских, районных партийных, советских и др. выборных органах. 1 л.

¹⁵ Удостоверения об избрании в Челябинский городской Совет депутатов трудящихся от 18 марта 1969 г., 14 июня 1971 г., июнь 1973 г., 16 июня 1975 г., до июня 1977 г.

¹⁶ Грамота заслуженного строителя РСФСР (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 июля 1976 о присвоении почетного звания «Заслуженный строитель РСФСР»).

¹⁷ Удостоверение лауреата премии Совета министров СССР (постановление Совета министров СССР от 6 августа 1981; медаль № 8857).

¹⁸ Перечень правительственных наград и поощрений т. В. А. Кондратьева. 2 л.

¹⁹ Письмо заместителя начальника ЮУЖД Г. Шевелева от 25 ноября 1969 г. № 1153 о выдаче В. А. Кондратьеву ордера на квартиру № 18 на пл. Революции, 1.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ КАТАЕВ: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В последние годы в российской историографии активно разрабатывается персонализированный подход. В ежегодных сериях «История и историки», «Историки России», двухтомном труде «Портреты историков: время и судьбы», монографиях современных историографов (Б. П. Балугев, М. Г. Вандаковская, В. П. Золотарев, Р. А. Киреева и др.) увидели свет научные биографии историков. Многие российские историки дождались признания потомков спустя десятилетия. Научный мир отмечает, что изучение имен выдающихся историков одновременно проясняет и магистральные вопросы развития исторической науки в России.

В новейших работах, посвященных конкретным историкам, предлагается целостное изучение личности и инициированных ею творческих процессов. В них ставятся проблемы, вопросы о взаимовлиянии общественных условий и науки, политических ситуаций на мировоззрение историка. Исследование биографии историка в условиях интеллектуальной атмосферы его времени остается одним из путей углубленного изучения представлений о его творчестве. Ученых современности интересуют коммуникативные процессы внутри научных и научно-педагогических школ, развитие научно-интеграционных процессов исторического мышления и возникновение передовых идей в области методологии и методики преподавания истории.

В условиях регионализации исторической науки и исторического образования идет процесс изучения исследователями проблем провинциальной историографии (В. В. Алексеев, Г. Е. Корнилов, «Историки Урала. XVIII–XX вв.»; Л. И. Севостьянова, «Русская провинциальная историография XVIII в.» и др.) Но в региональных исследованиях проблем историографии имеются белые пятна, забытые имена, и для молодых ученых предоставляется широкое поле деятельности.

В мировой историографии методологические поиски в последние годы сосредотачиваются на микроистории. Проблема соотношения микро- и макроанализа наиболее полно решается в истории индивида и «новой биографической истории». Появилось новое направление историко-биографических исследований — персональная история, со своими специфическими задачами и процедурами. В данном направлении основным исследовательским объектом являются персональные тексты, а предметом исследования — история одной жизни во всей ее уникальности. В качестве источников «новая биографическая история» использует материалы, содержащие субъективную информацию (письма, дневники, мемуары, автобиографии) и косвенные свидетельства, фиксирующие взгляд со стороны (объективная информация). В «новой биографической истории» важное значение придается анализу именно персональной истории жизни — автобиографии в широком смысле этого слова. В орбиту биографического исследования включаются внутренний мир человека, его идейные поиски, взаимоотношения в семье.

В плеяде замечательных представителей исторической науки Урала особое место принадлежит доктору исторических наук, профессору Ивану Матвеевичу Катаеву. С его именем связаны научные работы по археографии, архивоведению, отечественной истории, истории Урала, методике преподавания истории.

Иван Матвеевич родился 7 июня 1875 г. в с. Вознесенском Вятской губернии в семье священника¹. Среднее образование получил в Вятской духовной семинарии (1890–1896). После ее окончания добился разрешения на поступление в Казанский университет на историко-филологический факультет. Проучившись два года, в 1898 г. И. М. Катаев перешел на историко-филологический факультет Московского университета, который окончил в 1901 г. Затем начал свою педагогическую деятельность в качестве преподавателя истории в московской гимназии.

Увлечение работой над историческими источниками, появившееся в студенческие годы, явилось важным стимулом для поступления И. М. Катаева на службу в один из крупнейших центральных научных архивов — Московский архив Министерства юстиции — в качестве помощника редактора по описанию и изданию архивных документов. В этом архиве И. М. Катаев проработал 14 лет — с 1903 по 1917 г., продолжая по совместительству преподавать историю в учебных заведениях Москвы. За время службы в архиве И. М. Катаевым были изданы пять томов «Описания документов Московского архива Министерства юстиции».

В дореволюционный период И. М. Катаевым было написано большое количество популярных очерков по отечественной истории. Он известен своими оригинальными и содержательными исследованиями по истории Москвы, очерками об исторических личностях, статьями о народных движениях и крестьянском вопросе.

И. М. Катаев активно занимался разработкой методики преподавания истории и являлся составителем учебных книг, программ, методических пособий. Им был написан учебник по русской истории для средних учебных заведений в трех частях, вышедший в 1907 г. и выдержавший четыре переиздания².

В 1916 г. И. М. Катаев принял участие в работе комиссии московских профессоров и преподавателей по реформе средней школы³. Он исполнял обязанности секретаря этой комиссии, где высказал несколько ценных идей по реформированию исторического образования. В 1916–1917 гг. под редакцией И. М. Катаева вышло два сборника статей «Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе».

В январе 1918 г. И. М. Катаев стал директором Суздальской мужской гимназии и председателем педагогического совета женской гимназии.

В июне 1919 г. был избран преподавателем, а затем профессором истории и методики преподавания истории на педагогическом факультете Тамбовского государственного университета. В 1922–1923 гг. являлся проректором, заведующим учебной частью Тамбовского практического института народного образования. С 1920 по 1924 г. заведовал Тамбовским губернским архивом, организовав в трудных условиях один из крупных провинциальных архивов.

В ноябре 1924 г. И. М. Катаев приехал в Пермь. В Пермском государственном университете занимал различные должности⁴. В этот период им был опубликован ряд работ по методике преподавания обществоведения. Его книга «Вопросы преподавания обществоведения» (М., 1926) была допущена Государственным ученым советом в качестве методического руководства и выдержала несколько изданий. В Перми И. М. Катаев участвовал в деятельности научных обществ, активно занимался общественной работой⁵.

В сентябре 1930 г. И. М. Катаев перешел в Средне-Волжский педагогический институт (г. Куйбышев). Заведовал кафедрой методики преподавания общественных наук, читал курсы по истории феодализма в России⁶. В сентябре 1932 г. перешел на службу в Средне-Волжское архивное управление на должность ученого консультанта. За пять лет работы в Куйбышевском архиве опубликовал ряд трудов архивоведческого характера. При его участии вышли две книги справочника-путеводителя по архивохранилищам Средней Волги. В 1934 г. И. М. Катаев совместно с К. В. Сальниковым издал пособие «В помощь работнику архива».

Важный период в жизни и творчестве ученого связан с Магнитогорским государственным педагогическим институтом. В августе 1941 г. И. М. Катаев приехал на Южный Урал и занял должность заведующего кафедрой истории МГПИ, затем стал деканом исторического факультета вуза.

На историческом факультете МГПИ И. М. Катаев продолжил научно-исследовательскую деятельность. Он разрабатывал тему «Усольская вотчина на Самарской

Луке в период разложения феодализма»⁷. Этот труд, являющийся фундаментальным исследованием на основе громадного количества архивных материалов и проливающий свет на эпоху крепостного права и развития капитализма в России, был представлен И. М. Катаевым в Институт истории Академии наук СССР для соискания ученой степени доктора исторических наук. Академик Ю. В. Готье, профессор М. В. Нечкина, член-корреспондент Академии наук СССР профессор А. Н. Яковлев дали высокую оценку исследованию. В 1944 г. И. М. Катаев, успешно защитив диссертацию, стал доктором исторических наук.

На историческом факультете МГПИ И. М. Катаев вел большую учебную работу, читал лекции по истории, творчески проводил семинары, систематически руководил работой студенческого исторического кружка, стремился развить в студентах интерес к истории России и Южного Урала⁸.

До последних дней жизни И. М. Катаев уделял пристальное внимание и еще одному аспекту своей деятельности — методической работе, развитию и совершенствованию школьного исторического образования. На заседании кафедры истории МГПИ было особо отмечено, что «ввиду отсутствия в г. Магнитогорске необходимой литературы и архивных материалов, научно-исследовательская работа может свестись к созданию научно-методических пособий для средней школы...»⁹ Выполняя это решение, авторский коллектив под руководством профессора И. М. Катаева начал разработку комплексной темы «Книга для чтения по истории нашей Родины». Кроме этого профессором И. М. Катаевым, преподавателями Н. Н. Глебовой, З. К. Василенко и А. И. Дикаревой было написано учебное пособие для учащихся 5–7-х классов средней школы «Очерки истории нашей Родины». И. М. Катаев непосредственно участвовал в работе по повышению квалификации учителей-историков Магнитогорска, выступал с докладами по научно-методическим вопросам, принимал участие в обследованиях школ с целью анализа состояния преподавания и изучения истории¹⁰.

Профессор доктор исторических наук И. М. Катаев внес существенный вклад в развитие исторической науки, исторического образования на Южном Урале, обогатил изучение и преподавание истории многими ценными идеями.

Примечания

¹ Автобиография профессора И. М. Катаева // Архивный отдел Администрации г. Магнитогорска (АОАМ). Ф. 132. Оп. 3. Д. 68. Л. 16–17.

² Катаев И. М. Учебник русской истории для средней школы. Ч. 1. 132 с. ; Ч. 2. 262 с. ; Ч. 3. 262 с. Первое издание в 1907 г., четвертое — в 1913 г.

³ Катаев И. М. Московская комиссия по обсуждению реформы средней школы // Наука и школа. 1916. № 1.

⁴ Катаев Иван Матвеевич // Пермский государственный университет : сайт. URL: <https://www.museum.psu.ru>

⁵ Автобиография профессора И. М. Катаева // АОАМ. Ф. 132. Оп. 3. Д. 68. Л. 16 об.

⁶ Храмова Н. П. Подготовка педагогических кадров на историческом факультете КГПИ им. В. В. Куйбышева в 1929–1940 гг. // Исторические исследования : сб. науч. тр. Вып. 2. Самара, 1998. С. 117.

⁷ Катаев И. М. Усольская вотчина накануне крестьянской реформы 1861 г. // Ученые записки МГПИ. Вып. 2. Магнитогорск, 1949. С. 5–59.

⁸ АОАМ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 62. Л. 27 об.

⁹ Там же. Д. 56. Л. 18 об.

¹⁰ ОГАЧО. П. Ф-288. Оп. 8. Д. 267. Л. 25–28.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ СЛЕЗКИН — ФОТОХУДОЖНИК И КРАЕВЕД, ИЛИ СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ РАССКАЗАЛИ

Эта фотография в рамке под стеклом висела раньше у нас в дачном доме и всегда производила на меня какое-то завораживающее впечатление. Я любила смотреть на огромные вековые сосны с замшелыми стволами, растущие вплотную друг к другу, на горы, подпирающие небо за зеркально-бирюзовой гладью озера. Разглядывала остров, поросший деревьями, которые отражались в озере, и чудилось, что там находится подводный лес.

Спустя несколько лет, впервые оказавшись в пос. Аракуль Каслинского района Челябинской области и прогуливаясь по берегу озера, я с удивлением узнала знакомый по фотографии из раннего детства пейзаж. Вот так живешь в очень красивом крае и не подозреваешь, сколько в нем природных красот! Песчаный берег, чистая вода, чудесная гладь озера переходит в восхитительный горный пейзаж — это все Аракуль. Еще на Аракуле есть красивое и загадочное место. В западной части озера над водной гладью возвышается остров причудливой формы — Остров любви. Его длина 125 м, ширина 17 м¹. Легенд о происхождении названия я не нашла — возможно, оно связано с тем, что многие влюбленные предпочитают уединяться на этом необитаемом острове и проводить там романтические свидания под мирный плеск волн и пение птиц. Говорят, что пары, которые побывали на Острове любви, навсегда сохраняют трепетное отношение друг к другу.

Кто же мог сделать мою любимую фотографию? На этот вопрос мне ответила моя бабушка Нина Николаевна Наседкина. Оказывается, фотография сделана верхнеуфалейским фотохудожником Виктором Ивановичем Слезкиным еще в начале 1960-х гг. и была подарена ей. Вы наверняка сталкивались со старыми цветными фотографиями. Цвета на многих из них стали совсем блеклыми, чего не скажешь о прекрасно сохранившемся снимке озера. Виктор Слезкин был удивительным мастером фотографии и ретуши. Нина Николаевна рассказала, что лично знала Виктора Ивановича, работала вместе с ним в артели «Свет», и знаменит он был не только как фотохудожник, но и как краевед. Статья о нем помещена в энциклопедии «Челябинская область». Вот что написано о нем в этой статье:

Слезкин Виктор Иванович [2(15).05.1914, Верхнеуфалейский завод Екатеринбургского уезда Пермской губернии — 29.06.1976, Челябинск], краевед, фотохудожник, советский деятель. По окончании школы фабрично-заводского ученичества работал электриком в энергоцехе Уфалейского никелевого завода (1933–1944). С 1945 г. в пос. Аракуль: электромеханик-моторист (до 1958), фотограф уфалейской артели «Свет» при доме отдыха «Аракуль» (1958–1962). Депутат Верхнеуфалейского городского Совета (1950–1962). Работал внештатным корреспондентом газет «Уфалейский рабочий», «Красное знамя»

В. И. Слезкин. Фотография из семейного архива Наседкиных, с которой началось мое исследование

В. И. Слезкин. Из семейного архива Наседкиных

В. И. Слезкин. Из семейного архива Наседкиных

В. И. Слезкин. Из семейного архива Наседкиных

(Касли). Создатель больших фотополотен «К Ленину», «Крейсер “Аврора”». Автор пейзажей оз. Аракуль, горы Шихан и других объектов уральской природы; панорамы Уфалейского никелевого комбината (продолжительное время размещалась в кабинете директора комбината). Известны его фотопортреты актрисы Руфины Нифонтовой. За фотоработу «Олечка-проказница» получил поощрительный диплом Челябинской областной выставки фотопортрета (1960). В 1969–1976 гг. председатель организации общества охраны природы при доме отдыха «Аракуль». Автор рукописной книги о природе родного края (в 1976 г. передана им в Челябинск, впоследствии утеряна); статей и рассказов с фотоснимками (опубликованы в журнале «Уральский следопыт») о диких животных края, озерах, об охране природы².

Виктор Иванович воспитал двоих сыновей — Адольфа и Валерия. После смерти отца Валерий передал в Верхнеуфалейский историко-краеведческий музей фотографии и рукописи, составившие фонд В. И. Слезкина. Среди прочих там находится фотография, сделанная в 1935 г. по окончании курсов повышения квалификации электротехников-практиков в Подольске, на которой есть и В. И. Слезкин. На эти курсы Виктор Иванович был направлен, когда работал электриком в энергоцехе Уфалейского никелевого завода. В фондах музея хранится также карта Уфалейского района Челябинской области, изданная в 1936 г. и подаренная музеем С. Карповым, жителем г. Полевского Свердловской области. Очень неожиданно было обнаружить на карте сделанную карандашом надпись с адресом Виктора Ивановича Слезкина: «ул. Сталина, д. 43». Как она там оказалась? Загадка...

В последние годы Аракуль все больше и больше притягивает меня своим прошлым. Не очень далеким. В советское время в поселке работал Дом отдыха Уфалейского металлургического завода, где директором был Г. Е. Махнев. В нашем семейном альбоме сохранились фотографии, сделанные В. И. Слезкиным во время пребывания моей прабабушки Лидии Ивановны Соловьевой и бабушки Нины Николаевны Наседкиной в доме отдыха «Аракуль». На территории дома отдыха находилось несколько памятников советского монументального искусства, на фоне которых так любили фотографироваться отдыхающие.

В пос. Аракуль до начала 1990-х гг. работал музей, созданный в 1958 г. Виктором Слезкиным и бывшим директором дома отдыха Геннадием Махневым. Мама мне рассказывала, что они из пионерского лагеря им. А. М. Горького ходили на экскурсию в этот музей. С удовольствием разглядывали чучела мелких зверей, птиц, рыб, пресмыкающихся, коллекции насекомых, минералов, гербарии. Но особенно ей запомнился один экспонат — заспиртованная голова бычка (теленочек родился с раздвоенным черепом, то есть у него было почти две головы). Детям по окончании экскурсии даже раздали фотографии бычка. К сожалению, снимок где-то затерялся, а ведь этот бычок был своего рода визитной карточкой музея в доме отдыха.

В фондах историко-краеведческого музея Верхнеуфалейского городского округа хранятся фотографии, на которых запечатлен Виктор Иванович Слезкин, читающий лекцию перед отдыхающими дома отдыха «Аракуль» на фоне величественного Шиха-

на. Перед ним на столике стоят сосуды с заспиртованными змеями и лягушками. Жаль, что это снова не разыскиваемое нами фото бычка. Но, значит, есть повод для дальнейшего исследования.

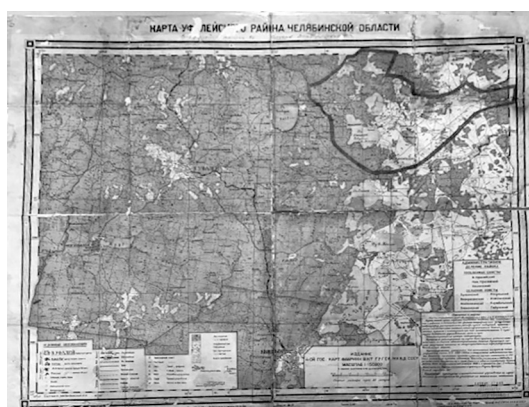
Когда в руки попадают старые фотографии, всегда появляется желание понять, как жили изображенные на них люди, что их волновало. Среди фотографий есть совсем старые, которые уже пожелтели от времени. Эти выцветшие фотографии рассматривать не менее интересно, чем новые фото или видео. Каждая черточка, каждая складочка на одежде рассказывают очень многое о людях, о времени, об отношениях. Исследуя старые фотографии, прикасаешься с природными красотами и историей своей малой родины, потому что без знания прошлого нельзя построить будущее. Фотографии могут содержать в себе неисчерпаемую информацию. Прошлое, запечатленное на старых фотографиях, близко и дорого нам.

Я сумела заглянуть в такие уголки моего родного края, которые раньше были скрыты от невнимательного взгляда. Главное, что я сумела понять, — это то, что живу я в удивительном месте, богатом природными ресурсами и талантливыми людьми. Я хочу пробудить в людях добрые чувства, хочу, чтоб они всегда помнили свою историю, охраняли памятники природы и гордились своей Родиной.

Мой рассказ о Шихане, об Острове любви на оз. Аракуль и о Викторе Ивановиче Слезкине начался со старых фотографий. Они дороги нашей семье, потому что это настоящая кладовая истории, машина времени, которая может перенести лет этак на 50, а то и больше, назад. Это наша память... А найденные в историко-краеведческом музее Верхнеуфалейского городского округа новые фотографии и документы рожают новые вопросы, на которые также хочется найти ответы. И это побуждает меня к новым поискам.

Из фондов историко-краеведческого музея
Верхнеуфалейского городского округа

Карта Уфалейского района
Челябинской области. 1936 г.

Из фондов историко-краеведческого музея
Верхнеуфалейского городского округа

Примечания

¹ Озеро Аракуль // Особо охраняемые природные территории России. URL: <http://oort.aari.ru/oort/Озеро-Аракуль> (дата обращения: 05.06.2022).

² Черных В. А. Слезкин Виктор Иванович // Челябинская область : энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 6. С. 81.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Николай Александрович — доктор медицинских наук, заведующий Музеем истории медицины г. Челябинска

Андреева Ирина Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения Челябинского государственного института культуры

Аникина Марья Николаевна — лектор-искусствовед выставочного отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Базанов Михаил Александрович — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области

Белова Елена Петровна — преподаватель истории первой категории Челябинского института путей сообщения

Боже Владимир Стейгонович — почетный член-академик Академии российских энциклопедий (Челябинск)

Буданов Андрей Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Валиахметова Зоя Андреевна — заведующая сектором археологии и естественно-научных коллекций научно-фондового отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Васильев Дмитрий Евгеньевич — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Веретельников Алексей Александрович — священник Русской православной церкви, магистр богословия (Москва)

Виноградов Николай Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения (Челябинск)

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (Москва)

Гончаренко Полина Евгеньевна — студентка факультета изобразительного искусства Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского (Челябинск)

Гуськова Наталья Семеновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник краеведческого музея Копейского городского округа

Гушул Юлия Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры

Давыдов Остап Михайлович — литературный редактор информационно-изда-

тельского отдела Челябинской епархии Русской православной церкви

Демаков Владислав Германович — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Докучаева Стефания Вячеславовна — научный сотрудник сектора археологии и естественно-научных коллекций научно-фондового отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Еремин Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного университета

Еремина Анна Вадимовна — заведующая научно-фондовым отделом Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Жилина Вера Анатольевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова

Ивлев Никита Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского (Челябинск)

Ивлиева Ирина Сергеевна — главный хранитель Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Израилев Борис Исаакович — доктор технических наук, старший научный сотрудник Снежинского городского музея

Канинский Геннадий Георгиевич — председатель исторической секции совета ветеранов Челябинского военного автомобильного училища

Каплан Геннадий Абрамович — краевед (Челябинск)

Конюченко Андрей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета

Коптелов Артем Олегович — магистрант Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Коркина Антонина Александровна — студентка факультета изобразительного искусства Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского (Челябинск)

Креписов Константин Михайлович — директор по юридическим вопросам ООО «Завод углеродных и композиционных материалов» (Челябинск)

Кусков Сергей Александрович — кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области

Латышев Юрий Владимирович — краевед (Челябинск)

Лопатин Павел Геннадьевич — коллекционер (Челябинск)

Любимов Андрей Григорьевич — кандидат исторических наук (Челябинск)

Машарова Анна Николаевна — научный сотрудник выставочного отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Маштак Артур Валентинович — студент Челябинского института путей сообщения

Молчанов Лев Николаевич — краевед (с. Чесма Челябинской области)

Моргунов Константин Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург)

Назирова Элина Ильдаровна — специалист по учету музейных предметов научно-фондового отдела Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Новиков Игорь Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск)

Новожилова Людмила Александровна — краевед (Челябинск)

Окунцов Юрий Петрович — заведующий отделом истории Златоустовского городского краеведческого музея

Павленко Владимир Денисович — кандидат исторических наук, доцент (Челябинск)

Павленко Галина Константиновна — кандидат исторических наук, доцент (Челябинск)

Палецких Надежда Петровна — доктор исторических наук (Челябинск)

Панин Алексей Станиславович — кандидат исторических наук, редактор Челябинской областной специальной библиотеки для слабовидящих и слепых

Пасс Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета

Петрова Елена Валентиновна — заведующая сектором художественных коллекций и этнографии Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Поздеева Юлия Владимировна — заведующая сектором электронных краеведческих ресурсов отдела краеведения Челябинской областной универсальной научной библиотеки

Прасолова Екатерина Вячеславовна — студентка факультета изобразительного искусства Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского (Челябинск)

Прилукова Екатерина Григорьевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Прокопенко Юлия Александровна — хранитель фонда документальных источников Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Пудовкин Сергей Игоревич — педагог дополнительного образования высшей категории Детско-юношеского центра «Мир» (Нижний Тагил)

Раковский Денис Вадимович — аспирант Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова

Растопчин Михаил Валерьевич — начальник Центра противопожарной пропаганды и общественных связей Главного управления МЧС России по Челябинской области (Пожарно-техническая выставка Челябинской области)

Редько Татьяна Ивановна — кандидат юридических наук, член Российского исторического общества (Москва)

Рудометова Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Рычков Александр Вениаминович — ветеран Министерства обороны Российской Федерации (Челябинск)

Рядова Алина Владимировна — студентка факультета изобразительного искусства Южно-Уральского государственного института искусств им. П. И. Чайковского (Челябинск)

Сибиряков Игорь Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Смирнова Марина Викторовна — научный сотрудник Верхнеуфалейского историко-краеведческого музея

Стоякин Игорь Вячеславович — краевед (Челябинск)

Сысов Александр Иванович — кандидат исторических наук, учитель истории средней общеобразовательной школы № 112 (Трехгорный)

Терехов Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, музеологии и документоведения Челябинского государственного института культуры

Титова Анна Николаевна — учащаяся средней общеобразовательной школы № 1 (Верхний Уфалей)

Феркель Владлен Борисович — краевед (Челябинск)

Хайрятдинов Рауил Касимович — научный сотрудник Пластовского районного музея

Чаплыгин Михаил Евгеньевич — кандидат технических наук, заведующий лабораторией «Технологии и машины для посева и уборки зерна и семян» Федерального научного агроинженерного центра ВИМ (Москва)

Червоняк Мария Анатольевна — заместитель председателя совета Челябинского областного отделения Общероссийской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество»

Чертогонова Светлана Исаковна — методист Музея истории медицины г. Челябинска

Шапиро Алексей Давидович — художник-реставратор Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Шафеева Ирина Евгеньевна — начальник пресс-центра Главного управления МЧС России по Челябинской области

Шуляк Екатерина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии

Шумская Екатерина Михайловна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск)

Щедрина Александра Юрьевна — магистрант кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ — Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
АМЗ — автоматно-механический завод
АН — Академия наук
АОАКИМР — Архивный отдел администрации Катав-Ивановского муниципального района
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
АТС — автоматическая телефонная станция
АЭС — атомная электростанция
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВМФ — Военно-морской флот
ВОВ — Великая Отечественная война
ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
вуз — высшее учебное заведение
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
г. — год; город
г. р. — год рождения
ГАВО — Государственный архив Владимирской области
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГИМЮУ — Государственный исторический музей Южного Урала
ГКО — Государственный комитет обороны
гл. — глава
горздравотдел — городской отдел здравоохранения
Госплан — Государственная плановая комиссия
ГОУ — государственное образовательное учреждение
ГПС — Государственная противопожарная служба
ГПТУ — городское профессионально-техническое училище
ГПУ — Государственное политическое управление
ГРЦ — Государственный ракетный центр
ГУ — Главное управление
губисполком — губернский исполнительный комитет
губкоммуналотдел — губернский коммунальный отдел
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения

- ГЭС — гидроэлектростанция
Д. — дело
дзот — деревоземляная огневая точка
дот — долговременная огневая точка
ЗАГС — отдел записи актов гражданского состояния
здравотдел — отдел здравоохранения
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
и. о. — исполняющий обязанности
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРПО — Императорское Российское пожарное общество
ИТК — исправительно-трудовая колония
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИТР — инженерно-технический работник
КГБ — Комитет государственной безопасности
км — километр
КНБ — Комитет национальной безопасности
коп. — копейка
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
Л. — лист
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
МГПИ — Магнитогорский государственный педагогический институт
МГУ — Московский государственный университет
Минздрав — Министерство здравоохранения
МИСиС — Московский институт стали и сплавов
МКС — Международная космическая станция
млн — миллион
МПС — Министерство путей сообщения
МТС — машинно-тракторная станция
МЧС — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомюст — Народный комиссариат юстиции
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКО — Народный комиссариат обороны
НКП — Народный комиссариат просвещения
НКТП — Народный комиссариат танковой промышленности
НКЮ — Народный комиссариат юстиции
нэп — новая экономическая политика
о. — отец
облоно — областной отдел народного образования
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
оз. — озеро
ОКБ — опытно-конструкторское бюро
ОКВ — Оренбургское казачье войско
ООН — Организация Объединенных Наций
Оп. — описание
ОПМК — Оружейная палата Московского Кремля
ОРС — отдел рабочего снабжения
п/я — почтовый ящик
ПВО — противовоздушная оборона

- ПКМ — Пермский краеведческий музей
ПО — производственное объединение
пос. — поселок
ППШ — пистолет-пулемет системы Шпагина
пр. — проспект
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
р. — река; родился
РАН — Российская академия наук
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГВА — Российский государственный военный архив
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РОВД — районный отдел внутренних дел
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПЦ — Русская православная церковь
РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. — рубль
РФ — Российская Федерация
с. г. — сего года
САУ — самоходная артиллерийская установка
САЭ — Советская антарктическая экспедиция
Св. — святой
СКБ — специальное конструкторское бюро
СМИ — средства массовой информации
СМП — строительно-монтажный поезд
СНК — Совет народных комиссаров
СНХ — Совет народного хозяйства
СПО — среднее профессиональное образование
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ссуз — среднее специальное учебное заведение
ст. — статья
США — Соединенные Штаты Америки
т — тонна
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
тов. — товарищ
тыс. — тысяча
УВЗ — Уральский вагоностроительный завод
ул. — улица
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
УРС — управление рабочего снабжения
УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф. — фонд
ФЗУ — фабрично-заводское ученичество
ФПС — Федеральная противопожарная служба
ФСБ — Федеральная служба безопасности
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
ЦА — Центральный архив
ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха
ЧГИК — Челябинский государственный институт культуры
ЧГКМ — Челябинский государственный краеведческий музей
ЧГПИ — Челябинский государственный педагогический институт
ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет

ЧИППКРО — Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования
ЧК — Чрезвычайная комиссия
ЧКПЗ — Челябинский кузнечно-прессовый завод
ЧМЗ — Челябинский металлургический завод
ЧОКМ — Челябинский областной краеведческий музей
ЧОУНБ — Челябинская областная универсальная научная библиотека
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод
ЧТПЗ — Челябинский трубопрокатный завод
ЧЭМК — Челябинский электрометаллургический комбинат
ЧЭЦЗ — Челябинский электролитный цинковый завод
ШРМ — школа рабочей молодежи
шт. — штука
ЮУЖД — Южно-Уральская железная дорога
ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Научное издание

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы тринадцатой региональной музейной конференции

Редактор *И. Н. Козырева*
Художественный редактор *А. В. Исаков*
Верстка *М. В. Максимов*

Формат 60×84/₈ Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура BaskervilleWin95BT
Печать офсетная
Усл. печ. л. 54,87
Тираж 200 экз.

Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей Южного Урала»
454091, г. Челябинск, ул. Труда, 100